

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

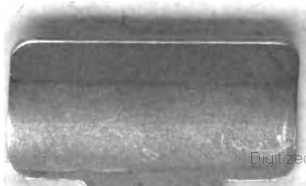
Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

UC-NRLF

B 3 026 989

copy

Russia, Min. nat. pros.

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ЧАСТЬ СЕМНАДЦАТАЯ.

UNIVERSITY OF CALIFORNIA

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1858.

L 451

A 4

v. 17: 1-2

TO YNU
AMERICA

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1838.

№ 1.

ГЕНВАРЬ.

I.

1. ВЫСОЧАЙШІЯ

ПОВЕЛѢНІЯ.

(За Декабрь мѣсяць.)

63. (2 Декабря) *О принятіи въ руководство по Министерству Народнаго Просвѣщенія изданныхъ для Министерства Внутреннихъ Дѣлъ Правилъ объ ответственности въ казенныхъ постройкахъ и заготовленіяхъ, производимыхъ хозяйственнымъ образомъ.*

Мнѣніемъ Государственнаго Совѣща, Высочайше утвержденнымъ 2 Декабря, повелѣно принявъ въ руководство по Министерству Народнаго Просвѣщенія Высочайше утвержденныя въ 10 день Сентября 1831 года по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ Правила объ ответственности по казеннымъ постройкамъ и заготовленіямъ, произво-

1

842169

димымъ хозяйственнымъ образомъ, которыя изложены Свода Законовъ, тома XII, Уставовъ Государственнаго Благоустройства, книги 2-й въ Уставахъ Строительныхъ.

64. (7 Декабря) *О раздѣленіи изъ положенныхъ при Гимназіяхъ Дерптскаго Учебнаго Округа десяти стипендій для бѣдныхъ учениковъ, четырехъ на двѣ равныя части.*

По внесенной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія въ Комисію Гг. Министровъ запискѣ, Государь Императоръ, согласно Положенію Комисіи, въ 7 день Декабря Высочайше повелѣшь соизволилъ: изъ назначенныхъ по Высочайше утвержденному 4 Іюня 1820 года Уставу Учебныхъ Заведеній Дерптскаго Учебнаго Округа, при каждой Гимназіи сего Округа, десяти стипендій по шриеста рублей въ годъ для бѣдныхъ учениковъ пѣтъ Гимназій, четыре раздѣлишь на двѣ половины, ш. е. по снгу пятидесяти рублей въ годъ, а остальные при каждой Гимназіи шестъ стипендій, назначашъ на прежнемъ основаніи, въ полномъ количествѣ.

65. (14 Декабря) *О назначеніи платы съ Своекоштныхъ Воспитанниковъ Пансіона при Гимназіи Ришельевскаго Лицея во девяностъ рублей въ годъ съ каждого.*

По разсмотрѣніи представленія Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа и сметы расходовъ на содержаніе 50 питомцевъ въ Пансіонѣ при Гимназіи Ришельевскаго Лицея, Г. Министръ Народнаго

Просвѣщенія ходатайствовали чрезъ Комитетъ Г. Министровъ о повелѣніи, дабы съ Своестошннхъ Воспитанниковъ Пансіона, учреждаемаго при Гимназіи Рашельевскаго Лицея, была на первый разъ назначена плата по девяносту рублей за каждаго, и дабы сверхъ сего предоставлено было усмотрѣнію и разрѣшенію Министрства Народнаго Просвѣщенія всякое дальнѣйшее, по возможности, уменьшеніе сей платы.

По Положенію о семъ Комитета, Государь Императоръ, въ 14 день Декабря сказанное представленіе Высочайше утвердиши соизволилъ.

66. (14 Декабря) *О раздѣленіи 3-хъ низшихъ классовъ Полтавской Гимназіи, каждаго на два отдѣленія, съ опредѣленіемъ для обученія въ оныхъ пяти добавочныхъ Учителей.*

По Положенію Комитета Г. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ Высочайше повелѣши соизволилъ: состоящіе нынѣ при названіи класса Полтавской Гимназіи раздѣлиши на параллельные имъ классы и для обученія въ оныхъ опредѣлиши пяти Учителей, которымъ производимы халованья изъ Государственнаго Казначейства по тысячѣ двѣсти рублей въ годъ каждому и при своихъ преимуществахъ, предоставленныхъ Уставомъ Учебныхъ Заведеній 8 Декабря 1828 года Младшимъ Учителямъ Гимназій.

67. (14 Декабря) *О прибавкѣ къ жалованью Учителямъ Рисованія въ Уѣздныхъ Училищахъ.*

По Положенію Комитета Г. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, въ 14 день сего Декабря, Высочайше повелѣшь соизволилъ: Учителямъ Рисованія, Черченія и Числописанія въ Уѣздныхъ Училищахъ, образованныхъ по Штатамъ 8 Декабря 1828 года, кромѣ Кавказской Области и Земли Черноморскаго Войска, производить, сверхъ положеннаго по симъ Штатамъ оклада, еще до трехъсотъ рублей въ годъ прибавочнаго жалованья, изъ экономическихъ суммъ тѣхъ Училищъ, по усмотрѣнію Начальствъ ихъ, съ разрѣшенія Министерства Народнаго Просвѣщенія.

68. (14 Декабря) *Объ учрежденіи при Чембарскомъ Уѣздномъ Училищѣ Благороднаго Пансіона.*

Одобривъ доставленные Г. Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа Управлявшему Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія Г. Оберъ-Прокурору Святѣйшаго Синода проекты Положенія и сметы расходовъ для Пансіона, учреждаемаго по постановленію Пензенскаго Дворянства, на счетъ онаго, при Уѣздномъ Училищѣ въ городѣ Чембарѣ, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія препроводилъ сіи проекты къ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ, который уведомилъ его, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по Положенію Комитета Г. Министровъ, въ слѣдствіе его представленія изволилъ

14 Декабря изъявиль Высочайшее соизволеніе на приведеніе въ дѣйствіе означеннаго поспановленія Пензенскаго Дворянства, съ тѣмъ, чтобы предполагаемый симъ поспановленіемъ сборъ денегъ съ помѣщиковъ былъ производимъ тѣмъ же порядкомъ, какой усановленъ дополненіемъ къ 512 ст. Продолж. 4 т. Свода Зак. Усп. о Земскихъ повинностяхъ, для сбора денегъ жертвуемыхъ Дворянствомъ на учрежденіе и содержаніе Пансіоновъ при Гимназіяхъ: при чемъ послѣдовало собственноручное Его Императорскаго Величества Повелѣніе: «благодариль чрезъ М: В: Дѣль.»

69. (23 Декабря) *О ценсурѣ Восточныхъ книгъ въ городѣ Тифлисъ.*

По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, на основаніи заключенія Главнаго Управленія Ценсуры о разсмаприваніи Восточныхъ книгъ въ городѣ Тифлисъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣль соизволиль: разсмаприваніе книгъ, издаваемыхъ въ Тифлисъ на тамошнихъ нарѣчіяхъ, подчиниль вѣдомству Главноуправляющаго Грузіею, Кавказскою и Закавказскими Обласіями.

70. (23 Декабря) *О дозволеніи Ординарному Профессору Ульману издавать въ Дерптѣ по временное сочиненіе.*

Въ 23 день Декабря послѣдовало Высочайшее Его Императорскаго Величества Повелѣніе о дозволеніи Ординарному Профессору Ульману из-

давань въ Дирпль цвременное сочиненіе подъ заглавіемъ : Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.

71. (24 Декабря) *О дополнительной по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія вѣдомости къ росписанію должностей по классамъ и къ разрядамъ по пенсіямъ и по мундирамъ.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Гг. Министровъ, въ 24 день Декабря Высочайше утвердишь соизволилъ дополнительное росписаніе должностей по вѣдомству Министерства Народнаго Просвѣщенія, съ означеніемъ ихъ къ соопвѣстственнымъ классамъ должностей и разрядамъ пенсіонныхъ окладовъ и мундировъ.

Государь Императоръ разсмапривашь изво-
лилъ, въ С. Петербургѣ, 24 Декабря 1837 года.

Статсъ-Секретарь Бахтинъ.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ

НО ВѢДОМСТВУ

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ВѢДОМОСТЬ

КЪ РОСПИСАНІЮ ДОЛЖНОСТЕЙ ПО КЛАССАМЪ И КЪ
РАЗРЯДАМЪ ПО ПЕНСИЯМЪ И ПО МУНДИРАМЪ.

I. По росписанію должностей по классамъ.	Классы.
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, по части управления фундашами и имѣніями.	VI.
Инспекторы Студенцовъ въ Университетсахъ	VI.
Директоры Гимназій и Училищъ.	VI.
Инспекторы Гимназій, при которыхъ учреждены Благородные Пансіоны.	VII.
Штатные частные Преподаватели въ Дерптскомъ Университетѣ	VIII.
Начальникъ Типографіи Московскаго Университета	VIII.
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи.	IX.
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	X.
Младшій Помощникъ Начальника Архива Департамента Народнаго Просвѣщенія.	X.
Бухгалтеры при Гимназіяхъ и Дирекціяхъ Училищъ.	XII.

	Классы.
Смотрители за домами, магазинами и мастерскими и приемщики объявленій при Московской Университетской Типографіи.	XIV.
Педали при Университетскихъ и Лицеяхъ (за урядъ).	XIV.
Чины Временныхъ Штатовъ.	
<i>а) По постройкѣ Главной Обсерваторіи.</i>	
Главный Архитекторъ	VI.
Каменныхъ дѣлъ мастеръ.	IX.
Коммиссаръ.	IX.
Чертежники.	XIV.
Секретаръ.	IX.
Главный Бухгалтеръ.	IX.
Помощникъ Бухгалтера	XIV.
Кассиръ.	IX.
<i>б) Строительнаго при Казанскомъ Университетѣ Комитета.</i>	
Бухгалтеръ, онъ же и Секретаръ.	IX.
Коммиссіонеръ.	XII.
<i>в) Строительнаго Комитета при Ришельевскомъ Лицеѣ.</i>	
Архитекторъ - Строитель.	VI.
Помощникъ Архитектора - Строителя, онъ же и Коммиссаръ.	IX.
Секретаръ, онъ же и Бухгалтеръ.	X.
II. По разрядамъ мундировъ.	
	Разряды
Почетные Попечители Гимназій.	V.
Правитель Канцеляріи Департамента Народнаго Просвѣщенія.	VI.
Редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	VI.

	Разряды
Инспекторы Казенныхъ Училищъ.	VI.
Членъ Совѣта Попечителя Кіевскаго Учебнаго Округа, по части управления фундашами и имѣніями.	VI.
Инспекторы Студентовъ въ Университетсахъ.	VI.
Директоры Гимназій и Училищъ.	VI.
Инспекторы Гимназій, при которыхъ учреждены Благородные Пансіоны.	VII.
Штатные частные Преподаватели въ Дерптскомъ Университетѣ.	VII.
Наблюдатель при Университетской Обсерваторіи въ Дерптѣ.	VII.
Члены Археографической Коммиссіи.	VII.
Библіотекаръ Департамента Народнаго Просвѣщенія.	VIII.
Смошритель за Щукинѣмъ дворомъ.	VIII.
Начальникъ Типографіи Московскаго Университета.	VIII.
Старшій Помощникъ Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	VIII.
Правители Канцелярій при Попечителяхъ Учебныхъ Округовъ.	VIII.
Библіотекари Университетскіе.	VIII.
Правитель дѣлъ Археографической Коммиссіи.	VIII.
Смошритель Конвикта для бѣдныхъ Дворянъ при 1-й Кіевской Гимназій.	VIII.
Врачи при Учебныхъ Заведеніяхъ 2 и 3 разрядовъ, имѣющіе званіе Докторовъ.	VIII.
Врачи при Учебныхъ Заведеніяхъ 2 и 3 разрядовъ, имѣющіе званіе Штабъ-Лекарей или Медикохирурговъ.	IX.
— — — званіе Лекарей.	X.
Издашеть вѣдомостей при Московскомъ Университетѣ.	IX.
Книгохранитель Департамента Народнаго Просвѣщенія.	IX.
Помощники Инспекторовъ Студентовъ.	IX.
Столочальники въ Канцеляріяхъ Попечителей Учебныхъ Округовъ.	IX.

	Разряды
Секретарь Правленія Ришельевского Лицея.	IX.
Секретари Совѣщовъ Университетскихъ.	IX.
Спаршій Учитель Русскаго языка и Словесности въ Ревельскомъ Дворянскомъ Домскомъ Училищѣ.	IX.
Учитель Геодезіи и черченія въ Училищѣ Землемѣровъ при 1-й Киевской Гимназіи.	IX.
Секретарь Библиотеки Университета Св. Владимира.	IX.
Чиновники Археографической Комиссіи.	IX.
Художники Археографической Комиссіи.	IX.
Помощники Прозекшоровъ.	IX.
Помощники издателя вѣдомостей при Московскомъ Университетѣ.	X.
Архитекторы при Лицеяхъ и при Учебныхъ Округахъ.	X.
Архитекторъ при Закавказской Дирекціи.	X.
Младшіе Помощники Редактора Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	X.
Младшій Помощникъ Начальника Архива Департамента Народнаго Просвѣщенія.	X.
Помощники Сподоначальниковъ въ Канцеляріяхъ Учебныхъ Округовъ.	X.
Учители рисованія въ Университетахъ и Главномъ Педагогическомъ Институтѣ.	X.
Помощники Начальниковъ Университетскихъ Типографій.	X.
Учители музыки и пѣнія при начальной Учительской Семинаріи въ Дерптѣ.	X.
Бухгалтеръ Университетской Типографіи въ Москвѣ.	X.
Факторы Университетскихъ Типографій.	X.
Бухгалтеры при Гимназіяхъ и Дирекціяхъ Училищъ.	X.
Учители музыки и пѣнія при Гимназіяхъ Дерптскаго Учебнаго Округа.	X.

Ч И Н Ы В Р Е М Е Н Н Ы Х Ш Т А Т О В Ъ .		Разряды
<i>а) По постройкѣ Главной Обсерваторіи:</i>		
Главный Архитекторъ		VII.
Каменныхъ дѣлъ мастеръ		IX.
Коммиссаръ		IX.
Чертежники		X.
Секретаръ		IX.
Главный Бухгалтеръ		IX.
Кассиръ		IX.
<i>б) Строительнаго при Казанскомъ Университетѣ Комитета.</i>		
Бухгалтеръ, онъ же и Секретаръ		IX.
Коммиссіонеръ		X.
<i>в) Комитета для возведенія зданій Ришельевского Лицея.</i>		
Архитекторъ-Спроецель		VII.
Помощникъ Архитектора - Спроецеля, онъ же и Коммиссаръ,		X.
Секретаръ, онъ же и Бухгалтеръ		IX.
III. По разрядамъ пенсій.		
Привѣтъ Канцеляріи Департамента Народнаго Просвѣщенія	III разр. 2 ст.	1500 р.
Редакторъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія	III — 2 —	1500 —
Членъ Совѣта Попечителя Кіевского Учебнаго Округа, по части управленія фундами и имѣніями	III — 2 —	1500 —
Члены Археографической Комиссіи	V —	1000 —
Старшій Помощникъ Редак-		

	Разряды.
тора Журнала Министер- ства Народнаго Просвѣ- щенія.	V — 1000 р.
Библиошекари Университет- скіе.	V — 1000 —
Смотритель за Шукинымъ дворомъ.	VI — 750 —
Правители Канцелярій при Попечителяхъ Учебныхъ Ок- руговъ.	VI — 750 —
Правитель дѣлъ Археографи- ческой Коммисіи.	VI — 750 —
Секретарь Библиотеки Уни- верситета Св. Владиміра.	VI — 750 —
Начальники Университет- скихъ Типографій (кроме Московской).	VI — 750 —
Чиновники Археографической Коммисіи.	VII — 600 —
Слободначальники въ Канце- ляріяхъ Попечителей Учеб- ныхъ Округовъ.	VIII — 450 —
Секретарь Правленія Рижель- скаго Лицея.	VIII — 450 —
Архитекторы при Лицеяхъ и при Учебныхъ Округахъ.	VIII — 450 —
Архитекторъ при Закавказ- ской Дирекціи.	VIII — 450 —
Секретари Совѣтовъ Универ- ситетскихъ.	VIII — 450 —
Художники Археографической Коммисіи.	VIII — 450 —
Младшіе Помощники Редакто- ра Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія.	VIII — 450 —
Помощники Слободначальни- ковъ въ Канцеляріяхъ По- печителей Учебныхъ Окру- говъ.	IX — 300 —
Помощники Начальниковъ Уни- верситетскихъ Типографій (кроме Московской).	IX — 300 —

Факторы Университетских Типографій (кромѣ Москов- ской).	Разряды
	IX — 300 р.
Чины Временныхъ Шта- товъ.	
<i>а) По постройкѣ Главной Обсерваторіи.</i>	
Главный Архитекторъ.	III разр. 2 ст. 1500 р.
Коммиссаръ.	VII — 600 —
Каменныхъ дѣлъ мастеръ.	VIII — 450 —
Секретарь.	VIII — 450 —
Главный Бухгалтеръ.	VIII — 450 —
Кассиръ.	VIII — 450 —
Чертежники.	IX — 300 —
Помощникъ Бухгалтера.	IX — 300 —
<i>б) Строительнаго при Ка- занскомъ Университетѣ Ко- митета.</i>	
Бухгалтеръ, онъ же и Се- кретарь.	VIII — 450 —
Коммиссіонеръ.	IX — 300 —
<i>в) Комитета для возведенія зданій Ришельевскаго Лицея:</i>	
Архитекторъ-Строитель.	III разр. 2 ст. 1500 р.
Помощникъ Архитектора- Строителя, онъ же и Коммиссаръ.	VIII — 450 —
Секретарь, онъ же и Бух- галтеръ.	VIII — 450 —
Подлинное подписалъ: Министръ Народнаго Просвѣщенія Сергій Уваровъ.	

72. (30 Декабря) *Объ учрежденіи въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ кафедры Россійской Исторіи съ опредѣленіемъ на оную Экстраординарнаго Профессора.*

Государь Императоръ, по Положенію Комитета Г. Министровъ, въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Высочайше повелѣть соизволилъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ учредить кафедру Россійской Исторіи, съ опредѣленіемъ на оную Экстраординарнаго Профессора, коему производить жалованья по двѣ тысячи восьмисотъ рублей и квартирныхъ по восьмисотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ Института.

73. (30 Декабря) *Объ опредѣленіи, въ какомъ классѣ должностей и въ какихъ разрядахъ по пенсіи и мундиру считать званіе Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія.*

По Положенію Комитета Г. Министровъ на представленіе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія Государю Императору благоугодно было изъявить Высочайшее соизволеніе: распространить на Директора Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія права Директоровъ Канцелярій другихъ Министерствъ, и въ слѣдствіе того: 1) не вносить сего званія въ росписаніе должностей по классамъ, и 2) отнести его по пенсіи ко второму, а по мундиру къ четвертому разрядамъ.

74. (30 Декабря) *О сокращеніи однимъ годомъ курса ученія въ Первой С. Петербургской Гимназіи.*

Государь Императоръ , по Положенію Комисіи Гг. Министровъ , въ слѣдствіе представленія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія въ 30 день Декабря Высочайше повелѣшь соизволиль : сократить нынѣ въ Первой С. Петербургской Гимназіи курсъ ученія однимъ годомъ , такъ чшобы, вмѣсто семи лѣтъ , оканчивался оный въ шесть лѣтъ , съ распространеніемъ сего же , по усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія , и на другія Гимназіи , въ коихъ воспитывающіеся дѣти благороднаго сословія и признано будетъ нужнымъ прекратить пріемъ вольнопреходящихъ учениковъ .

О П Р Е Д Ъ Л Е Н І Я И Н А Г Р А Ж Д Е Н І Я .

О п р е д ѣ л е н ы :

По Главному Управленію Цензуры.

Сшашскій Совѣтникъ *Гаевскій* — независимо отъ должности Вице-Директора Департамента Народнаго Просвѣщенія , освалень при временномъ исправленіи обязанности Цензора при С. Пешербургскомъ Ценсурномъ Комисетѣ (23 Декабря) ; Ординарные Профессоры Университета Св. Владиміра *Богородскій* и *Новицкій* опредѣлены Цензорами Кіевскаго Ценсурнаго Комитета (26 Декабря).

По Университетамъ.

По Дерптскому: Ординарный Профессоръ *Нейе*
— Рекшоромъ на 1838 годъ (7 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Харьковскому: Чиновникъ 6 класса *Тул-
новъ* — Почетнымъ Попечителемъ Воронежской Гимназіи
на слѣдующее прехлѣтіе (14 Декабря).

По Кіевскому: Ошставной Прапорщикъ *Мар-
шицкій* — Почетнымъ Попечителемъ Кіевскихъ Гимназій
на остальное время текущаго прехлѣтія (7 Декабря).

По Одесскому: Дѣйствительный Статскій Со-
вѣтникъ Баронъ *Франкъ* — Почетнымъ Попечителемъ
Таганрогской Гимназіи (14 Декабря).

У в о л е н ы :

По Ришельевскому Лицею.

Исправляющій должность Профессора *Городецкій*
— отъ занимаемой имъ должности и отъ другихъ за-
нятій на одинъ годъ для поправленія здоровья (7
Декабря).

По Кіевскому Учебному Округу.

Ошставной Полковникъ *Монтрезоръ* — отъ дол-
жности Почетнаго Попечителя Кіевскихъ Гимназій, по
прошенію (7 Декабря).

Н а г р а ж д е н ы :

Подарками.

Начальникъ Горныхъ Инженеровъ Царства Поль-
скаго *Жирандъ* (16 Декабря) и Профессоръ Виленской

Медикохирургической Академіи *Эйтвальдъ* (17 Декабря) — бриллианшовыми перстнями, за поднесеніе Его Величеству, нагадныхъ ими сочиненій: 1-мъ Описанія изобрѣтенныхъ ими инструментовъ хроношермометра и метеорографа, а 2-мъ экземпляра 2-го Тома Пушешествія его по Каспійскому морю и Кавказскимъ горамъ.

Членъ Коммисіи Училища Сестренцевича, находящагося при здѣшней Римско-Католической церкви Св. Станислава, Смотритель С. Петербургскихъ Училищъ Титулярный Совѣтникъ *Эрке* — за службу его по званію Члена означенной Коммисіи (23 Декабря).

Профессоръ Александровскаго Университета *Соловьевъ* — за пожертвованные имъ въ пользу Археологической Коммисіи древніе Акты (28 Декабря).

Отъ Ея Величества Государыни Императрицы:

Коллежскій Совѣтникъ *Кистеръ* — бриллианшовымъ перстнемъ, за поднесеніе сочиненныхъ имъ учебныхъ книгъ.

2. МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Декабрь мѣсяць).

51. (8 Декабря) *О введеніи дополнительныхъ курсовъ Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ.*

Для опклоненія причинъ многочисленности учениковъ въ низшихъ классахъ Орловской Гимназіи, препятствующей успѣшному ходу ученія, и для доставленія возможности окончившимъ курсъ ученія въ тамошнемъ Уѣздномъ Училищѣ поступать прямо въ претій классъ Гимназіи, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, чпобы въ Орловскомъ Уѣздномъ Училищѣ введено было преподаваніе Латинскаго и Нѣмецкаго языковъ, съ распространеніемъ предметовъ обученія въ оныхъ, соотвѣстственно объему ученія въ первыхъ двухъ классахъ Гимназіи.

52. (8 Декабря) *О введеніи параллельнаго класса въ Нижегородскомъ Пансіонѣ.*

По уваженію причинъ, изложенныхъ въ представленіи Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на открытіе въ Пансіонѣ при Нижегородской Гимназіи параллельныхъ классовъ для Фран-

русскаго языка, съ порученіемъ преподаванія въ нихъ Учителю шамошней Гимназіи Монфору, съ производствомъ ему за сіе по пятисотъ рублей въ годъ изъ бюджета оныхъ штатныхъ суммъ Пенсіона.

53. (15 Декабря) *О дозволеніи имѣть при Оренбургской Дирекціи Бухгалтера.*

По предсѣвленію Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія изъявилъ согласіе на опредѣленіе при Оренбургской Дирекціи Училищъ Бухгалтера, съ жалованьемъ по пятисотъ рублей въ годъ изъ хозяйственныхъ суммъ шамошней Гимназіи.

54. (22 Декабря) *О дозволеніи Профессору Дорву читать лекціи Санскритскаго языка.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе предсѣвленія Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ состоящему при Учебномъ Отдѣленіи Восточныхъ языковъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ Профессору Дорву открывать въ здѣшнемъ Университетѣ безмездное чтеніе лекцій Санскритскаго языка, въ такое время, которое бы не препятствовало настоящему расположенію учебныхъ часовъ.

55. (22 Декабря) *О преподаваніи Восточныхъ языковъ въ Астраханской Гимназіи.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ слѣдствіе предсѣвленія Г. Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ освободить учениковъ

Астраханской Гимназіи, обучающихся языкомъ Персидскому и Татарскому, ошь изученія языкомъ Славянскаго и Пьемцакаго, высшихъ частей Математики и Физики, Черченія и Рисуванія, по при- мѣру обучающихся Восточнымъ языкамъ въ Царской Казанской Гимназіи.

56. (30 Декабря) *О дозволеніи всесторонне Александрийскомъ Уездномъ Училищѣ преподаваніе Латинскаго и Французскаго языковъ.*

Г. Попечитель Одесскаго Учебнаго Округа входилъ съ представленіемъ о дозволеніи Учителю Русскаго языка при Александрийскомъ Уездномъ Училищѣ Быковскому преподавать при ономъ Латинскій, а Учителю Историческихъ Наукъ Абышкину Французскій языкъ, безъ всякаго жало- ванья за сей трудъ.

На сіе Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія изъядено согласіе.

ОПРЕДВЛЕНІЯ И УВОЛЬНЕНІЯ.

Опредѣлены:

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Уволенный отъ военной службы Поручикъ Челомъ — Помощникомъ Бухгалтера и Контролера (14 Де- кабря).

По Университетамъ.

По Московскому: Директоръ Высшей Обсер- ваторіи, Профессоръ-Астрономъ *Липсовъ* — универ-

жденъ Почетнымъ Членомъ Университета (22 Декабря).

По Университету Св. Владимира: Кандидатъ Дерптскаго Университета *Ведоровъ* — Исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора по кафедрѣ Астрономіи (11 Декабря); Ординарный Профессоръ *Богородскій* — Проректоромъ и Деканомъ Юридическаго Факультета на одинъ годъ (31 Декабря); уволенный отъ Военной службы для опредѣленія къ Спальскимъ кадрамъ съ чиномъ Типулярнаго Совѣтника, прикомандированный къ Дворянскому Полку Штабъ-Капитанъ *Сазанскій* — Помощникомъ Инспектора Студенцовъ (15 Декабря).

По Ришельевскому Лицею.

Надворный Совѣтникъ *Деларю* — Инспекторомъ (1 Декабря); Архитекторъ 8 класса *Дилтъ* — Строителемъ зданія Лицея (31 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Подпоручикъ *Варенцовъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Палачскаго Уѣднаго Училища (31 Декабря); отставной 2 класса *Никитовъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Мологскаго Уѣднаго Училища (22 Декабря).

По Харьковскому: Полковникъ *Мельниковъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Втораго Донскаго Округнаго Училища (15 Декабря).

По Бѣлорусскому: Исправляющею должность Директоровъ Училищъ: Виленской Губерніи — Надворный Совѣтникъ *Устиновъ*, Милоской Губерніи — Коллежскій Ассесоръ *Орловъ*, и Динабургской Гимназіи — Коллежскій Совѣтникъ *Островскій* — утверждены въ званіи Директоровъ означенныхъ Училищъ (8 Декабря); Медикохирургъ *Гайдапель* — Врачомъ при

Слонимскомъ Уездномъ для Дворянъ Училищъ съ оставленіемъ его и въ настоящей должности тамошняго Уезднаго Врача (22 Декабря).

У в о л е н ы :

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Надворный Совѣтникъ *Томашевскій* — оупъ должности Чинovníка особыъ порученій, по прошенію (30 Декабря).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: Адъюнктъ-Профессоръ *Папкинъ* — оупъ занимаемой имъ должности, по прошенію (30 Декабря).

По Учебнымъ Округамъ.

По Московскому: Флота Капитанъ-Лейтенантъ *Уиковскій* — оупъ должности Директора Московскаго Дворянскаго Института, по прошенію (31 Декабря); Подпоручикъ *Евѣланновъ* — оупъ должности Почетнаго Смотрителя Угличскаго Уезднаго Училища, по прошенію (22 Декабря).

По С. Петербургскому: Статскій Совѣтникъ *Левенгагенъ* — оупъ должности Почетнаго Смотрителя Островскаго Уезднаго Училища, по прошенію (31 Декабря).

По Харьковскому: Почетный Смотритель Ставропольскаго Высшаго Уезднаго Училища *Серебряковъ* — оупъ занимаемой имъ должности, по случаю преобразования Ставропольскаго Уезднаго Училища въ Кавказскую Областную Гимназію (15 Декабря).

По Казанскому: Почетный Смотритель Орловскаго Уезднаго Училища *Смлягинъ* — оупъ занимаемой имъ должности, по прошенію (22 Декабря).

II.

И А У К И.

1.

ОБЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ЗНАЧЕНИИ РОССИИ,

РЪЧЬ,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ИМПЕРАТОРСКОМЪ ДЕРПТ-
СКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, ВЪ ВЫСОКОТОРЖЕСТВЕННЫЙ
ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО
ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИ-
ЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ѲЕОДОРОВНЫ, ПРОФЕС-
СОРОМЪ РУССКАГО ЯЗЫКА И РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ
М. РОЗВЕРГОМЪ (*).

Le peuple russe n'est pas une bagatelle.

Napoléon.

La Russie, jeune encore au milieu du vieux continent, grandit depuis un siècle avec une rapidité singulière. Son avenir est d'un poids immense dans nos destinées.

Les destins de la Russie sont aujourd'hui le champ ouvert à toutes les méditations. Ces terres du Septentrion ont déjà plusieurs fois jeté le torrent de leurs peuples à travers l'Europe et l'Asie. Les Français de nos temps ont vu, entre autres merveilles, paître dans les gazons des Tailleries des chevaux qui avaient coutume de brouter l'herbe au pied de la grande muraille de la Chine.

Victor Hugo.

Мм. Гг.

Торжештво, насъ шеперь соединяющее, посвя-
щенное Тезоименишству ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕ-

(*) Рѣчь эта была произнесена на Французскомъ языкѣ.

личества Государыни Императрицы, семейному празднику для всей Россіи, должно невольно возноситься мысли наши къ судьбамъ нашего славнаго Отечества, — къ судьбамъ такой обширной Державы, о коей одинъ знаменитый Писатель справедливо сказалъ, что ее надобно разсматривать не наравнѣ съ прочими Государствами, но какъ особую часть Свѣта.

Въ самомъ дѣлѣ, если обратимъ вниманіе на ея географическое положеніе, почти неприспупное, на безмѣрное пространство ея владѣній, на ея неисчислимыя средства, на разнообразіе ея климатовъ, благопріятствующихъ всѣмъ родамъ промышленности, на моря, ея омывающія, большія рѣки, пересѣкающія ея по всѣмъ направленіямъ, на ея народъ трудолюбивый, умный, неустрашимый, говорящій однимъ изъ самыхъ изящныхъ языковъ, которые когда-либо звучали на Земномъ Шарѣ: мы невольно сознаемся, что Россія занимаетъ важное мѣсто въ общемъ составѣ Человѣчества. Бытописанія подтверждаютъ это мнѣніе, принятое даже закоренѣлыми врагами нашими, еще не вполне ослѣпленными завистью и ненавистью. Громъ оружія нашего раздавался въ ледяныхъ степяхъ Лапландіи, на берегахъ По, Сены и Евфрата, на волнахъ Архипелажскихъ; подъ стѣнами Константинополя, у подошвы Арарата и въ Америкѣ.

Государство, обнаруживающее столь могучую внѣшнюю дѣятельность, не можетъ существовать напрасно; оно должно имѣть цѣль, предопредѣленную Провидѣніемъ; и достигая этой цѣли, проходя разныя измѣненія своего развитія вещес-

выннато, общеполитическаго и нравственнаго. По всей Европѣ, Россіи суждено прекратить кровавые раздоры Запада съ Востокомъ, согласить иль распрѣ, законить ихъ долгую идиллію и слить въ необыкновенно дѣло своемъ разнородныя стихіи обихъ враждующихъ опоронъ.

Исторію, Историкъ болѣ поэтическій, нежели Философъ, первый замѣтилъ борьбу Европы съ Азією. Борьба сія не случайная; она не происходитъ ни отъ честолюбія, ни отъ прихоти людей, — причинъ второстепенныхъ, побочныхъ; борьба сія необходима и неизбежна. Это война двухъ разнородныхъ образованій (civilisations), двухъ противоположныхъ спремлей: война духа Западнаго съ духомъ Восточнымъ. Они враждуютъ съ самой ошдженной злои, и каждый ищетъ подавить другаго. Чѣмъ кончится брань сія? кѣмъ будетъ побѣдѣнъ, побѣдителемъ и побѣжденнымъ? Философія Исторіи не предсказываетъ будущаго, не смываетъ въ тайники Провидѣнія. Она можетъ только опредѣлить, разсматривая событія, какой, по видимому, законъ обнаруживается въ борьбѣ, или обособленной, и какому правилу повиновались происшествія, съ нею соединенныя.

Но сей законъ, сіе правило, мы смѣло говоримъ вамъ, отъ возрастающее могущество Сѣвернаго міра. Вредемъ бѣглый взглядъ на Исторію.

Европейскій міръ возникаетъ въ Греціи: здѣсь начинается восстаніе Запада противъ Востока. Греціи, за 1500 лѣтъ до Р. Х., вся принадлежащая Восточнымъ населеніямъ. Все тамъ Египетское, Фригійское; все, наконецъ, дышитъ Азією. Ел-

линское племя, поколѣнія Іанеца и баснословнаго Промедея набѣгають съ Кавказа и возмущають господство недвижнаго образованія. Они шоржеспавають оружіемъ, какъ всегда Сѣверъ шоржеспауетъ симъ средствомъ надъ Полуднемъ; но Воспочные нравы скоро побѣждаютъ ихъ: они спавоившая добычею Азіи: немедленно являюцца Ираклиды; закаленные въ обычаяхъ и духъ Сѣвера, они снова начинають возспаніе Запада, и для Греціи дѣлають по же, что Карловинги сдѣлали для Франціи. Ираклиды водворяють въ Греціи духъ Западный, какъ во Франціи Карловинги водворили аладычество Германскаго духа. Они оспанавливають Грецію на перевѣсъ къ образованію Азійскому, какъ остановили Карловинги Францію на перевѣсъ къ спарому Римскому образованію. Они создаютъ для нея новую судьбу. Со времени Ираклидовъ существуетъ уже Европа, существуетъ міръ Западный, еще слабый и спѣсновный въ небольшой спранѣ, но способный прошивостоять нападеніямъ своего соперника и упрямо приверженный къ собственнымъ обычаямъ.

Война Персидская разишельнымъ образомъ доказываетъ сказанное нами. Воспокъ, раздраженный сопротивленіемъ этой нищожной Европы, воздвигаетъ прошивъ нея свои безчисленные войска. Онъ хочеть задавить раждающійся Западный міръ всею шажестію міра Азійскаго. Онъ побѣжденъ при Марафонѣ, Саламицѣ, Плашеѣ, небольшихъ сраженіяхъ, если смотрѣть на число побѣдишелей, но важныхъ и великихъ, если обратимъ вниманіе на ихъ послѣдствія: ибо они рѣшили участь Евро-

пейскаго образованія. И Провидѣніе, которое вѣнчаешь славою подвиги человѣческіе по мѣрѣ того, какъ они болѣе или менѣе относятся къ цѣлямъ его, даровало побѣдамъ Грековъ славу несокрушимую.

Преперпѣвъ пораженіе при Саламинѣ и Платей, Востокъ началъ выжидать время и развращать роскошью своихъ нравовъ. Скоро Греція опять спала клониться къ Азіи. Великій Царь, съ эпохи Аншаквидскаго договора, располагаетъ по своей волѣ жребіемъ Греціи. Что будетъ съ Европейскимъ міромъ? Не бойтесь за него: на Сѣверѣ, какъ и всегда, возникаетъ Держава, призванная внести оружіе въ самую средину Азіи. Это Держава Македонская; но подвигъ ея великъ и непродолжителенъ. Преемники Александра опдаются Азіи: Пшоломен, Селевки не иное что, какъ Цари Восточные. Востокъ, отступившій предъ Западомъ, возвращается, захватываетъ своего соперника, и готовъ его уничтожить. Является Римъ — Востокъ побѣжденъ снова. Каждый разъ потеря его значительнѣе, пораженіе его обширнѣе; не смотря на то, онъ все еще удерживаетъ свое первенство, и если не умѣетъ побѣждать, по крайней мѣрѣ умѣетъ поглощать своихъ побѣдителей.

На чемъ основано это первенство, переживающее столько бѣдствій? На обстоятельстве рѣшительномъ: Востокъ имѣетъ на своей сторонѣ большинство образованныхъ народовъ. Какіе народы въ тогдашнее время были написаны духомъ Европейскимъ? Греки и Римляне; Греція и Испанія

составляли всю Европу, и въ этой истинной Европѣ сколько еще Азіатскаго! Рабство, домашній полъ женщинъ, и скоро въ Римѣ деспотизмъ. Помощише, напрошивъ, сколько странъ образованныхъ по духу Воспочному: Египеть, Сирія, Поншь, Арменія, Греческія поселенія въ Азіи, копорыя каждый день все болѣе и болѣе сближались съ нею по обычаямъ, понятіямъ, вѣрѣ. Слѣдовательно, Воспокъ имѣлъ на своей сторонѣ колѣсипвенное большинство образованныхъ народовъ, и даже въ Европейскомъ мѣрѣ большинство понятій принадлежало также ему.

Вопъ чѣмъ объясняется въ древнемъ мѣрѣ преимущество Воспока и та чудесная сила, съ какою онъ поглощаль, однихъ за другими, всѣхъ своихъ побѣдителей: Грековъ, Македонянъ, Римлянъ. Римъ есть послѣдній, величайшій его добыча, и, помощише, сколько упошребилъ онъ времени на приобрьшеніе оной, начиная отъ Лукулла, перваго Азіатскаго Римлянина, до Діоклетіана, при которомъ преобразование совершлось: не только Воспокъ потерялъ много времени, — ему еще надобно было сдѣлать важныя уступки. Сравните въ этомъ отношеніи поглощеніе Державы Македонской съ поглощеніемъ Римской Державы: какаѣ разница! Сколько первое, не говорю уже быспрѣ, но очевиднѣе, вѣрнѣ втораго! Во время преобразования Македонянъ, рабство съ одной стороны и порабощеніе женщинъ съ другой, оспраются неприкосновенными. Во время Римскаго преобразования, рабство начинаетъ колебаться, и женщины освобождены. Это поглощеніе неполное, шрудное,

показываетъ, что сила Азійскаго образованія считала уже слабѣе, и что Европейское образованіе непрерывно росло и усиливалось. Въ тогдашнюю эпоху, міръ представлялъ собою нѣчто среднее: онъ былъ Полуазіатскій, Полуевропейскій. Это скорѣе было смѣшеніе, нежели средство; такое состояніе обществу любопышно наблюдать въ послѣдовательномъ порядкѣ Римскихъ Императоровъ; оба духа, борющіеся въ Государствѣ: духъ Восточный и духъ Европейскій, попеременно имѣютъ Императоровъ, каждый своей школы. Адрианъ принадлежить школѣ Азіиской, Маркъ-Аврелій школѣ Европейской.

Вскорѣ Христіанство озарило живопворнымъ свѣтомъ своимъ Востокъ и Западъ (*). Но хотя Церковь на Западѣ въ послѣдствіи подъ управленіемъ Папъ и приняла цвѣтъ Европейскій, Констанціанъ воздвигалъ престоль Имперіи на предѣлахъ Востока, и Востокъ такимъ образомъ все еще первенствовалъ: большинство было на его сторонѣ. Галлія, опчаспи покоренная Западному образованію, не вознаграждала опложенія Имперіи Римской, съ каждымъ днемъ болѣе рѣшишельнаго.

Общество не могло оставаться въ этой нерѣшимости. Востокъ былъ смѣшанъ съ Европой. Оба противоположные міра, опъ взаимнаго пренія, ослабѣвали и теряли свою естественную твердость. Надобно было, чтобы или одинъ изъ нихъ поглотилъ другаго, или каждый обратился къ сво-

(*). Словамъ ниже нѣсколько словъ объ этихъ предметахъ, который никакъ не можетъ быть оставленъ безъ особаго вниманія. *Ред.*

ему природному гению. Такое спремленіе обнаружилось двумя великими событіями: однимъ, чисто Европейскимъ — вторженіемъ Варваровъ, другимъ чисто Азійскимъ — закономъ Магомета.

Варвары нахлынули вмѣстѣ изъ всѣхъ глубинъ Сѣвера. Тогда Европа еще разъ была основана, но прочтѣ нежели во времена Ираклидовъ, Александра или Рима. Полторы тысячи лѣтъ независимости и наспоющее преимущество Запада надъ Восподомъ неопровержимо доказываютъ величіе ашого новаго основанія.

Вторженіе Варваровъ еще не доставило Европѣ большинства голосовъ въ мѣръ; но по крайней мѣрѣ успаногулось равенство: Европейское образованіе, съ ашой эпохи, имѣя на своей споронѣ Францію, Англію, Испанію и Германію, смѣло ратовало пропивъ образованія, ему враждебнаго, которое уже не могло ни побѣдить его, ни подвергнушь исключительному своему галіанію. Сіе равенство существовало пятнадцать вѣковъ. Россія, пому назадъ спо лѣтъ и болѣе, вспунила въ общую сферу Европы. Тутъ на спорону Европы перешло большшинство, и преимущество, которое есть слѣдствіе онаго.

Воспокъ, рѣзко опвергнуый Европою въ эпоху вторженія Варваровъ, не замедлил опспитаться. Въ седьмомъ вѣкѣ является Магометь. Магометь есть самое блестящее пропиводействіе Воспока образованію Западному; это есть возвращеніе къ рабству, къ неволѣ женщинъ, поспановленіямъ соспавляющимъ основаніе Воспока. Магометь освободилъ Азію, опъ всего, что въ ней

было Европейскаго, какъ Варвары освободили Европу отъ всего, что она имѣла Азіатскаго.

Съ этого времени, оба враждебныя образованія взаимно наблюдающъ одно за другимъ, безпрестанно борются, и побѣда колеблется еще долго. Завоеванія Аравіянъ оплачивающъ за вторженіе Варваровъ; Крестовые походы—возмездіе завоеваній Аравіянъ, а Турки, наконецъ, возмездіе Крестовымъ походамъ. Въ самомъ дѣдѣ, начиная съ новой эпохи, оба противоположные міра не перестаютъ спалываться. Однакожъ, въ продолженіе тысячъ лѣтъ, ни одинъ изъ нихъ не можеть поглотить другаго. Отъ чего это? отъ равенства силъ. Условіе поглощенія есть несоразмѣрность способовъ. Въ древности, Востокъ поглощалъ Западъ, ибо преимущество и большинство были на его сторонѣ. Когда пришли Варвары, когда Европа начала имѣть въ мірѣ равенство силъ, тогда Востокъ совершенно потерялъ свое первенство, но Европа еще не приобрѣтала его: отсюда равновѣсіе и равенство борьбы.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ такой порядокъ вещей начинаеть измѣняться. Европа расцветъ и укрѣпляется; Востокъ падаетъ; дикое мужество Оштомановъ изнемогаетъ мало по малу. Лепантское сраженіе наноситъ роковой ударъ морской силѣ Азіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ, побѣды Принца Евгенія и Іоанна Собіекаго болѣе и болѣе колеблютъ исполна. Наконецъ, въ осмнадцатомъ вѣкѣ, Россія выходитъ на сцену и Англія распространяеть свое владычество въ Индіи. Съ этого

время успановидся перевѣсъ, который Европа имѣеть теперь надъ Востокомъ. Лишь только сей перевѣсъ рѣшился въ пользу новаго міра, Западъ устремляется на Востокъ съ неукротимую быстротою:

Два силы содѣйствовали непреодолимому могуществу такого движенія: сила оружія и сила образованности. Западъ не забылъ своего стариннаго первенства въ битвахъ; кромѣ сего, нравы и понятія его покоряють племена, коихъ щадить его оружіе. Эпохъ перевѣсъ нравовъ, Искусствъ и Наукъ, прежде помогавшій Востоку карать настоящихъ его побѣдителей, теперь — достояніе побѣдоносной Европы: она торжествуетъ надъ Востокомъ двойнымъ могуществомъ силы и Наукъ.

Справное дѣло, какъ всё происшествіи, въ продолженіе послѣдняго шестидесятилѣтня содѣйствуютъ чудеснымъ образомъ сему завоеванію. Россія, которая, кажется, предназначена исполнить волю Провидѣнія надъ судьбами Востока, пѣснитъ Опшомановъ на Дунаѣ и въ Малой Азіи, подвигается въ Персію и ведетъ шорговлю съ Китаемъ; Англія распростирается въ Индію и направляетъ своихъ воиновъ, купцовъ, путешественниковъ, въ самую средину Бирманской Имперіи. Въ голову Бонапарша западаетъ мысль покорить Египеть, и намѣреніе его потчасъ исполнено. Греція, посредничествомъ Союзныхъ Державъ пріобрѣтаетъ независимость; Турецкій флотъ уничтоженъ при Наваринѣ. Россія переходитъ Балканы и предписываетъ миръ въ Адрианополь. Валахія и Молдавія изъяны оны преобладанія Вос-

почнаго. Наконецъ, послѣдку самая малая причины вѣрѣдко производятъ великія слѣдствія, когда все уже было готово, Алжирскій Дей даетъ опыхаломъ ударъ Французскому Консулу, и вопль — Алжиръ превращается въ Европейское поселеніе. Ко всему этому прибавьте, что убѣдительность, влияние нашихъ понятій во время мира дѣлають то, что дѣлають во время войны наше оружіе, и, такимъ образомъ, ни одно мгновеніе не потеряно для торжества образованія Европейскаго. Турція мало по малу поддается нашимъ обычаямъ; Египецъ учился въ нашей школѣ; дѣйствительно, всюду Востокъ уступаетъ Европѣ; всюду Европа вооруженная или ученая пѣснись и завоевываетъ Востокъ.

Какое дивное, величавое зрѣлище открывается при видѣ сѣпленія и хода эпихъ законовъ Промидвія! Ламаршинъ пышными спихами воспѣваетъ желудъ, брошенный въпрами въ щрещину скалы; скоро желудъ спановится деревцомъ, попомъ деревомъ, попомъ древомъ безмѣрнымъ, коего въпви осяняють всю окреспную долину. Тому назадъ при пысячи съ половиною лѣтъ, также дубовый желудъ, слабый ростокъ уналъ съ вершинъ Кавказа и изъ рукъ Промеоея въ пѣсный уголъ Греціи: это геній Европы; онъ выросъ, онъ укрѣпился, не смопря на бури, и шеперь гордо проспирается надъ Вселенноу. Какъ обширна, какъ велика, съ своими искусстввами, законами, поняптіями, съ паромъ, носящимъ ея суда, съ огнемъ, носящимъ ея мщеніе, эта Европа, копторая, придцашъ пять вѣковъ шому назадъ, помѣщалась вся подъ шапрами

сыновъ Еллина, въ какомъ-нибудь ущелии скалъ Тессалійскихъ. Какъ поучительно слѣдовашъ за быспрымъ бѣгомъ сей колесницы новѣйшаго образованіи, куда Промееей водрузилъ искру просвѣщенія, подобно зарѣ непогибающаго солнца, и кощору успремилъ онъ въ пространство вѣковъ, да освѣщаетъ мѣръ! Скольکو сщранъ, озаренныхъ въ ея прирдацашипяпи-вѣковомъ теченіи! Скольکو она проложила и пролагаетъ еще путей! Смошрите, какимъ образомъ она вдругъ двадцашью врашами влешаетъ въ ограду Воспока, шо съ громомъ нашей аршиллеріи, шо съ книгами нашихъ Ученыхъ! Судьбы исполняются и приходятъ къ концу. Азія уступааетъ Европѣ.

Роль, занимаемая Опечесивомъ нашимъ въ великой Драмѣ Испоріи, возбуждаетъ живое, сильное участіе, ибо тѣсно связана съ главными цѣлями рода человѣческаго. Человѣчество соспавляетъ одно гармоническое цѣлое, гдѣ каждое Государство образуетъ органъ необходимый для общаго соспава, и одарено опредѣленными опправленіями. Въ древнемъ мѣрѣ, Греціи, во всѣхъ созданіяхъ своихъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, обнаруживаетъ преимущественно чувство Изыщнаго; Римъ— силу дѣятельную и Право. Въ мѣрѣ новомъ Франціи представляетъ жизнь общественную; Германія выражаетъ опмеченіе и Науку, Англіи, въ особенності, опдичаетъ промышленностію и шорговлею. Эти Государства, эти разнообразныя опправления сходятся въ обширный единства, запечатлѣнныя болѣе для менѣ сходными свойствами и одинакою особностію. Не смотря на свои распри и шреволденія, Европа

всегда изображала начало дѣйствія, послушательности, развитія, однимъ словомъ начало духовное или умственное. Азія, напротивъ, въ частяхъ своихъ, въ постепенныя эпохи своего существованія, являетъ намъ начало покоя, косности, неподвижности, однимъ словомъ — начало плоти и пребыванія. Но двѣ противоположныя стихіи должны имѣть среду, гдѣ бы онѣ сливались, среду, которая обнимала бы ихъ и въ то же время была отъ нихъ отлична: такъ въ Химіи два вещества перемѣются въ произведеніи, гдѣ разнородныя свойства ихъ исчезають, облекаясь въ другой видъ (*).

(*) Нѣтъ спору, что Западъ стремился къ усовершенствованію великаго рода: за то неподвижному Востоку оставше предопредѣлено было блужданіемъ въ недрахъ своихъ отъ начала міра чистое Богопознаніе, которое наконецъ съ пришествіемъ на землю Спасителя оарило въ новомъ видѣ Вселенную. Никогда Западъ не въ силахъ будетъ вѣдать Востоку за эпоху Божественнаго дара, концы Промисла доказалъ, какъ ничтожны всѣ стремленія человеческой мудрости предъ святымъ Небеснымъ, ниспосланнымъ немногими учениками Водими изъ среды народа, далеко уступавшаго въ образованности и Риму, владыкѣ Свѣта, и Греціи, наследницѣ Рима. И нѣтъ сомнѣній въ неподвижномъ Востоку, презираемому образованными Западомъ, угнетаемому Алкораномъ, хранища въ груди своей сіе Божественное ученіе, въ первообыкновенной неизмѣнной чистотѣ, подобно неизмѣнному виду одежды своихъ Священнослужителей. Западъ представилъ намъ другое зрѣлище. Такъ стремленіе къ усовершенствованію, сдѣлавъ много полезнаго для образованности, дерзновенно прикоснулось и къ спору, что не должно подлежать никакой перемѣнѣ: за одними нововведеніями слѣдовали другія и дали поводъ къ Реформаци. Но какъ торжественно происходилъ, всегда бывающій слишкомъ далеко отъ должнаго равновѣсія, то и Реформація не могла остановиться въ предѣлахъ умирности: она еще возмекла за собою множество другихъ учений, бѣднѣхъ чувствомъ Вѣры, но обильныхъ злоупотребленіями разума, кото-

На Востоку, Правительства и народы кажутся равно неподвижными; перевороты наши болѣею насильно вышшіе: это завоеванія и нашествія, возмущающія поверхность обществу, но рѣдко проникающія въ глубину его; они или производятъ безпорядокъ наружный, или оспавляютъ вещи въ прежнемъ положеніи. На Занадѣ, Правительства вообще неподвижны, имѣли дѣло съ народами по-ступательными. Вотъ причина кровавыхъ неуспрохотъ, сопровождающихъ, въ разные времена, пыльное разширеніе Европейскаго образованія. Въ Россіи, напротивъ, народомъ всегда руководствовало Правительство; оно его усовершенствовало; оно шло впереди всѣхъ общественныхъ улучшеній. Это отличительное свойство нашего историческаго быта, патриархальнаго и вмѣстѣ поступательнаго, чуждаго Европѣ и Азіи, составляетъ нашу силу, нашу славу и прочую основу нашего могущества.

Россія не Азія и не Европа, но самостоятельный, особый міръ. Ложныя мнѣнія, распространенныя на ея счетъ, происходятъ отъ того, что объ ней часто судили по наведеніямъ и примѣрамъ, которые вовсе нейдутъ къ ней. Возникшая подъ вліяніемъ политическимъ Нормановъ, религіоз-

рый забылъ свою ограниченность. Обратился же къ нашему любезному Отечеству. Вудущее его предназначеніе должно быть соотвѣтственно тому вліянію, какое оно имѣетъ на судьбы Востока и Запада. Отъ перваго получило оно Віру истинную, отъ втораго заимало успѣхи гражданственности. Не очевидно ли, что ему предлежитъ быть въкогда примирительницею Востока съ Западомъ въ смыслѣ не только гражданского образованія, но и самой Віры? Ред.

диръ и умноженными — Коведанширокоя, она, даже въ перахъ эпоху своего существованія, являла рѣдкія черты, теперь ее обозначающія. Приму-денная война, въ непримѣнное смолкновение съ Ордами Азійскими, она сначала оказывалась нмъ только оборонительное сопротивленіе; поперается; занимаетъ ихъ, помогаетъ въ своемъ объемѣ, и смещаетъ Западъ отъ ихъ наносствія. Наступа-тельное производствіе ее начинается только въ ндженіе Димитрія Донскаго. Освободи-вшись, она мало по малу оправдывается отъ своей долгой неволи; превращается въ смьное Государ-ство; отражаетъ Европейскія нападєнія Польковъ и Карла XII, завоевываетъ себѣ мѣсто въ ряду народовъ просвѣщенныхъ, нанося въ то же время тяжкіе удары Турціи, Персіи. Европа, одушевлен-ная величайшимъ военнымъ геніемъ новѣйшихъ времянь—Наполеономъ, отваживается на послѣднее, исполненное предпріяніе — подчинить ее исклю-чительно своему вліянію; но Россія останавли-вается Европу, побѣждаетъ ее, испровергаетъ всѣ препяствія; снова громитъ Опшомановъ; нака-зываетъ древнее опечество Дарія и Ксеркса; подавляетъ мятежъ Польши, и, такимъ образомъ, избѣгая обѣихъ крайностей и вмѣстѣ служа имъ неразрывною связью, она шествуетъ неколебимо къ высокой цѣли, назначенной ей Провидѣніемъ.

Наши Монархи, вѣрные призванію своей Дер-жавы, бодрствовали надъ нею во дни бурь и бѣд-ствій, и, покровительствуя Наукамъ, Искусствамъ, промышленности, вознесли ее на верхъ славы и благоденствія. ПЕТРЪ Первый, ЕКАТЕРИНА Вторая,

АЛЕКСАНДРЪ , НИКОЛАЙ ! Чья Русская душа не пылаетъ въосторгомъ , обшекая мыслию дивныя Ваши подвиги ! Но Государство должно взиратьъ священный заботъ своей будущности воспитанію въполнѣ народному юныхъ поколѣній ; и поощреніа , распочаемыя Правительствомъ Учебнымъ Заведеніямъ , иъры , имъ принимаемыя для правильного развитія образованности , доказывающъ міру опечаскія заботы нашего Великаго Царя и милосердіе Августѣйшей Его Супруги , коей мудрость устроиваетъ въ грядущемъ счастье семействъ , и коей иъзанныя попеченія услаждающъ горькій жребій сирыхъ и злополучныхъ .

2.

О РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

СОЧИНЕНІЕ ІОАННА МОГИЛЕВСКАГО, КАНОНИКА,
КУСТОША ПЕРЕМЫШЛЬСКАГО ГРЕКОУНИТСКАГО
КАТЕДРАЛЬНАГО СОВОРА, ЧЛЕНА КОНСИСТОРИИ
И ПРОЧ. (*).

I.

О знаменіи словъ: Русскій языкъ и Русское нарѣчіе.

Первоначальный Славянскій языкъ раздѣлялся на
разныя вѣтви. Между ими всѣхъ менѣе извѣстно
Южное Русское нарѣчіе, различно именуемое. Такимъ
образомъ весьма прудно дасть, собственное значеніе
словамъ: *народъ и языкъ Русскій*. Богумиль Линде,

(*) Это любопытное разсужденіе сочинено первоначально на Русскомъ языкѣ, переведено на Польскій и напечатано въ Львовскомъ журналѣ *Славорисъ Наукову* 1829 года. Авторъ возстановляетъ достоинство Русскаго языка въ Галиціи, но какъ онъ шаконену, или, что то же, Малороссійскому нарѣчію приписываетъ почти исключительное право называться *Русскимъ*: но, желая съ одной стороны сохранить почтиа его слова, а съ другой и означить вездѣ это нарѣчіе онъ Великорусскаго или онъ Русскаго въ общемъ смыслѣ, имъ вездѣ, гдѣ разукъется Малороссійское нарѣчіе подъ именемъ *Русскаго*, будетъ прибавлять къ ему послѣднему слову: *Южное*.— *Гед.*

въ предисловіи къ своему Словарю (1), Иосифъ Добровскій, въ Грамматикѣ языка Славянскаго (2), совершенно позабыли считашь отдѣльнымъ его вѣшвию Южный Русскій языкъ. Одни сливають его съ Церковно-Славянскимъ (3), либо съ про-спонароднымъ Русскимъ языкомъ (4); другіе же считающь его смѣсь языковъ: Славянскаго, Русскаго и Польскаго (5), и какъ дикой и необработанный, исключаютъ его изъ числа обра-зованныхъ языковъ (6). Многіе Нисатели ушверждаютъ, что нарѣчія Великороссійское и Южное Русское, равно какъ и Бѣлорусское, про-исходятъ опъ одной вѣшви — Русской (7). А ешь и шакіе, копорые признающь его просто обласнымъ Польскимъ нарѣчіемъ (provincialis-тизмъ) (8), или называющь Малороссійскимъ (9); и рѣдко случается, чинобы опомъ Русскій языкъ

-
- (1) Słownik języka Pols. S. B. Linde. T. I, Ч. I, Предислов. стр. XIV.
 (2) Institutiones linguae Slavicae etc. Jos. Dobrowski. 12. стр. IV.
 (3) O prawach Litew. i Pols. T. I, стр. 55. Versuch über die slavischen Bewohner der Oesterreichischen Monarchie, von Rohrer. Ч. II. стр. 16.
 (4) Lehrgebäude der böhmischen Sprache. Jos. Dobrowski. Предислов. стр. XIII.
 (5) O Statucie Litewskim. S. B. Linde. стр. III. Pamiętnik Warszawski. 1816. No 9. стр. 29. Lehrgebäude etc. Оглядъ Исторіи Литер. Русск. И. Греча, стр.
 (6) Исторія Россійск. Государ. И. Карамзин. Т. III, стр. 361.
 (7) Prawda Ruska. Раковецкаго, Т. II, стр.
 (8) Опытъ Краткой Исторіи Русской Литературы Г. Греча, Предисловіе Польскаго переводника Линде.
 (9) Pamiętnik Warsz. 1816. нр. I стр. 124. Dzieja Księ. Polsk. Bandtkie. T. I, стр. 24.

назывался *Русскимъ*, такъ какъ его называли въ старину, безъ всякаго измѣненія и прибавки (1).

Нѣкоторые Нѣмецкіе Писатели спали-было присвоивать Южному Русскому народу и языку совершенно дополъ неизвѣстные и опшнюдь имъ несвойственныя имена, на пр. *Rusniaken, rusniakische Nation, rusniakische Sprache*, вмѣсто: *Ruthener, ruthenische Nation, ruthenische Sprache* и ш. п. (2).

Предѣлывашь самовольно названія народовъ и ихъ языка естъ конечно важное заблужденіе и всегда рождаешь новыя. Соглашаясь съ мнѣніемъ ученаго Копишара, что прямое знаніе языка должно бытъ слѣдствіемъ постепеннаго раскрытія его Исторіи (3), гдѣ одни разсужденія ни къ чему не ведутъ, мы по же скажемъ и о самомъ названіи языка, допуская полькю такое, которое сообразно съ Исторіею и на ней основывано. Русь, эща главная отрасль Славянскаго племени, искони соспавляла одинъ народъ и говорила однимъ языкомъ, которому и не можешь приличеспвовать другое названіе кромѣ *Русскаго*, по Латыни *lingua ruthenica*, по Нѣмцки *ruthenische Sprache*. Раздѣленіе его на *Бѣлорусскій* и *Малороссійскій* языкъ ошибочны и не согласны съ сущеспвомъ дѣла: что посшараемъ ясно доказашь. Имя Россіи создано полькю въ XVIII вѣкѣ; названіе же Россійскаго

(1) Опытъ Крашкѣ Исторіи Русск. Литер. Н. Греча, стр. XX и 58—60. О Statucie Litew. Лице.

(2) Сюда принадлежатъ: Кракерь, Рорерь, Чапловичъ, Голпекъ и друг.

(3) Grammatik der slavischen Sprache, in Krain. Пред. стр. XLVI.

языка должно бысть, безъ сомнѣнiя, еще новѣе и ему собственно отвѣчаетъ Латинское слово *russicus* и Нѣмецкое *russisch*; нѣмъ же прилагательнымъ и Французы означаютъ Русскiй и Россiйскiй языкъ: *la langue russe*.

Какъ Русскiй языкъ, такъ и Русскiй народъ есть главнымъ представителемъ всѣхъ Славянскихъ.

Народъ можетъ поперять свою самостоятельность, но характеръ и языкъ его всегда остаются его достоянiемъ. Слава и совершенство языка не зависятъ отъ судьбы народа. Нынѣ уже нѣтъ ни малѣйшаго слѣда древняго могущества Римлянъ и Грековъ (1), а знаменитые ихъ языки — до сихъ поръ существуютъ. Между нѣмъ возникло много новыхъ Государствъ, коихъ языки только теперь достигаютъ извѣстности по мѣрѣ своего усовершенствованiя. Равнымъ образомъ нерѣдко и скипетръ не измѣняетъ народности подвластныхъ ему племенъ (2). Чехи, Кроаты, Венгерцы и ш. п., хопы и подлежатъ Австрiйскѣй Имперiи, но при всемъ томъ не перестаютъ бысть и называться Чехами, Кроатами и Венгерцами (3). Та же судьба и Южной Руси! — прошело уже много вѣковъ съ

(1) Т. е. въ политическомъ смыслѣ; но еще много осталось слѣдовъ ихъ ума, просвѣщенiя, образованности, въ сохранившихся письменныхъ и другихъ произведенiяхъ, безъ которыхъ имъ не могли бы и знать о славномъ ихъ существованiи. *Прим. Пер.*

(2) Однакожъ время и разныя обшественныя связи между собою разноплеменные и разномысленные народы въ одинъ составъ, и мы видимъ изъ Исторiи, что многие изъ нихъ не оставили по себѣ ни малѣйшихъ слѣдовъ существованiя своего. Гдѣ теперь Печенѣги, Половцы, когазские Липовы Ингалы, и пр.? *Прим. Пер.*

штѣхъ поръ , какъ Русское Княжество , основанное Владиміромъ Великимъ , пало (*). Но Русскій языкъ оиѣ того не кспребился и не преспанешъ существовать въ ушахъ Русскаго народа, при прочихъ языкахъ Славянскаго происхожденія !

Русскій народъ соспавлялъ нѣкогда значительную часть бывшаго Королевства Польскаго , которое вмѣщало въ себѣ чепыре главные народа : Польскій, Липовскій, Русскій и Пруссскій. Спрана, лежащая по Днѣпру и имѣвшая сподлицею свою Кіевъ , была древнѣйшею спраною Руси ; она неизмѣримо проспиралась къ Сѣверу , гдѣ возникла Держава, которая получила названіе *Великой Руси*, а попомъ , гораздо позднѣе, *Россіи*. Оспавшаяся въ предѣлахъ Польши *Русь* спала называвшаяся *Малою* ; часть ея, занимающая подошву Карпатскихъ горъ , именовалась *Русью Червенною* (красною) ; а та , которая была однажды пріобрѣтена Липовскимъ оружіемъ , названа *Бѣлою* и *Черною Русью*. Три части Польской Руси оплчались особыми именами : Подолиі, Волыни и Украины.

Что Югозападная Русь соединена была съ Польскимъ Королевствомъ *не силою оружія*, но *правами равенства*, доказательствомъ шому служитъ грамота Короля Сигизмунда Августа 1569 года. Въ ней сказано : «Русская земля съ давнихъ временъ , предками нашими , Королями Польскими присоединена къ Коронѣ Польской въ числѣ про-

(*) Т. е. на Западѣ, въ областяхъ, опомедшихъ сперва къ Польшѣ и Литвѣ, а по раздѣлѣ Польскаго Королевства, къ Австрійской Имперіи подъ названіемъ Галиціи и Лодомеріи; не считая возвращенныхъ Россіи. *Прим. Пер.*

чихъ главнѣйшихъ ея частей; и мы всѣхъ ея жителей вообще, и каждаго порознь, какъ равныхъ къ равнымъ, свободныхъ къ свободнымъ, какъ собственныя и дѣйствительныя члены къ собственному племю и главѣ, къ Королевству Польскому, въ общеніе, честь и собственность обращаемъ и присоединяемъ, вмѣстѣ съ прочими Коронными жителями равняемъ и ихъ дѣлаемъ и признаемъ участниками во всѣхъ правахъ, преимуществвахъ и судьбѣ Польской Короны и проч.»

II.

Въ Русскихъ земляхъ, принадлежавшихъ къ Польскому Королевству, Русскій языкъ не только былъ языкомъ народнымъ, но и правительственнымъ, которымъ говорили и при Дворѣ Великихъ Князей Литовскихъ и въ знатнѣйшихъ Русскихъ домахъ.

1) Доказательствомъ тому служишь во-первыхъ Липовскій Спашупъ, первоначально писанный на Русскомъ языкѣ (*), и служившій закономъ не только для Липвы, но и для Русскихъ земель,

(*) Онъ напечатанъ былъ въ Вильнѣ, особыми, подходящими къ скорописи буквами, въ типографіи Мамоничей въ 1538 году и пономъ переложень на Польскій языкъ. Въ наше время онъ былъ изданъ при Правительствующемъ Сенатѣ въ С. Петербургѣ на Польскомъ языкѣ, вмѣстѣ съ Россійскимъ переводомъ (Г. Анастасевича), 1811 г. in-4, въ 2-хъ книгахъ. — Исторія воѣхъ изданій пространно изложена на Польскомъ языкѣ С. Б. Липде, подъ названіемъ: O Statucie Litewskim. Warszawa No 4. Прим. Пер.

какъ-то для Волынской, Подольской и Украинской. По тому закону все судебныя дѣла приводились и были писаны не иначе, какъ только на Русскомъ языкѣ. Левъ Сапѣга, Канцлеръ Великаго Княжества Литовскаго въ предисловіи своемъ къ упомянутому Статууту говоритъ: «Если какому народу спѣшно не знаешь своихъ законовъ, то тѣмъ болѣе намъ, живущимъ законы писанныя не на чужомъ какомъ-либо языкѣ, но на своемъ собственномъ, т. е. на Русскомъ, и т. д.»

То же утверждаетъ и Чацкий, говоря, что какъ большая часть народа въ Липвѣ (*) признавала свою духовную зависимость отъ Цареградской Церкви и слушала Славянскую Липургію, по Русскій языкъ, по обращеніи Липвы въ Христіанство, былъ въ ней всеобщимъ. На семъ языкѣ подавались просьбы въ Судебныя мѣста и къ прочимъ Властямъ, на немъ же ошвѣчали и давали свои рѣшенія Король, Судьи и другіе Чиновники. Въ царствованіе оыновой Казимира Ягайлы, воспипанныхъ и жившихъ чаще всего въ Польшѣ, языкъ Польскій вошелъ въ употребленіе при Дворѣ и заступилъ мѣсто Русскаго.

2) Судопроизводство въ Русскихъ земляхъ всегда происходило на Русскомъ языкѣ; на немъ излагались *вопросы* или шребованія къ суду, приговоры, и всѣ

(*) Здѣсь должно разумѣть Киевскую Митрополию, существовавшую некоторое время отдѣльно отъ Московской, но сохранившую постолино Греко-восточное Исповѣданіе, до ошпаденія вѣдалднихъ Епископовъ къ Уніи. См. Исторію Росс. Іерарх Т. I. Прим. Цер.

оффициальные бумаги въ Гродскихъ (Уголовныхъ) Земскихъ и Трибунальныхъ (Верховныхъ) Судахъ (1).

3) Сигизмундъ III въ 1589 г., учреждая Верховный Судъ (Трибуналь) для Русскихъ Воеводствъ, обязалъ оный употреблять Русскій языкъ и Русское письмо, постановивъ, чтобы при производствѣ дѣлъ непременно присутствовали и засѣдали Русскіе Писари (Секретари), которые вносили бы дѣла въ книги на Русскомъ языкѣ и на немъ же выдавали копии съ судебныхъ приговоровъ.

4) Привилегіи, приговоры, постановленія, которыя выдаваемы были Польскими Королями для Русскихъ земель и для ихъ жителей, какъ въ духовныхъ, такъ и въ гражданскихъ дѣлахъ, писаны были обыкновенно на Русскомъ языкѣ (2).

Знавшійшія наконецъ фамиліи, Русскаго и Липовскаго происхожденія, имѣвшія своими родоначальниками Русскихъ и Липовскихъ Князей, исповѣдуя Вѣру Грековоспочную, говорили и писали по Русски до тѣхъ поръ, пока Липовскій обрядъ и языкъ Польскій не получили перевѣса (3)!

(1) Судебные и Правительственные акты изъ Архивовъ Русскихъ земель, составляющихъ нынѣ Королевство Галицію, собранные вмѣстѣ и хранящіеся нынѣ въ Львовской Бернардинскомъ монастырѣ, всѣ писаны на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами, и составляютъ болѣе ста томовъ.

(2) Таковы: привилегія Сигизмунда Августа 1558 г.; постановленіе дѣйсствій Короннаго Суда Стефаномъ Баторіемъ 1585 г.; привилегія Сигизмунда III, 1589 г.; его же 1592 г. и ш. д.

(3) Сюда принадлежатъ фамиліи (*): Князей Вршавецкихъ, Чарторійскихъ, Сангушковъ, Острожскихъ, Збарожскихъ, Прун-

(*) Въ нѣмцкомъ году напечатана программа въ Лейпцигѣ о гербахъ, давно омаданомъ изданіи *Гербовника Нведичаго* съ поправками и дополненіями. См. *Tug. Peter. 1837, No 97. Прил. Пер-*

До XVII вѣка не имѣла Польша иныхъ Князей, кромѣ Князей Русскаго Исповѣданія, употреблявшихъ Русскій языкъ: всѣ они происходили изъ Владѣтельныхъ Домовъ въ Липвѣ и на Руси.

Почему же столь древній и прекрасный языкъ вышелъ изъ употребленія? Почему никто теперь не говоритъ имъ, кромѣ лишь простаго народа Русскаго, мелкопомѣстнаго Дворянства и Духовенства Греческаго обряда? Почему съ такою пренебреженіемъ у насъ Русская письменность, тогда какъ она открыла бы для Отечества Историю множество важнѣйшихъ памятниковъ? На это можете намъ дать удовольствительный отвѣтъ Исторія Польши, особенно же въ концѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка. Угне-

скихъ, Друцкихъ, Солонечскихъ, Горскихъ, Массальскихъ, Глинскихъ, Ромнскихъ, Слуцкихъ, Кошальскихъ, Радзивилловъ, и знатные дома: Огнискскихъ, Пузынь, Даниловичей, Сапѣговъ, Воловичей, Хлѣбовичей, Ходкевичей, Тышкевичей, Хребиновичей, Пацовъ, Балабановъ, Спрусей, Киселей, Трешновъ, Музыловъ, Бирдеевъ, Жолкевскихъ, Дрогоевскихъ, Баворовскихъ, Шуляцкихъ, Шеншицкихъ, Виницкихъ, Комарницкихъ, Желиборскихъ, Дядошицкихъ, Бровевскихъ, Дуликовскихъ, Дверницкихъ, Липинскихъ, Бугацкихъ, и тысячи иныхъ, которыхъ если строго считашь въ одной части Галицкаго Королевства, нѣкогда называвшейся Русскаго (*) и Подольскія Воеводства, то и въ ней число Русскаго Дворянства Греческаго обряда значительно превосходитъ число Дворянства обряда Римскаго. — Сколько же ихъ находилось въ Березницѣ, Чайловцахъ, Городницѣ, Яворѣ, Кульчицахъ, Созонѣ, Сшуницѣ, Сальцѣ, Виницахъ, Добрѣ, и т. п. ! Когда же Исповѣданіе ихъ мало не вы-

(*) При Польскомъ правленіи, Воевода сихъ странъ именовался Воеводою земле Русскихъ (Wojewoda Ziemi Ruskich). *Прим. Пер.*

и даже Русь дошла до такой степени, что, дабы избѣгнуть этого, жители стали опровергаться отъ своего происхожденія и спыдаться языка свихихъ предковъ.

III.

Южный Русскій языкъ всегда раздѣлялся отъ предковъ отцевъ Славянскаго языка, въ особенноти же отъ Церковно-Славянскаго, отъ Польскаго и Великороссійскаго.

Выраженіе (Южный) Русскій языкъ по же самое значить, что языкъ *Малороссійскій* или *Вѣлорусскій*. Въ грамотахъ Польскихъ Королей, ими самими

и языкъ рода и первоначнаго происхожденія, то *себъ помеморанки фамили, хотя и цсведдуютъ языкъ Римскую Вдру, но отълюде грезъ те не перестали бытъ Русскими*. Правда, ны приквали обыкновенно называють Русскими только дѣхъ, кто принадлежишь къ Греческому обряду, а шѣхъ, кто исповѣдуешъ Лавинскій, именоваць Поляками: но шѣхъъ обычай несправедливъ. Развѣ Англичанинъ, Французъ, Нѣмецъ, потому что исповѣдуешъ ученіе Лютера, Кальвина или другихъ, перешаешъ по шѣхому бышь Англичаниномъ, Французомъ, Нѣмцемъ? Венгерецъ, Далмашъ, Браншъ, дѣлаешся ли Русиномъ отъ шого, что славнишь Бога по Греческому обряду? Откуда же могло произойши, чшобы природный Русинъ, перешаишь обрядъ своихъ предковъ на Лавинскій (не на Польскій: ибо шакого и нѣшь и не было), перешаишь бышь, относительно происхожденія, Русскимъ? Никшо не можешъ рода и племени ни дашь, ни опиашъ, ни измѣнишь. Следовательно хотя исключеными фамили и перешаишь свое Исповѣденіе, но при всѣхъ шохъ они не измѣнили своего Русскаго происхожденія и измѣнишь его не могли:

«Fortuna non mutat naturam!»

изданныхъ или по ихъ повелѣнію переведенныхъ съ Русскаго на Польскій языкъ, гдѣ языкъ и письмо Русское именуется: *idioma ruthenicum, character etc, lingua ruthenica*: что ихъ совершенно отличаетъ отъ Славянскаго, Польскаго и Велико-русскаго языковъ. Въ подтвержденіи привилегіи Спашка (Спанислава) изъ Давидова, Спаросты Самборскаго, дарованной въ 1549 году Королемъ Сигизмундомъ Августомъ Перемышльскому Владыкѣ Антонію Радилловскому, сказано, что она отъ слова до слова переведена, съ Русскаго языка на Польскій. — Другое того же Короля и въ томъ же году содержишь въ себѣ всю грамоту Князя Льва, сына Короля Данила, на Русскомъ языкѣ. — Въ прешьемъ, 1555 года, прописана другая Русская грамота Князя Льва. Надобно ли впрочемъ приводить еще доводы, что Русскій языкъ всегда отличался отъ Польскаго? Въ этомъ никакъ не можешь сомнѣваться. — Но онъ отличался и отъ Велико-русскаго: ЕКАТЕРИНА I, какъ пишетъ Шереръ (*), повелѣла въ 1729 году всѣ писанныя на Южномъ Русскомъ языкѣ послановленія переложить на Велико-русскій. Известно же, что всѣ онѣ были писаны по Русски въ Воеводствахъ: Кіевскомъ, Черниговскомъ и Брацлавскомъ.

Не менѣе того различенъ Южный Русскій языкъ и отъ Церковнаго: ибо какъ въ древнихъ, такъ и новѣйшихъ Церковныхъ книгахъ, какъ шло: въ

(*) *Annales de la petite Russie, T. II, sup. 375. « Elle ordonne pour le salut des peuples de la petite Russie, de traduire ces loix en langue de la grande Russie. »*

Евхологіяхъ, Требникахъ, Тріодахъ и п. п., заключающихъ въ себѣ правила совершеніи Церковныхъ обрядовъ, всегда Славянское нарѣчіе ошличалось опъ народнаго Русскаго.

То же самое подпверждають и Ученые Писатели. *Гвакыни* (*) говоришь: Москвитине не многимъ чѣмъ (эпо было около 1560) ошличзюпса опъ Русиновъ, но Русины опъ Поляковъ, Чеховъ (Богемцевъ), Кроатовъ и др. сполько различествуюпъ, чно съ прудомъ могупъ другъ друга понимапъ. *Копитаръ*, въ Грамматикѣ Краинскаго языка, описывая словарь, находящійся въ библіотекѣ Лубянскаго Алюмнаша (родъ Учебн. Заведенія) явспвенно опдѣляетъ языки Славянскій, Русскій, Россійскій и Польскій. *Смотричкій*, первый Славянскій Грамматикъ, въ написанной имъ для Русскаго народа учебной книгѣ, помѣстивъ Предисловіе на Русскомъ языкѣ; въ переводахъ же своихъ со Славянскаго языка на Русскій, оставилъ настоящіе образцы собственно-Русскаго языка, который справедливо Добровскій называетъ природнымъ языкомъ Русиновъ. Авторъ книги *Sowita wina*, изданной въ 1621 году, опвѣчая на возраженія иновѣрцевъ, пакъ говоришь: «Чшо касается до Славянскаго языка, шю мы никогда его не презирали; напрошивъ шого мы изъ книгъ же Славянскихъ вамъ доказываемъ, и щщашельно ихъ бережемъ. Русскій языкъ упопроблемъ и въ

(*) «*Moscovitis a Ruthenis aliquantulum, Rutheni quoque a Polonis ac Moscovitis, sic etiam Bohemi, Croats ab invicem differant, ita ut sese intelligere difficile possunt, etc.*» См. *Sarmatiae Europaeae descriptio*. Т. I, стр. 24.

проповѣдахъ, всенародно, и между собою говоримъ на немъ.» То же самое свидѣтельствоуетъ и *Скарга* въ книгѣ своей: о jedności Kościoła Bożego (о единствѣ Церкви) изд. въ Вильнѣ 1577 года. *Ст. Клеветскій*, въ сочиненіи о началѣ и древности Польскаго языка (o początkach i dawności języka Polskiego. Lwów. 1767), опредѣлительнѣе объясняетъ разность упоминаемыхъ нами языковъ. То же подтверждаютъ Линде, Раковецкій, Ломоносовъ, Гречь и др., и было бы совершенно излишно доказывать споль несомнѣнную истину!

IV.

Во вѣстьяхъ Русскихъ земляхъ, извѣстныхъ кътогда подъ именемъ Малой и Червенной Руси, одиакъ и тотъ же Русскій языкъ находилъ въ общемъ употребленіи.

Ежели и нарѣчія какого-нибудь языка такъ между собою согласны, что ихъ легко можно подвести подъ правила одной и той же Грамматики, то, хотя бы нѣкоторыя слова и произносились различно, имѣли разныя значенія и проч., опинюдь не слѣдуетъ почитать ихъ за отдѣльныя нарѣчія. Всѣ древнія вѣтви Славянскаго языка въ XI, XII и XIII вѣкахъ, сходствовали между собою гораздо болѣе, нежели теперь. Можно даже полагать, что чѣмъ болѣе мы спанемъ углубляясь въ древность; тѣмъ меньшую должны встрѣчать между ними разность. Впрочемъ, необходимо должно отличать такъ называемый *книжннй* или, соб-

справедите, *Церковный* языкъ: ибо на немъ излагались съ самаго начала одни только церковныя шворенія; въ обыкновенномъ же разговорѣ и въ письменныхъ сношеніяхъ употребляемъ языкъ *народный*; да и вообще языкъ всегда бывающій въ употребленіи у простаго сельскаго народа, составляя собственно общенациональный языкъ, нежели шощь, копорымъ говорятъ люди образованные въ высшемъ свѣтскомъ кругу: ибо сей послѣдній имѣеть по большей части всѣ свойства книжнаго языка.

И у насъ, Русиновъ, нарѣчіе раздѣлять можно на устное и книжное. *Книжное* въ Малой, Бѣлой и Червенной Руси, нисколько съ XIII вѣка до сихъ поръ, собственно не измѣнилось. Въ обыкновенномъ же разговорномъ языкѣ происходятъ нѣкоторыя небольшія измѣненія, но они такъ малозначительны и такъ рѣдки, что смѣло и утвердительно можно признавать и Бѣлорусское и Малороссійское нарѣчіе, за одно и то же. Кшо только хорошо вслушался въ разговоръ Кіевлянина, Черниговца, Брацлавца, Львовца, Черемышльца, Брестъ-Литовца, Смольянина и Полочанина, шощь конечно согласишь съ нами въ несомнѣнной истинѣ сего показанія. Небольшія измѣненія въ выговорѣ гласныхъ *e* и *ъ*, нѣкоторыя выраженія, занятыя у одноименныхъ сосѣдей, не преобразовали конечно языка Русскаго и не могутъ родить опидѣльныхъ нарѣчій. — Когда изъ Поляковъ одинъ говоритъ *ślysz* (слышь) а другой *ślyszysz* (слышишь); одинъ *tytu* (тысяма) а другой *trzytu* (тыршыма); одинъ *rop*, другой *rip*, а шрешій *rap* и т. п., слѣдуетъ ли изъ этого необходимость дѣлать

нарѣчіе Польское на *Малорское*, *Краткое* и *Горское*? Въ томъ же убѣжденіи, часть и самыя сочиненія Русскія, въ разныхъ мѣсяцахъ печатанія, какъ по: въ Вильнѣ, Осипрогѣ, Давоѣ, Забудовѣ, Спранчинѣ, Почаевѣ, Улицѣ, Супраслѣ, и др. д. Тамъ, кромѣ молитвенныхъ книгъ на Церковномъ языкѣ, напечатано было много и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ книгъ на языкѣ народномъ, коимъ писанъ безъ всякой примѣси, чистымъ Русскимъ нарѣчіемъ. Если сравнить эти книги между собою, что не смотря на разность мѣста и времени, языкъ ихъ вездѣ почти одинъ и тотъ же. И такъ въ Русскихъ земляхъ, Малой, Червонной, Бѣлой и Черной Руси, одно и то же нарѣчіе было всегда въ употребленіи, а доселе, даже до XIII столѣтія называлось оно, безъ всякаго прибавленія, просто *Русскимъ языкомъ*, *lingua ruthena*, *idioma ruthenicum*, а съ Бѣлоруссконъ или Малороссійскомъ и не упоминалось (*).

V.

Если рѣчь идетъ о нарѣчій книжномъ, то Малороссійское и Бѣлорусское нарѣчіе должно означать не то иное, какъ вѣсто Русское.

Я показавъ уже пожелство раздѣляемыхъ безъ нужды Русскихъ нарѣчій. Съ того только времени,

(*) По извѣщенію въ Престоль книгъ Царствурцаго рода Гонимыхъ, и по возвращеніи къ Россіи опторгуемыхъ некогда еще пол области, въ Царскомъ штиштѣ начали писать: *языкъ Великаго и Бѣлаго и Малого Руски*; а въ старѣе же книгъ

какъ значительная часть Малой и Вѣлой Руси соединилась съ Великою Россіею, Россійскіе Писатели въ царствованіе Императора Петра Великаго спали опредѣлять Малороссійскій и Бѣлорусскій языкъ, замѣчая изъяснительную разность между нарѣчіями Славянскимъ, Россійскимъ, или шакъ называемымъ прежде *Московскимъ*, и тѣмъ, которыми говорятъ въ Бѣлоруссіи и Малороссіи.

Первый разъ упоминается о семъ въ Грамматикѣ, изданной 1721 года въ Москвѣ. Она была по видимому списана съ Грамматики Смоприцкаго, хотя переписчикъ въ нѣкихъ мѣстахъ, гдѣ Смоприцкій упоминаетъ о Русскомъ нарѣчій, не сохранилъ въ точности этого имени, а называетъ его *Малороссійскимъ*. Но Смоприцкій не зналъ такого имени, хотя безъ сомнѣнія лучше многихъ позднѣйшихъ Писателей зналъ Русскій языкъ. Прямѣру этому послѣдовали и Польскіе и иноземные Писатели; и нарѣчіе просто называемое *Русскимъ*, измѣнили въ *Малороссійское*. То же самое произошло и съ именемъ Бѣлорусскаго. *Линде* простой Русской языкъ, которыми былъ писанъ Липовскій Спашушь, пошому только именуешь *Бѣлорусскимъ*, что шакъ назвалъ его *Сопиковъ* (въ своемъ Опытѣ Россійской Библиографіи). Авторитетъ Сопикова показался Г-ну *Линде* доспашочнымъ для наименованія языка, которыми писанъ Спа-

измѣнена буква у на о въ словѣ *Rossla*. Но иностранцы и теперь по большей части сохраняютъ прежній звукъ, называя наше Государство *Russia, Russland, Russie* и т. д. въ древности Норвежцы называлие *Gardarick* и *Risland*. *Прим. Пер.*

пусть, языкомъ *Бѣлорусскимъ*, тогда какъ эпопѣ языкъ былъ просто *Русскій языкъ*.

Языкъ Липовскаго Спашута есть поэтъ самый, на которомъ Смоприцкій написалъ къ своей Грамматикѣ предисловіе. Смоприцкій же называлъ эпопѣ языкъ не иначе какъ просто *Русскимъ*, ибо тогда во все не слышно было о Бѣлорусскомъ.

Такимъ образомъ, держась его авторитета, и я именуя языкъ Лип. Спашута не *Бѣлорусскимъ*, а просто *Русскимъ* (1). Г. Гречъ называетъ языкъ книги подъ заглавіемъ: «Вѣнецъ Христовъ» языкомъ собственно *Русскимъ*; но это поэтъ же языкъ, что и въ Липовскомъ Спашутѣ: почему же называться ему *Бѣлорусскимъ*? и почему опшичать разнымъ названіемъ языки, тогда какъ они въ самой сущности ни въ чемъ между собою не различны (2)?

- (1) Такъ и должно. Языкъ Спашута былъ дипломатическимъ языкомъ Западной Руси и весьма отличенъ отъ настоящаго Бѣлорусскаго. Ред.
- (2) Однакожь старинный дипломатическій языкъ Западной Руси отличенъ отъ Южнаго, на коемъ писаны были акты Запорожскаго Войска, и пр., и нѣтъ Бѣлорусское нарѣчіе не есть одно и то же съ Малороссійскимъ. Это можетъ замѣнить вслѣдъ, перѣзжая изъ Губерніи Могилевской въ Черниговскую или изъ Минской въ Волынскую. Если Авторъ сей спашутъ не допускаетъ названій *Бѣлорусское*, *Малороссійское*, какъ позднѣйшихъ; то можно дать симъ нарѣчіямъ болѣе естественныя названія: *Западное Русское*, *Южное Русское*, а *Великороссійское* назвать *Восточнымъ Русскимъ* или *Сѣверо-восточнымъ Русскимъ*, но все же должно какини-нибудь именемъ означить такіа нарѣчія, между которыми существуетъ разница дѣйствительная и которыхъ между шьмъ всѣ живущъ неопорное право именоваться *Русскими*.

VI.

Южный Русскій языкъ отнюдь не образовался изъ Польскаго.

Нѣкоторые Россіяне, Чешскіе и Польскіе Писатели утверждаютъ, будто Южный Русскій языкъ какъ разговорный, такъ и книжный, обязанъ своимъ образованіемъ вліянію языка и Словесности Польской, или, другими словами, что Русскій языкъ есть смѣшеніе Польскаго языка съ какимъ-шо грубымъ нарѣчіемъ, п. е. первобытнымъ Русскимъ. Мыніе это самое несправедливое и ведетъ къ униженію и пренебреженію Русскаго языка. Мы ничего иного не желаемъ ошъ безприсрашнаго чинашеля, какъ только, чтообы онъ насъ выслушалъ и разсудилъ послѣ, правы ли мы или нѣтъ.

Русскій языкъ подвергался одной участи съ Русскимъ народомъ. Но, подобно народу, и языкъ Русскій отнюдь не произошелъ отъ Польскаго, а напрошивъ того несравненно ранѣ Польскаго цвѣлъ и развивался, по образцу Славянскаго и Греческаго (*). Хотя же народъ Русскій, по спеченію обспояшельспвъ, и зависѣлъ отъ Короны Польской, онъ не менѣе того былъ самими Коро-

(*) Извѣстнымъ ученымъ Грекъ Константинъ Экономосъ издалъ 1828 г. въ С. Петербургѣ большое сочиненіе въ 3 час. для доказательствна почши шожеспва Славянскаго языка съ Греческихъ, и особенно съ однихъ изъ древнѣйшихъ его діалектовъ, Эолійскихъ. См. его Опытъ о ближайшемъ родствѣ языка Славяно-Россійскаго съ Греческимъ, Ч. I, Предисловіе. Прил. Пер.

лями Польскими признаваемъ за равный народу Польскому во всѣхъ правахъ и преимуществахъ. Конечно Польскій языкъ могъ имѣть нѣкоторое дѣйствіе на Русскій (1); но и Латинскій языкъ нѣчего не цощерялъ отъ того, что даже усовершенствовался по образцу Греческаго! Впрочемъ и на Руси заботились объ усовершеніи отечественнаго языка, учрежденіемъ училищъ, сочиненіемъ Грамматики, не только Славянской, но и Русской. — Не отрицаемъ, что Русскій языкъ могъ образоваться, обогащаться и совершенствоваться на подобіе Греческаго, Славянскаго, а въ послѣдствіи и Латинскаго (2); но никакъ изъ Исторіи не лзя доказать, чтобы Русскій языкъ получилъ свое начало и образование единственно отъ Польскаго. — Отдѣльныя слова, хотя бы даже и въ большемъ количествѣ, находящіяся въ помъ и другомъ Славянскомъ нарѣчьи, ничего болѣе не доказываютъ, какъ только, что всѣ Славянскія нарѣчья происходятъ отъ одного корня; что они соединены между собою родствомъ и должныствовали бытъ нѣкогда еще ближе одно къ другому.

(1) Ибо Пол. языкъ уже въ XVI столѣтіи имѣлъ свой золотой вѣкъ Словесности, называемый Ягеллоновымъ, по имени царствовавшего тогда Дома сего имени. *Прим. Пер.*

(2) Особливо же со времени учрежденія въ Москвѣ Славяно-Греко-Латинской Академіи, перваго въ Великой Россіи Заведенія для просвѣднѣйшаго круга Наукъ, какое до того было единственно въ Бісѣвѣ, доставляя Россіи болышею частію Духовныхъ и Іерарховъ. *Прим. Пер.*

VII.

Польскій языкъ нынѣшнею своею чистотою и богатствомъ и самымъ даже слогомъ своимъ облянъ, большею частію, Русскому языку.

Древній Польскій языкъ, сохранившійся въ старинныхъ памятникахъ, значительно разнится отъ нынѣшняго (*).

Возьмемъ, для примѣра, изъ позднѣйшихъ временъ (1565 г.) письмо Станислава Оржеховскаго къ Плазу: «Pisałem then list ku W. M., radując sie dobremu zdrowiu, zem poszłał do Lazarza ku

(*) Вотъ образецъ древнѣйшаго Польскаго языка, взятый изъ Лелевелева издавія Польскихъ и Мазовскихъ Законовъ, и принадлежащій къ 1449 году:

Zapis umowi myedzi dwuchowayni i swyeczakumy o czlonki w nyem popisano. Mi Jaroslaw Bozym przerzenym swanthey Gnezneuskey cirekwe arcibiskvb w Krakowskem byskvbatwye na urzandze pogezdania handnez wysytum ad kthoricz nyuczszze lysti przyda chczen bycz jawno kako gdysz myedzy nayaszneyszum ksandzem ranem Kaszmyrem Polakym z bozey nyloszeczy Krolem etc., patronem naszym s yeney a myedzy ksandzem Bodzanthą brathem naszym namyleyszum byskupem Crakowskym stroni z drvghey nyekthore wyanthpyeny o dzezanezynach i o gynsych czlonkoch nyzzey poruszanych bilo są sthanth y sowanith porvszylu pothem etc. См. Книги Уставъ Польскихъ и Мазовіецкихъ. Wilno, 1824, стр. 10. Statuta Wiślickie.

Переводъ:

«Договорная записка между Духовною и Свѣтскою властію о именномъ именованныхъ сшапмахъ. Мы, Ярославъ, Божіимъ промысломъ Архіепископъ Святой Гнѣзненской Церкви, имѣя омотрѣніе надъ Браковскимъ Епископствомъ и обладающъ, даемъ онымъ знаніе всѣмъ вообще, что между Намилѣйшимъ Ксандромъ Намомъ Казиміроу, Божіимъ милостію Боролеу и пр., покро-

druku Politią Królestwa pol. na trzy *knih* rozdzieloną. Proszę chcieć ją W. M. widzieć i poprawić, ieśli żeby w czym pobłudziło. Zaprawdę użyłem prace wielkiej i wielkiego nieszpania, и п. д.» ш. е. «Я писалъ это письмо къ вашей милости радуясь, что вы здоровы, и увѣдомляя, что я послалъ къ Лазарю (шинографщику) для изданія Поляшки Королевства Польскаго, раздѣленную на три книги; прошу васъ разсмотрѣть и исправить, если бы нашлись въ ней какія погрѣшности. Поиспийте мнѣ споила она много труда и бессонныхъ ночей,» и проч.

Маршинъ *Бѣльскій*, первый дерзнувъ писать Испорію на Польскомъ языкѣ, едва находилъ возможнымъ исполнить свое предпріятіе (*).

выселемъ нашихъ съ одной стороны, и съ другой между Бсеидомъ Бодзавною, любезнѣйшимъ братомъ нашимъ Епископомъ Краковскимъ, встрѣтились нѣкоторыя недоразумѣнія касательно десятины и нѣкоторыхъ другихъ спашей, ниже сего прописанныхъ, и проч.»

Зачѣмъ въ эпоху древней Польскомъ языкѣ Русскій характеръ нѣкоторыхъ словъ и сама слова Русскія: *Swanthey*, а не *Świętey* (Святой), *Cirekwe*, а не *Kościola* (Церкви), *kało*, а не *jało* (какъ). Такихъ найдется и еще очень много.

(*) А за нѣшь яковъ до того Русскій языкъ былъ уже образованъ и приспособленъ къ письменности. Еще въ XI вѣкѣ, Несторъ внокъ Киевопечерскій, велъ на немъ Русскую лѣтопись, и Русь XIX вѣка не находитъ его столько непонятнымъ или столько отличнымъ отъ употребляемаго ею нынѣ, сколько Поляки свой вывѣщенный языкъ отъ языка XV вѣка. — Въ XV вѣкѣ Русь была уже переложену на свой языкъ Библию, тогда какъ Поляки перевели ее на свой гораздо позднѣе! Французскій Авторъ книги о Евреяхъ, изд. 1818 г. упоминаетъ, что въ спискѣ Библии, хранящихся въ Вавилонѣ, подъ No 300, на стр. 288, находится славное сочиненіе: *Alf. Hahory*, заключающее въ себѣ истолкованіе Моисеевыхъ Книгъ, 1004 года, на Русскомъ языкѣ.

Если бы я захотѣлъ распространяться въ изображеніи той постепенности, съ какою Польскій языкъ очищался, по нѣтъ сомнѣнія, что я усилъ бы убѣдить всякаго въ истинѣ словъ моихъ. Но, сравнивь и эти примѣры, пустьъ каждый разсудитъ: Русскій ли языкъ усовершался по образцу Польскаго или Польскій по образцу Русскаго? Слѣдовательно Южный Русскій языкъ опинудь не былъ *провинціализмомъ* Польскаго языка, какъ угодно было полагать Г-ну Линде на стр. 2 предисловія къ Опыту Крапкой Исторія Русской Литературы, Г. Греча.

Русскія земли, принадлежавшія къ Польскому Королевству, никогда не были Польскою областію или провинціею. Русскій народъ сославлялъ часть Королевства Польскаго, почно такъ, какъ и шеперь Венгрія, Богемія суть части Имперіи Австрійской. — Если же и положимъ, что Русскій языкъ обязанъ сколько-нибудь Польскому, то уже эштоу долгу съ лихвою заплаченъ ему доставленіемъ множества словъ и выраженій, что доказываютъ *Клежевскій, Коплинскій*, и другіе, и подшверждаетъ самъ Линде въ швореніи своемъ о Литовскомъ Слупушѣ, говоря: «Сей-по чистотѣ Русскаго нарѣчія должно приписатьъ то, что Польскій слогъ Литовскаго Слупуша почиался образцовымъ.» Почему же послѣ всего эшого вынуждиль онъ Южный Русскій языкъ въ своемъ Словарѣ изъ числа Славянскихъ нарѣчій!

Впрочемъ и теперь даже, при недостаточности правилъ Польской Грамматики и Правонисанія, до шѣхъ поръ не лзя будетъ ничего опредѣлить

въ нихъ почнаго, постояннаго, пока не выйдемъ въ духъ и построение Русскаго и Славянскаго языка, и въ случаяхъ нужды не прибѣгнемъ къ ихъ помощи.

VIII.

Нынѣшнее отношеніе Южнаго Русскаго языка къ Великороссійскому.

Линде, въ предисловіи къ упоминаемому нами сочиненію: *Опытъ Исторіи Русской Литературы*, послѣдую мнѣнію Г. Гречи, раздѣляетъ Россійскій языкъ и Литературу на три періода. Первый называетъ онъ Греческимъ, второй Таттарскимъ, третій Польскимъ. Не оспариваемъ вліянія Греческаго языка на языкъ Русскій, особенно книжный, потому что Священное Писаніе и всѣ почти Церковныя книги были переводимы съ Греческаго, и что въ этихъ переводахъ слогъ и правописаніе совершенствовались по образцу Греческаго: почему первый періодъ справедливо можетъ быть названъ Греческимъ. Но что касается періода Таттарскаго, то я не согласенъ съ Г. Линде. Владычество Таттаръ въ Россіи не имѣло никакого вліянія ни на языкъ, ни на народные обычаи Русскіе, чтобы могло составить періодъ въ измѣненіяхъ языка и письменности. Ссылаюсь на авторитетъ Карамзина, который явственно доказалъ (*), что владычество Таттаръ въ Россіи не оставило важныхъ

(*) Исторія Рос. Государ. Т. V, стр. 664.

слѣдовъ ни въ обычаяхъ народныхъ, ни въ законодательствѣ, ни въ домашнемъ быту, ни въ языкѣ. Едва какихъ-нибудь 40 или 50 Татарскихъ словъ находились во всемъ Россійскомъ Словарѣ; а хотя бы даже ихъ находилось и вдвое противъ того: все же это не даетъ еще настоящаго повода, допускать Татарскій періодъ въ Русскомъ языкѣ и Липерашурѣ. Что касается Польскаго періода, т. е. вліянія Польскаго языка на Русскій, то и это равно бездоказательное мнѣніе не можетъ насъ убѣдить. Могущество Россіи возрасло безъ помощи Польскаго; то же самое должно сказать и о языкѣ и Липерашурѣ Россійской. Нигдѣ не находимъ слѣдовъ, ни въ старинныхъ, ни въ новѣйшихъ книгахъ Великой Руси, чтобы Русскій языкъ создавался по образцу Польскаго. Кто утверждаетъ это, долженъ бы привести намъ примѣры. Мы не допускаемъ даже, чтобы Польскій языкъ произвелъ вліяніе на Южный Русскій языкъ. Какимъ же образомъ онъ могъ бы дѣйствовать на Великороссійскій? Иное дѣло языкъ Южный Русскій. Онъ содѣйствовалъ конечно, нѣкопорымъ образомъ, успѣхамъ, красотѣ и богатству Россійскаго языка, чего сами Великороссіяне не оспариваютъ и оспорить не могутъ; но изъ этого еще не слѣдуетъ выводиться существованіе *періода Польскаго*.

Когда рѣчь идетъ о языкѣ Россійскомъ, необходимо нужно отличать древній Церковный языкъ отъ древняго Россійскаго разговорнаго или такъ называемаго *гражданскаго* языка: что видѣть можно изъ сравненія ихъ между собою. Но то не подлежитъ уже никакому сомнѣнію, что разговор-

ный и книжный Россійскій языкъ не былъ уже пошъ самый при ПЕТРѢ Великомъ, какой встрѣчается видѣшь въ древнихъ Россійскихъ сочиненіяхъ. Доказываютъ это *Каленовскій*, въ Карпінѣ Россійской Липературы, и *Карамзинъ* въ Исторіи Россійскаго Государства. Когда въ новѣйшія времена нѣкоторые Россійскіе Писатели, подражая Французскому языку, начали порпять свой народный, тогда возспалъ прошивъ ихъ *Шишковъ* въ разсужденіи о *старомъ и новомъ слогѣ*, указалъ прямые источники Русскаго языка и ревностно совѣдовалъ держаться ихъ какъ въ разговорномъ, такъ и въ пишменномъ слогѣ.

IX.

Языкъ Русскій составляетъ въ нынѣшнемъ Галицкомъ Королевствѣ народный языкъ тамошней Руси, которую нынѣшніе Нѣмецкіе Писатели ошибочно и несправедливо называютъ Русляками.

Что Русь составляетъ совершенно отдѣльный народъ отъ Поляковъ, такъ что и приобщеніе ея къ правамъ, преимуществамъ и составу Польскаго Государства не могло опнять у нея собственной ея народности, ни поселеніе въ ея краѣ ввоземцевъ не могло ее измѣнить — на то не пребуется доказательствъ. Слѣдовательно языкъ, какой она нѣкогда употребляла и какой по нынѣ употребляетъ, есть ея народный языкъ. — Посему

справедливо *Вандтке* сказалъ (1): «нѣтъ и не было языка Галицкаго, какъ нѣтъ и не было языка Австрійскаго, Бранденбургскаго и п. д.»

Нѣкопорые изъ новѣйшихъ Нѣмецкихъ Писателей смали называть Галицкую Русь *Русняками* (*Rusniaken*), а языкъ ея *Руснякимъ* (*Rusniakische Sprache*). Такого названія, вовсе не извѣстнаго въ старину, ни Польскіе, ни Лаптивскіе, ни Россійскіе, ни даже лучшіе Нѣмецкіе Писатели никогда не употребляли: ибо собственное и единственное ея названіе есть *Русь* или *Русскій народъ*, по Латыни *natio Ruthena*, по Нѣмецки *Ruthener*, а Русскій языкъ *ruthenische Sprache*. Кто зналъ бы эпошъ народъ только изъ подобныхъ книгъ, тошъ могъ бы подумашъ, что кромѣ *Руси* есть еще особое племя Русняковъ въ Галиціи. Такимъ образомъ, находя въ сочиненіяхъ Рогера названіе *Мазураковъ*, можно бы заключишъ, что въ Мазовіи существуетъ какая-то особая отрасль шамошняго народа. Но во время Польскаго господствованія не было никакихъ Русняковъ: слѣдовательно и теперь ихъ нѣтъ. Если же кто когда-либо употребилъ это выраженіе въ смыслъ презрѣнія къ какому-нибудь частному лицу, то благородіе и достоинство Писателя не должно бы позволять ему употреблять то же имя въ отношеніи къ цѣлому народу. Первый, какъ намъ кажется, ввелъ это выраженіе Г. Крашперъ въ своемъ сочиненіи: *Письма о Галиціи* (2); ему послѣдовали *Рогеръ*,

(1) Hist. Król. Pols. T. I, стр. 26.

(2) Briefe über Galizien, стр. 147.

Крибель, Чапловичъ, и другіе, тогда какъ ни на одномъ другомъ языкѣ не встрѣчаемъ мы этого названія; да и прочіе Нѣмецкіе Писатели, какъ-то: *Шлецеръ, Гебгардъ, Гопль, Энгель* и др., упоминая о Галицкой Руси, никогда ее такъ не называли. Долгъ и обязанность каждаго Писателя именовать каждую вещь настоящимъ ея именемъ, и не искажать собственннхъ именъ лицъ и народовъ, но передавать ихъ съ почтностью, а смѣшныхъ или презрительныхъ прозвищъ не изобрѣщать. Прозваніе же Руси Русняками погрѣшаетъ противъ всѣхъ этихъ условій! Кажется, всѣ сіи Писатели могли изъ оффиціальныхъ актовъ и постановленій узнать достаточно, какое собственно имя приличесивуешь Русскому народу.

Пер. В. Р.

3.

КРИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

КАНТОВОЙ РЕЛИГІИ

ВЪ ПРЕДѢЛАХЪ ОДНОГО РАЗУМА.

Три важныя истины открылъ Кантъ въ Философіи: 1) что разумъ нашъ въ познаніи вещей сверхчувственныхъ, самъ по себѣ, недостаточенъ (1); 2) что всѣ начала нравственности, основанныя на понятіяхъ удовольствія и счастья, не нравственны и не имѣютъ достоинства закона (2), и 3) что человекъ по природѣ поврежденъ, или развращенъ (3). Истины сіи, споль извѣстныя изъ Откровенія, доказаны Философомъ изъ одного разума, и потому Христіанскій Богословъ и Философъ въ ученіи о Религіи, противъ невѣрующихъ нашихъ временъ, съ такимъ же правомъ можешь свидѣтельствоваться Кантомъ, какъ свидѣльствовались некогда Опцы Церкви древнимъ Платономъ. Но услуга, каковую Кантъ оказалъ Религіи, важнѣе, не проспирается далѣе сего. Доказавъ

(1) Въ Бришиахъ Чистаго Разума.

(2) Въ Бришиахъ Практическаго Разума.

(3) Въ трактатѣ: Религія въ предѣлахъ одного разума.

въ своей Философіи слабоспъ челоуѣческаго разума, онъ самую Философіею своею показала, что одиуъ разумъ не открываетъ истинной Религии. Ибо сей Философъ въ Созерцашельной Философіи оспавшись при одномъ кришицизмѣ, въ Нравспвенной при споицизмѣ, въ Религии оспадся напуралиспномъ.

Впрочемъ сей Напуралиспъ не былъ злонамѣреннымъ пропивникомъ Христіанспва. Въ практапѣ о *Религии въ предѣлахъ одного разума* (1) Кантъ хотѣлъ соотласишь ученіе Опкровенія съ ученіемъ своей Философіи, подкрѣпишь одно другимъ и оказашъ тѣмъ услугу какъ Религии Христіанской, такъ и своей Философіи (хотя послѣдняя цѣль была ближе къ его сердцу, нежели первая). Оуъ полагаель, что Богословіе Философское должно итти своимъ путемъ, не преняишспвуи однакожъ ходу Богословія Библейскаго, и что, держась предѣловъ одного разума, первое имѣеть право, для подшверженія и поясненія своихъ положеній, уиопребляишь въ свою пользу самую Библию. Но при семъ почипалъ нужнымъ сравненіе того и другаго Богословія между собою, и даже предлагалъ вопросъ: не полезно ли, по совершеніи Академическаго курса Богословія Библейскаго, открыишь особенное ученіе Религии Философской, по руководспву, подобному его (Кантову) практапу, для окончательнаго усовершенія Кандидашовъ (2)? Намѣреніе его было: ученіе Опкровенія сравнишь съ

(1) Die Religion innerhalb der Grenzen der blossen Vernunft. Кенигсб. 1796, 8. Изданіе 2, 1774.

(2) Предисл. 1, стр. XV и слѣд. Изданіе 2.

повягніями нравспвенными (Философскими), дабы видѣшь, не приводить ли оное ученіе къ чистшй Религіи разума (*)? Сіе намѣреніе, какъ изъ опыта Каншова видно, было по же, чшобы всю Откровенную Религію изъяснить по гачаламъ Каншовой Философіи. Но опытъ Философа показалъ, что пакой взглядъ на Религію сполько же недоспапочень, ненадеженъ, какъ и всякая система Философская, — изобрѣшеніе человеческое, всегда неполное, всегда несовершенное. Къ болшей славъ Откровенія, усмаприваебся, что все лучшее въ Каншовой Религіи заимсповано изъ Евангелія, а все худшее принадлежитъ собственно Каншовой Философіи. Въ семъ-по отношеніи можно сказать, что Религія Каншова сдѣлала услугу Религіи Христіанской. И потому въ семъ же отношеніи, полезно критически обзрѣшь весь прапкшапъ Каншовъ, и указать важнѣйшія истины и важнѣйшія заблужденія, копорыя въ немъ между собою смѣшаны.

Въ предисловіи къ сему прапкшапу Кантъ говоритъ, что идея Бога не еспть основаніе Нравоченія пошому, что нравспвенность не имѣетъ нужды въ другомъ побужденіи, кромѣ Закона нравспвеннаго. Но поелику прапкшескій разумъ пребуетъ согласія добродѣтели съ счастиемъ, копорое (согласіе) можетъ произвестъ одинъ Богъ: по идея Бога необходимо выпекаетъ изъ ученія нравспвеннаго, и такимъ образомъ сіе ученіе ведетъ насъ къ Религіи. Спр. III — IX.

(*) Предисл. 2, стр. XXII.

Вотъ первая истина и первая ложь! — Нравоученіе ведешь къ Религіи: следовательно, здѣсь цель его, здѣсь истинное успокоеніе ума и сердца. Вотъ величайшая и драгоцѣннѣйшая истина! Но Нравоученіе не для себя, говоритъ Кантъ, имѣеть нужду въ Богѣ, а для нашего счастья. Такое понятіе о Богѣ недостойно Бога; такое Нравоученіе, не имѣющее нужды въ Богѣ, есть эгоистическое и — просто — ложное.

Трактатъ Канта о Религіи имѣеть слѣдующія четыре отдѣленія: I. О совмѣстномъ существованіи злаго начала съ добрымъ, или о коренномъ злѣ. II. О брани между добрымъ началомъ и злымъ за владычество надъ человѣкомъ. III. О побѣдѣ добраго начала надъ злымъ и основаніи Царства Божія на землѣ. IV. Объ истинномъ и ложномъ служеніи Богу, подѣ владычествомъ добраго начала.

Къ каждому изъ сихъ отдѣленій Кантъ сдѣлалъ присвокупленія. Четыре таковыя присвокупленія содержатъ ученіе его: I. *О дѣйствіяхъ Благодати*, II. *О гудесахъ*, III. *О таинствахъ* (тайнахъ), и IV. *О средствахъ* для полученія Благодати. Сии прибавленія рассмотримъ послѣ главныхъ отдѣленій трактата, совокупивъ оныя подѣ одно названіе: *ученіе Канта о Благодати*.

I.

О СОВМѢСТНОМЪ СУЩЕСТВОВАНІИ ЗЛАГО НАЧАЛА СЪ ДОБРЫМЪ.

О коренномъ злѣ.

Человѣкъ оиъ природы золь: п. е. оиъ не только по природѣ *слабъ* въ исполненіи Закона,

кошорый уважаетъ, не только *негистъ* нравствен-
но, поелику имѣеть нужду въ чуждыхъ побужде-
ніяхъ, кромѣ побужденія самаго Закона; но онъ
развращенъ такъ, что низшія побужденія легко
предпочитають высшему, т. е. важности самаго
Закона, и имѣеть челоуѣка безъ таковой преврат-
ной наклонности (*). Не лзя искать причины
сего зла ни въ чувствственности, которая не имѣеть
прямаго отношенія къ нему, ни въ поврежденіи
практическаго разума, ибо законы его всегда
имѣють свою важность. Какъ и когда произошло
сіе зло, того разумъ никакъ изъяснить не мо-
жетъ. Извѣстное изъясненіе сего въ Св. Писаніи,
если будемъ видѣть въ ономъ происхожденіе зла
во времени, т. е. опъ какой первой во времени
причины оно произошло, не лзя согласить съ
разумомъ, который не можетъ признашь ни сооб-
щенія нравственнаго зла опъ родителей дѣтямъ,
ни вмѣняемости онаго общеннаго зла. Но, если

(*) Какъ свидѣтельствуется опытомъ всѣхъ временъ и народовъ.
У всѣхъ слышны жалобы на развращеніе людей, болѣе и болѣе
умножающееся. И Горацийъ сказалъ:

Aetas parentum, pejor avis, tulit
Nos nequiores, mox daturos
Progeniem vitiosioreи.

Обращая взоръ на сословіе, такъ называемое въ кошорыми
Философами естественное, сословіе дикихъ, Кантъ видѣеть
войны и челоуѣкоубійства произвольныя, совершаема безъ
всякой нужды и пользы. Смотря на образованные народы, замѣ-
чаетъ повсюду пороки подъ видомъ добродѣтели и жалуется,
что въ самихъ дружескихъ сношеніяхъ явилась внутреннее
одного къ другому недоброжелательство. Въ отношеніи наро-
довъ видѣеть сословіе непрестанной войны, котораго рѣши-
лись они никогда не оставлять и пр. Спр. 3 и 4, 26—30
(по 2-му изданію).

въ ономъ историческомъ изображеніи будемъ находить изъясненіе всеобщаго подлежательнаго способа, какъ принимаетъ человекъ противное закону за правило своей воли: по сіе изъясненіе согласно съ разумомъ. Человекъ не имѣлъ зла въ своемъ основаніи, а былъ прежде невиннымъ; но опъ закона ему даннаго (нравственнаго) онъ обратился въ другимъ побужденіямъ и принялъ оныя, поставивъ ихъ выше закона. Такъ училъ Св. Писаніе о грѣхъ; шакъ и дѣйствительно согрѣшаемъ всѣ мы: шолько склонность наша къ пресупленію не естъ уже *паденіе* (ниспаденіе изъ состоянія невинности): ибо мы родимся, еще не имѣя полнаго употребленія разума; но она намъ *врожденна* ш. е. опъ самаго младенческаго и рожденія нашего въ насъ находящяся. Спр. 20 и дал. 39 и дал.

Двѣ важныя истины утверждаетъ Кантъ: 1) что человекъ поврежденъ опъ природы (опъ рожденія); 2) что причины сего зла разумъ никакъ изъяснить себѣ не можешь. Послѣ сего слѣдовало бы заключить, что или совсѣмъ не дѣло разума изъяснять причину кореннаго въ человекѣ зла, а должно довольствоваться здѣсь однимъ Откровеніемъ, или что разумъ недовольно еще позналъ свойство зла нравственнаго и способъ, какимъ сообщается сіе зло опъ одного къ другому; но никакъ не слѣдовало осуждать шого изъясненія сего зла, какое предложено въ Откровеніи. Не естествененъ ли самому разуму, при разсматриваніи шоль общаго въ человечествѣ зла, восходишь къ первому человеку? Не омышь ли узришь насъ, что какъ склонность къ добру сообщается опъ родителей, шакъ и склонность ко злу можешь быть наследствен-

Часть XVII.

†

на? Кинуть слѣдуетъ отдѣленіе нравственную часть чловѣка отъ прочихъ; какъ будто чловѣкъ не есть цѣлое, въ которомъ все соединено такъ, что важная перемена въ одной части существа чловѣческаго не можешь не дѣйствовать на другія. Сего мало: самое чловѣчество есть нечто цѣлое, въ которомъ члены соединены одною природою, однимъ происхожденіемъ и дѣйствуютъ другъ на друга физически и нравственно. Вытняемость кореннаго зла вообще чловѣчеству—также не противна разуму. Если зараженныхъ опасною болѣзнію отдѣляютъ отъ другихъ, если лишаютъ ихъ прежнихъ выгодъ жизни: то такое отдѣленіе для нихъ, кои хоти заразились невольне, но болѣзнь свою любятъ, не только есть *нecessitas*, но и справедливое *наказаніе*, подъ коимъ они и должны быть, пока не возненавидятъ своего зла и не допустятъ къ себѣ врача.

Возможность исправленія.

Какъ можно обратишься намъ отъ зла къ добру, сего также изъяснить мы не можемъ. Но мы должны предполагать въ себѣ возможность обращенія: ибо когда есть заповѣдь въ насъ «спрайся быти лучшимъ», то надлежитъ быти и возможности къ сему. Св. Писаніе, согласно съ разумомъ, предполагаетъ сію же возможность въ историческомъ изображеніи грѣхопаденія въ видѣ *прельщенія*. Чловѣкъ ниспалъ въ зло, бывъ обольщенъ якопорнымъ духомъ: слѣд. не въ основаніи своемъ поврежденъ и еще способенъ къ исправленію: ибо поводъ ко грѣху былъ въ прельщеніи, а не въ первоначальномъ стремленіи чловѣка ко злу. И

шакъ мы должны принять, что первоначальное наше расположеніе къ добру, хопя и поперпѣло нѣкопорое уклоненіе, можеть бышь возстановлено. Нравственна свобода челоуѣка вѣгда естъ шо начало, копорое въ самомъ развращенномъ челоуѣкѣ можеть мало по малу произвествъ перевѣсь въ добромъ расположеніи. Спр. 46 и дал.

Здѣсь опять видимъ истину и ложь. — Разумъ не можеть изъяснить, какъ можно поврежденному челоуѣку самому собою обратиться къ добру: это непрѣркаемая истина. Но, что челоуѣкъ поврежденный самъ собою можеть исправиться: это совершенно прошивно оной истинѣ. Если больной не видитъ и не знаешь возможности самъ излечить себя, шо долженъ ли онъ полагаться на себя, и отвергать помощь знающаго врача? Ни разумъ, ни опытъ не увѣряють, что исправленіе естественными силами возможно; но напрошивъ увѣряють, что, дабы испоргнуть зло, ошь *рожденія* въ насъ существующее, нужно, шакъ сказать, *перерожденіе* или новое рожденіе. Напрасно Кантъ въ самомъ Св. Писаніи хочеть найши подтвержденіе своего мнѣнія. То, что поводъ ко грѣху былъ не въ самомъ челоуѣкѣ, а внѣ его, можеть бышь уменьшаетъ нѣсколько вину его предъ очами Правды Божіей, но ни мало не уменьшаетъ въ немъ дѣйствія самаго зла. Въ самомъ ли шѣлѣ челоуѣка образовался ядъ, или принявъ имъ ошвѣтъ, (но не извергнувъ въ самомъ началѣ) дѣйствіе яда оспаешся равно смертносно.

II.

О ВРАНИ МЕЖДУ ДОВРЫМЪ НАЧАЛОМЪ И
ЗЛЫМЪ, ЗА ВЛАДЫЧЕСТВО НАДЪ ЧЕЛОВЪ-
КОМЪ.

Для исправленія себя недовольно оставишь зародышъ добра, дабы онъ самъ собою раскрывался, но нужно еще сражаться съ прошиводѣйствующею ему силою зла. Сіе полько (сраженіе) достойно имени добродѣтели (кошорая прошивна не невѣжеству и заблужденію, а злосни, ш. е. не оприцательному, а положительному злону свѣдѣству).

О идеаль совершеннаго челоѣка.

Въ дѣлѣ исправленія нравственнаго необходимо имѣть въ виду идеаль челоѣка совершеннаго. Таковый идеаль въ Хриспіанствѣ естъ олицетворенная идея Богоугоднаго челоѣка, Сынъ Божій, Слово. Въ Немъ Богъ возлюбилъ міръ, и мы, полько сообразуясь съ Нимъ, можемъ надѣяться бытъ Сынами Божиими: попому возвыщаться къ сему идеалу естъ обязакность каждаго. Но сія идея имѣетъ уже свою реальность (дѣйствительность) въ нашемъ нравственно-законодательномъ разумѣ. Хоши бы не было никакого подобнаго примѣра въ опытѣ: но и шога разумъ долженствовалъ бы избрать въ образецъ себѣ идею Богоугоднаго челоѣка. При семъ не нужны чудеса

для увѣренія: пребывають оныхъ значить не доверять добродѣтели. Посему если бы таковой человекъ и сошелъ, такъ сказать, съ неба, и произвелъ необозримо великое благо въ мирѣ: мы не имѣли бы причины принимать сего человека за лице высшее естественнаго человека, хотя симъ не опровергаешь, что онъ могъ родиться и сверхъестественно. Конечно, не лѣзя не чувствовать удивленія, любви и благодарности къ Тому, Кпо, имѣя все право на блаженство вѣчное, сошелъ однакожъ во глубину золь для блага нашего: но таковой сверхъестественный человекъ не можетъ быть для насъ примѣромъ подражанія. Спр. 73 и дал.

Умствование Канта слѣдующее: намъ нуженъ идеаль человека совершеннаго; таковой идеаль у Христіанъ есть Иисусъ Христъ: но въ разумѣ есть шось же идеаль: слѣдовательно сего одного идеала довольно. Умствование не должно, а потому не вѣрно. Полное умствование представляется слѣдующее: Намъ нуженъ идеаль человека совершеннаго и такового вѣрнаго идеала никогда не производилъ самъ разумъ; но въ Христіанствѣ есть совершеннѣйшій идеаль въ лицѣ Богочеловѣка, идеаль, въ которомъ человекъ все находишь, что нужно для его совершенства: слѣдовательно, самый идеаль разума должно повѣрять съ существеннымъ идеаломъ въ Христіанствѣ. Ибо безъ сего чѣмъ докажешь Кантъ, что идеаль его совершенъ? Идеаль нравственный у Аришотеля не таковъ, какъ у Платона; у Спонковъ другой, нежели у Перипатетиковъ. Вообще идеаль у Философовъ языческихъ не шось, что у Философовъ Христіанскихъ. Напр. идеаль Стоическій не одушевленъ шою

чистою всеобщю любовію, какъ у Христіанъ. Самый идеаль Каншовъ былъ бы весьма далекъ отъ истиннаго идеала, еслибъ Каншь не читалъ Евангелія. Такъ мало можно полагаться на идеалы нашего разума! — Чшо касается до нашего дѣйствительнаго образца, въ которомъ Каншь не желалъ бы видѣть ничего сверхъестественнаго: шо Философъ забываетъ, что Глава Христіанъ не есть шолько примѣръ нравственнаго совершенства; что въ другихъ отношеніяхъ (какъ Искупитель, Спаситель, Начальникъ Царства Божія) Исусъ Хриосъ не могъ быть просто челоѡкомъ, и что самое сверхъестественное, ш. е. Божество Его, не исключаетъ въ Немъ и силъ естественныхъ, подобныхъ нашимъ. Въ последнемъ отношеніи Онъ, безъ сомнѣнія, можеть и долженъ быть для насъ примѣромъ подражанія.

Довольствуясь *однимъ идеаломъ разума*, Каншь беретъ на себя изъ одного же разума рѣшить слѣдующіе вопросы: 1) Какъ мы, всегда несовершенные, спремаясь къ совершенству челоѡка Богоугоднаго и никогда онаго не достигая, можемъ быть богоугодными? — *Отв.* Въ дѣйствіяхъ нашихъ во времени мы несовершенны; но Сердцевѣдецъ взираетъ на главнсе наше свойство и, объемля взоромъ все цѣлое нашей нравственной жизни, видитъ одного совершеннаго челоѡка.— 2) Можемъ ли мы, при нашей слабости, быть всегда увѣрены въ неизмѣнности добраго нашего свойства? — *Отв.* Быть совершенно увѣренными въ семъ мы не можемъ и не должны; но можемъ и должны надѣяться, что съ успѣхами въ нравственности болѣе утвердятся и наши силы нравственныя. Доброе сердце само въ себѣ носитъ сію надежду, своего вну-

шренняго Параклиша. — 3) Какъ удовлетворимъ мы Правдѣ Божіей за прежніе грѣхи наши? — *Отв.* Казиа за грѣха въ осудившемъ грѣхъ чловѣкѣ не можетъ падати ни на сосподіе развращенія, которое прошло, ни на сосподіе новое, угодное Богу. Но грѣхъ не можетъ оспаднѣти безъ наказанія. Исхожденіе изъ свойства развращенія въ добрыя соединено съ горесцами и есть начало многихъ скорбей и лишеній. Чловѣкъ новый воспринимаетъ изъ для добродѣтели охотню, но воспринимаетъ за одну чловѣка вещькаго, и шѣмъ удовлетворяетъ Правдѣ Божіей. Спир. 84 и д.

Такое рѣшеніе предложенныхъ вопросовъ прилично какому-нибудь Софисту, а не строгому кристику Каншу. 1) Различеніе чловѣка въ явленіи и чловѣка въ идеѣ ничего не помогаетъ шамъ, гдѣ дѣло идеть о несовершенствахъ нравственныхъ, никогда не пре-
ещаютшихъ. Цѣлое (хотя бы безконечное), составлен-
ное изъ несовершенствъ, никакъ не можеть быть совершеннымъ. 2) Если не лъзя бышь уаврену въ поощающахъ своей долд: що не лучше ли, по ученію Христіанскому, смиришь себя предъ Богомъ и про-
ситъ Его благодати, нежели искать своего Паракли-
ша въ себя, который шѣлько же обманчивъ, какъ и наше самолюбіе, и можеть научишь насъ одной Спо-
нической гордости? 3) Удовлетвореніе Правдѣ Божіей, представляемое Каншомъ, есть шѣлько софистиче-
ское, ложное успокоеніе ума и совѣсти. — Немногія скорби добродѣтельнаго не могутъ бышь уплатою безконечнаго долга грѣховъ. Прѣшомъ нести оныя чловѣкъ обязанъ и шерцине его не есть что-либо сверхъ заслутъ и сверхъ должнаго.

Идеалъ злаго начала.

Начало злое, борющееся съ добрымъ за владычество надъ человекомъ, предъставляется въ Св. Писаніи въ олицетворенной идеѣ искусителя, князя міра сего. Онъ прельстилъ Прародителей, и основалъ на землѣ царство зла. Иудейская Теократія спаралась разрушить его царство; но такъ какъ законы ея не были чисто нравственными, а дѣйствовали чрезъ одно внѣшнее побужденіе; то князь пмы всегда могъ хорошо защищаться. Но вошь явился Мужъ, мудрѣйшій всѣхъ бывшихъ Философовъ, безгрѣшный, въ которомъ князь пмы не имѣлъ никакой власти. Владычество сего князя подверглось опасности, и онъ обѣщалъ Ему все, пребуя опъ Него только поклоненія себѣ. Поелуку же сей опытъ не удался, то князь пмы воздвигъ на Праведника всѣ гоненія и довелъ его до позорной смерти. Смерть сія, хотя не уничтожила злаго начала, но ограничила власть его такъ, что человекъ не можеть болѣе невольно удерживаться подъ сею властію: ему открытъ входъ въ царство добра. Подъ святышвеннымъ покровомъ сего повѣщпованія, говоритъ Кантъ, лежитъ разумный смыслъ, имѣющій практическую важность для всѣхъ, п. е. что разращеніе, въ коемъ мы сами виновны, можеть бышь побѣждено посредствомъ идеи нравшвенно-добраго во всей ея чистотѣ. Спр. 106 и д.

Изясняя такимъ образомъ Св. Писаніе, Кантъ сравниваетъ себя съ шѣмъ, о которомъ сказала Спаситель: *не браните (ему): иже бо нѣсть на емъ, но*

васъ есть (Марк. 9, 31, и Лук. 9, 50), и увѣрять, что онъ, хотя другимъ путемъ, но къ той же цѣли приводить, какъ и Хришось. Точно ли къ той же цѣли? Цѣль Канша только нравственная и въ одномъ разумѣ: цѣль Иисуса Христа удовлетворяющая всѣмъ существеннымъ потребностямъ духа и сердца человѣческаго, Божественная — въ самомъ Богѣ. Какое безконечное разстояніе между безжизненною нравственностію Канша и животною Религією Спасителя міра? Нѣтъ сходства между Каншомъ и тѣмъ человѣкомъ, который изгонялъ бѣсовъ именемъ Иисуса. Сей человекъ (Марк. 9, 3, и Лук. 9, 50) не могъ вредить вѣрѣ въ Иисуса; напрошивъ шопъ, кто вѣривъ и учивъ вѣривъ одному практическому разуму, явно имѣешь направленіе (намѣренное или ненамѣренное) антихристіанское. О шаковомъ справедливѣ скажешь шо, что сказано невѣрующимъ: *нже нѣсть со Мною, на Мл есть; и нже не собираетъ со Мною, растогаетъ* (Матт. 12, 30). О Теоократіи Іудейской будемъ имѣть случай говорить ниже.

III.

О ПОВѢДѢ ДОБРАГО НАЧАЛА НАДѢ ЗЛЫМЪ И ОСНОВАНІИ ЦАРСТВА БОЖІЯ НА ЗЕМЛѢ.

Посвятившій себя добродѣтели долженъ быть всегда готовымъ къ сраженію. Опасности для него не только къ немъ, но еще болѣе вѣтъ его, въ самомъ сообществѣ людей. Здѣсь для помощи его не довольно одного разума: прошивъ опасностей общества нужно также общество особенное, имѣющее цѣль нравственную; нужно, чтобы люди подъ знаменемъ добродѣтели соединились, дѣлы

соединенными силами дѣйствовать противъ зла, имъ общаго.

Понятіе и необходимость Церкви.

Человѣкъ долженъ оставить состояніе естественное, состояніе непрестанной войны и вступить въ общество гражданское. Такимъ же образомъ онъ обязанъ оставить и нравственное состояние естественное, не менѣе опасное, и быть членомъ общества нравственнаго. Это есть долгъ всего рода человѣческаго; сего пренебрежь идея высшего совершенства нравственнаго. Такое общество отлично отъ всякаго другаго общества. Законы его, опредѣляющіе внутреннюю форму дѣятельной (нравственности), нельзя представлять иначе, какъ заповѣдями законодателя Сердцевѣдца — Бога. Сіе общество есть народъ Божій, Церковь; одинъ Богъ собственно есть основатель онаго. Но изъ сего не слѣдуетъ, что все въ немъ надлежитъ предоставить одному дѣйствию Божію. Напротивъ, мы должны поступать такъ, какъ бы все зависѣло отъ насъ, и только подъ симъ условіемъ можемъ надѣяться, что высшая Премудрость усилія наши увѣнчаетъ успѣхомъ. Стр. 131 и д.

Изъ сего умствованія слѣдуешь: 1) что Церковь не можешь стоять безъ особеннаго правленія Божія (истина); 2) что не должно обращать вниманія на сіе особенное управленіе Божіе (ложь). По сужденію Канта, Церковь будешь носить одинъ шишуль Божій, а въ ней все будешь человѣческое, ничего Божественнаго. Такая Церковь не достигнетъ и той

цѣли, которую назначаетъ ей Кантъ, ш. е. полного совершенства нравственнаго. Ибо безъ дѣйствительной вѣры въ правленіе Божіе, человекъ скорѣе, соскуча своимъ несовершенствами, признаетъ самый законъ нравственный вымысломъ, нежели постоянно будетъ стремиться къ совершенству, никогда его не достигая. Но цѣль Церкви еще выше, обширнѣе цѣли нравственной: въ семь освященномъ обществѣ должны раскрываться всѣ силы духа нашего для неба, для вѣчности, для жизни въ Богѣ.

Истинная Церковь имѣетъ слѣдующіе признаки:
 1) Всеобщность и единство (нѣтъ въ ней мѣста раздѣленія на секты). 2) Чистоту нравственныхъ побужденій, безъ суевѣрія и фанатизма. 3) Свободу внутреннюю и вѣншнюю: не иллюминацизмъ и не Іерархію. 4) Неизмѣняемость существенныхъ постановленій, исключаящую произвольные символы. Церковь собственно не сходна ни съ какимъ родомъ правленія: это семейство одного Оупца невидимаго, въ которомъ Свяшый Сынъ сего Оупца, знающій Его волю, есть намѣстникъ Его и вмѣстѣ братья всѣмъ членамъ семейства. Спр. 142 и д.

Всѣ сіи признаки дѣйствительно принадлежатъ истинной Церкви, только не исключаютъ всего того, что хочешь исключить Кантъ. Никакое общество не можетъ быть безъ правителей и блюстителей закона. Церковь, какъ общество Божественное, должна имѣть такихъ правителей, которые дѣйствовали бы властію Божіею, а не властію одного разума и не одною властію вѣншною: должно имѣть Іерархію. Въ Церкви нужны и символы; но составленіе и измѣненіе ихъ не можетъ быть произвольнымъ и не подлежитъ одному разуму. То, что говоритъ Кантъ о Смыслѣ Божіемъ, На-

мѣстникѣ невидимаго Ошца: каковыя пишла занявъ ошъ Іисуса Хрисша, онъ ошдаешъ пракшическому разуму, Богословъ въ правѣ назвашъ Богохульствомъ, а Философъ — эгоизмомъ. Сему намѣстнику Божію едва ли кто будешъ воздавашъ высочайшее почшеніе, зная, какъ мало у него власти и силъ. Иные будущъ справедливо опасашься, чшобъ онъ не сдѣлался намѣстникомъ — ошца жи.

Чисная Вѣра ешъ шолько Вѣра разума, она одна можешъ бышь основаніемъ всеобщей Церкви, и шолько особенная слабосшь человѣческой природы виною въ шомъ, чшо сей Вѣрѣ не приписывающъ сполько, сколько она заслуживаешъ. (Посему Каншъ какъ бы сожалѣешъ о людяхъ, чшо они ищущъ другаго Богопочшенія, кромѣ исполненія должносшей къ себѣ и другимъ. Ему хотѣлось бы выше всего поспавишь законодапельство разума). Разумъ каждому изъясняешъ волю Божію въ законахъ нравсшвенныхъ: сіе предспавляешъ одну шолько Религію, какъ и одного Бога. Но предспавимъ еще положительныя законы Божіи: познаніе ихъ возможно шолько чрезъ Ошкровеніе и ешъ дѣло Вѣры исторической, которая не можешъ бышь всеобщей. Конечно разумъ не можешъ рѣшишь, какъ надлежишь почишашъ Бога въ Церкви, и пошому въ ней нужно законодапельство положительное; но сего не должно почишашъ дѣломъ Божешвеннымъ, неизмѣннымъ; люди могутъ и должны улучшашъ форму Церкви. Вообще Вѣра положительная случайна и ешъ шолько средство для чистой разумной Вѣры. Религія разума ешъ единсшвенная Религія (всѣ прочія называешъ Каншъ видами Вѣры). Спр. 145 и д.

1) Если во всѣхъ народахъ принимаютъ Богопочтеніе сверхъ Нравоученія, то это вѣрный знакъ, что для Религіи недовольно одной нравственности, ш. е. (по Канту) должностей къ себѣ и ближнимъ. Не слабость природы человѣческой (ибо Богопочтеніе имѣютъ и образованнѣйшіе изъ людей), а существенная потребность духа человѣческаго заставляетъ людей искать Богослуженія, имѣть въ виду Бога гораздо ближе, нежели какъ смотришь на него Кантъ съ своимъ практическимъ разумомъ.

2) Самъ Кантъ сознается, что разумъ не можетъ рѣшить, какъ должно почищать Бога въ Церкви и что въ ней нужно законодательство положительное. Изъ сего надлежало бы заключить, что если Богъ не оставилъ Церкви безъ особеннаго своего промысла: то положительное законодательство для нея должно быть дѣломъ Божественнымъ, а следовательно, для насъ неизмѣняемымъ. Ибо какъ смѣть измѣнять Вѣру положительную, если она Божественна? Кантъ не можетъ доказать невозможности такой Вѣры. Богъ не могъ ли открыть воли Своей, касательно благочестія, особеннымъ образомъ (не чрезъ разумъ)? Опроверженіе сіе дѣлается даже необходимымъ, когда представимъ съ одной стороны слабость нашу, а съ другой высокое назначеніе наше, въ разсужденіи коего всѣ идеалы наши (умственные и нравственные) суть только предчувствія, и которое исполнѣ знаетъ одинъ Высочайшій Покровитель міра нравственнаго и физическаго. Одинъ разумъ, безъ сомнѣнія, не можетъ объять всего плана Божественнаго упрядленія.

Для челоѣка необходима кака-нибудь Вѣра историческая, а для сохраненія и важности законовъ положительныхъ Церковныхъ нужно Св. Писаніе. Но высшее исполкованіе сей Вѣры и самаго

Св. Писанія должно бытъ въ чистой Вѣрѣ разумной. Писаніе тогда только содержишь жизнь вѣчную, когда свидѣтельствуетъ о истинномъ началѣ нравственномъ. Другой исполковашель Писанія — ученые Богословы, съ своимъ познаніемъ древностей и древнихъ языковъ. Что касается до шрепьяго исполкованія, внутренняго опыта, то онъ недоспапочень и безъ познанія разумнаго можетъ вести къ фанатизму. Спр. 157 и д.

Если Кантъ допускаешъ Св. Писаніе, т. е. Откровеніе Божественное, то подчиняшь оноѣ разуму значить превращаешь порядокъ вещей. Вѣра Церковная не должна бытъ противна разуму, если она Божественна (Откровеніе и разумъ одно имѣють начало); но *можетъ* и даже *должна* имѣть нѣчто высшее нашихъ познаній, т. е. чего разумъ исполковать не въ силахъ. Мнѣніе Канта о внутреннемъ опытѣ при чтеніи Св. Писанія было бы справедливо, еслибы справедливо было мнѣніе его о Св. Писаніи. Но какъ требовашъ одного разумнаго познанія тамъ, гдѣ многое гораздо выше сего познанія?

Что такое есть приближеніе Царства Божія?

Церковная Вѣра должна поспешенно восходяшь до всеобщаго владычества чистой разумной Вѣры, и сей ходъ есть приближеніе Царства Божія. Вѣроученія историческія относятся къ Церкви воинствующей: торжествующая же Церковь будетъ въ одной всеобщей Вѣрѣ разума. Та только

Вѣра спасительна, которая на сихъ двухъ условіяхъ основывается свою надежду на блаженство: 1) естъ удовлетвореніе за грѣхи, 2) Богу угождать можно доброю жизнію. Спир. 167 и дал.

Справедливо, что Вѣроученія историческія относятся къ Церкви воинствующей, но несправедливо то, что торжествующая Вѣра можетъ быть на сей же землѣ и въ сей же жизни. (Она будетъ, когда упразднится смерть и жало смерти — грѣхъ). Еще несправедливо то, что торжествующая Вѣра будетъ въ нашемъ разумѣ, который самъ по себѣ не торжествуетъ ни надъ спасшими, ни надъ прочими предпосылками добра. Первое условіе Кантовой спасительной Вѣры, очевидно, предполагаетъ Откровеніе: ибо одинъ Богъ можетъ открыть и дать грѣшникамъ средства для примиренія съ Его вѣчною правдою, а безъ сего не будетъ дѣйствительно и второе условіе.

(Изъ сихъ двухъ условій Кантъ отдаетъ преимущество послѣднему).

Для разума теоретическаго кажется необходимымъ, чтобы Вѣра въ замѣнительное за грѣхи наши удовлетвореніе была прежде добрыхъ дѣлъ: ибо иначе не лзя пояснить, какъ человѣкъ развращенный можетъ содѣлаться угоднымъ Богу. Но для разума практическаго необходимостъ нравственности естъ главное, и слѣдовательно мы должны начинать не вѣрою въ то, что сдѣлалъ для насъ Богъ, а тѣмъ, что должно дѣлать намъ: и. е. исправленіе жизни естъ высшее условіе спасительной Вѣры. При семъ видно преимущество чистой Вѣры разума предъ Вѣрою испо-

рической. Когда имѣемъ въ виду одинъ идеаль нравственный, то все равно, начинающъ ли Вѣроу разума или доброю жизнію. Напрощивъ, историческая Вѣра въ Сына Божія не есть одно съ началомъ доброй жизни. Дабы Вѣра сія была одно съ симъ началомъ, должно принявъ въ явленіи Богочеловѣка предметомъ спасительной Вѣры не то, что есть опытное, а то, что есть первообразъ умственный. Это ша же идея практическая, но она расширявается въ двухъ отношеніяхъ: въ Богъ и въ насъ. Если же Вѣру историческую примемъ за первое условіе спасительной Вѣры, то получимъ два различныя начала (опытное и разумное) и не лзя будетъ рѣшить, которымъ начинатьъ должно. — Изъ сего слѣдуешь, что Религія должна мало по малу освобождаться отъ условій опытныхъ, отъ всѣхъ послановленій, основанныхъ на Исторіи, и наконецъ должна господствовать одна чистая разумная Религія. Въ семъ состояніи дѣйствіе благаго начала, стремящагося основать свое царство по законамъ добродѣтели, побѣдитъ зло и даровать міру вѣчный миръ. Спр. 170 и д.

1) Конечно, для практическаго разума весьма важно добро нравственное, но для челоѣка и всего челоѣчества еще важнѣе удовлетвореніе Правды Божіей, снисканіе любви и благоволеніе Отца Небеснаго. Слѣдовательно, и разумъ практическій не имѣетъ права называть добрыхъ дѣлъ своихъ добрыми, если не будетъ увѣренъ въ благоволеніи Божіемъ къ себѣ.

Утверждаешь съ Кантомъ, что намъ не нужно знать, что сдѣлалъ или дѣлаетъ Богъ для нашего спасенія,

значить то же (говорить Баадеръ) (*), какъ если бы кто думалъ, что для сохраненія животной нашей жизни нѣтъ нужды знать, что учредила для сего Природа.

2) Кантъ хочешь видѣть въ Богочеловѣкѣ только то, что и въ своемъ практическомъ разумѣ, и опишишь все опытное, ш. е. Его чудеса, воскресеніе и ш. п. Но сіе значить то же, что представляешь Богочеловѣка равнымъ Канту и другимъ Нравоучителямъ. Сего, конечно, и хотѣлъ Кантъ, который не усомнился свой практической разумъ поставити на мѣсто Бога. Съ такою вѣрою, что будетъ съ человечествомъ? Оно должно отказаться отъ драгоценнѣйшихъ надеждъ своихъ. Если нѣтъ у насъ Божественнаго Искупителя, если нѣтъ удовлетворенія за грѣхи: то не все ли спудятся и всѣ Моралисты?

3) Два различныя (по Канту) начала, ш. е. вѣришь тому, что сдѣлалъ для насъ Богъ, и тому, что должно дѣлать намъ, не столь различны, чтобы не могли составить одного начала. Знаешь первое есть такъ же потребность человека, какъ и знаешь послѣднее. Христіанство учишь и разумъ не можешь на то не согласиться, что Вѣра безъ дѣлъ мертва, но и дѣла безъ Вѣры не оправдаютъ, Изъ сего слѣдуетъ, что Религія не должна освобождаться и никогда не освободится отъ условій опытныхъ, и религіи одного разума не господствовать на землѣ.

Историческое изображеніе хода всеобщей Церкви.

Историческое изображеніе того, какъ постепенно раскрывалось правленіе добраго начала,

(*) Ueber die Begründung der Ethik durch die Physik. Мюнхенъ, 1818, стр. 51.

есть вмѣстѣ описаніе того, какъ Церковная Вѣра раскрывается въ разныхъ формахъ до пождешвенности ея со всеобщею чистою религіозною Вѣрою. Сюда принадлежишь Исторія той только Церкви, которая въ самомъ началѣ своемъ была направлена ко всеобщности таковой Вѣры. Иудейская Вѣра, по своему первоначальному направленію, есть составъ однихъ послановленій общеспвенныхъ. Ибо Теоокрапія, представлявшая Бога только Правителемъ міра, безъ отношенія Его къ совѣсти, не составляетъ Религіи; всѣ заповѣди, даже Десятословіе, у Моисея имѣли въ виду одну внѣшность дѣйствій; награды и наказанія опредѣлялись только временныя безъ живой вѣры въ жизнь будущую; самая наконецъ опредѣленность народа избраннаго отъ всѣхъ прочихъ была совершенно противна духу всеобщей Церкви. И такъ только въ Христіанствѣ, которое совершенно отказалось отъ Иудейства и произвело всецѣлое превращеніе въ ученіи Вѣры, началась Церковь всеобщая. Спр. 183 и д.

Кантъ древнихъ Евреевъ почти совсѣмъ лишаетъ Религіи. Онъ утверждаетъ, что въ послѣдствіи времени каждый изъ нихъ составлялъ свои вѣрованія и приспособлялъ ихъ къ духу законовъ полишическихъ (Моисеевыхъ), въ которыхъ будшо бы не было ничего собственно религіознаго (спр. 188). Отъ чего такое мнѣніе? Отъ того, что Кантъ принялъ свое Нравоученіе за единственную Религію и потому, гдѣ онаго не видѣлъ, тамъ не находилъ и Религіи. Но еслибы сей Философъ имѣлъ истинное понятіе о Религіи, еслибы главнымъ образомъ составлялъ ее

въ Богопочтеніи, шо могъ бы видѣть, что Іудеи имѣли Религію и что сія Религія вела людей къ Христіанству, подобно тому, какъ Педагогъ ведетъ дѣтей къ шому званію и должности, къ которымъ они гоповящяся. Уже и шо одно могло вразумишь Канди, что народъ Еврейскій произошелъ ошь Іакова и Авраама, и что если сін Папшріархи имѣли Религію, шо шу же Религію должны были имѣть и ихъ попомки. Моисей шолько очищаль въ Вѣрѣ народа шо, что вошло къ нему ошь язычниковъ, а попому излагаль и Нравоученіе не шолько въ правилахъ и системѣ, сколько въ примѣрахъ. Праощцевъ (въ Книгѣ Бышій). Самъ Іисусъ Хриосъ ничего не находиль у Моисея противнаго чистой нравшвенности, и училь, что Онъ Самъ пришелъ не разоришь законъ, а исполнишь. Что касается до догмата о безсмертіи души, шо и сей догматъ не былъ безъизвѣстенъ древнимъ Евреямъ: ибѣ Моисей поучаль оному въ примѣрѣ Еноха, въ поняшій о смерти, какъ о приложеніи или ошхожденіи къ ошцамъ, въ поняшій о Богѣ, какъ Богъ Авраама, Исаака и Іакова. Наконецъ, еслибъ Канш швердо вѣриль особенному промыслу Божию о чело-вѣкахъ, шо по сему одному, онъ не ошвергаль бы существованія Церкви чрезъ шысячи лѣтъ (до Христа), сознался бы, что Теоокрашія не была дѣломъ чело-вѣскимъ и что самая ошдѣленность народа избраннаго ошь прочихъ, была нужна до времени (шакимъ образомъ, въ удаленіи ошь язычниковъ сохранились начала всеобщей Церкви — для язычниковъ же).

Учитель Христіанства, объявивъ себя Посланикомъ Неба, и, будучи достойнымъ сего званія, ошвергъ вѣру рабскую, училь вѣрѣ нравшвенной какъ единшвенно спасишельной и въ своемъ ученіи и невинной смерти предложилъ образецъ чело-вѣ-

честву. Ученіе сіе, полько какъ предметъ Вѣры исторической, пребывало для подпвержденія своего чудесъ. Но по, что естъ предметъ разума, не перебуешь шаковаго подпвержденія: по имѣешь въ самомъ себѣ свое доказательство. — Опъ чего произошли миспикки-фанашики, религіозныя суевѣрія въ народѣ, злоупотребленіе Іерархіи, споры и раздѣленія? Опъ чего попрясеніе гражданскаго порядка, силою Папъ, на Западѣ, кровавые Крестовые походы, мятежи подданныхъ прошивъ Правительства, смерпельная ненависть къ разномыслящимъ? Опъ того, что шу Вѣру, которая назначена была для первоначальнаго введенія Христіанскаго, поставили въ основаніе Религіи всеобщей, каковымъ можетъ быть полько Вѣра чиспая религіозная (разума), Вѣра, въ разсужденіи которой не можетъ быть никакихъ спорныхъ мнѣній. Стр. 191 и д.

Кантъ не различаетъ существенныхъ для Христіанства предметовъ Вѣры исторической (напр. воскресенія І. Христа) опъ несущественныхъ (напр. обрядовыхъ). Если гдѣ послѣдніе поставлялись на мѣста существенныхъ, по это несовершенство челоѣковъ, а не Вѣры. Касательно же швердоспи Вѣры въ первомъ отношеніи, представляюща, въ прошивоположность Кантовымъ, слѣдующіе вопросы: опъ чего произошло истинное геройство Мучениковъ? опъкуда высшіе образцы добродѣтелей въ пустыняхъ и на престолѣ? опъкуда удивительное краснорѣчіе и сила слова на кафедрахъ дерковныхъ? опъ чего произошло обращеніе ко Христу язычниковъ, ихъ мудрецовъ и Царей? опъ чего смягченіе нравовъ самыхъ

дикихъ народовъ и другія благодѣшельныя для чело-
вѣчества слѣдствія? — Ошь того, что шу Вѣру,
кошорая была началомъ и введеніемъ Религіи Хри-
стіанской, почитали всегда главною, Божественною,
краеугольнымъ камнемъ Церкви всеобщей!

Послѣ сего удобно отвѣчать на вопросъ: какое
во всей извѣстной Церковной Исторіи время ешь
наилучшее? Эшо наше время: ибо зародышь ис-
пипной Вѣры разума нынѣ въ самой Вѣрѣ церковной
вполнѣ раскрывается. Нынѣ разумъ слѣдуетъ пра-
вильно справедливой скромности, оказывая должное
уваженіе Писанію какъ ученію нравственному, до-
стойному бытъ опкровеніемъ Божиимъ, и какъ
книгѣ священной, для общества религіознаго не-
обходимой, не выспавляя впрочемъ Вѣры въ по-
спановленія церковныя необходимою для блаженства.
Топъ же разумъ, находя въ Св. Исторіи одно по-
собіе для Нравоученія, внушаетъ, что испипная
Религія не соспоитъ въ знаніи того, что сдѣлалъ
для насъ Богъ, а соспоитъ въ знаніи того, что
должны дѣлать мы для нашего блаженства. Такому
ходу Церкви къ совершенству должны содѣйство-
вать всѣ и самое Правительство. Спр. 197 и д.

Чшобъ видѣть сіе наилучшее Каншово время, обра-
тнимъ вниманіе на происшествія временъ Каншовыхъ.
Религія Канта явилась 1793 года, когда во Франціи,
ошвергнуши Опкровенную Религію, воцаряли разумъ и
вольность, и умершвили Короля. Можно пошомъ ука-
зашъ на вольнодумство, натурализмъ, публично про-
повѣдуемая въ Германіи, на измѣняемость и дробленіе
Церкви Западной и особенно Протестантской (Как-

шовой) (*), на непрестанные машежи, смѣны Королей и пр. и пр. Такому ходу Церкви разума должно ли содѣйствовать Правительство ?

Конецъ міра составляетъ заключеніе Исторіи Церкви. Явленіе Антихриста, тысящелѣтіе, второе пришествіе Христова, побѣда надъ врагами Церкви и совершенное погребеніе вождя ихъ (въ Апокалипсисѣ) могутъ имѣть у разума хорошее символическое значеніе. Но само по себѣ это есть прекрасный идеалъ той нравственной, предзримой Вѣрой эпохи, которую составляетъ введеніе истинной всеобщей Религіи, когда будетъ: *Богъ вселеская во вѣкъ*, т. е. Вѣра историческая перейдетъ въ чистую Вѣру религіозную, всеобщую. Стр. 202 и д.

Если Канту позволено пророчество Откровенія приспособлять къ гаданіямъ разума: то съ лучшимъ правомъ можно гаданія разума приспособлять къ пророчеству Откровенія. И такъ мы можемъ сказать, что явленіе Антихриста весьма сходно съ явленіемъ Религіи натуралистовъ, и что тѣ, которые воцаряютъ разумъ, положивъ къ ногамъ сего царя Олшари и все священное, увидятъ того, о которомъ пишетъ Апостоль (2. Сол 2, 4). Къ натуралистамъ же идетъ и сіе изреченіе: «Любве истины не пріятна, во еже спаситися имъ: и сего ради послетъ имъ Богъ дѣйство»

(*) С. F. Staudlin свидѣтельствуемъ, что Протестантское Богословіе, въ послѣднюю половину прошедшаго вѣка, столько извѣдалось, что если бы воскресли древніе Богословы, то они не признали бы его своимъ. Beiträge zur Phil. und Gesch. der Religion und Sittenlehre. Ч. IV, съ начала.

льши, во еже вѣроваши имъ жи. (Тамъ же, стр. 10 и 11).

IV.

О истинномъ и ложномъ служеніи Богу,
подъ правленіемъ добраго начала.

О Богослуженіи вообще.

Религія, подлежательно разсматриваемая, есть признаніе обязанности нашихъ заповѣдями Божиими. Та Религія, въ которой прежде нужно знать, что есть заповѣдь Божія, дабы признавать по нашей должностію, называется *откровенною*; если же прежде знаемъ, что это есть долгъ нашъ, а изъ того уже познаемъ, что то есть заповѣдь Божія, въ такомъ случаѣ Религія есть *естественная*. Къ естественную Религію причисляютъ нравственно необходимою, пошъ *раціоналистъ*; и если онъ отрицаетъ дѣйствительность всякаго сверхъестественнаго Откровенія, то онъ *натуралистъ*; если же, хотя допускаетъ дѣйствительность Откровенія, но причисляетъ оное не нужнымъ для чистой Религіи, то его можно назвать *чистымъ раціоналистомъ*; кто наконецъ вѣру въ Откровеніе признаетъ необходимою для Религіи всеобщей, пошъ *чистый супранатуралистъ*. Спр. 229 и д.

1) Каншово опредѣленіе Религіи совершенно недоспашочно, такъ, что самые лучшіе изъ учениковъ его не приняли онаго, а старались найти болѣе удо-

вмешворительное понятие о Религии (*). По мнению Канта; для Религии не нужно даже познание Бога утвердительное, а пребудется только действительное познание законов нравственных, как заповедей Божественных (т. е. признание их столько же важными, как бы они были Божиими). Таким образом вся Религия ограничивается одною нравственностью и совсем не есть Религия, а только Нравучение, при том неполное и без духа жизни: ибо Кант отвергает непосредственные наши обязанности к Богу. Религия должна все относить к Богу; она вмещает в себя и истины (относящиеся к Богу) для познания и Веры, и обязанности (относящиеся к Богу) для деятельности нашей внутренней и внешней.

2) Изъ сего явствует, что различие, какое делается Кантом между Откровенною Религією и Естественною относитья можешь развѣ къ Нравученію Откровенному и Нравученію разума. Но и при семъ Кантъ, поставляя въ Нравученіи Откровенія прежде познаніе заповѣди Божіей, а потомъ, какъ слѣдствіе того, познаніе нашей должности, несправедливо предполагаетъ, будто Откровеніе усматриваетъ дѣйствіе нашего разума. Въ нравучительной часши

(*) *Парей* (Ioh. Ernst Parow. Grundriss der Vernunft, Religion, 1799) говоритъ: Религія есть расположеніе духа, происходящее отъ Веры въ нравственный Правитель міра и выражающееся въ сужденіяхъ, чувствованіяхъ и дѣлахъ. По *Факте* Религія есть дѣлательное свободное признание нравственного порядка міра. По *Шеллину*— не что иное, какъ умственное созерцаніе Абсолютнаго и происходящее отъ него стремленіе болѣе и болѣе уподобляться сему Абсолюту. По *Круцу* (Wilhelm. Traugott Kruz's Religionslehre, § 1) Религія состоитъ въ высшемъ направленіи всей, особенно практической, деятельности нашего духа къ сверхъчувственному, безконечному и вѣчному.

Ошкровенной Религии разумъ встрѣчается съ Ошкровеніемъ, и святыя правила его сознаешь святыми потому, что свѣтъ ихъ освѣщаетъ собшвенные его нравственныя законы. Такъ разумъ ученика встрѣчается съ разумомъ наставника, когда сей помогаетъ первому находить истину, и ученикъ признаешь что-либо истинною не пошому шолько, что шакъ думаешь учишель, а и пошому, что сознаешь шо самъ въ себѣ.

Религію Христіанскую можно разсмашривать какъ подтвержденіе Религии Естесшвенной, какъ ученіе нравственности, соединенное съ ученіемъ о Богѣ и безсмершнн дуци. Въ семъ смыслѣ она есть ученіе Церкви всеобщей. Сей характеръ ея, чнсно нравственный, показывають слѣдующія мѣста изъ Евангелія:

1) Чнсное нравственное расположеніе сердца, а не наблюденіе церковныхъ постановленій, угодно Богу (Матѣ. 5, 20—48); грѣхи въ сердцѣ равняюшся предъ Богомъ самимъ грѣховнымъ дѣламъ (28); ненависть въ сердцѣ шо же что убійство (22); обида, другому нанесенная, можетъ быть вознаграждена шолько удовольствореніемъ ему самому, а не посредствомъ дѣлъ Богослужебныхъ (24); естесшвенное, но злое направленіе сердца должно быть совершенно превращено: вмѣсто чувства мщенія, должна быть шерѣтливость (39, 40), вмѣсто ненависти ко врагамъ, благошворительность (44); чнстыя чувствованія должны выражашся дѣлами (16) и оныхъ не замѣнишь призываніе и прославленіе Бога (7, 21). Главное начало должностей: исполняй долгъ изъ одного уваженія къ долгу, ш. е. *люби Бога паке всего.*

Отсюда происпектуетъ и слѣдующее начало: споспшесшвуй блугу челоувковъ, желая блуга имъ не-посредспвенно, а не по споекорыспнымъ видамъ, ш. е. *люби ближняго какъ себя*. Добродштели обшцаются награда въ другой жизни (11, 12), но ншъ почитаются спвершенншйшими, которые исполняютъ долгъ не для награды, а для самаго долга (25, 35 — 40). Таковая Религш, которую можешъ всякому исполковать его разумъ, не пребуешъ другой вшры, ни учености, ни чудеса. Спр. 236 и д.

Хотя и въ каждомъ почти положенш здшъ виднш Кантш, шолкующш не шолько ученше Евангелш, сколько свою Философшю, но еще видше онъ въ слвшствшяхъ, какш выводшть изъ спомхъ шолкованш, призывая все ученше Евангелское шолько Нравшученшемъ, не пребующшмъ Вшры. Онъ не пршмшчаетъ, что Религш Хршспанская въ самой Нравшвенной своей частш, указывая на еспественный законъ въ насъ, вмшстш предплагаетъ Вшру: ибо почему пребуешся опъ Хршспанъ спвершенная нравшвенность? Поэтому, что бшй чада Благодати; что имъ обшцана вышшая помощь. Въ шой же вагорной проповшди Исуса Хршста, которую разспатриваетъ Кантш сказано: *просите и дастся вамъ* и проч. (7, 7).

Совсшмъ иначе спмпршшт Кантш на Хршспанскую Религшю со спторы ея испорической и догматической, называя ее въ семъ случаъ Религшю *ученою*. Онъ не иначе мирштся съ нею, какъ если вшра не будешъ долгомъ и спущественною частшю Религш, если Учштели и исполкователи Вшры будшть не вождями и Правштелями, а шолько наспавниками невшждъ, и если будшть учшшь чшстой

Религии разума, а не Вѣръ церковнослужебной; утверждаетъ будто Учищели Церкви совсѣмъ измѣнили по направленіе Религии, какое далъ ей Іисусъ Хриосъ. Наконецъ говоришь: не лѣзя рѣшишь, какія еще предстоятъ перемѣны сей Вѣрь ошь учености и ея аптипода — внутреннаго свѣта: онѣ неизвѣстны, доколѣ будемъ искашь Религии не въ насъ, а внѣ насъ. Сшр. 247 и д.

1) Мы, напросивъ, увѣрены, что перемѣнъ опасаться должно тогда, когда Религия будетъ дѣломъ одного разума. Согласились ли когда-нибудь между собою Философы? согласились ли, и надолго ли, въ уставахъ Религии шѣ преобразователи, которые съ законнымъ Правительствомъ отвергли и Ошкровенную Религію? Скоро познали необходимость обратиться опять на лоно той же Машери, которую изгнали, не нашедъ у новыхъ кормилицъ ни пищи, ни нѣжности машеринской. Такъ ненадежно основаніе Религии въ разумѣ! Напросивъ, если основаніе ея и въ насъ и въ Ошкровеніи, то всегда ешь оплошь, ограждающій Религію и ошь собственныхъ погрѣшностей разума и ошь произвольныхъ шолкованій Ошкровенія.

2) Обвиненіе, какое произносишь Каншь надъ Учищелами Церкви, падаешь на самаго Канта. Дѣйствительно, ошнись у Религии Христіанской все Божественное и оставишь ей одну бездушную Каншову нравственность, значишь совсѣмъ измѣнишь направленіе Религии: сего мало — это значишь хотѣшь совсѣмъ уничтожишь Религію.

О ложномъ служеніи Богу.

Ложное служеніе Богу ешь то, когда Вѣру неспорическую и пошпановишельную предпочипа-

юсть нравственности, или то, что должно быть средством, поспавляюшь цѣлю.

Общее подлежащее основаніе таковой мнимои Религіи есть антропоморфизмъ, хотя въ теоретическомъ отношеніи невинный, но въ практическомъ вредный. Люди составляютъ сами себя Бога, которому хопяшь благоугождать своимъ образомъ, не прямо сердечнымъ жертвоприношеніемъ, а еще церемоніями, празднованіями, путешествіями и произвольнымъ себя мученіемъ. Чѣмъ менѣе все сіе относится къ исправленію нравственному, тѣмъ кажется святѣе: ибо по тому самому, что сіе не имѣеть никакой пользы, а требуетъ одного труда, повидимому, лучше выражаетъ сердце, преданное Богу, Который (говоряшь) смодришь здѣсь на доброе изволеніе и готовность воли, хопя по себя слабой. Спр. 255 и д.

Справедливо, что внѣшніи дѣла Богопочтенія не замѣняютъ внутренняго Богопочтенія, если онаго не будетъ. Но таковыя дѣла всегда суть лучшія и близкія средства для сохраненія, возбужденія и подтвержденія Религіи внутренней. На деревѣ главное — плодъ его, а не листья. Но оборвите листья: не будетъ ни цвѣта, ни плодовъ, и самое дерево испоршится. Сверхъ сего, наружное Богопочтеніе есть и долгъ человека, какъ существа чувственно-разумнаго, который долженъ служить Богу не половиною существа своего, а всѣмъ существомъ.

Начало противоположное мнимои (по Канту) Религіи есть слѣдующее: все, что кромѣ доброй жизни почишаюшь дѣломъ Богоугоднымъ, отно-

сится къ Богослуженію ложному. Мнѣніе, что дѣлами Богочщенія можно заслужить предъ Богомъ оправданіе, есть религіозное суевѣріе, подобно какъ мнѣніе, что для сего нужно иѣкое ближайшее сообщеніе съ Богомъ, есть религіозный фанатизмъ. Для исправленія же и въ предупрежденіе мнимои Религіи Кантъ предлагаетъ слѣдующее правило для церковной Вѣры. Вѣра сія вмѣстѣ съ положительными правилами, безъ кошорыхъ она нынѣ совершенно обойтись не можетъ, должна содержать въ себѣ начало, по коему вводилась бы Религія доброй нравственности, какъ истинная цѣль, дабы можно было современемъ обойтись и безъ оныхъ положительныхъ правилъ. Спр. 260 и д.

Наконецъ Кантъ, въ жару нравственнаго эгоизма, такъ опзываетъ о Богочщеніи: «Благочестіе должно быть средствомъ добродѣтели, а не наоборотъ. Если же Богочщеніе поставимъ первымъ и оному подчинимъ добродѣтель, то сдѣлаемъ идола, копорому будемъ угождать ласкашескимъ и Религія будетъ идолопоклонствомъ!» Спр. 286.

1) Напротивъ! Тогда дѣлается идолъ, когда нравственность наша предпочитается Богочщенію и разумъ Откровенію. Идолъ сей есть изъ всѣхъ худшій, ш. е. наше Я, копорому хочашъ жертвовать всѣмъ священнымъ. Добродѣтель можно назвать средствомъ, а лучше — плодомъ истиннаго Богочщенія, но никакъ не лзя назвать цѣлю Богочщенія. Ставить шакою цѣль въ себѣ, значить то же, что самого себя дѣлать средствомъ всего (Богомъ).

2) Кантъ хочетъ положить въ основаніе Вѣры

Церковной начало ея разрушенія. Дабы начало сіе было сколько-нибудь годно, надлежитъ разрушить вмѣстѣ и существо чловѣка, и, отдѣливъ отъ него все прочее, оставишь одинъ практическій разумъ.

КАНТОВО УЧЕНІЕ О БЛАГОДАТИ.

Разумъ, сознавая свою недоспашочность удовле-творити претребаніямъ нравспвеннымъ, въ помощь себѣ изобрѣтаетъ прансценденшныя идеи: 1) *О дѣйствіяхъ Благодати*, 2) *о чудесахъ*, 3) *о тайнахъ*, 4) *о пособіяхъ или средствахъ* для полученія *Благодати*. Если сіи идеи дѣлаются прансценденшными и въ нравспвенномъ отношеніи, шо приводятъ первая къ фанатизму, вторая къ суевѣрію, третія къ иллюминанизму, а четвертая къ евангеліургіи. Спр. 63. Примѣч.

Трансценденшное въ нравспвенномъ отношеніи, по Канту, есть шо, что выше нашихъ нравспвенныхъ понятій, или шо, чему не лзя дать одного нравспвеннаго значенія. Справедливо, что онныя идеи, безъ всякаго приложенія ихъ къ нравспвенному исправленію, могутъ бытъ во зло употреблены, и приводятъ къ шѣмъ послѣдствіямъ, какія Кантъ исчисляетъ; но справедливо также и шо, что если сіи идеи обнажимъ отъ всего сверхъестественнаго (чего хочеть Кантъ), шо останутся безжизненныя идеи разума, изъ коихъ первая приведетъ къ самонадѣятельности — *нравспвенному эгоизму*, вторая къ отверженію всего, высшаго природы — *теоретическому натурализму и фатализму*, третія къ вѣрѣ въ одинъ разумъ — *теоретическому эгоизму*, а четвертая — къ

равнодушію въ отношеніи ко всему священному — безрелигіозности.

1) *О дѣйствіяхъ Благодати.*

Нужно ли намъ содѣйствіе Благодати? Кантъ прямо не опровергаетъ ни нужды, ни возможности сего содѣйствія, но спарается ослабить ученіе о Благодати и даже опвлечъ насъ опъ онаго пѣтъ, что а) въ самомъ нравственнo поврежденномъ челоѣкѣ хочеть доказать возможность исправленія собственными его силами, б) почитая содѣйствіе Благодати непоспихаемымъ, вѣру въ оное признаеть ненужною.

а) Уваженіе къ закону нравственнoму у насъ не погасло: слѣдовательно оспается въ насъ сѣмъ добра неповрежденнымъ и оное должно бытъ только очищаемо. Для возстановленія въ насъ добра, конечно, необходимо всецѣлое измѣненіе сердца или какъ бы переломъ (*révolution*) воли, что для поврежденнаго челоѣка предспавляется невозможнымъ: но сіа перемѣна въ челоѣкѣ — ноуменъ (разсма- шриваемомъ въ идеѣ) совершился, когда онъ измѣнилъ главное правило своихъ дѣйствій одинъ разъ на всегда, а въ челоѣкѣ феноменъ (въ явленія во времени существующемъ) будетъ совершаться постепенно, въ восхожденіи къ лучшему. Для произведенія сей главной перемѣны Кантъ совѣщуетъ заставлятъ учениковъ, въ примѣрахъ дѣланій добрыхъ опличать чиспыя побужденія опъ нечиспыхъ. Не нужно, говоритъ, при семъ производить въ нихъ удивленія къ добродѣтельнымъ

посупкамъ, дабы не подасть мысли, будто сіи посупки выше порядка нравственнаго: удивленіе нужно шолько къ самому закону нравственному, который возвышаетъ духъ нашъ надъ всіми склонностями естествовыми. Спр. 52 и дал.

Человѣкъ — номень, таковъ ли и предъ Богомъ, какъ онъ чиспымъ представляется Канту? Поелику онъ шѣсно соединенъ съ человѣкомъ — феноменомъ, шо, по увѣренію самаго разума, онъ своими силами никогда не можешъ совершенно очиститься: ибо нечиспныя побужденія и склонности наши естествоно должны всегда дѣйствовать на послѣдующія наши дѣйствія (таковъ вообще законъ душевной дѣятельности) и вліяніе оныхъ можно шолько ослабить, но не уничтожить. Такъ рѣка, верхними нечиспными ручьями непрестанно наполняемая, никогда не будетъ чистою, хотя бы нижніе ручьи совершенно были чисты. Да и откуда произведемъ чистый обильный пошокъ въ развращенномъ сердцѣ? И шакъ, вѣсто того, чшобъ съ Кантомъ удивляться закону нравственному, не лучше ли въ смиреніи благоговѣть предъ самимъ Творцемъ сего закона и прибѣгнуть къ Его всемогущей Благодати?

б) Но положимъ, что для исправленія несовершенства нравственнаго силы наши недоспащочны, а необходима еще сила сверхъестественная: человѣкъ долженъ заслужить оную своими же усилиями: ибо, не скрывая шалантъ, себѣ вѣренный, а упошребляя свои силы для своего блага, онъ можешъ надѣяться, что высшее содѣйствіе воспольнитъ шо, чего не доспаешъ ему. Намъ не нужно знать, въ чемъ состоитъ сія помощь, а должно шолько поступать шакъ, чшобъ быть

оной достойными. Дѣйствія Благодати въ теоретическомъ отношеніи не подлежатъ познанію, ибо не лзя различать ихъ отъ внутреннихъ естественныхъ дѣйствій нашихъ; въ практическомъ отношеніи вѣровать въ оныя и ожидать ихъ, значить добро нравственное дѣлать не нашимъ добромъ, а дѣломъ другого, и усваивать оно себѣ однимъ недѣйствіемъ нашимъ. — И такъ можемъ допускать дѣйствіе на насъ Благодати, какъ вѣщо непоспимое, но не принимаемъ онаго за правило наше ни для теоретическаго, ни практическаго употребленія. Спр. 61 и д.

То есть: человекъ долженъ дѣйствовать по своему, хотя и есть высшій Руководитель и Наставникъ. Такое ученіе, вмѣсто увѣренности въ силу Божіей благодатной, внушаетъ намъ увѣренность въ собственныхъ силахъ и заставляетъ всего болѣе уважать *своо*. Конечно, совершенное бездѣйствіе наше не привлечетъ къ намъ Благодати, но и самонадѣтельность не будетъ ея достойна. Припомъ, если я, дѣйствуя своими силами, *можетъ быть*, заслужу Благодать, *то можетъ быть*, произведу и все самъ собою. Если же вѣщо во мнѣ послѣдней возможности, *то вѣщо* первой: дѣйствія мои, при моей испорченности, не могутъ быть угодны Богу. И такъ мнѣ остается, при всѣхъ моихъ усиліяхъ, одно сознаніе моей немощи нравственной и открытіе сердца вышнимъ дѣйствіемъ Благодати — Вѣра.

2) О гудесахъ.

Возможности чудесъ Кантъ также не отвергаетъ; но признаетъ оныя пужными только при

первоначальномъ введеніи Религіи, но ненужными и даже бесполезными нынѣ, и утверждаетъ, что это есть знакъ великаго невѣрія, когда заповѣдямъ, написаннымъ въ сердцахъ, не иначе хопимъ вѣрить, какъ при помощи чудесъ.

Последняя мысль была бы правильна, елибѣ не скрывала ложнаго предположенія (у Канта), будто одинъ нравственный законъ есть Религія и что все къ ней относящееся человекъ можетъ найти самъ въ себѣ.

Чудеса возможны: ибо Богъ какъ Творецъ и Правитель міра физическаго и нравственнаго самъ по себѣ не ограничивается законами природы; но мы не можемъ имѣть ни мадѣйшаго понятія о томъ законѣ, по которому Богъ дѣйствуетъ въ произведеніи чудесъ, и оплачавъ оныхъ опы дѣйствій естественныхъ. Знаемъ только, что таковое дѣйствіе не должно быть противно законамъ нравственнымъ; но сей отрицательный признакъ, безъ положительнаго, ничего не опредѣляетъ. Спр. 118 и д.

На сіе скажемъ: тѣ, которые не хотятъ вѣрить, и еще кто изъ мертвыхъ воскреснетъ, не имутъ веры: ибо всегда могутъ говорить съ Кантомъ, что мы знаемъ одни законы нравственные (а знаютъ ихъ и сіе какъ должно, въ томъ судіи они сами себя), а законовъ естественныхъ всѣхъ и совершенно не знаемъ. Напротивъ, ничѣмъ непредубѣжденные легко увѣряются, что Богъ, воскрешая напр. мертваго, дѣйствуетъ не по законамъ естества; тѣмъ болѣе, когда шумъ же видишь и цѣль, достойную Бога (на пр. увѣреніе въ истинѣ Религіи).

И такъ , хопя бы и были чудеса , но мы не-должны вѣры въ оныя принимаешь за наше правило. Правдивенное исправленіе естъ долсъ всегда насъ обязующій , а чудеса не супъ шакія дѣйствія , коими можно пользоваться непосредственно и , шакъ ска-зашъ , привлекаешь ихъ съ неба. Намъ оспаешся повиновашъ закону внушреннему и дѣйствовашъ шакъ , какъ бы все зависѣло ошъ собспвенныхъ нашихъ усилій (Тамъ же).

Справедливо , что мы не должны шребовашъ чудесъ , когда намъ угодно ; но не должны и ошвергашъ чу-десъ , когда они еспь. Не имѣемъ причины ошвергашъ и шого , что они могутъ быть и нынѣ. Ибо не лъзя ошраничывашъ дѣйствій Божіихъ ни временемъ , ни мѣшомъ , и ошрицашь пользы шакovýchъ чрезвычай-ныхъ дѣйствій по крайней мѣрѣ , въ чрезвычайныхъ же случаяхъ. Если чудеса не въ нашей власти , по заключаемъ , что производить ихъ можешъ одинъ Богъ и производить не по нашему произволу , а когда и какъ Ему угодно. Еслибъ все могли привлекашь ихъ съ неба , они не были бы шогда чудесами ; но что шрешашествуетъ Богу давать шакую возможность шѣшорымъ , для особенной , Ему извѣстной цѣли?

3) О тайнахъ.

Существованіе шайнъ Кантъ признаешъ необ-ходимымъ въ Религіи , но учить , что а) Религія разума имѣетъ свои шайны , ошкрываемыя разумомъ , и б) что нѣтъ надобности въ Божешвенномъ Ошкровеніи шайнъ.

а) Правдивенныя начала наши , когда прилагаемъ ихъ къ ошуществленію идея нравственнаго добра

и когда сознаемъ недоспапачность нашу къ осуществленію сей идеи, приводящъ насъ къ вѣрѣ въ содѣйствіе нравственнаго Правителя міра: при чемъ открываея намъ бездна таинственныхъ дѣйствій Божіихъ. Мы не знаемъ, какое именно дѣйствіе здѣсь должно приписать Богу, а знаемъ только то, что должно дѣлать намъ дабы удостоиться сего непостижимаго содѣйствія. Не знаемъ, что Богъ есть самъ въ себѣ, но знаемъ, что Онъ есть для насъ, какъ существъ нравственныхъ, п. е. 1) *Святый* Законодатель, 2) *благій* Промыслитель и 3) блюститель своихъ законовъ или *правосудный* Судія. Вотъ проявленіе Бога къ человѣку или проица, въ которой Богъ хочетъ быть почиаемъ. При семъ самъ разумъ открываетъ при предметахъ въ теоретическомъ отношеніи непостижимые, а изъясняемые только въ практическомъ отношеніи: 1) тайну *призыванія* въ Царство Божіе нравственное. Разумъ не можетъ изъяснить себѣ сотворенія существъ свободныхъ (ибо, по закону причинности, причина должна опредѣлять свое дѣйствіе и дѣйствіе поному свободнымъ быть не можетъ), но допускаетъ свободу уже существующею и представляетъ себѣ, что существа свободныя опредѣляются къ Царству Божію, не по зависимости ихъ естественной (по сотворенію), а только нравственнымъ понужденіемъ, п. е. призываніемъ. 2) *Тайну удовлетворенія* (за грѣхи). Человѣкъ поврежденный немощенъ; благость Божія можетъ восполнить его силы; но сего восполненія не лзя согласить съ свободою человѣка, по которой до-

бро должно быть нашимъ, а не чужимъ. Разумъ не понимаетъ, какъ кто-либо другой можетъ что либо заслужить вмѣсто его, и потому замѣнительное удовлетвореніе принимаетъ только въ нравственномъ отношеніи (*). 3) Тайну *избранія*. Самая вѣра въ замѣнительное удовлетвореніе, поелику есть опредѣленіе воли къ добру, предполагаетъ въ человѣкѣ Богоугодное свойство, котораго поврежденный человѣкъ самъ въ себѣ произвести не можетъ. И такъ представляется, что Благодать дѣйствуетъ не по заслугамъ дѣла, а по безусловному опредѣленію однимъ даемъ, другимъ ильшъ. Сего не лзя согласить съ правдою Божіею, а развѣ опнесемъ къ премудрости Божіей, правило которой для насъ совершенно неспостижимо. Спр. 210 и д.

1) Тайны, открываемыя у Канша разумомъ, въ шомъ видѣ, какъ ихъ открываетъ разумъ, мало утѣшительны и незначительны. *Призваніе* человѣковъ чрезъ разумъ къ нравственному Царству Божію такъ слабо, что безъ призванія чрезъ Откровеніе никогда не доводило и не доводитъ до Богопознанія и Богопочтенія истиннаго (не сіе ли призваніе ошозвало в самаго Канша отъ Богопочтенія къ одной нравственности?). *Удовлетвореніе*, какое измышляетъ разумъ, или лучше Каншъ, удовлетворяетъ развѣ одному мудрованію Натуралистовъ, а не правосудію Божію. *Избраніе*, причиною коего самъ разумъ не можетъ поспавить заслугъ нашихъ, необходимо или представляется безусловнымъ (фашализмъ), или предполагаетъ

(*) Софистическое Каншово изъясненіе сей тайны представлено выше во 2 Ошд. шракаша.

то условіе, которое открываетъ намъ Религія Христіанская (Вѣру въ Искупишеля).

2) Для разума конечно есть и должно быть много тайнаго. Но не лзя полагать, что у Бога только и есть тѣ тайны, какія открываетъ разумъ. У Безконечнаго для умовъ конечныхъ есть безчисленныя тайны: и кто можешь увѣришь насъ, что разумъ открываетъ самъ собою всѣ тайны, какія нужны для нашего спасенія, и при томъ открываетъ истинно?

б) О такихъ тайнахъ Богъ не могъ открыть намъ ничего: ибо если бы что и открылъ, то мы не уразумѣли бы того: самое вдохновеніе не произведетъ того, къ чему природа ума нашего неспособна. Человѣкъ закономъ нравственнымъ призванъ къ доброй жизни, соблюдая сей законъ можешь угодить Богу и основаніе сей надежды находить самъ въ себѣ; сравнивая сію надежду съ строгостію закона, онъ долженъ всегда испытывать себя какъ бы предъ судією: вопль чему учить насъ собственный разумъ, наше сердце и совѣсть. Нѣтъ нужды желать опкровенія большаго, а еслибъ оно и было, не должно считать онаго вообще необходимымъ (1). Сими тайнамъ каждый можешь научиться изъ разума, и опкровеніемъ оныхъ можно назвать только то, когда они дѣлаются предметомъ ученія общаго и символомъ новой эпохи Религіи (2). Спр. 217 и д.

1) Само собою разумѣется, что Божественныя тайны, открываемыя намъ, не престають быть тайнами, и долгаго уразумѣнія оныхъ не требуютъ: намъ довольно знать основаніе сихъ тайнъ и то, чего они требуютъ отъ насъ. Но несправедливо

то, что Богъ, открывая намъ нечто болѣе, нежели сколько открываетъ разумъ, не можешь произвѣсти въ насъ болѣе, какъ пошъ же разумъ. Если не положительное знаніе, то особенное направленіе разума и воли есть пошъ вождѣльный плодъ, котораго должно ожидать отъ Вѣры въ тайны, открываемыя Богомъ. Тайны сіи, безъ сомнѣнія, необходимы для совершенства и блаженства человѣковъ (безъ сего онъ не былъ бы и открытъ), и почиашъ оныя не необходимыми для всѣхъ, значить по же, что не желашъ всему роду человѣческому его истиннаго блага. Человѣкъ какъ-нибудь проживетъ и безъ образованія и благоустроеннаго общества; но изъ сего кшо заключить, что образованіе и гражданскіе законы не нужны вообще для человѣчества?

2) Откровеніе, какое допускаетъ Кантъ, таково же, какъ и откровеніе сей Кантовой Религіи, поспавляемое на мѣсто Откровенія Божія. И почему таковыя Философы лучше хощашъ свое ученіе называть Откровеніемъ, нежели допускашъ особенное Откровеніе Божіе? Такая Вѣра въ одинъ свой разумъ есть эгоизмъ, философское Фарисейство, для коего пріятно слышашъ отъ другихъ: *учителю, учителю!*

4) О средствахъ для полученія Благодати.

Возможности соединенія Вышней силы (Благодати) съ вашими силами Кантъ не опвергаетъ. Сіе соединеніе непоспихимо, но и самая свобода наша, говоритъ Кантъ, относительно своей возможности, споль же непонятна, какъ и сверхъестественная помощь нашимъ силамъ. Но совѣщашъ держаться человѣку въ отдаленіи отъ идеи

о Благодати, какъ опть свящынн, дабы, во ожиданіи чудесь, не сдѣлался ему неспособнымъ къ употребленію разума, дабы въ спрадашльномъ покоѣ не ожидать всего свыше. Средства для полученія Благодати представляють одни нравственныя, или лучше, принимаешть средства для нравственности, а не средства для принятія Благодати. Спр. 296 и д.

Удаленіе опть Священнаго, какъ совѣшуеть Кантъ, не естъ знакъ благоговѣнія къ Священному, а ведеть къ равнодушію и холодности, или лучше, къ тому состоянію, кошорое въ Апокалипсисѣ называется ни шепельмъ, ни холоднымъ (Ап. 3, 16). Весьма прилично Намуралнстамъ все то, что говорился (шамъ же 15 - 18) о Церкви Лаодикийской.

Истинное служеніе Богу естъ полько добрая нравственность, а не дѣла, посвящаемыя непосредственно Богу. Оно, какъ нечувственное, имѣеть нужду въ представленіи чувственномъ; но сего средства не должно почитать за самое Богопочтеніе. Вообще средства сн, опносясь къ духу нравственности, представляющя слѣдующія: 1) средство для утвержденія и возбужденія въ насъ чувства нравственнаго (*молитва*), 2) средство для распространенія силы онаго на другихъ (собранія церковныя или *хожденіе въ церковь*), 3) средство сохраняющъ оное у потомковъ (у Христіанъ *Крещеніе*) и 4) средство сохраняющъ общеніе и единство членовъ нравственнаго шѣла, шоржественное средство, напоминающее имъ о равенствѣ ихъ правъ и участія во всѣхъ плодахъ нравственнаго блага (у Христіанъ *Пригашеніе*) (Спр. 298 и д.).

1) Человѣкъ, не изъ одной стороны нравственной состоящій, долженъ имѣть и Богопочтеніе не одно-стороннее. Посему самое чувственное представленіе духовнаго служенія Богу также относится къ Богопочтенію, какъ внѣшняя часть человѣка къ человѣку.

2) Каніово исчисленіе благодатныхъ средствъ, явно соображено съ ученіемъ Церкви Протестантской. Уже сіе одно показываетъ, какъ слабъ на изобрѣтенія въ дѣлахъ Религій разумъ, и какъ нужно намъ особенное Откровеніе средствъ благодатныхъ.

Человѣкъ склоненъ замѣнить самое дѣло одною формою, и потому во всѣхъ родахъ Религій изобрѣлъ нѣкопорые обряды, какъ средства для полученія Благодати, не относя оныхъ къ нравственности, и думая, что чрезъ одно употребленіе нѣкопрыхъ естественныхъ вещей онъ можетъ привлечь божественное вліяніе на самую свою нравственность. Такъ употребляются молитвы, хожденіе во храмъ и проч. *Молитва* поспавляется въ выраженіяхъ желаній предъ Всевѣдущимъ, который въ шаковыхъ изъясненіяхъ нужды не имѣетъ. Въ насъ должно быть всегда желаніе, быть угодными Богу (нравственно) и швердое намѣреніе жить такъ, какъ бы мы служили самому Богу — духъ молитвы; выраженія же и формулы, хотя могутъ быть пособіемъ для возбужденія въ насъ онаго духа молитвы, но не могутъ имѣть никакого отношенія къ угожденію Богу и быть обязанностію каждаго. Надлежитъ стараться о томъ, чтобы, очищая чувство нравственное, оспаться при одномъ духѣ молитвы, отбросивъ ея букву. Для возбужденія сего духа болѣе дѣйствительно созер-

цаніе премудрости Божіей въ Природѣ, нежели всѣ молишвы. *Хожденіе во храмъ*, какъ средство для взаимнаго людей назиданія, похвально и нужно; но думать, что это есть средство для полученія особенной Благодати и непосредственное Богопочтеніе—есть заблужденіе, которое извращаетъ свойство гражданина Царства Божія, и хочешь предъ другими и предъ нами самими прикрыть нашъ недоспашокъ нравственнаго чувства. За симъ Кантъ, хотя и почищаетъ *Крещеніе*, какъ принятіе въ число Членовъ Церкви, обрядомъ важнѣйшимъ и священнымъ, а *Евхаристію* высокимъ средствомъ для одушевленія всѣхъ любовію брашною, но не хочешь признавать ихъ Таинствами. (Смр. 300 и д.).

1) Допустивъ, что Богъ участвуетъ въ спасеніи нашемъ и тайно на насъ дѣйствуетъ (чего не отвергаетъ и Кантъ), согласно съ разумомъ допустить, что Богъ безчисленными средствами можетъ подавать намъ Благодать Свою, обыкновенными и чрезвычайными. Почему, на пр., не можешь Онъ соединять высшей степени силы съ естественными силами нашей пищи, врачевствъ и пр.? Не можешь ли употреблять случаями, для подаенія особенной Благодати, словъ или наставленія какого-либо человѣка? и ш. д. Не могутъ быть излишними, напрошивъ въ обществѣ нравственномъ (Церкви), даже нужны и тѣ шоржественныя, болѣе общія средства, которыми особенно указываетъ намъ Откровеніе и Церковь, средства, съ которыми, при извѣстныхъ условіяхъ, постоянно соединяется Благодать Божія (*Таинства*).

2) Если молитва (желаніе своего совершенства нравственнаго), какую произносишь Кантъ предъ

своимъ разумомъ, столько дѣйствительна и нужна, какъ онъ полагаетъ: то не большаго ли плода ожидашь должно отъ той молитвы, того желанія, которое свидѣтельствуемъ предъ лицомъ Самаго Бога? Что касается до молитвъ усныхъ, то, конечно, это есть только пособіе для молитвы внутренней; но пособіе столь же естественное и необходимое, какъ тѣло душъ.

3) Съ однимъ машинальнымъ хожденіемъ въ церковь, Богъ, конечно, не соединяетъ особенной Благодати; но собраніе (въ честь Бога) наружное, соединенное съ собраніемъ въ духъ, есть зрѣлище восхитительное для сердца и достойное вниманія самыхъ Небесъ.

4) Что касается до Таинствъ, то вообще должно замѣтить, что не дѣло Философовъ соединять съ видимымъ въ Таинствѣ то или другое дѣйствіе Божіе. Дерзко и преступно отвергать тѣ права и преимущества, какія соединилъ законодатель съ нѣкоторыми шипулами и отличительными знаками въ Государствѣ; но еще преступнѣе отвергать тѣ права и преимущества, какія съ видимымъ въ Таинствахъ соединилъ Законодатель Церкви. Правда, въ церкви разума (Каншовой) Таинства излишни; но они необходимы въ Церкви Божіей (не разумомъ, а Духомъ Божіимъ управляемой).

Въ заключеніе Кантъ хочетъ, кажется, всему Богочщенію дать видъ какой-то слабости. «Человѣкъ» — говоритъ онъ — «изъ всѣхъ свойствъ Божіихъ нравственныхъ, святости, благости и правды принимаетъ одну благость, дабы избѣжать тѣхъ непріятныхъ условій, какихъ требуетъ святость.» Изъ сего долженъ былъ заклю-

чашь Кантъ , что человекъ развращенъ и боится правды Божіей , что онъ не смѣетъ надѣяться на одну свою нравственность и поному прибѣгаетъ къ благодѣи Божіей. — «Трудно» — продолжаетъ Кантъ — «быть добрымъ *слугою*: поному лучше «хотѣть быть *друзьями*; прибѣгающъ къ формальностямъ , и вымышляющъ себѣ средства «благодѣиныя. Но опытъ еще не показалъ , чтобы «присвоющіе себѣ Благодѣи (избранные) чѣмъ «либо превосходили человека естественнаго честнаго.» Вотъ ложь , которая обличается опытомъ и всею исторіею рода человеческого! Никто еще не доказалъ , что одна естественная нравственность когда-либо могла и можетъ исправить человека: но Христіанство имѣетъ множество примѣровъ чудесныхъ обращеній и людей превосходной нравственности , одолженныхъ симъ не своимъ силамъ , а Благодѣи. (Спр. 311 и д.).

Общія замѣчанія на Кантово ученіе о Религии.

Не лзя причислять Канта къ тѣмъ Натуралистамъ , для которыхъ нѣтъ не только Откровенія особеннаго , но и всеобщаго , т. е. нравственныхъ законовъ въ разумѣ , также Божественныхъ. Напротивъ едва ли кто изъ Философовъ столько благоговѣлъ предъ закономъ нравственнымъ , какъ Кантъ. «Двѣ вещи» говорилъ онъ «болѣ всего «исполняющъ удивленія и благоговѣнія духъ мой: «звѣздное небо , надо мною , и законъ нравственный .

«во мнѣ» (1). Спрогость его Нравоученія можно сравнивать съ Спৌическою, какъ и самое начало его Нравоученія весьма сходно съ главнымъ началомъ закона (2). Только, сіе Нравоученіе приспособлено къ Христіанскому, и потому собственно не есть ни чистое ученіе Христіанское, ни языческое философское.

Глубокое уваженіе Канта къ закону нравственному показывается, что сей Философъ обращалъ преимущественное вниманіе на нравственность. Въ семь-по вниманіи и уваженіи къ нравственности состоиптъ все достоинство Канта. Сіе дало ему силы и ревность ополчаться противъ ложныхъ системъ нравственности и опровергнувъ всѣ пѣ на ала ихъ, которыя основаны на понятіяхъ или чувствованіяхъ удовольствія и счастья. Опъ сего произошла и та услуга Кенигсбергскаго мудреца Религіи Христіанской, какую замѣчаютъ въ

(1) Бршика Практическаго Ума, при ковѣ. — Мысль, безспорно, высокая и весьма сходная съ тою, какую выражаетъ весь Псаломъ (18) Давида: *Небеса похвадаютъ славу Божию и пр. Законъ Господенъ непороченъ* и п. д. Только Канту надлежало съ сею мыслию соединить и сіе чувство Давидово: *Грѣхъ паденія кто разумѣ? Отъ тайныхъ моихъ оустъ исти мѣ.* — И (погда) *будутъ во благоволеніе словеса устъ моихъ* (Псал. 18, 13, 15).

(2) Начало Кантово: *поступай такъ, чтобы правило воли твоей могло быть достоинство закона всеобщаго, (чтобы есв могли и шм еседа могъ поступать по тому же правилу).* Начало Зеленово: *τὸ ἀπολυμνῆως ζῆν τὸ εἶς καὶ ἕνα λόγον καὶ σιμφωνοῦ ζῆν* (Жить всегда согласно, по одному и тому же правилу — *Aequalitas ac tenor vitae per omnia consonans sibi.* Sen. Ep. 51). Сходство сихъ началъ показалъ Кругъ (W. T. Krag's System d. praktisch. Philosophie. Ч. 2. § 6, прим. 2).

немъ одинъ новѣйшій Философъ. «Кантъ»—говоритъ Баадеръ (*)—«опровергъ по пагубное, бывшее въ его время мнѣніе, будто Религія Христіанская имѣетъ одну пріятную и нѣжную сторону, а «героизмъ и мужество принадлежатъ язычеству. «Признавъ въ человѣкѣ коренное зло, онъ указалъ «воинственное и геройское свойство Христіанской Религіи, непримиримую борьбу съ злымъ «началомъ, которая не должна превращаться ни «когда до совершеннаго опредѣленія добра отъ зла.» Но на семъ Кантъ и основанъ. Утвердивъ способность и святость Нравоученія и Религіи, онъ опинялъ у нихъ все упѣшительное и живопищное для человѣка, по самому естеству своему сподъ далекаго отъ пребуемаго закономъ нравственнымъ совершенства; далъ имъ видъ закона дѣла, иреченнаго на грозномъ Синаѣ, но опинялъ у нихъ достойный любви и поклоденія образъ закона Благодати, утвержденнаго на Голгоѣ. О законѣ Каншовомъ должно по же сказать, что сказалъ Апостоль о Законѣ Вѣхзозавѣшномъ: «опъ дѣлъ сего Закона не оправдишь всяка плоть предъ Богомъ, ибо симъ закономъ познается только грѣхъ, но не дается оправданіе (Рим. 3, 20)».

Разсматривая ближе Каншову Религію, мы можемъ замѣтить главный недостатокъ ея, отъ котораго произошли все прочіе, и не будемъ удивляться, какъ самое сильное чувство нравственное обратилось у Канта въ чувство безрелигіозное.

(*) Ueber die Begründung der Ethik durch die Physik, emp. 34.

Отъ столько возвысилъ нравственность, что для оной и при оной ничего болѣе не требовалъ, а пошому въ самой Религіи осмался при одномъ практическомъ разумѣ, которыи замѣнилъ для него все. Гладный недоспашокъ какъ всей его Философіи, такъ и Религіи,—*односторонность*. Кантъ смощрипъ на одну нравственную часть чело-вѣка и какъ бы забываетъ, что чело-вѣкъ естѣ не одна воля, но и разумъ и чувство и живошная природа. Сія—то *односторонность* заспавляетъ его самыя важнѣйшія истины, какія предспавля-ются намъ въ разумѣ или въ Ошикровеніи, цѣняпъ по-долько въ ошношеніи нравственному, и во всемъ искапъ одного нравственного смысла или значенія. Отъ сего идея совершеннаго чело-вѣка у него естѣ по-долько идея нравственная, Церковь имѣетъ цѣлю одну нравственность, міръ и Исторія существуетъ для той же цѣли и самъ Богъ едва примѣнетъ (такъ сказать) позади Нравоученія Кантова. Ист-ина въ цѣломъ, а не въ частп, опдѣленной ошъ цѣлаго: носему околь ни важна та часть, на кошо-рую одну обращаетъ вниманіе Кантъ, но ученіе Религіи къ сей одной частп приспособленное ешю же недоспашочно, какъ и ученіе нравствен-ное Аристотелля, ограничывающееся одною физи-ческой природою чело-вѣка. Въ одностороннемъ ученіи не можешъ быти духа и истины.

Впроче-мъ самая нравственность не ведетъ ли насъ къ Религіи, къ Богу? Но *односторонность* Канта, дабы не допустить насъ до ближайшаго ошношенія къ Богу (спребующаго не одной спороны духа) оптвергаетъ непосредственныя должно-

сти наши къ Богу. Кантіанцы говорятъ: а) что мы не можемъ ничего дать Богу или на Него дѣйствовать, и только доброю нравственностію можемъ быть Ему угодными. Но дабы видѣть неосновательность сего, довольно замѣнить, что безъ религіознаго чувства нравственность никогда не можетъ быть совершенною. Далѣе говорятъ: б) чувствованія не составляютъ обязанности, а суть необходимыя психологическія слѣдствія при разсмотрѣніи совершенствъ Божіихъ. Но разсмотрѣвать сіи совершенства, свободною дѣятельностію нашею способствовать продолженію и силѣ религіозныхъ чувствованій не есть ли нашъ долгъ? Далѣе: в) что называется обязанностию къ Богу, то есть или обязанность къ намъ самимъ, на пр. уваженіе, или къ другимъ, на пр. клятва. Но не удивительно, если непосредственныя наши обязанности къ Богу распространяются силу свою и на другія обязанности: всѣ обязанности наши соединены неразрывно. Далѣе: г) только предствленіе (идея) Бога необходимо намъ для исполненія обязанностей. Но развѣ Богъ есть одна идея, а не дѣйствительное Существо? Если Кантъ пребудетъ (и справедливо) уваженія къ разумной природѣ въ каждомъ человѣкѣ: то не пребудетъ ли высочайшаго уваженія къ высочайшей природѣ разумной — къ Богу? Наконецъ: д) непосредственныя обязанности къ Богу имѣютъ видъ челоѣкообразнаго служенія Власнямъ. (Hofdienst) и опклоняютъ насъ опъ долга нравственнаго. — Ложь и клевета! — Обязанности сія, питающія чувство благочестія, питаютъ всѣ нравственныя чувства. Посему нѣтъ возвышен-

вѣе, благопворите, святѣ пѣхъ дѣйствій, копоря особенно посвящены Сущеспву Верховному. Сіе Сущеспво, конечно, споль высоко, что не имѣешъ нужды въ нашихъ обрядахъ, но мы споль малы предъ Нимъ, что для возвышенія духа нашего сіи обряды необходимы, и, если они выражають и возбуждають въ насъ чувспвованія религіозныя, то всегда сущь лучшіи пособія и для доброй нравспвенности.

Отверши непосредспвенныя должнспсти наши къ Богу, та же *односторонность* Кацпа всю Религію ограничиваешъ одною нравспвенностію, п. е. исполненіемъ должностей нашихъ къ себѣ и другимъ. Конечно, безъ доброй нравспвенности не можешъ быть истинной Религіи, но для Религіи недовольно одной нравспвенности. Религія имѣешъ преимуще-спвенное опношеніе къ Богу, а нравспвенность, сама по себѣ, опносптся сполько къ нашему благу и безъ опношенія къ Богу, ведешъ къ эгоизму. У Кацпа выше всего добродѣпель, и припомъ добродѣпель просто человѣческая, человѣкамъ (или лучше Кацпу) угодная, а не Богу. Доспойно ли сіе названія Религіи?

Пспставивъ такую добродѣпель на мѣспъ Бога, *односторонность* Кацпа оспанавливаешся на однихъ еспеспспвенныхъ силахъ человѣка и не признаешъ нужды Откровенія и средспгъ сверхъеспеспспвенныхъ. Кацпъ соспавляешъ себѣ идеальнаго человѣка героя добродѣтели, и, кажешся, забываешъ, что человѣкъ на самомъ дѣлѣ совсѣмъ не таковъ, что при слабыхъ силахъ нашихъ; при всегдашнихъ опасностяхъ для нашей добродѣтели, внѣшнихъ и

внутреннихъ, намъ всегда необходима помощь Высшая, именно та, какую представляешь Религія Откровенная.

Наконецъ, отнимая у челоѣка высшія средства, *односторонность* Кантова хочеть отнять у него и высшія средства Религіи. Уже ли челоѣкъ есть безплодный духъ, а не существо духовно-чувственное? Для самой нравственности не нужно ли ученіе высшее, поощренія, побужденія, утѣшца, общественное приличіе и проч. — ш. е. средства высшія? Почему же не должны быть таковыя средства для Религіи? Средства сіи не только нужны на время, но и на всю земную жизнь челоѣка. Ибо здѣсь челоѣкъ никогда не выходитъ изъ дѣтства предъ Небомъ.

И такъ, что есть Кантова Религія? *деизмъ* отдаляющій отъ челоѣка, а не приближающій къ нему Бога, а потому отдаляющій и челоѣка отъ Бога; *натурализмъ*, не допускающій ничего сверхъестественнаго и поклоняющійся одному практическому разуму. Такая Религія можеть ли быть угодна Богу? Никогда! ибо Богъ не раздѣляетъ славы своей съ нашимъ практическимъ разумомъ, и не можеть одобрить того плана Богопочтенія, который мы составляемъ сами собою, споль мало относя оный къ Нему и такъ строго ограничивая сей планъ собою. Можеть ли сія Религія быть удовлетворительна и для челоѣка? Нѣтъ! ибо не удовлетворяетъ всѣмъ существеннымъ его потребностямъ, довольствуясь одною (безжизненною) нравственностію. Самые ученики Канта (какъ показано прежде) недовольны такою Религією.

Какимъ же образомъ могла она казаться истинною Канту? Въ Критической своей Философiи опровергнувши истинну теоретическаго разума и опыта, Кантъ нигдѣ не находилъ твердаго основанiя, кромѣ разума практическаго, и потому сей полу-скептикъ не могъ не радоваться, что по крайней мѣрѣ здѣсь находилъ онъ покой сомнящемуся своему духу. Но ошибаясь слишкомъ много въ одной частн человека, онъ слишкомъ много положилъ въ другой. Философiя его была волнующееся море, котораго воды устремились наконецъ въ одну сторону, и изъ песку и ила составили уединенный островъ, на которомъ никто не согласится жить: ибо онъ весьма далекъ отъ твердой земли и самъ собою не можетъ удовлетворять всѣмъ потребностямъ жизни человѣческой.

I. C.

4.

О ВНУТРЕННЕМЪ УСТРОЙСТВѢ

ГАНЗЕЙСКИХЪ КОНТОРЪ ВООБЩЕ И ПРЕИМУЩЕ-
СТВЕННО БЕРГЕНСКОЙ.

Ганза кромѣ всеобщаго историческаго интереса имѣетъ для насъ еще особенную занимательность по вліянію ея на образованіе нашихъ Сѣверныхъ Областей — Новгородѣ и Пскова. Духъ, права и важность этихъ знаменитыхъ въ Древней Руси областей искали изъ участія ихъ въ Ганзейской торговлѣ: потому раскрытіе способовъ и средствъ этой торговли ведетъ къ познанію источниковъ, при коихъ возникла особенность, отличающая эту часть Россіи отъ прочихъ ея Княжествъ. Сія мысль послужила поводомъ къ нижеслѣдующему описанію.

Ганза, имѣя одною изъ главныхъ опоръ своей монополіи невѣжество того времени и неумѣніе производить дѣла коммерческія, во многихъ случаяхъ облекалась покровомъ тайны: отъ того многое еще остается неслышимъ въ ея Исторіи. Между предметами, наиболѣе интересующими въ сей послѣдней, особенно занимательны внутренняя организація союза и устройство тѣхъ факторій или конторъ заграничныхъ, въ коихъ сосредото-

почивалась полипическая и коммерческая дѣятельность Ганзы и копорые спранныю началъ, служившихъ имъ основаніемъ, обращаютъ на себя особенное вниманіе. Такъ какъ эти копоры были въ одно и по же время крѣпостями и монастырями, то къ сожалѣнію Лѣтописцы весьма мало сохранили намъ свѣдѣній о нихъ. Мы знаемъ общія ихъ черты, но къ нимъ недостаетъ подробностей, копорыя бы представляли въ ясномъ свѣтѣ внутреннюю жизнь копоръ Ганзейскихъ. Такъ какъ долѣ всѣхъ существовала Бергенская, то и устройство ея описано съ большею подробностію, нежели устройство прочихъ копоръ. Это описаніе находится въ книгѣ Людовика Гольберга, переведенной въ началѣ XVIII столѣт. съ Датскаго на Нѣмецкій языкъ подъ заглавіемъ «Ludewig's Freyherrn von Holberg Beschreibung der berühmten Haupt-und-Handelstadt Bergen. Coppenhagen. Zweite Auflage 1750 года. Книга эта, о копорой испорикъ Ганзы, Сартпоріусъ, опзываетъ съ большою похвалою (1), и копорая — какъ самъ онъ говоритъ (2) — служила ему важнѣйшимъ источникомъ для описанія устройства копоры Бергенской, довольно рѣдка; а такъ какъ Сартпорій заимствовалъ изъ нея только главныя черты, оставивъ многія подробности, копорыя впрочемъ весьма любопытны, то, найдя эту книгу въ Королевско-Берлинской Библіотекѣ, я не излишнимъ пожелать ознакомиться съ нею Русскихъ читателей,

(1) Geschichte des Hanseatischen Bundes. T. I, стр. 545.

(2) Idem. T. II, стр. 523.

спараясь извлечь изъ нея преимущественно то, что опущено Сарпоріемъ въ его Общей Ганзейской Исторіи.

Города Ганзейскіе вели торговлю съ Бергенемъ еще въ половинѣ XIII столѣт. ; но сначала купцы ихъ не только не имѣли въ Бергенѣ никакихъ поселеній, имъ не позволялось даже оставаться на долгое время въ городѣ. Мало по малу, смотря по успѣхамъ развитія внутренней силы и важности союза, Ганза пріобрѣтала отъ Королей Норвежскихъ болѣе и болѣе важныя преимущества, съ помощію коихъ она спараясь расширять Бергенскихъ гражданъ отъ торговли и добывать пушные товары прямо отъ производителей, безъ посредства гражданъ Бергенскихъ: что было поспѣшнѣею политикою Ганзы во всѣхъ Государствахъ. Жители Бергена, съ своей стороны, пропивались водворенію среди себя купцевъ иноземныхъ; но политическая сила Ганзы, а всего болѣе ея коварная политика, подкрѣпленная насиліями, доставили имъ средства спастись крѣпкою ногою въ Бергенѣ и сдѣлали эшошь городъ складочнымъ мѣстомъ для своей Норвежской торговли. Купцы Ганзейскіе получили право не только зимовать, но даже жить въ Бергенѣ и завести въ немъ свои дома, лавки, магазины—словомъ цѣлую факшорію, занимавшую особую часть города. Всѣ эти заведенія ихъ истреблены были въ 1463 году пожаромъ и послѣ были выстроены шакъ, какъ мы опишемъ ниже.

Прежде нѣсколько словъ о положеніи Бергена.

Городъ Бергенъ лежить полукружіемъ вокругъ залива, служащаго ему гаванью; одно крыло этого полукружія составляло собственно городъ, другое же, противоположное первому, называлось «*мостъ*» (Brücke или Bagrenbrücke). Оба эти конца соединялъ кварталомъ Шустеровъ (Schustergasse) или Нидецихъ ремесленниковъ, поселившихся въ Бергенъ для службы коншоръ и въ ссорахъ сей последней съ городомъ всегда поддерживавшихъ ей спорому.

Мостъ или коншорская сторона Бергена послѣ пожара 1463 года состояла изъ двухъ приходо́въ — Гиреч. Двѣ Маріи и Св. Мартина: къ первому принадлежало 13, а ко второму 9 дворовъ, изъ коихъ каждый, съ принадлежащими къ нему зданіями, составлялъ почти цѣлый кварталъ. Дворы шли вдоль берега залива и предъ каждымъ изъ нихъ находилъ надъ водою мостъ (Brücke), п. е. пристань, снабженная крюкомъ (Wirre) для поднятія товаровъ, подвозимыхъ на корабляхъ къ самымъ этимъ мостамъ. Дворы раздѣлялись на простые и двойные. Последніе имѣли вмѣсто одной двѣ такихъ машины на своемъ мосту или пристани. Каждый дворъ носилъ особое названіе и имѣлъ особый щитъ или гербъ.

- (1) Слово *Garp* полукружитъ различно: одни почитаютъ его общимъ наименованіемъ Нидецвъ на Сѣверѣ; другіе думаютъ, что *Garp* означало *еюс* и употреблялось для наименованія Ганзейскихъ купцовъ, которые своею коварною торговлею высасывали товары и деньги у шведовъ, какъ это насѣкомое высасываетъ кровь чело́вѣка; наконецъ претѣи производили это слово отъ *Gard* — *дрѣво* и *rog* — *площа* и шидиизъ образомъ *Garp* принимаютъ за сокращенное *Garpog* — коншорскій рынокъ, купеческій пракащикъ.

Въ самомъ маломъ дворѣ жило по крайнѣй мѣрѣ 15 семействъ; но чѣмъ обширнѣе дворъ, тѣмъ болѣе онъ былъ населенъ. — Жители каждаго двора образовали особую общину, подраздѣленную на семьи или хозяйства (Haushaltungen), находившіяся въ завѣдываніи особыхъ хозяевъ (Hauswirthe). Для объясненія, что такое были эти хозяйства, должно дать понятіе о постоянныхъ жителяхъ конторъ Ганзейскихъ.

По законамъ Ганзейскимъ ни одинъ изъ городовъ, принадлежащихъ къ союзу, не могъ вести торговли съ Норвегіею, если не имѣлъ въ Бергенской конторѣ своего двора или участка во дворѣ и не содержалъ особаго повѣреннаго съ достаточнымъ числомъ служителей для завѣдыванія его дѣлами. Эти повѣренные были тѣ хозяева (Hauswirthe), о которыхъ мы упомянули выше; а подчиненные имъ прикащики, сидѣльцы и прочіе коммерческіе служители составляли ихъ семьи или хозяйства (Haushaltungen). Хозяева были повѣренными не только одного какого-нибудь Ганзейскаго города, но иногда нѣсколькихъ мелкихъ городовъ, а иногда одного какого-нибудь важнаго купеческаго дома. Получая отъ нихъ жалованье для себя и деньги на содержаніе служителей или семьи, хозяева должны были въ общей торговлѣ преимущественно наблюдать выгоды своихъ вѣрителей и завѣдывать всѣми ихъ дѣлами въ канторѣ, т. е. когда приходилъ корабль изъ того города, въ службѣ коего они находились, то они принимали повары, хранили ихъ, обмѣнивали на туземныя, нагружали сіи послѣдніе на корабли и

осправляли ихъ своимъ вѣришелямъ, ведя всему счешы и давая имъ въ нихъ опчешы: словомъ, они завѣдывали всѣми оборотами общесства, дома или города, въ службѣ коихъ находились. Во всѣхъ эшихъ дѣлахъ каждый хозяинъ былъ независимое лице въ Конпорѣ и давалъ опчешъ только своимъ вѣришелямъ. Но общія выгоды всей Ганзы, всего торгующаго сословія, одинаковыя отношенія, почти всегда враждебныя, къ правительству и гражданамъ городовъ, въ которыхъ находились факторіи, наконецъ порядокъ, устройство Конпоры и прочія общесственыя потребности подчиняли какъ хозяевъ, такъ и всѣхъ конпористовъ общему конпорному правленію — Совѣту Осьмнадцати, о которомъ будетъ сказано ниже. Каждый хозяинъ былъ полный начальникъ, судья, попечитель надъ своею семьей или подчиненными ему служителями и прикащиками; онъ снабжалъ ихъ кушаньемъ, напипками и прочими попребностями жизни изъ суммъ отпускаемыхъ на по городомъ или домомъ, коего дѣлами они завѣдывали.

За хозяевами, по порядку званій, слѣдовали гезели или прикащики (Gesellen). Они завѣдывали лавками, принимали, выдавали, продавали шовары и обязаны были смопрѣть за работою и поведе-ніемъ учениковъ или юнговъ, словомъ были помощниками хозяевъ.

Юнги раздѣлялись на два класса: одни изъ нихъ были уже взрослые молодые люди, другіе же мальчишки и даже дѣти, моложе 10 лѣтъ. Первые назывались корабельными юнтами или прислужниками (Bootsjungen oder Knechte), пошому что

должность ихъ состояла въ надзорѣ за приходящими судами; обыкновенно въ каждомъ хозяйствѣ было отъ 3 до 4 такихъ юнговъ; впорые же носили названіе комнатныхъ юнговъ или прислужниковъ (Stubenjungen). Это была первая ступень въ контору, первое конторское званіе: каждый посвящавшій себя конторной службѣ долженъ былъ начинать съ комнатнаго юнга и, постепенно выходясь до гезеля, хозяина и далѣе, пройдя такимъ образомъ полный практическій курсъ Ганзейской конторной торговли. Никто не могъ быть гезелемъ не бывши бошсьюнгомъ, а въ бошсьюнги поступали не иначе какъ изъ штубеньюнговъ. Эти комнатные юнги несли самую низкую службу въ хозяйствахъ или семьяхъ и должны были, подъ надзоромъ старшихъ гезелей, служить на кухнѣ и погребѣ и исполнять всѣ домашнія комнатныя потребности того хозяйства, къ коему принадлежали. Прослуживъ нѣкоторое число лѣтъ и достигнувъ юношескаго возраста, комнатные юнги вступали въ разрядъ корабельныхъ юнговъ, но прежде нежели изъ сихъ послѣднихъ входили въ классъ гезелей — званіе имѣвшее уже важность въ дѣлахъ торговыхъ и въ Конторѣ — имъ надлежало выдержать прѣякій искусь, о которомъ мы будемъ говорить ниже.

Всѣмъ чиновникамъ, служилымъ, словомъ, всѣмъ жителямъ конторы запрещалось, подъ страхомъ изгнанія изъ Конторы и исключенія изъ всѣхъ выгодъ и преимуществъ Ганзейскаго союза, вступать въ бракъ; въ первыхъ же стодлѣтіяхъ существованія Ганзы запрещалось даже подѣ

страхомъ смертнаго наказанія оставлялъ Коншору и селился въ городъ. Эта мѣра предпринята была недоувѣрчивою полишикою Ганзы съ шюю цѣлю, чпюбъ опклонить всякое средство съ сближенію коншорисповъ съ гражданами шюго города, гдѣ находишся Коншора и чрезъ шо опнявъ у нихъ всякую другую цѣль, всякое другое спремленіе въ жизни, сосредоточить ихъ на шѣхъ меркантильныхъ выгодахъ, которыя, служа къ общей пользѣ союза, обогащали вмѣстѣ съ шѣмъ самихъ коншорисповъ, и шакимъ образомъ прилязашъ ихъ на всегда къ интересамъ Коншоры. Монопольная система Ганзы еспественно была во вредъ пуземцамъ и Ганза справедливо опасалась, что, дозволивъ брачные союзы коншорисповъ съ пуземцами, или, допустивъ чшюбъ служипели ея имѣли какую-либо собственность внѣ Коншоры, сіи послѣдніе должны бы были раздѣлять силы свои между семейшвомъ и Коншорою и слѣдовательно не въ соспоянніи были бы ревностно преслѣдовать интересы сей послѣдней и шакже могли передать духъ шорговой предпримчивости гражданамъ и чрезъ шо доставить союзу опасныхъ соперниковъ.

Каждый дворъ имѣлъ собственныя права и законы. Пришомъ же эти права или законы каждаго двора еще подраздѣлялись шакимъ образомъ, что дворъ слѣдовалъ однимъ правиламъ лѣшомъ, когда различныя его хозяйштва жили опдѣльно, каждое въ своихъ покояхъ; а другимъ правиламъ въ зимнее время, когда всѣ семейштва собирались въ одной опредѣленной на шо частп

двора и жили вмѣстѣ. Разумѣется, здѣсь подъ правами должно пониматься не что иное, какъ полицейскія и хозяйственныя постановленія, опредѣлявшія отношенія лицъ между собою. Мѣсто, предназначенное для зимней жизни называлось шиппингъ (Schütting) и находилось въ задней части двора. Это было не что иное, какъ большой деревянный домъ или лучше сказать сарай безъ оконъ, съ одною только дверью для входа. Свѣтъ проникалъ въ него сверху, чрезъ сдѣланные въ крышѣ отдушины, большей или меньшей величины смотря по объему комнаты. Эти отдушины (Loch) закрывались рамою со стеклами, которая, посредствомъ прикрѣпленнаго къ ней шеста, могла вставляться и сниматься по произволу. Такое устройство зимнихъ жилищъ заимствовано Ганзейцами у пуземныхъ Норвежцевъ, спроектировавшихъ дома свои точно такимъ же образомъ, т. е. съ отверстіями сверху для выпуска дыму отъ горѣвшаго среди комнаты на очагъ огня; послѣ топки эти отверстія закрывались рамою, для удержанія въ комнатѣ шепла и служили вмѣсто оконъ. Название Schütting произошло отъ Нѣмецкаго слова Schütz «защита», потому что въ жилищахъ такого рода контористы искали защиты отъ Сѣверныхъ морозовъ. Такъ какъ эти жилища принадлежали равно всѣмъ партіямъ или хозяйствамъ цѣлаго двора, то въ нихъ находилось столько спаленъ, сколько считалось во дворѣ хозяевъ. Каждый хозяинъ имѣлъ свой спаль, за которымъ онъ обѣдалъ вмѣстѣ съ подвѣдомыми ему гезелями и юнгами. Обыкновенно контористы

переселялись въ эти шипшинги осенью, окло дня Св. Мартина и оставляли ихъ въ началѣ весны, Великимъ постомъ.

Общими дѣлами всей Конторы, ея сношеніями съ мѣстными властями, опчепами Ганзейскому Сейму, наконецъ внутреннимъ устройствомъ, полиціею и судопроизводствомъ въ ссорахъ между конторными служителями завѣдывалъ особый Совѣтъ, состоявшій изъ 18 особъ, избравшихся изъ умнѣйшихъ и старѣйшихъ хозяевъ. Члены этого Совѣта назывались просто Осьмнадцатью «Achtzehner oder 18 männeg» и собирались въ особой предназначенной для того залѣ, находившейся надъ главнымъ виннымъ погребомъ Конторы и носившемъ названіе купеческой залы (Kaufmannsstube). Изъ этихъ осьмнадцати Членовъ избирались два отличнѣйшіе и почтеннѣйшіе, которые съ пипуломъ Альтермановъ предсѣдательствовали въ Совѣтѣ и представляли высшую исполнительную власть Конторы; остальные Члены Совѣта Осьмнадцати, кромѣ присутствія въ засѣданіяхъ, исполняли также различныя должности при факторіи, какъ то, одинъ изъ нихъ былъ эконоомъ или казначей (Schaffner), другой сборщикъ пошлянъ (Einnehmer); третій выдавалъ суммы на конторныя издержки (Ausgeber) и проч. Каждому изъ нихъ дано было достаточное число служителей, называвшихся Kaufmannsdieneg для исполненія ихъ распоряженій; кромѣ того при Совѣтѣ находился Секретарь, отъ котораго требовалось, чтобы онъ имѣлъ ученую степень, по крайней мѣрѣ Лиценціата Правъ.

Въ дѣлахъ церковныхъ Бергенская Контора относилась сперва къ мѣстному Духовенству; но въ послѣдствіи контористы силою завладѣли двумя церквами, находившимися въ шой часни города, которая называлась Моспомъ и послѣ поспоянно выписывали изъ Германіи Нѣмецкихъ Проповѣдниковъ съ причетомъ для эшихъ двухъ приходоу.

Мелкія ссоры и вражды между гезелями и юнгами обыкновенно рѣшались хозяевами тѣхъ парцій, къ коимъ принадлежали ссорившіеся, или наконецъ Альшперманами дворовъ; но въ дѣлахъ болѣе важныхъ и въ ссорахъ спаршинъ розыскъ и рѣшеніе принадлежали Совѣшу 18-ти. Недовольные его приговоромъ могли брать дѣло на апелляцію въ Любекъ и потомъ въ высшую инстанцію — съѣздъ Депушаповъ Ганзейскихъ городовъ, иначе называвшійся Общимъ Ганзейскимъ Сеймомъ. Совѣшъ 18-ти налагалъ на виновныхъ наказанія и штрафы; но въ случаѣ ссоръ между контористомъ и пуземнымъ гражданиномъ онъ почти всегда являлся приспраспнымъ и не только не наказывалъ подчиненныхъ своихъ за обиды и припѣсненія, которые они дѣлали Бергенскимъ жителямъ, но напротивъ даже ободрялъ ихъ въ шомъ, такъ что бѣдные граждане рѣдко находили правосудіе въ дѣлахъ съ Ганзейцами, не подчиненными иному правительству, кромѣ конторнаго. Это правительство не только спѣсняло гражданъ, но даже явно возставало прошивъ пуземныхъ власпей и вопреки запрещеніямъ Королей и къ подрыву Королевскихъ инпересовъ имѣло свои питейные дома,

давало у себя пристанище всякой сволочи и безнаказанно производило удивительныя своевольства и насилія подъ покровомъ своихъ коммерческихъ привилегій. Короли Норвежскіе, по собственной слабости и изъ боязни Ганзейскаго Союза, не одинъ разъ силою оружія, принуждавшаго ихъ къ выгоднымъ для себя условіямъ, не смѣли и не могли взнись рѣшительныхъ мѣръ противъ Конторы, даже совершенно не въшивались въ коммерческія дѣла Бергена; а граждане много разъ прешерптывавшіе разореніе опъ Ганзейскихъ военныхъ судовъ, боялись сами возстать противъ факторовъ. При пѣсномъ единодушій контористовъ, коихъ считалось до 3000 здоровыхъ и сильныхъ людей могущихъ носить оружіе, Контора не боялась внезапныхъ нападений; припомъ же она, или часть города, занимаемая ею, была укрѣплена каменною стѣною и шакъ хорошо оберегаема, что, владѣя гаванью, рѣшительно была внѣ всякой опасности. Развращъ, гнѣздившійся въ шакомъ множествѣ богатыхъ и большею частью молодыхъ людей, давалъ Конторѣ новое оружіе на бѣдныхъ гражданъ. Контористы, прельщая женъ и дочерей ихъ, посявали раздоръ и несогласіе въ семействахъ, вывѣдывали всѣ намѣренія, предпріятія мирныхъ своихъ противниковъ и такимъ образомъ совершенно опупывали ихъ своими сѣтими. — Авторъ, изъ коего мы заимствуемъ это описаніе, съ подробностію изображаетъ картину Ганзейскаго развраща и даже исчисляетъ по именамъ пѣ вольные дома, кошорые, находясь въ конторской части Бергена, были приютомъ грубаго развраща Ганзейцевъ и, говоря

о несчастныхъ женщинахъ, населявшихъ эти вертепы, замѣчаетъ, что ихъ память было болѣе, чѣмъ собакъ въ Конторѣ.

Не каждый былъ способенъ къ жизни такого рода между развратомъ и опасностію, въ вѣчныхъ ссорахъ и непрерывной оппозиціи съ туземцами; потребна была рѣшимость, чтобы отказаться отъ семейства, мирнаго счастья и погрузиться въ это эгоистическое существованіе, въ которомъ представлялись только двѣ цѣли — золото и развратъ. Отъ того хотя Контора и принимала въ среду свою даже и дѣпей, но предъ вступленіемъ въ тезели каждый контористъ долженъ былъ подвергнуться искусству и тѣлесными спраданіями доказать готовность свою къ этой жизни, отъ которой онъ уже не могъ отказаться, къ ея опасностямъ, удовольствіямъ и къ тому товариществу, которое было главною ея поддержкою. Ганза хотя имѣла важное политическое значеніе, однако была вмѣстѣ съ тѣмъ частнымъ обществомъ, сектою — т. е. имѣла инпересы и цѣли, клонившіяся исключительно къ ея собственной пользѣ и пропивныя выгодамъ и цѣлямъ тогдашнихъ Государствъ. Подобно другимъ релігіознымъ, политическимъ и проч. Обществамъ и сектамъ Среднихъ вѣковъ, она существовала, гласно имѣла открытую цѣль и вмѣстѣ съ тѣмъ спороннія намѣренія и цѣли, хранившіяся въ тайнѣ въ Конторахъ, бывшихъ важнѣйшими пунктами ея дѣятельности. Эти тайны, разумѣется, были не что иное, какъ извѣстныя средства удержать въ рукахъ своихъ монополію, уничтоживъ коммерцію страны, гдѣ находится Контора, сдѣлать себя

необходимою для пуземнаго Правительства; но опть обнародованія ихъ могло ниспровергнуться все зданіе Ганзы: опть того она пакъ много заболшлась о томъ, чшобы конпориспы не слявались съ гражданами, опказались опть семейства, общества, и посвящали себя службѣ ея на всю жизнь; опть того приѣмъ въ гезели — первое конпорское званіе, имѣвшее важность — сопряженъ былъ, какъ приѣмъ во всѣ общества и корпорации Среднихъ вѣковъ, съ искусомъ, съ испытаніями. Впрочемъ Гольбергъ приводитъ другую причину эшихъ испытаній: именно ту, что Конпора посредствомъ ихъ желала опдалить опть себя людей богатыхъ и сильныхъ, опасаясь, чшобы они не овладѣли всею торговлею и, имѣя собственныя достаточныя средства, не были холодны и нерадивы въ опасномъ преслѣдованіи выгодъ Конпоры. Въ этомъ случаѣ она, разумѣется, болѣе могла полагаться на людей бѣдныхъ, существующихъ только ею и для нея: а пошому для опдаленія богатыхъ ввела испытанія, тяжесть коихъ не многіе зажиточные люди рѣшались выдержатъ.

Каждый морской юнгъ (Bootsjung), вступающій въ гезели, долженъ былъ вынести при рода испытаній, называвшихся играми (Spiele), пошому, что они сопровождались грубыми комическими обрядами. Первое испытаніе или первая игра называлась *игра дымомъ* (Rauchspiel). Она опправлялась обыкновенно въ 10 часовъ вечера, когда большая часть народу спала. Съ того двора, въ конпоромъ находились принимаемые, начиналось шествіе къ улицѣ шушперовъ или въ ту часть города, копо-

рая, соединяя собственно городъ съ Моспомъ или Коншорою, была населена Нѣмцами масперовыми. Въ этомъ шествіи находились обыкновенно конторные весельчаки или шупы, изъ коихъ одинъ наряженъ былъ въ дурацкое платье, другой — крестьяниномъ, третій — крестьянкою; каждый имѣлъ при себѣ пустое ведро или какой-нибудь сосудъ. Когда шествіе достигало Шустергауза или Рапуши шустеровъ, по этимъ пустые сосуды наполняемы были шамъ шерстью, волосами, гнилушками и разнаго рода вонючими веществами. Потомъ всѣ, участвовавшіе въ шествіи, возвращались попарно при звукѣ барабановъ на топтъ дворъ, съ коего вышли, и дорогою обрызгивали любопытныхъ зрителей грязью и всякаго рода нечистою. Пришедши на дворъ, вводили принимаемаго въ шиппингъ и, обвязавъ веревкою, поднимали вверхъ къ отверстію предназначенному для выпуска дыму, а внизу подъ этимъ отверстіемъ раскладывали принесенныя вонючія вещества и зажигали ихъ. Несчастный, вися на воздухѣ надъ этимъ смрадомъ, долженъ былъ отвѣчать на предлагаемые ему вопросы и оставался въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не лишился памяти отъ дыму: послѣ его опливали водою.

Вслѣдъ за тѣмъ слѣдовалъ второй конкурсъ или игра водою (Wasserspiel). Она производилась однажды въ году, именно въ 10 день послѣ Троицына дни въ Среду. Сначала спрашивали принимаемыхъ, согласны ли они выдержать это испытаніе, и по полученіи утвердительнаго отвѣта ихъ угощали роскошнымъ столомъ, къ которому они имѣли право приглад-

щипъ своихъ пріятелей. Около прехъ или чешы-
рехъ часовъ послѣ обѣда принимаемые садились въ
боты и вмѣстѣ съ гезелями опъѣзжали опъ бе-
рега на довольно большое пространство; потомъ
совершенно раздѣвались, и гезели, взявъ ихъ за ноги,
погружали въ воду, тогда какъ другіе, находившіеся
на другомъ ботѣ, били ихъ розгами, когда они
выплывали. Это погруженіе повторяли до прехъ
разъ; потомъ возвращались во дворъ, гдѣ выдер-
жавшіе испытаніе угощаемы были споломъ.

Третья игра называлась игрою бичей (Staupenspiel). Эта игра производилась четыре дни спустя
послѣ испытанія водою и сначала ежегодно, по-
томъ въ два года разъ и наконецъ въ три года
разъ. Когда объявляли игру бичей, по всѣ вновь
вступившіе или кандидаты въ гезели, еще не
подвергавшіеся этому испытанію, должны были
собраться на предназначенномъ для того дворѣ,
съ котораго они отправлялись на лодкахъ къ
ближайшему вдоль берега лѣсу за березовыми вѣт-
вями и, возвратившись съ ними назадъ, угощаемы
были кушаньемъ и напиткими. Между тѣмъ въ
шиппингъ отгораживали одинъ изъ угловъ и эту
отгородку обвѣшивали полопнами, на коихъ на-
малеваны были щипы каждаго двора. Это мѣсто
называлось Borge или Paradies. По срединѣ его
справили скамью, на которой должно было проис-
ходить испытаніе и связавъ множество пучковъ
розогъ сносили ихъ пуда же. Восемь или десять
сильнѣйшихъ и здоровѣйшихъ гезелей избираемы
были изъ всей конторской молодежи и имъ пре-
поручалось сѣчь новопринимаемыхъ. На слѣдующій

день новопринимаемые, подъ предводительствомъ двухъ молодыхъ хозяевъ, при звукахъ барабановъ отпраивались за городъ въ садъ. Торжественное ихъ шествіе сопровождали шушпы: одинъ въ дурацкомъ колпакъ, другой одѣтый крестьяниномъ съ шелячею шкурою на плечахъ и съ бородою изъ коровьяго хвоста. Тотъ и другой привѣщивали встрѣчавшихся имъ на дорогѣ оспрошными въ списахъ и пошчивали виномъ, которое несли съ собою: за что получали отъ нихъ подарки; прешій шушпъ, переодѣтый крестьянкою, несъ въ одной рукѣ плѣть, а въ другой ведро съ водою, которою обливалъ всѣхъ ему встрѣчавшихся. Въ такомъ же порядкѣ — только съ березовыми вѣтвями въ рукахъ—возвращалось шествіе назадъ въ Контору и угощаемо было виномъ предъ Ганзейскимъ погребомъ: послѣ чего оно отпраивалось на шопъ дворъ, гдѣ собственно должны были происходить игры. Когда всѣ входили въ шиппингъ, то одинъ изъ старшинъ двора говорилъ крапкую рѣчь къ новопринимаемымъ, въ коей поощрялъ ихъ къ шуду, опклонялъ отъ пьянства и оканчивалъ воззваніемъ, что если они не желаютъ подвергнуться предстоящему испытанію или не надѣются выдержать его, то сказали бы о шопъ зарантѣ, пока есть еще время.

Такъ какъ эти грубыя и жестокія испытанія сопровождались пиршествами и гаерствомъ, то на нихъ спекалась многочисленная толпа зрителей и почтеннѣйшіе приглашались къ шопу нарочно. Гости угощаемы были пиромъ, за которымъ служили имъ новопринимаемые, а дуракъ и

крестьянинъ забавляли всѣхъ своими фарсами. По окончаніи пира являлись два конпориста, одинъ, переодѣтый знатнымъ господиномъ, а другой его слугою. Они входили въ жаркой между собою споръ, который оканчиваясь пѣмъ, что господинъ и слуга слагали вину своей размолвки на шупа; пошчасъ же присутствовавшіе, какъ бы силою, брали сего послѣдняго и отводили его въ такъ называемое скрытное мѣсто *Vorge oder Paradies*, и если эштошъ шупъ былъ также новопринимаемый, еще не выдержавшій своей пробы, то онъ первый долженъ былъ выдержать строгое испытаніе розгами; если же онъ былъ уже тезель, то дѣло кончалось эшою грубою комедіею. По удаленіи шупа, поспороніе посѣпипели, не принадлежавшіе къ Конпорѣ, должны были удалиться; а новопринимаемые между пѣмъ угощаемы были сыпнымъ споломъ, на которомъ ихъ старались какъ можно болѣе напоить, чпобъ они не могли узнать, кто будетъ ихъ сѣчь; попомъ ихъ схватывали и вносили по одиначкѣ за упомянутую ошгородку (*Paradies*) и сѣкли лямъ до пѣхъ поръ, пока старшины ударомъ въ плазь не давали знака къ прекращенію эшого пѣжкаго испытанія. Обыкновенно шупъ первый выдерживалъ или припво-рвался, что выдержалъ испытаніе, и выбѣгая изъ за загородки, жаловался на прешерпѣнное имъ насиліе; какъ бы въ ошмщеніе за то онъ хваталъ старшаго изъ новспринимаемыхъ, вносилъ его въ загородку, съ особенною прибаушкою. Тупъ онъ клалъ бѣднаго на скамью, и начиналось испытаніе, въ кошоромъ рѣдко оказывали пощадку юно-

спи: случалось, что въ эпой и предъидущихъ играхъ несчастные погибали подъ тяжестью испытаній. Во все время, пока съѣли за загородною новопринимаемыхъ, вокругъ шипинга раздавались крики голосовъ и звукъ барабановъ, чтобы заглушить вопль несчастныхъ, спрдавшихъ подъ ударами. Вся эта кровавая комедія оканчивалась тогда, когда шупъ выносилъ на плечахъ изъ-за загородки младшаго изъ новопринимаемыхъ, который былъ пышаемъ послѣдній, и привѣшествовалъ собраніе изъявленіемъ желанія, чтобы такіа игры продолжались постоянно для преуспѣянія и процвѣпанія торговли. Издержки этого праздника несли новопринимаемые, исключая кушанья, которыми служили ихъ хозяева.

Кромѣ эпихъ прехъ главныхъ игръ, существовали другія, опиравлявшіяся частію въ самой Конпорѣ, частію въ кваршалѣ шустеровъ. Эпи игры были не менѣ безчеловѣчны, но еще болѣ опврапипельны и даже разврапны. Всѣ онѣ опмѣнены и спрожайше запрещены Королевскимъ повелѣніемъ въ 1671 году, когда Ганза уже почти не существовала и ограничивалась небольшимъ числомъ городовъ, союзъ коихъ не имѣлъ никакой полипической важности. Но когда Ганза процвѣпала, эпи игры наблюдались спрого. Въ нихъ всего яснѣ можно видѣпъ, что это было за общеспво, въ которомъ пѣысячи молодыхъ людей, въ спѣпнахъ Конпоры съ затворническимъ уставомъ, вели жизнь самую низкую, чувспвенную; но, опдѣленные опъ прочихъ людей, они находились въ пѣпсномъ между собою союзѣ, пипая духъ брап-

ства, предприимчивости, отваги — качества необходимые при тогдашнем состоянии торговли.

Поднимъ эту картину Ганзейской конпорной жизни словами руководящего насъ Автора, Гольберга, который, какъ очевидецъ, описываетъ развалины Ганзейскихъ обычаевъ и постановленій въ Бергенѣ въ концѣ XVII вѣка до 1702 года.

Въ послѣдней половинѣ XVII столѣтія Совѣтъ Осмнадцати состоялъ уже только изъ осьми Членовъ, двухъ Альпермановъ и Секретаря. Осенью, когда всѣ корабли Ганзейскіе готовы были къ отплытію изъ Бергена, Совѣтъ созывалъ всѣхъ старшинъ дворовъ и всѣхъ хозяевъ въ купеческую залу. Молодые хозяева, недавно вступающіе въ должность и еще не успѣвшіе сдѣлать обычной присяги Конпорѣ, обыкновенно присягали въ этомъ торжественномъ собраніи и Секретарь читалъ имъ права ихъ и обязанности: при чемъ имъ давалось постановленіе, какъ вести себя, и совѣщывалось между прочимъ воздерживаться отъ рѣчей оскорбительныхъ для Короля и владѣній его или обидныхъ для женщинъ, наблюдать за своими подчиненными, чтобъ они жили въ мирѣ и тишинѣ съ гражданами между собою. Послѣ этихъ наставленій слѣдовали избранія въ конпорныя должности на предстоящій годъ. Если Альперманы были уже избраны прежде въ Любекѣ, то въ этомъ собраніи они вступали въ должность; если же нѣтъ, то избирались; въ случаѣ смерти или отбытія одного изъ Членовъ Совѣта, на мѣсто его избирался другой, и наконецъ засѣданіе оканчивалось объявленіемъ, что каждый въ теченіе трехъ дней долженъ

внеспи положенное количество пошлинъ съ объявленнаго имъ самимъ по совѣспи числа ввезенныхъ въ Контору и вывезенныхъ изъ нее товаровъ.

Около дня Святаго Мартина собираемы были старшины со всѣхъ дворовъ и имъ дѣлалось увѣщаніе, чптобы они внимательно смотрѣли за попкую и освѣщеніемъ въ подвѣдомыхъ имъ зданіяхъ, дабы опъ небрежности не приключилось пожара. Попомъ опъ обоихъ приходоѡ избиралось по два смотрипеля, которые должны были ходипь по всѣмъ покоямъ, смотрѣшь за свѣпильниками и фонарями, и наблюдать, чптобы въ каждомъ опдѣленіи двора находились ведра и бочки съ водою. Подобнымъ же дозоромъ ходилъ по дворамъ два младшіе Члена Совѣпта, поощряя вмѣстѣ съ пѣмъ хозяевъ прилежно посылать подчиненныхъ своихъ въ церковь.

Когда всѣ конториспы переселялись въ шиппинги, по каждый хозяинъ имѣлъ пямъ свой особый споль; свѣпъ же и огонь у всѣхъ былъ общій. Подъ спрахомъ пнякаго шптрафа запрещалось обращаться другъ къ другу съ грубымъ словомъ или даже съ грубымъ взглядомъ, а пѣмъ болѣе дѣлашь товарищу какое-либо безпокойство. Обыкновенно это переселеніе происходило или въ вечеръ Св. Мартина или восемь дней послѣ. Передъ переселеніемъ юнги должны были мышь и чиспипшь комнашы, лавки, сполы, посуду. Въ первый день по переходѣ обыкновенно чипали предъ всѣми жиппелями шиппинга правила, которые обязанъ былъ каждый наблюдать во время своего въ немъ жиппельства (Schuttingsrecht); за пѣмъ избирали двухъ

смотрителей дома (Baumeister), которые должны были снабжать общину всемъ для нея нужнымъ; попомъ избирали писца или нопариуса, обязанность коего состояла въ записываніи всехъ проступковъ и несправностей жителей шипптинга; при нопариусѣ находился помощникъ; сверхъ того назначали кравчаго (Biermeister, надсмотрщика надъ пивомъ), который долженъ былъ смотрѣть, чтобы не было въ пиво недоспапка; остатокъ отъ взѣренныхъ ему на то денегъ употреблялся на умноженіе запаса дровъ. Кроме этихъ чиновниковъ шипптинга избирался еще хозяевами сборщикъ штрафовъ (Zuchtmeister), обязанность коего—какъ самое название показываетъ—состояла въ собираніи штрафовъ за нарушеніе дисциплины шипптинга; а такъ какъ юнги не наказывались деньгами, то цухмейстеръ или, какъ его обыкновенно называли — Мейстергансъ — за сдѣланныя ими проступки надѣлалъ ихъ розочными ударами. Каждый вечеръ все жители шипптинга совершали общую молитву, и кто къ ней не являлся или опаздывалъ, того наказывали, Спаршинъ—деньгами, юнговъ—розгами. Эти штрафы обыкновенно вносились въ книгу, и сборъ ихъ, равно какъ и общая расправа съ проступившими юнгами, производились порже-свенно два раза въ зиму. Эта церемонія называлась суднымъ днемъ (Gerichtstag).

Прибавимъ къ тому еще отдѣльныя замѣчанія объ эпохѣ упадка Коншоры. По уничтоженіи игръ, переходъ изъ юнговъ въ тезели ознаменовывался пиромъ, копорымъ новопринимаемые должны были угощать спарыхъ тезелей. Послѣ пожара въ 1702

году Контора Бергенская, принадлежавшая уже только прамъ союзнымъ городамъ Бремену, Гамбургу и Любеку, почти совершенно потеряла прежній свой видъ и устройство: конторщики были женаты, имѣли свои дома въ городѣ, а граждане селились въ Конторѣ и жили съ нею въ добромъ согласіи. Мало по малу Совѣтъ 18-ти уменьшился до двухъ Членовъ и совершенно потерялъ свою значительность. Контора, не будучи уничтожена какимъ-либо актомъ или постановленіемъ, уничтожилась сама собою, въ слѣдствіе истощенія силъ, сооставлявшихъ ея живительное начало, и на мѣсто Ганзейской монополіи поступила торговая свобода, соперничествомъ торговавшихъ здѣсь націй оживившая капиталы и промышленность нидерландцевъ. Опъ Ганзы остались одни только воспоминанія.

Мы не знаемъ, каково было внутреннее устройство прочихъ Ганзейскихъ факторій въ Новгородѣ, Лондонѣ, Брисселѣ. Естественное, что все эти Конторы, устроенныя съ одинаковою цѣлю, были сходны въ главныхъ основаніяхъ, но мѣстныя потребности и отношенія вводили многія измѣненія въ это устройство. Въспъ, что Сарторій могъ извлечь изъ документовъ о Конторѣ Новгородской: жившіе въ Новгородѣ и прѣзжавшіе въ него на время Ганзейскіе купцы подчинены были строгой, монастырской дисциплинѣ и порядку. Контора управлялась альперманами и присяжными Рапманами — соопвѣтствовавшими Бергенскимъ 18-ти. Этимъ чиновникамъ предоспаделены были тѣ же права и занятія, какъ и въ Бергенѣ; только апелляція на ихъ ршеніе шла въ какой-нибудь Ам-

Фляндскій городъ или въ Любекъ, если дѣло превышало цѣну 10 Новгородскихъ марокъ, въ важнѣйшихъ же случаяхъ дѣла могли бытъ переносимы на разсмотрѣніе Общаго Ганзейскаго Сейма. Нѣмецкій дворъ или Коншора Новгородская имѣла свою церковь, ~~напримѣръ~~ ~~когда~~ и всей Конторы почитался Св. Пепръ, а потому въ гербѣ Конторы находился *ключъ*, какъ атрибутъ сего Святаго. Приѣзжавшіе въ Контору и жившіе въ ней купцы ~~были~~ ~~дѣли~~ ~~собственны~~ и общія жилища, ~~до~~ все было окружено каменною стѣною съ крѣпкими воротами, которыя тщательнѣе запирались на ночь; кромѣ этой предосторожности спавили еще сразу у церкви и спускали съ цѣпи большихъ собакъ. Источникъ доходовъ на содержаніе Конторы и вообще финансовое ея устройство было по же, какъ и въ Бергенѣ: словомъ общія черты являюся совершенно сходными, а такъ какъ подробностей устройства Ганзейской Новгородской Конторы Исторія намъ не сохранила: то вышеизложенное устройство Конторы Бергенской можеть опчаспи замѣнить эпощъ недоспащювъ и показанъ, что такое былъ Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ; разумѣется, не лзя упускать изъ виду, что многое въ устройствѣ Конторы Бергенской принадлежало ей только исключительнѣе и что вмѣсто того другія Конторы имѣли своего рода особенности, зависѣвшія опъ мѣстнаго ихъ положенія и опъ отношеній къ жителямъ, среди коихъ они находились.

И. Невъровъ.

Берлинъ.

III.

ИЗВѢСТІЯ

О

**УЧЕНЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ
ВЪ РОССІИ.**

1.

О СОСТОЯНІИ

ДУХОВНОУЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ

ВЪ 1836 ГОДУ.

(Извлечено изъ Всеподданнѣйшаго Отчета
Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода).

Въ 1836 году по Всеподданнѣйшему представленію Комиссіи Духовныхъ Училищъ Высочайше удостоены утвержденія въ 23 день Маія проекты новыхъ Шшашовъ, коими жалованье Наславникамъ увеличено на половину и усилены способы содержанія училищныхъ домовъ и больницъ. — Прибавка къ прежнимъ Шшашамъ, составляющая вообще 468,225 руб. въ годъ, назначена

изъ суммъ Коммиссіи. Возвышеніе шпашныхъ суммъ по оспальнымъ окладамъ опложено до слѣдующаго времени и для того собираются ошъ Училищъ подробныя мѣстные свѣдѣнія, которыя должны служить данными къ дальнѣйшимъ соображеніямъ и дѣйствіямъ.

Духовноучебныя Заведенія Православнаго Исповѣданія раздѣлены на чешыре Учебныя Округа: С. Петербургскій, Кіевскій, Московскій и Казанскій, изъ копорыхъ послѣдній, за неопкрышіемъ въ Казани Духовной Академіи, состоишъ въ завѣдываніи Московскаго.

С. Петербургскій Учебный Округъ, просширался ошъ Архангельска до Могилева, заключалъ въ себѣ въ 1836 году: 1 Академію, 8 Семинарій, 35 Уѣздныхъ Училищъ и 40 Приходскихъ. Изъ нихъ въ Академіи Преподавателей было 15, Воспитанниковъ 122; а въ прочихъ Заведеніяхъ 286 Наставниковъ и 9,808 учениковъ: всего въ Округъ 301 учащій и 9,930 учащихся.

Издаваемый при здѣшней Академіи журналъ *Христіанское Чтеніе*, началъ 17 годъ своего существованія, постоянно предлагаая читателямъ своимъ душеполезныя бесѣды древнихъ Св. Отцевъ и нынѣшнихъ нашихъ Архипастырей и Проновѣдниковъ.

Библіотека здѣшней Академіи получила ошъ щедрошъ Монаршихъ чрезъ Вице-Канцлера собраніе Византійскихъ Писателей въ 25 томахъ, а въ Семинарію постунили сданныя по Высочайшему повелѣнію въ Коммиссію Духовныхъ Училищъ книги духовнаго содержанія, вышребованныя изъ конфискованныхъ имѣній.

Въ *Кіевскомъ Округѣ*, объемлющемъ собою Епархію между Минскомъ, Кишиневомъ и Тифлисомъ, находилось, кромѣ древнѣйшей въ Ошечествѣ нашемъ Духовной Академіи, 13 Семинарій, 42 Уѣздныя Училища и 59 Приходскихъ: въ первой 16 Наставниковъ и 100 Воспитанниковъ, въ остальныхъ 405 Учителя и 17,560

учениковъ; всего въ Округъ 419 учащихся и 17,660 учащихся.

Открыто Приходское Училище въ городъ Владикавказъ, въ видъ опыта для обученія диками Горскихъ народовъ, и изъ доспавленныхъ свидній ошъ Эварха Грузіи видно, что въ оное коштуило уже 26 человекъ, которые всъ снабжены учебными книгами, а 6 приваши на полное казенное содержаніе.

Сверхъ того предположено открыть Уѣздное Училище въ Варшавѣ съ предуготовительнымъ классомъ, а въ городахъ Ромнѣ и Лубнахъ Уѣздная Училища съ Приходскими.

Въ Приходскомъ Воронежскомъ Училищѣ, при увеличеніи числа учениковъ, оказалось необходимымъ раздѣлить 2-й классъ на двѣ половины, съ назначеніемъ для сего особаго Наспавнина.

Напронивъ того, по малочисленности учащихся, закрыты Уѣздное Училище съ Приходскимъ въ Ростовѣ (Екатеринославской Епархіи) и Приходское въ Землянскѣ; ученики изъ нихъ переведены въ другія ближайшія Училища.

Библиошека Волинской Семинаріи умножена значительнымъ числомъ книгъ, принадлежавшихъ упраздненному Базилянскимъ монастыремъ.

Въ пользу Кіевской Академіи пожертвовано ревниведемъ Ошечественной Испоріи, покойнымъ Мишрополиомъ Евгениемъ, 4,000 р. съ шѣмъ, чтобы Академія изъ ежегодныхъ проценшовъ съ сей суммы выдавала награжденіе тому, кто лучше опредѣлитъ или объяснитъ какую-либо древность.

Въ Семинаріи Кишицевскую и Воронежскую и въ другія Духовная Училища коштуило также ошъ разныхъ лидъ приношенія книгами и вещами: важнѣйшее для Училищъ Новочеркасскихъ на сумму 845 руб. 50 к.

ошъ бывшаго Смолришеля оныхъ Типулярнаго Совѣтника Мерхалева.

Семинарія Кишиневская, Волынская и Воронежская были, по распоряженію Комиссіи Духовныхъ Училищъ, обозрѣваемы Членами Академической Конференціи.

Округъ Московскій, состоящій изъ подмосковныхъ Губерній, имѣетъ 1 Академію, 9 Семинарій, 41 Уѣздное и сполько же Приходскихъ Училищъ: въ немъ Академическихъ Преподавателей 15, Воспитанниковъ 114; прочихъ за тѣмъ Наставниковъ 401, учениковъ 18,446: всего въ Округъ 416 учащихъ и 18,560 учащихся.

Къ *Казанскому Округу*, на пространствѣ ошъ Тамбова до ошдаленныхъ предѣловъ Сибири, принадлежатъ 11 Семинарій, 37 Училищъ Уѣздныхъ и 43 Приходскія: въ нихъ вообще Учишелей 353, учениковъ 13,401.

По случаю окончанія курса въ Московской Академіи, выпущено 43 Воспитанника: изъ нихъ 20 Магистрами, 22 Кандидапами и 1 Студентомъ, а для пополненія ошкрывшихся чрезъ то въ Академіи вакансныхъ мѣсцъ выпребованы изъ разныхъ Семинарій 63 ученика, ошличившіе по Наукамъ и поведенію; изъ Семинарій по двумъ Округамъ вышло 1,479 человекъ, въ томъ числѣ съ званіемъ Студента 452.

Ошкрыто Уѣздное Училище въ Екашернбургѣ и при немъ, обще съ находящимся тамъ Приходскимъ, бурса на 50 человекъ, изъ коихъ половина на полномъ содержаніи.

Закрыто Приходское въ Сольвычегодскѣ по малочисленности учениковъ.

По значительному количеству учениковъ въ Семинаріяхъ Московской, Виѣннской, Рязанской, Калужской, Владимирской, Тульской, Костромской и Тамбовской, десятыя классы ихъ раздѣлены, каждый на два ош-

дѣленія, и пошому для каждаго класса назначенн особыя сверхшпашныя Наспавники.

По шой же причинѣ въ 4-хъ Уѣздныхъ Училищахъ, Вологодскомъ, Пензенскомъ, Косшромскомъ и Галичскомъ, чешыре класса раздѣлены, каждый на двѣ половины, съ опредѣленіемъ шакже особыхъ Наспавниковъ.

Въ пособіе Воспитанникамъ, обучающимся Ташарскому языку, ошпечашанъ Словарь Ташарскій, составленный въ Казани Священникомъ Троянскимъ.

Сочинены Грамматики языковъ Чувашскаго и Черемисскаго, и первая уже ошпечашана, а о шпорой сдѣлано распоряженіе.

Профессоръ Тамбовской Семинаріи Орнашовъ представилъ еще Грамматику Мордовскую: ее поручено размошрѣть лицамъ, основательно знающимъ сей языкъ.

Въ прошедшемъ году признано нужнымъ обзорѣть Московскую Академію и Семинаріи Виоанскую, Пензенскую, Тамбовскую, Вяшскую и Пермскую.

Академія была обзорѣваема Преосвященнымъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ, а Семинаріи Членами Академической Конференціи.

По всѣмъ Учебнымъ Округамъ сосшояло въ 1836 году 3 Академіи, 41 Семинарія, 155 Уѣздныхъ Училищъ и 183 Приходскія, а всего 382 Учебныя Заведенія.

Общее число Преподавателей было: въ Академіяхъ 46, въ Семинаріяхъ и Училищахъ 1,443: и шого 1,489.

Общее число учащихся: въ Академіяхъ 336, въ Семинаріяхъ 14,398, въ Уѣздныхъ Училищахъ 25,195, въ Приходскихъ 19,624: во всѣхъ вмѣстѣ 59,551.

Духовноучебное Вѣдомство снабжаетъ и прочія Вѣдомства молодыми людьми, досшашочно пригошов-

ленными для дальнѣйшаго усовершенія въ Наукахъ. Такимъ образомъ по требованіямъ Миниспровъ Народнаго Просвѣщенія и Внутреннихъ Дѣлъ уволено 53 Воспитанника изъ Семинарій: въ помѣ числъ 36 въ Императорскій Московскій Университетъ и состоящій при немъ Медицинскій Инспишушь, 16 въ С. Петербургскую Медико-Хирургическую Академію и 1 въ Главный Педагогическій Инспишушь.

Грекоунитскія Училища.

По Вѣдомству Грекоунитскому въ прошломъ году состояло 2 Семинаріи (Бѣлорусская и Лишовская), Уѣздныхъ Училищъ 10, Приходскихъ столько же: всего 22 Заведенія.

Въ нихъ Насшавниковъ 67, а учащихся 1339: въ помѣ числъ 310 въ Семинаріяхъ, 518 въ Уѣздныхъ Училищахъ и 511 въ Приходскихъ.

Примѣчаніе. Такимъ образомъ по вѣдомству Комиссіи Духовныхъ Училищъ общее число всѣхъ Духовноучебныхъ Заведеній, вмѣстѣ съ Грекоунитскими, въ 1836 году состояло 404, общее число Насшавниковъ 1556, учащихся 60,890.

2.

О Т Ч Е Т Ъ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ ХУДОЖЕСТВЪ

за 1836—1837 Академическій годъ (*).

Милосшвые Государя!

Представяшь вашему вниманію краткій обзоръ всего совершившагося въ Императорской Академіи Художествъ въ истекшемъ академическомъ году — еспь моя обязанность.

Исполняя ее каждагодно, я всякій разъ встрѣчаю обиліе предметовъ новыхъ, занимательныхъ для любителей просвѣщенія и наблюдателей успѣховъ его въ Ошечествѣ, — обиліе, избавляющее меня отъ необходимости украшать слово, а тѣмъ болѣе самаа событія изображать красками яркими, блестящими.

И дѣйствительно! Къ чему послужило бы витійство шамъ, гдѣ одно исчисленіе милостей Монаршихъ, дѣйствій Академіи, успѣховъ юныхъ талантовъ, произведеній ея Членовъ и особенно примѣчательныхъ явленій въ нашемъ художественномъ мѣрѣ слишкомъ достаточны и для возбужденія и для удовлетворенія просвѣщеннаго любопытства вашего?

(*). Читанный въ общемъ собраніи Академіи Конаеренцъ-Секретаремъ В. И. Григоровичемъ, 26 Сентября 1837 года.

Я начинаю это исчисленіе.

Въ истекшемъ академическомъ году, Всемилостивѣйше пожалованы Академіи: а) въ пополненіе коллекціи Русскихъ медалей, находящейся въ Академіи, 337 бронзовыхъ медалей, вновь отбитыхъ на здѣшнемъ Монетномъ Дворѣ.

б) Экземпляръ панорамическаго вида С. Пешербурга на шрехъ листахъ, снятаго съ натуры Академикомъ Григоріемъ Чернецовымъ съ Александровской колонны, и литографированнаго въ Парижѣ.

в) Бронзовая медаль съ портретомъ почивающаго въ Бозѣ Императора Александра I-го, въ память царствованія Благословеннаго.

д) Два экземпляра первыхъ чепырехъ тетрадей изданія Г. Монферрана: *Plans et détails du monument consacré à la mémoire de l'Empereur Alexandre I.*

е) *Voyage autour du monde fait sous le commandement de Frédéric Lütke*, тетради 5, 6, 7, и 8, и шрима текста, и проч.

ф) Доспавлена изъ Рима въ Академію копія съ знаменитаго творенія Рафаэля Санціо: *Преніе церковнослужителей о Св. Таинствѣ Присащенія*, списанная, по порученію нашей Миссіи, на счетъ Правительштва, Русскимъ художникомъ Вигантомъ.

г) Его Императорское Величество соизволилъ Высочайше утвердить избраннаго Академіею въ Ректоры по части Скульптуры, Профессора В. И. Демута-Малиновскаго; изъявилъ согласіе на отправленіе въ чужіе краи для усовершенствованія: Живописцевъ *Завьялова* и *Шамшина*, Скульпторовъ *Пименова* и *Логановскаго* и Архитекторовъ *Кудинова* и *Томарцинскаго*, и сверхъ того даровалъ способы къ путешествію съ шою же цѣлю за границу извѣстному Архитектору Г. Академику Штакеншвейдеру; повелѣлъ войши въ сношеніе съ знаменитымъ Минхенскимъ Живопис-

цемъ Гессе, на счещъ принятія въ свое руководство Художника Тыронова, обратившаго на себя вниманіе прекрасными произведеніями своими, бывшими на прошлогодней Академической Выставкѣ; и наконецъ Всемилостивѣйше назначилъ Профессора Архитектуры Берешши Главнымъ Архитекторомъ при Строительномъ Комитетѣ для возведенія, по собственному его проекту, зданій Университета Св. Владиміра, въ Кіевѣ.

Я упомянулъ о тѣхъ только Монаршихъ милостяхъ, которыя официально объявлены были Академіи; но кромѣ сихъ, многія были излишы собственно на Художниковъ, трудившихся по непосредственнымъ повелѣніямъ Государя Императора. Академія, съ своей стороны, сдѣлала въ испекшемъ году важныя издержки къ ободренію Художествъ и Художниковъ на счещъ суммъ, въ распоряженіе ея для сей цѣли Высочайше назначенныхъ, — издержки, простирающіяся до 37,056 рублей: а именно, выдала Г. Ректору Шебуеву, за матеріалы, употребленные имъ для написанія плафона въ большомъ кругломъ залѣ, 8,000 руб.; Профессору Гальбергу, за произведеніе малой и колоссальной моделей статуи Императрицы Екатерины II, 6,000; Художнику Тверскому, за произведеніе, по заказу Академіи, копии съ знаменитой каршины Гвидо Рени *Аврора*, къ прежде опущеннымъ шремъ тысячамъ, еще 3,000 руб.; Академику Маркову, за пріобрѣтенную у него картину: *Фортуна и Нищій*, 3,000 руб.; Художнику Будкину, за копию съ портрета Государя Императора, писаннаго Крюгеромъ, 1,500 руб.; бывшему Совѣтнику Академіи Васильеву, за картину его: Видъ Красноярска, 700 руб.; Художнику Іордану, начавшему гравированіе знаменитой каршины Рафаэля, *Преображеніе*, въ пособіе, 1500 руб. — Остальная сумма выдана разнымъ Художникамъ, занимающимся произведеніями для вновь

ошдѣлывающейся Академической церкви, въ счетъ ихъ работъ, и также въ пособіе и награду молодымъ Художникамъ, за пріобрѣтеніе нѣкоторыхъ эстамповъ и художественныхъ изданій, и наконецъ за доставленіе изъ-за границы картинъ Г. Профессора Бруни.

Сверхъ того, Академія пріобрѣла прекрасную копию, трудовъ Художника Пиратскаго, съ картины Крюгера, представляющей портретъ Государя Императора верхомъ, въ сопровожденіи Ихъ Высочествъ Государя Наслѣдника и Великаго Князя Михаила Павловича, Фельдмаршала Князя И. О. Варшавскаго и Генераловъ Князя П. М. Волконскаго, Графа А. Ж. Бенкендорфа и Графа А. И. Чернышева. Долгъ справедливости побуждаетъ меня упомянуть при семъ о примѣрномъ безкорыстіи Гг. Художниковъ, посвящающихъ труды свои въ пользу Заведенія, въ коемъ воспитаны и коему служатъ и дарованіями и искусствомъ своимъ въ теченіе всей жизни своей. Да простятъ они мнѣ, если сямъ оскорбился скромность ихъ. Истину скрывать не должно, и я бы почелъ себя виновнымъ, если бы умолчалъ о ней. Г. Шебуевъ написалъ плафонъ въ большомъ кругломъ залѣ Академіи—произведеніе, едва ли не обширнѣйшее изъ всѣхъ существующихъ въ Россіи; употребилъ на него два года времени и труда тяжкаго (надобно вообразить себѣ все неудобство расписывать плафонъ такой обширности, и при томъ не имѣя другаго свѣта, кромѣ проходившаго снизу сквозь лѣса и подмостки), и внимъ-шо трудомъ онъ пожертвовалъ Академіи. Сверхъ того, онъ вызвался написать для Академической церкви, безъ всякой платы, три образа значительной величины и при томъ многодѣльные. Профессоръ Егоровъ пишетъ два также значительной мѣры мѣстные образа, для той же церкви, бесплатно, а Г. Профессоръ Варнекъ шесть образовъ въ Царскіе врата, равно безъ платы; всѣ прочіе Художники объявляя са-

мыя умѣренныя цѣвы за труды свои для Академическаго храма. Г. Профессоръ К. Тонъ занимается оштройкою церкви, какъ занимался оштѣлкою залъ въ Академіи, безъ особаго оклада.

Церковь Академическая будетъ окончена и освящена въ нынѣшнемъ году. Она, безъ сомнѣнія, принадлежать будетъ, по достоинству художественныхъ произведеній, къ замѣчательнѣйшимъ церквамъ въ Россіи.

Кромѣ сей постройки, о которой буду имѣть случай упомянуть подробнѣе въ будущемъ Отчетѣ, устроены въ большомъ садовомъ строеніи три обширныя мастерскія для Гг. Профессоровъ К. П. Брюлова, Бруни и Басина, и другія, меньшаго размѣра, для другихъ Художниковъ. Сумма, на этоиъ предметъ употребленная, проспирается до 23,000 рублей.

Въ прошломъ году число Казенныхъ Воспитанниковъ или Штатныхъ Академистовъ (послѣ бывшаго выпуска) было 34; Сверхштатныхъ или Своестошныхъ Академистовъ 98; постороннихъ Академистовъ и учениковъ, посѣщавшихъ рисовальныя классы Академіи, 142, и того всѣхъ учащихся 274, мѣсяе прошлаго года 8 человекъми. Призвано Свободными, неклассными Художниками 26 ч., удостоено къ полученію званія Рисовальныхъ Учишелей въ Гимназіяхъ и Уѣздныхъ Училищахъ 25 человекъ. Изъ числа получившихъ за произведенныя программы золотыя медали, положено оставишь въ Академіи, для усовершенствованія, восемь Художниковъ, а именно: по Живописи Молдавскаго, по Скульптурѣ Иванова и Мануйлова, по Архитектурѣ Шурупова, по Гравированію на мѣди Капустина, Андрузскаго и Лищалкина, и по Медальерному Искусству Люпина. Къ сожалѣнію, Капустинъ, по обстоятельствомъ своимъ, не могъ воспользоваться сею милостію Академіи. Гг. Профессоры Художествъ и Наукъ исполняли священную обязанность Преподавателей съ точностію и усердіемъ.

Начальство Академіи обращало неуслынное вниманіе на благосостояніе Академіи, порядокъ внутрѣнній и средства къ лучшему образованію Художниковъ.

Къ числу мѣръ, принявшихъ имъ съ собою полезную цѣлю, должно отнести учрежденіе особаго класса практическаго обученія перспективѣ, преимущественно для приходящихъ учениковъ.

Перспектива преподавалась досель только Шпашнымъ и Сверхшпашнымъ Академистамъ; посторонніе ученики учились одному Рисованію, и какъ замѣчено, часто не имѣли даже поверхностнаго понятія о перспективѣ; должны были, или обучаться ей частно, или рисовать съ погрѣшностями и недоспашками, иногда даже непросимпельными. Совѣтъ Академіи, принявъ во вниманіе эти обстоятельства, положилъ учредить означенный классъ, снабдилъ его нужными пособиями, опредѣлилъ способъ обученія и избралъ Преподавателемъ Г. Профессора Воробьева, извѣстнаго и познаніями своими по сей части, и готовностію служить пользѣ общей.

Художники Завьяловъ, Шамшинъ, Пименовъ, Логановскій, Куликовъ и Томаринскій, отправлены нынѣшнимъ лѣтомъ въ чужіе края.

Находящіеся за границею трудились съ любовію и особеннымъ успѣхомъ. Совѣтъ Академіи за труды по части Архитектуры, состоявшія въ проектахъ возобновленія древнихъ зданій и нѣкоторыхъ собственнаго сочиненія, положилъ объявить Художникамъ Дурнову, Никишину (Александру), Рихтеру, Ефимову и Кузьмину удовольствіе Академіи.

Миссія наша въ Римъ поручила произвести копіи съ фресковъ Рафаэля: *Пожаръ въ Борго*, Академику Маркову, *Юриспруденція*, Академику Иванову. Художники Живаго и Серебряковъ, путешествующіе на свой счетъ, и Пансіонеръ Министерства Народнаго Просвѣщенія

Каневскій, предприняли скопировать: первый, въ Болоніи, знаменишую картину Гвидо Рени *La Pieta*, второй, въ Римѣ, *Смерть Св. Петрониллы*, картину Гверчино, и послѣдній, фреску Рафаэля, изображающій *Аттилу*, останавливаемаго Папою Львомъ Великимъ.

Бывшій Пансіонеръ, Мозаическаго дѣла мастеръ Веклеръ, не задолго предъ симъ возвратился въ С. Пешербургъ, и привезъ съ собою превосходную копію въ мозаикѣ, *Преображеніе*, съ Рафаэлевой картины. Произведеніе это доставило Художнику отличныя похвалы всѣхъ знашковыхъ и любительей Рима, и даже особенное благоволеніе Папы. Иорданъ прислалъ описку верхней части своего гравюра съ той же картины, изгошленннй на крѣпкой водкѣ.

Совѣтъ Академической, сравнивъ всѣ лучшіе вѣстанпы съ картины Преображенія существующіе, и въ томъ числѣ Рафаэля Моргена, нашель, что трудъ Г. Иордана превосходитъ ихъ точностію рисунка и выраженіемъ, и что окончанный трудъ, безъ сомнѣнія, принадлежать будетъ къ лучшимъ памятникамъ гравировальнаго искусства. Такимъ образомъ, слава передашь въ гравюрѣ важнѣйшее изъ твореній безсмертнаго Рафаэля достойнымъ образомъ, будетъ слава Русскаго.

Давно ли Италія гремѣла хвалами первой картинѣ нынѣшняго вѣка, давно ли неоконченное еще другое важное созданіе по часши Живописи произвело общій восторгъ въ Римѣ и доставило славу Художнику? Это картины Русской кисти!

Теперь Веклеръ пѣлилъ Римъ мозаичною копіею, и Русскій же граверъ входитъ въ соснзваніе съ знаменипѣйшими граверами въ свѣтѣ, и даетъ надежду побѣдитъ ихъ.

.Побѣда принадлежность Русскихъ; и на поврищѣ Художествъ Русскимъ можно быть побѣдителями. Но побѣды не бывають безъ лишеній: еще недавно юноша,

пламенѣйшій ко славі Ошечества, любившій Искусство со спрастію, въ шесть, семь лѣтъ сдѣлавшійся Художникомъ, получившій первенство на послѣдней выставкѣ въ Римѣ, писалъ ко мнѣ изъ *Капри*, ошъ 4 Іюля: «Ахъ, если бы погода благопріятствовала и холера скорѣ кончилась, я бы и по ночамъ рабошала; хотѣлось бы все захвашить — ревность есть;» и эшошъ юноша, нѣсколько дней спустя, скончался ошъ холеры. Кто зналъ Лебедева, понималъ необъятный талантъ его и наблюдалъ, какими исполинскими шагами онъ шелъ къ совершенству, шолько тошъ поймешь, кого лишились въ немъ Академія и Художества.

Къ несчастью, еще чувствительнѣйшему, не ошшь Лебедевъ ошавилъ насъ. Профессоръ Кипренскій, какъ вамъ извѣстно, также умеръ. Лишеніе эшо важно и прискорбно для Академіи; но заслуги Кипренскаго были оцѣнены всѣми; лучшее время жизни своей провелъ онъ въ трудахъ, и ему не много лѣтъ ошавалось до старости; онъ справедливо пріобрѣлъ славу, и умеръ, не переживъ своей славы. А Лебедевъ!... Едва расцвѣтъ его великій талантъ, и талантъ эшошъ, и все прекрасное и изящное, что бы онъ могъ произвестн въ послѣдствіи, все, все взято могилою.

Одно шолько шо можете служить къ облегченію скорби нашей, что Лебедевъ, въ краткое существованіе свое, какъ Художникъ, показалъ поучительнѣйшій примѣръ любви къ Искусству и изученію Природы, и новое поколѣніе пейзажистовъ воспользуется, безъ сомнѣнія, смѣ примѣромъ. Вы согласнесь, Мн. Гг.! что изъ нынѣ выставленныхъ работъ нѣкоторыя оправдываютъ эшу надежду.

Да и возможно ли, чтобы Художники, пріобрѣвшіе уже знаменитость, и шѣ, которые жаждутъ ея, ошавались равнодушными?

Государь Императоръ покровительствуетъ и щедро награждаетъ Художниковъ; Академія дѣлаешь все для развитія и ободренія талантовъ; Общество Поощренія Художниковъ всѣми средствами стремится къ достиженію благотворной цѣли своей; частныя osoby начинаютъ дѣлать важныя заказы, и предлагаютъ средства къ возбужденію вышшаго соревнованія между Художниками.

Почетный Членъ Академіи, Анаполій Николаевичъ Демидовъ, предложилъ ей открыть конкурсъ между Живописцами, для произведенія картинъ во славу Петра Великаго, и объявилъ условія конкурса и награды достойнѣйшимъ, опубликованныя въ свое время въ Вѣдомостяхъ.

Упражненія учащихся въ Академіи имѣютъ нынѣ самое лучшее направленіе; въ прекрасныхъ моделяхъ нѣтъ недостатка; метода ученія болѣе и болѣе улучшается; молодые Художники получаютъ въ Академіи основательныя теоретическія свѣдѣнія, и Академія даетъ имъ средства къ практическимъ занятіямъ, отправляетъ лѣтомъ питомцевъ своихъ, архитекторовъ, на важнѣйшія строенія, а пейзажистовъ въ столицу, въ мѣста, болѣе обильныя красотою природы. Частныя osoby и въ семъ отношеніи благородно оказываютъ свое пособіе и содѣйствіе Академіи.

Молодые Художники Фрике и Воробьевъ работали съ натуры на прелестной мызѣ Фаль, близъ Ревеля, и владѣлецъ ея, Г. Почетный Членъ Академіи Графъ Александръ Христофоровичъ Бенкендорфъ, обратилъ на нихъ свое вниманіе, и оказывалъ милости, которыя Академія принимаетъ съ особенною признательностію.

Г. Камеръ-Юнкеръ Григорій Степановичъ Тарновскій далъ средства Академіи Штернбергу писать съ натуры въ деревнѣ своей Каченовкѣ и въ Кіевѣ, богатыхъ необыкновенно живописными видами, величїемъ

и прелесными Южной природы. Академія не можетъ не засвидѣтельствоватьъ ему своей признательности за вниманіе и милости къ Штернбергу.

Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Абрамъ Сергѣевичъ Норовъ, въ бытность свою въ Египтѣ, открывъ стѣпную изъ чернаго граниша представляющую богиню Нейтъ, или производящую силу Природы, по мнѣнію Г. Президента, исполненную во времена Аменоеа III, или Мемнона, представилъ ее въ Академію, чтобы дать возможность пишомцамъ Академіи и Художникамъ познакомиться съ симъ древнѣйшимъ памятникомъ Ваянія, любопытнымъ и для всѣхъ любителей и знакоковъ Изящныхъ Искусствъ.

Академикъ Гайвазовскій имѣлъ счастье находиться на морѣ во время путешествія Его Императорскаго Высочества Генераль-Адмирала, и вполне воспользовался симъ случаемъ для изученія nature и для дальнѣйшихъ успѣховъ въ живописи морскихъ видовъ.

Художникъ Аванасій Надежинъ учредилъ частную Школу Рисованія и Живописи, Тамбовской Губерніи, въ городѣ Козловѣ. Другой Художникъ, Чуриковъ, намѣренъ также учредить подобную въ Воронежской Губерніи. — Академія, по примѣру Арзамасской Школы Г. Академика Ступина, общала имъ свое покровительство, и надѣлила Чурикова рисовальными образцами и другими пособиями.

Московскій Военный Генераль-Губернаторъ, сообщивъ Академіи объ отличныхъ трудахъ Учителей Рисовальныхъ въ Московскомъ художественномъ классѣ, Художниковъ Алексѣя и Василья Добровольскихъ и Ивана Дурнова, и относя къ ихъ усердію на пользу общую самый составъ сего класса, ходатайствовалъ о возведеніи ихъ въ званіе Академиковъ. Совѣтъ Академіи, принимая во вниманіе свидѣтельство Г. Военнаго Генераль-Губернатора, извѣстныхъ дарованія и успѣхи въ

Живописи Гг. Добровольскихъ и Дурнова, положилъ согласно существующимъ примѣрамъ, возвести ихъ въ званіе Академиковъ, безъ программъ; учениковъ же означеннаго класса, оказавшихъ замѣчательные успѣхи въ рисованіи, Щеколдина и Мурашова, наградить серебряными медалями 2-й степени, а Бушину, Болдину и Бодри объявить похвалу Академіи.

Какъ вѣсшь пріятную, я долженъ сообщить къ свѣдѣнію вашему, что картины Г. Бруни: не оконченная, но принесшая ему честь и славу въ Римѣ «Исцѣленіе Израильтянъ отъ укушенія змѣевъ въ пустынь», и оконченныя: Спящая Нимфа и священные изображенія Благовѣщенія, Моленія о чашѣ, Спасителя и Богородицы, заказанныя Г. Рахмановымъ для церкви, сооруженной имъ въ своей деревнѣ, нынѣшнее льшо привезены въ С. Петербургъ, и находятся въ мастерской Художника.

Вы конечно припомните, Мм. Гг., съ какими радостіемъ мы приняли по возвращеніи изъ Италіи К. П. Брюлова. Праздникъ, данный ему Членами Академіи: ознаменованъ былъ добрымъ дѣломъ, по Русскому обычаю, въ часы радости не забывать о несчастныхъ. Съ Высочайшаго соизволенія положено было тогда составить капиталъ, для пособія вдовамъ и сиротамъ Художниковъ, и сдѣлано начало подписки. Учрежденіе, долженствующее быть прочнымъ, требовало соображеній и нѣкоторыхъ правилъ. Прозкъ этихъ правилъ составленъ и утвержденъ Его Свѣпlostію Г. Министромъ Императорскаго Двора.

При будущемъ годичномъ собраніи, я буду имѣть честь довести до свѣдѣнія вашего о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ Общества Художниковъ по сему предмету.

Люди, призванные природою видѣть, воспринимать и творить изящное, должны и чувствовать прекрасно. Это не разъ оправдывали наши Художники, и для васъ пріятно будешь услышать, что есть и были несчаст-

ные, поддержанные временно и даже на всю жизнь небольшимъ общесловомъ должностныхъ Членовъ Академіи. Теперь кругъ благошворительности ихъ расширился болѣе.

Иностранные Художники не престають оказывать уваженіе къ Русской Академіи. Извѣстный Профессоръ Архитектуры въ Миланѣ, Амаши, доставилъ Академіи изданный имъ переводъ на Италіанскій языкъ Вишривія, описаніе улицы de servi и проектированнаго вновь храма Св. Карла Борромейскаго.

Общество Британскихъ Архитекторовъ вошло въ сношеніе съ Академіею и сообщило ей труды свои.

Завѣстія Гг. должностныхъ Дѣйствительныхъ Членовъ и Почетныхъ Вольныхъ Общниковъ Академіи, состояли въ истекшемъ году въ слѣдующемъ:

Г. Вице-Президентъ и Почетный Членъ Академіи, Графъ Ѳ. П. Толстой. Сверхъ нѣсколькихъ портретовъ съ натуры, эскизовъ, историческихъ сюжетовъ и нѣкоторыхъ произведеній литературныхъ, сочинилъ и нарисовалъ проекты медалей для Министерства Народнаго Просвѣщенія, на открытіе С. Петербургскаго Университета во вновь отдѣланномъ зданіи 12-ти Коллегій и для награды отличившихся Студентовъ; выѣпилъ изъ воску, въ большомъ видѣ, модель медали для дополненія коллекціи медалей на Отечественную войну 1812, 1813 и 1814 годовъ, которой рѣзба на стали приводится къ окончанію, а изъ коллекціи проектированныхъ имъ 12-ти медалей на Персидскую и Турецкую войны въ Азіи и Европѣ, пять моделей выѣпилъ изъ воску, по коимъ уже приступлено къ рѣзбѣ штемпелей.

По части Скульптуры.

Ректоръ В. И. Демуть-Малыковскій. Сдѣлалъ вновь Ангела къ группѣ Св. Евангелиста Матфея для Акаде-

мической церкви, произвелъ модель Св. Евангелиста Иоанна, для той же церкви. Изваянія эти ошлипы изъ алебастра и поставлены на мѣсто; дѣлалъ проѣкты памятниковъ Сусанину и Князю Барклаю-де-Толли, для города Дерпта; нынѣ оканчиваешь модель Св. Евангелиста Марка для Академической церкви.

Гг. Профессоры:

С. И. Гальбергъ. Вылѣпилъ для Академической церкви двухъ колѣнопреклоненныхъ Ангеловъ, и по особымъ заказамъ бюсты: А. С. Пушкина и Графини Ферзень, урожденной Графини Сiproгоновой; сверхъ того, произведено по его эскизамъ нѣсколько барельефовъ для Академической церкви, частію имъ самимъ, а частію другими Художниками; подъ его смотрѣніемъ и руководствомъ, и поставлены на мѣсто два колоссальные Ангела, произведенные имъ для Троицкой церкви, что въ Измайловскомъ полку.

Б. И. Орловскій. Окончилъ изъ мрамора, для Государя Императора, группу Фавна и Вакханки, и занимался окончаніемъ для Государыни Императрицы модели изваянія Божія Мапери, эскизомъ фигуры Св. Александра Невского, для вновь сооружаемыхъ воротъ у Московской заставы, и произвелъ изъ мрамора бюстъ Императора Александра I-го для Егермейстера Князя Волконскаго, и шаковой же Профессора Архитектуры Мейера.

Академикъ Токаревъ. Занимался произведеніемъ въ барельефахъ шести Ангеловъ, каждый вышиною въ 4 аршина, для строящейся въ Царскомъ Селѣ церкви во имя Св. Великомученицы Екашерины.

По части Живописи Исторической и Портретной.

Ректоръ В. К. Шебуевъ. Произвелъ для Академической церкви три образа: Св. Великомученицы Ека-

шерини, Св. Александра Невскаго и Тайныя Вечери; занимался изгошовленіемъ изданія Антропометрии и Анатоміи для Художниковъ, и началъ въ большомъ размѣрѣ картину Тайной Вечери для Сіонскаго Собора въ Тифлисъ.

Заслуженные Профессоры:

А. Е. Егоровъ. Написалъ для того же Собора въ Тифлисъ изображеніе Св. Евангелистовъ въ 4 картинахъ; портреты: перваго основателя Уральскаго горнаго завода, Демидова, и отставнаго Гвардіи Поручика Шепелева; нынѣ приводитъ къ окончанію два мѣстные Образа Спасителя и Божія Матери для Академической церкви.

А. Г. Варнекъ. Сверхъ занятій по классу Живописи и кабинету эстамповъ въ Академіи, и по служенію при Императорскомъ Эрмитажѣ, въ свободное время занимался собственно для себя этюдами, и написалъ два портрета съ натуры Г. Коммерціи Совѣтника Фейгина и жены его.

Профессоры:

К. П. Брюловъ. По Высочайшей волѣ сочинилъ и написалъ два эскиза для большой запрестольной картины въ церковь Казанскія Божія Матери: взятіе Пресвятыя Дѣвы на небо; писалъ портреты Государыни Императрицы и Великихъ Княженъ Маріи Николаевны, Ольги Николаевны и Александры Николаевны для большой фамиліальной картины; произвелъ портретъ въ ростъ Генералъ-Адъютанта В. А. Перовскаго, и частію окончилъ, а частію началъ многіе портреты разныхъ величинъ съ частныхъ особъ.

Ф. А. Бруни. По Высочайшей волѣ произвелъ копию съ картины Рафаэля Санціо *Мадона д'Альба*, за каковой трудъ, съ отличнымъ искусствомъ сдѣланный,

получилъ Всемилосивѣйше въ награжденіе десять тысячъ рублей; сверхъ того сочинилъ и началъ писать, по Высочайше утвержденному эскизу, большую картину; Покровъ Пресвятыя Богородицы, для церкви Казанскія Божія Матери.

П. В. Басинъ. Занимался эшюдами для изображенія Сошествія Св. Духа въ алтарной нишѣ Академической церкви, кошорое и исполнилъ на мѣстѣ; сверхъ того сочинилъ эскизъ для большой картины: Введеніе во храмъ Пресвятыя Дѣвы, для церкви Казанскія Божія Матери.

А. И. Ивановъ. Написалъ для Сіонскаго Собора въ Тифлисъ большой Образъ Пророка Моисея, и оканчивалъ для Академической церкви: несущіе тѣло Спасителя ко гробу, въ сопровожденіи Божіей Матери и Святыхъ мужей и женъ.

Поетный Вольный Общникъ А. П. Сапожниковъ. Занимался окончаніемъ изданія литографированныхъ военныхъ костюмовъ Русской Гвардіи, приступилъ къ изданію шаковыхъ же костюмовъ Арміи, и составилъ, по Высочайшему повелѣнію, сто рисунковъ военнаго костюма для руководства образцевыхъ войскъ.

Академикъ Яковлевъ. Произвелъ нѣсколько Образовъ для церкви, построенной помѣщицею Руденковою въ Малороссіи, въ ея деревнѣ.

Яковъ Васильевъ. Написалъ портретъ Государя Императора для Генераль-Маіора Бибикова, и восемь яковъ мѣстныхъ, хоругви и плащаницу для Генераль-Маіора Салова, въ деревенскую церковь.

Вигги. Окончилъ произведеніе Образовъ для иконостаса во вновь сооруженную церковь у Выборгской заставы, Катериною Васильевною Новосильцевою, урожденною Графинею Орловой, каковыя Образа и сданы уже для пошановки на мѣста.

Шамшинъ. Произвелъ два Образа для Сіонскаго Собора въ Тифлисъ: Моленіе о чашѣ и преданіе Господа Иисуса Іудю.

Антонелли. Сдѣлалъ копию съ картины Авг. Караччи, представляющей Марію Магдалину, помазующую муромъ шло Иисусово, исправлялъ плафонъ и сюпоршы въ зданіи 12 Коллегій, и произвелъ нѣсколько копій портретовъ Государа Императора съ Крюгера, для Присутственныхъ Мѣстъ въ Астраханскую Губернію и въ Новочеркасскъ.

Богоевскій-Благодарный. Написалъ шесть копій портрета Князя В. П. Кочубея, съ Крюгера, по порученію Сенатора Смого; сверхъ того занимался портретами съ частныхъ лицъ, изъ коихъ нѣкоторыя приведены къ окончанію.

Сазоновъ. Написалъ шесть Образовъ въ серебряный иконостасъ Собора Казанскія Божія Матери, и теперь занимается изготовленіемъ Образовъ для церквей: Св. Екатерины, что въ Царскомъ Селѣ, и Св. Апостоловъ Пешра и Павла, что въ Пешергофѣ.

Яненко. Написалъ три портрета въ ростъ Государа Императора, изъ нихъ два для Инженернаго Училища, а одинъ по порученію Г. Президентша Императорской Академіи Художествъ, и нѣсколько шаковыхъ же козѣнныхъ для Губернскихъ и Присутственныхъ Мѣстъ: сдѣлалъ до ста портретовъ акварелью для разныхъ частныхъ лицъ; нынѣ занимается копию съ Мурильо, что въ Эрмитажѣ: Убіеніе Святаго, и возобновленіемъ иконостасовъ для Троицко-Сергіевскаго монастыря, что по Пешергофской дорогѣ.

Теребеневъ. Произвелъ Образа: Несеніе Креста и Христовъ предъ Пилатомъ, для иконостаса въ Тифлиссій Сіонскій Соборъ, и нѣсколько портретовъ масляными красками, также миниатюрныхъ и акварелью.

Ө. Брюло. Написалъ три Образа для Тифлисскаго Сіонскаго Собора: Распятіе, Положеніе во гробъ и Воскресеніе; иконостась для церкви въ Парголово; нынѣ оканчиваешь Образа Архангела Гавріила и Михаила, для Академической церкви.

Майковъ. Написалъ запрестольный Образъ: Моленіе о чашѣ, для Графини С. В. Паниной, въ церковь села Марьица, что близъ Москвы, — и картину, изображающую дѣвочку съ гитарою, которая находится на Собственной дачѣ Ея Величества, въ Знаменскомъ.

По Живописи Баталической.

Профессоръ и Вольный Общникъ Зауэрвегъ. Занимался изготовленіемъ военныхъ рисунковъ по Высочайшему повелѣнію, которые хранятся въ чершежной Его Высочества Генераль-Инспектора по Инженерной части; другія же занятія его состояли по занимаемымъ имъ должностямъ.

Академикъ Дезарно. Написалъ картину изъ двадцати пяти фигуръ, представляющихъ военныхъ чиновъ второй дивизіи Гвардейскаго Корпуса, и двѣ картины группы конной Артиллеріи; картины сіи находятся у Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича въ Каменноостровскомъ Дворцѣ; сверхъ того сдѣлалъ нѣсколько кабинетныхъ картинокъ, которыя находятся въ мастерской Художника.

По Живописи Перспективной и Пейзажной.

Профессоръ Воробьевъ. Написалъ три картины: видъ города Іерусалима, одну въ большомъ размѣрѣ для Государыни Императрицы, посланную Ея Величествомъ къ Королю Прусскому, другія двѣ въ маломъ размѣрѣ для частныхъ особъ; теперь занимается изготовленіемъ вида Констанцинополя въ большомъ размѣрѣ.

Академикъ Боденъ. Занимался писаніемъ разныхъ видовъ, снятыхъ съ пашуры въ окрестностяхъ Каменецъ-Подольска, для Графа Сеншъ-При, бывшаго тамошнимъ Губернаторомъ.

Зеленцовъ. Въ свободное время отъ службы написалъ три Образа, двѣ картины, представляющія внутренность комнашь съ фигурами, и двѣ картинки: одну, представляющую женщину въ лодкѣ, а другую, кавалерійскаго солдата на лошади; также нѣсколько портретовъ акварелью.

И. Ивановъ. Занимался изготовленіемъ разныхъ рисунковъ для Императорскаго Стекляннаго завода, и рисунками мундировъ для Собственной Его Величества Канцеляріи.

Бывшій Советникъ Академіи Тимовой Васильевъ. Сверхъ званія по обученію Воспитанниковъ рисованію въ разныхъ Учебныхъ Заведеніяхъ, писалъ Сибирскіе виды съ рисунковъ, сдѣланныхъ на мѣстѣ съ натуры, во время своего путешествія въ томъ краѣ.

По части Орнаментной Живописи.

Академикъ Медкинъ. Занимался расписываніемъ плафоновъ въ Императорскомъ Знаменскомъ Дворцѣ, что близъ Пестергофа.

По части гравированія на мѣдн.

Профессоръ Уткинъ. Выгравировалъ двѣ доски съ рисунковъ Г. Шебуева, къ изданію Антропометріи; занимался гравированіемъ Св. Семейства съ картины Бронзино, собственно для себя и по своему рисунку; нынѣ приводишь къ окончанію портретъ Ея Высочества Великой Княжны Маріи Николаевны, по заказу Г. Владиславева, съ рисунка Г. Гау.

Профессоръ Галактіоновъ. Занимался гравированіемъ виньеша съ рисунка Г. Шебуева, изображающаго навод-

неніе 1824 года, и приводитъ къ окончанію гравюрь, изображающей бурю, или смерть Виргиліи, съ картины Іосифа Вернеша.

Академики:

Ухтомскій. Занимался гравированіемъ для Герольдинъ Правительствующаго Сената 60 гербовъ для Дворянскаго Гербовника, и въ большомъ видѣ Тихвинскаго монастыря съ предмѣстіемъ онаго, по заказу Архимандрита онаго Иларіона.

Чесскій. Гравировалъ видъ процессіи при открытіи и перенесеніи мощей Св. Митрофана въ Воронежъ, также вѣнцешъ, Ифигенія въ Авлидѣ, для Г. Лобацова, и вѣкошорья части лошади для Г. Бобинскаго.

По части медалиерной.

Академикъ Лалинъ. Рѣзалъ вѣкошорья штемпеля медалей, по моделямъ и рисункамъ Г. Вице-Президента Графа Ѳ. П. Толстаго, о конхъ упомянуто выше, и сверхъ того сочинилъ самъ и вырѣзалъ два штемпеля для медали въ память 50-лѣтняго юбилея Г. Рюля въ званіи Доктора.

По части архитектуры.

Въ должности Ректора Профессоръ 1 й ст. Мальниковъ. Сверхъ занятій по должностямъ въ Императорской Академіи Художествъ и Комиссіи Проектировъ и Связи и при Главномъ Управленіи Пушей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, занимался слѣдующими постройками: Собора въ первокласномъ Троицко-Сергіевскомъ монастырѣ, дома Г. Мальцева, постройкой дома почетнаго гражданина Чельшева, дома купца Калугина, двухъ домовъ купца Льсникова, дома купца Целибѣва, дома купца Косшылева, въ домъ купчихи Калгиной и купчихи Дурышкиной; содѣлывалъ проектъ для церкви

въ Ораніенбаумѣ, шо же проекшъ на постройку дома Г-жд Харичковой; произвелъ памятники изъ гранита почешному гражданину Чаплину и покойному Ваашелю И. П. Маршосу.

П р о ф е с с о р ы :

А. Брюлосъ. Сверхъ занятій частными работами составилъ проекшъ, удостоившійся Высочайшаго ушверженія, Гвардейскаго Штаба на Дворцовой площади, который и начашъ постройкою.

К. Тонъ. По Высочайшему повелѣнію составилъ проекшы: церкви Введенія Пресвятыя Богородицы, для Лейбъ-Гвардіи Семеновскаго полка, который Высочайше ушверженъ и начашъ постройкою; церковей Св. Владиміра въ Таврисъ, и въ городъ Свеаборгъ для оборонительныхъ казармъ; дома для Дворянскаго Собранія, гостинницы, шрехъ частныхъ домовъ въ Новгородъ, на главную площадь и главнаго фасада Лѣсному Институту, которые и удостоены Высочайшаго ушверженія; сверхъ того для Генерала Клейнмихеля шрехъ церковей на 1000, на 500 и 200 человекъ; для Члена Кабинета Его Величества Г. Сенявина, церквь же на 120 человекъ, и занимался постройками церковей Св. Екашерини въ Царскомъ Селѣ, Петра и Павла въ Петергофѣ и окончательною ошдѣлкою Академической церкви.

А. Тонъ. Занимался, по Высочайшему повелѣнію составленіемъ чистыхъ чершежей въ большемъ масштабѣ и моделей на перешройку въ Таврическомъ Дворцѣ залы для зимняго Бошаническаго сада, по собственному его проекшу.

Мейеръ. Успроилъ въ Красномъ Селѣ домъ для Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича; занимался разными перешройками на Михайловской дачѣ за Спръльною, а

также постройкою фермы и прочихъ зданій при Удѣльномъ Земледѣльскомъ Училищѣ, и составленіемъ проектовъ церквей и прочихъ строеній въ разныхъ удѣльныхъ имѣніяхъ.

Состоящій вне службы при Академіи Ректоръ А. А. Михайловъ. Занимался составленіемъ разныхъ проектовъ по Комишету для Строевѣй и Гидравлическихъ работъ, и по Городовому, а также постройками у Князя Бориса Николаевича Юсупова, и внутренними передѣлками въ домъ Ея Высочайшаго Преосвященнаго Маріи Никишичны Дурново.

Академикъ Анкертъ. По Высочайшему Повелѣнію занимался составленіемъ проектовъ: казармъ военныхъ для Оберъ-Офицеровъ въ Кронштадтѣ; Р. Католической церкви съ чугунною около оной оградой; Экзерциргауза, съ помѣщеніемъ въ ономъ часши фрегата, для обученія матросовъ и другихъ военныхъ чиновъ; служебъ для военной госпитали; парадной лѣстницы для военной госпитали въ эскизъ, каковыя проекты Высочайше одобрены и поступили къ исполненію; былъ занятъ и другими проектами по Департаменту Морскаго Министерства и по Департаменту Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ; составилъ проекты: Греко-Россійской церкви въ Русскомъ вкусѣ (Архитектуры), для построенія въ окрестностяхъ Колыванскихъ заводовъ на 200 человекъ, — монументовъ изъ чугуна въ Гошическомъ вкусѣ, въ память подвиговъ Русскихъ воиновъ въ 1812 и 1813 годахъ, — для часовыхъ лицъ, проектъ Греко-Россійской церкви въ Русскомъ вкусѣ, для построенія въ Рязанской Губерніи, въ помѣстьѣ Князя Кропошкина на 600 человекъ, — проектъ павильона въ Китайскомъ вкусѣ для постройки въ С. Пешербургѣ Дворянину Кожуховскому, — и загороднаго дома для постройки въ С. Пешербургѣ на Каменномъ Островѣ, для Г. Навдѣльшща.

Ситасовъ. Упражнялся въ составленіи разныхъ проектовъ, приспособляя оныя къ здѣшнему климату, и производилъ работы, начавши въ прошломъ году по его проектамъ.

ПОЧЕТНЫЕ ВОЛЬНЫЕ ОБЩНИКИ:

Штаубертъ. По Высочайше утвержденнымъ проектамъ, занимался окончаніемъ зданія со службами, для двухъ баталіоновъ Дворянскаго полка; постройкою двухъ каменныхъ флигелей при С. Петербургской военной госпиталѣ, для бани, прачечной, мастерскихъ и проч. и возведеніемъ новыхъ зданій для Лейбъ-Гвардіи конной баштареи, манежа, конюшенъ и сарая для орудій и обоза, на огородномъ мѣстѣ Лейбъ-Гвардіи Преображенскаго полка.

Монфerrанъ. Продолжалъ построеніе Исакиевскаго Собора, который возведенъ до той высоты, на которой имѣютъ быть поставлены граничныя колонны, вокругъ большой главы онаго Собора. Колонны сіи предполагается поставити въ нынѣшнемъ году.

Шарлеманъ. Занимался постройками въ Пешергофѣ четырехъ Кавалерійскихъ каменныхъ домовъ въ Гошическомъ вкусѣ; таковаго же дома въ обыкновенномъ вкусѣ; театра; казармъ для Гвардейскаго Экипажа, и составленіемъ проектовъ: на построеніе каменной казармы для помѣщенія мастеровыхъ и служилыхъ въ домствѣ Пешергофскаго Дворцоваго Правленія и деревяннаго Придворнаго манежа; въ Петербургѣ, ошдѣлкою дома для помѣщенія Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Медицинскаго Департамента, — окончательною ошдѣлкою домовъ и церкви у Выборгской заставы, строящихся на иждивеніи Г-жи Новосильцевой, урожденной Гр. Орловой, — проектомъ и постройкою новаго зданія для здѣшной Глазной Лечебницы, — по Высочайшей волѣ, проектомъ дома для жительствова

Военнаго Губернатора въ Казани; а также составленіемъ проекшовъ для частныхъ лицъ.

Профессоръ Теоріи Строительнаго Искусства Щедринъ. Перестроивалъ и окончательнo ошдѣлывалъ зданія: 12-ти Коллегій, для помѣщенія въ ономъ С. Петербургскаго Университета и Главнаго Педагогическаго Института, — домъ для помѣщенія Ларинской Гимназіи на Васильевскомъ Острову, — домъ для помѣщенія Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, что у Чернышева моста, а также занимался проексами и сметами по служенію его въ разныхъ Казенныхъ Мѣстахъ.

О СОСТОЯНІИ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ,

НАХОДЯЩИХСЯ ПОДЪ НЕПОСРЕДСТВЕННЫМЪ УПРАВЛЕНІЕМЪ И ВЫСОЧАЙШИМЪ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМЪ

ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ.

(Извлеченіе изъ «Краткаго Ошчета по Учебнымъ и Благошворительнымъ Заведеніямъ, состоящимъ подъ непосредственнымъ управленіемъ и Высочайшимъ покровительствомъ Ея Величества Государыни Императрицы, представленнаго Спашсъ-Секретаремъ Лонгиновымъ, за 1836 годъ»).

Благодѣнія, постоянно изливаемыя Государынею Императрицею на Учебныя и Благошворительныя Заведенія, состоящія подъ непосредственнымъ управленіемъ и Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, орошаютъ землю не бесплодную. Обильные плоды свидѣтельствуютъ, что разсадники сіи достойны вѣжныхъ попеченій Августѣйшей Покровительницы, достигая годъ ошъ году высшей степени усовершенія. Успѣхи въ развитіяхъ образованія сей важной отрасли народнаго благосостоянія очевидны изъ Ошчетовъ, ежегодно издаваемыхъ по управленію сими Заведеніями. Представляемый Ошчетъ за 1836 годъ, подобно предшествовавшему, показываетъ то дѣйствующее состояніе, въ коемъ находились Заведенія

сіи въ испекшемъ году, и какія были приняты мѣры къ ихъ улучшенію. Самая дѣятельность лицъ, трудившихся на сѣмъ похвальномъ поприщѣ, усугублялась преимущественно благодѣтельными поощреніями Ея Императорскаго Величества. Щедроты Монаршія не пресѣяютъ умножать рвеніе къ общему благу, и призывъ благошвореній Ихъ Императорскихъ Величествъ отражается въ сердцахъ ихъ подданныхъ.

Въ подтвержденіе справедливости сего случившійся вновь возникающее Благошворительное Заведеніе—*Иркутскій Скромскій Домъ и учрежденный при немъ Частный Банкъ*. Получая устройство свое въ ошдаленномъ край Россіи, Заведеніе сіе, едва бышіе воспріявшее, поступило уже подъ сѣнь благошворнаго попеченія Августѣйшей Покровительницы всего полезнаго. Сего достигнучи, чтобы ободрять себя надеждою, яшо и оно, подобно прочимъ учрежденіямъ, осчастливленными Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества, станешъ на ряду съ ними въ своемъ устройствѣ и благосостояніи.

I. *Патріотическій Институтъ.*

Патріотическій Институтъ, къ 1-му Генваря 1836 года, сосноялъ изъ 150 Шпанскихъ Воспитанницъ Комитета 18-го Августа 1814 года и 125 Пансіонерокъ: всего изъ 245 дѣвиць. Въ теченіе 1836 года выпущено, по просьбамъ родшвенниковъ и по другимъ уважительнымъ причинамъ, Воспитанницъ 3 и Пансіонерокъ 5; въ шомъ числѣ не окончившихъ полнаго курса воспитанія 3. Вновь принято: Воспитанницъ 3, Пансіонерокъ 13; всего 16. — Число больныхъ простиралось во весь годъ до 60; въ шомъ числѣ находилось въ мори 38; умерли: 1 Воспитанница и 2 Пансіонерки отъ застарѣлой золотухи, госпаденія и нервической горячки. Къ

1-му Января 1837 года состояло Воспитанницъ 119, Пансионерокъ 131; въ томъ числѣ на иждивеніи :

Его Императорскаго Величества 35.

Государыни Императрицы 23.

Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича 1.

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Пасловича 2.

Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елены Павловны 3.

Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича 1.

Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны 1.

На счетъ капитала покойной Императрицы Елисаветы Алексѣевны 1.

Главнаго Казначейства 3.

Забалканскихъ Воспитанницъ, на счетъ капитала, пожертвованнаго П. Н. Демидовымъ 12.

На иждивеніи частныхъ лицъ 49.

Ученіе продолжалось, принятому порядку, подъ наблюдениемъ Начальницы и Инспектора классовъ, 18 Учителями Наукъ, Изящныхъ Художествъ и Искусствъ.

II. Санктпетербургскій Домъ Трудолюбія.

Къ 1836 году, Домъ Трудолюбія состоялъ изъ 70 Воспитанницъ и 130 Пансионерокъ. При нихъ было: Надзирательницъ 18, Учителей 11, Врачей 2, Чиновниковъ 2, прислуги обоюга пола 58 человекъ. Въ теченіе 1836 года выпущено: Воспитанницъ 10, Пансионерокъ 22; выбыло Надзирательницъ и Пепиньерокъ 9. На ихъ мѣста принято: Воспитанницъ 8, Пансионерокъ 30, Надзирательницъ и Пепиньерокъ 9, Учителей прибавлено 3. Больныхъ въ разное время было 58 человекъ:

изъ нихъ 47 дѣвиць пмыи корь; умерли^о отъ неизлечимой чахотки и застарѣлой золотухи 3 Пансіонерки.

За шѣмъ къ 1-му Генваря 1837 года находилось въ Домѣ Трудолюбія Воспитанницъ 68, Пансіонерокъ 135; въ томъ числѣ: Государя Императора 20, Государыни Императрицы 20, Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича 1, Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Александры Николаевны 2, Государственнаго Казначейства 11, на капиталъ Калынина 16 и на иждивеніи частныхъ лицъ 65.

III. *Санктпетербургское Женское Патріотическое Общество.*

Въ началѣ 1836 года, по истеченіи законнаго прехлѣшя, въ чрезвычайномъ засѣданіи Совѣща Общества, бывшемъ въ покояхъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Николаевны, вновь избрана Предсѣдательницею онаге, супруга Сенатора, Агаоклея Марковна Сухарева, которая и утверждена Ея Императорскимъ Величествомъ въ семь званіи.

Желая ознаменовашь полезнымъ дѣломъ сіе засѣданіе, въ которомъ присушествовала Ея Императорское Высочество по званію Дѣйствительнаго Члена, Совѣщъ положилъ учредить складочное мѣсто, для храненія и продажи различнаго рода рукодѣлій, доставляемыхъ Частными Школами Общества и приносимыхъ посторонними бѣдными. Для сего Совѣщомъ начертаны въ руководство правила, на первый случай, для опыта, съ шѣмъ, чтобы по истеченіи года пристуипить къ новому оныхъ разсмотрѣнію. Мѣры сіи удостоены Высочайшаго одобренія Ея Императорскаго Величества, а Дѣйствительный Членъ, Княгиня Голицына, пожертвовала въ своемъ домѣ кварширу для по-

мѣщенія сладочнаго мѣста, которое Коммиссіонеръ Общества, купецъ Вобковъ, ошдѣлалъ и снабдилъ мебелью безмездно.

Концерсъ, данный любителями музыки, 6-го Апрѣля минувшаго года, много содѣйствовалъ Обществу къ приведенію въ исполненіе благошворныхъ его намѣреній, доставивъ ему (за исключеніемъ 1918 руб. 20 коп., употребленныхъ въ расходъ) дохода 18,941 руб. 30 коп. (2013 руб. болѣе, нежели въ 1835 году).

Сшоль значительное приращеніе къ капиталу Общества дало возможность отчислить 1440 р. въ годъ, изъ общихъ суммъ, на содержаніе восьми новыхъ Пансіонерокъ.

Совѣшь состояла, въ 1836 году, изъ 12-ти Дѣйствительныхъ Членовъ, въ числѣ коихъ состоятъ и Предсѣдательница и пять Помощницъ. Въ число Почетныхъ Членовъ, въ 1836 году, вступили 8.

Въ минувшемъ году Совѣшь представляла на Высочайшее усмотрѣніе Ея Императорскаго Величества подробный отчетъ объ осмотрѣ Школъ, которыя были найдены въ состояніи, соотвѣтствующемъ благошворительной цѣли, для коей учреждены сіи Заведенія. Изъ Школъ выпущено въ минувшемъ году Пансіонерокъ: Ея Императорскаго Величества 3, Общества 2, частныхъ особъ 3, Воспитаницъ 21, всего 29 дѣвиць. Имъ выдано въ единовременное награжденіе 1900 руб. На мѣста сихъ дѣвиць приняты новыя, именно: Пансіонерокъ Ея Величества 2, Ея Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника 1, Общества 11, Воспитаницъ 21: всего 35 дѣвиць.

Купецъ 3-й гильдіи Алексѣй Долгинъ, движимый чувствами благошворенія, пожертвовалъ 15,000 руб. въ пользу Общества. Съ соизволенія Ея Величества, Совѣшь Общества положила изъ проценшовъ сего пожертвованія воспитывать въ своихъ Школахъ двухъ

дѣвицъ бѣднѣйшаго состоянія, подъ именованіемъ *Пансіонерокъ Должна*, — объявивъ о сѣмъ челоувѣколюбивомъ подвигѣ въ Вѣдомостяхъ, во всеобщее извѣстіе.

IV. *Полшавскій Институтъ Благородныхъ дѣвицъ.*

Къ 1836 году, Полшавскій Институтъ состоялъ изъ 99 Штатныхъ Воспитанницъ, 55 Пансіонерокъ и 11 дѣвицъ, содержимыхъ на счетъ экономіи. При нихъ находилось: Надзирательницъ и Пецинерокъ 17, Инспекторъ классовъ и Учителей 19, Штатный Врачъ 1, 1, сверхштатный Девицкъ 1 и 2 Чиновника; прислуги: мужеска пола 24, женска 59; всего на содержаніи Института 288 челоувѣкъ.

1-го Іюля послѣдовала выпускъ дѣвицъ, кончившихъ ученіе, а именно: 40 Штатныхъ Воспитанницъ, 16 Пансіонерокъ и 1-й экономической Воспитанницы.

Изъ числа выпущенныхъ дѣвицъ, отъ Ея Императорскаго Величества Всемилостивѣйше пожалованы были награды семи отличившимся дѣвицамъ, а именно: 2-мъ золотые знаки, съ вензловымъ изображеніемъ Имени Ея Величества, 2-мъ серебряные, 1-й золотая медаль и 2-мъ серебряныя.

На мѣсто выпущенныхъ дѣвицъ поступило: Воспитанницъ 34, Пансіонерокъ 14 и 1 на счетъ экономіи; Надзирательницъ 2; Пецинерокъ уволено 3 и Учителей 4; поступило: 3 Надзирательницъ, 5 Пецинерокъ, 1 Учитель и 2 челоувѣка прислуги; число больныхъ въ разное время простиралось до 115; изъ нихъ, къ прискорбію, умерло 2. За шѣмъ, къ 1837 году, состояло: Воспитанницъ 91, Пансіонерокъ, какъ Штатныхъ Ея Императорскаго Величества и Государыни Императрицы, такъ и частныхъ 51, на счетъ экономіи 11; при нихъ Надзирательницъ и Пецинерокъ 20, Инспекторъ и Учителей 16, Врачъ 1, Девицкъ 1, Чиновниковъ 2, прислуги: мужеска пола 26, женска 59;

всего къ Инстипушу принадлежавшихъ лицъ было 278 человекъ.

V. Московскій Домъ Трудолюбія.

По Московскому Дому Трудолюбія къ 1836 году состояло Воспитанницъ 50, Пансіонерокъ 51, Пансіонерокъ бывшаго Холернаго Заведенія, за которыхъ вносился только половина платы, 9; при нихъ Надзирательница 7, Пециньерокъ 4, Учишелей и Учишельница 11, Врачей 2, другихъ чиновъ 4, прислуги 51 человекъ, всего 169 человекъ.

Выпущенныхъ, по окончаніи воспитанія: двѣцъ 3, Пансіонерокъ 11: всего 14; въ томъ числѣ воспитывавшихся на иждивеніи Ея Императорскаго Величества 4, на счетъ казначала, пожертвованнаго Казначеемъ Дома, Надворнымъ Совѣшникомъ Губиннымъ 1.

Вновь поступило: Воспитанницъ 3 и Пансіонерокъ 11; для класса Французской Словесности прибавленъ 1 Учишель. На мѣсто выбывшей старшей Надзирательницы опредѣлена другая, и по представленіямъ Совѣта Московскаго Дома Трудолюбія, для большаго порядка въ преподаваніи Наукъ, Высочайше разрѣшено поручить Учишелю Россійской Словесности и Исторіи Кол. Асс. Преображенскому, исправленіе должности Инспектора классовъ.

Къ 1-му Генваря 1837 года состояло въ Московскомъ Домѣ Трудолюбія: Воспитанницъ 50, Пансіонерокъ 50, поступившихъ изъ бывшаго Холернаго Заведенія, за коихъ вносился только половина платы, 9: всего 109; при нихъ Надзирательница 7, Пециньерокъ 4, Учишелей 10; всего на содержаніи Дома, со включеніемъ должностныхъ лицъ и прислуги, было 169 человекъ.

VI. *Симбирское Общество Христіанскаго милосердія и состоящій при немъ Домъ Трудолюбія.*

Въ Домъ Трудолюбія къ Генварю 1836 года сошло: Пансіонерокъ Ея Императорскаго Величества 2, Шшашныхъ Воспитанницъ 12, на иждивеніи благошворителей 6; изъ нихъ выпущены: 1 Пансіонерка Ея Величества и 3 Воспитанницы; ваканціи сіи замѣнены другими, и сверхъ того приняты 2 Пансіонерки на счѣтъ благошворителей. Больныхъ въ теченіе всего года было 4, легкими болѣзнями. Къ 1837 году Домъ Трудолюбія состоялъ изъ 22 Воспитанницъ и Пансіонерокъ. При нихъ Надзирательницъ 3, Учительскіе 6, Врачей 1, Чиновникъ по Дому 1 и прислуги 7 человекъ.

VII. *Кронштадтскій Сиротскій Домъ.*

Учрежденный въ Кронштадтѣ Сиротскій Домъ, въ пятый годъ своего существованія, состоялъ изъ 30 комплексныхъ Воспитанницъ и 3 Пансіонерокъ. Въ теченіе 1836 года вышло, по разнымъ случаямъ и по просьбѣ родителей, не кончившихъ ученіе Воспитанницъ 3 и 1 Пансіонерка; на мѣсто вышедшихъ поступило 3 Воспитанницы и 2 Пансіонерки. Окончившихъ ученіе выпущено: Воспитанницъ 3, Пансіонерка 1; на мѣсто выпущенныхъ имѣеть бытъ принято такое же число сиротъ благороднаго и свободнаго состоянія. За шѣтъ къ 1837 году состоятъ Воспитанницъ 26, Пансіонерокъ 3; всего 29.

VIII. *Кіевское Общество для вспоможенія бѣднымъ и состоящее въ вѣдѣніи онаго Училище Графини Лавашевой.*

Въ 1836 году, Общество состояло изъ 10 Почетныхъ и 28 Дѣйствительныхъ Членовъ. Постояннымъ пособіемъ отъ Общества воспользовались 165 бѣдныхъ

семействъ, Сверхъ того 20-ти семействамъ преподанъ способъ пропитанія, посредствомъ продажи издѣлій ихъ въ лавкѣ Общества. Сиротъ отдано на воспитаніе въ Училище Графини Левашевой 16, въ Домъ Призрѣнія малолѣтнихъ женскаго пола 11, въ ученіе къ мастерамъ 4. Всего оказано пособія болѣе 200 семействамъ.

IX. Подмосковное имѣніе Студенецъ.

Въ прошедшемъ году, по ходатайству состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Московскаго Общества Любителей Садоводства, Ея Императорскому Величеству благоудно было соизволишь на уступку сему Обществу еще участка земли, для разведенія плодоваго питомника. Также, по волю Ея Величества, сдѣлано предварительное соображеніе объ обращеніи всей дачи Студенецъ, съ числящимся при ней денежнымъ капиталомъ, въ пользу Общества, на учрежденіе въ оной Практической Школы Садоводства.

X. Россійское Общество Любителей Садоводства, въ Москвѣ.

Общество, начавъ съ 14-го Ноября 1835 года дѣйствія свои, въ теченіе 1836 года привело уже въ исполненіе въкоротка предположенія Высочайше утвержденнаго Устава своего.

Предположенное учрежденіе Школы Садоводства также приводится въ исполненіе. Августѣйшая Покровительница Общества, одобривъ вполне цѣль Школы, Всемилостивѣйше соизволила предославить на содержаніе сего Заведенія всю шрехгорную дачу Студенецъ, вмѣстѣ съ накопившимся оцѣ доходовъ и другихъ снхашей капиталомъ въ 40,000 рублей. Уставъ и Шта-

шы Школы Садоводства, для 50 человекъ на первый разъ, въ 1857 году, уже утверждены Ея Величествомъ. Подробныя свѣдѣнія о правилахъ устава и о самомъ учрежденіи Школы войдутъ въ составъ Отчета за 1857 годъ.

Въ концѣ 1856 года Общество состояло изъ Членовъ: 109 Дѣйствительныхъ, 16 Почетныхъ и 25 Корреспондентовъ.

XI. Обь учреждаемомъ въ городѣ Тамбовѣ Александринскомъ Институтѣ Благородныхъ Дѣвицъ.

Въ свѣдѣніе Высочайшей Ея Величества воли, Свѣдѣній-Секретарь Лонгиновъ, бывъ въ Тамбовѣ, для соображенія на мѣстѣ мѣръ и способовъ къ приведенію въ дѣйствіе предложенія объ учрежденіи Александринскаго Института Благородныхъ Дѣвицъ, между прочимъ, имѣлъ счастье ходатайствовать о представленіи оному, для постройки зданій его, мѣста на усадьбѣ, принадлежавшей бывшему Губернаторскому дому, соединяющаго всѣ условія, къ построению зданій Института необходимыя.

Его Императорской Величество, одобряя сіе всеподданнѣйшее представленіе, при Высочайшемъ посещеніи города Тамбова, лично соизволило удостоверитьсь въ удобствѣ означеннаго мѣста, и Всемилостивѣйше пожаловало оное Институту, съ тѣмъ, чтобы отданы были въ его пользу и всѣ строенія, на той усадьбѣ состоящія. Планы предложенныхъ для Института зданій, начертанныхъ въ Тамбовѣ, по одобреніи оныхъ Его Императорскимъ Величествомъ, были составлены здѣсь, по Высочайшей волѣ, извѣстнымъ Архитекторомъ Брюловымъ, согласно съ замѣчаніями Ея Величества и съ правилами, принятыми въ здѣшнихъ Заведеніяхъ. Въ 20-й день

Ноября новыя планы удостоены Высочайшаго Её Величества утверждения, и препровождены въ Комитетъ, завѣдывающій дѣлами учреждаемаго Института, для составленія по онымъ смѣлъ, кои, какъ предполагать должно, не превзойдутъ предначиненной на постройку суммы 189,000 рублей.

XII. *Демидовскій Домъ Призрѣнія Трудящихся.*

Школа, учрежденная при Демидовскомъ Домѣ Трудящихся для призрѣнія сиротъ и дѣтей бѣдныхъ родителей, открыта 22-го Февраля 1836 года.

XIII. *Объ учреждаемомъ въ городѣ Иркутскѣ Сиропитательномъ Домѣ и при немъ Частномъ Банкѣ.*

Бывшій Генераль-Губернаторъ Восточной Сибири, Генераль-Лейтенантъ Сулига, еще въ 1834 году сообщилъ Г. Министру Внутреннихъ Дѣлъ о предположеніяхъ Иркутскаго мѣстнаго Начальства на счетъ учрежденія въ Иркутскѣ Сиротскаго Дома для дѣтей женскаго пола. Мѣстное Начальство пригласило мѣстныхъ жителей принять участіе въ исполненіи сего благотворительнаго предположенія. Такимъ образомъ, въ короткое время собрано добровольныхъ приношеній до 80,000 руб., въ томъ числѣ 70,000 руб. померитовано Иркутскими 4-хъ гильдіи купцами и почетными гражданами Иваномъ и Логичномъ Медвѣдниковыми, кои, исполнивъ волю умершей матери ихъ, изъявили готовность учредить въ Иркутскѣ Сиропитательное Заведеніе. При семъ Генераль-Губернаторъ, подтверждая съ своей стороны необходимость въ учрежденіи предполагаемаго Заведенія, ходатайствовалъ о дозволеніи купцамъ Медвѣдниковымъ прислупить къ его устройству, съ тѣмъ чтобы, согласно желанію ихъ, Заведеніе сіе повергнуть

Высочайшему покровительству Государыни Императрицы, и испросить назначенія въ оное Начальницы изъ Пешербургскихъ Учебныхъ Заведеній, для женскаго пола, дабы учреждаемый въ Иркутскѣ Домъ Признанія Сиротъ могъ быть управленъ сообразно съ правилами столичныхъ Заведеній, и удостоясь Всемилоштивѣйшаго покровительства, приобрѣлъ общественное довѣріе. По доведеніи о семъ до Высочайшаго свидѣнія, Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть, чтобы проектъ помнутаго Заведенія представлень былъ на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества. Въ послѣдствіи, Ея Величество соизволила изъявить согласіе на принятіе подѣ Августѣйшее Ея покровительство Сиротншапельнаго Дома и Частнаго при немъ Банка, предположеннаго по тому проекту на счетъ отдѣляемой для сего учредителями части пожертвованнаго капишала: чрезъ что, кромѣ умноженія средствъ къ расширенію самаго Заведенія, открыта будеть для торгующаго въ Сибири купечества возможность пользоваться пособіемъ въ денежныхъ его оборотахъ. Видѣвъ съ симъ, Ея Величеству благоугодно было принять на Себя назначеніе въ сіе Заведеніе Смотрительницы изъ С. Петербургскихъ Учрежденій.

Въ исходѣ 1836 года, Положеніе Иркутскаго Дома и Банка, съ примѣрными Штатомъ и Росписаніемъ, по распоряженію Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, получивъ законное утвержденіе, возвращены Г. Генералъ-Губернатору для приведенія въ надлежащее дѣйствіе; нынѣ ожидающія подробнѣйшія свидѣнія о предпринятой купцами Медвѣдниковыми постройкѣ зданій для помѣщенія учреждаемаго Заведенія, и вообще о дальнѣйшемъ ходѣ сего предпріятія, обещающаго пользу во многихъ отношеніяхъ. Между тѣмъ, Его Императорское Величество, по ходатайству Государыни Императрицы,

благволилъ опредѣлить Смотришельницѣ, прошиву первоначальнаго Штата, значительную прибавку жалованья отъ Казны, и повелѣлъ, сверхъ того, отправление ея въ Иркутскъ отнести на счетъ Государственнаго Казначейства, и таковыми щедротами положить начало будущимъ успѣхамъ возникающаго въ ошдаленномъ краю Имперіи перваго, отчасти воспитательнаго, но существенно благопріишельнаго Заведенія.

Въ заключеніе, для общаго обозрѣнія состоянія учебной части Заведеній, состоящихъ подъ Высочайшимъ Ея Величества покровительствомъ, прилагаемъ таблицу о числѣ Учащихъ и учащихя въ сихъ Заведеніяхъ.

	Учащихся:			Учителей.
	Воспитан- ницъ.	Пансіоне- рокъ.	Надзираемыхъ. ницъ.	
1. Паптріюшическій Инстишуть.	119	131	20	18
2. Санктпетербургскій Домъ Тру- долюбія.	68	135	18	14
3. Женское Паптріюшическое Об- щество и Паптріюшическія Частныя Школы.	300	91	12	12
4. Полтавскій Инстишуть Бла- городныхъ дѣвиць.	91	62	20	16
5. Московскій Домъ Трудолюбія.	50	59	11	11
6. Симбирское Общество Хри- стіанскаго Милосердія и при- немъ Домъ Трудолюбія. . . .	12	10	3	6
7. Кронштадтскій Сиротскій Домъ	26	3	1	2
8. Кіевское Общество для вспомо- женія бѣднымъ и состоящее въ его вѣдѣніи Училище Гра- фини Левашевой	27	—	2	3
9. Демидовскій Домъ Призрѣнія Трудящихся	57	16	1	2
Всего.	750	507	88	84
	1257			

IV.

ИЗВѢСТІЯ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ УЧЕНЫХЪ и УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ

КОРОЛЕВСКАЯ ПАРИЖСКАЯ ШКОЛА

ДЛЯ ЧТЕНІЯ ХАРТІЙ.

Въ числѣ многихъ Специальныхъ Учебныхъ Заведеній, которыми по справедливости можешь гордиться Парижъ, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ *Королевская Школа для чтенія хартій* (l'École royale des chartes), какъ по обширной пользѣ, приносимой ею Исторіи Франціи, такъ и потому, что доселѣ она есть единственное Заведеніе въ своемъ родѣ во всей Европѣ. Многошрудная Наука чтенія хартій требуетъ зацѣпной посидимыхъ, продолжительныхъ : посвятившей себя этой Наукѣ, конечно, ниже Исторіи-Практики;

но за то онъ необходимый его спутникъ: они оба должны иппи рука объ руку на поприщѣ, ими избранномъ; соединенными силами вѣрно доспигають своей цѣли; раздѣльно — и пошъ и другой будущъ прудимься безуспѣшно. Ученый, посвятившій себя изученію харпій, служить посредникомъ между Историкомъ и временами минувшими: онъ приготавливаетъ ему материалы, уцѣлѣвшіе отъ погибели, объясняетъ, очищаетъ ихъ, и передаетъ въ руки его въ такомъ видѣ, въ какомъ они необходимы для созиданія прагматической Исторіи. Отнимите эти пособія отъ Историка-Прагматика, призваннаго увѣковѣчить память народа въ великомъ твореніи: надъ чѣмъ онъ долженъ будетъ провести жизнь свою? Надъ разборомъ черпвой буквы, надъ объясненіемъ и исполкованіемъ ошдѣльных словъ, надъ разспановкою запяшыхъ и шочекъ, надъ сличеніемъ одной и шой же фразы въ двадцати или придцати рукописяхъ. ... Это ли работа, свойственная Генію? Нѣтъ! Онъ погибаетъ подъ ея тяжестью, подъ ея холодноштію, такъ сказать, и Литература народа лишается великаго творенія, на нѣсколькo шольшій, до шѣхъ поръ, пока не явится новый Геній-Историкъ, а Природа не очень щедра на Геніевъ.

Великій примѣръ совершился въ глазахъ нашихъ: безсмертный Сочинитель Исторіи Государства Россійскаго скончался, оставивъ намъ твореніе, не доведенное и до половины, хошя Авшоръ прудился надъ нимъ двадцать чепыре года сряду. Твореніе это есть образецъ величайшихъ красотъ, хошя и не безъ ошибокъ: красоты неопшемлемая собственность Карамзина; ошибки — неопшемлемая собственность того времени, въ кошоромъ онъ жилъ. Карамзинъ провелъ лучшее время своей жизни надъ разборомъ харпій и приготавливаніемъ материаловъ для своего творенія — шрудъ несвойственный Генію и несоразмѣрный съ силами

одного челоѣка. Когда Карамзинъ началъ писать свою Исторію, Румянцевское Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ, представляющее Исторіку документы драгоцѣнные для политической жизни нашего Отечества, только что появилось, и то не вполне; но не было еще ни Археографической Экспедиціи, извлекающей изъ архивовъ памятники, по которымъ можно возстановить внутреннюю жизнь древней Руси, ни Археографической Коммиссіи, прудящейся надъ великимъ дѣломъ изданія лѣтописей, повѣстующихъ о судьбѣ народа Русскаго. То, что дѣлають нынѣ и дѣлали не задолго передъ симъ нѣсколько десятковъ челоѣкъ, Карамзинъ принужденъ былъ дѣлать одинъ. Послѣ этого, должны ли мы удивляться ошибкамъ въ его Исторіи? И вмѣсто того, чтобы обвинять Карамзина, какъ многіе это дѣлають, не лучше ли и не справедливѣе ли будетъ обвинять то время, въ которомъ онъ жилъ, и которомъ не умѣло приготоовиться къ принятію Генія, посланнаго ему Природою. Карамзину слѣдовало родиться гораздо позже, чтобы явить себя еще въ большемъ блескѣ.

Говорить ли послѣ того, какъ далеко можетъ по-двинуть Науку Учебное Заведеніе въ родѣ Школы для чтенія хартій, и какъ огромны могутъ быть его слѣдствія? Разумѣется подъ выраженіемъ «чтеніе хартій», я понимаю не одно простое произношеніе словъ, находящихся въ какомъ-нибудь письменномъ памятникѣ. «Прочестъ хартію», по моему понятію, значить воз-становить ея текстъ и объяснить филологически, исторически, хронологически, географически, юридически, и т. д., словомъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ коихъ только она можетъ быть разсматриваема. Слѣдова-тельно, Школа, которая учила бы насъ читать хар-тіи такимъ образомъ, была бы рассадникомъ свѣдѣній филологическихъ, историческихъ, хронологическихъ,

географическихъ, юридическихъ. Она совмѣщала бы въ себя всѣ историческія вспомогательныя Науки, служащія основаніемъ достоверно-прагматической Исторіи. Она заставила бы насъ обрабатывать нашу древнюю Географію, Генезалогію, Хронологію, Юриспруденцію, даже Филологію. Она принудила бы насъ къ изслѣдованіямъ прочнымъ, глубокимъ, добросовѣстнымъ. Она наполнила бы наши архивы и библіотеки людьми, знающими съ свирѣдъ дѣломъ. При такой Школѣ легко бы было предпринимать самыя огромныя изданія источниковаго Ошечественной Исторіи, и то, что нынѣ совершается въ десяти лѣтъ, тогда совершалось бы въ два, много въ три года.

Французы, неутомимо прудящіеся надъ изданіемъ письменныхъ памятниковъ, относящихся до Ошечественной Исторіи ихъ, очень хорошо поняли всю пользу и необходимость подобнаго рода Учебнаго Заведенія. Когда, въ слѣдствіе новыхъ политическихъ и гражданскихъ постановленій, монастыри были упразднены по всей Франціи, Наука чтенія хартій, жившая между монахами и передававшаяся неуспѣшно отъ одного поколѣнія ихъ къ другому, стала мало по малу пропадать, и, дѣтъ сомнѣнія, вовсе исчезла бы, если бы не были приняты мѣры для возстановленія ея въ новомъ блескѣ. Въ 1821 году, Г. Симеонъ (Siméon), Министръ Внутреннихъ Дѣлъ (*), представилъ Лудовику XVIII проектъ учрежденія, при Королевской Библіотекѣ и Государственномъ Архивѣ (archives du Royaume) Школы для чтенія хартій, «дабы возстановишь родъ занятій, необходимый для славы Франціи и доставишь

(*) Въ это время во Франціи еще не было Министерства Просвѣщенія, и вся учебная часть входила въ составъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Академіи Надписей всѣ нужныя средства для успѣшнаго совершенія вѣреннхъ ей работъ (*). • Лудовикъ XVIII утвердилъ представленный ему проектъ, и съ 22 Февраля 1821 года получила свое начало Королевская Школа для чтенія хартій. Число Воспитанниковъ не должно было превышать двѣнадцати. Они назначались по представленію Академіи надписей, самимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, и, при вступленіи, должны были имѣть не менѣе 20 и не болѣе 25 лѣтъ. Воспитанники должны были пройти два курса: одинъ, учрежденный при Государственномъ Архивѣ, и имѣвшій предметомъ своимъ простое чтеніе хартій; другой, при Королевской Библіотекѣ, обнимающей всѣ діалекты, существовавшіе во Франціи въ Средніе вѣка. Оба Профессора, читавшіе эти два курса, назначались также самимъ Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ со времени учрежденія Школы, и курсы ея были почти вовсе оставлены Воспитанниками. Такъ и должно было быть, во-первыхъ по дурному устройству курсовъ, а во-вторыхъ потому, что Воспитанникамъ не было открыто никакого источника. Послѣ двухлѣтнихъ пажихъ, безпрерывныхъ занятій, Воспитанники не знали, что имъ дѣлать съ знаніями, пріобрѣтенными въ Школѣ, на что и куда употребить ихъ? По выходѣ изъ Школы, они были въ шягосѣ и самимъ себѣ и Правительству, которое, давъ имъ средства узнать Науку, не могло способствовать къ тому, чтобы они были въ состояніи употребить ее въ дѣло. Другой, не менѣе важный недостатокъ, заключался въ дурномъ устройствѣ Школы, раздѣленной на два отдѣленія, не имѣвшія между собою ничего общаго, кромѣ предмета преподаванія: каждое

(*) Подлинныя слова Королевскаго Указа, 22 Февраля 1821 г. *См. Moniteur universel*, No 61, 1821 года.

дѣйствовало отдѣльно, имѣло свой порядокъ и свой ходъ занятій, и не хотѣло знать ни объ успѣхахъ, ни о способностяхъ Воспитанниковъ другаго отдѣленія. Сверхъ того оба курса ограничивались простымъ чтеніемъ и переписываніемъ харшій различныхъ эпохъ, нисколько не занимаясь ни Дипломатикою, ни Палеографіею, между тѣмъ, какъ посредствомъ эшихъ двухъ Наукъ опредѣляется достоверность рукописей, время, къ которому онѣ относятся, различные почерки, принадлежащіе къ той или другой эпохѣ, неизмѣнныя формулы, принятыя въ то или другое время, и наконецъ характеръ, отличающій различные роды харшій: грамоты, договоры, наказы, описки, памятей и проч.

Еще въ 1824 году, въ засѣданіи 23 Января, Академія Надписей сильно протестовала противъ дурнаго устройства Школы: она настоятельно требовала преобразования ея и принятія Воспитанниковъ подъ особое покровительство Министерства, которое должно было заботиться объ обезпеченіи ихъ будущности. Протестъ Академіи долго оставался безъ вниманія, и только въ концѣ 1829 года Г. Лабурдонне (La Bourdonnaye), бывшій въ то время Министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, представилъ Карлу X новый проектъ Школы для чтенія харшій, проектъ совершенно основательный и показывавшій знаніе дѣла, соединенное съ большою опытностію. Карлъ X утвердилъ проектъ 11 Ноября 1829 года, и со 2-го Января 1830 года преобразованная Школа воспріяла свои дѣйствія, не испытавъ съ того времени никакихъ значительныхъ измѣненій. Такова исторія Королевской Школы для чтенія харшій. Показавъ, какимъ образомъ она образовалась, приступимъ теперь къ изложенію ея внутренняго устройства, какъ въ отношеніи къ управленію, такъ и въ отношеніи къ распределенію курсовъ, способу преподаванія и порядку испытаній Воспитанниковъ.

Курсы Школы для чтенія хартій раздѣляются на первоначальный, продолжающійся годъ, и на курсъ Французской Дипломашики и Палеографіи, читающійся два года. На первый курсъ могутъ записываться всѣ молодые люди, имѣющіе не менѣе 18 и не болѣе 25 лѣтъ, и получившіе Степень Кандидаша (*bachelier des lettres*). Во второмъ курсѣ число Воспитанниковъ можетъ быть не менѣе шести и не болѣе восьми: они называются Пенсіонными или Казеннокоштными (*élevés pensionnaires*) и получаютъ отъ Правительства, въ два года, каждый по 800 франковъ содержанія. Въ первомъ курсѣ ежегодно бываетъ отъ 45 до 50 чело-вѣкъ учащихся. По окончаніи курса открываея конкурсъ для поступленія въ число Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ. Испытанія производятся особю, по-своено для того существующею Коммиссіею, состо-ящею изъ Непремѣннаго Секретаря и двухъ Членовъ Академіи Надписей, трехъ Хранителей манускриптовъ Королевской Библиотеки и Главнаго Хранителя Госу-дарственнаго Архива (*). Конкурсъ этоотъ ошкры-ваея чрезъ каждыя два года, по окончаніи втораго курса. Онъ бываетъ публичный, въ присутствіи Ком-миссіи, въ одной изъ залъ Королевской Библиотеки, и происходитъ слѣдующимъ образомъ.

При ошкрытіи засѣданія кладешя на споль число пакетовъ, равное числу Воспитанниковъ, явившихся на конкурсъ. Всѣ эти пакеты означены нумерами и въ каждомъ изъ нихъ находихся по двѣ хартїи различныхъ эпохъ: одна на Французскомъ, другая на Лашинскомъ языкѣ. Каждый Воспитанникъ выдергиваетъ на удачу одинъ пакетъ, и въ послѣдовательномъ порядкѣ нуме-

(*) Назвъ Коммиссію эту составляють: Сильвестръ де Саси, Ноде (Naudet), Пардессъ (Pardessus), Фуль-Рошелизъ, Шамполлонъ, Газе и Дону (Daupou).

ровъ вызывается на испытаніе Пакетъ вручается ему тогда только, когда наступаетъ его очередь. Прежде всего онъ долженъ прочесть Латинскую хартію, перевести ее, объяснить на Французскомъ языкѣ, и отвѣчать на всѣ вопросы, которые будутъ ему дѣланы Членами Коммиссіи, какъ относительно матеріальной, такъ и графической части рукописи. То же самое дѣлается и съ хартіею, писанною на Французскомъ языкѣ: она переводится съ древняго на новый языкъ. Когда всѣ Воспитанники подвергнутся этому первому испытанію, продолжающемуся нѣсколько засѣданій, смотря по числу конкурентовъ, хартіи Латинскія и Французскія снова перенумеровываются безъ различія языковъ. Послѣ того Воспитанники выдвигаются на удачу, каждый по одной хартіи, и обязаны, въ присутствіи Коммиссіи, написать сочиненіе, которое имѣло бы предметомъ своимъ выдернутую хартію. Сочиненіе это должно состоять, во-первыхъ, изъ вѣрно снятаго съ нея списка, въ которомъ должны быть подчеркнуты всѣ слова и буквы, въ подлинникѣ написанныя сокращенно, и во-вторыхъ, изъ точнаго перевода Латинскаго текста на Французскій языкъ, или древне-Французскаго на новый. Къ этому переводу должны быть присоединены примѣчанія критическія, историческія, хронологическія и ш. д., безъ всякаго другаго внѣшняго пособия, кромѣ книги *l'Art de vérifier les dates*, которая на сей конецъ и находится въ залѣ испытанія. Сочиненіе это должно быть написано въ одно засѣданіе, продолжающееся отъ 12 до 4 часовъ, и при томъ въ присутствіи всѣхъ Воспитанниковъ. Оно поступаетъ въ Коммиссію вмѣстѣ съ запечатаннымъ пакетомъ, содержащимъ въ себѣ имя Сочинителя. Коммиссіа разсматриваетъ каждое сочиненіе порознь, и большинствомъ голосовъ опредѣляетъ число балловъ, котораго оно достоинно. Тогда распечатываются па-

лешы съ именами Сочинителей, и, приступается къ окончательному назначенію осьмерыхъ кандидатовъ: причемъ принимается въ соображеніе и первое изустное испытаніе. Списокъ кандидатовъ представляется Комиссіею на утвержденіе Министра Народнаго Просвѣщенія (1).

Кандидаты, принятыя въ число Казеннокоштныхъ Воспитанниковъ, переходящъ на второй курсъ и въ продолженіе его, *шт. е.* два года, получаютъ по 800 рублей содержанія. Въ это время они обязаны посѣщать лекціи, читаемыя Профессорами второго курса (2) и принимая участіе въ приведеніи въ порядокъ манускриптовъ Королевской Библіотеки и Государственнаго Архива, и въ этомъ отношеніи они находящіяся подъ одинаковою отвѣтственностію съ Чиновниками того жъ другаго мѣста. Сверхъ того, они должны участвовать въ трудахъ Академіи Надписей, которой ежегодно представляеть ихъ къ денежному награжденію: для чего и назначается при тысячи франковъ ежегодно изъ суммъ, определенныхъ бюджетомъ на поощреніе занимающихся Науками и Искусствами. Представленіе Академіи утверждается Министромъ Народнаго Просвѣщенія. По выслушаніи двухъ-годичнаго курса, Воспитанники, по представленію Комиссіи, которая разсматриваетъ труды, совершенныя ими въ продолженіи этого времени, удостоиваются Министромъ Народнаго Просвѣщенія диплома на званіе Архивариуса-Палеографа (*archiviste-paléographe*). Съ этимъ дипло-

(1) Засѣданіи, бывающіе по случаю конкурса, ведутся публично. Оба Профессора Школы приглашаются Комиссіею участвовать въ преніяхъ и присужденіи базовъ; но они имѣютъ только совѣщательные голоса (*voix consultatives*).

(2) Каждый Профессоръ читаетъ два раза въ недѣлю; лекція продолжается не менѣе часа. Оба курса преподаются въ залахъ Королевской Библіотеки.

момъ они имѣють право требовать себѣ ваканшія мѣста во всѣхъ Библиотекахъ (исключая Королевской) и Архивахъ предпочтительно предъ всѣми прочими являющимися кандидатами. Если какая-нибудь Библиотека, или какой-нибудь Архивъ имѣеть четыре ваканшія мѣста, то онъ можетъ располагать только двумя, а два другія мѣста обязанъ отдавать Воспитанникамъ, оставившимъ Школу для чтенія харшій, съ дипломами Архивариусовъ-Палеографовъ. Такимъ образомъ обезпечена судьба молодыхъ людей, посвятившихъ себя Наукѣ столь же многопрудной, сколько и неблагодарной.

Таковъ порядокъ поступленія въ Школу, перехода изъ одного курса въ другой и выпуска Воспитанниковъ. Теперь о самыхъ курсахъ и о способѣ преподаванія. Я уже сказалъ, что курсы разделяются на первоначальный курсъ и на курсъ Французской Дипломатики и Палеографіи. Предметомъ перваго курса, преподаваемого нынѣ Г. Гераромъ (Guergard), Членомъ Института, — простое чтеніе и переписываніе харшій. Руководствуясь Дипломатическою Бенедиктинцевъ, преподаватель объясняетъ своимъ слушателямъ различные роды письма въ Средніе вѣки, различные роды матеріаловъ и орудій, для того употребляющихся, словомъ все, что касается до графической и матеріальной части рукописей. При чтеніи харшій, онъ особенно обращаетъ вниманіе слушателей на сокращенія, оныя уразумѣнія коихъ зависить правильное уразумѣніе рукописей, и предпочтительно на тѣ сокращенія, которыя были предметомъ недоразумѣній и споровъ между Учеными. Когда Воспитанники получаютъ уже нѣкошорый навыкъ въ чтеніи харшій, преподаватель заставляетъ ихъ переписывать рукописи, въ спискахъ писать вполне тѣ слова, которые въ подлинникѣ означены сокращенно, и представлять вмѣстѣ съ тѣмъ въ примѣчаніяхъ при-

чимъ, по которымъ они принимають по или другое чтеніе. Въ эгихъ упражненіяхъ проходишь весь первый годъ, по иснеченіи котораго Воспитанники являюся на конкурсъ для перехода во второй курсъ.

Во второмъ курсъ объясняюся различные діалекты Среднихъ вѣковъ, бывшіе въ употребленіи во Франціи, и преподаеся кришика письменныхъ памятниконъ этой эпохи, способы узнавашъ ихъ достоверность или подложность, и относитъ къ тому времени, къ которому они дѣйствительно принадлежатъ. Собственно говоря, это курсъ не Дипломатики и Палеографіи, а Исторической Кришики, принимаемой въ обширѣйшемъ значеніи. Метода преподаванія въ этомъ курсъ, созданная знаменитымъ Шамполліономъ, есть единственная въ этомъ родѣ. Г. Шамполліонъ, преподаватель второго курса, сообщившій уже мнѣ многія свѣдѣнія о Школѣ для чтенія хартій, былъ шакъ добръ, что не отказался посвятить мнѣ нѣсколько времени и познакомить съ способомъ своего преподаванія. Трудно вообразить себѣ, чтобы можно было имѣть въ Исторической Кришикѣ и Археологіи свѣдѣнія глубже и обширнѣе Шамполліоновыхъ! Только съ его знаніями и съ его умнѣемъ можно было столь сухую и мертвую Науку, какъ Археологія, превратить въ самую занимательную и преисполненную жизни. Постараюсь передать здѣсь то, что слышалъ отъ Г. Шамполліона, и что, разумѣеся, могло быть объяснено мнѣ самимъ преподавателемъ лучше, нежели кѣмъ-либо другимъ.

Г. Шамполліонъ начинаешъ преподаваніе не съ древнѣйшихъ рукописей, а съ тѣхъ, которыя находятся шакъ сказашъ на границѣ новаго письма. Начиная шакимъ образомъ съ легчайшаго, онъ постепенно и нечувствительно углубляешся въ древность, и наконецъ доходитъ до *первыхъ* рукописей, удаленныхъ до нашего

времени. Являясь на лекцію съ древнею харшією, онъ заставляешъ Воспитанниковъ разбирать ее, и то, что не можешь быть прочтено однимъ Воспитанникомъ, разбирается другимъ, прешнимъ, и ш. д. Г. Шамполіонъ не мѣшающа въ эту работу учениковъ своихъ: онъ останавливается изъ шолько тогда, когда они не правильно читають шо или другое слово. Такимъ образомъ Воспитанники сами работаютъ, сами шрудятся, и когда возмашовашъ шекешъ харшію, Г. Шамполіонъ заставляешъ одного изъ слушателей написать ее на доскѣ: прочіе переписываютъ. Къ слѣдующей лекціи они обязаны пригешовашъ сочиненіе, въ которомъ прочтенная харшія была бы объяснена филологически, исторически, хронологически, географически, юридически, словомъ во всѣхъ отношеніяхъ, въ какихъ шолько она можешъ быть размашриваема. Если харшія *sine anno*, шо воспитанники должны приурочить ее къ шому или другому году, посредствомъ розысканій о шомъ лицѣ, кѣмъ она подписана, о шѣхъ фактахъ, которые въ ней упоминаються, и ш. д. Если это какая нибудь грамоша, подписанная Генрихомъ, Людовикомъ, Карломъ, шо опредѣлишь, какимъ именно изъ Королей шшого имени она дана, пригешивая въ соображеніе скрѣпу Канцлера, мѣсто, гдѣ она утверждена, событія, о коихъ въ ней упоминаешся, и пр. Каждый Воспитанникъ, комментуя харшію, распространяешся объ ней болѣе въ шомъ или въ другомъ отношеніи, смотря цо шому, какая Наука болѣе занимаетъ его. Такимъ образомъ, одинъ распространяешся о харшіи болѣе въ филологическомъ отношеніи, занимаясь древними формами языка; другой въ хронологическомъ, показывая различіе въ хронологіи древнихъ Провинцій Франціи; шрешій въ юридическомъ, и ш. д. Въ слѣдующую лекцію Воспитанники читають свои сочиненія. Г. Шамполіонъ поправляешъ изустно ихъ ошибки, доцолняешъ то, что

ими пропущено, как прибавляетъ то, что вовсе забыто. Потомъ, когда всѣ сочиненія прочтены, Г. Шамполлионъ начинаетъ самъ объяснять хартію во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Тутъ раскрываются вполнѣ обширныя и глубокія свѣдѣнія ученаго преподавателя въ отечественной Археслогіи. Объяснивъ подлинность, характеръ и предметъ историческаго документа, онъ показываетъ, въ чемъ эгоистъ документъ можетъ быть полезенъ для Исторіи: какіе факты колеблются имъ, или опровергаются, или пополняются; какіе результаты можно вывести изъ него для состоянія общества во Франціи въ то время; для нравовъ и обычаевъ, для промышленности, торговли, земледѣлія, для вѣтшихъ сношеній той эпохи; словомъ, преподаватель пользуется малѣйшимъ указаніемъ хартіи, малѣйшею чертою, могущею характеризовать современность. Потомъ, та же самая хартія разбирается филологически; здѣсь объясняются различныя діалекты, бывшія въ употребленіи въ Средніе вѣки въ различныхъ Провинціяхъ Франціи, древнія формы языка, слова, вышедшія уже изъ употребленія, или перемѣнившія свое значеніе. Эда частно комментаріевъ Г. Шамполлиона столь же любопытна, какъ и первалъ: удивляешься пому только, какимъ образомъ одинъ человекъ можетъ совмѣстить въ себѣ столько разнообразныхъ свѣдѣній!

Когда Воспитанники сдѣлають уже нѣкоторые успѣхи въ Исторической Критикѣ и ознакомятся съ характеромъ актовъ и сочиненій различныхъ эпохъ, Г. Шамполлионъ вручаетъ ихъ къ новому роду упражненій, которыя могутъ назваться *magnum* въ Исторической Критикѣ. Онъ приноситъ слушателямъ своимъ листокъ, взятый на удачу изъ какой-нибудь рукописи. Возстановить ихъ, они обязаны опредѣлить — изъ какого сочиненія взятъ эгоистъ листокъ? Сначала они опредѣляютъ вѣкъ, къ которому оно относится, потомъ

содержаніе его, далѣе какому Писателю оно принадле-
житъ — свѣтскому или духовному, и наконецъ по со-
ображеніямъ историко-императорнымъ доходящъ до
того, къ какому писанъ принесенный листокъ и къ какому
именно сочиненію онъ принадлежитъ. Разумѣется, ша-
кія розысканія дѣлаются не къ одну лекцію, но шре-
буютъ занятій кабинетныхъ, и при томъ при многихъ
пособіяхъ и справкахъ.

Кромѣ того, Г. Шамполліонъ указываетъ слуша-
телямъ своимъ на предметы, достойныя розысканій,
въ огромныхъ историческихъ собраніяхъ, извѣстныхъ
подъ заглавіемъ: *Recueils d'Historiens et Ordonnances
de France, Gallia Christiana, Analectes, Spicileges*, и пр.
Онъ заставляеть ихъ сличать различные списки одной
и той же рукописи, приводитъ варианты, показывають
прибавки переписчиковъ, или пропуски, и ц. д. Воспи-
танники занимаются также, подъ его руководствомъ,
переводами актовъ и сочиненій различныхъ эпохъ.

Такова мѣтода преподаванія Г. Шамполліона. Я
представилъ здѣсь одинъ только очеркъ ея, безъ даль-
нѣйшаго развитія и всѣхъ частныхъ приложеній. Но
и изъ этого слабѣго очерка можно уже видѣть, какъ
плодотворна она въ своихъ послѣдствіяхъ, и какое
правильное, твердое, шакъ сказать, направленіе даетъ
она молодымъ людямъ, посвящающимъ себя отече-
ственнымъ Древностямъ. Если бы присоединить къ ней
Нумизматику и Геральдику, то, кажется, не было бы
почти ни одного археологическаго случая, въ которомъ
учившійся по ней могъ бы не дать удомстворятель-
наго рѣшенія.

Я сказалъ уже, что по прочтеніи каждой хартии,
Воспитанники пишутъ сочиненія, для коихъ она слу-
житъ предметомъ. Сочиненія эти, шотчасъ послѣ
лекціи, въ коей они были читаны, ошсмаются Г.
Шамполліономъ въ Комиссію, о которой говорено

выше. Комиссія разсматриваетъ ихъ, и большинствомъ голосовъ опредѣляетъ число балловъ, коего они достойны. Меньшее число балловъ означаетъ наибольшіе успѣхи; большее — наименьшіе успѣхи. По окончаніи курса, по естѣ чрезъ два года, Комиссіею пересчитывается число балловъ, находящихся на всѣхъ сочиненіяхъ каждаго Воспитанника, и по итогу ихъ составляется списокъ, ставя впередъ тѣхъ Воспитанниковъ, которые имѣютъ меньшее число балловъ. При этой классификаціи принимаются въ соображеніе и тѣ сочиненія, которые Воспитанники обязаны прислать прямо въ Комиссію каждыя три мѣсяца. Составленный Комиссіею списокъ Воспитанникамъ, достойнымъ диплома Архивариусовъ-Палеографовъ, утверждается Министеромъ Народнаго Просвѣщенія; послѣ чего они получаютъ ваканшія мѣста въ бібліотекахъ и архивахъ по мѣрѣ старшинства своего.

Въ Королевскомъ указѣ, состоявшемся 11 Ноября 1829 года, сказано между прочимъ, что Королевская типографія ежегодно будетъ издавать по одному тому *Библиотеки Королевской Школы для чтенія хартій* (*Bibliothèque de l'École royale des chartes*), въ которой должны помѣщаться письменные памятники, приготовленные въ печатнѣ, вмѣстѣ съ переводами, Воспитанниками Школы, и одобренные Комиссіею; и также по одному тому *Библиотеки Французской Исторіи* (*Bibliothèque de l'histoire de France*), которая должна заключать въ себя различнаго рода акты, касающіеся Исторіи Франціи, съ критическими примѣчаніями, составленными Воспитанниками и одобренными Комиссіею. Тѣмъ же указомъ назначалось ежегодно штысячи франковъ для награжденія тѣхъ изъ Воспитанниковъ, которые наиболее способствовали къ изданію этихъ двухъ собраній. Но объ эти спашьи указа не были приведены въ исполненіе, и Воспитанники, вза-

мнѣнъ вѣнскихъ зѣнитей, принимающихъ участіе въ ежегодныхъ изданіяхъ Академіи Наукъ, и, по ея предсказанію, какъ уже сказано выше, получающъ за труды свое денежное награжденіе, состоящее ежегодно изъ шрехъ тысячъ франковъ.

Таково устройство Школы для чтенія хартій! Не должны ли мы желать, для пользы нашей Исторіи, чтобы столь полезное и необходимое для ея усугубленія Заведеніе явилось въ нашей Сѣверной столицѣ, богатой древними письменными памятниками? То, что совершило Правительство въ послѣднее десятилетіе, для Отечества и Исторіи, служитъ для насъ яркимъ залогомъ той надежды, что скоро, можетъ быть очень скоро, и у насъ двинется разсадникъ молодыхъ Археологовъ. Археографическая Экспедиція вызвала учрежденіе Археографической Коммиссіи; Археографическая Коммиссія вызоветъ учрежденіе Школы, которая дастъ ей возможность привеести въ исполненіе ея обширныя, великія планы — передать потомству то, что записано намъ предками нашими о судьбахъ великой Руси.....

Корреспондентъ Археографической Коммиссіи

С. Сиротск.

Парижъ.

$\frac{20}{8}$ Октября, 1837 года

V.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1) *Чтенія о Словесности. Курсъ первый и второй.* Москва, въ Унив. шниц. Двѣ части, въ I — 326, во II — 327 стр. in-8°.

Кому изъ людей, хотя нѣсколько изучавшихъ Исторію Наукъ, не извѣстно, что съ поспешнымъ ходомъ времени поспешенно измѣняются и сферы Наукъ, сжимаясь или раздвигаясь въ своихъ объемахъ? Это истина неоспоримая, ежедневно подтверждающаяся. Посмотрите на Теорію Словесности. Сколько измѣненій претерпѣла она, начиная съ Аристотеля и до нашихъ временъ. Какая громада разсужденій, руководствъ, курсовъ Словесности! И что же? Къ чему повели всѣ эти руководства, курсы и проч.? — Авторы ихъ смотрѣли на утвержденіе положительныхъ правилъ Науки, на ея самобытность, какъ на дѣло второстепенное, не заслуживающее особеннаго вниманія; они заботились только о томъ, чтобы *научить соги-*

мать учащихся — и загромодил свои курсы много-различными правилами, какъ должно *располагать, украшать и изобрѣтать* мысли. И находились же такіе добрые люди, которые ошь души вѣрили, что можно научиться *изобрѣтать* мысли; что выучивъ ошь-доски-до-доски какой-нибудь курсъ Словесности, непременно сдѣлаешься Орашоромъ, Поэтомъ. . . Но какая Теорія образовала Гомера, Данша, Шекспира? Какія правила могутъ зашепцить въ душѣ человека шощ дивный огонь, который называють вдохновеніемъ? Кто можетъ вложить въ уха человека непрязванному шѣ гармоническіе звуки, ошь которыхъ убогій забываешь свое спраданіе; которыхъ заслушиваюшься и веселе богачи, погружаясь ошь нихъ въ сладкое раздумье? Великіе люди рождаются, а не *дѣлаются*, какъ шо воображали нѣкогда бѣдные курсы Словесности, напругавшіяся изо всѣхъ силъ, чтобы шворить Поэшовъ.

Однако изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы Теорія Словесности не существовала или была рѣшительно бесполезна. Утверждаешь это нельзя. Общіе законы Изящнаго существуютъ. Изучивъ эти законы, изъ нихъ вывести необходимость Словесности и опредѣлить ей мѣсто въ кругу другихъ Изящныхъ Искусствъ, вошь что требуется ошь современнаго курса Словесности. Это ошлочно выполнено Издашелемъ *Чтеній о Словесности*, Г. Профессоромъ Московскаго Университеша Давыдовымъ. — Книга его представляетъ свѣдѣнія объ Изящномъ въ видѣ до возможности почномъ и опредѣлительномъ. Издашеть гово- рить въ предисловіи:

«Издаваемые Чтенія о Словесности, или собственно о Философіи Словесности, содержащія Теорію Слова, Краснорѣчіе и Поэзію, изложены по руководству Блера. Уроки о Риторикѣ и Изящной Словесности, надъ которыми трудился Блеръ въ

продолженіе 24-лѣтняго преподаванія, давно переведены на Нѣмецкій и Французскій языки. Въ нихъ находимъ всѣ важнѣйшія изслѣдованія по предмету Философіи Словесности, повѣренныя поучительными наблюденіями Сочинителя; самое же изложеніе ихъ ясно, просто и изящно: это живая рѣчь бесѣды умнаго и ученаго чловѣка. По этимъ урокамъ соспавлены многіе учебники, къ числу которыхъ принадлежишь и опытъ Риторики, вскорѣ послѣ появленія подлинника изданный на Русскомъ языкѣ въ одной книгѣ, но съ названіемъ *Опыта Риторики, сокращеннаго изъ Блера*.

Въ преподаваніи Теоріи Словесности, для развитія изящнаго вкуса и образованія дара слова, уроки Блеровы предпочитались всѣмъ другимъ руководствамъ. Въ Теоріяхъ Изящнаго, какія появлялись въ разные времена у разныхъ народовъ, разногласіе и даже противорѣчіе происходишь отъ исключительнаго послѣдованія одному изъ началъ всякаго видѣнія: или идеальному, постигаемому внутреннимъ созерцаніемъ, или чувственному, приобретаемому вѣншимъ наблюденіемъ. — Отсюда два противоположныя однодородныя ученія, встрѣчаемыя въ области Изящнаго вообще и Изящнаго въ словѣ: метафизическое, состоящее въ построеніи системъ безъ всякаго приложенія къ Искусству, и эмпирическое, терпящееся въ разсмотрѣніи вѣшняго изящества. Въ древности представившими ихъ были Платонъ и Аристотель; въ наше время эти ученія разделяють идеалы Германіи и Франціи. Но Англійскіе Писатели преимущественно занимають среднюю между двумя крайностями: идеализмомъ и эмпиризмомъ въ Изящномъ. Таково въ этомъ отношеніи и сочиненіе Блера. Драгоценныя его опытыя созданія о дарѣ слова, изящности изъ древнихъ и новыхъ Писателей, или переведены, или изложены въ Читаніяхъ о Словесности

съ необходимыми измѣненіями; *иные уроки замѣнены новыми, согласно съ современнымъ возрѣніемъ на Словесность*; объ основныхъ предметахъ показаны всѣ мощи и источники и ученые пособия, для желающихъ подробнѣйшаго изслѣдованія; общіе законы Слова, Красноречія и Поэзіи выведены изъ началъ Изящнаго и приложены къ слову Отечества. Многие примѣры изъ древнихъ и новыхъ образцовыхъ Писателей, приводимыхъ Блеромъ, удержаны въ Читаніяхъ, столько въ Русскомъ переводѣ, сколько образцы Изящнаго въ Слово, какъ въ Жидовскія и Вавилонскія, равно изрядны для всѣхъ народовъ и во все время.

Г. Давыдовъ, замѣнивъ нѣкоторыя уроки Блера *новыми, согласно съ современнымъ возрѣніемъ Науки*, оказалъ ширѣе большую услугу являющимся Блеръ, Профессоръ Риторики и Пилляки въ Эдинбургскомъ Университетѣ, хотя и былъ ученикомъ славнаго Джонсона, но въ своихъ понятияхъ объ Искусствѣ явно слѣдовала Французамъ и доказала это вполнѣ изданіемъ своего курса въ 1783 году. Она, даже менѣе всѣхъ перораторовъ Английскихъ держалась середины между двумя крайностями, о которыхъ говоритъ Г. Давыдовъ, идеализмомъ и эмпиризмомъ въ Изящномъ и болѣе другихъ заплачивать дань дѣву, въ которомъ появился. Припомните его гипотезу о происхожденіи языка; не забудьте, что Шекспиръ онъ называлъ *грубымъ, необработаннымъ Гениемъ*, Шекспира, передъ которымъ даже Драйденъ, Адамсъ и Поупъ — эти закостылые Схоластики, благоговѣли, какъ передъ всерубемяющимъ, мировымъ Гениемъ, въ созданіи котораго не смѣли прикладывать своихъ бѣднихъ, классическихъ мірокъ. Впрочемъ, въ частностяхъ Науки, въ замѣчаніяхъ практическихъ, которые только могутъ приобретаться опытною, долготренивою, 20-лѣтнею опытною, Блеръ и Гантъ до-
 невозможнаго несопоримое.

Но обратимся къ Чтеніямъ о Словесности. Первая, объективная ея часть: *Теорія Слова*, изложена въ первомъ курсѣ; вторая заключающъ въ себѣ *Теорію Краснорѣчія*, субъективную часть Философіи Словесности. А какъ основанія Науки объ Изящномъ должны служить введеніемъ въ *Теорію Краснорѣчія*, по XVI чтенію посвящено раскрытію оныхъ. XVII и XVIII чтеній содержалъ въ себѣ Исторію Краснорѣчія Греціи и Рима, духовнаго и новѣйшаго времени. Объясненіе основаній нашей и разныхъ родовъ ораторской рѣчи, такъ важнаго краснорѣчія, занимаетъ семь чтеній до втораго курса (XIX—XXV). XXVI чтеніе объ искусствѣ произношенія особенно необходимо для вишня; XXVII, XXVIII и XXIX чтенія заключающъ въ себѣ теоріи историческихъ и философическихъ сочиненій, и наконецъ последнее XXX разсуждаетъ о средствахъ и способѣ къ усовершенствованію Оратора.

Идемъ съ неперывнымъ изданіемъ III курса, который будетъ заключать въ себѣ *Теорію Поэзіи*.

Трудъ изложенія «Чтеній» совершенно слушателями Профессора Давыдова, Гг. Студентами Московскаго Университета, имена которыхъ высказаны въ предисловіи

2) *Теорія Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ*. Сочиненіе, высшее на степень Доктора Философскаго Факультета, перваго Отдѣленія, Адъюнктомъ Московскаго Университета Степаномъ Шевыревымъ. Москва, въ типографіи Н. Сенина, 1836. in-8°.

Къ числу замѣчательнѣйшихъ Русскихъ книгъ изданнаго 1837 года (*), относящихся до *Теоріи Слова*

(*) На оберткѣ сочиненія Г. Шевырева изданаго 1836 году, но въ Греческомъ изданіи книги свои слова, имъ помеченъ стрѣлою, означенъ годъ 1837-году.

вѣстности, принадлежить, безъ всякаго сомнѣнія, книга, заглавіе которой мы здѣсь выписали. Г. Адьонктисъ Московскаго Университета Шевыревъ, Авторъ пречъ восточнаго сочиненія «Исторія Поэзіи», о которой мы отдавали отчетъ въ свое время, избралъ предметомъ для диссертаціи на Степень Доктора Философскаго Факультета перваго Отдѣленія — Теорію Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ. Предметъ обширный и сложный: отъ того сочиненіе Г. Шевырева перешло границы обыкновенныхъ диссертацій. Оно составляетъ томъ въ 372 стр. и заключаетъ въ себѣ 41 тезисъ. Основная мысль его состоитъ въ томъ, что *Искусство было прежде Теоріи, а Теорія есть слѣдствіе Искусства*. Авторъ говоритъ (стр. 1), что мысль эта подтверждается опытомъ всехъ вѣковъ и народовъ, усматривается на мѣрѣ Востока древній и новый, на Грецію и наконецъ указываетъ на великія произведенія Италіи, Испаніи и Англіи, явившіяся «безъ участія Науки. Дантъ, Лопеъ де Вега, Калдеронъ и Шекспиръ служатъ для него лучшимъ доказательствомъ того, что Искусство не есть слѣдствіе Теоріи; что эти великіе шворцы заставляють изучать явленіе и изслѣдывать законы, управляющіе ихъ поэтическою дѣятельностію и что здѣсь уже зарождаются Теорія, или, какъ говоритъ Авторъ (стр. 2) *Наука Поэзіи*. «А если эта Наука есть — продолжаетъ онъ, — то она полезна и необходима.» Указывая на Германію, какъ на создательницу *настоящей Теоріи Нового Искусства*, основанной на глубокомъ сравнительномъ изученіи образцовъ древнихъ и новыхъ, Г. Шевыревъ фактъ, сказанный имъ въ началѣ, обрѣцаетъ иначе, и, въ концѣ *Искусства*, въ Германіи *было слѣдствіемъ Науки, а не Наука слѣдствіемъ Искусства*. Такъ, по его словамъ, надлежало бытъ въ продолженіи изслѣдованіе-

ствѣ. Пройдемъ бѣгло за Авторомъ всѣ явленія Теоріи Поэзіи, какія только совершались у разныхъ народовъ и укажемъ Читателямъ на безчисленныя ссылки, которыя онъ дѣлаетъ почти на каждой страницѣ, и которыя служатъ еще новымъ доказательствомъ многостороннихъ его свѣдѣній и обширной начитанности.

Начиная съ древней Европы, Г. Шевыревъ прежде всего говоритъ о Теоріи Поэзіи въ Греціи, гдѣ она собственно рождается (стр. 4); разсматриваетъ Греческіе мѣты или поэтическую прелюдію къ Теоріи Поэзіи (стр. 6); ученіе Платона о Прекрасномъ и Поэзіи, извлеченное изъ его сочиненій (стр. 20); ученіе Аристотеля (стр. 49) и параллель между ученіями этихъ двухъ великихъ мужей міра древняго (стр. 78). Потомъ онъ переходитъ къ Риму и, упомянувъ о сочиненіи Лонгина о Высокомъ, образующемъ, по мнѣнію его, переходъ отъ Теоріи древней, основанной на подражаніи Природѣ, къ Теоріи новой, основанной на дѣятельности духа (стр. 101), онъ обращается къ новой Европѣ и здѣсь раздѣляетъ Науку Поэзіи на три главные періода: *первый*, представляющій свободное образованіе новой Поэзіи во всѣхъ оригинальныхъ образцахъ ея, при существованіи древней Теоріи, до конца XVI и начала XVII вѣка; *второй* — существенное вліяніе древней Теоріи и образцевъ, дурно понятыхъ, во Франціи и въ Англіи, въ послѣдней половинѣ XVII и XVIII столѣтій; *третій* — освобожденіе отъ сего ига и открытіе началъ новой Теоріи въ Германіи, въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка (стр. 114). Отъ сего общаго обзорія, онъ переходитъ къ обзорію частному и говоритъ: 1) о Теоріи Поэзіи въ Италіи (стр. 123), 2) во Франціи (стр. 128); характеризуетъ Буало, Башшѣ, Мармонтеля (*)

(*) Ошривокъ о Мармонтелѣ напечатанъ былъ прежде въ Журналѣ Министерствъ Народнаго Просвѣщенія.

и Лагарпа (опъ 139 до 200 стр.); 3) въ Англии, и наконецъ 4) въ Германіи (стр. 219). Здѣсь онъ разбираетъ: 1) отношеніе между Философією и Теорією Искусства въ Германіи; 2) Исторію Критики и Поэзіи: Лессинга, Гердера, Шиллера, Гёте, Фридриха и Августа Шлегелей (221 — 306 стр.), и 3) Историю Теоріи въ Германіи. Указавъ на истинное начало Теоріи и приготовавъ много для нея матеріаловъ, Германія, по мнѣнію Г. Шевырева, не имѣетъ еще однако Теоріи *совершенною*, которая представила бы равновсіе элемента философскаго и критическаго, составляющее главное условіе сего совершенства. Авторъ полагаетъ: «при разрядѣ Теорій, которыя слѣдовали другъ за другомъ въ Германіи: 1) Теорія техническая, 2) психологическая, 3) метафизическая, изъ коихъ вторая была порождена частію вліяніемъ Англичанъ, частію ученіями Вольфа и Канта; послѣдняя же ведетъ свое начало опъ ученія Шеллинга.» *Бутервека* считаетъ онъ представителемъ Теоріи психологической; *Аста* и *Бахмана* — представителями Теоріи метафизической; *Жанъ-Полъ Рихтера* — основателемъ критико-философскаго направленія, выразившагося въ формѣ поэтической (306 — 386 стр.). Представивъ въ краткомъ очеркѣ Теорію Поэзіи въ историческомъ развитіи у древнихъ и новыхъ народовъ, по системѣ Г. Шевырева, мы выпишемъ заключительныя слова его:

«Послѣ Германіи намъ слѣдовало бы разсмотрѣть развитіе Теоріи въ нашемъ Отеествѣ; но мы должны скромно сознаваться, что у насъ сія Наука не сдѣлала никакихъ національныхъ пріобрѣтеній. Сначала робко и набожно мы слѣдовали Теоріи — Французской; потомъ, убѣжденные Нѣмцами, отказались опъ Французовъ, и шеперь, съ такою же покорностію, слѣдуемъ Теоріямъ Нѣмцинамъ. Но должно замѣтить къ сожалѣнію, что

въ послѣднемъ нашемъ Германскомъ стремленіи, мы, увлекаясь болѣе умозрительными и бесплодными Теоріями нашихъ учителей, слишкомъ мало знакомились съ критическими трудами той же націи и вовсе не слѣдовали ея примѣру въ живомъ и своенародномъ изученіи Поэзіи. Должно однако, къ чести нашей, сознаваться, что мы со времени Германскаго вліянія, спали глубже вникавъ въ идею Искусства и въ этомъ отношеніи опередили прочіе народы Европы, которые, держась крѣпко національныхъ предрасудковъ, до сихъ поръ не доступны новому ученію Германцевъ объ Искусствѣ. . . . Должно надѣяться, что и въ Теоріи Искусства, Германія, уже давшая намъ мысли болѣе вѣрныя, наведетъ насъ и на путь *своенароднаго* изученія. . . .

Возложимъ эти опраднаныя надежды на будущее. Кто знаетъ, можешь быть, это будущее недалеко? Уже въ послѣднее время элементы *народности* начали замѣтно проявляться у насъ въ Искусствахъ. Шагъ сдѣланъ, и шагъ важный, мы конечно не остановимся при самомъ началѣ.

3) *Славянскія Древности. Сочиненіе П. І. Шафарика. Переводъ съ Чешскаго І. Бодянскаго. Часть Историческая. Томъ первый, книга вторая. Москва, 1837. 331 стр. in-8°.*

О первой книгѣ Шафарикова творенія замѣчательнаго и занимательнаго въ высокой степени, говорено было въ 7-мъ номерѣ нашего Журнала за прошедшій годъ. Познакомимъ теперь Читателей съ содержаніемъ второй. Доказавъ, что до V вѣка Славяне скрывались въ Европѣ подъ именемъ Виндовъ и Сербовъ, Ашоръ не удовольствовался тѣмъ, что открылъ предковъ своихъ въ эписхъ двухъ народахъ, и пошелъ отыскивать Славянъ далѣе. Убѣжденный вполне, что всякій

первобытный и далеко распространившийся народ, кромѣ своего обыкновеннаго имени, имѣешь еще другія ошдѣльныя, и припомъ чѣмъ далѣе народъ, шѣмъ ихъ болѣе, Авторъ разсудилъ, что и огромный и многочисленный народъ Виндовъ шочно такимъ же образомъ, еще въ глубокой древности, долженъ былъ носить множество мѣстныхъ названій по различію племенъ и жилищъ. Въ эпоху мѣтвни утверждаются и слова Иорнанда увѣряющаго, что въ его время названія Виндовъ, смотря по различію племенъ и жилищъ, были различны, и что народы Славянскіе появились въ Историі подъ множествомъ именъ, въ послѣдующее время, отъ VI до IX столѣтія. Въ первоначальномъ опечествѣ Славянъ — краяхъ Закарпатскихъ, между Балшійскимъ моремъ и Дономъ, древніе Историки и Географы, кромѣ Виндовъ, предковъ Славянъ, помѣщаютъ еще множество другихъ народовъ и народцевъ, называвшихся разными именами. Изъ соображенія этого съ предшествовавшимъ необходимо рождается мысль: не скрываются ли подъ нѣкоторыми изъ этихъ именъ вѣтви Виндскаго племени? не принадлежали ли многіе изъ этихъ народовъ и народцевъ къ семейству Славянъ? Шафарикъ принимаетъ это предположеніе за несомнѣнную истину, и въ слѣдствіе того вторую книгу посвящаетъ розысканіямъ: какіе изъ числа этихъ народовъ были племени Славянскаго и какіе принадлежали къ другимъ вѣтвямъ человѣческаго рода. Розысканія начинаются временемъ Геродота; но Шафарикъ вовсе исключилъ изъ круга своихъ изслѣдованій народы подобныя Гиперборейямъ, Кинокефаламъ, Андрофагамъ, Аримаспамъ и другіе, встрѣчающіеся въ Писателяхъ Греческихъ и принадлежащіе болѣе къ области Мнѣологіи, чѣмъ Историі. При опредѣленіи племеннаго сродства народовъ, Авторъ общалъ прежде всего обращать вниманіе на ясныя свидѣтельства древнихъ достопр-

ныхъ Писателей, пока они согласуются съ историческою истиною, извѣсною изъ другихъ источниковъ, по томъ на природныя свойства, нравы и обычаи каждаго народа, сколько древнія извѣстія доставляютъ намъ матеріаловъ для этого, далѣе на географическое положеніе народа и сравненіе старыхъ жилищъ его съ новѣйшими; наконецъ внимательно и осторожно изслѣдывашь самое имя его. Възмъ эшимъ правиламъ, предписаннымъ Шафарикъ Историческою Критикою и собственнымъ вкусомъ, онъ осмался вѣрнѣе вездѣ и во всякомъ случаѣ.

Въ числѣ народовъ, помѣщаемыхъ Геродотомъ къ Сѣверозападу отъ Чернаго моря, Авшоръ нашъ признаешь вѣшными Славянскаго племени только два: Будиновъ и Неуровъ или Нуровъ. Пшоломей въ Европейской Сармаціи своей насчитываетъ болѣе 50 различныхъ народовъ и народцевъ. Изъ нихъ Шафарикъ находить признаки Славянскаго происхожденія въ 29, именно: въ Венедяхъ, Булантахъ, Арсіахахъ, Сабокахъ, Плигиахахъ, Бѣссахъ, Спаванахъ, Шилліонахъ, Цестобокахъ, Траномонтанахъ, Вельсахъ, Карбонахъ, Кароогахъ, Рагзриахахъ, Саварахъ, Борускахъ, Акивахъ, Каскахъ, Ивонахъ, Идрахъ, Спурнахъ, Каріонахъ, Карніанахъ, Гевинахъ, Бодинахъ, Амадокахъ, Наварахъ, Таграхъ и Тирангиахахъ. «Вошь народы въ Европейской Сармаціи» — говоритъ Авшоръ — «которыхъ родство съ Видами можешь быть доказано съ большею или меньшею истиною. Послѣ Пшоломея не лзя искать новыхъ, полнѣйшихъ извѣстій объ энихъ земляхъ и обитающихъ въ нихъ народахъ. Все, что позднѣйшіе Римляне оставили объ энихъ краяхъ, ограничивается едва нѣсколькими именами народовъ, исключаящихъ и выживающихъ опшуда другъ друга, и непостоянными названіями городовъ и рѣкъ; мѣстнаго описанія краевъ, новыхъ географическихъ свѣдѣній —

и не ищипе у нихъ, Геродотъ и Птоломей во всей древности — два единственныя Писателя, которые въ сочиненіяхъ своихъ оставили намъ о кралѣхъ Закарпатскихъ извѣстія опчеписныя и испинныя, основанныя на изслѣдованіи и опытности» (сп. 74).

До сихъ поръ розысканія Шафарика о древнѣйшихъ жилищахъ Славянскихъ народовъ обращены были только на тѣ изъ нихъ, которые обитали въ странахъ, лежащихъ въ отношеніи къ намъ по сю сторону Карпатшовъ. Окончивъ эту спашью, онъ переходить къ изслѣдованіямъ о Славянахъ, обитавшихъ по берегамъ Дуная и Адриатическаго моря, прежде чѣмъ они сдѣлались здѣсь извѣстны подъ этимъ названіемъ въ VI вѣкѣ. Вся прежнія розысканія о старобытности Славянъ въ Европѣ основаны были на показаніяхъ и свидѣльствахъ Писателей иноземныхъ — Грековъ, Римлянъ, Нѣмцевъ и частію Скандинавовъ; теперъ Шафарикъ ищетъ подтвержденія результатамъ этихъ розысканій въ источникахъ національныхъ. Разсмотрѣніе вещественныхъ памятникоевъ народнои жизни; представляемыхъ самою землею, въ которой обитали Славяне, и изслѣдованіе устныхъ преданій, сказаній, пѣсенъ, обрядовъ и обычаевъ, сохранившихся у нихъ и могшихъ пролить свѣтъ на происхождение нашихъ праоупцевъ, онъ оставяетъ до времени въ сторонѣ, потому что предметы эти входятъ въ составъ правоописательнаго ошдѣленія «Древностей»; доказательства, какія можно извлечь изъ ихъ разсмотрѣнія и изслѣдованія въ подкрѣпленіе положеній, выведенныхъ изъ иноземныхъ источниковъ, общаешь изложишь во всей полношѣ въ концѣ правоописательнаго ошдѣленія, послѣ изслѣдованія всѣхъ единичныхъ его предметовъ. Здѣсь, въ историческомъ ошдѣленія «Древностей», изъ всѣхъ національныхъ источниковъ, онъ обращаетъ вниманіе только на одни письменныя извѣстія народныхъ Историковъ.

Древнѣйшіе изъ Славянскихъ Дѣписателей, копорыхъ сказанія имѣють цѣну при изслѣдованіи вопроса о старобытности Славянъ въ нашей часпи Свѣша, сушь: Русскій Несторъ (ум. около 1115), Чехъ Далмилъ (1282—1314) и Поляки Каддубекъ (писалъ около 1220) и Богуфаль (ум. 1253). Несторъ далеко превышаетъ трехъ прочихъ. Въ Лѣтописи своей онъ предлагаетъ важныя извѣстія, много объясняющія сказанный вопросъ. У остальныхъ трехъ встрѣчающіяся сказанія незначительныя, сами по себѣ темныя, но при сравненіи ихъ съ другими шо же годныя. По этому Шафарикъ сказаніе Нестора разсмащриваетъ преимущественно предъ прочими. «Несторъ» — говоритъ онъ — «имѣлъ у себя подъ руками два преданія о старобытности Славянъ: слѣдуя одному, онъ полагалъ, что Славяне, обитавшіе въ его время на Сѣверѣ, были изспари жилищами эплхъ краевъ, и занимали въ эпоху Рождества Христова и проповѣди Апостоловъ, тѣ же самыя жилища, какъ и въ XI столѣтіи; слѣдуя другому, — что эщи же Славяне въ древнѣйшее время жилищами своими просширались гораздо далѣе на Югъ, п. е. черезъ Карпатскія горы касались Иллирика и Адриатическаго моря, откуда бывъ изгнаны Влахами, утратили на время эти края и ограничилиь Карпатами.» Первое видно изъ разсказа Несторова о прибытіи Св. Андрея къ Русскимъ Славянамъ, именно въ окрестности Кіева и Новгорода; второе доказываеься многими мѣстами его Лѣтописи, копорыя Шафарикъ приводитъ всѣ до одного. Сказаніе Инокъ-Лѣтописца о Св. Андрей, копорое Добровскій и Шлецеръ считали подозрительнымъ и прибавленнымъ въ послѣдствіи, Авторъ нашъ принимаетъ за истинное и вполне достовѣрное. Вошь слова его объ этомъ: «Несторъ не былъ невѣждой въ Лѣтописаніи и хорошо зналъ, сколько вѣковъ прошло отъ времени Р. Х. и Апостоловъ до прибытія Варяговъ къ

Славянамъ, или до Княженія Святополка II, при которомъ онъ писалъ свою Лѣтопись, какъ онъ самъ о томъ всюду прямо говоритъ. Равнымъ образомъ не былъ сполько недалковиденъ, чшобы предложить своимъ Славянскимъ читателямъ что-нибудь такое, что-бы совершенно противорѣчило ихъ сердечному убѣжденію. Мнѣніе о жилиществѣ Славянъ на Руси уже во времена Апостоловъ составляло, безъ сомнѣнія, при Несторѣ всеобщее повѣрье Славянъ на Сѣверѣ. А пошому Несторъ и не затрудняется повторить со всѣмъ довѣріемъ своего Христіанскаго чистосердечія и простоты древнее сказаніе о прибытіи Св. Андрея въ Русь и общеніи его съ Славянами, именно въ томъ видѣ, какъ онъ самъ его принялъ изъ древнѣйшаго преданія, зная, что оно составляетъ всеобщее вѣрованіе. Сшало бытъ Славяне Русскіе, а съ ними и Преподобный Несторъ вѣрили, что предки ихъ уже во времена Апостоловъ обитали на Руси. И это для нашего предмета особенно замѣчательно и важно. (спр. 81).

О времени изгнанія Славянъ изъ странъ Подунайскихъ Волохами, Несторъ не говоритъ ничего опредѣлительнаго; равнымъ образомъ ничего точнаго не сообщаетъ онъ и о томъ, что за народъ были эти Волохи. Приступая къ разрѣшенію этой важной исторической загадки о древнихъ жилищахъ Славянъ на Дунаѣ и изгнаніи ихъ отшуда Влахами, Шафарикъ разсматриваетъ при вопроса: 1) откуда заимствоваль Несторъ это свое извѣстіе? 2) кто шакovy его Влахи? 3) что говоритъ Исторія о справедливости или ложности этого преданія? Первый вопросъ рѣшаетъ онъ шѣмъ, что Несторъ не могъ ни отшуда взять этого извѣстія, какъ шолько изъ народнаго преданія, именно изъ народныхъ сказаній, сохранившихся въ Пѣсняхъ Славянъ. О Влахахъ доказываетъ, что это было у древнихъ Славянъ общее названіе народовъ

Галльскаго или Кельшическаго племени, точно такъ же, какъ Чудью назывались у нихъ всѣ народы Финскіе, а Нѣмцами всѣ Германскіе; что по этому и Несторъ подъ именемъ Влаховъ, копорые изгнали Славянъ изъ земель Подунайскихъ, не разумѣлъ никого другаго, кромѣ Галловъ; но что введенный въ заблужденіе сходствомъ имени Влаховъ или Галловъ, съ Валахами, народомъ, образовавшимся въ V и VI столѣтіи по Р. Х. изъ смѣси Гешовъ, Римлянъ и Славянъ въ Дакии, смѣшалъ въ одно два разные преданія о Славянахъ Подунайскихъ, изъ копорыхъ по одному, древнѣйшему, Славяне въ незапамятное время жили на Дунаѣ въ землѣ, называемой Иллирикъ; по другому же, позднѣйшему, Славяне, поселясь уже снова въ нижней Венгрии и Мезіи, покорены были Венграми и Булгарами. При разрѣшеніи шрешьяго вопроса, сказавъ, что свидѣтельство Нестора о древнемъ пребываніи Славянъ въ краяхъ Иллирійскихъ и войнахъ ихъ шамъ съ Валахами, подтверждается также и другими Славянскими Лѣтописцами Кадлубкомъ, Богуфаломъ и Далимиломъ, Шафарикъ разсматриваетъ: въ самомъ ли дѣлѣ Кельшны владѣли Подунайскими землями и изгнали опшуда другихъ, древнѣйшихъ, чѣмъ они, народовъ; и можно ли, по крайней мѣрѣ близко къ правдоподобию, доказать, что Славяне обитали уже въ этихъ краяхъ до времени всѣмъ извѣснаго своего прибытія въ страны Подунайскія въ VI и VII столѣтіи

Въ подтвержденіе перваго мнѣнія о владычествѣ Кельшовъ въ странахъ Подунайскихъ и о томъ, что они вытѣснили опшуда прежнихъ обитателей, Авшоръ представляетъ многочисленныя свидѣтельства Ливія, Юстина и другихъ Историковъ древности, изъ копорыхъ видно, что Галлы дѣйствительно вооруженною рукою вторглись въ Иллирикъ, Паннонію и остальныя Подунайскія земли, между 350 и 336 годомъ до Р. Х.,

и жившіе пѣмѣ народы частію истребили, частію обратили въ услуженіе и рабство, продали, частію же разогнали, вышѣснили и навсегда удалили. По этому позволительно думатьъ, что народное преданіе, сохранившееся даже до Нестора, основаніемъ своимъ имѣло истинное событіе, и что Славяне оставили Дунай почто для Галловъ, хотя Древніе и не упоминають Славянъ между выгнанными опшуда народами. Пребываніе Славянъ надъ Дунаемъ, прежде прихода ихъ сюда опять въ VI и VII вѣкѣ, Авторъ доказываетъ преимущественно названіемъ горъ, рѣкъ, озеръ и городовъ этой страны, встрѣчающимися у Писателей, жившихъ прежде VI и VII вѣка, названіями чисто-Славянскими, звуки которыхъ понятны досель уху Славянину, безъ всякой перестановки ихъ или другой подобной натяжки, къ какимъ нерѣдко прибѣгаютъ корнесловы для подтверженія своихъ гипотезъ.

Доказавъ существованіе Славянъ въ земляхъ Подунайскихъ ранѣ IV столѣтія до Р. Х. и оправдавъ такимъ образомъ вполне сказаніе Нестора, Авторъ приступаетъ къ разсмотрѣнію другой трудной загадки исторической: собственно такъ называемые Иллирійцы и сосѣди ихъ, Адриатическіе Венеты, были ли также народы племени Славянскаго, или нѣтъ. — Вообще всѣ Иллирійцы по мнѣнію Шафарика не были Славянами, но на основаніи того, что многія названія горъ, рѣкъ и городовъ въ Иллирікѣ — Славянскія, онъ думаетъ, что въ то древнее время, когда Славянскіе народы обитали въ Подунайскихъ краяхъ, до изгнанія ихъ опшуда Кельшами, нѣкоторыя вѣтви ихъ просширались до земель, названныхъ въ послѣдствіи Иллирійскими, т. е. до нынѣшней Хорватіи и Адриатическаго моря. Возможно и вѣроятно также, по мнѣнію Автора, что спустя довольно времени по нашествіи Кельшовъ на Славянъ Подунайскихъ, ошашки ихъ, вы-

гнанные изъ прежнихъ привольныхъ жилищъ своихъ, и принужденные удалились въ неприступныя горы Иллирійскія, сохраняли шамъ между иноплеменными народами языкъ свой до сихъ поръ, пока подпавши всеобщей участи небольшихъ, покоренныхъ народцевъ, подобно рѣкъ въ моръ, не погрузились и совершенно не исчезли въ новую, образовавшуюся во время Римскаго господства, смѣси. — О происхожденіи Венетовъ, какъ Адриатическихъ, такъ и Арморійскихъ, равно какъ и объ Генетсахъ Пафлагонскихъ и Альпійскихъ Винделикахъ, кошорыхъ нѣкошорые изслѣдователи древности поже дочишаютъ принадлежащими къ племени Славянскому, Авторъ нашъ не даетъ никакого рѣшительнаго мнѣнія. Вошь собственныя слова его: «Если народы эти были дѣйствительно племени Виндскаго или Славянскаго (что можно предполагать по нѣкошорымъ доводамъ), то мы съ радостію дадимъ имъ мѣсто въ святилищѣ предковъ нашихъ; если же не были, если должно вовсе ошказаться ошъ сродства съ ними — разстанемся съ ними безъ сожалѣнія. Достоверно-исторически извѣстно намъ шолько то, что предки наши, подъ иноземнымъ назраніемъ Виндовъ или Вендовъ, и отечественными именами Сербовъ, Славянъ, Полянъ, Хорватовъ, Сѣверянъ, Венетовъ, Кривичей и ш. д. въ историческую эпоху, начиная со времени Геродота, занимали жилищами своими обширныя края по обоъ стороны Карпатшовъ, съ одной стороны — ошъ Балтійскаго моря до Венгерскаго Дуная и даже до береговъ Адриатическаго моря, а съ другой — ошъ истоковъ Волги и Дона до предѣловъ, полагаемыхъ Вислой и Одеромъ, пока Кельшны и Влахи нападеніями своими, большею частію, не выгнали ихъ изъ подъ-Карпатскихъ земель и не принудили подвинуться далѣе на Сѣверъ.»

Вошь общіе результаты розысканій Шафарика, касающагося наследованію: какіе изъ числа народовъ,

обитавшихъ въ Европѣ до великаго переселенія народовъ, принадлежали къ племени Славянскому. За этимъ слѣдуетъ обзоръ прочихъ древнихъ Европейскихъ племенъ и народовъ, имѣвшихъ какія-либо общенія съ Славянами до сказанной эпохи. Такой обзоръ Авторъ почелъ нужнымъ сдѣлать для лучшаго утверженія изложенныхъ выше выводовъ о первобытныхъ жилищахъ Славянъ, равно какъ и для лучшаго объясненія древности этого племени, его дѣяній, переселеній и проч. «Когда» — говоритъ онъ — «надлежащимъ показаніемъ мѣстъ и жилищъ каждаго племени, находившагося въ древности въ соприкосновеніи съ Славянами, доказано будетъ вполнѣ, что эти иноязычные народы въ означенную нами эпоху нигдѣ дѣйствительно не занимали и не наполняли своими поселеніями земель и странъ, признанныхъ нами прародиной Славянъ, такъ, чтобы въ нихъ не было уже для Славянъ никакого мѣста, по возраженіе, которое съ этой стороны можно бы сдѣлать, и которое нѣсколько разъ предлагали, совершенно опровергнуто и уничтожено». Въ этомъ обзорѣ, который Авторъ называетъ сжатымъ, но который во второй книгѣ занимаетъ болѣе 170 страницъ, и продолженіе котораго въ томъ же объемѣ потребуетъ по крайней мѣрѣ столько же мѣста въ третьей книгѣ, онъ обращаетъ вниманіе преимущественно на мѣста жительства и Исторію народовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, и довольствуется въ этомъ случаѣ выводами лучшихъ современныхъ изслѣдователей, удерживаясь сколько можно болѣе, отъ подробнаго разсужденія.

Всѣ народы, сосѣдствовавшіе или даже и жившіе вмѣстѣ съ древними Славянами въ ихъ землѣ, въ продолженіе времени отъ V вѣка предъ Р. Х. до V вѣка по Р. Х., Авторъ, по происхожденію ихъ и языку, раздѣляетъ на семь племенъ: Скиѣское и Чудское или Финское, при-

числяема имъ къ шакъ называемому поколѣнію Сѣверному, и Сарматское, Кельпское, Нѣмецкое, Лишовское и Фракійское, которыя онъ относитъ къ поколѣнію Индо-Европейскому. Во второй книгѣ разсматриваются только три первыхъ племени. Эта часть розысканій довольно постороннихъ предмету «Древностей» любопытна и обработана несколько не менѣе предшествовавшихъ, и также знакомитъ Русскихъ читателей со множествомъ фактовъ и изслѣдованій, которыхъ они не могли бы найсти ни въ какомъ другомъ сочиненіи. Удовольствіе сказать объ нихъ подробнѣе мы откладываемъ до выхода въ свѣтъ прешней книги «Древностей», гдѣ статья о народахъ сопредѣльныхъ Славянамъ будетъ окончена совершенно.

4) *Обозрѣніе Россійскихъ владѣній за Кавказомъ, въ статистическомъ, этнографическомъ, топографическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, произведенное и изданное по Высочайшему соизволенію. С. П. Б. 1836, 4 Части, in-8°.*

Кавказъ и страны, лежація къ Югу отъ него, между Чернымъ и Каспійскимъ морями, и поному въ отношеніи къ намъ называемыя Закавказьемъ, страны замѣчательныя по богатству естественныхъ произведеній, по разнообразію вѣръ, языковъ и обычаевъ своихъ обитателей, обратили на себя вниманіе Европейцевъ уже съ давняго времени, и сдѣлались предметомъ многихъ путешествій и ученыхъ экспедицій. Результатомъ такой любознательности было пріобрѣтеніе значительнаго количества свѣдѣній географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ. Собирашь извѣстія о сѣвернѣйшихъ краяхъ не было никакой возможности. До поступленія подъ владычество Россіи, страны эти находились почти посполно въ самомъ смутномъ состояніи, которое дѣлало не безопаснымъ

долговременное пребываніе здѣсь путешественниковъ; припомъ свидѣнія спашисшическія шамъ, гдѣ они не обнаруживаются, можно получать только опъ Правительства, а мелкіе Владѣльцы Кавказа и Закавказья не имѣли даже понятія о пользѣ спашисшическихъ исчисленій. Такимъ образомъ въ продолженіе прошедшаго столѣтія, Закавказье въ спашисшическомъ отношеніи, оставалось извѣстнымъ ученому міру не болѣе другихъ Азіатскихъ странъ; а это очень не много. Наше Правительство, расширяя поспешенно владычество свое въ этихъ странахъ, старалось, разумѣется, познакомиться съ ними во всѣхъ отношеніяхъ и сдѣлать край сколько возможно извѣстнѣе. Нѣкоторые изъ Русскихъ Чиновниковъ, по занимаемымъ ими должностямъ, имѣвшие свободный доступъ къ свидѣніямъ собраннымъ Правительствомъ, подѣлились своимъ богатствомъ съ соотечественниками, и мы получили прекрасное сочиненіе С. Броневского «Извѣстія о Кавказѣ», «Спашисшическое описаніе Закавказскаго края» О. Евецкаго, и нѣсколько другихъ книгъ; но всѣ свидѣнія, какъ обнаруженные, такъ и оставшіяся въ рукахъ Правительства, не могли дать и десятой части матеріаловъ для составленія чего-нибудь похожаго на Статистику Закавказья. Между тѣмъ Правительству нужно было имѣть вѣрнѣйшія и точнѣйшія извѣстія о Закавказскихъ владѣніяхъ нашихъ, въ настоящее царствованіе шло далеко раздвинутыхъ Русскимъ оружіемъ: приобрѣтеніе и охраненіе ихъ стоило жертвованій и крови, а земли эти, обильныя еспешственными богатствами и находящіяся въ положеніи выгодномъ для успѣховъ торговли, не вознаграждали Россію за ея старанія ко благу ихъ. Чшобы предпринять какія-либо преобразованія на пользу края и вмѣстѣ Россіи, надлежало прежде изслѣдовать его ередства и нужды, узнать его короче со всѣхъ сторонъ. Съ

эною цілю Г. Министръ Финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ представилъ, въ 1827 году, на Высочайшее благоусмотрѣніе проектъ свой о приведеніи Закавказья въ извѣстность и о средствахъ поставитъ его на лучшую ногу. Представленіе сіе удостоилось Высочайшаго утвержденія, и въ слѣдствіе шого на-ряжена была экспедиція изъ нѣсколькихъ избранныхъ Чиновниковъ, которые должны были совершить описа-ніе края по данному имъ наставленію. Къ исполненію этого предпріянія приступлено въ концѣ 1828 года, а въ началѣ 1835, когда многолѣтній трудъ Чиновниковъ былъ оконченъ и представленъ Г. Министру Финансовъ, онъ довелъ о томъ до свѣдѣнія Комисшета Гг. Министровъ, полагая полезнымъ: всѣ спматиспическія свѣдѣнія, собранныя о Закавказскомъ краѣ напечатать для всеобщаго свѣдѣнія; изданіе же ихъ поручить за-нимавшемуся постоянно въ числѣ прочихъ Чиновниковъ, Легкобышову, который, въ теченіе пяти лѣтъ, обозрѣлъ важную часть края. Предположеніе это было Высо-чайше утверждено: благодаря чему мы и имѣемъ раз-бираемое нами «Обозрѣніе». На оберткѣ его высшав-ленъ 1836 годъ, но оно вышло изъ печати только въ прошедшемъ 1837 году.

Въ политическомъ отношеніи Закавказскія владѣ-нія наши раздѣляются на *совершенно подвластныя* Россіи и на *находящіяся* только *подъ ея покровитель-ствомъ*, или *зависшія* отъ нея. Первые управляются Русскими Чиновниками непосредственно, послѣднія своими собственными Владѣтелями или Спаршинами. Изъ числа подвластныхъ Россіи владѣній, четыре тома «Обозрѣнія» заключающъ въ себѣ описаніе слѣдующихъ: 1) Грузіи съ причисленными къ ней а) Дистанціями Горскихъ народовъ, б) Оссетію, в) Дистанціями: Казахскою, Шамнадильскою, Борчалнискою, Бомбако-Шурагельскою, д) Округомъ Елисаветпольскимъ; 2)

Военнымъ Округомъ Мусульманскихъ Провинцій, куда принадлежатъ Провинціи Ширванская, Карабахская, Шехинская и Ханство Талышинское; 3) Военнымъ Округомъ Дагестанскихъ Провинцій, въ кошоромъ заключающа Провинціи Бакинская, Кубинская и Дербеншская; 4) Провинцій, вновь приобрьтенныхъ отъ Турціи и Персіи, какъ-то: Ахалцихскаго Пашалыка, Армянской Области и Ордубашскаго Округа. Изъ числа зависящихъ отъ Россіи, помѣщено описаніе владѣній Шамхала Тарковскаго, Кара-Кайшакскаго, Табассаранскаго, и нѣкошорыхъ вольныхъ Дагестанскихъ обществъ. Имеретія, Гурія, Джаро-Белоканская Область, подвластныя Россіи, и Мингрелія, Абхазія, владѣнія Султана Элисуйскаго, Ханства Аварское и Казы-Кумыкское, состоящія подъ ея покровительствомъ, не вошли въ составъ Обзорнія.

Всѣ части Закавказья, подвергшіяся осмотру экспедиціи, описаны по одному плану. Всѣ Области, Провинціи, Днстанціи, Округи и уѣзды разсматриваются въ «Обзорніи» отдѣльно, въ отношеніи къ географическому положенію, состоянію и качеству почвы, климату, естественнымъ произведеніямъ, пушамъ сообщенія, народному богатству; промышленности, торговля, производительность фабричная, заводская и мануфактурная, описываются со всею возможною подробностію и во всѣхъ видахъ. Вездѣ показано различіе монетъ, мѣръ и вѣсовъ. Разнородное населеніе каждаго небольшого округа изображается въ отношеніи къ происхожденію, язмку, нравственнымъ и физическимъ свойствамъ, Вѣроисповѣданію, степени образованности, образу жизни. Обычаи, предразсудки, описаніе одежды, жилищъ,— все нашло мѣсто въ «Обзорніи». О городахъ говорится сообразно вѣмъ пребываніямъ Спашисники и Топографія; о каждомъ прежде отдѣльномъ владѣніи сообщаются свѣдѣнія историческія. Передъ описаніемъ

Грузіи помѣщено введеніе, гдѣ обозрѣвающа въ кратцѣ исторія, характеръ, нравы и степень образованія Грузинскаго народа. Въ другомъ введеніи къ обозрѣнію Мусульманскихъ Провинцій, изложены догматы, обряды и религиозныя постановленія Мусульманъ Закавказья. Сверхъ этого въ началѣ «Обозрѣнія» есть еще «Общій взглядъ на Закавказье, какъ на колонію Россіи, и на состояніе Закавказскаго края въ статистическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ.» Въ этомъ «Взглядѣ», на основаніи данныхъ, собранныхъ экспедиціею, показывающа выгоды, которыя можетъ получить Россія отъ своихъ Закавказскихъ владѣній, съ усиленіемъ въ нихъ промышленной и торговой дѣятельности, съ развитіемъ естественныхъ источниковъ богатства и лучшимъ устройствомъ финансовой системы.

Изъ сдѣланнаго нами изложенія содержанія и плана «Обозрѣнія», довольно видно, въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершенно экспедиціею описаніе Закавказья. Правда, что о большей части предметовъ, о которыхъ говорится въ «Обозрѣніи», писано было уже и прежде въ разныхъ сочиненіяхъ, какъ Русскихъ, такъ и иностранныхъ; но то, о чемъ говорилось какъ-нибудь, въ «Обозрѣніи» изложено со всевозможною опечтливостію, знаніемъ дѣла и большимъ вкусомъ. Свѣдѣнія статистическія и особенно финансовыя, составляющія самую важную часть сочиненія, поражаютъ неволью своею новостію. Читая ихъ, вы чувствуете, что бесѣдуете съ людьми опытными, исполнившими долгъ свой съ любовію и усердіемъ, и пользовавшимися всеми пособіями, которыя можетъ дать Правительство, тогда какъ предшественники ихъ не имѣли и десятой части этихъ пособій, и занимались составленіемъ своихъ описаній только во время остававшагося у нихъ свободнымъ отъ другихъ занятій. Нѣкоторыя части Закавказья являюща въ «Обозрѣніи» описанными въ

первый раз даже и въ топографическомъ отношеніи. Столько же новаго сообщаетъ оно и по Этнографіи. Мы узнаемъ множество обычаевъ, обрядовъ и другихъ особенностей жизни Закавказцевъ, о которыхъ не нашли бы ни слова въ прежнихъ путешествіяхъ или описаніяхъ. Свѣдѣнія о состояніи Мусульманскаго Духовенства, о законахъ Вахшанга, объ устройствѣ и управленіи различныхъ владѣній до поспуленія ихъ въ подданство Россіи, и многія другія спашь любопытны въ высочайшей степени и не были обработаны ни въ одномъ сочиненіи, предшествовавшемъ «Обзрѣнію». Вообще, по части Спашистики и Этнографіи и въ отношеніи финансовъ «Обзрѣніе» сообщаетъ шакую массу новыхъ свѣдѣній, что, желая познакомиться читашелей съ какою-нибудь изъ спашей его по эшнимъ предмешамъ, мы шеряемся въ окружающемъ насъ богатствѣ. Не зная, что выбрать для предшавленія въ образчикъ, совѣтуемъ вѣмъ образованнымъ людямъ прочиташь самимъ «Обзрѣніе» отъ первой спраницы до послѣдней. Новыхъ извѣстій объ языкахъ Закавказья, розысканій о сродствѣ и происхожденіи населяющихъ его народовъ — мы не въ правѣ и ожидать отъ «Обзрѣнія»; оно ничего такого не обѣщало на своемъ заглавномъ листѣ. Открышій и пріобрѣтеній въ эшой области знаній надѣемся мы отъ Г. Академика Шегрена, путешествовавшего съ эшою цѣлью по Кавказу. То, что говорится въ «Обзрѣніи» о языкахъ и происхожденіи Закавказцевъ, замѣствовано изъ сочиненій ученыхъ иностранцевъ, преимущественно Клапроша. При эшомъ случаѣ можно замѣшшш, что во вѣхъ сочиненіяхъ о Кавказѣ, вышедшихъ въ свѣтъ на Рускомъ языкѣ, послѣ появленія «Извѣстій» Броневскаго, почти вѣ историческія свѣдѣнія объ эшомъ мѣстѣ жительства разнообразѣйшихъ народовъ, замѣствуются изъ послѣдняго сочиненія съ прибавленіемъ еще

кое-чего изъ Клапрота. Сожвтуемъ будущимъ Писателямъ объ этомъ предметѣ обратити вниманіе на сочиненіе Д'Оссона *Les peuples du Caucase, ou voyage d'Abou-el-Cassim*, Paris, 1828, гдѣ они найдуть о народахъ Кавказа много новыкъ и основательныхъ свѣдѣній, которыми могутъ замѣнить то, что описало отъ настоящаго состоянія знаній въ Броневскомъ, и что наскоро смѣлено у Клапрота. Самая слабая часть въ «Обозрѣніи», это спашья о Магомешанскомъ Вѣроисповѣданіи. Въ ней говорится, на примѣръ, что Коранъ писанъ на древнемъ книжномъ Арабскомъ языкѣ, который называется Куфическимъ или Коптскимъ (Т. III, стр. 10). Но такія ошибки немного: онѣ вовсе незначительны и почти неизбежны для людей, незнакомыхъ съ языками Востока и попому не могущихъ почерпнуть свѣдѣнія изъ испочниковъ. Припомъ религіозное законодательство Мусульманскихъ народовъ, живущихъ въ предѣлахъ Русской Имперіи — предметъ еще вовсе не тронутый, и мы должны быть благодарны составителямъ «Обозрѣнія» и за тѣ немногія свѣдѣнія, которыми они передали намъ о немъ.

Вѣрности свѣдѣній, сообщаемыхъ «Обозрѣніемъ», мы не можемъ быть судьями (*). Для этого надлежало бы намъ совершить новое путешествіе въ Закавказье, и имѣть всѣ тѣ средства, которыми пользовались Чиновники Экспедиціи и опложить рецензію на цѣль дѣль. Ручаюсьшвомъ въ желаемой вѣрности кромѣ образованности составителей и знанія дѣла,

(*) Описаніе Нахичеванской Провинціи, произведенное Г. Григорьевымъ, и наданное имъ отдѣльно года за два до ползненія его въ свѣтъ въ «Обозрѣніи» вышшъ съ трудами другихъ Чиновниковъ Экспедиціи, въ «Современникѣ» за 1836 годъ, подверглось сильныхъ обвиненіямъ въ невѣрности единашестическихъ извѣстій.

которыя видны на каждой страницѣ, служатъ еще увѣренія ихъ, что они занимались возложеннымъ на нихъ порученіемъ, не шолько ех officio, но и сoп атоте, не щадя шрудовъ и здоровья. Спараніями Гг. Флоровскаго, Вышеславцева, Зубарева, Яновскаго, Григорьева, Гордьева и особенно Г. Легкобышова, Закавказскія владѣнія Россіи сдѣлались самымъ свѣдѣлымъ уголкою въ познаніяхъ нашихъ объ Азіи. Изъ принадлежишь чесшь, что Правительство шочно имѣеть шенерь «полную и по возможности вѣрную картину естественныхъ средствъ Закавказскаго Края, народонаселенія, духа, нравовъ, обычаевъ народа, промышленности во всѣхъ ея видахъ, и наконецъ системы существующихъ нынѣ Казенныхъ доходовъ, съ замѣчаніями и предположеніями, сдѣланными на мѣстѣ.» Они совершили въ пять лѣтъ то, что Англичане не могутъ сдѣлать для своихъ Индійскихъ владѣній, въ продолженіе многихъ десятковъ годовъ. Вошь что значать Русскіе, когда они захошяшь дѣлать; когда шрудящясь съ увѣренностію принесши пользу Отечеству!

Къ «Обозрѣнію» приложена прекрасно ошработанная Карта Закавказья, составленная въ 1856 году Корпуса Топографовъ Поручикомъ Колоколовымъ, и нѣсколько таблицъ, показывающихъ народонаселеніе различныхъ частей Закавказья и доходы Правительштва по разнымъ ошраслямъ финансоваго управленія.

В. Г.

5) *Dzieje starożytne narodu Litewskiego. Przez Teodora Narbutta. Tom drugi. Śledzenia początków narodu Litewskiego i początki jego dziejów.— Z trzema Kartami geograficznemi. (Исслѣдованіе происхожденія Литовскаго народа и первоначальной его Исторіи. Соч. Ф. Нарбута.*

Томъ 2, при коемъ приложены три географическія карты). Wilno, 1837. въ шпогр. Марциновскаго, IV и 576 стр. in-8°.

Литовскія племена становятся въскольکو извѣстны въ Исторіи съ началомъ XIII вѣка; древнѣйшія дѣла сего народа и происхожденіе онаго, не смотря на труды нѣкоторыхъ, какъ Литовскихъ, такъ и чужеземныхъ Писателей, представляютъ еще обильное поприще для историческихъ изслѣдованій.

Тѣмъ любопытнѣе должно быть для любителей Исторіи настоящее сочиненіе, имѣющее предметомъ разысканіе первоначальнаго происхожденія сего народа и переселенія ихъ на земли, занимаемая нынѣ Литовскими племенами.

Авторъ этого сочиненія, Г-нъ Нарбутъ, полагаетъ, что при переселеніи людей послѣ Поппа изъ Малой Азіи въ Европу, нѣкоторая часть пробралась чрезъ Лавладію въ Скандинавскій полуостровъ, имѣвшій тогда гораздо высшую температуру, и образовала народъ Сѣверный, разлившійся въ послѣдствіи по всей Европѣ подъ именемъ Варяговъ, Готевъ, и т. д.; другая часть обратилась къ Югозападу, и поселилась на берегахъ Чернаго и Средиземнаго морей, основала народъ Пелазговъ, отъ кошораго произошли разныя мелкія оспраси, въ томъ числѣ и Гелоны (Gelones). Древнѣе же всѣхъ начали подвигаться въ предѣлы Европы Скимы, распространившіеся мало по малу подъ именемъ Кимбровъ (Симбги), Кельшовъ и другихъ отъ рѣки Дона, Азовскаго и Чернаго морей, вверхъ по Дунаю и Днѣпру до Балтійскаго моря.

Впрочемъ народы, поселившіеся по берегамъ сего послѣдняго моря, около 190 года до Рождества Христова принуждены были оставишь оныя по случаю чрезвычайныхъ физическихъ переворотовъ, происшедшихъ отъ покрывія части Балтійскаго моря обломками

двухъ раздробленныхъ планеть или спутниковъ земли, и измѣнившихъ совершенно прежнюю почву (?).

Въ числѣ народовъ, смѣшавшихся со Скивами, Авторъ отличаетъ племя Индѣйскихъ выходцевъ, поклонниковъ Будды (?), изгнанныхъ изъ своего отечества за введеніе и распространеніе новой Вѣры. По его мнѣнію они поселились первоначально въ Арменіи на берегахъ Аракса, (который называется также Россомъ) и сдѣлались родоначальниками древняго народа Колховъ, обитавшихъ по Азовскому морю къ Западу отъ горъ Кавказскихъ; отъ Колховъ же произошли Будины, племя Индо-Скивское, поклонники священныхъ рѣкъ. — Будучи вытѣснены изъ своей родины возрастающимъ могуществомъ Персидской Монархіи, Будины подвинулись къ Волгѣ, и назвали оную именованную протекающей въ прежнемъ ихъ отечествѣ рѣки Рось; въ половинѣ же шестаго вѣка до Рож. Хр. перешли на лѣвый берегъ Дона, и распространяясь между Дономъ и Донцемъ смѣшались съ Гелонами, о коихъ упомянуто выше.

Отъ сихъ-то двухъ народовъ ведетъ Авторъ происхожденіе Литовцевъ. Лишь за 80 до Рож. Хр., говоритъ онъ, Гелоны и Будины, тѣснимые Сарматами и другими Надволжскими народами, наводившими Скивію, устремились къ Западу по теченію Сеймы, Десны и Днѣпра; остановились въ некоторое время около рѣкъ Мереча и Луни, дошли до береговъ Нѣмана и переправясь на лѣвый берегъ Зельвы въ нынѣшнемъ Волковыскомъ уездѣ, начали тутъ поселяться, назвавъ эту рѣку, по обыкновенію предковъ, священнымъ именованъ Рось.

Отъ этой рѣки Рось или Роси вся страна, населенная упомянутыми племенами, какъ увѣряетъ Авторъ, получила названіе Россіи или Руси, а подъ сими именемъ была извѣстна Скандинавскимъ народамъ, находив-

шимся съ нею въ непрерывной войнѣ. Скандинавскій народъ Варяги, поверивъ чашь вывѣстной Лишвы, присвоили себѣ названіе Руссовъ, которое и сообщали въ послѣдствіи Россіи.

Размножившееся поколѣніе Пелазго-Сквеекое, или Будино-Гелонское, распространился болѣе и болѣе, раздѣлилось на три главныя части: на Пруссію, собственную Лишву (получившую названіе отъ языческихъ боговъ Діешна и Діешуванисъ), и Лотву. Авторъ объясняетъ постепенное развитіе сихъ отраслей и старается открыть слѣды Лишовскихъ племенъ въ самодревнѣйшихъ временахъ подъ именемъ Геруловъ предъ нашимъ Христіанскимъ лѣтосчисленіемъ.

Главная его цѣль есть доказать, что Лишовцы, какъ происходящіе отъ двухъ образованныхъ племенъ, не были народомъ дикимъ, какъ другіе Писатели утверждаютъ, но образованнымъ, и свѣдущимъ въ Искусствахъ и земледѣліи. Впрочемъ, занимаясь преимущественно изслѣдованіемъ Исторіи Литовцевъ, Асторъ сообщаетъ также свои замѣчанія и догадки о нѣкоторыхъ другихъ народахъ древней Европы, какъ то: Сарматахъ, Готвахъ, Эстахъ, Ливи, Веестахъ, различныхъ племенахъ Славянскихъ, Половцахъ и Ятвягахъ.

Отступивъ рѣшительно отъ мнѣній предшественниковъ своихъ о происхожденіи Лишовскаго народа и избравъ путь новый, Г-нъ Нарбушъ руководствовался въ замѣчаніяхъ своихъ ешчасши авторитетомъ Геродота и изысканіями нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ Ученыхъ (*), ешчасши же догадками, выводимыми изъ историческихъ соображеній, и даже сказаніями, признанными за баснословныя. Конечно онъ старается доказать свои предположенія довольно удачными лингвистическими разысканіями, указаніемъ фізіономическаго сродства Индо-

(*). Глишера, Вера, Фохта, Гершхоха и другихъ.

Скпювъ съ Литовскими племенами, наконецъ сходствомъ обычаевъ и древнихъ религіозныхъ понятій обонхъ народовъ, что все заслуживаетъ вниманіе чистителей; но самая новостъ предположеній, и основаніе выводовъ на доказательствахъ, требующихъ ближайшаго изслѣдованія, не дозволяютъ принять его мнѣніа, шѣмъ болѣе, что и самъ Авторъ предлагаетъ свое сочиненіе только въ видѣ опыта, могущаго служить путеводителемъ послѣдующимъ Историкамъ Литовскаго народа. Въ концѣ книги присовокуплены любопытныя замѣчанія о предметахъ, относящихся къ Исторіи Литвы, и три географическія карты, изображающія народонаселеніе древней Европы по системѣ Автора.

2.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ОБѢДЪ, ДАННЫЙ ИВАНУ АНДРЕЕВИЧУ КРЫЛОВУ, ВЪ ЗАЛѢ БЛАГОРОДНАГО СОБРАНІЯ, 2 ФЕВРАЛЯ 1838 ГОДА.— Нѣсколько извѣстнѣйшихъ нашихъ Писателей, припомнивъ, что въ настоящемъ году совершился пятидесятилѣтніе литературнаго поприща Ивана Андреевича Крылова, предположили ознаменовать день его рожденія, 2 Февраля, торжествомъ небывалымъ въ Россіи. Мысль, внушенная уваженіемъ и признательностію къ знаменитому нашему Баснописцу была единодушно принята многими Литераторами, Художниками и любителями Ошечественной Словесности; когорымъ предложили участвовать въ намѣреніи дать Крылову обѣдъ въ залѣ Благороднаго Собранія.

Къ назначенному времени, въ 5-ть часовъ по полудни, собрались въ домъ Госпожи Энгельгардшъ приглашенные посѣпители, число коихъ простиралось болѣе двухъ сотъ. Собрание необыкновенное! Здѣсь, на литературномъ торжествѣ въ лицѣ любителей Словесности, видѣли многихъ Государственныхъ Сановниковъ: Г. Предсѣдатель Государственнаго Совѣта Графъ Н. Н. Новосильцовъ, Г. Военный Министръ Графъ А. И. Чернышевъ, Графъ А. Х. Бенкендорфъ, Г. Министръ Финансовъ, Графъ Е. Ф. Канкринъ, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Н. Блудовъ, Г. Министръ Государственныхъ Имуществъ П. Д. Киселевъ, и многие другіе были гостями на пиру Крылова, вмѣстѣ съ из-

въспѣйшими Русскими Писателями, Художниками, Архисшами. Знаменишый старецъ А. С. Шишковъ также почшилъ на нѣсколько времени сей праздникъ своимъ присушствіемъ. Съ живѣйшимъ участіемъ видѣли, какъ В. А. Жуковскій вель подь руку достопочтеннаго Неспора нашей Словесности, ознаменованнаго славою Государственныхъ заслугъ, почти уже лишеннаго зрѣнія въ маспшой старости, но съ пламеннымъ сердцемъ любящаго все, что елужитъ къ пользѣ и славъ Ошечешва. Почши всѣ гости собрались, не доснавало шолько виновника праздника: послали звать И. А. Крылова; онъ уже шель на лѣспницу... и его вспрѣшилъ у входа въ пріемную залу, его начальникъ и благодѣтель, Г. Дирекшоръ Императорской Публичной Библиошеки, мужъ, который покровишельствомъ дарованиямъ спяжалъ себѣ споль же достойную славу, какъ и глубокими своими свѣдѣніями въ Ивѣщныхъ Искусствахъ, другъ Державина, руководитель къ славъ и усѣхамъ Озерова, Башюшкова, Гидича и многихъ другихъ Писателей (не говоримъ уже о Художникахъ, обязанныхъ его покровишельству при щедрошакъ Монарха золотымъ вѣкомъ Русскыхъ Художествъ) А. Н. Оленинъ, Предсѣатель праздника, первый и прівтшшвоваль Крылова. Можно предсшавишь, съ какимъ выраженіемъ признашельности слушаль его Крыловъ, и съ какимъ участіемъ смолрѣли на это всѣ окружающіе. Черезъ нѣсколько минушь къ довершенію общаго удовольствія прибыль Г. Миниспръ Народнаго Просвѣщенія и присушствующіе съ восторгомъ узнали о Всемилоспнвѣйшемъ вниманіи Государя къ знаменишому Баснописцу; С. С. Уваровъ, прочишавъ Высочайшій Рескриптъ (*), возложилъ на грудь Крылова

(*) Читатели наши прочшуть сей Рескриптъ на своемъ мѣстѣ въ числѣ Высочайшихъ Повелѣній за Генварь мѣсяца сего года.

звѣзду Ордена Св. Станислава второй степени. Всѣ спѣшили поздравить И. А. Крылова съ сею почестью, въ которой каждый видѣлъ Высочайшее участіе Государя Императора въ торжествѣ Русской Словесности, и благословлялъ въ душѣ любовь Монарха ко всему прекрасному и полезному въ Опецествѣ.

Велколѣпная зала Дворянскаго Собранія была освѣщена тысячами свѣчь; блескъ люстръ и цѣпи огней по стѣнамъ отражались въ зеркалахъ. Обѣденный столъ былъ украшенъ померанцовыми и лавровыми деревьями, пирамидами цвѣтовъ, и съ другой стороны, противъ входа, зеленѣла бесѣдка изъ живыхъ лавровъ и миртъ, обставленныхъ благоухающими гіацинтами и нарциссами; шамъ возвышался на пьедесталѣ бюстъ Крылова, изваянный Гальбергомъ. Хоры пестрѣли рядами дамъ, желавшихъ быть свидѣтельницами необыкновеннаго пира; подъ хорами помѣщенъ былъ оркестръ музыкантовъ Л. Г. Измайловскаго полка. Гости сѣли за столъ, и загремѣла очаровательная увертюра изъ Волшебной Флейшы Моцарта. Между тѣмъ глаза каждаго обратились на лежавшій предъ нимъ красивый листокъ. Это была программа обѣда, въ которой заглавіе остроумно придумано художническимъ воображеніемъ Брюлова (*). Обѣдъ, данный Крылову, начи-

(*) Первая изъ буквъ въ словѣ Обѣдъ представляла родъ окна, изъ котораго видѣтъ былъ самъ Висописецъ, изображенный облокачившимся на льва, и какъ бы слушающимъ пѣніе Гайскихъ птицъ; тогда какъ по рамѣ окна отпаралась вскарабкавшая обезьяна, а внизу зѣвъ шипѣла въ безсильной злости, поглядывая на льва, но только могла утѣшить одного робкаго кролика; на слѣдующихъ буквахъ, увѣнчанныхъ виноградными листьями и гроздями, степенный козъ, шевеля пушистымъ хвостомъ, отдыхалъ на В; любопытная мышка поглядывала на него изъ-подъ листьевъ буквы З; другіа спѣшили бѣжать съ буквой Д; а въ заключеніе пѣсньюхъ распѣвалъ зобравшійся на букву З.

нался съ *Демьяновой ухи*, и между многими лакомыми блюдами оплнчалась и *Крыловская кулебка*; шампанское пьилось въ бокалахъ, между тѣмъ, какъ слухъ попеременно обворожали музыка Бешговена, Глинки, Марліани, Мендельзона-Баршольди, и съ особеннымъ удовольствіемъ слышали знакомые звуки Кавоса: это былъ торжественный хоръ изъ Оперы *Илья Муромецъ*, давно уже сочиненной Крыловымъ, хоръ, прекрасно выражавшій веселье Русскаго сердца, и очень приличный для настоящаго праздника. Первый шостъ пира былъ предложенъ Г. Предсѣдашелемъ празднества за здравіе Государя Императора и всей Его Августѣйшей Фамиліи; всѣ вспали и умилишельный хоръ: *Боже Царя храни*, сопровождался громкимъ крикомъ ура! Послѣ сего А. Н. Оленинъ произнесъ привѣтствіе И. А. Крылову (*).

За снмъ Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предложилъ шостъ за здсровье И. А. Крылова и крашкою рѣчью возбудилъ общій восторгъ, выразавшій признательность къ Монарху, Опцу Ошечества (**).

(*) «Иванъ Андреевичъ! Русскіе Литераторы Сѣверной нашей Столицы, Художники и любители Отечественной Словесности, собрались въ день вашего рожденія, чтобы единодушно праздновать пятидесятилѣтніе ваши усѣхи на поприщѣ Русской Словесности.

«Примите по сему случаю искреннее наше поздравленіе и величѣйное желаніе, чтобы нѣотѣ еще годы вы украсили знаменитыми, полезными и прилжными вашими шрудани, Русскую нашу Словесность!»

(**) «За здсровье Ивана Андреевича Крылова! — Да будетъ его литературное поприще, всегда народное по своему духу, всегда чистое въ нравственномъ своемъ направленіи, приприторъ для возрастающихъ талантовъ, поощреніемъ для современныхъ, радостнымъ воспоминаіемъ пошомошпу! Я очншаю одинокъ изъ прилпнѣйшихъ дней моей жизни день, въ кошорый я удостоиола быть посреда Васъ, Мн. Гр., орудіемъ Всочнлошнѣйшаго званія ГОСУДАря ИМПЕРАТОРА къ нашему

Третій шоссъ былъ предложенъ В. А. Жуковскимъ за славу и благоденствіе Россіи и за успѣхи Русской Словесности. Пѣвецъ Отечества и одинъ изъ первыхъ учредиелей праздника, привѣщивавалъ Крылова рѣчью, въ кошорой съ глубокимъ выраженіемъ чувства, ошличительнымъ преимущесшвомъ своего прекраснаго генія, онъ былъ изъяснителемъ народной благодарности къ любимому Русскому Баснописцу (*).

незабвенному Брылову и на эпохѣ праздника Русской Словесности представителемъ Его Державнаго благоволенія къ ея трудамъ и успѣхамъ!»

- (*) «Любовь къ Словесности, входящей въ составъ благоденствія и славы Отечества, соединила насъ здѣсь въ эту минушу. Иванъ Андреевичъ! Мы выражаемъ эту нашу общую любовь, единодушно празднуя день вашего рожденія. Нашъ праздникъ, на кошорый собрались здѣсь немногіе, есть праздникъ національный; когда бы можно было пригласить на него всю Россію, она приняла бы въ немъ участіе съ тѣмъ самымъ чувствомъ, кошорое всѣхъ насъ въ эту минушу оживляетъ, и вы ошъ насъ немногихъ услышите голосъ всѣхъ своихъ современниковъ. Мы благодаримъ васъ во-первыхъ за самихъ себя: за столь многія ошаспавившія минушы, проведенныя въ бесѣдѣ съ вашимъ геніемъ; благодаримъ за нашихъ юношей, прошлаго, настоящаго и будущаго поколѣній, кошорые съ вашимъ именованіемъ начали и будущъ начинаютъ любить Отечествомъ языкъ, повинаятъ излщное и знакомились съ чистою мудростію жизни; благодаримъ за Русской народъ, кошорому въ стихошвореніяхъ своихъ вы такъ вѣрно высклаали его умъ и съ такою прелестію дали столько глубокихъ наставленій; наконецъ благодаримъ васъ и за знаменитосте вашего имени: оно сокровище Отечества и внесено ннъ въ лѣтописи его славы. Но, выражая передъ вами тѣ чувства, кошорыя всѣ находящіяся здѣсь со мною раздѣляютъ, не могу не подумать съ глубокою скорбію, что на праздникъ нашъ не достаетъ двухъ кошорыхъ присутствіе было бы его украшеніемъ и кошорыхъ потеря еще такъ свѣла въ нашъ сердца. Одинъ, величійшій предшественникъ вашъ на избранной вами дорогѣ, недавно кончилъ прекрасную свою жизнь, достигнувъ старости

Рукопесканиа нѣсколько разъ прерывали рѣчь В. А. Жуковскаго. Слова его, что, когда бы можно было пригласить на эшотъ праздникъ всю Россію, то она бы приняла въ немъ участіе съ шѣмъ самымъ чувствомъ, которое въ эшу минушу оживляло встѣхъ присущствующихъ, были общимъ сочувствіемъ. Но не только двухъ вспомянутыхъ имъ Поэшовъ желали бы видѣть соотечественники; Карамзинъ, Державинъ, Ломоносовъ, Хемницеръ шакже представлялись воображенію, и въ облакѣ благоуханій и блеска, казалось —

На славный пиръ смотрѣли. . .

Княземъ В. Ѳ. Одоевскимъ предложенъ былъ шостъ за здоровье присущствующихъ; онъ же говорилъ привѣшствіе Крылову опъ лица юнаго поколѣнія (*). Нако-

глубокой, оставивъ по себѣ славное, любезное Опечеству имя. Другой, едва расцвѣвшій, и въ немногіе годы нажившій славу народную, вдругъ исчезъ, похищенный у надеждъ, возбужденныхъ въ Опечествѣ его геніемъ. Воспоминавіе о *Дмитріевѣ* и *Пушкинѣ* само собою связывается съ Опечественнымъ праздникомъ *Крылова*. Заключу желаніемъ, которое да исполнить Провидѣніе, чтобы вы, патріархъ нашихъ Писателей, продолжали многіе годы наслаждаться цвѣтущою старостию, и редовашъ насъ произведеніями шворческаго ума своего, для котораго еще не было и никогда не будетъ старости. Оглядывался спокойнымъ окомъ на прошедшее, продолжайте извлекать изъ него шѣ позшическіе уроки мудрости, которыми шакъ давно и шакъ плѣнительно поучаеше вы современниковъ, уроки, которые дойдуть до потомства и никогда не пошеряють въ немъ своей силы и свѣжести: ибо они обратшлись въ народные пословицы; а народные пословицы живутъ съ народами и ихъ переживаютъ.»

(*) « Я принадлежу къ шому поколѣнію, которое училось читать по вашимъ баснямъ, и до сихъ поръ перечитываеше ихъ съ новшмъ, всегда свѣжимъ наслажденіемъ. Мы еще были въ колибели, когда ваши шворенія уже сдѣлались дорогою собствен-

ночь пламенные и горячою мыслью сплели Князь П. А. Вяземскаго, еще болѣе исполненныя оныиъ сердечнаго чувства и выраженіемъ Русскаго ума, положенныя на музыку Графомъ Вельгорскимъ и пѣтые Пешковымъ, довершили удовольствіе гостей (*). Каждый

поэзію Россіи и предмещомъ удивленія для иностранцевъ: отъ раннихъ лѣтъ имъ привыкли не отдѣлять вашего имени отъ имени нашей Словесности. Существовать произведенія знаменитыя, но доступныя лишь тому или другому возрасту, большей или меньшей степени образованности; много шаблонъ, которыя близки человѣку во всѣхъ лѣтахъ, во всѣхъ состояніяхъ его жизни. Ваши стихи, во всѣхъ концахъ нашей величественной родины, лепечутъ младенцѣ, повторять дѣтѣ, воспоминаетъ старецъ; ихъ провозвѣщаютъ просопоиды, какъ уроки возматисливой мудрости, ихъ изучаетъ Императоръ, какъ образцы образцовой Поэзіи, изящныя и истинныя.

«Примите же дань благодарности отъ лица младшихъ дѣлателей на шовъ поприщъ, которое вы проходите съ такою честью для васъ и для Русскаго слова; пусть долго, долго вашъ прищъ будетъ намъ душеводителемъ; пусть новыя ваши творенія вы обогатили насъ не славу вашу, но по крайней мѣрѣ сокровище тѣхъ высокихъ ощущеній, которыя порождаются въ людяхъ только произведеніями высокаго искусства. Голосъ нашей признательности исчезаетъ въ общій голосъ нашихъ соотечичей, но это чувство въ насъ тѣмъ живѣе, что для насъ прелесть старинныя и младенческия воспоминаній возвышается наслажденіемъ видѣть въ лицѣ знаменитаго современника, бывъ очевиднымъ свидѣтелемъ его нравственной доблести; для насъ память ума соединяется съ памятью сердца.»

(*)

« На радость полуѣтковую
Скликать насъ веселый зовъ:
Здѣсь съ Музой свадьбу золотую
Сего-дня празднуетъ Брнатовъ.
На этой свадьбѣ — всѣ мы сватъ!
И не къ чему шапкъ вину,
Всѣ за одно, всѣ безъ изъясненья,
Мы влюблены въ его дену.»

куплетъ сопровождался громкими рукоплесканіями, единодушнымъ выраженіемъ восторга, и по окончаніи стихи сіи были повторены по общему желанію слуша-

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ нить годовъ!
Здравствуй съ нилою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

И ошотъ бракъ былъ не безплодный!
Самъ Фебъ его благословилъ!
Пешовену нить Поэтъ народный
Свое вѣновство укрѣпилъ.
Нѣба его дѣшки богата
Подъ сѣнью брачнаго вѣнца:
И дѣти — славы ребата!
И дѣти всѣ уны въ ошца.

Длись судьбани вѣсблагини
Нить любезныхъ нить годовъ!
Здр вствуй съ дѣшкани своимни,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Мудрецъ игривый и глубокий,
Простосердечное дѣши,
И дескалѣ онъ девалъ уроки,
И бѣшюшекъ училъ шутя.
Искусствомъ ловкаго обмана
Гдѣ и колышетъ нѣз-подъ пера:
Танъ Петрѣ киваетъ на Жана,
Жанѣ киваетъ на Петра.

Длись счастливою судьбою
Нить любезныхъ нить годовъ!
Здравствуй съ нилою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Гдѣ нужно, онъ навеситъ ушѣтъ
Свое волшебное стекло,
И въ зеркалѣ его лѣшѣтъ
Суровой испини чело.
Весь міръ въ рукахъ у чародѣя,
Всѣ швары данъ ему несущъ:
По дудкѣ нашего Орфея
Всѣ звѣри пляшущъ и поющъ.

шелей. Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія предло-
жилъ шось за Поэта и Virtuоза, прѣнзпый съ
живѣйшею признапельносцію, а пошомъ Г. Министръ
Вишренихъ Дѣлъ прочель прекрасные стихи Бе-
недикшова (*). Крылову поднесли лавровый вѣнецъ и

Длись судьбани всеблагини
Ниль любезныхъ ниль годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Забавой онъ людей исправля,
Смешая съ нихъ пороковъ пыль:
Онъ баснями себя прославля
И слава эта — наша бѣда.
И не забудуть этой были,
Пока по Русски говорашъ:
Ее давно им зашвердали,
Ее и внуки зашвердали.

Длись очашлившею судьбою,
Ниль любезныхъ ниль годовъ!
Здравствуй съ милою женою,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

Чего ему ниль пожелаешь бы?
Чшобы отъ свадьбы золотой
Онъ дожиль до алмазной свадьбы
Съ своею сполѣтшею женою.
Онъ шакъ безопасно, шакъ досужно
Прошелъ со славой долгій путь,
Что до сна лѣшь не будетъ шумно
Ему прилечь и ошдохнуть.

Длись судьбани всеблагини
Ниль любезныхъ ниль годовъ!
Здравствуй съ дѣтками своими,
Здравствуй, дѣдушка Крыловъ!

(*) «День счастливый, день прекрасный—
Онъ насталь, — и полный кавръ
Душъ отверзшихъ кавръ согласный
Возвѣстиль ниль прѣдникъ лѣсний,
Провѣщенъя свѣтлый пиръ.

самыя дамы привѣтствовали его съ хоромъ рукоплесканіемъ, и вѣдали за его здоровье. Слезы нѣсколько разъ блещали въ глазахъ счастливаго Писателя; это была кринофоривавишій ошвертъ на свидѣтельство общаго къ нему уваженія и любви.

По окончаніи спола, одни изъ гостей взяли на память букеты миршовъ, гизиншовъ и нарцисовъ, другіе брали по выбору своему одну или двѣ книги изъ множества изданій разныхъ сочиненій Крылова, разложенныхъ на особомъ сподѣ, подъ лавровымъ вѣнкомъ, наконецъ молодые Писатели, окружавшіе знаменитаго Баснописца, одинъ передъ другимъ старались получить изъ собственнхъ рукъ его лавровый листокъ изъ его вѣнка. Еще нѣсколько времени продолжалась радостная бесѣда, и утѣшительно было видѣть, что Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія желалъ сколько можно долѣе участвовать въ общемъ удовольствіи присутствующихъ, какъ радушный хозяинъ на пирѣ Русской Словесности, и оставилъ залу тогда шолько, когда спали уже угасать огни шоржества.

Небесахъ благодаренье —
И Владыкѣ Русскихъ силъ,
Кто — въ родномъ соединеньѣ
Старца чуднаго рожденье
Приволашь благословилъ!

Духомъ юности моложе —
Онъ предъ нами, славы смилъ!
Видимъ локоновъ пригоже,
Золотыхъ кудрей дороже
Серебро его садилъ!

Не сожмутъ сердецъ короны,
Въ насъ горятъ къ нему сердца.
Онъ предъ нами — смилъсь розы;
Дейшесь радостными слезамъ
На алаши его вѣнца!»

Праздникъ 2 Февраля послужитъ самымъ блестящимъ примѣромъ уваженія, съ какимъ цѣнятъ великія дарованія въ Олечесствѣ нашемъ, и останешся навсегда памятнымъ въ лѣтописяхъ Русской Словесности.

Б. Ф.

ПЕРУВИАНСКІЯ ДРЕВНОСТИ. — Подземный городъ.

Капитанъ Б. Рей (Ray), Командиръ корабля «le Logon», возвратился въ концѣ прошедшаго Декабря въ городъ Бедфордъ и привезъ съ собою множество вещей, найденныхъ въ развалинахъ подземнаго города, который еще недавно открытъ въ окрестностяхъ Гвармея, въ области Трухилло (Truxillo, подь 10° Южной Широты) мѣсто которомъ жили той страны не сохранили ни малѣйшаго воспоминанія, ни преданія. Капитанъ Рей осматривалъ положеніе этого города, спускался въ вырытыя мѣста и ходилъ по развалинамъ его. Слѣды домовъ онъ нашелъ еще цѣлыми, а въ самыхъ домахъ открылъ множество человѣческихъ основовъ, домашней ушвари и прочихъ общепотребительныхъ вещей. Нѣкоторыя изъ найденныхъ вещей сохранились совершенно: волосы, ногти, кожа нѣ сколько не измѣнились, и даже мускульныя части весьма малю сжались, хотя совершенно высохли. Нынѣшнее положеніе этихъ мумій заставляетъ думать, что городъ этотъ (народонаселеніе котораго, полагаютъ, должно быть не болѣе 30,000 чел.) непременно былъ застигнутъ и истребленъ посреди своихъ обыкновенныхъ занятій, какимъ-нибудь внезапнымъ переворотомъ той почвы, на коей онъ стоялъ. Между прочими вещами вырыли челоуѣка, въ стоячемъ положеніи, и въ плащѣ его нашли нѣсколько монетъ, которыя мѣстное начальство послало въ Лиму. Лица, свидѣтельствовавшія ихъ, заключаютъ, что истребленіе города произошло по крайней мѣрѣ за 250 лѣтъ предъ симъ.

Г. Рей увидѣлъ въ одномъ домѣ шло женщины, которая была одѣта въ мишкавое платье, сидѣла за рукодѣлемъ и вѣроятно въ минушу своей смерти занималась шканьемъ. На ея рукодѣльномъ сполѣ, сдѣланномъ изъ шроснника, разложенъ былъ маленькій кусокъ матеріи, частью уже вышкянной; въ рукѣ у нея была острая игла ошъ 8 до 9 дюймовъ длины, на которой намотана бумажная нитка; нити того же вещешва и нити льняныя разныхъ цвѣшовъ были разбросаны въ разныхъ мѣстахъ.

Капишанъ Рей оставилъ у себя кусокъ недокоченной матеріи, иглу или верешено, и множешво образчиковъ нитей. Матерія нитѣшь около 8 квадратныхъ дюймовъ, ш. е. половину длины, какую бы она должна нитѣшь.

УПСАЛЬСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Въ половинѣ прошедшаго года считалось въ Упсальскомъ Университетѣ 1344 Студента. Въ Богословскомъ Факультетѣ читали лекціи: 4 Ординарныхъ Профессора, 3 Адъюнкша и 2 Доцентша; въ Юридическомъ: 2 Профессора, 2 Адъюнкша и 1 Доцентъ; въ Медицинскомъ: 4 Профессора и 1 Адъюнкшъ; въ Философскомъ: 14 Профессоровъ, 9 Адъюнкшовъ и 23 Доцентша.

СИЛЬВЕСТРЪ ДЕ САСИ. — Ученый мѣръ понесъ новую, невознаградимую потерю: 21 Февраля (н. ст.) скоропосшижно скончался въ Парижѣ патріархъ Ориенталистовъ, знаменитый Баронъ Сильвестръ де Саси, осьмидесяти лѣтъ ошъ роду.

АКАДЕМИКЪ ВЕЛЕРЪ. — И Русская ученость лишилась также своего Ученаго. 22-го сего Генваря скончался здѣсь, въ С. Петербургѣ, на 73 году ошъ

рожденія Ординарный Академикъ Императорской Академіи Наукъ, Дѣйствишельный Статскій Совѣтникъ и Кавалеръ, Г. Келеръ, управлявшій въ теченіе сорока лѣтъ Первымъ отдѣленіемъ Императорскаго Эрмитажа, заключающимъ въ себѣ иноспранную Библіотеку и антики. Сочиненія его по части Археологін и Нумизматикн служили закономъ для всѣхъ, занимавшихся этою отраслю Наукъ. Знаменитѣйшіе Ученые нашего времени, Шамполіонъ, Рауль-Ропіетъ, Гумбольдтъ и другіе, единогласно признавали его однимъ изъ первыхъ Археологовъ нашего времени.

ОРУДІЕ ДЛЯ ИЗМѢРЕНІЯ ВЫСОТЫ МОРЕЙ. — Въ засѣданіи Парижской Академіи Наукъ, 30 Октябрия минувшаго года, поручено было Гг. Араго, Пюссану и Гамбе, разсжорать новый инструментъ, изобрѣтенный Г. Леже (*Legey*), и названный имъ *депрессіометромъ*, или орудіемъ для измѣренія высоты морей. Известно, что мореходцамъ необходимо какъ для опредѣленія Широты мѣста, гдѣ они находятся, такъ и Долготы его, измѣришь высоту солнца надъ горизонтомъ. Но иногда случается, что на стороне, гдѣ находишь звѣзду, которую нужно измѣришь, покрыва шуманомъ, тогда какъ горизонтъ другой стороны совершенно чистъ. Для отвращенія этого неудобства, въ рефлекціонныхъ инструментахъ придумали разныя измѣненія, посредствомъ которыхъ можно было вѣрно получашь дополнителный уголъ. Борда изобрѣлъ лучший для этого секстантъ; но Воллестонъ предложилъ послѣ него другой, который можно употребляшь и во время тумана. Французская корветка «*La Bonite*» употребляла уже это орудіе, во время путешествія своего вокругъ свѣта. Инструментъ, изобрѣщенный Г-мъ Леже, конечно, еще совершеннѣе, и окажетъ большую услугу навигаціи.

КУРСЫ СЛОВЕСНАГО ФАКУЛЬТЕТА ВЪ СОРБОННѢ.

— Послѣдніе курсы въ Словесномъ Факультетѣ Сорбонны открылись 4 Декабря прошедшаго года. Они суть слѣдующіе:

Греческая Литература, по Понедѣльникамъ и Четвершкамъ, въ три часа. Профессоръ Г. Буассонадъ; Адъюнктъ-Профессоръ Г. Юлій Давидъ. Объясняется осьмая книга Геродоша.

Латинское Краснорѣчіе, по Понедѣльникамъ и Субботамъ. Профессоръ Г. Деклеркъ; Адъюнктъ Г. Шармоншь. Лекціи о духовной и свѣтской Латинской Литературѣ вѣрораго и третьяго столѣтій.

Латинская Поэзія, по Вторникамъ и Средамъ; Проф. Пашень. Исторія Латинской Поэзіи временъ Августа, Виргилія и Горация.

Французское Краснорѣчіе, по Четвершкамъ и Пятницамъ; Проф. Вильмонъ, Адъюнктъ Г. Жерюзэ. Исторія Литературы во Франціи въ первой половинѣ XVII столѣтія.

Французская Поэзія, по Понедѣльникамъ и Вторникамъ; Профессоръ Сень-Маркъ-Жирарденъ. Исторія Французской Литературы въ XVIII столѣтіи.

Философія, по Вторникамъ и Пятницамъ; Проф. Жоффруа. Краткій курсъ Психологіи и подробный изъясненіе ея частей.

Исторія древней Философіи, по Средамъ и Субботамъ; Проф. Кузень, Адъюнктъ Порень (Pogin). Начало Греческой Философіи, и въ особенности Іонійской Школы.

Исторія новѣйшей Философіи, Г. Ройе-Колларъ. Курсъ еще не начался.

Древняя Исторія, по Вторникамъ и Пятницамъ; Проф. Гизо, Адъюнктъ Лекорманъ. Начало Греческой образованности.

Новая Исторія, по Четвершикамъ; Проф. Макрепель, Исторія XVIII столѣтія.

Географія, по Средамъ и Субботамъ; Проф. Гинё (Gignaut). Географія Грековъ въ отношеніи къ книгъ Литературѣ.

Иностранная Литература, по Понедѣльникамъ; Проф. Форсель. Исторія Испанской Литературы отъ ея начала до конца XVIII столѣтія.

КОНКУРСНЫЯ ЗАДАЧИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЯ ПАРИЖСКОЮ АКАДЕМІЕЮ НАУКЪ. — Парижская Королевская Академія Наукъ предложила, два года тому назадъ, слѣдующія ученые задачи на соисканіе ея премій:

1) Разобрать въ подробностяхъ Аристотелеву Метафизику и опредѣлить ея планъ и образъ составленія.

2) Изложить Исторію ея составленія и вліяніе, какое она имѣла на послѣдующія философскія системы древнихъ и новѣйшихъ временъ.

3) Разобрать ложное и истинное въ этомъ явленіи; покажешь, какія идеи, въ ней заключающіяся, существуютъ досель, и какія изъ нихъ могли бы съ пользою войти въ Философію нынѣшняго столѣтія.

Необычайная почность, какой преобладали эти три задачи, не могли обещать слишкомъ блестящаго Академическаго конкурса. Однакожь Г. Мишеле, Профессоръ Философіи въ Берлинѣ, уже извѣстный нѣкопорыми своими нравственно-философскими сочиненіями, и Г. Равессонъ (Ravaisson), Профессоръ Парижскаго Университета, дали весьма удовлетворительные ответы на эти шемы.

Г. Равессонъ получилъ первую премію. Онъ доказываетъ (въ чемъ согласенъ съ нимъ и Г. Мишеле) несправедливость мнѣнія, основаннаго на Спрабонѣ и Плутархѣ, будто бы книги Аристотеля достигались по его смерти въ руки несвѣдущихъ наследниковъ, у ко-

шорыкъ факта сдѣланыя добычю червей и смроты, и
будшо бы Метафизика его приведена Андроникомъ
Родосскимъ въ порядокъ, въ какомъ мы находимъ ее въ
капалагахъ Діогена Лазрція.

Академія не хотѣла, однакожъ, оспаривать въ долгу
и передъ сочиненіемъ Г. Машеле: вопреки своему
обыкновенно, она присудила награды Германскаго
Профессора вторю такую же премію.

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

ДЕКАБРЬ 1857.

I. *Азбуки.*

885) Новая Энциклопедическая Русская Азбука и общепользная дѣтская книга чтенія. Составилъ по многостраннымъ образцамъ, съ принаровленіемъ къ отечественному воспитанію, Викторъ Бурьяновъ. С. П. Б. въ шп. Газенбергера, 1858. XII, 359 стр. in-16°.

886) A. B. C. Buch. M. въ шп. Университетской, 1857. стр. in-8°.

II. *Грамматики.*

887) Grammatyka Rossyjska przez Nikołaja Grecza napisana; tłumaczona z Rossyjskiego. Вильно, въ шп. Завадскаго, 1858. 216 стр. in-8°.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

888) Chrestomathie française graduée, à l'usage des gymnases de l'arrondissement universitaire de Moscou, par Théodore Courtener. Première partie destinée à la

quatrième et à la cinquième classe. Seconde partie destinée à la sixième et à la septième classe. М. въ шип. Семена, 1837. 175 и VI, 184 и IV стр. in-8°.

889) Книга для чтенія въ полѣзу, начинающихъ учиться Нѣмецкому языку. Съ Русскимъ падеспрочнымъ переводомъ. Изданіе второе, С. П. Б. 1838. въ шип. Гинца, 98 стр. in-12°.

IV. Дѣтскія Книги.

890) Анекдоты о животныхъ, собранные для дѣшей. Перев. съ Англійскаго А. Михайловъ, С. П. Б. въ шип. Гинца, 1838. X и 160 стр. in-16°.

891) Совѣты для дѣшей, или рассказы занимательныхъ анекдотовъ, повѣстей, происшествій и другихъ назидательныхъ примѣровъ, посвященныхъ сыновьямъ и дочерямъ. Новое сочиненіе Г. Бульи, съ *раскрашенными картинками*. Переводъ съ Французскаго В. Бурьянова. Изданіе книгопрод. брашьевъ Заикиныхъ, С. П. Б. 1838. въ шип. Императорской Россійской Академіи, 249 стр. in-12°.

892) Прогулка съ дѣтьми по С. Петербургу и его окрестностямъ. Сочиненіе Виктора Бурьянова. Часть первая, вторая, и третья, С. П. Б. въ шип. Главнаго Управленія Пешей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, и въ шип. Гуштенберговой, 1838. 286, 581, и IV, II, 249, 19, стр. in-12°.

893) Зимніе вечера или бесѣды отца съ дѣтьми объ умственныхъ способностяхъ, нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, обрядахъ и промышленности всѣхъ народовъ Земнаго Шара. Соч. Деллинга. Переведено съ четвертаго Французскаго изданія, съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями Викторомъ Бурьяновымъ. Томъ I и II. С. П. Б. въ шип. Департамента Внѣшней Торговли, 1838. VI, VIII и 375, V и 340 стр. in-8°.

894) Библіотека дѣтскихъ повѣстей и разсказовъ. Сочиненіе Виктора Бурьянова, въ четырехъ частяхъ. С. П. Б. въ шип. Греча, 1837 — 1838. 202, 169, 170, 174 стр. in-12°.

895) Дѣтскій альбомъ, на 1838 годъ. Собраніе повѣстей, разсказовъ и драматическихъ разговоровъ. Подарокъ на праздникъ А Попова. Часть I. Повѣсти и разсказы. Часть II. Драматическіе разговоры. С. П. Б. въ шип. Гинца. 1838. 122 и 172 стр. in-16°.

896) Kolęda dla dzieci przez A. Antoniego Moszyńskiego S. P. Вильмо, въ шип. Завадскаго, 1838. 153 стр. in-12°.

V. *Словесность.*

а) Собранія стихотвореній:

897) Сочиненія Александра Пушкина. Томъ второй С.П.Б. въ шип. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 1838. 376 стр. in-8°.

б) Стихотворенія лирическаго рода:

898) Zur Feier der heiligen Christnacht Abends um 6 Uhr, in der Evangelisch-Lutherischen St. Petri-Pauls Kirche zu Moskau. М. въ шип. Университетской, 1857. 13 стр. in-8°.

899) Zur Feyer der heiligen Christnacht Abends um 7 Uhr, in der Evangelischen Altkirche zu St. Michael. М. въ шип. Института Лазаревыхъ, 1837. 8 стр. in-8°.

900) Piosnki wieśniacze z nad Niemna. We dwóch częściach. Вильно въ шип. Завадскаго, 1837. VIII и 111 стр. in-8°.

в) Стихотворенія повѣствовательнаго рода:

901) Разсказы изъ Русской Исторіи въ стихахъ. П. Ш. М. въ шип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 161 стр. in-12°.

902) Смирный муж и бранчивая жена. Русская сказка, въ трехъ часахъ. Сочиненіе Василя Чисшова. С. П. Б. 1857. 111 стр. in-8°.

d) Драмашическія сочиненія:

903) Три водевиля: I. Хороша и дурна, и глупа, и умна, Д. Ленскаго II. Крестный отецъ, (служащій продолженіемъ водевиля: хороша и дурна и глупа и умна). П. С. Ѳедорова, III. Стряпчій подъ столомъ. Д. Ленскаго. Второе изданіе, С. П. Б. 1838. 392 стр. in-32°.

904) Архивариусъ, водевиль въ одномъ дѣйствіи, П. С. Ѳедорова. Представленъ въ первый разъ на Императорскомъ Александринскомъ театрѣ 19 Іюля 1837 года, въ пользу актера Г. Дюра. С. П. Б. въ шип. Воейкова и К°. 1838. 106 стр. in-16°.

905) Кулеческая дочка и чиновникъ 14-го класса, комедія водевиля въ 1-мъ дѣйствіи. Сочиненіе Н. Соколова, М. въ шип. Степанова, 1837. 102 стр. in-12°.

906) Слѣпой, или двѣ сестры, комедія-водевиль въ 3-хъ ошдѣленіяхъ, соч. Ансело, переведенная съ Французскаго П. М. Степановымъ. М. въ шип. Степанова, 1838. 104 стр. in-8°.

907) Нечаянность или старый другъ лучше новыхъ двухъ. Комедія-водевиль въ одномъ дѣйствіи. Сочиненіе И. Ланскаго. М. въ шип. Кирилова, 1837. 95 стр. in-12°.

908) Два Дуная, Паншоминный билетъ въ двухъ дѣйствіяхъ и четырехъ картинахъ. Соч. Г. Тальони. Музыка Г. Адольфа Адама. С. П. Б. въ шип. Глазунова и К°. 1837. 30 стр. in-8°.

909) La fille du Danube, ballet-pantomime en deux actes et en quatre tableaux. Par M. Taglioni. Musique de M. Adolphe Adam. С. П. Б. въ шип. Глазунова и К°. 1837. 35 стр. in-8°.

е) Разныя сочиненія:

910) Альманахъ на 1838 годъ, составленный изъ Литературныхъ трудовъ Бернета, В. А. Владиславлева, П. А. Ваземскаго (Князя), Ф. Н. Глинки, Е. П. Гребенки, Э. И. Губера, В. И. Даля, М. Д. Деларю. И. И. Дмишрѣева, П. П. Ершова, П. П. Каменскаго, И. И. Козлова, Н. В. Кукольника, В. Ф. Одоевскаго (Князя), И. И. Панаева, И. Я. Пожарскаго, А. С. Пушкина, Е. Ф. Розена (Барона), Е. П. Р. . . . ой (Г. . . . им), В. И. Соколовскаго, Н. А. Степанова, А. П. Струговщикова, Д. Ю. Струйскаго, Л. А. Якубовича, С. П. Б. въ шип. Военной, 1838. 349 стр. in-12°.

911) *Biłuta. Część druga.* Wydawca Józef Krzeczowski. 1838. Вильно, въ шип. Блумовича. 230 стр. in-12°.

912) Живописное обозрѣніе. Томъ III. Листы 15 по 20, съ 113 по 160 стр. in-4°.

913) Картины свѣта. Часть II. Листъ 27, съ 418 по 452 стр. in-4°.

914) *Wizerunki i roztrząsania naukowe. Poczet nowy.* Tomik dwudziesty. Вильно, въ шип. Завадскаго, 1837. 166 стр. in-12°.

г) Повѣсти и Романы:

915) Русскіе повѣсти и рассказы А. Марлинскаго. Часть седмая. Изданіе второе, С. П. Б. въ шип. Виегебера, 1837. 306 стр. in-8°.

916) Повѣсти. Сочиненіе двѣицы Юрьевой. М. въ шип. Селивановскаго, 1837. 120 стр. in-12°.

917) Испанка. Сочиненіе Герцогини Абрантесъ. Переводъ съ Французскаго, Н. Бобылева, М. въ шип. Кириллова, 1837. 72 стр. in-12°.

918) Бѣлошапочники, или Нидерландскіе мяшежи, феодалныя каршны XIV столѣтія. Сочиненіе Боф-

дешейна Шумфіуса брата Минора, Кликера Гентской ратуши. Переводъ съ Фламандскаго. С. П. Б. въ шип. Греча, 1838, 175 стр. in-8°.

919) Piotr Jasmin albo wzór doskonałego sługi, napisany przez M. B. D'Efauvillez. Przetłumaczony z drugiego wydania Francuzkiego na język Polski przez X. Stanisława Sparskiego Dominikana L. P. Вильно, въ шип. Нейманна, 1837. 250 стр. in-12°.

VI. *Теорія и Исторія Словесности и другихъ Излцныхъ Искусствъ.*

920) Чтенія о Словесности. Курсъ первый. Изданіе второе, исправленное. М. въ Университетской тни. 1837. XXX и 259 стр. in-8°.

921) Очеркъ Русской Словесности XVIII столѣтія. Сочиненіе Н. Спрекалова. М. въ шип. Семена, 1837. XV и 111 стр. in-8°.

922) Французская Литература въ теченіе XVIII столѣтія. Сочиненіе Барона де Барантъ, Пера Франція, Члена Французской Академіи и нынѣшняго Французскаго Посла при Россійскомъ Императорскомъ Дворѣ. Перевелъ съ Французскаго, съ 5-го изданія, Ѳ. Молдинскій. Изданіе М. Калистратова. С.П.Б. въ шип. Департамента Вѣшной торговли, 1837. 174 стр. in-8°.

923) Фасады и планы разнаго рода сельскихъ строеній, и въ особенности садовыхъ украшеній, какъ-то: бесѣдокъ, павильоновъ, пуштынекъ, грошовъ, крышыхъ аллей и разныхъ предметохъ увеселеній, съ присовокупленіемъ: купалень, ранжерей, галлерей, палисадниковъ, загородокъ, заборовъ, воротъ и въздовъ въ селеніе. Составлены и изданы Архитекторомъ, Коллежскимъ Совѣтникомъ и Кавалеромъ А. Кушповымъ, М. въ шип. Сшепанова, 1837. 22 стр. in-folio и 70 чертежей.

VII. *Древне-классическая Филология.*

924) De locis nonnullis, qui leguntur in Sexti Empirici libro adversus grammaticos. Programm vom Oberlehrer der Lateinischen Sprache Cedergren, als Einladung zum öffentlichen Examen im Gymnasium und in den übrigen öffentlichen Schulen zu Dorpat im December 1837. Дерптъ, въ тип. Шюмманна, 1837. 30 стр. in-8°.

VIII. *Философія и Педагогія.*

925) Курсъ Философіи. Сочиненіе Е. Жерюзе. Переводъ съ Французскаго. Изданіе второе. С. П. В. въ тип. Департаментна Внѣшней торговли, 1837. 328 стр. in-8°.

926) Ueber die Vorzüge und Nachtheile des gleichzeitigen oder Parallel-Unterrichts. Programm als Einladung zur öffentlichen Prüfung in der Girgensohn'schen Privatlehranstalt, welche am 13, 14 und 15 December dieses Jahrs von 9 bis 1 Uhr Vormittags, und zum Redaeetus, welcher am 16 December von 4 Uhr Nachmittags an im Lokale der Schule stattfinden wird. Angehängt sind einige Nachrichten über das vergangene Jahr, die Schule betreffend. Дерптъ. 1837. въ тип. наследниковъ Линдфорса. 43 стр. in-8°.

927) Знаниа забавы и искусство бѣга на конькахъ съ фигурами. Сочиненіе Г. М. де Паули, учителя Гимназіи въ Военно-Учебныхъ Заведеніяхъ. С. П. В. въ тип. Воробьева, 1838. 86 стр. in-16.

IX. *Восвословіе.*

928) «Sind wir wahrhaftig zu Christo gekommen?» Predigt am Feste Epiphaniae. Gehalten in der Bethalle der St.

Olai Gemeinde am 6 Januar 1837 von A. F. Huhn, Pastor-Diaconus zu St. Olai und Oberlehrer der Religion am Revalschen Gymnasium. (Zum Besten der Armenschulen in Reval). Ревель. 1837, въ шп. наследниковъ Ливенфорса, съ 23 по 38 стр. in-8°.

929) Letzte Predigt von Friedrich von Rheinbott, General-Superintendent, Pastoren zu St. Annen und Rittern, über Jesus Sirach 30, 15, niedergeschrieben zum 20-sten Sonntage post Trinitatis. Aus dem Manuscripte nach dem Tode des Verfassers herausgegeben. С. П. Б. въ шп. Крайя, 1837. IV и 16 стр, in-8°.

930) Worte des Dankes. Zuruf am Grabe des weil. Generalsuperintendenten und Ritters Friedrich von Rheinbott, am 5 Nowember 1837, von Georg Reinfeldt, Prediger bei der Ehstnischen Gemeinde hieselbst. С. П. Б. въ шп. Крайя. 15 стр. in-8°.

931) Se õige Soldat ehk Peter Lohbekki Ello-Käük. Дерпшъ, въ шп. Шюнманна, 1837. 16 стр. in-8°.

932) Deewa wahrdu mihlotajem pa brihscheem jauna grabmatina 2-tras sehjas 9-ta 10-ta sauja. Para. 1837; въ шп. Казенной, съ 385 по 480 и IV стр. in-8°.

933) Kaks kord wiiskümmend kaks Piibli-luggemist wannast ja uest testamentist, ja Luggemissed pühha Apostolide teggudest, ja kuida nemmad kulutanud Jummal riki, mis meie Ma rahwa laste õppetusseks Saksa kelest Ma kele on üllespannud Karel Maddis Henning. Teist korda trükkitud, ja esmalt ueste läbbiwade tud. Selle sennatse ramato seest leitakse üks ees-pilt ja kakskümmend ühheksa luggemisse pilti. Мимаса, въ шп. Грессера, 1837. 347 стр. in-8°.

934) Katohliska Mahzibas-, Luhgschanu-un Dseesmu-Grabmata, Deewam tam wissu augstakam par gohdu un par ismahzischanu to nemahzitu, zaur weenu kas sawa tuwaka swehtibu lohti mihloja sarakstita. Taggad no jauna pahrluhkota un wairota zaur J. H. Follhard, Li-

wenbebrses mahzitaju, un zettortá reisé isdohta. Мшшава. 1837, въ шпц. Шеффенгагена и сына. 366 и 224 стр. in-8°.

935) Directorium horarum canonicarum et missarum juxta Ritum S. R. E., et Rubricas Breviarii et Missalis Romano Seraphici. Pro Fratribus Minoribus de Observantia et Monialibus Tertii ordinis S. P. N. Francisci caeterisque confratribus eodem Breviario et Missali utentibus in Dioecesis Mohiloviensi, Vilnensi, Minscensi Samogitiensi, Luceoriensi existentibus pro anno Domini 1838. In Modum Kalendarii Juliani dispositum. Вильно, въ шпц. Базмиянцевъ, 1837. (6 печ. листовъ). in-12°.

936) Elenchus Cleri Regularis Ordinis Minorum S. P. N. Francisci Observantium Anno 1837 Mensis Novembris 28 die. Вильно, въ шпц. Базмиянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

937) Directorium divini officii juxta ritum monasticum Conformiter ad rubricas Breviarii Missalisque Monastici ac Decreta S. R. C. persolvendi in commodum monachorum sub regula S. P. N. Benedicti Almae Congregat: Benedictino-Cister: in Imperio Rossiae degentium autoritate congregationis regiminis. Per P. Antonium Clementem Budziński Horodiscensis Benedictini Monasterii ad S. Annam Professum in annum Domini MDCCCXXXVIII, ordinatum diebus ultimis Mens. Martii 1837 Ап. Вильно, въ шпц. Базмиянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

938) Directorium divini officii recitandi Missarumque celebrandarum juxta rubricas breviarii et missalis fratrum B. V. D. G. Mariae de Monte Carmelo A. R. O. Pro fratribus et Sororibus Provinciae Lithvanæ Omn. S. S. et Rubrae Ross. S. Joseph Sp. B. V. M. Prot. J. O. N. in annum Domini 1838 v. s. dispositum. Вильно, въ шпц. Базмиянцевъ, 1837. (2 печ. листа). in-12°.

X. *Исторія.*

а) Ошечественная:

939) Родословное древо Государей Россійскихъ , изображенное на сводѣ паперни Соборной церкви Ново-спаскаго Ставропигіальнаго монастыря. И. С. издано Архимандритомъ оваго монастыря Аполлосомъ. М. въ шип. Кирилова, 1837. VIII стр. in 4°

940) Воспоминанія о подмосковномъ селѣ Измайловѣ, старинной вотчинѣ Романовыхъ, Ивана Снегирева, М. въ шип. Селивановскаго, 1837. 36 стр. in 12°.

941) Описание древнихъ Русскихъ монетъ. Прибавленіе первое. М. въ шип. Селивановскаго, 1837. VIII и 63 стр. in 8°.

942) Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ. Изданіе второе. Часть I. Берода Лашопись Московская. Часть II. Записки Георга Цаерле. Часть III. Записки Маржерета и Президента де-Ту. С. П. Б. въ шип. Императорской Россійской Академіи, 1837. XVIII и 284, XI и 216, XVI и 241 стр. in 8°.

943) Замѣчанія на статью въ Сѣверной Пчелѣ 1837 года въ № 150 напечатанную о книгахъ: обзорніе монетъ Русскихъ Б. Шодуара и Ключъ къ Исторіи Государства Россійскаго. С. П. Б. въ шип. Императорской Россійской Академіи, 1837. 49 стр. in 8°.

944) Дѣянія Петра Великаго, мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достоверныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ. Сочиненіе И. И. Голікова. Томъ шрестій. Изданіе второе. М. въ шип. Спешанова, 1837. 434 стр. in 8°.

945) Записки о Москвѣ и о заграничныхъ происшествіяхъ отъ исхода 1812 до половины 1815 года, съ присовокупленіемъ сшашей: 1) Александръ Первый и

Наполеонъ. 2) Наполеонъ и Москва. Сочиненіе Сергія Глинки. С. П. Б. въ шип. Императорской Россійской Академіи, 1837. XXIII и 370 стр. in-8°.

946) Исторія о избраніи и вѣсшесствіи на престолъ блаженныя и вѣчно достойныя памяти Государыни Императрицы Анны Іоанновны Самодержицы Всероссійскія. Сочиненіе Теофана Прокоповича, 1750 годъ. С. П. Б. въ шип Греча, 1857. 52 стр. in-8°.

947) Ошчещивенная портретная галлерей, знаменитыхъ особъ въ Россійской Исторіи, отъ началъ XVIII вѣка до нашихъ времявъ, съ краткими ихъ біографіями. Тетрадь VII. Біографіи и портреты: Императрицы Екатерины I; Кабинетъ-Секретаря Алексѣя Васильевича Макарова, Лейбъ-Медика Блаументроста и Графа Саввы Лукича Владиславича-Рагузинскаго. С.П.Б. 1857. съ 105 по 115 стр. in-4°.

948) Живописный Карамзинъ, или Русская Исторія въ картинахъ, издаваемая Андреемъ Прево. Часть вторая, тетрадь 5. С. П. Б. въ шип. Прага и К°, 1857 съ 77 по 84 стр. in-8° maj.

949) Pamiętniki do historyi Rosyji i Polski wieku XVI i XVII. Pamiętniki Samuela Maskiewicza początek swój bierze od roku 1594 w lata po sobie idące. Wydany z rękopisów Biblioteki Szczęsowskiej Hrabiego Chreptowicza, przez Jana Zakrzewskiego Radcę Dworu, nauczyciela Gubern. Wilen. gimnazyum. Вильно, въ шип. Глюкобергъ, 1858. 112 стр. in-8°.

950) Analyse einer Charte von der Kirgisiensteppe zwischen der Wolga und dem Ural, nebst historischen Andeutungen über den frühern Zustand dieser Gegenden so wie der benachbarten Steppen zwischen dem Don und der Wolga insonderheit zu den Zeiten der Griechen und Römer, nebst einer Charte von Prof. Dr. Fr. Kruss. Besonders abgedruckt aus Prof. Dr. Fr. Goebels Reise

in die Steppen der südlichen Russlands. Дерптъ. 1838. 27 стр. in-4°.

951) Einige Blicke in die Geschichte der Vorzeit Fellins. Erster Blick auf die schöne Natur Fellins und auf der alten Ebsten Provinzen und Gebiete, Religion und Aberglauben. Von Th. E. Kriese der Z. Inspector der Schulen zu Fellin. Einladungsschrift zur öffentlichen Prüfung in der Fellinschen Kreisschule am -ten December 1837. Перновъ, въ шип. Марквардта, 1837. 12 стр. in-4°.

b) Другихъ Государствъ:

952) Πολιτιστικὴ καὶ πολεμικὴ ζωὴ τοῦ Ναπολέονος, сочинение Генераль-Адьюшанта, Барона Жомини, переведенное съ Французскаго Ушинскимъ, съ присоединеніемъ плановъ всѣхъ замѣчательныхъ сраженій, данныхъ Наполеономъ; легендъ, для объясненія эсихъ плановъ; картъ, представляющихъ различныя театры военныхъ дѣйствій; и портретовъ всѣхъ полководцевъ и знаменитыхъ современниковъ Наполеона. С. П. Б. въ шип. Штаба Оздѣльнаго Корпуса Внутренней Службы, 1837. 214 и 27 стр. in-8°.

953) Жизнь Наполеона Бонапарте, Императора Французовъ. Сочинение Сира Валтеръ-Скотта. Перевелъ съ Англійскаго, С. де Шаплетъ. Томъ четвертый. Часть 12, 13, 14, С. П. Б. въ шип. И. Глазунова, и К°, 1837. 321 стр. in-8° таж.

954) Записки Герцогини Абрантесъ, или Историческія воспоминанія о Наполеонѣ, революціи, директоріи, консульствѣ, Имперіи и возстановленіи Бурбоновъ, переведенныя съ Французскаго Ксенофонтомъ Полевымъ. Томъ XV. М. въ шип. Семена, 1837. 353 и VI стр. in-8°.

XI. Географія и Путешествія.

955) Учебныя руководства для Военно-Учебныхъ Заведеній. Географія. Часть первая. Географія Математическая и Физическая и краткій обзоръ всѣхъ частей свѣта въ физическомъ отношеніи. Составилъ Н. И. Соколовскій. С. П. Б. 1838. въ тип. Глазунова и К°, IV и 188 стр. in-8°.

956) Путешествіе вокругъ свѣта, составленное подъ руководствомъ Дюмонъ-Дюрвиля, изъ путешествій совершенныхъ донныѣ извѣстѣйшими мореплавателями. Переводъ пересмотрѣнъ и обогащенъ любопытными примѣчаніями, по части морской и Географической Адмираломъ Крузенштерномъ; по части Бошаники Директоромъ Императорскаго Бошаническаго Сада Г. Фишеромъ; по части Зоологій Членомъ Императорской Академіи Наукъ, Г. Беромъ. Тетрадь двадцать первая. (Третья тетрадь послѣдней (четвертой) части). Изданіе А. Плюшара. С. П. Б. 1837. Съ 113 по 178 стр. in-4°.

XII. Математика.

957) Ариѳметика, служащая къ легчайшему обученію малолѣтняго юношества, въ двухъ частяхъ, вновь разсмотрѣнная, исправленная и пополненная Коллежскимъ Ассессоромъ Петромъ Куминскимъ. Изданіе десятое. М. въ тип. Лазаревыхъ Ивстишута Восточныхъ языковъ, 1837. II и 187 стр. in-12°.

958) Курсъ чистой Математики, составленный по порученію Беллявена, Профессорами Математики: Аллезомъ, Биалл, Пюссаномъ и Будро. Съ Франц. со многими переѣнами и дополненіями, перевелъ И. Пого-

ральскій. Изданіе шретье. М. въ Университетской шип. 1837. 172 стр. in-8°.

959) Тригонометрія прямолинійная и сферическая и опредѣленный Геометрическій анализъ. Сочиненіе Лефевюра де Фурси. Переведены съ Французскаго (съ 3 изданія) для Главнаго Инженерскаго училища. С. П. Б. въ шип. Глазунова и К°. 1838. 186 и 51 стр. in-8° (съ 4 чершежами).

960) Наставленіе къ употребленію числительной линейки Коллардо, приравненной къ мѣрамъ и вѣсамъ Россійскимъ Корпуса Горныхъ Инженеровъ Маіоромъ Дмипріевымъ. С. П. Б. въ шип. Крайя, 1857. 84 стр. in-8°.

961) Разсужденіе о зажигаельныхъ линіяхъ и поверхностяхъ. Кандидата Николая Панова, написанное для полученія степени Магистра. М. въ Университетской шип. 1837. IV и 136 стр. in-8°.

962) Vorlesungen über Mathematische Analysis von Dr. J. M. C. Bartels, Staatsrath, ordentl. Professor der Mathematik zu Dorpat, und Corresp. Mitgl. der Kaiserl. Acad. der Wissenschaften zu St. Petersburg. Herausgegeben von F. G. W. Struve. Дерпшъ. 1837, въ шип. Шюнманна. 64 стр. in-4°.

963) Геодезія, или руководство къ изслѣдованію общаго вида земли, построенію картъ и производству тригонометрическихъ и топографическихъ съемковъ и нивелировокъ. Составилъ А. Болошовъ, Генеральнаго Штаба Подполковникъ. Часть II. Проекціи картъ, нивелированіе, Топографія. С. П. Б. 1837. въ шип. Вингебера. IX и 445 стр. in-8° (и XXI таблица).

XIII. *Военная Наука.*

964) Военная Библіотека, съ Высочайшаго соизволенія посвященная Россійской арміи. Книга пятая.

Военная Библиотека. Ксенофонтъ, Киропедія. С. П. Б. 1837. Съ 179 по 384 стр. in-8° таж.

965) Правила, употребляемыя при облежаніи крѣпостей, распредѣленіи, расположеніи и дѣйствіи войскъ подъ оными. С. П. Б. въ шип. Военной, 1837. 75 стр. in-8°.

966) О обязанностяхъ артиллеріи при оборонѣ крѣпостей. С. П. Б. въ шип. Военной, 1837. 67 стр. in-8°.

967) Журналъ Военныхъ дѣйствій союзныхъ армій со времени переправы ихъ за Рейнъ, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1813 года, до выступленія изъ Франціи, въ Маѣ 1814 года. Составленъ при Главномъ Штабѣ 1-й арміи съ подлинныхъ, официальныхъ бумагъ, хранящихся нынѣ въ Архивѣ Генеральнаго Штаба. Часть первая и вторая. С. П. Б. въ шип. Военной, 1837. IV и 569, VII и 457 стр. in-8°.

XIV. *Естественныя Науки.*

968) Bulletin de la Société Imperiale des Naturalistes de Moscou. Année 1837. N° VIII. М. въ шип. Семена, 1837. 169 стр. in-8°.

XV. *Сельское Хозяйство и Технологія.*

969) Разговоры о сельскомъ хозяйствѣ съ воспитанниками Удѣльнаго Земледѣльческаго Училища. Тетрадь четвертая. Разведеніе хозяйственныхъ растений. С. П. Б. въ шип. Департамента Высшей Торговли, 1837. 66 стр. in-8°.

970) Описаніе и изображеніе вновь изобрѣтенной прослой и дешевой машины, помощію копорой во время пожарныхъ случаевъ удобно и безъ всякой опасности можно подниматься и спускаться съ высоты разныхъ

зданій, спасашъ людей и всякаго рода имѣніе. М. въ шип. Кирилова, 1837. 7 стр. in-8°.

971) Пошашный фабрикантъ, или руководство къ пригошовленію сыраго и жженаго пошаша изъ камней и изъ опечественныхъ распеній, кои въ шо же время можно упошребляшь вмѣсто шопильнаго машеріала, съ присообщеніемъ новѣйшихъ средствъ къ узнанію различныхъ примѣсей при покупкѣ пошаша, къ очищенію онаго и къ добыванію гораздо въ большемъ прошивѣ прежняго количествѣ. Сочиненіе Едгарда Фридриха Лейкса, Профессора Технологіи и Члена многихъ Ученыхъ Обществъ. (Съ 11 чершежами). М. въ шип. Кирилова, 1837. 16 стр. in-8°.

972) Улучшенные бришвы и ремни, съ показаніемъ новозобрѣренныхъ средствъ къ скорѣйшему напачиванію бришвъ, къ узнанію доброшы оныхъ при покупкѣ и къ сбереженію отъ ржавчины и порчи, съ описаніемъ искусственныхъ шлифовальныхъ камней и химическихъ составовъ для дѣланія и для смазыванія бришвенныхъ ремней. М. въ шип. Кирилова, 1837. 11 стр. in-8°.

XVI. *Медицина.*

973) Краткое разсужденіе о чумѣ (pestis). Сташскаго Совѣтника Степана Доброправова. М. въ шип. Смирнова, 1837. IV и 74 стр. in-8°.

974) *Dissertatio inauguralis pathologico-therapeutica de phthisi pulmonali tuberculosa, quam e decreto amplissimi Medicorum ordinis Universitatis Caesareae Mosquensis pro gradu Doctoris Medicinae legitime obtinendo elaboravit et publice defendet Chirurgus 1-mi Ordinis Alexius Pogorelsky.* М. въ шип. Университетской, 1837. 67 стр. in-8°.

XVII. *Смѣсь.*

975) *Decouvertes sur le Cavalier (suite)*. Съ 17 по 67 стр. in-8°.

976) *Tarto-ja Wörro-ma rahwa Kalender ehk Täht-ramat 1838*. Ajastaja päle, perran Issanda Iesussé Kristusse sündimist. Sel ajastajal om 365 päiwa. Дерптъ, въ шип. Шюнманна. 60 стр. in-8°.

977) *Dörptscher Tafel-Kalender auf das Jahr 1838*, welches ein gewöhnliches Jahr von 365 Tagen ist. Дерптъ, въ шип. Шюнманна (таблица).

978) *Rechnungs - Abschluss der Städtischen Spar-Casse in Riga von 1832*. Vom 1 December 1836 bis zum 30 November 1837. (таблица).

979) *An die resp. Mitglieder der wohlthätigen Beisteuer*. 4 стр. in-4°.

980) *Statuten der neuen Sterbe-Casse des groszen zünftigen Schumacher-Amtes zu Riga*, errichtet im Jahre 1837. Рига, въ шип. Мюллера, 1837. 14 стр. in-8°.

981) *Gesetze für das Theater in Riga*. Рига, въ шип. Геккера, 1837. 24 стр. in-8°.

982) *Quinzième rapport de l'Ecole, établie en faveur des enfants-pauvres parmi les étrangers, qui se trouvent à St. Pétersbourg, pour l'année 1837*. С. П. Б. 1837, въ шип. Иверсена, стр. in 8°.

983) *Ключъ къ изъясненію снова, составленный по сочиненіямъ славнѣйшихъ снополокователей: Калиостро, великаго Алберта Мартына Задека, Индѣйскихъ, Цыганскихъ, Китайскихъ и Африканскихъ мудрецовъ, и повѣренный съ изъясненіями знаменитой Чухонской ворожеи; изданный въ лицахъ Михайломъ де ла Портомъ, въ Парижѣ; и вновь исправленный и дополненный Московскими ворожеями. Со 105 линографированными картинами*. С. П. Б. въ шип. Вингебера, 1838. 21 стр. in-16°.

984) Ворожея на картахъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 40 стр. in-24.

985) Kuchnia zdrowia albo przepisy przyrządzania potraw z produktów krajowych, najprościejszym, najwłaściwszym sposobem, dla osób tak chorych jako też i powracających do zdrowia, służących. Przez J. Jankowskiego autora Nowéy Kucharki Oszczędnej. Warszawa u Wильно, въ тип. Глюксберга, 1838. 124 стр in-12°.

ОБЪЯСНЕНІЕ

КАРТЫ

УСПѢХОВЪ НАРОДНАГО ОБУЧЕНІЯ ВЪ РОССИИ.

По Высочайшей волѣ собраны въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія официальные свѣдѣнія изъ всѣхъ Вѣдомствъ о числѣ Учебныхъ Заведеній, учащихъ и учащихся. Число учащихся въ каждой Губерніи соображено съ числомъ жителей ея, и выведены какъ сравнительные между Губерніями, такъ и общій въ Имперіи результатъ успѣховъ народнаго обученія. Всѣ сіи свѣдѣнія уже послужили въ печатѣ и издадутся *особою книжкою*, о выходѣ которой въ свѣтъ будетъ объявлено въ свое время.

Между тѣмъ, на основаніи сихъ выводовъ, представляется Читателямъ нашего Журнала Общая Карта успѣховъ народнаго обученія въ Россіи. Сравнительное состояніе успѣховъ въ разныхъ Губерніяхъ выражено поспешенностію тѣней и сверхъ того означено цифрами. Ежели кому покажется спраннымъ, что Омская Область и Губерніи Астраханская, Иркутская и т. п. первенствуютъ здѣсь предъ многими такими, которыя по общему всѣхъ мнѣнію должны быть го-

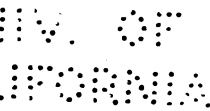
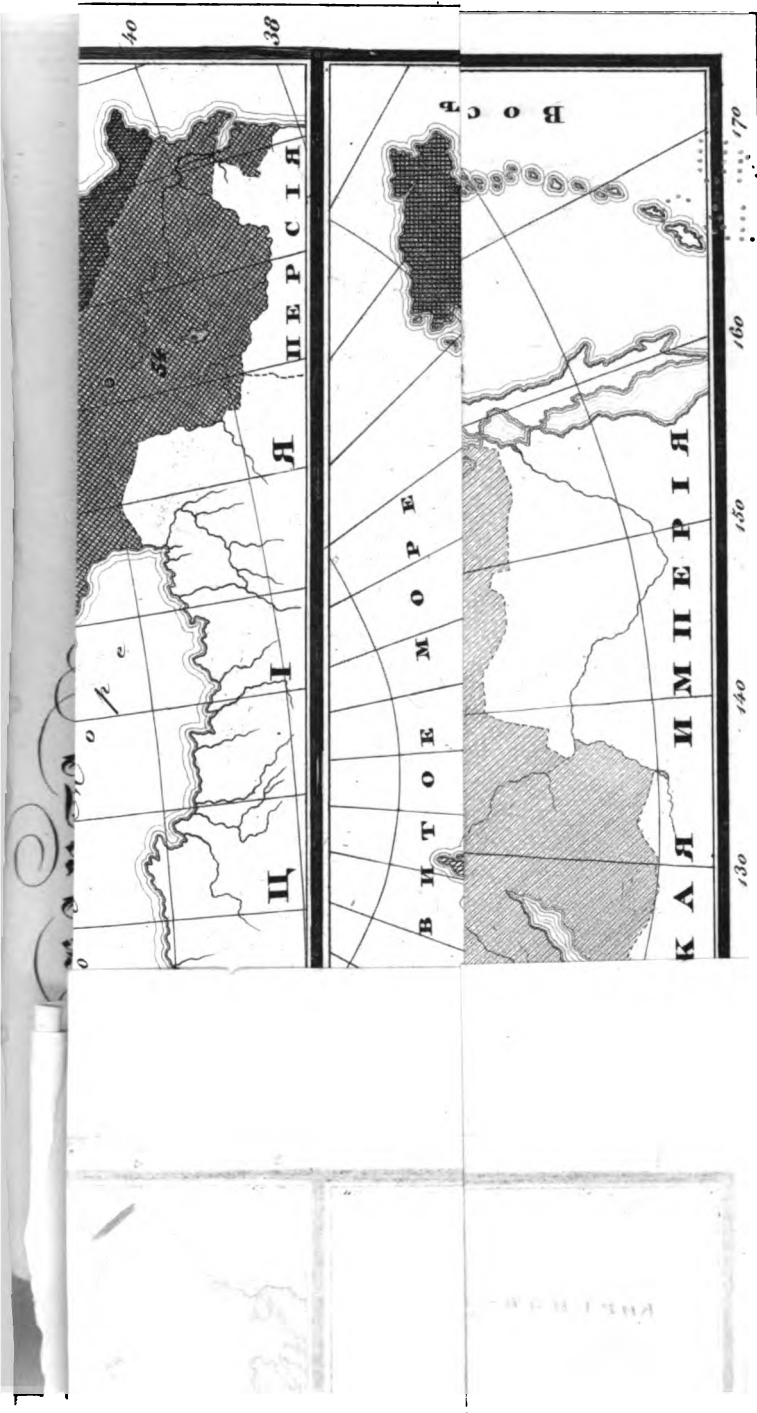
раздо просвѣщеніе ихъ, то пусть вспомнятъ, что эта Обласшь и поименованна съ нею Губерніи принадлежатъ къ числу самыхъ малолюдныхъ и что резульшатъ успѣховъ народнаго обученія въ каждой Губерніи основывается не на одномъ числѣ находящихся въ ней Учебныхъ Заведеній и учащихся, а на содержаніи числа учащихся каждой Губерніи къ числу ея жишелей. Счишаемъ нужнымъ къ сему присовокупить еще, что при составленіи Каршты каждая Губернія покрывалась прилично ей шѣнью вся, не оплачивая въ ней мѣсць обитаемыхъ ошъ безлюдныхъ. Такъ на примѣръ Иркутская Губернія вся покрыва однаю шѣнью; само же собою разумѣется, что въ большей ея часпи нѣтъ ни Училищъ, ни учащихся. Скажемъ наконецъ, что объ наши Сшоліцы разсмаширивались нами ошдѣльно ошъ своихъ Губерній, и изображены на Каршѣ особо, какъ двѣ самыя свѣшлыя почки въ Имперіи: за ними должны слѣдовать шѣ изъ городовъ, въ которыхъ находятся Университеты, Академіи, Лицеи и ш. д.

Нижеслѣдующими цифрами означены на Каршѣ:

1. Обл. Омская.
2. Губ. Саратовская.
3. — Херсонская.
4. — Астраханская.
5. — Таврическая.
6. — С. Петербургская.
7. — Эстляндская.
8. — Екашеринославская.
9. — Лифляндская.
10. — Архангельская.
11. — Иркутская.
12. Обл. Бессарабская.

13. Губ. Новгородская.
14. — Смоленская.
15. — Томская.
16. — Олонецкая
17. — Виленская.
18. — Ярославская.
19. — Вишебская.
20. — Псковская.
21. — Пермская.
22. — Орловская.
23. — Владимірская.
24. — Харьковская.
25. — Курляндская.
26. — Воронежская.
27. — Нижегородская.
28. — Казанская.
29. — Калужская.
30. — Рязанская.
31. — Тульская
32. — Тверская.
33. — Оренбургская.
34. — Вологодская.
35. — Енисейская.
36. — Коспромская.
37. — Черниговская.
38. — Тобольская.
39. — Минская.
40. — Могилевская.
41. — Гродненская.
42. — Курская.
43. — Симбирская.
44. Земля Донскихъ Казаковъ.
45. Губ. Пензенская.
46. Обл. Вѣлоспокская.
47. Губ. Московская.

48. Губ. Тамбовская.
49. — Киевская.
50. — Полшавская.
51. — Волынская.
52. — Вятская.
53. Обл. Кавказская.
54. Области Закавказскія.
55. Губ. Подольская.

Ж У Р Н А Л Ъ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.
1838.

№ II.

ФЕВРАЛЬ.

I.

I. В Ы С О Ч А Й Ш І Я
П О В Е Л Ъ Н І Я.

(За Генварь мѣсяць.)

1. (13 Генваря) *О дозволеніи Экстраординарному Профессору Щуровскому предпринять ученое путешествіе на Уральскій хребетъ.*

Государь Императоръ, въ слѣдствіе всеподданнѣйшаго доклада Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на ошбышіе Экстраординарнаго Профессора Московскаго Университета Щуровскаго въ ученое путешествіе по Уральскому хребту, для осмотра его въ минералогическомъ и геогностическомъ отношеніи.

2. (18 Января) *Объ учрежденіи въ Якобштадтѣ Русскаго Начальнаго Училища.*

По представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія и по Положенію Комитета Г. Министровъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: учредить въ городѣ Якобштадтѣ, для обученія дѣтей шамонскихъ жителей Русскаго и Польскаго происхожденія, Начальное Училище, съ употребленіемъ на содержаніе оного по 1200 р. ежегодно, и сверхъ того на первоначальное обзаведеніе 300 р., изъ проценповъ съ общаго экономическаго капитала Гражданскихъ Учебныхъ Заведеній.

3. (18 Января) *О переисленіи изъ Дерптскаго Университета въ С. Петербургскій двухъ стипендій, для содержанія въ ономъ двухъ Воспитанниковъ Литовскаго Евангелическо-Реформатскаго Синода.*

По Положенію Комитета Г. Министровъ, основанному на внесенной Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія запискѣ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: изъ числа учрежденныхъ при Дерптскомъ Университетѣ шести стипендій, по 200 р. серебромъ, для содержанія шести Воспитанниковъ Литовско-Евангелическо-Реформатскаго Синода, перечислить двѣ стипендіи, именно 400 рублей серебромъ въ годъ въ С. Петербургскій Университетъ, для содержанія въ числѣ Студентовъ-Пансіонеровъ двухъ Воспитанниковъ того Синода, предназначенныхъ къ занятію въ Слуцкой Гимназіи Учи-

пельскихъ ваканцій, съ тѣмъ, чтобы остатокъ отъ сказанной суммы былъ выдаваемъ имъ, по окончаніи курса ученія, на издержки возвращающаго пущи.

4. (20 Января) *Объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Коммиссіи.*

Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, объ усиленіи денежныхъ средствъ Археографической Коммиссіи, Высочайше разрѣшилъ соизволилъ: для безостановочнаго продолженія дѣйствій сей Коммиссіи, отдѣлилъ въ ся распоряженіе, въ теченіе будущихъ 1838 и 1839 годовъ, до пятидесяти тысячъ рублей изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія.

5. (20 Января) *О дозволеніи Ординарному Профессору Дерптскаго Университета Пирогову, предпринять въ теченіе перваго Семестра наступающаго года ученое путешествіе въ Парижъ.*

Согласно представленію Г. Министра Народнаго Просвѣщенія, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на предпріятіе Ординарному Профессору Дерптскаго Университета Пирогову, въ теченіе перваго Семестра наступающаго года, ученаго путешествія въ Парижъ, съ сохраненіемъ жалованья и съ выдачею ему сверхъ того на необходимыя издержки трехъ тысячъ рублей изъ штатной, опредѣленной на ученія путешествія, суммы.

6. (20 Января) *О временномъ Штатѣ для Митавской Гимназіи.*

На подлинномъ написано:

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ изволилъ утвердить на три года. 20 Января 1838.

Министръ Народнаго Просвѣщенія Уваровъ.

ВРЕМЕННЫЙ ШТАТЪ

МИТАВСКОЙ ГИМНАЗІИ.

ПРЕДМЕТЫ РАСХО- ДОВЪ.	Жалованья.		Квартир- ныхъ.		Итого руб. ден ассигн.
	Од- ному.	Всѣмъ.	Од- ному.	Всѣмъ.	
Директору	—	3850	—	1200	5050
Ему же на разъѣзды для осмотра Учеб- ныхъ Заведеній въ Губерніи.	—	—	—	—	600
На канцелярскіе при- пасы.	—	—	—	—	300
Инспектору	—	2600	—	750	3350
Осьми Старшимъ Учи- телямъ (*).	2400	19,200	750	6000	25,200
Двумъ Учителемъ Наукъ.	1500	3000	500	1000	4000
Учителю Французскаго языка	—	1000	—	400	1400
Учителю Англійскаго языка	—	1000	—	400	1400

(*). Въ томъ числѣ два Учителя Русскаго языка.

ПРЕДМЕТЫ РАСХО- ДОВЪ.	Жалованья.		Квартир- ныхъ.		Итого руб- лей ассигн.
	Од- ному.	Всѣмъ.	Од- ному.	Всѣмъ.	
Учителю Рисованія и Числосписанія	—	1000	—	400	1400
Законоучителю Греко- россійскаго Исповѣ- данія	—	600	—	—	600
Учителю Музыки и Пѣ- нія	—	600	—	—	600
Учителю Гимнастики	—	600	—	—	600
— Танцованія	—	600	—	—	600
Письмоводителю при Директорѣ	—	800	—	300	1100
Канцелярскому Служи- телю	—	400	—	—	400
Старшему Учителю Ма- тематикн за изго- товленіе Календаря	—	—	—	—	500
На Стипендіи	—	—	—	—	3000
На учебныя книги для бѣдныхъ учениковъ	—	—	—	—	300
На Библіотеку	—	—	—	—	500
Учителю за смотрѣніе за Библіотекою	—	—	—	—	300
На математическіе и физическіе инстру- менты	—	—	—	—	300
На избраніе по части Естественной Ис- торіи	—	—	—	—	200
Двумъ Учителямъ	—	—	—	—	600
На содержаніе дома и разныя издержки по хозяйственной части	—	—	—	—	1500
На два годовые класса при Гимназіи:	—	—	—	—	—
Двумъ Старшимъ Учи- телямъ	2400	1800	750	1500	6300

ПРЕДМЕТЫ РАСХО- ДОВЪ.	Жалованья.		Кваршир- ныхъ.		Итого руб- лей ассигн.
	Од- ному.	Всѣмъ.	Од- ному.	Всѣмъ.	
Одному изъ нихъ су- щочнаго содержанія во время лѣтнихъ экс- курсій	—	—	—	—	180
На содержаніе сада и плату сторожу, на библіотеку, аппара- ты для лѣсныхъ клас- совъ и непредвиди- мыя издержки. . . .	—	—	—	—	972
					61,252

Примѣчанія.

1) Штатъ сей приводится въ дѣйствіе по-
степенно, по мѣрѣ выбытія прежнихъ Преподава-
телей, такъ что Учитель, коихъ мѣста или вовсе
уничтожаются, или оклады уменьшаются, будутъ
пользоваться прежнимъ содержаніемъ; въ отноше-
ніи же къ тѣмъ лицамъ, коихъ жалованье увеличи-
вается, или для коихъ учреждаются новыя мѣста,
а равно и къ прочимъ штатнымъ, Штатъ сей
приводится въ исполненіе, какъ скоро предста-
вятся къ тому удобные случаи.

2) Митавская Гимназія продолжаетъ получать
на свое содержаніе тѣ же суммы, какія и нынѣ
получаетъ; оспарки отъ нихъ образуются въ
Экономическую сумму Гимназіи и употребляются

на законномъ основаніи въ ея пользу, а въ послѣдствіи, когда эти ослатки сдѣлаются довольно значительны, на устройство и усиленіе ередствъ къ содержанію при Митавской Гимназіи Благороднаго Пансіона, на правилахъ, поспановденныхъ въ Уставѣ 8 Декабря 1828 года.

3) Вакансіи Учителей: Англійскаго языка, Гимнастики и Танцованія, въ случаѣ выбытія ихъ, не замѣщаются впредь до учрежденія Благороднаго Пансіона.

4) Нынѣшніе Учители Искусствъ оспаются на прежнихъ правахъ и содержаніи; опредѣляемые же впредь (кроме Учителя Рисованія и Числосчисанія), не считаясь въ Государственнѣй службѣ, будутъ только пользоваться опредѣленною въ семь Шпашѣ платою.

5) По учрежденіи Благороднаго Пансіона, и въ случаѣ умноженія вакансій Учителей: Закона Божія Грекороссійскаго Исповѣданія, Французскаго языка и Искусствъ, предоставляется Министерству Народнаго Просвѣщенія, по представленію Попечителя, увеличить штатныя ихъ оклады, на счетъ суммы, оспяющейся въ распоряженіи Гимназіи.

6) Гимназіи оппускаются дрова, а Директору и Учителямъ оной хлѣбныя припасы на прежнемъ основаніи; по мѣрѣ же выбытія нынѣшнихъ Чиновниковъ, припасы обращаются, чрезъ продажу, въ пользу Гимназіи.

Подлинный подписалъ: Министръ Народнаго
Просвѣщенія *Сергій Уваровъ*.

7. (13 Генваря) *О дозволеніи Камергеру Башуцкому издавать «Листки ремесль, промысловъ и фабрикъ.»*

Государь Императоръ по всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о дозволеніи Камергеру Его Императорскаго Величества Башуцкому издавать *Листки ремесль, промысловъ и фабрикъ*, изъявилъ Высочайшее соизволеніе на означенное изданіе.

8. (23 Генваря) *О дозволеніи Статскому Советнику Греку издавать «Музыкальныя прибавленія» къ Сѣверной Пчелѣ.*

По всеподданнѣйшему докладу Г. Министра Народнаго Просвѣщенія о просимомъ Издашемъ Сѣверной Пчелы, Спашскимъ Совѣщивкомъ Гречемъ позволеніи издавать при сей газетѣ *Музыкальныя прибавленія*, Государь Императоръ изъявилъ Высочайшее соизволеніе на помянутое изданіе.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ И НАГРАЖДЕНІЯ.

ВЫСОЧАЙШІЯ ГРАМОТЫ,

данныя въ С. Петербургѣ:

а) 21 Генваря.

Г. Генераль-Лейтенанту, Попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа *Крафстрему*.

Изъ заслужившаго поощренію Министра Народнаго Просвѣщенія *объ отлично-усердной службѣ вашей* и

трудить по управленію Дерптскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашею Благо Ордн, знаки коего, при семъ препровождаемыя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостію Нашею благосклонны.

6) 26 Генваря.

I.

Г. Дѣйствишельному Статскому Совѣтнику, Управляющему Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія *Князю Ширинскому-Шиматову.*

По засвидѣтельствванію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-ревностной службѣ и неуспѣшнхъ трудахъ вашихъ по управленію Департаментомъ Народнаго Просвѣщенія, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны первой степени, знаки коего, при семъ препровождаемыя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ Нашею Императорскою милостію къ вамъ благосклонны.

II.

Г. Дѣйствишельному Статскому Совѣтнику, Повѣстителю С. Петербургскаго Учебнаго Округа *Князю Дондукову-Корсакову.*

По засвидѣтельствванію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-ревностной службѣ и неуспѣшнхъ трудахъ вашихъ по управленію С. Петербургскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Ордена Св. Анны первой степени, знаки коего при семъ препровождаемыя, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію.

нію. Препроводимъ Нашею Императорскою милостию къ вамъ благосклонны.

III.

Г. Статскому Совѣтнику, Помощнику Попечителя Бѣлорусскаго Учебнаго Округа *Груберу*.

По засвидѣтельствованію Министра Народнаго Просвѣщенія объ отлично-усердной службѣ вашей и трудахъ по управленію Бѣлорусскимъ Учебнымъ Округомъ, Всемилостивѣйше жалуемъ васъ Кавалеромъ Императорскаго и Царскаго Ордена Нашего Св. Станислава второй степени, знаки коего при семъ препровождаемые, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по устанавленію. Препроводимъ къ вамъ Императорскою и Царскою милостию Нашею благосклонны.

Опредѣлены:

По Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Состоящій по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ, въ званіи Каммергера Двора Его Императорскаго Величества, Князь Григорій *Волконскій* (20 Января).

По Учебнымъ Округамъ.

По С. Петербургскому: Академии Императорской Академіи Наукъ *Брандъ* и *Фусъ*, Обыкновенные Профессоры С. Петербургскаго Университета *Фрейтагъ* и *Калмыковъ* — Инспекторами надъ частными Пансіонами и Училищами въ С. Петербургѣ на 1838 годъ (20 Января).

По Московскому: Обыкновенные Профессоры Московскаго Университета *Давыдовъ* и *Брашманъ* — Инспекторами надъ частными Пансіонами и Училищами въ Москвѣ, на 1838 годъ (20 Января).

По Харьковскому: Отставной Полковникъ *Шретеръ* — Почетнымъ Попечителемъ Харьковской Гимназіи на текущее трехлѣтіе (18 Января).

Награждены:

а) *Орденами.*

Св. Анны 2-й степени съ Императорскою Короною: Пасторъ здѣшней Евангелическо-Реформатской Церкви *Фель-Муралетъ* (22 Генваря).

Св. Анны 2-й степени: Профессоръ Университета Св. Владиміра, Статскій Совѣтникъ *Давидовичъ* — въ награду трудовъ его при первоначальномъ составленіи свода мѣстныхъ Законовъ Западныхъ губерній (10 Генваря).

Св. Станислава 3-й степени: Директоръ 2-й Виленской Гимназіи, Коллежскій Ассессоръ *Кисловъ* (22 Генваря).

Св. Владиміра 4-й степени: Академикъ Императорской Академіи Наукъ *фонъ Беръ* и Директоръ 1-й Виленской Гимназіи Надворный Совѣтникъ *Устиновъ* (22 Генваря).

Св. Анны 3-й степени: Профессоръ Дерптскаго Университета Докторъ *Шмальцъ* — за заслуги, оказанныя въ образованіи отпращиваемыхъ въ учрежденный имъ Альшкунстгофскій Агрономическій Институтъ Казенныхъ Воспитанниковъ (14 Генваря); Инспекторъ 2-й Виленской Гимназіи, Титулярный Совѣтникъ *Блестеръ* (22 Генваря).

Св. Станислава 4-й степени: Старшій Учитель 2-й Виленской Гимназіи Коллежскій Ассессоръ *Калиновскій* и Учитель той же Гимназіи Титулярный Совѣтникъ *Герардъ* (22 Генваря).

б) *Подарками.*

Почетный Попечитель Виленской Гимназіи Действительный Статскій Совѣтникъ *Графъ Хрептовичъ* — золотою табакеркою, съ вензельнымъ изображеніемъ

Имени Его Императорскаго Величества (20 Генваря); Профессоръ Дерптскаго Университета *Шроговъ* — за поднесеніе Его Императорскому Величеству изданныхъ имъ *Анатомико-Хирургическихъ таблицъ* (20 Генваря).

с) *Единовременную выдачу денегъ.*

Директоръ Канцеляріи Министра Народнаго Просвѣщенія, Статскій Совѣтникъ *Новосильскій* — 4,000 руб. изъ хозяйственныхъ суммъ Департамента Народнаго Просвѣщенія (20 Генваря).

д) *Объявлено Высочайшее благоволеніе:*

Учителю Института Глухонемыхъ въ Вильнѣ, Коллежскому Секретарю *Малагоцу* (20 Генваря).

Государь Императоръ удостоилъ благосклоннаго принятія поднесенныя Его Величеству чрезъ Г. Министра Народнаго Просвѣщенія книги: Двѣцею *Ишимовою* — IV-ю Часть «Исторіи Россіи въ разсказахъ для дѣтей»; Титулярнымъ Совѣтникомъ *Терещенко* — «Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи»; Членомъ Вольнаго Экономическаго Общества *Усовымъ* — «Курсъ Земледѣлія»; Коллежскимъ Совѣтникомъ *Глаголевымъ* — «Записки Русскаго путешественника»; Полковникомъ *Чертковымъ* — «Описаніе древнихъ Русскихъ монетъ» и «Воспоминанія о Сициліи»; Општавнымъ Маіоромъ *Глинкою* — «Записки о Москвѣ 1812 — 1815 года», и Докторомъ *Грумомъ* — Хирургическое его сочиненіе (1 Генваря).

2. МИНИСТЕРСКІЯ

РАСПОРЯЖЕНІЯ.

(За Генварь мѣсяць).

1. (5 Генваря) *Объ опредѣленіи при Симферопольской Гимназіи Бухгалтера.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, разрѣшилъ опредѣлить при Симферопольской Гимназіи Бухгалтера, съ жалованьемъ по пяти сотъ рублей въ годъ изъ экономическихъ суммъ оной.

2. (13 Генваря) *О ситаніи преобразованія Ришельевскаго Лицея по новому Уставу и Штату, Высочайше утвержденнымъ 25 Мая минувшаго года, съ 1 Генваря сего года, а курсъ ученія съ 1 Сентября истекшаго года.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, согласно представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, изъявлялъ согласіе, чинобы преобразование Ришельевскаго Лицея, по новому Уставу и Штату, Высочайше утвержденнымъ 29 Мая минувшаго года, было счисляемо съ 1 числа текущаго Генваря, а курсъ ученія въ ономъ съ 1 Сентября истекшаго года, сообразно съ курсомъ ученія по Учебному Округу.

3. (19 Января) *Объ утвержденіи платы съ вольноприходящихъ учениковъ Таврической Гимназіи.*

Въ слѣдствіе представленія Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія утвердилъ слѣдующее Исправляющимъ должность Директора Училищъ Таврической Губерніи распоряженіе касательно взиманія платы съ вольноприходящихъ учениковъ шамошней Гимназіи по десяти рублей въ годъ съ каждаго, съ освобожденіемъ отъ сего бѣднѣе учениковъ.

4. (27 Января) *О утвержденіи взимаемой съ полупансіонеровъ Благороднаго Пансіона при Новгородской Гимназіи платы по сту пятидесяти рублей въ годъ.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, по представленіи Г. Попечителя С. Петербургскаго Учебнаго Округа, утвердилъ взимаемую съ полупансіонеровъ Благороднаго Пансіона при Новгородской Гимназіи плату, по сту пятидесяти рублей въ годъ.

5. (27 Января) *О дозволеніи Адъюнктамъ и востолцимъ въ снхъ должностяхъ присутствовать въ Сѣнать Рижскаго Лицея.*

Согласно представленію Г. Попечителя Одесскаго Учебнаго Округа, Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ, чтобы въ присутствіи въ Сѣнать Рижскаго Лицея донужены были Адъюнкты и востолци въ снхъ должностяхъ, если они занимають особыя кафедры.

6. (27 Января) *О правилахъ, на основаніи коихъ могутъ переходить молодые люди изъ одного Университета въ другой.*

Г. Министръ Народнаго Просвѣщенія, въ дополненіе къ окружному предложенію своему отъ 3 Ноября прошедшаго года, постановилъ еще слѣдующее:

Студентъ, оставившій одинъ изъ Университетовъ и желающій, по испеченіи за тѣмъ болѣе полугодія, поступить въ другой, долженъ подвергнуться въ последнемъ испытанію, отъ выдержанія котораго зависить принадлежіе его въ соотвѣстственный званіямъ его курсъ и сообразно съ тѣмъ, зачетъ времени пребыванія въ прежнемъ Университетѣ.

ОПРЕДѢЛЕНІЯ, ПЕРЕМѢЩЕНІЯ, И УВОЛЬНЕНІЯ.

О п р е д ѣ л е н ы :

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Отставной Поручикъ *Ушаковъ* — Старшимъ Помощникомъ Столоначальника (27 Января); Коллежскій Регистраторъ *Куркинскій* — Младшимъ Помощникомъ Столоначальника, и Коллежскій Регистраторъ *Путковъ* — Художникомъ Археографической Комиссіи (19 Января).

По Университетамъ.

По С. Петербургскому: утверждены въ званія Почетныхъ Членовъ Генераль-Фельдмаршалъ Князь Варшавскій, Графъ *Паскевичъ-Эричанскій*, Новороссійскій Генераль-Губернаторъ Графъ *Воронцовъ*, Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода Графъ *Притцковъ*, Попечитель Московскаго Учебнаго Округа Графъ *Строгановъ* и Дѣйствительные Статскіе Совѣтники *Арсецевъ* и *Куницынъ* (27 Января).

По Харьковскому: Ординарный Профессоръ Университета Св. Владиміра *Мицкевичъ* — перемѣщенъ съ тѣмъ же званіемъ (29 Января).

По Университету Св. Владиміра: Старшій Учитель 1-й Кіевской Гимназіи *Домбровский* определенъ Адъюнктомъ (19 Генваря); Экстраординарный Профессоръ Харьковскаго Университета *Федотовъ-Чеховскій* переименъ исправляющимъ должность Ординарнаго Профессора (29 Генваря).

По Одесскому Учебному Округу.

Штабсъ-Капитанъ *Нелидовъ* определенъ Исправляющимъ должность Директора Училищъ Херсонской Губерніи (9 Генваря); уволеннымъ отъ службы изъ Членовъ Бобрѹскаго Инженерно-Строительнаго Комитета 9 класса *Бернадскій* — Исправляющимъ должность Директора Училищъ Таврической Губерніи (13 Генваря); Губернскій Секретарь *Иппажевъ* — Почетнымъ Смотрителемъ Езпаторійскаго Узднаго Училища (5 Генваря).

У в о л е н ы :

По Канцеляріи Г. Министра.

Коллежскій Секретарь *Виноградовъ* — отъ должности Помощника Секретаря, по прошенію (4 Генваря).

По Департаменту Народнаго Просвѣщенія.

Коллежскій Секретарь *Кожовскій* — отъ должности Старшаго Помощника Начальника Стола, по прошенію (19 Генваря); Титулярный Советникъ *Ольговъ* — отъ должности Младшаго Помощника Начальника Стола, по прошенію (19 Генваря).

По Университету Св. Владиміра.

Чиновникъ 5 класса *Лохвицкій* — отъ заведыванія Музеемъ Кіевскихъ древностей; по прошенію (29 Генваря).

По Московскому Учебному Округу.

Коллежскій Секретарь *Яковлевъ* — отъ должности Почетнаго Смотрителя Александровскаго Узднаго Училища, по прошенію (12 Генваря).

II.

Н А У К И.

1.

**ОБЪ УПРЕКАХЪ, ДѢЛАЕМЫХЪ ФИЛОСОФІИ
ВЪ ТЕОРЕТИЧЕСКОМЪ И ПРАКТИЧЕСКОМЪ ОТНО-
ШЕНІИ, ИХЪ СИЛѢ И ВАЖНОСТИ.**

Р ъ ч ь,

ПРОИЗНЕСЕННАЯ ВЪ ТОРЖЕСТВЕННОМЪ СОБРАНІИ
ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА Св. Вла-
димира, 15 Іюля 1857 года, Ординарнымъ Про-
фессоромъ Философiи Орестомъ Новицкимъ.

Ὁ μακάριος, μὴ πάνυ θυτῶ τῶν πολλῶν κατηγορεῖ. ἀλλότιαν τοι δόξαν ἔξουσι, ἐν αὐτοῖς μὴ φιλονεικῶν, ἀλλὰ παραμυθόμενος, καὶ ἀπολυόμενος τὴν τῆς φιλομαθείας διαβολὴν, ἕνδεικνος οὓς λέγεις τοὺς φιλοσόφους, καὶ διορίζου, ὥσπερ ἄρτι, τὴν τε φύσιν αὐτῶν καὶ τὴν ἐπιτήδευσιν· ἵνα μὴ ἠγῶνται σε λέγειν οὓς αὐτοὶ διοῦνται.

Plato de Repub. Lib. VI. p. 499.

Мм. Гг.!

У всѣхъ образованныхъ народовъ, съ самыхъ древнихъ временъ, Науки были предметомъ уваженія и похвалы; издревле признавали ихъ особеннымъ

Часть XVII.

16

даромъ боговъ, и нынѣ признають ихъ украшеніемъ и лучшимъ достояніемъ человѣческаго рода. Если па, или другая Наука въ частности можетъ не имѣть особеннаго достоинства для лицъ того, или другаго сословія, и потому не возбуждаетъ общаго къ себѣ вниманія и участія по чѣмъ не менѣ каждая изъ нихъ можетъ находить для себя истинныхъ цѣнителей въ другихъ званіяхъ и состояніяхъ людей. — Не такъ счастлива судьба Философіи. Среди пошества другихъ Наукъ, едва ли не она только издревле была предметомъ болѣе порицаній, чѣмъ похвалъ. Ей дивились и посвящали жизнь свою лишь не многіе мудрецы; а цѣлая масса людей нефилософствующихъ всегда была по равнодушною къ ней, по враждебною для нея; ее превозносили похвалами Платоны и Цицероны, но общій голосъ народа нигдѣ и никогда не бывалъ въ ея пользу. Еще въ первыя времена своего появленія въ благодатной Индіи, у одного изъ самыхъ философствующихъ народовъ древняго Востока, она испытывала уже непріязненную судьбу! Въ счастливой Эладѣ, столько прославленной гениальными ея мыслителями, она подвергалась изгнаніямъ, испивала чашу смертнующую; и въ самое цвѣтущее время ея развитія у Аѳинянъ, великій Платонъ чувствовалъ потребность защищать ее отъ предубѣжденія народнаго. Среднія времена имѣли также своихъ Философовъ — и не мало жертвъ Философіи. Въ дни новѣйшей гражданственности, въ самыхъ образованныхъ націяхъ Европы, богатыхъ мыслителями оплчными, не менѣ замѣтны въ публикѣ по нерасположенности,

по не заслуженное равнодушіе къ Любомудрію. И въ нашемъ Опечестіи, встрѣчаетъ ли Философія помятъ общій привѣтъ, то общее вниманіе и участіе, которыхъ ожидать ей надлежало бы? Не многіе у насъ пишутъ о ней, и по по большей части для того, чтобы высказатъ свои замѣчанія и мысли въ ея осужденіе!

Въ двухъ главныхъ отношеніяхъ можно разсматривать Философію: можно разсматривать ее *въ ней самой, какъ Науку*, и можно слѣдить за нею въ дальнѣйшемъ ея *примѣненіи къ практическимъ выгодамъ и цѣлямъ жизни*. Въ помятъ и другомъ отношеніи, Философія равно подвергалась и подвергается нареканіямъ и осужденіямъ. Предающіеся Точнымъ Наукамъ оприцаютъ достоинство Философіи, какъ Науки; а тѣ, которые живутъ и дѣйствуютъ преимущественно для цѣлей практическихъ, оприцаютъ значеніе Философіи въ ея примѣненіи практическомъ.

Справедливы ли основанія такихъ взглядовъ на Философію, — это предметъ, разсмотрѣнію котораго я желаю посвящать теперь нѣсколько минутъ. Не думаю, чтобы не выгодное о ней мнѣніе публики не имѣло никакихъ причинъ и побужденій; но твердо также увѣренъ, что Философія, понимаемая въ ея истинномъ смыслѣ, имѣетъ полное достоинство, какъ Наука, и самое высокое значеніе въ примѣненіи практическомъ. Чувствую, какъ трудно быть судьей въ этой пылчѣйшей тяжбѣ Философіи съ мнѣніемъ общественнымъ, но тѣмъ не менѣе сознаю внутреннюю потребность принять самое живое участіе въ судьбѣ ея.

Знаю, что слабый голосъ мой не можетъ противостать голосу многихъ; но шѣмъ не менѣе признаю справедливымъ — въ эпоху Святыищъ Наукъ, гдѣ по волѣ Августѣйшаго МОНАРХА созданъ припворъ и для Философіи — по возможности защищать ее отъ предубѣжденій и недоразумѣній.

I.

Тѣ, которымъ не нравится Философія, какъ Наука, не удовлетворяются ею, безъ сомнѣнія, пошому, что она не удовлетворяетъ справедливымъ претребованіямъ Науки. И дѣйствительно: три должно быть существенныхъ принадлежностей въ каждой Наукѣ, понимаемой въ истинномъ ея значеніи: во-первыхъ, *содержаніе*, раскрытіемъ и уясненіемъ котораго должна заниматься она; во вторыхъ, опредѣленный *способъ воззрѣнія* на это содержаніе; и въ третьихъ та *форма*, въ которой она выражаетъ свои представленія и понятія о данномъ предметѣ. И во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Философія равно предспзвляетъ поводы къ осужденію.

1. Дѣло слишкомъ знакомое каждому, кто хотя сколько-нибудь занимается Науками, что каждая изъ нихъ должна имѣть содержаніе, и припомъ содержаніе *дѣйствительное, опредѣленное и ей одной принадлежащее*. Удовлетворяетъ ли Философія этимъ первымъ и непремѣннымъ претребованіямъ Науки?

Содержаніе каждой Науки обыкновенно выражается въ ея опредѣленіи. Что жъ говорятъ намъ

о Философіи всё донинѣ извѣстныя намъ ея опредѣленія? Съ перваго взгляда представляется каждому, что прямой отвѣтъ на эптошъ вопросъ не можешъ послужить въ пользу Философіи.

Въ самомъ дѣлѣ, послѣдуя мысленно за философствующимъ человѣчествомъ — ошъ перваго появленія Философіи до насоящихъ временъ — мы почти нигдѣ не найдемъ и двухъ самоспояпельныхъ мысляпелей, копорые согласились бы между собою въ общемъ понятіи о Философіи. Каждый изъ нихъ смориптъ на вещи своимъ особеннымъ способомъ, и признавая прежніе взгляды на Философію недоспапочными и нефилософскимъ, даетъ новое, нерѣдко совершенно пропивоположное прежнимъ понятіе о существъ ея; но послѣдующій мудрецъ то же дѣлаешъ съ опытомъ предшеспвенника, и въ свою очередь извѣдываешъ ту же судьбу въ попомствѣ.—Удивительнo ли послѣ эптого, что Скепники и пропивники Философіи опвергаюшъ дѣйствительность ея содержанія? При мысли о томъ, что Философія, въ теченіе тысячелѣпій, не успѣла и донинѣ устанопить понятіе о содержаніи своемъ, что напрошивъ она безпрерывно перяешся въ самыхъ пропиворѣчащихъ взглядахъ на саму себя, — какъ не припши къ тому заключенію, что и никогда она не устанопить понятія о самой себѣ; что, по эптому, предметъ философствованія зависяшъ только ошъ прихоти каждаго, ешъ не болѣе, какъ произвольная мечта празднаго ума, и что слѣдовательно содержаніе Философіи, собственнo говоря, не ешъ содержаніе, годное для Науки?

И однакожь, мы не справедливо бы укорали Философію въ недоспапкахъ дѣйствительнаго содержанія, если бы остановились на этомъ первомъ, и довольно поспѣшномъ заключеніи. Надѣе сужденіе о ней было бы слишкомъ приспраспнымъ, если бы, по невѣрности опредѣленій Философіи, мы захошѣли дѣлать рѣшительное заключеніе о ничтожествѣ и произвольности ея содержанія, тогда какъ понятіе зависитъ отъ предмета, но предметъ не зависитъ отъ понятія. Еще и донинѣ Эстетики не согласились въ понятіяхъ объ Изыщномъ и сущности Искусства; а между тѣмъ Изыщныя Искусства и вѣрный эстетическій вкусъ уже издавна существуютъ и безъ понятій о нихъ. Еще и теперь спорящъ о верховномъ началѣ нравственности, о существѣ Религіи; а между тѣмъ добродѣтель и духъ благочестія не дудятъ, пока согласятся въ понятіяхъ о существѣ ихъ; напротивъ, самыя понятія эти слѣдующъ за развитіемъ добродѣтели и благочестія. — Такъ точно и въ Философіи; ея существенное содержаніе вовсе не зависитъ отъ общегоднаго, окончательнаго опредѣленія; напротивъ, это опредѣленіе можешь устанавишься только тогда, когда ея содержаніе будетъ развито по всѣмъ возможнымъ для него направленіямъ.

Въ чемъ же именно заключается это содержаніе Философіи? — Оно такъ близко къ намъ самимъ, что искашь и находишь его не спойшь почти никакого труда: оно положено во глубинѣ нашего собственнаго духа. Гдѣ и когда ни развивалась бы Философія, какое направленіе ни принимала бы

она, подь какимъ бы именемъ и опредѣленіемъ ни являлась, — всегда и вездѣ она прудилась надь однимъ и шѣмъ же великимъ дѣломъ. Раждаясь во глубинѣ чедовѣческаго духа, она хочеть озарить его новымъ свѣтомъ вѣдѣнія — свѣтомъ опщепливѣйшей мысли, и дди шого покушается низойти до коренныхъ акщовъ нашего сознанія, развить эшу невещеспвещную почку нашего бышя и преслѣдовать его по главнѣйшимъ пушямъ его движенія. А сознаніе, какъ извѣстно, выступая изъ себя, ограничивается въ спремленія своемъ чѣмъ-шо спороннымъ, — предметами познанія; и, опщражаясь отъ нихъ къ самому себѣ, поставляетъ себя центромъ, а всѣ прочіе предметы — окружностію познанаія; но эша окружность опщражается въ нашемъ сознаніи шолько идеально, а не реально, потому что дѣйствительное бышя вещей не зависитъ отъ нашего сознанія и познанаія. Отъ шого сознаніе первоначально подагаетъ шакже нѣчто выше себя и всего прочаго міра, нѣчто шакое, въ чемъ нѣтъ центра и окружности, а единая безконечность, въ чемъ всякое вѣдѣніе и бышя составляютъ одинъ предвѣчный способъ существованія и самое существо. Такимъ образомъ, въ перворазвивающемся сознанія поставляется познающій себя духъ, ограничиваемый въ своемъ спремленія предметами внѣшними, поставляется міръ внѣшній, опредѣляемый идеально сознающимъ духомъ, и сверхъ шого признается существо ничѣмъ не ограничиваемое, высшее нашего познающаго духа и познаемаго міра, — Богъ. Въ эшихъ-шо предметахъ сознанія Философія находитъ свое содержаніе, надь раз-

внѣшемъ и улсненіемъ котораго должна прудитись непрерывно. Чшо внѣ этихъ предметовъ сознанія Философія не можетъ искасть и находить для себя содержанія,—эшо само по себѣ ясно попому, чшо внѣ круга нашего сознанія нѣтъ и бытъ не можетъ для насъ никакого познанія. Чшо эти предметы Философія, хотя иногда безъ опчешливаго уразумѣнія, однако дѣйствительно, всегда и вездѣ, поспавляла своимъ содержаніемъ, о помъ свидѣтельспвуетъ намъ ея Испорія: были Философическія школы и системы, даже огромныя эпохи Философія, въ которыя она обращала испытательный взоръ свой преимущественно на токъ, или другой предметъ нашего сознанія, но и эшо для шого только, чшобы послѣ перейши къ остальнымъ.

Эти предметы сознанія не суть только опвлеченности логическія. Человѣкъ, какъ лице свободно-дѣйствующее, внѣшняя Природа, и Причина причинъ, существуютъ безъ всякаго сомнѣнія, дѣйствительно. И слѣдовательно содержаніе Философія естъ самое *дѣйствительное содержаніе*, а не мечта празднаго духа.

Но послѣ эшого потчасъ скажутъ намъ: предметами сознанія не указываеть ли на всю безпредѣльность сущаго, попому чшо, кромѣ сознающаго духа, сознаваемого міра и Первопричины шого и другаго, нѣтъ и бытъ не можетъ ничего болѣе? А если эшо справедливо, шо содержаніе Философія не естъ ли нѣчто безграничное и *неопредѣленное* до шого, чшо она сама не знаетъ, гдѣ и какъ взялась ей за предметъ свой?—Къ шому же,

всеобщность предметовъ уже распределена по участкамъ между другими Науками, и следовательно содержаніе Философіи не принадлежитъ ей, хотя по частямъ, другимъ Наукамъ шакъ, что она пользуется достояніемъ чужимъ, не можешь уже имѣть никакой самостоятельности относительно предмета своего?

Мысль объ этой неопредѣленности Философіи — не безъ основанія. Всѣ другія Науки, не могли обнять однимъ взглядомъ совокупности предметовъ, раздробляють ихъ на части отдѣльныя и встраиваютъ предметы свои въ рамы болѣе или менѣе тѣсныя и опредѣленныя; между тѣмъ Философія, расширяя область свою въ безпредѣльность, созерцаетъ все сущее, какъ бы заключеннымъ въ одной необъятной панорамѣ: и человека и человечество, и духа и вещество, жизнь и смерть, конечное и безпредѣльное, потому что обо всемъ этомъ можно философствовать, — все это должно быть проникнуто Философіею, оживлено, прояснено ею. И однакожь, при самой безпредѣльности вещей, ей представляющихся, она умѣетъ опредѣлить и установить свое содержаніе, какъ непререкаемую собственность, обозначая его *существенную сторону*, и обращаясь къ *особенному источнику* для познанія своихъ предметовъ.

Содержаніе Философіи составляютъ существенные предметы нашего сознанія: следовательно это содержаніе есть нечто непосредственно намъ данное, нечто, первоначально положенное въ природѣ нашего мыслящаго духа. Но въ природѣ мыслящаго духа нашего первоначально нѣтъ ничего, кромѣ

собственной его природы. Въ нашей мыслящей и познающей силѣ нѣтъ ничего первоначально, кромѣ всеобщихъ условій мышленія и познаванія, кромѣ тѣхъ законовъ, по которымъ мы понимаемъ всякое бытiе, кромѣ тѣхъ формъ единства и необходимости, которыми существенно принадлежатъ нашему самодѣятельному разуму. Какъ расчлѣнены предметы природы внѣшней, что совершалось въ жизни человѣчества, объ этомъ не извѣщаетъ насъ, сама по себѣ, наша разумная природа; но логическіе законы мышленія, чистыя предписанія права и обязанности, всеобщіе законы, которымъ подчиняется всякое бытiе въ Природѣ, высшія идеи Божества и жизни вѣчной, — это положено въ нашемъ собственномъ разумѣ, и каждый человѣкъ носитъ въ самомъ себѣ условія потребныя для того, чтобы дойти до уразумѣнія ихъ и самоубѣжденія въ нихъ: нужно только размышленіе, нужно развитье того, что заключено въ насъ.

И такъ, не смотря на то, что взглядъ философическій простирается на все бытiе; что Философія, обнимая всѣ предметы вѣдѣнія, а съ ними вмѣстѣ и всѣ отдѣльныя Науки, по праву именуется *Наукою обо всемъ, Наукою Наукъ*; не смотря на это, она не составляетъ содержаніемъ своимъ безконечнаго разнообразія вещей, которое не можетъ быть обнято никакимъ сознаніемъ конечнымъ; она не заключаетъ въ себѣ частнаго содержанія всѣхъ прочихъ Наукъ: такая Наука не возможна для людей; она противорѣчитъ природѣ человеческого познанія. Не разнообразныя явленія бытія, а только его общія формы, его законы

поспавляешъ предметомъ своимъ Философія; она есть *Наука обо всемъ* полько въ помъ отношеніи, что приводить къ сознанию законы и основанія всякаго бытія; она есть *Наука Наукъ* полько потому, что содержитъ въ себѣ условія, начала и формы всякаго вѣдѣнія. Она исключаетъ изъ своей области все то, что въ частности можетъ быть подчиняемо общимъ законамъ и формамъ бытія; полько эти *формы и законы составляютъ ея истинное содержаніе*, на которое не могутъ имѣть приписанія другія Науки.

Правда, и другія Науки не всегда ограничиваются одними частностями, а нерѣдко восходятъ къ законамъ общимъ, занимаются не сполько самими вещами, сколько ихъ формою. Такъ напр. Естествознание не удовлетворяется несвязными явленіями, отдѣльными наблюденіями и опытами, какъ не полными и опрывочными опвѣтами Природы, а доискивается основаній наблюденіямъ и опытамъ, общихъ законовъ цѣлаго круга явленій. Но при всемъ помъ, общіе законы и формы, какъ ближайшее содержаніе Философіи, далеко отличны отъ всѣхъ другихъ законовъ и формъ, по самому *источнику*, изъ котораго почерпается познаніе объ нихъ. — Три есть источника непосредственнаго познания: *наглядность, чистое воззрѣніе и чистый разумъ* съ его идеями. Науки Естественныя почерпаютъ свои свѣдѣнія изъ *наглядности*, обращаясь къ свойствамъ и дѣйствіямъ предметовъ; самыя законы ихъ, для извѣснаго рода явленій, суть не иное что, какъ сведеніе усмотрѣній къ единству предметомъ простаго, эмпирическаго

синтеза; есть не болѣе, какъ обобщеніе наглядныхъ же частностей посредствомъ наведенія. Но всеобщіе законы бытія, разсмаприваемые Философіею, не могутъ быть взяты опъ опыта, потому уже самому, что они всеобщи; ихъ *первоначально созерцаетъ* въ самомъ себѣ *нашъ разумъ*, какъ свою собственную природу; открываетъ ихъ не дѣйствіемъ синтеза, а анализа; не доходитъ до высочайшаго закона своего, закона единства, путемъ обобщенія частностей, а напротивъ, созерцая законъ единства въ самомъ себѣ, въ собственныхъ идеяхъ, и раздробляя его на части, отражаетъ его какъ бы въ раздробленныхъ лучахъ свѣта, въ различныхъ представленіяхъ: въ представленіи единства въ нашемъ познаніи, въ представленіяхъ объ одной истинѣ, одномъ мірѣ, одномъ основаніи всякаго бытія. — Болѣе сходства съ Философіею представляютъ намъ Науки Математическія, обращенныя къ формамъ единства. Математическія формы, построиваемыя въ числѣмъ *воззрѣніи*, суть представленія пространства и времени, отвлеченныя опъ всякаго эмпирическаго содержанія; подъ эти формы подпадаетъ уже каждый чувственно воззрѣваемый предметъ, опредѣляясь по времени и пространству: слѣдовательно онъ — какъ и общія формы разсмаприваемыя въ Философіи — положены въ насъ прежде всякаго возбужденія внѣшняго и принадлежатъ самодѣятельности нашего духа. Но при этомъ сходствѣ ихъ и другихъ формъ есть между ими значительное различіе. Числыя формы математическихъ воззрѣній принадлежатъ самодѣятельности духа *чувственной*,

попому что годятся только для предметовъ чувственныхъ; между тѣмъ какъ философическое познание возвыщаетъ формы свои, какъ формы познания вообще, и потому онѣ принадлежатъ самодѣятельности *разума*, опъ котораго опираются первоначально въ нашемъ сознаниі. Опъ того, чистыя формы математическаго воззрѣнія, хотя также суть формы единства, по которымъ бывевыя усмотрѣнія приводятся къ формамъ пространства и времени, — но формы *единства вѣщнаго*, связующія разнообразіе наблюденій по вѣшнимъ отношеніямъ ихъ преемственности и послѣдовательности; а формы чистаго разума суть формы *внутреннаго* единства, опредѣляющія собою внутрення отношенія всѣхъ вещей.

Философія, почерпающая познание всеобщихъ законовъ и формъ бытія изъ самодѣятельности нашего разума, изъ его идей, конечно, не опровергаетъ участія и низшихъ силъ души: всѣ онѣ приносятъ дань Философіи, всѣ хотять быть органомъ ея вѣщаній. Память предлагаетъ ей сокровища мудрости, которыя философствующіе умы различныхъ временъ и мѣстъ завѣщали потомству; чувство представляетъ ей необъятное разнообразіе Природы и явленій нашего собственнаго, внутренняго міра; разумъ зиждетъ для нея новый міръ мыслей, сводящій все разнообразіе явленій къ двумъ главнымъ началамъ — веществу и духу. Но все это для него только, чтобъ разумъ озарилъ этою двусторонній міръ, съ его разнообразіемъ, своимъ высшимъ свѣтомъ идей, и внесъ въ него жизнь, единство, гармонию. За то,

ни одна пншая сила духа, сама по себѣ, не имѣеть особеннаго значенія для Философіи. Какъ бы ни обширна была память, но она можетъ обнимать только прошедшее, а не настоящее и будущее. Какъ бы ни пространенъ былъ кругъ дѣятельности нашихъ чувствъ, вооруженныхъ даже всеми пособіями Искусства, все еще эпошь кругъ будетъ слишкомъ малъ и ограниченъ въ безпредѣльномъ кругѣ Природы. Какъ бы ни высоко было зданіе понятій, постигаемыхъ разсудкомъ, а все еще оно не достигнешъ до Неба, до того единого Всесущественнаго, въ которомъ заключено все. Философія пребудетъ непреходящаго, вѣчнаго: а вѣчное отражается только въ идеяхъ; Философія пребудетъ неограниченнаго, безпредѣльнаго: а безпредѣльное отражается въ идеяхъ же; Философія пребудетъ неизмѣнимаго, существеннаго: а существенное отражается также въ идеяхъ. Мнръ идей есть родина Философіи. Тамъ зараждается она; опшуда черпаетъ свои силы и является въ мнръ дольный, какъ провозвѣстница горняго.

2. Но это происхожденіе Философіи изъ высшей области духа, изъ области самодѣятельнаго разума, и потому самый способъ ея воззрѣнія на вещи, ея взглядъ, возвышающійся надъ обыкновенною сферою опыта, издавна были предметомъ укоризнъ ея, какъ Науки. — Правда, нынѣ уже ничто не опсвергаетъ умозрѣнія, какъ вещи вовсе небывалой; въ наше время, послѣ обширныхъ и глубокихъ изслѣдованій чловѣческаго духа, произведенныхъ преимущественно Кантомъ и замѣчательнѣйшими его послѣдователями, не лзя уже

найши почти ни одного человека, сколько-нибудь знакомого съ настоящимъ состояніемъ Наукъ, который съ жаромъ и убѣжденіемъ захотѣлъ бы еще защищать основанія эмпиризма въ томъ видѣ и съ такою исключительностію, какъ некогда онъ былъ развитъ Локкомъ и его послѣдователями въ XVIII столѣтіи, во Франціи. Но и теперь, не отбѣргая психической возможности умозрѣнія, по большей части, дающъ рѣшительное предъ нимъ предпочтеніе наглядному, эмпирическому познанію; и теперь, и преимущественно теперь, сдѣлалась едва не общимъ мнѣніемъ та мысль, что только *опытъ даетъ намъ отчетливое и полное знаніе, а умозрѣніе не ведетъ насъ ни къ чему положительному и опредѣленному*; что только массы *эмпирическихъ и историческихъ свѣдѣній принадлежатъ основательность и вѣрность*, а всякій *взглядъ на предметы*, направляемый по *высшимъ началамъ* есть *поверхностное и произвольное умншанье*, которое можно перепѣшь, какъ безвредную игру празднаго духа, но которое не можетъ имѣть никакого существеннаго вліянія на образованіе Науки. Съ этой-то точки зрѣнія, одностороннимъ эмпирикамъ и Историкамъ Философія является чѣмъ-то слишкомъ бѣднымъ и ненадежнымъ. Отсюда-то происходятъ жалобы на сухія *отвлеченности* и пустой *формализмъ Философіи*; отсюда-то желаніе многихъ, чтобы Философія обращалась не къ упонченностямъ разсудка, а къ простому, *общему смыслу* человѣчества, прямо и ясно постигающему истину; желаніе; чтобы Философія почерпала свои сѣ-

дѣнія не изъ безжизненныхъ взглядовъ умозрѣнія, а изъ *силы чувства*, какъ живаго и непосредственнаго источника всякаго вѣдѣнія.

Это понятіе о годности опыта и зыбкости умозрѣнія, а съ тѣмъ вмѣстѣ о ничтожествѣ философическаго взгляда на предметы, весьма натурально можетъ возникать въ духѣ человека опъ того, что спорона чувствъ нашихъ гораздо больше развита въ насъ, чѣмъ высшая спорона духа. Чувства наши представляютъ собою высочайшее развитіе земной природы, и сильно и непосредственно поражаются явленіями и качествами міра вѣшняго, потому уже самому, что они для нихъ родныя. Между тѣмъ духъ нашъ есть полько младенецъ въ мірѣ духовномъ; онъ спомъ еще на первой, самой низшей ступени самосознанія, въ неизмѣримой дѣспницѣ существъ разумныхъ. Удивительно ли послѣ этого, что сфера опыта, въ которой живемъ мы всѣми нашими чувствами, кажется намъ споль ясною и опредѣлительною, а обласъ, собственно духу принадлежащая, обласъ его высшаго разумѣнія, кажется споль шуманною и неопредѣленною? — Но не смотря на все это, понятіе объ исключительной цѣнности опыта, при всей многочисленности голосовъ въ его пользу, есть взглядъ односпоронній и ограниченный. — Основаніе умозрѣнія положено во внутреннѣйшемъ существѣ нашего духа, такъ же точно, какъ и основаніе эмпириі. Духъ человѣческій не безусловно дѣапеленъ въ своемъ мышленіи и познаваніи; онъ связанъ опношеніями чувственными, пребуешь возбужденія извнѣ; но съ другой спороны, онъ не

есть способность только страдающая, только воспріемлющая и чувствующая: въ немъ самомъ первоначально положены чистыя формы и законы, по которымъ единственно онъ можетъ и долженъ дѣйствовать и при которыхъ онъ дѣйствуетъ самоотпеленно, потому что направляетъ свою дѣятельность по законамъ и формамъ, только ему одному существенно принадлежащимъ. Внѣшнее возбужденіе нашихъ чувствъ при наглядномъ усмотрѣніи вноситъ въ нашу душу предметность, которую мы воспринимаемъ въ нашемъ познаніи, какъ представленія о вещахъ, и слѣдовательно изъ нагляднаго усмотрѣнія дается намъ всякое содержаніе, всякая дѣятельность, всѣ быты нашего познанія. Но съ другой стороны, вѣчные законы разумѣнія, законы единства и необходимости, какъ формы, въ которыхъ должно бытъ омытно чувственно-воспріятное содержаніе нашего познанія, какъ условія, при которыхъ вообще возможно для насъ познаніе дѣйствительнаго, — эти законы хранятся только въ нашемъ духѣ. И пакъ, въ нашей чувствуемости и воспріемлемости дается только содержаніе, и изъ глубины духа нашего очерчивается форма; въ омытѣ — дѣятельность, въ умозрѣніи — необходимость; тамъ быты, здѣсь законы; тамъ разнообразіе, здѣсь единство. — Воцъ причина, по крайней мѣрѣ, совершенно *равной цѣнности омыта и умозрѣнія*, и вмѣстѣ ихъ недостаточности въ ихъ разлученіи; здѣсь же сокрыта причина вѣчной борьбы между безформенною наглядностію и безсодержа-

пешельною идеальностію, и вмѣстѣ — основаніе потребности ихъ единства!

И почто, опытъ и умозрѣніе, какъ содержаніе и форма, равно необходимы для полноты и опчепливости нашего вѣдѣнія. Опытъ безъ умозрѣнія есть только мертвая, беспорядочная громада однихъ особенностей и быдей, равно какъ умозрѣніе безъ опыта есть не болѣе, какъ пустая форма единства и законъ необходимости безъ разнообразнаго содержанія и дѣйствительности. Самое полное, оконченное познаніе состоялось бы тогда, когда по всемъ отношеніямъ опредѣлились бы: содержаніе формою, дѣйствительность необходимостію, были закономъ, разнообразіе единствомъ. Правда, это единство формы и содержанія для насъ оспается только желаннымъ, но недостижимымъ идеаломъ, потому что неисчетное богатство познаваемого содержанія никогда не можешь быть исчерпано опытомъ, а опъ того и первоначальной форма разумѣнія не можешь быть наполнена всецѣло, и закону необходимости, въ насъ положенному, не можешь вполне соответствовать дѣйствительность. По крайней мѣрѣ, чѣмъ многостороннѣе и богаче будетъ опытъ, тѣмъ вѣрнѣе и выше можешь возноситься въ своихъ опвлеченностяхъ мыслящій разумъ и тѣмъ болѣе можешь приближаться къ высочайшему единству разума. И на оборотъ, чѣмъ болѣе удалось умозрѣнію сознать высочайшій законъ единства, чѣмъ обширнѣе его начала и общіе законы, тѣмъ полнѣе будетъ взглядъ его на разнообразіе опыта, тѣмъ яснѣе и глубже проникнетъ онъ во внутреннюю

связь его былей. А при такомъ отношеніи между идеальностію и опытностію, если шапки и неудачны должны бытъ попышки умозрѣнія, — когда оно, пренебрегая опытомъ, заключается въ собственной, чисто-идеальной сферѣ, и вмѣстѣ того, чтобъ прилагать только свои законы и формы въ данному (изъ опыта) содержанію, само покушается творить былія и поспроевать содержаніе: то, съ другой стороны, вовсе неосновательны и во всехъ отношеніяхъ несправедливы приписанія эмпири, когда она, признавая умозрѣніе не ведущимъ ни къ чему, думаетъ, что въ самой себѣ можетъ найти отчетливость и полную знанія, и потому или совершенно отвергаетъ годность законовъ и формъ разума, или надѣется произвести ихъ изъ опыта.

Вмѣстѣ съ этимъ, сама собою открывається *односторонность* споль усилившагося теперь *мысли, будто основательность и вѣрность Науки принадлежитъ только массѣ опытныхъ и историческихъ свѣдѣній* — этому набору отдѣльныхъ фактовъ; а *Философія* съ ея высшими началами и взглядами есть только *пустое умлиганье*, ничтожная отвѣченность, не имѣющая никакого истиннаго вліянія на образованіе Науки. Основательность Науки не заключается въ простомъ накопленіи фактовъ, а состоитъ въ единствѣ и органической связи нашихъ познаній; но этой связи, этого единства ни чуть не даетъ намъ *опытъ*; все это можетъ быть почерпнато только изъ умозрѣнія, изъ Философіи. Относительная вѣрность Науки зависить отъ степени

уразумѣнія въ ней истины, дѣйствительности. Но уже въ первоначальныхъ и дробныхъ актахъ наблюденія и опыта открываешь недостаточность эмпирии и болѣе или менѣе явное участіе въ нихъ разума. Такъ въ самыхъ обыкновенныхъ понятіяхъ, въ понятіяхъ напримѣръ о распятіи, уже привносятся понятія предъѣловныя — математическія формы пространства и времени, и метафизическія понятія о сущности, основобытіи (субстанціи), причинности и взаимодействіи. Тѣмъ менѣе можетъ эмпирія, сама по себѣ, въ цѣломъ и огромномъ удовольствіи истиннымъ требованіемъ Науки и просить только наблюденіемъ познавать истину и дѣйствительность бытія. Истина и дѣйствительность Природы, уже ли это есть несвязная масса отдѣльныхъ вещей, которая дается намъ просить усмотрѣніемъ и наблюденіемъ, а не внутреннее, органическое сведеніе особей въ одно великое цѣлое, и слѣдовательно не то, что познается нами собственно изъ Философіи, изъ всеобщихъ формъ и законовъ единства? Равнымъ образомъ, истина и дѣйствительность Исторіи уже ли заключается единственно въ хронологической послѣдовательности событій и сказаній; напротивъ, не во внутренней ли прагматической связи частныхъ, не въ живыхъ ли идеяхъ, движущихъ событіями Исторіи, состоитъ эта истина, и притомъ эта глубокая истина, которой не можетъ открытъ намъ ни опытъ, ни историческая многоученость, а только одно философствующее размышленіе? Еслижъ самая эмпирія обнимаетъ частные предметы въ

ихъ цѣлостя и единствѣ, и потому пользуется всеобщими законами разума; хотя безъ отчепляваго о томъ сознанія и безъ методическаго приема, но какъ обвинять намъ въ ничтожествѣ отвлеченностей и пустотѣ умствованій Философію, когда она, для того, чтобы чище сознать всеобщія понятія и законы единства и потомъ съ отчеплявѣйшимъ сознаніемъ и надежнѣйшимъ методомъ вновь приложитъ ихъ къ частностямъ, предварительно отвлекаетъ эти понятія и законы отъ ихъ разнообразнаго содержанія? Не должна ли, напротивъ того, змирія почерпнуть въ этихъ отвлеченностяхъ и оспокашительность своей наглядности и вѣрность высшей дѣйствительности и истины?

Конечно, *нападенія на пустой формализмъ Философіи и ничтожность ея отвлеченностей* иногда бывають и справедливы; потому что отвлеченное мышленіе, какъ свидѣтельствуешь опытъ, перѣдко отшоргалось отъ своего содержанія, какъ эмпирическаго, такъ и идеальнаго, и покушаясь само собою творить истину изъ своихъ всеобщихъ понятій, шерялось въ фантасматическихъ, воздушныхъ построеніяхъ. Но нападенія, въ этомъ случаѣ, на отвлеченности философскія должны касаться не самаго существа ихъ, а только ихъ злоупотребленія въ Философіи: по существу своему, онѣ не суть уродливые плоды напряженнаго мышленія; сами по себѣ, въ своемъ исполнномъ видѣ, онѣ имѣють высокое достоинство. Мы доверяемъ собственно этимъ только отвлеченностямъ, которыя такъ осуждаемъ; мы

вѣримъ только имъ, ихъ только понимаемъ, въ нихъ и посредствомъ ихъ разумѣемъ все прочее. И это очень ясно. Наши слова суть выраженія нашихъ понятій, а всѣ наши понятія суть опвлеченности: и, слѣдовательно, все наше мышленіе и наша рѣчь есть опвлеченность. Безъ опвлеченностей мы не можемъ сдѣлать ни одного шагу въ познаніи, самомъ по видимому простомъ и обыкновенномъ; такъ напр. безъ опвлеченностей мы не можемъ имѣть познанія о числѣ. Въ Природѣ нѣтъ числа; здѣсь только одинъ, одинъ, одинъ, а совокупленіе въ числа, это опвлеченность. Скажутъ, что опвлеченныя предсказанія всеобщаго сами не имѣютъ никакой дѣйствительности; что всеобщія понятія о родѣ, качествахъ, отношеніяхъ сами по себѣ пусты, потому что это суть только формы, въ которыхъ мыслятъ о бытіи дѣйствительномъ, которое принадлежитъ только частностямъ. Но и въ этомъ случаѣ нельзя назвать опвлеченностей *пустою формальностію*, сухимъ, безжизненнымъ осповомъ мышленія; и въ этомъ случаѣ не теряютъ онѣ значенія въ познаніи дѣйствительности, потому что онѣ не суть произвольныя порожденія мыслящаго разсудка; онѣ извлекаются изъ частнаго, дѣйствительнаго бытія, а потому и указываютъ всегда на дѣйствительное бытіе, изъ котораго почерпнуты духомъ.

Еслижъ философическое умозрѣніе съ его опвлеченностями не есть пустая, изысканно-напряженная игра мыслей; если въ самыхъ опвлеченностяхъ есть жизнь, есть дѣйствительность:

шо мѣлкими заботы шѣхъ, которые, желая изба-
вить Философію отъ оплеченностей, какъ буд-
шо недуга, ее удручающаго, опсылають ее къ
здравому человеческому смыслу и къ *силѣ живаго,*
непосредственнаго чувства. Конечно, Философія,
по возможности, должна жить въ мирѣ и согласіи
съ *истиной* — называемымъ *здравымъ* человеческимъ
смысломъ и непосредственнымъ чувствомъ. Есть,
неоспоримо есть въ человеческомъ духѣ голосъ,
который прямо и безыскусственно возвыщаетъ
намъ объ истинномъ, правомъ и прекрасномъ, и
который слышится не изъ чувства, но изъ об-
щаго смысла. Таковъ практическій тактъ, эсте-
тическій вкусъ, таково релігіозное чувство. И
Философія не права, если равнодушно опвра-
щается отъ внушеній этого голоса, или легко-
мысленно пропнворѣчить ему, тогда, какъ его
внушенія вѣрнѣ привели бы ее къ истинѣ, чѣмъ
самое высокое искусство умозрѣнія. Она виновна,
когда до того удаленъ обласпъ свою отъ обла-
сти общаго человеческого омысла, что поспа-
вляетъ славу свою въ явномъ пропнворѣчїи пред-
сшзлелїемъ его, какъ это мы видимъ въ Фило-
софіи Гегеля, который выражается объ этомъ
такъ: «Философія только чрезъ то становится
«Философією, что она прямо противоположна
«разсудку; а еще болѣе — такъ-называемому *зdra-*
вому человеческому смыслу, подъ которымъ
«разумѣется временная и мѣстная ограниченность
«человѣческаго рода; въ отношенїи къ этому
«смыслу, миръ Философіи, *въ себѣ и для себѣ,*
«есть миръ на изнанку.» (Krit. Journal. d. Phil. V.

1, S. XVII). При такомъ отпорженіи Философіи отъ здраваго человѣческаго смысла и рѣшительномъ противоположеніи еѣ своимъ понятіямъ, она легко можетъ запутаться въ неестественныхъ хитросплетеніяхъ мышленія, въ напряженной, изысканной діалектикѣ: и однакожь, при всемъ этомъ, такъ-называемый здравый смыслъ человѣческій не можетъ быть ни источникомъ, ни показателемъ философическихъ истинъ. То, что въ обыкновенной жизни называють естественнымъ и особенно здравымъ смысломъ, часто вовсе бываетъ чуждо естественности и здравомыслія. Но большей части, это есть не иное что, какъ общее мнѣніе, случайно образовавшееся въ теченіе разновременныхъ обстоятельствъ, есть несправая смѣсь устарѣвшихъ понятій, предразсудковъ, любимыхъ взглядовъ, безъ внутренняго единства. Ктожь захотѣлъ бы искать истины въ этомъ безвидномъ и безсодержательномъ сплетеніи случайныхъ обстоятельствъ, въ этомъ хаосѣ безпорядочныхъ, мимолетныхъ мнѣній, а не въ стройномъ мышленіи философическомъ? Кто захотѣлъ бы право суда и приговора въ дѣлѣ философствованія уступать этому нестройному сгланію голосовъ различныхъ мѣстъ и временъ? Развѣ предаться прихотливому теченію мнѣній безознательной толпы значить лучше и вѣрнѣе стремиться къ цѣли, къ познанію истины, чѣмъ при самостоятельномъ, всеиспытующемъ философствованіи? Истинно-здравый человѣческій смыслъ есть часто совсѣмъ не то, что въ обыкновенной жизни привыкли называть этимъ именемъ. Это

не есть поверіиоенно-образованное размышленіе, избѣгающее глубины и движимаго взгляда на міръ и обращенное къ общимъ мѣстамъ сужденій; оно не есть желкость и безвидѣйствителныя мышленія, такъ часто пользующіяся почтеннымъ пиналомъ ясности и натуральности; здравый смыслъ только тотъ, который естественнѣе развивается и движется по законамъ своей собственной природы и слѣдовательно по законамъ Философій, очищаемымъ Наукою отъ мѣтвой прихотливой моды, отъ господствующихъ предрассудковъ и застарѣлаго суеврїя.

Болѣе участія въ философствованіи можно бы предоставлять *живому чувству*; оно важно и драгоценно для человека; это есть благодѣтельный вѣспникъ того, до чего еще не дошли мы нашими познаніемъ; и вмѣстѣ кривитель того, что иначе легко можноже и потерять въ сферѣ признаій. Важны и священны для рода человеческого истины, каковы: бытіе Бога; безсмертіе души, нравственныя предписанія, — эти истины возвѣщающія намъ въ завѣтъ чувствъ гораздо прежде, чѣмъ успѣемъ познать ихъ разсудкомъ и убѣдиться въ нихъ логически. Простой, необразованный человекъ, только съ чувствомъ уже раскрытымъ, не пуждается въ дозвѣдательствахъ бытія Божія, безсмертія души, нравственныхъ преобавій; все это онъ слышитъ въ собственномъ духѣ, въ святынищѣ чувства, и слышитъ такъ внятно, что никакія ухищренія софизмовъ не могутъ поколебать его твердой увѣренности. Есть эпоха въ человеческой жизни, критическая эпоха, когда

развивающа, цѣль диалектическій разумъ, и развивающа односторонне, цѣль чѣло беретъ рѣшиТЕЛЬНЪЙ, переѣсь, надъ всеми силами духа. Тогда возбуждается въ насъ пажакая прервога духа, дожаиса на дуну, какъ мрачныя пѣни, сомнѣнн обо всемъ. Тогда вопрошаешъ: челоѣкъ и ономъ, осы ли Богъ и люмо, ли душа, цѣль безсмертна и чѣло какое требованн ярадспвенныя? Въ эпи-по бѣдривешии мнѣнны прерожаго скепщнщнзма, кода веа вокругъ насъ, надъ ннми и въ насъ самнхъ колебаешся и бошно обрушнщся, въ эпи-по мнущы одно чувствнц неппны ошаешся ярымъ храннмелемъ ея. Оно оскорблешся эшнмъ оскорбленнмъ неппны, а съ прерннмъ ошвертаешъ эшн обндрныя вопрсы жолодно-логнческога разсудка. Но не смощра на эшн безцѣнныя услуги жнвога чувствнц жнкой неппннц, не смощра на нно, чѣло Фнлософн я нкогда не можешъ неппнн безцѣнажно вопреку ясному и непрерннмаемоу чувствнц; не смощра на все эшн, н оно не можешъ бышь нн судьяго, нн органомъ Фнлософствнваннн. Только рѣдко она бнваетъ чнслнмъ и здоровымъ чувствнцомъ, въ жолгоромъ вѣрно ошсѣщнваетъ обнкъ неппны, особенно въ чернпахъ ея подробныхъ; и эша глубнна нннгога духа, наше чувствнц, нерѣдко возмущаешся дваженнмъ спраспей. И не полько болѣзненное, но и здоровое чувствнц, какъ чувствнц, не можешъ бышь органомъ Фнлософнн. Правда, содержанн ея, пускло опражающееся изъ выснренннхъ ндей разума въ сознанн, первоначально воспрнмлетъ здѣсь не мышленнмъ, не ошчепннмымъ освѣдннмъ, а едннственнн чувствнцомъ. И

каждый человекъ, образованный и необразованный, не только воспринимаетъ въ чувствахъ возможное содержаніе Философій, но и пользуется имъ по чувству. Такъ каждый человекъ съ здравымъ смысломъ мыслитъ по законамъ Логики, еще не созная ихъ; каждый человекъ обсуждаетъ явленія Природы по всеобщимъ законамъ ея, каждый чувствуетъ и дѣйствуетъ по непрелѣднымъ законамъ долга, еще не приведши этихъ законовъ къ разумѣнію. Такимъ образомъ, и все доступное познанію философическому, уже непосредственно присуще человеку въ его чувствахъ: но все это содержаніе, пока возбуждается въ одномъ чувствѣ, какъ первоначальномъ органѣ неразвитаго сознанія, положено въ такой глубинѣ духа, гдѣ являюща оно еще безвиднымъ и неопредѣленнымъ; въ чувствѣ все дается намъ первоначально, но дается въ смѣщенномъ, темномъ, безразличномъ смыслѣ. Между нѣмъ совершенно иное дѣло — только чувствоваться или-либо, и понимать это; совершенно иное дѣло — имѣть только познаніе о чемъ-либо, и созывать это самое познаніе съ впечатливостію; а познаніе философическое потому и спавоизисся философическимъ, что оно ничего не полагаетъ непосредственно, а все хочетъ знать съ впечатливымъ знаніемъ.

Если же еспь въ нашемъ чувствѣ начатки возможнаго разумнаго вѣдѣнія, еще темные, завиптые, то должна бытъ въ насъ и *особенная способность* развивать, раскрывать эти начатки. Что же это за способность, и какъ она развивается это, что всѣмъ и каждому возвращается чувствомъ? Она

пробуждается въ насъ тогда, когда сознание, выступивъ изъ неопредѣленнаго, смѣшаннаго чувства, обращаетъ взоръ свой и къ самому себѣ; когда сознание, единичное само по себѣ, какъ бы раздволяется, становится вопрошающимъ и вопрошаемымъ, живымъ зеркаломъ истины и дѣйствительною силою, глядящемся въ него. Это обращеніе сознания къ себѣ самому, это свободное самовладѣніе его есть внутреннѣйшее самовниканіе, есть въ собственномъ смыслѣ философическое размышленіе (рефлексъ), какъ особенное дѣйствіе *разсудка*, который, по этому самому, есть надлежащій *органъ философическаго познанія*. Философическое размышленіе разсудка, какъ чистое мышленіе, какъ произвольно воспроизводящееся движеніе его, не даетъ въ философствованіи никакого содержанія, а только овладѣваетъ нѣмъ содержаніемъ, которое изъ области разума первоначально отражается въ акты сознания, но сначала воспринимается темнымъ, безотчетнымъ чувствомъ. Самовникающій разсудокъ есть какъ бы внутреннее око нашего духа, созерцающее отраженіе высшихъ идей въ простомъ сознаніи, есть внутренній, духовный Химикъ, анализирующій по, что возмѣщается намъ чувствомъ въ его темномъ, смѣшанномъ снѣзѣ. Какъ Химикъ разлагаетъ данную массу на составныя части ея, и чрезъ это разложеніе достигаетъ на послѣдокъ до простѣйшихъ элементарныхъ тѣлъ: такъ самовникающій разсудокъ дробитъ на части наши смѣшанныя представленія, и пушетъ анализа поспулая все далѣе и далѣе, отъ единого къ многому, отъ сложнаго къ простому,

достигаетъ наконецъ до простѣйшихъ, основныхъ элементовъ познанія; а какъ только однажды овладѣли мы этими простѣйшими элементами, то чаще мышленіе отъ приемовъ разложенія переходитъ пошчасъ къ дѣйствію возсозданія, вновь спротивъ составное изъ простаго и чрезъ шо ограниченное разложеніе поспроеніемъ, анализъ — синтезомъ. Такимъ образомъ, наше философствующее мышленіе, дѣйствіемъ поспроенія, приводитъ насъ къ тѣмъ же предметамъ познанія, отъ которыхъ мы выступили въ немъ, но только эти предметы примыкають тогда къ цѣлой системѣ нашихъ познаній, и являюся намъ въ синтезѣ новомъ, окруженномъ вышнимъ свѣтомъ вѣдѣнія, свѣтомъ опчепливаго, сознательнаго вѣдѣнія. Тогда-шо усматриваемъ мы шо, чего прежде и не подозрѣвали въ себѣ,—узнаемъ, что прежде шолько чувствовали, воспринимаемъ мыслию свободно, что прежде представлялось намъ неволью, сознаемъ ясно, что представлялось намъ шемно, познаемъ вдвойнѣ, познаемъ философически, что знали прежде прешо, фактически.

Но и разумокъ, какъ органъ философствованія, по видимому, не соотношится своему назначенію. Самодѣятельный разумъ, какъ источникъ философическаго вѣдѣнія, со стороны его *содержанія*, всегда и вездѣ единичемъ, самъ съ собою согласенъ и неизмѣнивъ по существу своему. Во внутреннемъ свѣтилищѣ его шрно и пезыблемо покоится высшняя идея истиннаго, какъ неисчерпаемая полнота вѣдѣнія, какое шолько доступно для человечества. Не шо бываетъ въ разумѣ,

какъ источникъ философскаго познанія, со стороны его *борьбы*. Это есть дѣятельность духа въ высшей степени *произвольная*. Подвергая своему изслѣдованію идеи разума, его чистые законы и формы бытія, но не могли объять полноты ихъ своимъ тѣснымъ, ограниченнымъ взглядомъ, разсудокъ раздробляетъ ихъ на части и по произволу видоизмѣняетъ и преобразуетъ ихъ: одніе оставляютъ безъ вниманія, другія развиваютъ; то соединяетъ ихъ, то разлучаетъ; то разлагаетъ ихъ, то приводитъ къ цѣлости; восходитъ отъ простаго къ сложному; исходитъ отъ единатаго къ разнообразному; отвлѣкаетъ отъ частнаго, сравниваетъ общее. А при этомъ *способъ* (рефлективного) *воззрѣнія* на содержаніе Философіи, какой плодъ философствованія представляется намъ въ ея Исторіи? Непряя смѣсь разнообразныхъ понятій и ученій, вѣчное столкновеніе и борьба философическихъ школъ, быстрое чередованіе и прохожденіе философическихъ системъ! Начально это зрѣлище, представляемое намъ философствующимъ мышленіемъ въ Исторіи Философіи, и вмѣстѣ это есть самое сильное побужденіе противникамъ Философіи къ ея осужденію. Каждая Наука должна быть единична, сама съ собою согласна, тверда и неоплотна; а между тѣмъ Философія, — говорятъ намъ ея противники, — ни на одинъ шагъ не приблизилась къ этой цѣли. И нынѣ, какъ издавна, въ области Философіи господствуетъ самое необыкновенное разнообразіе взглядовъ и понятій; и донныи спорять въ ней, какъ спорили издавна, не только о неважныхъ и

несущесственнахъ стѣпородахъ вѣдѣній, но и о вѣ-
вочайшихъ началахъ человѣческаго познанія; и нынѣ
философическія системы по являютя, по пече-
зають, какъ нѣ было издревле! И теперь, съ
дальѣйшимъ поступленіемъ философическаго умо-
зрѣнія, *разлііе взглядовъ* сдѣлалось даже разно-
образнѣе; и неспрѣ, *противорѣчія* *жизни* еще
глубже и рѣче, *упадокъ* и *прежоденіе системъ*
еще чаще и бѣспрѣ!

При этомъ обвиненіяхъ философствующей
мысли, а потому и самой Философіи, что
осмѣется дѣлать намъ? Опровергать эти обвине-
нія, сдѣлавшіяся теперь едва не общаго мнѣнія?
Но въ подтвержденіе ихъ представляются тыся-
челюбіе факты. Отказаться отъ философ-
ствованія, какъ попышки духа, слишкомъ неудач-
ной? Но это значило бы заключиться въ тѣсный
кругъ безотчетнаго чувства, и навсегда податить
въ себя столь естественное намъ стремленіе къ
высшему, сознательному вѣдѣнію. Отвергнуть въ
Философіи такъ называемое рефлексивное мы-
шленіе, — самовникаіе, какъ орудіе, рѣшительно
для нея непригоднѣ? Но это значить отвергнуть
всю Философію, которая безъ него не можетъ и
существовать. Но крайней мѣрь, осуждать это
способъ мышленія, имѣть самую слабую и неваж-
ную сторону нашего познванія? Но это значило
бы уже отказываться отъ самовникающей мысли,
которая въ самой себѣ находитъ оправданіе своихъ
дѣйствій, какъ важныхъ для нашего любознатель-
наго духа, при всемъ томъ, что съ перваго взгляда
они могутъ показаться ничтожными и жалкими.

Содержаніе Философіи первоначально сообще-
 мое намъ въ единствѣннѣйшемъ, необъятно въ
 саремъ раздѣлъ и богато началами, самыми раз-
 образными. Чтобы развить и уснашить его, хотя
 сколько-нибудь, удобно не только раздробить
 его на главы, но и преслѣдовать каждую изъ нихъ
 морозъ до самыхъ дробныхъ ея отщепеній: слѣ-
 доваательно по самой многочисленности и разно-
 родности началъ, сюда входящихъ, философическое
 размышленіе можетъ и должно смотрѣть преиму-
 щественно или на одно, или на другое изъ нихъ;
 слѣдовательно намѣнить свою точку зрѣнія на нихъ;
 слѣдовательно соединять и раздѣлять ихъ въ раз-
 личныхъ направленіяхъ и формахъ, а вмѣстѣ съ
 этимъ и самой Философіи давать различныя
 направленія, выражать ее въ различныхъ формахъ,
 представлять ее подъ различными наименованіями,
 потому что, каждый особенный образъ воззрѣнія
 на то, или другое начало философическаго содер-
 жанія, развиваемое до послѣднихъ ея предѣловъ и
 приведенное въ Науку, даетъ особливую систему,
 образуетъ отдѣльную школу философскую. И
 такъ, то дивное *разнообразіе Философій*, какое
 представляется намъ въ ея Исторіи, не только
 не должно служить къ ея осужденію и укоризнѣ,
 а напротивъ того, еще должно говорить намъ
 въ ея пользу. И Природа вещественная роскошно
 разливается, какъ бы въ богатствѣ изображенія,
 въ безчисленныхъ формахъ и явленіяхъ, и только
 этимъ выражаетъ необъятную, не оскудѣвающую
 идею своей внутренней жизни. Такъ и философи-
 ческое размышленіе, иснышывая всѣ возможныя

почки всзрѣнія на предметъ свой и проявляясь во всевозможныхъ формахъ Науки, только эпимъ, мало по малу, выражаешь внупреннее, неисчерпаемое богатство Философін, и слѣдовательно чѣмъ многочисленнѣ взгляды философствующаго ума, чѣмъ разнообразнѣ философическія системы, тѣмъ разностороннѣ объемяется самая идея Философін, тѣмъ полнѣе и глубже обозначается ея недовѣдомое существо.

Самая даже *противоположность и борьба* философическихъ системъ имѣеть глубокое основаніе въ челоѣческомъ духѣ и высокое значеніе въ ходѣ его развитія. Въ силѣ чувствва, непосредственно открывающей намъ сущесивенныя истины, нѣтъ между ими ни противоположности, ни борьбы; у людей съ счастливейшею настроенностію природы, чувствво это можетъ открываться явственнѣе и сильнѣе; но, кромѣ большей, или меньшей степени энергіи, оно однимъ и тѣмъ же способомъ раскрывается у всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ что его пождество у всѣхъ людей составляетъ пождество челоѣческаго рода. Отъ этого сущесивенныя истины, въ своей первоначальной формѣ, формѣ чувствва, повсюду однѣ и тѣ же. Это, можно сказать, золотой вѣкъ мысли. Но какъ только эти истины воспринимаются опченливымъ сознаниемъ, то между ими непременно открывається противоположность и борьба, потому что противоположность и борьба составляютъ существо самаго сознаниа нашего. Въ нашемъ сознаниі, при его развитіи, представляется намъ познающій духъ нашъ и міръ познаваемый; но первое суще-

спивенное отношеніе между ими есть именно отношеніе борьбы и противоположности. Тогда какъ внѣшній міръ вноситъ въ душу свои впечатлѣнія, впечатлѣнія напр. звуковъ, свѣта, холода, онъ ограничиваетъ ими дѣятельность нашего духа, полагаетъ ему предѣлы, какъ что-то чуждое ему; и наоборотъ, духъ, овладѣвъ этими впечатлѣніями, преобразуетъ ихъ, опредѣляетъ ихъ, измѣняетъ въ представленія, понятія и п. д. Отъ этого наше сознаніе есть зрѣлище вѣчной борьбы между духомъ познающимъ и міромъ познаваемымъ, такъ точно, какъ наша физическая жизнь есть не иное что, какъ борьба внутренняго начала жизни съ силами внѣшними, съ силами разрушительными. Духъ познающій борется съ міромъ познаваемымъ, какъ начало свободное съ началомъ несвободнымъ, какъ начало дѣйствующее съ началомъ, подлежащимъ дѣйствію. И эта борьба доходитъ до рѣшительной противоположности, до взаимнаго исключенія другъ другомъ, потому что тамъ, гдѣ есть духъ познающій, нѣтъ уже міра познаваемого, и гдѣ есть міръ, тамъ именно нѣтъ познающаго духа: они совместно бытъ не могутъ. Это какъ бы два противоположные полюса, или лучше сказать, центръ и окружность: духъ познающій — центръ, а предметы познаваемые — окружность; центръ и окружность, раздѣлившіеся изъ точки безразличія и дѣйствующіе взаимно другъ на друга. И однакожь, при этой видимой враждѣ и исключительности, они необходимы другъ для друга, потому что каждое изъ нихъ поддерживается и развивается только другимъ. Опшнимше отъ безпредѣльной

Природы, опъ этого необъятнаго *ме-я* всякое сознающее *я*, тогда вся Природа будетъ безпредѣльною окружностію безъ центра; опнимице всякое *ме-я* опъ сознающаго *я*, тогда погрузится оно въ самаго себя, въ невещеспивенную почку безразличія и покоя. Такъ сущеспивенно необходимы въ сознаниі нашемъ противоположность и борьба между нашимъ духомъ и внѣшнимъ міромъ! — Но поприще этой борьбы еспъ имено то самое поприще, на которомъ суждено дѣйствовать философспивующей мысли. Опъ того, первоначальная противоположность и борьба сознаниі, по непреложному свойству нашего духа, должна выражаться и выражается и во всемъ развитіи Философіи, какъ непреложный законъ самаго ея развитія. Обращаетъ ли философспивующая мысль вниманіе свое непосредспивенно на самую противоположность первыхъ актовъ сознаниі и развиваетъ ея въ Науку? Тогда воздвигаетъ она первую философическую систему, систему дуализма, которая все сущее раздробляетъ на двѣ великія, рѣзко противоположныя другъ другу часпи: духъ и вещество, разумное и неразумное, жизнь и смерть, добро и зло, и по этому сама въ себя носитъ сѣмена вражды и раздора. Оспанавливается ли наше вниманіе на которой нибудь одной изъ сторонъ нашего сознаниі, развиваетъ исключительно явленія нашего духа, или внѣшняго міра? Въ первомъ случаѣ оно даетъ намъ систему рационализма и идеализма; а въ послѣднемъ систему сенсуализма, или эмпиризма; но въ томъ и другомъ случаѣ оно разрушаетъ уже первое созданіе свое — дуализмъ, потому что до-

пускаетъ бышіе одного только начала, во всемъ видить или одинъ только духъ, или одно только вещество; и не только врагами дуализма являюща идеализмъ и эмпиризмъ: они ратуютъ и другъ противъ друга, пошому что это суть противоположности непримиримыя. Всмотривается ли философствующая мысль ближе въ борьбу идеализма и эмпиризма и открываетъ обоюдныя ихъ слабости? Тогда воздвигаетъ она грозный скептицизмъ, который равно поражаетъ основанія какъ рационализма, такъ и сенсуализма, и не только основанія этихъ противоположныхъ системъ, но и достоверность всякаго познанія человеческого. Ослабается ли скептицизмъ одинъ, какъ духъ разрушитель, на печально-опустошенномъ поприщѣ сознанія: тогда философствующая мысль ищетъ убѣжища у того самаго чувства, которому первоначально повѣрены всѣ существенныя истины, и переводя чувство въ понятія, образуетъ философскій мистицизмъ, который, возвышаясь къ первоначалу всякаго бытія и первоосновію нашего сознанія—къ Богу, съ высоты начала всѣхъ началъ поражаетъ скептицизмъ и всякій догматизмъ. Заключается ли наша мысль въ пассивной области квиетизма, неразлучнаго съ мистицизмомъ: тогда вниканіе снова обращаетъ взоръ свой на поприще борьбы между познающимъ дуломъ и міромъ познаваемымъ и снова начинаетъ пошъ же процессъ разрушенія и истребленія, только съ большимъ упорствомъ, съ большею опечелливостію, въ большемъ объемѣ.

И всѣ эти рѣзкія, несогласимыя противополо-

ложности взглядовъ такъ необходимы другъ для друга; эта жестокая и упорная борьба философическихъ ученій такъ нужна и благодѣтельна для полноты развитія нашего разумія! Успранишь изъ сцены сознанія хотя одну изъ непримиримыхъ противоположностей философствующей мысли, значить нарушишь великій законъ равновѣсія въ поступательномъ ея движеніи и пѣмъ разрушишь всю Философію. Успранише изъ сцены сознанія дуализмъ: тогда философствующая мысль не замѣшишь той разительной противоположности, кака выражается повсюду, и въ аспектахъ нашего сознанія, въ борьбѣ духа и міра, и во всѣхъ явленіяхъ неизмѣримаго созданія, — какъ свобода и необходимость, бессмертіе и смертность, необъяснимость и ограниченность, величіе и ничтожество. Успранише реализмъ и идеализмъ, какъ стремленіе къ исключительному единству начала: тогда разумокъ, всматривался въ двуспоронній и враждебный самому себѣ міръ явленій, потеряешь изъ виду пошъ законъ единства и гармоніи (нашего разума), копорымъ примираюпся всѣ видимыя противоположности такъ, что производяптъ одну разнообразную, но спройную игру жизни. Захотимъ ли опвергнуть сенсуализмъ? Мы уничтожимъ систему, копорая возбуждаетъ и пипааетъ вкусъ къ наблюденіямъ надъ Природою, какъ дѣйствительностью самую очевидною; къ тому же — что еще важнѣе — опнимемъ у идеализма его, такъ сказать, изнанку, копорою одвакожь много поясняется онъ самъ, опнимемъ спасительное производѣйствіе, копорымъ удерживается онъ на

покапомъ и скользкомъ пути своихъ предположеній и гаданій. Успранимъ ли идеализмъ? Въ такомъ случаѣ много потерпѣть изученіе и часпнѣйшее уразумѣніе человѣческой мысли и ея законовъ, до которыхъ никакъ не лзя дойти путемъ сенсуализма. И напротивъ, сенсуализмъ, оставленный самому себѣ, безъ противодѣйствія идеализма, умѣряющаго его направленіе, самъ потернелся въ результапахъ, самыхъ ничтожныхъ — въ материализмъ, фапализмъ и аптеизмъ. Не станемъ отвергать и скепцизма, какъ необходимое противоборство припязаніемъ догматизма. Если мы захотимъ философствовать и построивать системы, то крайне нужно помнить, что мы прудимся предъ глазами недовѣрчиваго скепцизма, который потребуетъ у насъ опчета въ основаніяхъ, послѣдовательности и успѣхахъ нашего труда, и однимъ дунсвеніемъ ниспровергнетъ все наше умственное построеніе, какъ скоро оно не опирается на дѣйствительности, на точномъ и спрогомъ методѣ. Но и скепцизмъ пребудетъ сильнаго противоборства. Своею неумолимою діалекткою онъ низвергаетъ въ прахъ и ощущение и идеи и доходитъ до индифферентизма, до насмѣшки надъ всѣмъ человѣческимъ познаніемъ. Нужно тогда явиться мистицизму для воспановленія священныхъ правъ вдохновенія, энтузіазма, вѣры и первоначальныхъ испинъ, которыхъ не даютъ намъ ни ощущение, ни отвлеченіе, ни размышленіе въ своей особности; крайне нужно напомнить, что истина нѣрѣдко изнемогаетъ и погибаетъ и въ выпренностяхъ идеализма и подъ холоднымъ ді-

лекпическимъ допросомъ скептицизма; погибаетъ въ школьныхъ соспизаніяхъ, какъ и среди разсвизности міра, а сберегается и пипается только въ свизпильщѣ души, на жерпвенникѣ религіознаго убвжденія. Наконецъ и миспизцизмъ, мало по малу, изъ ноняшій переходящій въ упонченное чувство, снова пребуещъ возврата мысли въ лоно опщепливаго сознанія. Такъ, въ *противоположностяхъ* философическихкихъ ученій, владычествуетъ разумный законъ. Такъ, въ упорной борьбѣ ихъ, замѣтна глубокая психическая тактика; и только на исперзанномъ лонѣ сознанія вырастаетъ истина въ ея развитіи, какъ на изрыпыхъ нѣдрахъ земли прорастаетъ сѣмя.

Конечно, при взаимной борьбѣ философическихкихъ взглядовъ, философемы людей, самыхъ геніальныхъ, скоро должны изживать вѣкъ свой и уступать свое мѣсто другимъ; но и эпопѣ *упадокъ*, это исчезаніе самыхъ замѣчательныхъ системъ не должны приводить насъ къ осужденію Философій. Цѣлостъ содержанія Философій можетъ быть разсмаприваема нашею мыслию не иначе, какъ только по частямъ; и каждая частная идея, для того, чтобы развиться и проявить существенные моменты, сокрытые въ ея нѣдрахъ, должна быть изучаема въ своей особности и опдѣльности; чтобы познать всѣ изгибы идеи, надлежитъ разсмапривать ее одну, надобно опдѣлить ее опъ всѣхъ прочихъ идей и изслѣдовать ее въ ея началѣ, продолженіи и концѣ; только послѣ этого исключительнаго испыпанія можемъ узнать, что она. Но какъ только развитіе частной идеи исшощено,

какъ только познали ее со всѣхъ почекъ зрѣнія, то ей не оспанелся уже дѣлать ничего; она исполнила свое назначеніе на сценѣ сознанія и должна уступитъ свое мѣсто другой, которая, въ свою очередь, смѣнится новою. Жаловаться ли намъ, послѣ этого, на подвижность идей, а съ тѣмъ вмѣстѣ на безпрерывное измѣненіе системъ, выражающихъ обыкновенно ту, или другую частную идею? Но это значило бы жаловаться на усовершеняемость нашего знанія, на дальнѣйшее поступаніе въ развитіи общаго содержанія Философіи. Все человѣчество должно идти впередъ на пути умственной усовершенности; а философическія оригинальныя системы суть тѣ, болѣе или менѣе свѣтлыя почки, которыми преимущественно обозначается путь умственной жизни человечества. Это торжественныя эпохи, которыми возвѣщаются новые успѣхи человѣческаго вѣдѣнія, новое ошущительное проявленіе безконечной идеи Истиннаго. Правда, что Философія являетъ себя чрезъ то вѣчно зыблемою и преходящею; но въ эпохѣ движенія и прехожденія и состоить жизнь всего конечнаго: и въ Природѣ вещественной — тамъ жизнь ея усыплена и подавлена, гдѣ она коснется въ однихъ и тѣхъ же формахъ бытія. Напротивъ, живая сила органическая измѣняетъ и воспроизводитъ свой организмъ, разрушаетъ его, какъ бы недовольная собственнымъ произведеніемъ и вновь расцвѣщаетъ въ формахъ юной, обновленной. Такъ и въ Философіи, и во всѣхъ человѣческихъ познаніяхъ. Продолжительное господство однихъ и тѣхъ же формъ, и такъ сказать, застою умовъ

есть печальный вѣстникъ одряхлѣнія и изнеможенія умственной жизни. Но непрерывное движеніе мыслей, частое появленіе новыхъ взглядовъ и всегдашнее воспроизведеніе новыхъ системъ и формъ Науки есть вѣрный признакъ жизни мышленія юной и свѣжей. Если же въ Философіи болѣе, чѣмъ въ другихъ Наукахъ, выражается это движеніе и прехожденіе, то это потому, что здѣсь преимущественно ироявляется жизнь нашего духа.

Пусть разнообразіе, борьба и переходчивость философическихъ взглядовъ положены въ существѣ нашего мыслящаго духа, который не иначе можетъ спремиться къ знанію, какъ только переходя отъ одной частности къ другой, отъ однихъ крайностей къ другимъ, противоположнымъ; но при такомъ состояніи философствованія — скажутъ намъ — осуществятся ли когда-либо тѣ пребыванія, удовлетворенія которыхъ по праву должно бы ждаться отъ Философіи, какъ Науки? При этомъ разнообразіи и прехожденіи философскихъ взглядовъ, какое представляется намъ въ Исторіи Философіи, дождется ли когда-либо человечество собственно — Философіи, *единой и стройной системы философской*, — и въ самой Философіи найдетъ ли когда-либо истину, твердую и неизмѣнную, а не временное признаніе чего-либо за истину? При непрерывномъ сполкновеніи и прехожденіи философическихъ системъ, найдетъ ли когда-либо духъ нашъ *миръ и успокоеніе* въ области Философіи, или онъ вѣчно долженъ шуптъ жить въ раздорѣ съ самимъ собою и двигаться по тому же пути несогласимыхъ противорѣчій и

сражашься съ заблужденіями, какъ съ чудовищами, размножающимися опть самаго пораженія ихъ?

Желаніе *едининой*, спиройной философской *системы*, а не разныхъ ученій объ одномъ и томъ же предметѣ, есть самое справедливое желаніе, подкрѣпляемое преобованіемъ нашего разума, признающаго законъ единства и гармоніи. Но если законъ единства и гармоніи выражается только при многочисленности и разнообразіи, то это желаніе не можешь ли найти для себя удовлетворенія въ самомъ разнообразіи существующихъ ученій? Въ разныхъ и съ виду шакъ песпрыхъ фактахъ Исторіи Философій, не дается ли намъ уже самая Философія, единичная и спиройная? — Философія, говоря собственно, не есть эта, или другая отдѣльная система, система Платона, Аристотеля, Канта, такъ точно, какъ человѣчество не есть тогъ или другой народъ въ частности. Философія, въ истинномъ ея значеніи, есть дѣло всего человѣчества: это есть сознательное развитіе всеобщей идеи вѣдѣнія. Идея вѣдѣнія, какъ неиспощимое начало бытія Философій, не есть какое-либо частное понятіе, какая-либо опредѣленная система: это есть совокупная цѣлость человѣческаго вѣдѣнія, совмѣщающая въ себѣ всѣ понятія съ ихъ формами, но только въ совершенномъ ихъ безразличіи, — цѣлость еще сомкнутая въ самой себѣ, не озаренная сознаниемъ, почюющая въ себѣ самой. Въ Философій, идея эта, въ себѣ покоющаяся и безграничная, выступаетъ изъ своего покоя, приходитъ въ движеніе и ограничивается; въ себѣ самой сомкну-

тая, хочетъ развиться изъ своего собственнаго ядра, дабы — по выраженію Гегеля — снова возвратиться къ самой себѣ, *и сдѣлаться тѣмъ, что она есть* (Hegel's Werke. В. XIII. S. 33), т. е. проявить сознательно и раздѣльно то, что она есть тѣмъ и слѣдуетъ, проявить *для себя*, въ действительности, то, что она была *въ себѣ*, въ чистой возможности. Это дѣйствіе возвращенія идеи къ самой себѣ есть высшая безусловная цѣль ея. Все, что ни происходитъ въ области философованія, имѣетъ одну цѣль: чтобы идея, выступая изъ самой себя и отражаясь въ сознаніи, сдѣлалась предметомъ собственной дѣятельности; чтобы познала себя, нашла себя и сдѣлалась *для самой себя*. При этомъ выступленіи идеи изъ самой себя и возвращеніи къ себѣ же, она дивно преобразуется подѣ анализирующими приемами размышленія: единая въ себѣ, она, подобно солнечному лучу, рассыпающемуся отъ призмы роскошною радугою, раздробляется тогда на понятія и мысли отдѣльныя, разныя; чуждая въ себѣ формы, она, какъ Пропей, принимаетъ тогда на себя виды безконечно-разнообразныя; неподвижная въ себѣ, но выступивъ изъ себя, она не успаетъ въ движеніи, пока не возвратится къ себѣ, пока самосвѣдѣніемъ вполне не исчерпаеетъ сокровища, въ ней самой заключеннаго. Но при всѣхъ превращеніяхъ и видоизмѣненіяхъ своихъ она не дѣлается иною. Если она разрозняется, опчуждается себя, выступаетъ изъ себя, то это единственно для того, чтобы лучше войти въ саму себя, войти съ большимъ, опчеплавѣйшимъ самосознаніемъ.

Въ своемъ поступательномъ, и вмѣстѣ возвратномъ движеніи къ своему началу, она оставляетъ слѣдъ, обозначаемый множественнымъ кругомъ, изъ которыхъ въ каждомъ заключающіяся другіе, частнѣйшіе круги; но эти круги, какъ слѣдъ одной и той же почки, разнообразно, но непрерывно движущейся къ самой себѣ, образуютъ одно цѣлое, окружность одного круга; или, что то же, идея всеобщаго вѣдѣнія, въ своемъ развитіи, представляется, какъ почки движенія, различныя эпохи, смыкающія въ себѣ разнообразныя философическія школы, въ которыхъ опять заключающіяся разнообразныя системы, различные взгляды философическіе; но всѣ эти эпохи, секты, системы, понятія, какъ моменты развитія одной и той же идеи человеческого вѣдѣнія, образуютъ собою одну и ту же Философію.

И такъ, эта самая множественность, это самое разнообразіе, какое представляется намъ въ Исторіи Философіи, уже даютъ намъ самую Философію. Всѣ философическія ученія вытекаютъ изъ одной и той же идеи, всѣ ищутъ одного—чтобы проявить во времени и развить эту идею; всѣ стремятся къ одному, чтобы идея, выступившая въ нихъ изъ себя, могла посредствомъ ихъ же лучше найти себя и войти въ себя. Различіе системъ, началъ, взглядовъ есть не иное что, какъ различіе формъ, въ которыхъ облекается одна и та же идея, проявляясь во времени, въ своемъ круго-поступательномъ развитіи свое немыслимое и неисчерпаемое существо. Правда, что безчисленные факты философствующей мысли, разнооб-

разные моменты идеи, разделены по разным временамъ и мѣстамъ, разбросаны по народамъ и эпохамъ, какъ будто нѣтъ между ними никакой связи, никакого соотношенія и единства. Но эта несвязность философскихъ фактовъ, эта видимая случайность ихъ, есть только кажущаяся, мнимая. Каждая въ частности философическая система развиваетъ свою идею, и развивается сама, не наудачу, а обдуманно, съ глубокимъ сознаниемъ необходимости развиваться такъ, а не иначе; и не только развивается сознательно, сама въ себя, каждая порознь система, но и слѣдуетъ одна за другою съ такою же необходимостію, съ такимъ же сознаниемъ необходимости, потому что и послѣдовательность системъ опредѣляется идеєю самовникающей мысли. А всѣ факты философствующей мысли, представляемые намъ ея Исторіею, суть тѣ же самыя частныя системы, развивающіяся съ опредѣленною послѣдовательностію; и потому, при всемъ ихъ разнообразіи и видимой нестройности, всѣ онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ же духомъ, какъ члены одного живаго организма; всѣ сросшены внутреннѣйшею связью и состоятъ въ необходимомъ соотношеніи. И открытъ это необходимое соотношеніе, сознать эту внутреннюю связь самыхъ разнообразныхъ фактовъ философствующей мысли—возможно въ самой Исторіи Философіи. Здѣсь, та же самая мысль, которая въ Философіи стремится къ самосознанію по опредѣленнымъ степенямъ развитія, возвышается надъ самой собою и уразумѣваетъ, какъ стремилась она къ сознанію себя,

что сдѣлала на эпомъ поприщъ, и почему сдѣлала такъ, а не иначе. Если по этому — какъ говоритъ Гегель — очистишь только основныя начала системъ, являющихся въ Исторіи, опъ всего, что принадлежитъ къ видѣней ихъ формѣ и частнымъ приращеніямъ: то мы шодчасъ увидимъ здѣсь различныя степени идеи, опредѣляемыя диалектически; увидимъ шущъ въ реальности, что въ самой Философіи представляется намъ въ частной возможности, такъ, что все многообразіе фактовъ Исторіи Философіи предстанетъ тогда предъ нами, какъ самая послѣдовательная и связанная система Философіи. (Hegel's Werke. В. ХІІ С. 43).

Разнородныя съ виду факты философствующей мысли выражаютъ единичную и послѣдовательную систему Философіи; но что же заключается въ эшой огромной, необъятной системѣ? Въ единичныхъ ея фактахъ *истина* ли кроется, или только заблужденіе? И въ самой истинности ихъ, при ихъ послѣдовательности и безпрепятномъ измѣненіи, тверда ли и неизблема истина, или эшо есть только счастливое мнѣніе, быстро и мгновенно, и за шо не на долго возвышающееся на степень истины, такъ, что вся огромная система Философіи есть только общирное кладбище давно вымершихъ ученій?

Не будемъ приспращны къ философствующей мысли; не скроемъ ея слабостей и недостатковъ. Характеръ идеи есть движимость, развитіе; условіе движимости и развитія — послѣдовательность, частность; условіе частности — ошибка,

заблужденіе, разнообразіе заблужденій. И такъ, всякій разъ, съ появленіемъ на сценѣ міра новой философической системы, какъ частнаго выраженія въ движеніи идеи, всякій разъ человечество встрѣчаетъ новое заблужденіе! Однакожь и ошибка есть одинъ изъ реальныхъ элементовъ мысли, только взятый исключительно, только приспанный мыслию цѣлою; и заблужденіе, какъ односпорность, есть истина же, только истина неполная, а принятая за истину безусловную. Мы не иначе можемъ заблуждаться, какъ только подъ условіемъ мышленія, и слѣдовательно подъ условіемъ сознанія; а сознаніе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, когда находится въ немъ хотя одинъ, необходимый для его проявленія элементъ. Чтoby состоялось сознаніе чего-либо, хотя бы то ошибочное, надобно непременно, чтoby въ немъ находилось усмотрѣніе какой-нибудь реальной вещи, то, есть, какой-нибудь истины. Слѣдовательно заблужденіе наше никогда не есть заблужденіе цѣлое, совершенное; подлѣ заблужденія должна всегда находиться какая-либо истина. И такъ, всякій разъ, съ появленіемъ новой философической системы, какъ частнаго выраженія въ движеніи идеи, человечество встрѣчаетъ не только заблужденіе, но и истину; и слѣдовательно въ фактахъ Исторіи Философіи, или что еще хуже, въ самой Философіи, есть заблужденіе, но есть и истина. Только толь, кто не знаетъ тайны движенія идеи, толь при взглядѣ на такое множество философическихъ системъ, все частныхъ, все односпорныхъ, думаетъ, что родъ чело-

вѣческой всегда заблуждается въ своемъ философствующемъ мышленіи, что его философствованіе есть вѣчный опливъ и приливъ заблужденій; между ними какъ всякое заблужденіе въ движеніи идеи Философіи есть, такъ сказать, часпная шолько форма истины въ преемственномъ чередованіи философическихъ системъ. И это чередованіе ихъ, это происхожденіе въ нихъ истины и заблужденій не есть всецѣлая для насъ упрямка. Всѣ взгляды, всѣ системы и эпохи Философіи, какъ частности и односторонности; разрушаются одна другими и проходятъ; однакожь нѣчто остается при всемъ томъ; остается то, что предшествовало имъ и переживаетъ ихъ, остается человечество. Человѣчество все обнимаетъ, пользуется всемъ и всегда поспѣшаетъ впередъ. И не только человечество, но и самая идея Философіи, съ ея степенями развитія, какъ и всякая другая идея человечества, не погибаетъ въ ея движеніи и осмысленіи. На полѣ сознанія, гдѣ совершается торжественный ходъ ея, мы видимъ не заблужденіе шолько, но и истину, а истина вѣчна, и въ одно время существуетъ не менѣе какъ и въ другое. Тѣла мыслителей, герои-завоеватели новыхъ идей въ Философіи, ихъ временная жизнь — все прошло; но ихъ подвиги, ихъ творенія, ихъ мысли не послѣдовали за ними, потому что ихъ подвиги есть произведеніе въ сѣбѣ сознанія того, что кроется въ недрахъ безсмертнаго духа. И теперь творенія Философовъ, давно сошедшихъ съ сцены земнаго бытія, сложены не въ одномъ храмѣ воспоминанія; и теперь онѣ для насъ также близки

и живы, какъ во время своего происхожденія; и шеперь почерцаемая изъ нихъ мысли, напечатлѣныя въ мысли, сосзавляютъ настоящее бытіе нашего духа!

Въ системахъ философическихъ заключается истина и заблужденіе: какъ же оплчичить ее отъ заблужденія, когда каждая система себя одну выдаетъ за справедливую и предлагаетъ свою особую мѣру истины? Всякая новая Философія возникаетъ съ приписаніемъ не только опровергнуть всѣ прежнія системы, но и замѣнить ихъ, какъ будто бы она наконецъ нашла истину: какъ же достигнуть здѣсь до внутренняго покоя и безопасности убѣжденія? Не слишкомъ ли неблагоприятно было бы искасть этой цѣли только въ философствованіи и чрезъ философствованіе?

Неоспоримо, что Философія не доставляетъ намъ такого покоя, какого ищеть въ ней большая часть людей; и шеперь горько обманулся бы, кто понадѣялся бы найти въ Философіи мягкое изголовье, на которомъ бы можно было опдохнуть отъ изнурительныхъ трудовъ изслѣдованія истины, или безъ напряженія душевныхъ силъ погрузиться въ спокойствіе духовнаго усыпленія: внутренній миръ самоубѣжденія не приходитъ извнѣ, а возникаетъ въ насъ и чрезъ насъ; но по этому же самому шеперь наиболее зыблется волнами противорѣчивыхъ мнѣній, кто не довѣря силѣ собственнаго мышленія, ищеть мира въ авторитетѣ другихъ людей, и слѣдовательно шеперь, кто не философствуетъ. Напротивъ того, мыслящель самостоятельный, Философъ, среди борьбы са-

мызъ противоположныхъ системъ и взглядовъ, въ своемъ собственномъ, внутреннемъ мірѣ умѣешь находить пвердое, непоколебимое убѣжденіе въ истинѣ: борьба философическихъ ученій съ ея переворотами, — не въ немъ, а внѣ его. Даже въ этомъ враждебномъ сполкновеніи мнѣній заключается самое сильное побужденіе къ тому, чтобы дѣйствіемъ собственного мышленія, и слѣдовательно дѣйствіемъ Философіи, возвыситься надъ всѣми пропироврѣчіями взглядовъ и въ себѣ самомъ утвердить единство съ самимъ собою.

3) Наконецъ, нерѣдко осуждаютъ Философію, какъ Науку, со стороны ея *формы*. Въ двухъ отношеніяхъ можетъ быть понимаема форма Науки: какъ внутренняя связь и діалектическое движеніе мыслей — *форма внутренняя, систематичность, методъ*, и какъ определенное выраженіе взглядовъ и понятій Науки въ словѣ — *форма внѣшняя*, оболочка Науки, *языкъ* ея. Обѣ эти стороны формы служатъ предметомъ укоризнъ Философіи. Даже тѣ, которые не отвергаютъ въ ней ни определенности ея содержанія, ни законности способа ея возрѣнія на вещи, осуждаютъ иногда ту спрогую научную форму, какую сообщаетъ Философія мышленію, признають излишними и вредными ея діалектическую систематичность и сухой методъ, къ которымъ шакъ любяшь обращать философіческія школы; еще болѣе осуждаютъ слишкомъ определенную, нерѣдко жесткую шерминологию философскую, ошалеченный, искусственный схематизмъ понятій; однимъ словомъ, осуждаютъ весь формализмъ философи-

ческаго мышленія, какъ безполезный приборъ, мѣшающій только свободному движенію мыслей, и желали бы освободить Философію отъ строгаго логическихъ формулъ ея, дабы привести ее, какъ говорятъ, къ натуральности, простотѣ, общепонятности.

Всѣ эти желанія относительно Философіи, конечно, происпекаютъ изъ хорошихъ побужденій, но не совсѣмъ вѣрны въ своихъ требованіяхъ. Совершенно справедливо, что *строгий методъ*, непреклонная *систематичность*, нѣкопорымъ образомъ сковываютъ мысль, подобно тому, какъ приличіи высшаго общества ограничиваютъ и спѣсняютъ первобытную простоту обхожденія; но стѣмъ не менѣе, строгая систематичность необходима въ Философіи; эта необходимость основана на природѣ нашего познаванія, на преобознѣнїяхъ нашего разсудка и разума. Источникъ всякой истины для человѣка, — истины, разумѣю, зависящей единственно отъ человѣка, есть разумъ, какъ ближайшій хранишель идеи истины. Но мы не иначе можемъ сознавать то, что заключено въ разумѣ, какъ только при посредствѣ логическихъ формъ разсудка, а полное образованіе нашего познаванія по логическимъ формамъ и есть система; такимъ образомъ потребность полноты въ образованіи познаванія сама собою приводитъ насъ къ формѣ системы. Если, по этому, нефилософствующіе умы съ пренебреженіемъ отвергаютъ въ Философіи систематичную форму познаванія, и на каждую систему глядятъ, какъ на ничтожный снарядъ, какъ на пустую формаль-

ность, по тѣмъ самымъ они отказываются отъ истиннаго, строго-научнаго развитія своихъ познаній; хотя впрочемъ и они, въ своихъ взглядахъ, никакъ не могутъ обойтись безъ формъ логическихъ, потому что каждый человекъ мыслятъ по нимъ также необходимо, какъ необходимо каждое растеніе прозябаетъ въ своей формѣ, въ своемъ видѣ. И не одинъ только разумокъ требуетъ систематической формы для нашихъ познаній; еще болѣе глубокое основаніе этой потребности положено въ самомъ разумѣ, такъ какъ и логическія формы мышленія получаютъ свое истинное значеніе только отъ того, что въ нихъ отражаются и освѣщаются первоначальныя законы разума: такъ потребность единства системы опирается на законъ единства разума, какъ высочайшемъ законѣ истины; и только по истинно для человеческого разума, что сообразно съ закономъ единства, что понимается изъ единства и подчинено единству; какъ въ вещахъ, всю ихъ совокупность, мы, по необходимости, мыслимъ въ формѣ одного цѣлаго, одного міра: такъ въ нашихъ познаніяхъ, понуждаемся все ихъ разнообразіе приводить къ одному цѣлому, къ одной системѣ и подчинять ихъ одному началу. Если строгость системы, по видимому, спѣсняетъ свободный порывъ мысли, то это потому только, что она не дозволяетъ мышленію разливаться безопытно, а хочетъ подчинить его разумному закону дѣйствованія; но, говоря собственно, законъ разума не только не спѣсняетъ истинной свободы мышленія, или дѣйствія, но еще укрѣпляетъ ее и

возвышаетъ. Спрогая систематичность Философіи для многихъ кажется слишкомъ искусственнымъ образованіемъ мышленія, и потому не натуральнымъ и излишнимъ. Но вообще, это ложный идеаль натуральности, когда усстраняють отъ себя всякое образованіе и усовершенствованіе посредствомъ Искусства: Искусство не искажаетъ Природы, и для мышленія, искусственное образованіе не неприлично и не излишно: только здѣсь мышленіе находитъ свое высокое, надлежащее усовершенствованіе. И можно ли, въ самомъ дѣлѣ, мышленіе обыкновенное, чуждое образованности и правилъ, движущееся на удачу, признать способнѣйшимъ къ уразумѣнію истины, чѣмъ мысль научно-образованную и развивающуюся въ пріемахъ познания по самымъ спрегимъ правиламъ? Развѣ безопчетное, слѣное вторженіе въ область мыслей было бѣ удачнѣе сознательнаго, искусно направляемаго размышленія?

Съ большею справедливостію подвергается осужденію *внѣшняя форма* Философіи. Образованное общественное мнѣніе требуетъ отъ Философіи (и по праву); чтобы она не уклонялась отъ общаго разумѣнія, какъ будто какая-либо таинственная Наука, доступная только одной ученой кастѣ; чтобы не выключала себя изъ круга жизни своимъ непонятнымъ, искусственнымъ языкомъ, изысканными и ненужными упонченностями. А между тѣмъ, спойтъ только заглянуть въ шворенія нѣкоторыхъ новѣйшихъ Германскихъ Философовъ и ревностныхъ приверженцевъ ихъ формализма, чтобы встрѣтитъ варварски-схоласпическій,

ненатурально объяскиспаленный языкъ, подь которымъ часпо шаяшся, какъ подь непроницаемою броней, сильныя и глубокия мысли; при чпеніи подобныхъ сочиненій не лзя не убѣдишся въ справедливоски жалобъ на невразумительность Философіи, и въ умѣспности шого чувсшва неудовольствія, съ какимъ ошврацающся многіе ошъ шяжелыхъ ея формулъ.

Впрочемъ и эти жалобы справедливы не во всѣхъ ошношеніяхъ; и здѣсь вина нерѣдко падаешъ не сполько на Философію, сколько на шѣхъ, которыя жалуются на особенность и невразумительность ея языка. Философія, какъ и всякая другая Наука, какъ всякое Искусшво, должна по самой особенноти предметовъ своихъ имѣть свой языкъ. И шакъ, несправедливо по шребованіе, чшобы языкъ философскій былъ понятнымъ для всѣхъ и каждаго, по крайней мѣрѣ, чшобы онъ былъ вразумительнымъ даже для шѣхъ, которыя вовсе незнакомы съ предметами философическими, — какъ будшо бы Философію издежало понимашъ каждому, безъ школьнаго, научнаго образования въ ней, пошому шолько, чшо у каждаго человека еспъ расположенность къ философствованію. Не лзя оприцашь, чшо условія, необходимыя къ философствованію, вообще положены въ природѣ человеческого духа, пошому чшо въ каждомъ человекѣ живешъ первоначально сила свободнаго мышленія, въ каждомъ можешъ бышь чистое побужденіе къ вѣдѣнію и въ каждомъ находишся одинъ и шощъ же законъ разума: ошъ чего издревле говорили, чшо человекъ еспъ Философъ по самой природѣ своей. И

однакожь мысль эта только въ половину истинна, потому что не одна расположенность къ философствованію дѣлаетъ Философомъ, а надлежащее образованіе этой обще-человѣческой расположенности. — И не только по свойству предметовъ своихъ Философія должна имѣть свой особенный языкъ, но и по самому способу ихъ разсматриванія. Два есть способа воспринимать предметы уразумѣніемъ и обозначать ихъ свойства: можно воспринимать ихъ со стороны возрѣнія, чувства, желанія — вообще подъ формою *чувственныхъ представленій*, и можно уразумѣвать ихъ рефлексомъ, *подъ формою отвлеченныхъ мыслей, категорій, чистыхъ понятій*. Характеръ мышленія философическаго собственно тотъ, что оно поставляетъ чистыя понятія на мѣсто чувственныхъ представленій, которыя суть только *метафоры* понятій. Отъ того и языкъ философическій преимущественно обращается въ области отвлеченностей, столь необходимыхъ въ Философіи; и здѣсь-то скрывается главнѣйшая причина его невразумительности для многихъ. Причиной тому — частію неспособность, или лучше сказать, *непривычка* мысли отвлеченно, удерживать единственно чистыя мысли и двигаться только въ ихъ области. Въ нашемъ обыкновенномъ сознаніи, духовный элементъ мысли связуется и соединяется съ чувственнымъ, какъ духъ съ плотию; въ самомъ размышленіи и умствованіи мы обыкновенно приносимъ къ нашимъ мыслямъ чувствованія, возрѣнія, представленія; а между тѣмъ совсѣмъ иное дѣло — поставлять самыя же мысли предметомъ

мысли, безъ всякой примѣси чувственныхъ представлений, какъ это должно быть въ Философіи. Другою причиною невразумительности философическаго способа выраженій есть *нетерпѣливое желаніе* имѣть въ формѣ чувственныхъ представлений то, что является въ нашемъ сознаніи, какъ мысль, какъ чистое понятіе. Опъ этого такъ часто говорятъ, что при такомъ-то философическомъ понятіи не знаешь самъ, что должно думать, тогда какъ при этомъ понятіи не должно мыслить ничего, кромѣ самаго понятія. Выраженіе это рождается опъ сожалѣнія объ отсутствіи легкаго, давно знакомаго для насъ чувственнаго представленія. При отвлеченномъ мышленіи и отвлеченномъ же способѣ выраженія мыслей, единственно приличномъ Философіи, у сознанія какъ бы похищается та почка, на которой оно чувствуетъ себя въ надежной, такъ сказать, родной споронѣ; и какъ только находить оно себя перенесеннымъ въ чистую область понятій, то часто не знаешь, въ какомъ мірѣ оно находится. И такъ неудивительно, если языкъ философическій для многихъ, даже нѣсколько знакомыхъ съ предметами Философіи, кажется слишкомъ тяжелымъ и труднымъ; по самому существу дѣла, онъ не можетъ быть столь свѣплымъ и легкимъ, чтобы безъ всякаго напряженія мысли, и какъ бы шупа, можно было понимать его каждому, какъ языкъ Романовъ. Конечно, темнота выраженій не всегда бываетъ слѣдствіемъ глубины мыслей, а происходитъ нерѣдко опъ неясности мышленія у самого философствующаго, и Философія по возможности

должна заботиться о томъ, чтобы не удаляться отъ обширнаго способа выраженія, чтобы не вымышлять безъ надобности своего особеннаго языка, и сколько это можно безъ утраты глубины мыслей, стремиться ко всеобщей понятливости. Но съ другой стороны, стремленіе къ общенародности выраженія легко можетъ перейти въ неосновательность; къ тому же Философія, въ своемъ мірѣ мышленія, нерѣдко упреждаетъ понятія своего времени, и потому для новыхъ мыслей должна изобрѣсти и новый способъ выраженія; въ такомъ случаѣ, при всемъ желаніи быть удобопонятною своему вѣку, она не можетъ не оставаться невразумительною для него, какъ пришлецъ иноязычный. Такова была, при первомъ появленіи своемъ, Философія Канта. Языкъ ея сухой, отвлеченный, но сильный и гениальный, высказывающій мысли новыя и глубокія, долго казался справносію даже для насъ, которые сами могли имѣть припазаніе на имя Философовъ. Но при всей непонятности своей, въ свое время, онъ заслуживалъ и теперь заслуживаетъ не порицаніе, а изученіе, какъ языкъ высреннихъ помысловъ гениальнаго чедовѣка. Если многіе изъ безчисленныхъ послѣдователей знаменитаго мудреца Кенигсбергскаго, не имѣя духа его, хотѣли повторять его звуки, играть его формулами и выраженіями, и впали въ намѣренную непонятность, зашли въ такую темноту, въ которой едва ли понимали и сами себя: то подобнаго рода недостатки философствованія можемъ ли по справедливости спавить въ укоръ самой Философіи?

И такъ, Философія, безпристрастно разсматриваемая въ области Наукъ, имѣеть всё права *на достоинство Науки*, какъ со стороны своего *содержанія*, такъ и относительно *способа*, по которому она разсматриваетъ свое содержаніе, и *той формы*, въ какой выражаетъ свои идеи. Но такова ли она въ области практики? имѣеть ли она свое достоинство и значеніе *въ практическомъ примѣненіи*, котораго по праву можно требовать отъ каждой Науки?

II.

Даже и тѣ, которые не отрицають у Философіи достоинства въ ея собственномъ чисто-теоретическомъ мірѣ, признають ее вредною и опасною въ практическомъ употребленіи; не рѣдко признають ея вліяніе *вреднымъ въ Наукахъ эмпирическихъ и опаснымъ для Религіи и Государства*.

1) Вліяніе Философіи — часто говорятъ тѣ, которые особенно занимаются Науками опытными — вліяніе Философіи, съ ея идеальнымъ, трансцендентальнымъ взглядомъ на вещи, наноситъ рѣшительный вредъ эмпирическимъ Наукамъ, потому что она, произвольно построивъ факты, дѣлаетъ насиліе очевидной дѣйствительности и тѣмъ возвращаетъ эти Науки съ надлежащаго пути и удаляетъ ихъ отъ ихъ истинной, общепользующей цѣли. Такъ въ Наукахъ Естественныхъ — говорятъ защитники эмпірии — Философія, наскоро построивъ Природу изъ числныхъ понятій ума, по-

спавляеть преграду медленнымъ, но основательнымъ наблюдѣніямъ и изслѣдованіямъ наглядности и замѣляетъ ихъ пустою игрою мнимо-созерцательныхъ мечтаній. При изложеніи Исторіи, какъ будто прозирая въ таинственную книгу неисповѣдимыхъ судьбъ Божественнаго міроуправленія, Философія, въ бѣдныхъ ея ошвлеченностяхъ, не только изрекаетъ съ безусловною необходимостію вѣчные законы, по которымъ должны были совершаться событія прошедшія, но и событіямъ грядущимъ предписываетъ опредѣленный ходъ по своимъ умозрительнымъ понятіямъ. Даже Положительнымъ Наукамъ Философія навязала свой умозрительный методъ и породила здѣсь, на пр. пу, такъ называемую Догматику, которая историческую спорную Христіанства поспроеваетъ изъ ума, и положительному Церковному ученію, въ своихъ умозрительныхъ понятіяхъ, даетъ насильственное толкованіе.

Что сказать намъ въ оправданіе Философіи отъ этихъ нареканій на нее? — Дѣйствительно, Философія покушалась иногда поспроевать эмпирическое содержаніе и были, или даже творить ихъ по чистому умозрѣнію; и нерѣдко она величалась тѣмъ, что возвысилась надъ мышленіемъ общаго разсудка, спѣсняющагося даннымъ эмпирическимъ содержаніемъ, и что успѣла возвестись до высочайшаго идеальнаго способа познанія. Такъ уже Фихте, въ своемъ *Наукоученіи*, замышлялъ произвестъ все бытіе изъ чисто-философическихъ началъ; такъ Шеллингъ и Гегель, съ ихъ послѣдователями, покушались своимъ филосо-

фическимъ умозрѣніемъ возвыситься, независимо отъ эмпирическихъ условій, до абсолютнаго вѣдѣнія всѣхъ вещей. Спасаемъ ли защищать это самоуправство Философіи съ бышiemъ дѣйствительнымъ? Какъ ни значительна доля, которую предоставляемъ мы вліянію Философіи на образованіе Наукъ эмпирическихъ, все однакожь не можемъ не допустить, что и она, для собственной пользы своей, пребуелъ опыта, пошому что умозрѣніе философическое даешъ для нашего знанія пошько формы и законы, которыми подчиняются всѣ предметы, а содержаніе нашего познанія получаемъ эмпирически, чрезъ усмотрѣніе; не можемъ не допустить, что философическія познанія суть пошько условія, при которыхъ мы можемъ познавать данные предметы, а не самыя предметы познаваемые; что Философія ничушь не можетъ дать намъ былей, дѣйствительности для нашего познанія, а даешъ пошько законы и сообразный съ ними взглядъ на тошовыя былія, такъ что всѣ факты, всякая дѣйствительность въ нашемъ познаніи имѣетъ происхожденіе эмпирическое. И слѣдовательно, мы никакъ не будемъ оправдывать Философіи, если она переступаетъ зашпную черту раздѣленія между содержаніемъ и формой, между быльми и законами нашего познанія: эмпирія по праву пропивошъствуетъ припзаніямъ на нее экцентрическаго и насильственнаго умозрѣнія. Поняшно, по этому, и простишельно, что столь многіе эмпирики, въ чувствѣ негодованія на злоуредность умозрительнаго метода для Наукъ Точныхъ, недовѣрчиво глядяшь на Философію вообще,

а особенно на примѣненіе ея къ Наукамъ эмпирическимъ, и заключаются единственно въ сферѣ опыта. Впрочемъ, соглашаясь съ эмпириками до известной степени, мы никакъ еще не должны осуждать Философіи. Какъ скоро мы внимательнѣе всмотримся въ ея существо, какъ скоро не станемъ смѣшивать ея злоупотребленія съ ея надлежащимъ употребленіемъ, то мы тотчасъ согласимся, что есть еще другая Философія, которая можетъ находиться съ эмпиріею въ совершенномъ мирѣ и согласіи.

Болѣе важны осужденія Философіи въ томъ, что будто она, питая своемысліе, оскорбляетъ святыню Религіи безвѣріемъ, а питая своеволіе, разрушаетъ установленный порядокъ гражданской жизни.—Правда, что эти обвиненія Философіи, съ постепеннымъ распространеніемъ образованія, и при многостороннѣйшемъ развитіи самой же Философіи, со дня на день становятся рѣже; однакожь и донынѣ еще они позпоряются нерѣдко, и слѣдовательно отвѣтъ на нихъ неизлишенъ.

По словамъ знаменитаго мыслителя Германскаго, *Шеллинга*, ближайшій отвѣтъ на эти упреки, несомнительно, былъ бы слѣдующій: «Чтобы это было за Государство, чтобы это была за Религію, для которыхъ можетъ быть опасною Философія? Будь это дѣйствительно такъ, то лина, въ этомъ случаѣ, должна бы пасть на самую «Религію и Государство.» (Vorlesungen über die Meth. des academ. Stud. Stutt. und Tüb. 1830. S. 183).

При всемъ уваженіи нашемъ къ этому Корифею Германской Философіи, не можемъ не замѣтить, что слова эти только полуистинны. Они верны, если подъ именемъ Религіи и Государства будемъ разумѣть только чистую, опвлеченную идею. Идея истинной Религіи и благоустроеннаго Государства, какъ идея истины вообще, неразрушима и невыблема, въ какомъ бы отношеніи къ ней ни поставялъ себя человекъ; она превыше всѣхъ его заблужденій и спраспей, и не можетъ померкнуть отъ ихъ лучи, какъ лучезарное солнце, далеко вознесенное надъ атмосферою нашей планеты, не можетъ помрачиться ея туманами и облаками. И наоборотъ, та идея Религіи и Государства, безъ сомнѣнія, была бы ложною идеею, для которой могъ бы быть опаснымъ спрогій, исплывающій взоръ здравой Философіи. Но совершенно другое дѣло, когда мы разсматриваемъ идею Религіи и Государства въ ея дѣйствительномъ отношеніи къ человеку, въ ея временномъ проявленіи. Тогда Религія, не есть уже идея самобытная; она заключена въ чувствѣ и помыслахъ человека, а здѣсь, при всей чистотѣ и святости своей, она можетъ въ недѣлимыхъ лицахъ помрачаться и извращаться, какъ и всякое чувство, какъ и всякіе помыслы смертнаго. Тогда и Государственный порядокъ не есть только мысль опвлеченная; это уже дѣйствительная жизнь людей, общественная дѣятельность существъ чувственно-разумныхъ; а попытокъ общественной жизни и дѣятельности людей можетъ приниматься, какъ ложное и гибельное направленіе, такъ и истинное и благошворное. И такъ, если

Религія и Государство, понимаемая въ этомъ, послѣднемъ смыслѣ, признаешь извѣстнаго рода Философію опасною для себя, что вина въ этомъ случаѣ не поспѣетъ еще падать на самую Религію, на самое Государство. Чѣмъ чище Религія, чѣмъ благоустроеннѣе Государство, тѣмъ вреднѣе была бы для нихъ та Философія, которая несообразна была бы съ ихъ духомъ и вела бы къ вольнодумству и своеволію. Но дѣйствительно ли эта опасность предстоитъ Государству и Религіи со стороны Философіи, понимаемой въ истинномъ ея смыслѣ, — это иной вопросъ, на который мы теперь и обратимъ наше вниманіе.

Философическій способъ воззрѣнія на вещи, какъ способъ умозрительный, отличаетъ отъ всѣхъ другихъ родовъ познания свободною дѣятельностію нашего духа. Философское мышленіе, по преимуществу, есть мышленіе свободное. Человѣкъ пробуждается къ жизни, преимущественно, какъ существо чувствующее. Начальная жизнь его, вся преданная чувственнымъ впечатлѣніямъ предметовъ, его окружающихъ, есть не иное что, какъ игра перемѣнчивыхъ *ощущеній*. Собственная самодѣятельность человѣка слишкомъ еще слаба тогда для того, чтобы противодѣйствовать этимъ впечатлѣніямъ съ равною силою, и отъ того долго остается онъ въ состояніи почти совершенно *страдательномъ*. Чувственные воззрѣнія даютъ первую пищу его духу, чувственныя желанія и потребности суть первые двигатели его дѣйствій. Мало по малу чувственно-возбуждаемая жизнь уснаивается въ постепенныхъ формахъ;

принятія впечатлѣнія оставляютъ въ мягкомъ и удобопріемляющемъ духѣ постоянные слѣды; являются привычныя наклонности и пожеланія; переходивыя усмотрѣнія сосредоточиваются въ понятія и образуются въ мнѣнія; жизнь кристаллизуется въ навыкъ. Въ безотчетной привычкѣ, съ разными предразсудками, подрастаетъ тогда духъ человѣческій, и ни одинъ человѣкъ не можетъ избѣжать ихъ въ первые годы своей жизни. Но наконецъ пробуждается въ человѣкѣ, мало по малу, самостоятельная сила его духа и вступаетъ въ борьбу съ чувственностію и привычками, для защиты самостоятельнаго убѣжденія и свободнаго дѣйствованія. И тогда-то зараждается свободное философическое мышленіе. Въ развитіи отдѣльныхъ лицъ, какъ въ Исторіи цѣлыхъ народовъ, всегда выступало къ жизни философическое мышленіе тамъ, гдѣ духъ начиналъ освобождаться отъ узъ чувственности и привычки. И такъ, свободное философическое мышленіе, въ противоположность мнѣніямъ, независимо отъ нашего сознанія и познанія, подъ вліяніемъ чувственности въ насъ образовавшимся, есть мышленіе по преимуществу *самостоятельное*; въ противоположность привычнымъ и безотчетнымъ мнѣніямъ и понятіямъ, оно есть мышленіе, все устремленное къ непосредственному, живому убѣженію въ истинѣ.

Это свободное философическое мышленіе, склоняя взоръ свой на явленія нашего внутренняго міра, потчасъ уразумѣваетъ въ насъ самихъ свободно-дѣйствующее начало, признаетъ въ насъ духъ свободного производителя нашихъ мы-

слей, чувствованій, преднамѣреній и дѣйствій, въ противоположность тому первоначальному его сословію, въ кошоромъ онъ, подавляемый чувственностію, выражаетъ себя только спрда-тельно. Конечно, и безъ философическаго мышленія, и даже прежде его, возникаетъ въ глубинѣ человѣческаго духа чувство собственной свободы, какъ живаго источника нравственной жизни; однакожь къ ясному сознанию приводится это чувство только въ философическомъ мышленіи, какъ свободномъ и прямомъ сознательномъ возвышеніи духа надъ принудительною силою Природы. Но это сознание свободы, производимое самостоятельнымъ философическимъ мышленіемъ, это признаніе духа свободнымъ производителемъ его дѣйствій, какъ добрыхъ, такъ и злыхъ, не имѣетъ ничего общаго съ пресупнымъ *своеволіемъ*; только явная злонамѣренность можетъ смѣшивать два эти понятія, совершенно другъ другу противоположныя. Буйное своеволіе, какъ исчадіе ада, есть плодъ неразумія свободы, этой божественной черты въ нашемъ духѣ; есть слѣдствіе ложнаго, извращеннаго взгляда на существо ея и ведетъ къ самому жалкому униженію разумной человѣческой Природы; а между тѣмъ сознание свободы въ томъ видѣ, въ какомъ понимаетъ ее здравая Философія, и особенно, въ какомъ изображаетъ намъ ее Слово Божественное, ведетъ насъ прямо къ *нравственному настроенію*, и къ разумію нашего высокаго *предназначенія*. Есть сверхчувственный міръ свободныхъ духовъ, кошорые вознесены далеко надъ безсознательною

необходимостию міра физическаго и подчинены другимъ, число разумнымъ законамъ; и мы сами, какъ люди, и. е. какъ свободно-разумныя существа, имѣемъ участіе въ этомъ неземномъ мірѣ: при этой мысли, ясно и живо сознающей, не чувствуемъ ли мы себя вознесенными превыше своихъ корыстныхъ побужденій и мелкихъ расчетовъ эгоизма; не научаемся ли мы тогда особенно цѣнить, какъ высшую спорону нашей жизни, внутреннее значеніе и достоинство нашего духа, и не тогда ли преимущественно станемъ способными къ великимъ подвигамъ, къ дѣламъ безкорыстія и самопожертвованія, которыхъ по праву пребудетъ Опечесство отъ своихъ вѣрныхъ сыновъ? Не при этой ли мысли мы яснѣе сознаемъ свое высокое назначеніе, не тогда ли уразумѣваемъ, что явленія чувственнаго міра должны быть подчинены самодѣятельности нашего духа, а не духъ пребываніямъ чувственности? Не тогда ли убѣждаемся, что не слѣпыя спрашки, а высоко свѣщаяся, какъ звѣзды, на пьверди нашего духа, идеи истиннаго, добраго и прекраснаго должны направлять движенія воли на пути нашего дѣйствованія? И слѣдовательно, не тогда ли особенно побуждаемся съ сознаниемъ и ревностию содѣйствовать внутреннему порядку и благосостоянію Государства, какъ ближайшему практическому осуществленію въ человѣчествѣ идеи добра? — И такъ философическое мышленіе, потому что оно есть мышленіе свободное, и. е. оппорженное отъ чувственности, не только не опасно по своимъ дѣйствіямъ для благосостоянія Государства, а напротивъ того,

оно ещѣ одно изъ надеждѣщихъ и при этомъ самыхъ сознательныхъ психическихъ движеній обществѣннаго порядка.

Съ сознаніемъ свободы и нравственнаго чело-
вческаго предназначенія мысль наша возносится уже надъ предѣлами конечнаго и паритъ къ вѣчному и безусловному. Уже и по внутреннему чувству возвышающіи духъ каждаго, даже необразованнаго чело-
вѣка, надъ этимъ міромъ явленій, съ его конечностію, переходчивостію и несовершен-
ствами, и гадаешь о высочайшемъ, совершеннѣй-
шемъ бытіи, но только въ зыбкихъ и неопредѣ-
ленныхъ предощущеніяхъ сердца. Уже во внутрен-
нѣйшей глубинѣ каждаго неизвращеннаго чело-
вѣка запяено религиозное убѣжденіе естественной вѣры
въ жизнь вѣчную и бытіе Бога, но какъ темное
чуждѣе духа. Философическое, свободно-испыту-
ющее мышленіе хочетъ это неопредѣленное чув-
ство, эту простую, естественную вѣру духа въ
высшій порядокъ вещей возвести до возможно-
яснаго сознанія, до крѣпкаго, оцѣпчивѣйшаго
убѣжденія. А при этомъ выплуненіи изъ перво-
начальнаго чувства, при этомъ испытующемъ
вызваніи въ предметъ простой, естественной
вѣры, философическое мышленіе ни мало не
спановишся противникомъ чувства, разрушителемъ
вѣры, естественной чело-
вѣку, и слѣдовательно оскорбленіемъ Религіи, почіющей преимущественно
въ вѣрѣ. Философическое, свободно-испытующее
мышленіе, при глубочайшемъ вызваніи духа въ
самого себя, пошчасъ открываетъ въ немъ, какъ
первоначальный и высочайшій законъ нашего разу-

ма, полагаемый въ основаніе вѣсьмъ нашимъ убѣжденіямъ, законъ единства и разумной сообразности пворенія съ цѣлію. Но міръ, съ его чувственнопознаваемыми предметами, является намъ въ формахъ разнообразія, пропивоположностей, несовершенства, а слѣдовательно это не есть то истинное бытіе, какого пребують первоначальные, коренные законы разума. Опъ того въ числомъ разумъ, далеко вознесенномъ надъ чувственными условіями познанаія, въ его высшемъ, философическомъ мышленія, проявляется неопразимое требованіе — признавать бытіе Высочайшаго, истиннѣйшаго Существа, въ которомъ находятъ свое полное осуществленіе законы единства и сообразности пворенія съ цѣлями, признавать это бытіе непосредственно, безъ доводовъ, т. е. признавать одною *вѣрою*. Такимъ образомъ философическое мышленіе, выступая изъ первоначальнаго чувства, доходитъ полько до основаній того, что внушаетъ каждому чувство же; исходя изъ простой, естеспвенной вѣры, опянь приходишь къ вѣрѣ же, къ идеальному убѣденію въ бытіи Существа совершеннѣйшаго. Явно по этому, что философическое, свободноиспытующее мышленіе и познанаіе ни чупъ не пропивоположно вѣрѣ естеспвенной; на высшей степени своего развитія, оно не полько не опвергаетъ вѣры естеспвенной, а напропивъ, полагаетъ ее первымъ основаніемъ всякаго возможнаго вѣдѣнія; тѣмъ менѣе философическое убѣденіе можеть пропивоодѣйствовать свяпынѣ Вѣры Опкровенной, къ которой оно обращено вѣсьмъ

существомъ своимъ , попому что , какъ въра первоначальнаго чувства не имѣеть твердости безъ убѣжденія философическаго, пакъ философическое убѣжденіе , безъ Вѣры Опкровенной, естъ только прехожное соспояніе духа, ничѣмъ неудовлетворяющагося ; это взоръ самосознающаго разума, опъ земли, его неудовлетворившей, поскливо обращенный къ небу, въ ожиданіи спшуда высшей, Божественной помощи.

Но Философія , какъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ возбудителей воли къ осуществленію идеи добра въ жизни общеспвенной , какъ сознательная защитница истины противъ неправыхъ припзаний мечтательнаго всезнанія , Философія съ этимъ выпренимъ ея направленіемъ, подумаютъ, естъ удѣлъ не многихъ, а цѣлыя школы и періоды Философіи не рѣдко рѣшиительно проповоспавлялись всѣмъ религіознымъ и нравспвеннымъ идеамъ и явно предавались материализму и эгоизму. Съ перваго взгляда, это справедливо, попому что Испорія человеческой мысли предспавляетъ намъ, дѣйспвительно, самыя рѣзкія противоположности въ ея направленіяхъ. Во всѣ времена встрѣаемъ мы здѣсь великихъ мыслителей, изъ глубины своего духа износившихъ свѣтъ вѣдѣнія, копорый служилъ нупеводною звѣздою для народовъ, невѣдавшихъ истинной Религіи; встрѣаемъ пѣхъ благопворительныхъ Геніевъ, копорыхъ имена сіяютъ и донывъ въ Испоріи человечества, вмѣстѣ съ свѣплыми ихъ мыслями и чувспвованіями. Но видимъ нерѣдко, какъ на поприщѣ міра появлялись цѣлыя полчища дерзкихъ

мечтателей, которые, желая по своему пересоздать человечество, воспламеняли умы своихъ послѣдователей до изступленнаго энтузіазма, презиравшаго все священное въ Религіи и обществѣ. Во всѣ времена Философіи имѣла ревностныхъ защитниковъ истины и достоинства человеческого, имѣла своихъ мучениковъ; но съ другой стороны, появлялись въ ней нерѣдко и низкіе предатели истины, которые даже въ недрахъ обществъ Христіанскихъ хотѣли зародить, и заражали, духъ своемыслія и своеволія. Самый печальный и самый близкій къ намъ по времени примѣръ тому представляетъ Французская Философія, разлившаяся до Революціи, въ школы такъ называемыхъ Энциклопедистовъ, въ сочиненіяхъ Гельвеція, Ла Метри и въ извѣстной *Системѣ Природы*. Это была Философія, рѣшительно погрязшая въ самомъ грубомъ матеріализмѣ, издѣвавшаяся надъ всѣмъ духовнымъ и идеальнымъ, какъ надъ пустыми грезами; Философія, поставившая низкій, чувственныи эгоизмъ основнымъ началомъ человеческой жизни, и такимъ образомъ искажившая нравственность въ самомъ ея корнѣ. Такое легкомысленное нападеніе на все священное и высокое въ жизни не могло не заключать въ себѣ разрушительныхъ элементовъ и въ политическомъ отношеніи; политическія теоріи этой школы не могли оставаться безъ вліянія на Французскую Революцію и бросили сѣмя, изъ котораго произросъ чудовищный Якобинизмъ. Но, такъ какъ это суть заблужденія, зараждающіяся внѣ предметовъ философіческаго мышленія, въ поверхностномъ и потому

не философическомъ умствованіи, но явно, что и это не можетъ быть поспаялемо въ вину самой Философіи. Кто спанетъ утверждать, что это превратное направленіе человѣческой мысли принадлежить къ существу Философіи? Если идея Религіи, добродѣтели и права положены въ природѣ человѣческаго духа, а философическое свободное мышленіе обращено собственно къ внутрениѣйшей природѣ нашего разума, то по самому существу своему, оно должно сознавать и признавать эти идеи; и только опъ пѣхъ, которые, выспунивъ изъ первоначальнаго чувства, остановились на половинѣ пути къ философствованію, которые, заключившись въ безплодной области діалектическаго разсудка, ограничились поверхностнымъ и легкомысленнымъ взглядомъ на вещи, только опъ пѣхъ могутъ укрыться свѣтпозарныя идеи истиннаго и добраго. Чѣмъ глубже проникаетъ мышленіе во внутрениѣйшее существо вещей, чѣмъ болѣе оно принимаетъ форму Науки, чѣмъ болѣе оно дѣлается философскимъ, въ истинномъ смыслѣ этого слова, тѣмъ полнѣй и яснѣй сіяютъ предъ нимъ благошворныя идеи. Гибельное, обращенное противъ Религіи и нравственности ученіе Французскихъ Энциклопедистовъ, не есть порожденіе Философіи; это слѣдствіе того, что легкомысліе и въспренность возобладали надъ Наукою и Философіею; это плодъ въ самомъ корнѣ поврежденнаго образованія, и съ существомъ Философіи не имѣетъ ничего общаго, кромѣ имени. И если первоначальное образованіе Философовъ какого бы то ни было народа зависить

собственно отъ духа и направленія самаго народа, среди кошората являющася они, по зловредный источникъ вольнодумства, разламывающагося изъ сочиненій мнимыхъ Философовъ, выплекаеть собственно не только не изъ Философій, но даже и не изъ умовъ философствующихъ, а изъ глубокаго нравственнаго поврежденія самаго же народа. Всѣ великіе люди, и въ особенности замѣчательнѣйшіе Философы, суть представители своего народа; они, какъ фокусы, только сосредоточиваютъ въ себѣ то, что уже разсыяно въ народѣ, приводя къ сознанію, что и безъ него шайся въ духъ народномъ, только темно и безотчетно. Слѣдовательно, если Философы выражаютъ въ своемъ ученіи вредное и превратное направленіе духа, то это единственно потому, что шайковъ духъ представляемаго ими народа; они возвращаютъ ему то, что приняли отъ него сами, возвращаютъ только въ другомъ, болѣе развитомъ видѣ; это опливъ волны народныхъ же мыслей и чувствованій, только усиленный новымъ напряженіемъ мысли, болѣе могучей и дѣятельной. Только при этомъ условіи философическое ученіе можетъ имѣть значительное вліяніе на самый народъ; только тогда восхищается онъ философическими идеями; только тогда принимаетъ ихъ съ живымъ участіемъ и усваеть ихъ съ восторгомъ, когда находить въ нихъ выраженіе своихъ собственныхъ понятій и чувствованій. Въ противномъ случаѣ, философическія идеи, самыя высокія и свѣплыя, останутся неузнанными, какъ чуждыя духу народному; онъ не примутся въ общественномъ мнѣніи,

какъ распеніе, въ несвойственной для него почвѣ; самыя вняшныя и искреннія вѣщанія Философіи не найдуть себѣ сочувствія, замрутъ какъ одинокій звукъ въ пустомъ проспранствѣ. Вліявіе народнаго духа на духъ Философіи, неоспоримо таково же, какъ и дѣйствіе Философіи на дальнѣйшее развитіе. понятій народа. Такъ всегда было и будетъ съ Философіею; такъ было съ нею и во Франціи въ XVIII столѣтіи. Народъ развращилъ и испорчилъ тѣхъ, которые по дарованіямъ своимъ могли бытъ Философами.

2) Но если Философія, по существу своему, не опасна ни для Вѣры, ни для порядка жизни общественной, то конечно, скажутъ, она и непригодна ни къ чему въ практической жизни, въ которой должно дѣло дѣлать, а не философствовать. Эта мысль о бесполезности Философіи до безмѣрности усилилась въ настоящее время, когда пользу поспамляютъ выше всего, спремаясь преимущественно къ пользѣ и пользою измѣряютъ и оцѣниваютъ все. Справедливъ ли эпитетъ упрекъ, дѣлаемый Философіи въ ея *бесполезности*?

Обращая взоръ на то отношеніе, въ какомъ находится Философія въ теперешней, современной намъ жизни большей части людей, мы приходимъ въ крайнее затрудненіе, когда хотимъ оспаривать едва не общую мысль о бесполезности Философіи. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему пригодна она въ жизни человѣческой? Изъ всѣхъ Наукъ она кажется самад бесполезная Наука. «Тѣмъ, которые посвящаютъ

«ей жизнь свою», говоритъ одинъ замѣчательный мыслитель Германскій, «не доставляетъ она ни «вѣрнаго дохода, ни прибыльнаго мѣста, ни высо-
«кихъ отличій; и въ частномъ выполненіи долж-
«ности не можетъ имѣть она приложенія ближай-
«шаго: не нуждается въ ней непосредственно Бо-
«словъ для того, чтобы проповѣдывать и нази-
«дать другихъ; не обращается въ ней Судья въ
«дѣлопроизводство и рѣшеніи споровъ; не пребудетъ
«ея содѣйствіемъ Врачъ, когда предписываетъ ре-
«цепты; еще менѣе можетъ она помогать въ
«изобрѣшеніи и улучшеніи ремеселъ.»

Такъ, для исключительныхъ практиковъ Фи-
лософія совершенно бесполезна! Но къ чему жъ
самая польза? Какая цѣль ея? Еслибъ отвѣчали на
эти вопросы защитники исключительной по-
лезности, то указали бъ, конечно, или на низшія
только цѣли чувственнаго благосостоянія, или на
безконечный рядъ однихъ средствъ, не приводящихъ
ни къ какой цѣли. И это послѣдній случай
есть собственно истинный характеръ полезнаго:
только то именно полезно, что служитъ сред-
ствомъ къ чему-либо; отъ того сама въ себѣ
польза не заключаетъ никакой цѣли; а между тѣмъ
исключительное стремленіе къ пользѣ, отвергая
всякую другую цѣль, ложно выдаетъ само себя за
цѣль всего, и чрезъ то смѣшиваетъ средства съ
цѣлями жизни. Тогда работа и прибыль предпа-
вляется самымъ главнымъ въ жизни, весь міръ
признается фабрикой, жизнь торговою биржею,
а человекъ рабочею машиною. Только самосто-
ятельный философскій взглядъ на вещи поспѣетъ

открываемъ намъ, что все полезное имѣетъ до-
стоинство только какъ средство къ достиженію
высшихъ, духовныхъ цѣлей жизни; что мы живемъ
не для того только, чтобы работать, а работаемъ
для того, чтобы жить, т. е. чтобы истинно жить,
чтобы осуществлять истинныя цѣли нашей жизни.
Когда же теряются изъ виду истинныя цѣли жизни,
когда польза поставляется выше всего и при-
знается мѣрою для оцѣнки и обсуживанія всѣхъ
прочихъ вещей, тогда не погибаетъ ли все высо-
кое и благородное въ жизни народа, вся энергія
его духа? Изобрѣшеніе паровыхъ машинъ, устрой-
еніе чугунныхъ дорогъ, становится тогда гораздо
важнѣе, чѣмъ самыя значительныя открытія въ
области Наукъ, и неупомимая заботливость че-
ловѣка промышленнаго благороднѣе, чѣмъ вдохновен-
ный подвигъ самопожертвованія для высшей идеи
жизни; гдѣ все измѣряется единственно пользою,
жизнь и бытъ не можетъ геройскихъ под-
виговъ безкорыстія, самопожертвованія, и вообще
истинно великихъ характеровъ. Такъ исключи-
тельное стремленіе къ пользѣ становится, по
своимъ непремѣннымъ слѣдствіямъ, не говорю без-
полезнымъ, а вреднымъ и губительнымъ для духа
народнаго!

Неоспоримо, что стремленіе къ пользѣ, огра-
ничиваемое должными предѣлами, составляетъ одну
изъ существенныхъ потребностей человѣческой
жизни. Но потому только одному, что Философія
не подходитъ подъ категорію вещей непосред-
ственно полезныхъ, должно ли отвергать и уни-
жать ея значеніе для жизни человѣческой? Идея

пользы естъ первая изъ идей , надъ осуществленіемъ копорой должно прудиться челоѳчеству ; но кромѣ идеи пользы естъ еще въ разумной челоѳческой природѣ нѣчто высшее, нѣчто существенное для нашего духа , къ развишію и уясненію чего онъ долженъ спремиться непреспанно. И въ самомъ дѣлѣ , челоѳкъ поставленъ на землѣ , въ мірѣ не только чуждомъ для него, но и враждебномъ ему. Скоро изнемогъ бы слабый организмъ челоѳка подѣ разрушительнымъ вліяніемъ міра спихійнаго, если бы челоѳкъ предался ему безошчепно , какъ рабъ послушный. Но челоѳкъ научается пропиво-поставлять свою собспвенную силу, силу разумнія в свободной воли, силѣ внѣшней Природы и, мало по малу, побораешъ ее, поржешвуешъ надъ нею и являешся ея самоспояпелнымъ владыкою. Успранія препяшспвіа , ему вспрѣчающіяся, измѣняя дѣйствія и явленія Физическаго міра , преобразуя , пересозида я ихъ въ свою пользу , онъ пворитъ мало по малу Художество: первая побѣда челоѳческой воли надъ силами Природы ! Измѣряя проспранство, его окружающее, исчисляя предметы, ему предспавляющіеся, и замѣчая ихъ свойспва и дѣйствія , онъ кладешъ основаніе Наукамъ Математическимъ и Физическимъ ; и вопъ новое поржешство челоѳка, — поржешство его разумнія надъ тайнами Природы внѣшней ! Эша побѣда челоѳка, мало по малу одерживаемая надъ Природою , эшо болѣе и болѣе возрастающее поржешство надъ враждебными ея силами, естъ постепенное развишіе въ челоѳчествѣ первой существенной ему идеи — идеи *полезнаго* ! Славна эша побѣда его ; но еще

далеко не удовлетворяетъ она требованіямъ его духа. Сквозь глубокую тьму спрасшей первоначальнаго, еще неустроеннаго общества, какъ молнія, пропорогаешся въ сознаніе человѣка, лучъ новой свѣтлозарной идеи—идеи *Правды*; сильнѣй и сильнѣй поражая вниманіе человѣка, наконецъ зароплетъ эта идея въ сердцѣ его неопразнкую потребность осуществитъ ее на дѣлѣ. Тогда является общество гражданское и политическое, какъ осуществленная правда, какъ правда на дѣлѣ. Торжество правды надъ неустроенною общежительностію человѣческой уже блистательнѣе побѣды человѣка надъ силами Природы физической, но не предѣлъ благороднымъ его стремленіямъ. При внимательномъ взглядѣ человѣка на вѣшнюю Природу, онъ пошчасъ поражаетъся ея величіемъ и красою, поражаетъся величіемъ и красою при взглядѣ на океанъ безбрежный, на громады горъ исполинскихъ, при видѣ свѣтлаго звѣзднаго неба, или спройной и величественной фигуры человѣка. Тогда пробудилась въ немъ самоеъ идея *Изящнаго*. Овладевъ ею, человѣкъ развиваетъ ее, очищаетъ и возвышаетъ въ своихъ мысляхъ, и въ творческой фантазіи является идеаль красота, предъ копорымъ блѣднѣетъ и тускнѣетъ красота опдѣльныхъ предметовъ міра дѣйствительнаго. Тогда пересозидаетъ человѣкъ предметы, пробудившіе въ немъ идею *Изящнаго*, по собственнй идеѣ красота и творитъ ихъ еще прекраснѣе. Это міръ *Искусства*. Но и этотъ міръ *Изящнаго* не достаетъ очень для человѣка. Превыше міра *Художества*, общежитія и *Искусства*, человѣкъ усматриваетъ Бога.

Сознаніе Бога, олицнаго оцъ міра, но являющаго свои совершенства въ мірѣ,— это *Религія* естественная. Но человекъ чувствуетъ въ себѣ еще новую потребность, потребность дань въ предметахъ своего вѣдѣнія отчесть самому себѣ: это пробужденіе въ немъ идеи *Истиннаго*. Но дань отчесть самому себѣ возможно только при одномъ условіи, при условіи анализа, разложенія того, въ чемъ желаемъ дань самимъ себѣ отчесть, при условіи преобразования въ чистыя помятія того, что подвергается изслѣдованію духа. И такъ за естественною Вѣрою человекъ, за этимъ просшимъ движеніемъ человѣческаго сердца, слѣдуетъ вниманіе, рефлексъ. Но какъ только предался человекъ углубленію, анализирующему размышленію, какъ только мысли своей подчинилъ свою же собственную мысль, то въ это самое время рождается уже въ его духѣ *Философія*. Достигла ли мысль самой себя? Она достигла своего крайняго естественнаго предѣла. Конечно, она можетъ озариться высшимъ свѣтомъ Опирочной Религіи: но это не есть степень ея собственного развитія, а дивная Божественная помощь человѣческому роду. И такъ Философія есть высочайшее порожество человѣческой природы, порожество мысли надъ самой собою, вникаемое свидозариною идеею *истиннаго*! Удивительно ли послѣ этого, что для искашеней обыкновенной пользы, Философія кажется рѣшиительно *безполезною*? Область Философій далеко вознесена надъ областью пользы съ ея прибылью и расчетомъ, такъ же точно, какъ выше этой области ея все великое и завѣрное въ

жизни человѣчества: добродѣтель, Искусство, Религія!

Впрочемъ, когда говоримъ мы, что Философія выше области обыкновенной пользы, то, по этому только, мы еще ни мало не соглашаемся съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, будто Философія не имѣетъ никакой цѣны практической. Не доставляя намъ выгоды жизни обыкновенной, она не оспаривается бесполезною для той высшей жизни человѣка и человѣчества, къ которой сама относится она, какъ одно изъ лучшихъ ея проявленій. Тамъ, на свойственной для нея почвѣ, не оспаривается она бесплодною такъ же, какъ не оспаривается бесплодными для человѣчества проявленіе идеи Справедливаго въ устройствѣ Государствъ, низведеніе идеи Изыскаго въ мѣръ дольный, осуществленіе идеи Святаго, идеи Религіи во всѣхъ помыслахъ и дѣйствіяхъ человѣка. Философія, по существу своему, есть чистая любовь къ мудрости, есть стремленіе духа къ сознательному уразумѣнію истины: а кто познаніе истины назоветъ бесполезнымъ?

Если же, когда-либо, опыты показываютъ, что Философія оспаривается безъ видимаго вліянія на жизнь человѣка во всѣхъ ея отношеніяхъ: то это зависитъ не отъ Философіи, а отъ мнимыхъ *представителей ея и тѣхъ, для кого представляется она бесполезною.* Свѣтлое созерцаніе высшихъ идей человѣческой природы дается не каждому человѣку самою Природою. Только избранныхъ своихъ она вводитъ въ то недоступное для другихъ святилище, гдѣ почиетъ идея вѣчной кра-

сопы; только посвященнымъ въ ея таинства открываетъ она облакъ изящества неземнаго, и по только въ немногія, рѣдкія минушы вдохновенія; только своимъ любимцамъ позволяеть Природа возноситься до созерцанія идеаловъ Прекраснаго и возвѣщать о нихъ міру дольному, по въ гармоническихкихъ звукахъ, по въ стройныхъ и плавниельныхъ формахъ. Такъ и въ Философіи. Идеи Истиннаго, какъ существенное и неоскудѣвающее содержаніе ея, такъ глубоко положены въ недрахъ нашего собственнаго духа, такъ зависы предъ нашимъ собственнымъ сознаніемъ, что многіе усомнились даже въ дѣйствительности бытія ихъ. Потребна особенная сила и крѣпость духа, дабы низойши въ глубину его, озарить ее своимъ сознаніемъ, развить хотя одинъ изгибъ въ завѣшномъ свѣтѣ нашихъ идей, постигнуть смыслъ хотя одной черты въ необъятной книгѣ истины, и тѣмъ явить себя достойнымъ дѣятелемъ на поприщѣ Философіи, свѣше призваннымъ жрецомъ въ ея храмъ. Но эта сила и крѣпость разумнія дается не многимъ. И изъ этихъ не многихъ всѣ ли пытаются свое предназначеніе? Изъ тѣхъ, которые темно ощутили въ себѣ высшіе порывы духа, тайное влеченіе къ любомудрію, всѣ ли могутъ, среди неумолимыхъ обстоятельствъ вѣшной жизни, предаться этому благородному спремленію духа? Изъ числа тѣхъ, наконецъ, которые могли бы, при внутреннемъ воззваніи, постышиться въ храмъ любомудрія, многіе ли рѣшаются на это дѣйствительно? Не часто ли человекъ бѣгаетъ именно того, для чего создала его Природа? Не

часто ли, какъ бы на перекорь ей, во всю жизнь свою ищеть занятій и успѣховъ именно въ помъ, къ чему отказала Природа въ способности нущевной? Что жъ должно произойти тогда съ Философіею? Одни не сознали въ себѣ внутренняго призванія къ ней; другіе не поспѣшили по этому зову: и воптъ являюцца нерѣдко самозванцы-Философы, люди беспаланные и бесполезные для Философіи, собственнымъ недостоянствомъ безславящие имя ея въ мнѣніи общемъ, какъ имя Науки бесплодной; непризванные пророки, они выдаюць мечпы своего слабаго, незрѣлаго духа за свѣпное видѣніе истины, и звуки собственного неспройнаго голоса за ея небесныя вѣщанія.

И не одни только мнимые предспавипели Философіи дѣлаюць ее бесплодною для людей, какъ софізмъ пустоцащпный. Философія еспть самое нѣжное распеніе, пребующее не только почвы ему приличной, но и атмосферы благопріятной. Мнѣніе публики — это атмосфера Наукъ вообще, и Философіи въ частности. Только тамъ роскошно развивается она, цвѣщептъ и приноситъ плодъ свой, гдѣ находятъ общее къ себѣ вниманіе и участіе, общую расположенность и надлежащее содѣйствіе. Напротивъ того, она скоро гложнесптъ среди общихъ предубѣжденій противъ нея, преждевременно упадаесптъ цвѣптъ ея опть равнодушія къ ней, и скудный плодъ ея кажесптъ дикимъ и невкуснымъ безъ теплоты сердечнаго въ ней участія. Это непременно: гдѣ общее мнѣніе признаесптъ Философію бесполевною, тамъ она и дѣлаесптъ бесполезною, вопреки ея собственной природѣ.

Съ другой стороны, Философія нерѣдко представляется бесполезною потому, что ожидаютъ и пребываютъ отъ ней не того, чего можно и должно требовать отъ ней; пребываютъ, на пр., чтобы Философія, въ Психологіи, научила разгадывать душу такого, или другаго человѣка, въ частности; чтобы она, въ Логикѣ, выучила написать то, или другое сочиненіе; чтобы она, въ Меттафизикѣ, пошгчасъ пояснила намъ какія-либо частныя явленія Природы въ ихъ ближайшихъ причинахъ и слѣдствіяхъ; однимъ словомъ, желаютъ, чтобы Философія дала намъ свои наставленія для всякихъ, хотябы-то самыхъ мелкихъ и незначительныхъ обстоятельствъ жизни. Но Философія не занимается и не можетъ заниматься этими частностями: она разсмащриваетъ только общія формы, общіе законы всякаго бытія, а приложеніе ихъ къ даннымъ частностямъ зависитъ не отъ нея; примѣненіе, и особенно удачное ихъ примѣненіе къ случаямъ, пребуешь еще особаго умѣнья и знакомства съ опытностію. Къ чему же именно, спросать насъ, годятся Философія? Какую доставляетъ она людямъ пользу, хотябы-то высшаго разряда?

3) Говорить о пользѣ Философіи значитъ обращаться, нѣкоторымъ образомъ, къ общимъ мѣстамъ рѣчи. Но для тѣхъ, которымъ непременно нужна польза во всемъ, коснемся здѣсь и этой стороны Философіи, скажемъ хотя нѣсколько словъ о ея пользѣ относительно *другихъ Наукъ и жизни дѣлательной*.

Мы сказали, что Философія занимается только общими законами и формами бытія. Легко могутъ

подумать, что отношеніе Философіи къ *другимъ Наукамъ* ограничивается, по этому, однимъ только вліяніемъ на нихъ чисто логическимъ. И многіе эмпирики дѣйствительно вѣрають, что они оказали совершенное уваженіе достоинству Философіи, когда признали полезными для Опытныхъ Наукъ ея строгаго логическія формы, ея опредѣленія, раздѣленія, систематичность, оставляя неприкосновеннымъ для нея самое содержаніе этихъ Наукъ. На пр., Испытатель Природы увѣренъ, что онъ совершенно философически развилъ свою Науку, когда своихъ заѣрей, свои растенія и минералы распредѣлялъ по классамъ и разрядамъ въ строгаго логической формѣ. Конечно, и эта форма значить уже весьма много для Опытныхъ Наукъ, потому особенно, что приводитъ къ ясному порядку и легчайшему обзору накопленные опытностію матеріалы; однакожь, употребленіемъ логическихъ формъ мышленія не ограничивается вліяніе Философіи на другія Науки. Она имѣеть еще гораздо важнѣйшія формы и глубочайшіе законы, — формы и законы *метафизическіе*, формы и законы мышленія только, но и самаго бытія. Въ нихъ-то даетъ Философія тѣ условія, при которыхъ вообще возможно для человѣческаго познанія эмпирическое бытіе; и въ нихъ-то получаютъ эмпирическія Науки высочайшія начала, отъ которыхъ должны вышупать всѣ ихъ объясненія и теоріи.

Видѣть съ этимъ открывається, что всѣ частныя, эмпирическія Науки болѣе или менѣе нуждаются въ Философіи; что всѣ онѣ должны обращаться къ ней, въ ней искать и въ ней на-

ходишь свои высшіе законы и умственную для себя основу. Такъ Естественное знаніе должно изъ Философіи почерпнуть свою Философію Природы, Исторія — свою Философію Исторіи; Филологія — философическое ученіе о словѣ, Юриспруденція — Естественное Право, Полишика — философическое ученіе о Государствѣ, Медицина — свои системы и теоріи, основанныя на Философіи Природы. Не входя въ подробное объясненіе вліянія Философіи на каждую изъ этихъ Наукъ, коснемся здѣсь только тѣхъ, которыя признаются главнѣйшими въ нашихъ Факультетахъ, каковы: *Естествознаніе, Исторія и Правовѣдѣніе.*

Богатство и полнота явленій Природы, конечно; ближайшимъ образомъ познаются только возрѣніемъ и наблюденіемъ, и эта эмпирическая опора не можетъ быть опнимаема отъ Наукъ Естественныхъ. Кто не согласится, что необыкновенные успѣхи этихъ Наукъ въ новѣйшія времена были плодомъ неунынныхъ наблюденій, неутомимаго собранія фактовъ, осматривательныхъ опытовъ, а не умозрѣнія, такъ часто перывшагося въ безплодныхъ построеніяхъ? И однакожь, тѣмъ не менѣе, Науки Естественныя должны обращаться къ Философіи. Наука, собственно, есть подчиненіе частнаго и разнообразнаго закону единства, и потому Естественныя Науки должны пояснить всѣ отдѣльныя явленія Природы изъ общихъ ея законовъ, должны имѣть *теорію Природы.* Но каждая теорія предполагаетъ общіе и необходимыя законы прежде былей, которыя должны быть еще поясняемы; и слѣдовательно должна существовать

Философія, или лучше сказать, *Метафизика Природы*, копорая независимо опъ опыта, изъ числаго разума поставляла бы всеобщіе и необходимые законы Природы. Эпимъ не пребуется для *Наукъ Естеспвенныхъ* философическое построение *Природы*, а только теоретическое объяснение эмпирическимъ явлениямъ. И истиннымъ методомъ для такого объясненія въ *Наукахъ Естеспвенныхъ* признаемъ не движеніе синтеза опъ началъ и законовъ къ былымъ, опъ причинъ къ дѣйствіямъ, а обратный, аналитическій путь, восходящій опъ особыхъ случаевъ къ правиламъ общимъ, опъ дѣйствій къ ихъ причинамъ: однимъ словомъ, не умозрѣніе, а *наведеніе*. Но и самое наведеніе, какъ учить *Логика*, возможно попому только, что уже предполагаются общіе законы, къ копорымъ были могутъ быть сводимы. И что, въ самомъ дѣлѣ, побудило бы насъ при взглядѣ на измѣненіе Природы, доискиваться причинъ, еслибъ до того еще не имѣлъ значенія въ нашемъ духѣ законъ причинности? Такимъ образомъ, даже метода *Наукъ Естеспвенныхъ* предполагаетъ бышіе рациональной основы, предполагаетъ *Философію Природы*.

Гораздо пруднѣе, кажется, подчинить всеобщимъ и необходимымъ законамъ *Философіи* частныя были *Исторіи*. Въ *Природѣ* господствуетъ необходимость, копорая сама собою приводитъ насъ къ общимъ и непремѣннымъ законамъ явленій; а *Исторія*, напротивъ, еспъ дѣло человеческой свободы, рядъ свободныхъ дѣйствій людей: какъ же опредѣлить ее по общимъ и необходимымъ за-

конямъ философическимъ безъ уничтоженія чело-
вѣческой свободы? И однакожь, свобода въ себѣ,
идеальная свобода, ни мало не уничтожилась, когда
дѣйствія людей, какъ явленія, будутъ подлежать
закону необходимости. Воля челоувѣческая свободна
въ идеѣ, но въ своихъ временныхъ проявленіяхъ
она подпадаетъ подъ законы міра явленій, законы
Природы; эти только проявленія вносятся въ
Исторію. Свобода сама въ себѣ вовсе не имѣетъ
Исторіи; она всегда одна и таже; только явленія
свободы измѣняются, и только они образуютъ
міръ Исторіи. Еслижъ Исторія челоувѣчества есть
рядъ временныхъ проявленій челоувѣческаго духа,
то и она, какъ Природа, должна быть цѣлостію,
связнымъ организмомъ, и ея частныя были, слѣ-
довательно, могутъ поясняться изъ общихъ зако-
новъ, изъ теорій, какъ и явленій Природы. Эта
идея и задача есть исходная точка *Философіи
Исторіи*.

Историческіе факты, какъ и явленія Приро-
ды, познаются конечно опытомъ; но для совер-
шеннаго знанія еще недостижимо этого. Простой
разказъ историческихъ былей еще не можетъ
имѣть приязанія на Науку. Истинная Наука Ис-
торіи не есть только хронологическое размѣщеніе
событій, простой перечень именамъ Царей, вож-
дей и героевъ, списокъ войнъ, пораженій, изобрѣ-
шеній, несправъ смѣсь замѣчательнѣйшихъ проис-
шествій: только единство и порядокъ, планъ и
идея, приведенныя къ ясному сознанію, дѣлають
Исторію нѣмъ, чѣмъ быть она должна, дѣлають
Наукою. А это возможно только подъ вліяніемъ

высшихъ законовъ Философіи Исторіи. Но законы, по которымъ она хочеть опредѣлить въ Исторіи движеніе событій, не суть законы вѣчнаго, идеальнаго міроуправленія, а естественные законы развитія человѣчества; она не можетъ высказать намъ Божественные планы о родѣ человѣческомъ, а научаетъ только, по какимъ законамъ развивается человѣчество, сообразно собственной природѣ его; она не построиваетъ Исторіи умозрительно, а только поясняетъ ее мало по малу, изъ законовъ человеческой природы. И слѣдовательно истинная, разумная основа для Исторіи есть *Антропология*, во всемъ ея объемѣ. Кромѣ антропологическихъ, или иначе теоретическихъ законовъ, Философія Исторіи содержитъ въ себѣ еще *практическіе законы*, по которымъ должны быть обсуживаемы историческія дѣйствія, какъ опредѣленныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ и временъ. Это законы нравственныхъ цѣлей, тѣ вѣчныя идеи истины и добродѣтели, которыя ведутъ челоѣка и человѣчество къ высшему ихъ назначенію: въ нихъ только можно найти истинную мѣру для практическаго обсуживанія Исторіи; въ нихъ сокрытъ тотъ зиждительный элементъ, которымъ все распределяется въ Исторіи, безъ котораго все сплывається и смѣшивается, или представляется только мертвою необходимостію Природы. Слѣдитъ постепенное осуществленіе высшихъ нравственныхъ идей въ Исторіи человѣчества, уловивъ единство свободнаго, духовнаго человѣчества,— это настоящая задача истиннаго, ш. е. философствующаго Историка.

Философическій элементъ необходимъ и для *Правовѣдѣнія*, будетъ ли оно разсмапривать предметъ свой догматически, или исторически. При догматическомъ направленіи, Правовѣдѣніе оспанавливается, такъ сказать, на буквѣ закона, и довольствуется тѣмъ, когда данный матеріаль опдѣльныхъ законовъ распределенъ по строго логической формѣ и поняты смыслъ ихъ по первому взгляду и умозаключенію. Но подобное воззрѣніе на законъ недоспапочно, ни для приложенія его къ дѣлу, ни для Науки и Законодательства. Кпо хочеть правильно прилагать законы къ случаямъ, пошь долженъ напередъ выразумѣть ихъ вполне; но истинное уразумѣніе дается только Наукою, выводится изъ началъ; а послѣднія начала для уразумѣнія Положительнаго Права извлекаются изъ философическихъ понятій о Правѣ. Истинный смыслъ закона заключается не въ буквѣ, а въ духѣ его. Но духъ законовъ постигается частію изъ историческаго ихъ происхожденія и образованія, а частію, и даже преимущественно, изъ идеи Права, первоначально почіющей въ духѣ человѣческомъ, и изъ основныхъ философическихъ понятій о Правомъ. Въ этомъ отношеніи, такъ называемая Историческая Школа имѣеть уже значительнѣйшее достоинство предъ догматическою, пошому что старается постигнуть внутренній смыслъ закона изъ связи его съ прошедшимъ, изъ народнаго духа и изъ первоначальной Природы учрежденія Правъ. Но и это направленіе Правовѣдѣнія недоспапочно и неполно безъ участія элемента рациональнаго. Законовѣдѣніе Исторической

Школы есть только средина безъ начала и конца, опрывокъ безъ почки исходной и конечной цѣли. Школа эта слѣдитъ за историческимъ развитіемъ Права и предполагаетъ бытіе и цѣнность его, какъ фактъ историческій; но она не изясняетъ, какъ вообще Право переходитъ въ Исторію, какое происхожденіе его въ человеческой Природѣ, куда стремишься его развитіе, къ какой цѣли движешься оно? Это почерпается только изъ первоначальной идеи Права, которая положена въ человеческомъ духѣ прежде всякой Исторіи, восходитъ далѣе всякой Исторіи и указываетъ ей путь и цѣль ея движенія. Что Права имѣли и имѣютъ свое значеніе въ человеческой жизни, объ этомъ знаетъ Историческая Школа; но почему они имѣютъ и должны имѣть значеніе, на какомъ основаніи утверждаются они, — это только философствующій Юристъ можетъ показать изъ Философіи Права; только онъ увидитъ, что Право основано на личномъ достоинствѣ людей, какъ существъ разумныхъ, и происходящъ изъ одного источника съ идеей добраго вообще, что это есть не вѣшняя и физическая, а внутренняя и нравственная сила, которая подчиняется человѣкъ по нравственнымъ же побужденіямъ.

Таково вліяніе Философіи на другія Науки! Но этимъ еще далеко не ограничивается ея польза, проспирающаяся на всю *жизнь чловѣка* съ ея высшей стороны. Содѣйствуя умственному образованію духа, Философія не хочетъ оспаваться только мертвымъ знаніемъ, а хочетъ жить и выражать себя въ чувствованіяхъ, намѣреніяхъ и

послупкахъ, потому что всякое знаніе, а шѣмъ болѣе знаніе высшее, состоитъ въ живомъ соотношеніи съ сердцемъ и волею. Конечно, есть случаи жалкаго искаженія Природы, когда знаніе вовсе отрывается отъ вліянія на осязательныя дѣйствія духа и распоргаетъ связь съ жизнію сердца. И Исторія представляеть намъ не мало примѣровъ того, что и Философія уснаряла себя отъ практической жизни, пераясь въ безплодныхъ ученіяхъ, въ пустыхъ оплеченностяхъ. Но здравая Философія, и припомъ въ здоровомъ духѣ, всегда была и есть практической въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова; не перая изъ виду своего отношенія къ жизни и ея цѣлямъ, она дѣятельно помогаетъ ихъ осуществленію своими свѣдѣніями понятіями. Открываетъ ли намъ Философія познаніе Истиннаго—сущности, основы всѣхъ вещей? Это познаніе въ здоровомъ духѣ дѣйствуетъ и на сердце, отторгая его отъ всего мелкаго и ничтожнаго и направляя къ истинному и существенному. Приводитъ ли насъ Философія къ убѣжденію въ бытіи высшемъ, нежели земной міръ съ его переходчивыми явленіями, къ бытію вѣчному, Божественному? Тогда вноситъ она въ нашу душу миръ и спокойствіе, возвышаетъ ее надъ всѣмъ скоро гнущимъ и воспламеняетъ любовію къ небесному. Уясняетъ ли въ насъ Философія сознаніе о высшемъ предназначеніи нашей жизни? Этимъ самымъ она возбуждаетъ волю къ его осуществленію, побуждаетъ ее къ чисто-нравственному способу дѣйствованія. Если цѣль философическаго мышленія состоитъ въ томъ, чтобы вознесшися

до созерцанія гармоніи Вселенной, по бытъ не можеть, чѣшобъ Философія не отразила эшой гармоніи въ жизни челоѡѡка; чѣшобъ она не привела въ согласіе съ высшею цѣлію Вожеспивеннаго міро-правленія мыслей, чувствованій, желаній и дѣйствій того, чѣи взоры обращены къ созерцанію эшой гармоніи. «Невозможно»—говоритъ Платонъ—«не-«престанно приближаться къ предмету съ любовію «и удивленіемъ, и не желать уподобиться ему. «Отъ того Философъ, обращенный къ тому, что «Вожеспивенно и подчинено закону гармоніи, и въ «себѣ отражаетъ эшу гармонію и все Вожеспивен-«ное, сколько эшо возможно для челоѡѡка.»

Еще важнѣе по посредственное, однакожъ сущеспивенное вліяніе, какое имѣетъ Философія на жизнь челоѡѡческую въ связи съ *Религіею*, *Нравственностію* и *Искусствомъ*. Три свѣшозарный идеи сіяютъ на инверди нашего духа: идея Испиннаго — въ нашемъ разумѣ, идея Прекраснаго — въ силѣ чувствования и фантазіи, идея Добраго и Свяшаго—въ сердцѣ и волѣ. Отсюда—Наука, Искусство, Нравспвенность и Религія, какъ сущеспивеннѣйшія проявленія высшей спороны духа, какъ главнѣйшіе движители въ спремленіи челоѡѡчества къ испинному его предназначенію. Но всѣ эши движенія и проявленія нашего духа сущѣ выраженія одной и шой же внутрениѣйшей его жизни; и потому онѣ связаны между собою тѣсно, взаимно поддерживаются и условливаются собою, шакъ что въ разлученіи другъ отъ друга легко извращаются и искажаются. Отъ того и Философія, какъ жизненное начало, какъ душа Науки, охраняя

въ жизни человѣчества чувство религиозное и нравственное, чувство всего благороднаго и прекраснаго, еще болѣе сама поддерживается и охраняется ими.

И въ самомъ дѣлѣ, неоспоримо, что Философія, какъ скоро она желаетъ быть здоровою и полною силъ жизненныхъ, должна быть нравственною и религиозною, должна заключать въ себѣ идеи Добраго, идеи Вѣчнаго и Божественнаго. Уклоняясь отъ этого идеальнаго содержанія, Философія спановишя пусшою, ничтожною игрою понашій, и погибаетъ въ своихъ умозрѣніяхъ, въ этихъ полярно-холодныхъ спранахъ опвлеченнаго разсудка, въ кошорыхъ замираетъ и цѣпенѣетъ всякая жизнь чувства и дѣйствія. Но съ другой стороны, *Религія и Нравственность*, безъ свѣта Науки, легко могутъ попомнисья. Конечно, Религія и Нравственность происпекають не изъ Философій; благочестіе и добродѣтель переходятъ въ жизнь, не дожидаясь, пока Наука сообщитъ имъ религиозныя понятія и нравственные законы; никакая Философія, никакое умозрѣніе не могутъ дать челоуку силы благочестія; добродѣтель испекаетъ изъ сердца и воли, живошворяемыхъ нашіемъ Высшей, неземной силы. Но оберегаетъ это драгоцѣннѣйшее достояніе наше отъ примѣся чуждаго и спороннаго, между прочимъ, и мысль разумнаго сознанія — Философія. Она защищаетъ религиозную Вѣру и Нравственность противъ невѣрія и суевѣрія.

И *Искусство*, какъ Религія и Нравственность, есть одинъ изъ предшавшелей высшей спороны

духа. Искусство и Философія произпекають изъ различнаго источника: Философія — изъ идеи истины, а Искусство — изъ идеи Изыщнаго; но истина и изыщество условливаются другъ другомъ, такъ же точно, какъ Нравственность и Религія, относително Философія. Истина, для полноты своей, пребуеть изыщества; и только въ эстетическомъ возрѣніи находить свою доконченность философическій взглядъ на міръ, потому что Наука оспамяетъ непроходимую бездну между конечнымъ и безконечнымъ, и только Искусство можетъ непосредственно сочепать безконечное съ конечнымъ, какъ Изыщное: Изыщное есть не другое что, какъ оцупительное выраженіе безконечнаго въ конечномъ. Но за то и изыщество только тогда бываетъ истинно изыщнымъ, когда содержитъ въ себѣ, или представляетъ собою истину, — не ту истину эмпирической дѣйствительности, надъ которою далеко возвышается Искусство своей свободнотворческою силою, а идеальную истину бытія вѣчнаго. Она должна оппечатываться во всемъ изыщномъ, изъ всего изыщнаго должна просвѣчиваться эта истина идей. Опъ того и въ жизни оба эти элемента — Истинное и Изыщное, должны проникать себя взаимно и восполняться другъ другомъ. Тогда Философія и Искусство, въ своемъ соединеніи, будутъ указывать человеку истинную почву зрѣніа на все бытіе земное, и истинный способъ нравственного дѣйствования: Философія, какъ истина, скажетъ ему, что все чувственное, конечное, переходящее не имѣетъ само по себѣ никакого достоинства;

Искусство, какъ изящество, напоминаетъ ему, что все это, само по себѣ незначительное, есть одна-кожъ проявленіе и покровъ идей Вѣчнаго; а пѣнь побуждая духъ его спряться превыше всего переходиваю и ничтожнаго жъ этимъ внутреннѣйшимъ идеямъ Вѣчнаго, удержишь его однакожъ отъ того мрачнаго взгляда на жизнь, по которому жаснощій міръ представляется только темницею духа. При сочетаніи Философіи съ Искусствомъ, изящество умягчаетъ строгость истины, которая, въ своей исключительности, легко можетъ переходить въ суровость; съ другой стороны, истина даетъ надлежащій нравственный вѣсъ пѣнь изящнымъ дѣланіямъ, которыя такъ легко могутъ ограничиваться одною внѣшностію, безъ внутренняго духа требованій нравственныхъ. Въ идеальномъ случаѣ вся жизнь человѣка представляла бы собою то, чѣмъ бытъ она должна, выразила бы истину въ нравственныхъ поступкахъ и изящество въ способѣ ихъ выполненія.

Таково вліяніе Философіи на всю дѣятельность человѣка, въ ея благороднѣйшемъ направленіи! А если это справедливо, если Философія дѣйствительно есть животворящее начало Наукъ, если она, сколько это возможно для познанія, движетъ практическую жизнь людей въ ея направленіи къ высшимъ цѣлямъ: то какъ отрицать ея высокое практическое достоинство, какъ опираешься отъ нея, или нападаешь на нее, не унижая собственнаго достоинства, какъ человѣка, какъ существа нравственно разумнаго? Не должны ли, напротивъ, всѣ признавать высокое значеніе

Философіи? Не должны ли всѣ безъ исключенія бытъ ея поборниками и друзьями? Не должны ли занимашься ею, по возможности, какъ существенною спорною испинно челоуѣческаго образования? Конечно, не всякій челоуѣкъ въ частности можеть занимашься Науками, а шѣмъ болѣе, не каждый можеть и долженъ посвящашь жизнь свою Философіи; но если безъ Философіи легко можеть обходиться шопшъ, или другой челоуѣкъ, эшо, или иное сословіе, шопшъ не менѣе она необходима для народа вообще. Чшо такое народъ въ своемъ общественномъ быту? какая цѣль существованія Государства? Народъ — эшо не естшъ шолпа существивъ, соединенныхъ въ одну массу внѣшнею силою, или шпрахомъ внѣшнихъ насилій, какъ думали нѣкогда Французскіе Сенсуалисты; обществва людей существовали прежде, чѣмъ шшали они подвергашься насиліямъ другъ ошъ друга. Народъ — эшо не естшъ сборъ людей, занявшихъ удѣльный лоскушокъ земли для шого шолько, чшобъ совокупными силами физическими удобнѣе опрачатъ нападенія непріятелей, и шопомъ спокойнѣе добывашь шолько хлѣбъ насущный, и удовлетворяшъ другимъ шопребностямъ и удовольствіямъ жизни просшо живошной. Побужденія внутрешней, разумной природы, побужденія, заключающіяся въ нашемъ разумѣ, въ нашей волѣ и силѣ чувствованія, хопшъ въ началѣ и несознаваемыя, влекушъ людей къ общежитію и удерживаюшъ ихъ въ общежитіи; для разумныхъ цѣлей живешъ челоуѣкъ на землѣ: шѣмъ болѣе изъ осуществленія эшихъ же цѣлей образушся Государства подѣ Верховною властію.

Но разумныя цѣли, для которыхъ собственно должны жить и подвизаться народы и все человѣчество, заключающіяся въ удовлетвореніи высшимъ потребностямъ нашей разумной, духовной природы, заключающіяся въ осуществленіи идей, положенныхъ Богомъ во глубинѣ нашего духа, въ осуществленіи идеи Нравственности и Религіи, идеи Добраго и Святаго, какъ высочайшей потребности для нашей воли, въ осуществленіи идеи Прекраснаго, какъ прехобанія нашей силы чувствованія, и идеи Истиннаго, какъ существенной потребности нашего разума; при движеніи къ этимъ цѣлямъ все прочее въ жизни народовъ должно быть признано только средствомъ. А поспешное осуществленіе въ человѣчествѣ идеи Истиннаго есть плодъ медленныхъ, плыжкихъ усилій здраваго философствованія. Какъ же откажутся народу отъ занятій Философіею, какъ скоро онъ хочетъ спремиться къ осуществленію своихъ истинныхъ цѣлей?

Напрасно въкошорые, ссылаясь на духъ настоящаго, такъ называемаго *положительнаго* времени, думаютъ, что теперь всѣмъ и каждому надобно спремиться единственно къ непосредственно полезному въ жизни, и что потому легко можно пренебречь Философіею въ системѣ воспитанія народнаго. Что значить это *положительное* время, чего оно собственно требуетъ? Есть различныя эпохи въ жизни человѣчества, какъ и челоѣка. Первоначально живешь и дѣйствуешь оно инстинктуально, силою непосредственнаго чувства: это періодъ младенчества, золотой вѣкъ

человѣчества. За тѣмъ первоначальное чувство уступаетъ мѣсто представленіямъ смысла, который, поражаясь явленіями Природы, но, не поспитая существа ихъ, обращается къ силѣ производительнаго воображенія и подъ вліяніемъ его извораишь вымыслы и смѣшиваетъ ихъ съ дѣйствительностью: это эпоха человѣчества, начинающаяся героическими временами Истории и развивающаяся посреди мидовъ, самыхъ роскошныхъ вымысловъ и поверхностнаго взгляда на дѣйствительность. За этиими временами поэтической жизни человѣчества, пробуждается въ немъ потребность сознательнаго дѣйствованія и оппечливаго разумнѣя: это и есть такъ называемое *положительное* время; это эпоха строго-выикающей мысли, оппвергающей все непонятное и неестественное, и. е. все, чему не находишь она причины; это владычество понятія, которое во всемъ доискивается оппечливости, все раздробляетъ, анализируетъ, дабы дойти до послѣднихъ оснований, и разрушенное вновь поспроишь съ знаніемъ дѣла, съ разумнымъ убѣжденіемъ. Но самовникающее понятіе, мысль, во всемъ доискивающаяся основанія и пребующая живой, дѣйствительной истины, а не вымысла, или безоппечной довѣренности принятымъ мнѣніемъ, — это и есть собственно мышленіе философическое. И такъ насполщее, положительное время наше не только не оппвергаетъ Философіи, а напрошивъ, только въ ней и чрезъ нее можетъ и должно развиваться и осуществлять свои истинныя требованія.

И такъ невапрасно и въ нашемъ любезномъ

Опечествъ, по волю Августѣйшаго Монарха, мудрымъ и дѣятельнымъ Правительствомъ вводится Философія въ систему высшаго общественаго образованія; не напрасно и здѣсь, въ эпоху еще новомъ святилищѣ Наукъ, поспѣваетъ Философія на ряду съ другими высокими занятіями благороднаго и любознательнаго юношества. И въ ней наше Опечество должно искать и находить осуществленіе одной изъ величественнѣйшихъ идей человеческой Природы. Оспрадно сказать, что пребываніе осуществленія этой идеи уже пробуждается въ духѣ народа Русскаго. У насъ повсюду начали теперь сознавать высокое пребываніе народности, а благоразумное стремленіе къ народности можетъ приприти въ исполненіе только подъ однимъ условіемъ—подъ условіемъ народнаго самопознанія; между тѣмъ самопознаніе народа, съ овоей стороны, можетъ осуществляться мало по малу только тогда, когда онъ, обративъ свою мысль на самого себя, не только изучитъ свою прошедшую жизнь, жизнь своихъ предковъ, какъ историческій фактъ, но изслѣдуетъ свои собственные, настоящія силы, физическія и психическія, дознаетъ все богатство ихъ для дѣятельности великой и разнообразной, пойметъ свои существенныя потребности, выразумѣетъ, что можетъ онъ сдѣлать своими силами, и къ чему, по этому, онъ долженъ стремиться и въ будущее время. Но это обращеніе мысли къ своему началу, это испытующее самовниканіе, какъ въ видѣльныхъ лицахъ, такъ и въ цѣлыхъ народахъ, есть предвѣстникъ появленія Философіи, или лучше

сказать, это есть уже самое философствованіе. И такъ, если мы хотимъ съ успѣхомъ стремиться къ народности, то мы должны обратитъ шеперь свои силы, между прочимъ, и къ изученію Философіи: иначе мы пожелаали бы достигнуть высокой цѣли, отвергая средство самое существенное.

Какова же должна быть Философія народа Русскаго, по своему *направленію* и своему *духу*? Философія есть развитіе и уясненіе движеній нашего сознанія; но какъ въ сознаніи нашемъ проявляется при существенныхъ моментахъ: *я*, или духъ познающій, міръ, или *ме я*, и причина того и другаго — Богъ: то главнѣйшихъ направленій и въ Философіи должно быть три: систематическое развитіе явленій и законовъ нашего познающаго духа, научное и припомъ опытное развитіе законовъ міра чувственнаго, и наконецъ примиреніе этихъ противоположностей въ высочайшемъ ихъ началѣ. Первое изъ этихъ направленій господствуетъ въ Германіи; второе развито во Франціи; но ни то, ни другое не удовлетворитъ насъ: Философія Русская не можетъ и не должна быть Философіею ни Французскою, ни Германскою. По теоріи можно доказать, что чистыя теоріи идеализма, сами по себѣ, въ своемъ отпорженіи отъ опыта, теряются въ заоблачныхъ созерцаніяхъ, въ пустыхъ построеніяхъ; но съ другой стороны, тысячекратные опыты свидѣтельствуютъ, что и опыты, исключительно принимаемый вѣдѣемъ Философіи, приводятъ къ результатамъ, совершенно ложнымъ; на концѣ пути, на которомъ движется сенсуализмъ, рано

или поздно встрѣчаясь неоспорожнаго мыслишеля материализмъ, фапализмъ, апейзмъ. Отъ того въ Германіи лучшіе мыслишеля начинаютъ чувствовашь попребность не только соединенія теоріи съ опытомъ, но и высшаго примиренія ихъ въ верховномъ началѣ всякаго бытія, идеальнаго и реального. Но двухъ различныхъ направленій одной и той же идеи не выражають, въ равной степени, одинъ и тотъ же народъ: и попому осуществленіе этого шрепята, еще ожидаемаго *направленія* новой Философіи должно бытъ предоспавлено иному народу, — народу великому и сильному, который, полагая краеугольнымъ камнемъ философствованія не опытъ и не умозрѣніе, а Вѣру, съ этой высоты духа могъ бы объять однимъ взоромъ шребованія и опыта и умозрѣнія, и тогда уже воздвигнуть шройное зданіе мысли, завершенное, какъ свѣтзарнымъ куполомъ, идеей всѣхъ идей — идеей Бога. Какому жь, народу предоспавленъ великій удѣлъ воздвигнуть это великолѣпное зданіе мысли? Если вѣрно, что нашему Опечеству суждено иькогда обобщить часшныя идеи шеперешнихъ народовъ Европы: то несомнѣннымъ должно бытъ и то, что ему же предоспавлено и это объединеніе противоположныхъ направленій Философіи, въ ея высшей основѣ.

Каковъ долженъ бытъ *духъ* философствованія въ нашемъ Опечествѣ, угадать не шрудно. Философія ешть, въ высшей степени, самосознаніе народное; следовательно въ ней долженъ выражашься собшвенно духъ самаго народа; а духъ народа Русскаго кому не извѣстенъ? Примѣрное

благочестіе, глубокая преданность Отечеству и Царю—вошь господствующія черты его характера и духа! Эпимъ—по духомъ Философія нашего Отечества должна бышь вся проникнута и животворима, пошому что только тогда она будетъ достойною великаго народа Русскаго, только тогда она будетъ Философіею національною, произведеніемъ и достояніемъ нашимъ собственнымъ, а не заимственнымъ. И если гдѣ-либо, по не особенно ли здѣсь, въ этомъ святилищѣ Наукъ, она должна бышь запечатлена такимъ характеромъ? Здѣсь поставлена колыбель Философіи на тѣхъ завѣсныхъ для насъ берегахъ Борисѡена, гдѣ зародилось нѣкогда Отечество наше; здѣсь водружено знамя Любомудрія на тѣхъ Священныхъ горахъ, гдѣ впервые водруженъ былъ Крестъ Христовъ, какъ залогъ имѣвшаго процвѣспи здѣсь Христіанства; а у колыбели Отечества, у самаго исходища нашей Святой Вѣры, какъ не развиваться и Любомудрію въ духѣ Вѣры и любви къ Царю и Отечеству?

2.

ОБРАЗОВАНИЕ ЯЗЫКОВЪ

ЮГОЗАПАДНОЙ ЛАТИНСКОЙ ЕВРОПЫ.

(Изъ лекцій о въ Исторіи Словесности).

Всѣ языки Югозападной Европы, владѣющіе теперь столь богатыми литературными сокровищами, а именно: Италіанскій, Испанскій, Португальскій, Французскій и частію Англійскій по мнѣнію Французскаго, суть, какъ извѣстно, дѣши древняго языка Латинскаго, и было время, когда эти языки, которые теперь богатствомъ произведеній своихъ достойно спорятъ съ языками Древности, представляли одно грубое, варварское искаженіе своего языка кореннаго, по же самое, что представляеть теперь намъ образованный Русскій языкъ въ устахъ иностранныхъ племенъ Азіатскихъ и Европейскихъ, обитающихъ въ Россіи и говорящихъ по Русски. Какое поучительное и любопытное явленіе видимъ мы въ этихъ нарѣчіяхъ, изумляющихъ насъ теперь неисчислимымъ рудникомъ выраженій для всякаго опшьяка мысли! — Чѣмъ же были они въ началѣ?

грубымъ, безобразнымъ лепешомъ варваровъ, по своему говорившихъ на языкѣ Лашинскомъ.

Изученіе образованія сихъ языковъ есть занятіе любопытное вообще, но особенно полезное и необходимое у насъ въ Опечесствѣ, гдѣ всѣ Юго-западные языки процвѣтають болѣе, нежели въ какомъ-нибудь другомъ народѣ. Опъ Россіи, гдѣ языкознаніе пустило корни въ самое воспишаніе народное, должно бы ожидать изобрѣшенія системы для легчайшаго и прочтѣйшаго обученія языкамъ Европейскимъ. Но для того, чшобы найти ключъ къ этой системѣ, необходимо вникнуть въ Исторію языковъ Запада, въ ихъ первоначальное образованіе. На такомъ изученіи только можешь бытъ основана Общая Сравнительная Грамматика Европейскихъ языковъ — сочиненіе, вызываемое господствующею у насъ потребностію. Но, къ сожалѣнію, при всемъ этомъ, Исторія образованія Западныхъ языковъ есть для насъ предметъ совершенно новый, котораго рѣдкіе Ученые въ Россіи касались.

Какъ всѣ Государства Югозападной Европы основались на развалинахъ Западной Римской Имперіи, кождой первоначально были они сославными частями, точно такъ же всѣ Югозападные языки произошли изъ развалинъ одного языка — Лашинскаго, который есть ихъ общій и главный корень. Отсюда слѣдуетъ, что Исторія языковъ Западной Европы должна начинаться съ того времени, какъ Римляне вмѣстѣ съ оружіемъ своимъ распространили по всѣмъ завоеваннымъ областямъ Запада свой языкъ, и тѣмъ приугоповили общую

почву, на которой должны были родиться языки новые. Какимъ же образомъ произошло это?

Въ системѣ завоеванія Римскаго было правиломъ — налагать на покоренные народы не только иго законовъ, но также и языка. Римляне понимали эту сильную связь, которая соединяетъ народы между собою посредствомъ слова. Особымъ закономъ повелѣно было, чтобы Преторы областей всѣ декреты и эдикты свои не иначе обнародовали какъ на языкѣ Латинскомъ; чтобы просьбы въ Сенатъ сочинялись по Латыни и чтобы судъ надъ покоренными не иначе совершался какъ на этомъ же языкѣ. Не только между варварскими народами, даже въ просвѣщенной Греціи и Азій, Римляне распространили свой языкъ, по свидѣтельству Валерія Максима, и не иначе принимали ошѣтны отъ Греціи въ сношеніяхъ съ нею, какъ на языкѣ Латинскомъ. Посланники отъ народовъ покоренныхъ отвергались, если не знали языка Римлянъ. Не только частные лица, но даже цѣлыя области получали право гражданства и полипитическія выгоды, если соглашались подчиниться обычаямъ Рима, дисциплинѣ воинской и гражданской, и Римскому языку.

Народы, покоренные Риму, сначала по необходимости узнавали языкъ, уступая насилію, а потомъ уже спали изучать его, побуждаемые къ тому выгодами и честолюбіемъ. Для просвѣщенной Греціи такая мѣра могла казаться насиліемъ, но для ваварскихъ странъ она была благодѣяніемъ, потому что вмѣстѣ съ языкомъ Римляне разливали и собранное ими со всѣхъ концевъ міра

просвѣщеніе. Припомъ же и мысль Римскаго Сената была великая: всѣмъ этимъ разнороднымъ племенамъ не льзя было дать инаго единства, кромѣ единства языка. Плиній Натуралистъ прекрасно выразилъ мысль сію слѣдующими словами: «Предки наши совокуцляли во едино различныя области, укрощати ихъ нравы, и споль разногласныя и грубыя нарѣчія народовъ соединяли союзомъ одного языка, въ помя намѣренія, чптобы человекъ позналъ человекство, и чптобы разрозненная семья народовъ имѣла одну отчизну.»

Римляне славно достигли своей цѣли. Варвары быстро покорялись магнитной силѣ Римскаго образованія. Съ пою же охотою, съ какою варваръ мѣнялъ свой грубый плащъ на славную, почешную Римскую тогу, съ пою же охотою мѣнялъ онъ и грубыя слова свои на звучное слово Римское. Страбонъ говоритъ, что Бешческіе Испанцы, во время Римскаго владычества, такъ подчинились правамъ иноземнымъ, чпто забыли свое родное нарѣчіе; чпто еще при Августѣ большая часть Галліи приняла нравы и языкъ Римлянъ. Даже самый Картагенъ, по свидѣльству Бл. Августина, бывшаго тамъ проповѣдникомъ, промѣнялъ свой языкъ на Римскій. Августинъ, обращаясь къ народу Картагенскому съ одною древнею его пословицею, говоритъ: «такъ какъ вы не всѣ понимаете по Картагенски, я вамъ скажу ее по Лашыни.» Вскорѣ эти страны, п. е. Испанія, обѣ Галліи и даже Африка, не только приняли языкъ Римскій, но дали Риму мужей знаменитыхъ въ войнѣ, въ Сенатѣ и даже на поприщѣ Словесности. Начиная со

впорога вѣка, Римскіе Писатели, по большой части, ведутъ свой родъ изъ варварскихъ областей: Испанія произвела Фамилію Сенекъ, Лукана, Помпонія Мелу, Колумеллу, Марціала, Силлія Италика; Галлія дала Корнелія Галла, Пепронія, Лактанція, Авзонія; Клавдіанъ и Аврелій Немезіанъ родились въ Африкѣ. Самая Исторія Литературы Римской блистательно свидѣтельствуетъ всемірное распространеніе Латинскаго языка и оправдываетъ слова Плуларха, который говоритъ, что, во время Траяна, почти всѣ смертные говорили по Латини.

Перенесеніе столицы изъ Рима въ городъ Оракійскій, въ Византію, предавши Римъ нападению варваровъ и удаливъ изъ него образованность Двора и мужей государственныхъ, могло имѣть весьма вредное вліяніе на языкъ Римскій и особенно на его Западное единство. Но потѣ же самый Константинъ, который перенесеніемъ столицы на Востокъ могъ нанести большой вредъ языку, принявъ Христіанскую Религію и уступилъ мѣсто новой Духовной власти, которая воздвиглась въ Римѣ, и опшуда простерши свое благопворное вліяніе на весь Западъ, распространеніемъ Христіанской Религіи содѣйствовала также и къ большому утвержденію единства въ языкъ Латинскомъ. Сей послѣдній изъ языка полиптическаго сдѣлался языкомъ Церкви, которая повсюду разсылала своихъ миссіонеровъ для Христіанской проповѣди и обращенія варварскихъ народовъ. Уже не только опредѣленія Преторовъ и Проконсуловъ возвышались по Латини, но опредѣленія и

глаголы самого Бога, и учение Христианское вмѣстѣ съ словами сильнѣе врѣзывалось въ проспыхъ сердцахъ дикарей, чѣмъ эдикты Римской власти; а пошому, какъ прежде свѣтская власть меча и гражданственности Римской способствовала къ водворенію Латинскаго языка на Западѣ, такъ пошомъ Духовная власть Церкви едва ли еще не болѣе содѣйствовала къ ушверженію его единства.

Теперь мы ясно можемъ видѣть, какимъ образомъ Латинскій языкъ сдѣлался общимъ на всемъ Западѣ Европы и какъ угошвилась та почва, на которой должны были произрасти новые языки ея. — Какимъ же образомъ испорчился и искажился эпошъ языкъ Латинскій?

Первоначальная порча его послѣдовала, разумѣется, еще тогда, когда онъ смѣшался съ нарѣчіями грубыхъ племенъ, которыхъ обитали въ спранахъ, покоренныхъ Римлянами. Говоря о упадкѣ слога въ Поэзіи Римской, я упоминалъ вамъ, что одною изъ причинъ эпошаго упадка было итакже смѣшеніе языковъ. Многіе солецизмы Латинскіе эпошэпохи отсюда ведутъ свое начало. Когда же настали времена смѣшенія, безпрестанныхъ варварскихъ набѣговъ и опустошеній, въ то время не могли уже по прежнему процвѣтать публичныя Школы и поддерживать единство изящнаго Латинскаго слова. Къ тому же должно присоединить, что и Начальники Церкви, будучи проникнуты болѣе духомъ Религіи, нежели учености, пренебрегали правильностію языка. Григорій Великій, жившій въ VI вѣкѣ, въ одномъ изъ своихъ писемъ обнаруживаетъ

великое презрѣніе къ Грамматику и сознается въ томъ ; что онъ не избѣгаетъ варваризмовъ , что онъ не хочетъ наблюдать управленія предлоговъ и проч. , потому что ему кажется недоспойнымъ дѣломъ подчинять глаголы небеснаго вѣщанія правиламъ Грамматики Донапа, и потому, что никакой полковашель Св. Писанія никогда не уважалъ ихъ. Узнавъ, что Дидрихъ, Епископъ Виенскій, училъ Грамматику, Григорій Великій, какъ Папа, писалъ ему сильныя за шо упреки. Безпредѣльная ненависть къ язычеству довела Григорія Великаго до того, что онъ сжегъ даже всѣ экземпляры Типа-Ливія, какіе только могъ найти. Григорій, Епископъ Турскій, первый Лѣтонисецъ Франціи, также говорилъ, что онъ часто вмѣсто женскаго рода ставилъ мужскій, женскій употребляетъ за средній, пропускаетъ предлоги, замѣняетъ винительные падежи пворительными и обратно. Такимъ образомъ первые Литераторы того времени, которыми были Духовныя особы, содѣйствовали сами порчѣ Латинскаго языка: можетъ быть, въ этомъ случаѣ они хотѣли быть понятнѣе для простаго народа, котораго языкъ еще болѣе былъ испорченъ. При Папѣ Захаріи, жившемъ во второй половинѣ VIII вѣка, были уже Священники, которые не умѣли правильнымъ образомъ произнести простой формулы, употребляемой при крещеніи.

Такъ портился Латинскій языкъ ; но главною виною его искаженія и преобразованія въ новыя формы были варвары. Прежде чѣмъ изложу мнѣніе Ученыхъ о томъ, какъ совершилось это преобразование, я долженъ предложить мнѣніе вѣкошорыхъ

Италяньскихъ Филологовъ, оприцающихъ вліяніе варварское на языкъ Италяньскій.

Хотя мнѣніе это касается только происхожденія новаго языка Италиі, но оно связывается вообще съ нашимъ предметомъ. Эти Ученые суть: Леонардо Бруни, Кардиналь Бембо, Челесо Чипшадии, Квадри и Маффеи. Они отвергаютъ вліяніе варваровъ на языкъ Италяньскій и утверждаютъ, что онъ такъ же древенъ, какъ и Латинскій; что въ лучшія времена Римской Словесности, искони существовало въ Римѣ два языка: одинъ изящный Латинскій, который употреблялся Поэтами, Ораторами и Учеными, и другой простонародный, которымъ говорила чернь, — и сей-то языкъ, по ихъ мнѣнію, есть корень языка Италяньскаго. Они основываются на словахъ, встрѣчающихся въ Комедіяхъ Плавта, которыхъ языкъ, какъ извѣстно, приближается къ языку Римской черни; тѣ же самыя слова находятся и въ пестерешнемъ Италяньскомъ языкѣ, какъ напр. *cambiare* вмѣсто *permutare*, *batto* (по Италяньски *batto*) вмѣсто *verbero* или *percello*. Такъ на нѣсколькихъ словахъ основывается цѣлая система, объясняющая происхожденіе языка. Одинъ изъ Ученыхъ, упомянутыхъ нами, именно Маффеи, думаетъ, что господство этого языка народнаго надъ языкомъ грамматическимъ и правильнымъ послѣдовало въ то время, когда столица перенесена была изъ Рима въ Византию; что это искаженіе Латинскаго языка началось еще до нашествія варваровъ и, увеличиваясь постепенно, произвело языкъ совершенно новый, отличный отъ прежняго.

Не лзя не признашь, что нѣкоторыя слова вошли въ Италіанскій языкъ изъ древняго Плейбейскаго языка Италіи и вошли такимъ образомъ, какъ объясняетъ это Маффеи. Но, чтобы весь Италіанскій языкъ произошелъ изъ особеннаго языка Римской черни, такое мнѣніе чуждо. Римская чернь хотя и имѣла нѣчто грубѣйшее, въ которомъ находились многія особенныя слова и выраженія, какія находились въ языкѣ вслѣдой черни; но ни одинъ Писатель Римскій не говоритъ, чтобы языкъ народа былъ совершенно иной, чѣмъ языкъ Литературы. Это мнѣніе Леонардо Бруни и Бембо, развитое болѣе ученымъ Маффеи, о происхожденіи языка Италіанскаго отъ нѣрціи Римской черни, происшедшее изъ того источника, что всѣ эти Ученые смотрѣли на Латинскій языкъ, какъ на языкъ высокой Литературы, а на Италіанскій, какъ на просцонародный, и отдавали предпочтеніе первому. Поэтому и производили они Италіанскій языкъ отъ языка Римской черни, въ смыслѣ уничижительномъ, а не такъ, какъ думаетъ Вильменъ, утверждая, что причина этому была Италіанская гордость и желаніе произвести начало отечественнаго языка отъ времени Цицерона. Исторія Италіанской Словесности, содержащая въ себѣ непрерывную борьбу языка Латинскаго съ Италіанскимъ, представитъ намъ это въ самомъ ясномъ свѣтѣ.

Источники заблужденія помилуемыхъ Ученыхъ заключался въ томъ, что они смотрѣли на образование своего языка отдѣльно, а не въ связи съ прочими языками Западной Европы. Только изъ

такого общаго возрѣвѣ происхожденіе каждаго изъ нихъ можеть намъ объясниться. Мурашори, неупоминимый Филологъ Испаліанскій, собравшій всѣ памятники Лашинской письменности вардарскихъ вѣковъ, по Архивамъ Испаліа, для составленія Исторіи ошечественнаго языка, первый нанесъ ударъ мѣтнію, нами приведенному, и утверждалъ непосредственное содѣйствіе варварскихъ языковъ въ образованіи языка Испаліанскаго. За Мурашори послѣдовали Апостоло Зено, Фонтаніни и другіе; но всѣхъ основательнѣе изслѣдоваль ашо дѣло Миланскій Филологъ Графъ Першикарі, другъ и родственникъ знаменитаго Монпи, человекъ глутбокомысленный, который много содѣйствовалъ возрожденію Испаліанскаго языка въ началѣ нынѣшняго столѣтія и, къ сожалѣнію, былъ похищенъ раннею смертію у своего опечесца. Першикарі вложилъ почти полную Исторію Испаліанскаго языка въ своихъ сочиненіяхъ: *Della difesa di Dante, e degli Scrittori del Trecento.*

Возвратимся же теперь къ нашему вопросу: какинъ образомъ Лашинскій языкъ, распроспранившійся по всему Западу Европы, былъ преобразованъ варварами? — И здѣсь образованіе одержало вѣпоричную побѣду, совершенно обратную предъидущей. Прежде завоеватели образованные, Римляне, вложили свой языкъ на грубые народы, ими докоренные; въ послѣдствіи же необразованные, грубые завоеватели приняли языкъ народовъ, ими побѣжденныхъ, разумѣется, искизять его, по своему. Такимъ образомъ Лашинскій языкъ, какъ языкъ просвѣщенія, насильно вошелъ въ уста варварскія

и вложилъ главную сѣхю въ новыя нарѣчія. Перпикари, объясниа это преобразование, приводишь одно явленіе, весьма замѣчательное, которое извлекъ онъ изъ сочиненій, писанныхъ въ вѣкахъ первоначальнаго смѣшенія языковъ новой Европы: онъ нашелъ, что всѣ слова, относящіяся къ необходимымъ житейскимъ, — по большой части Латинскія; слова же, принадлежащія къ дѣламъ управления и войны, — большею частью варварскія. Причина тому очевь естественна: побѣжденный по неволѣ усваивалъ и слова, которыя предписывало ему насиліе побѣдителя; побѣдитель же тѣ, которыхъ преобладае нужда. Готѣу хотѣлось вѣда: онъ слышалъ какъ Латинскіе Плебейцы говорили: *da mīi iustitiam rapem*. Онъ хотѣлъ подражать имъ, но какъ варваръ, недоговаривая словъ, опсѣкая ихъ окончанія, говорилъ: *da mī i rap*, и такимъ образомъ превращалъ древній Латинскій языкъ въ свой новый. Съ своей стороны, побѣжденный, безпрестанно слышавшій о войнѣ и о всѣхъ ей принадлежностяхъ, невольно перенималъ слова побѣдителя, выразившія эти предметы. Такимъ образомъ въ Испанскій языкъ и въ другія Западные, съ другими измѣненіями, вошли слѣдующія слова: *guerra* отъ *war*, *wehr*; *arguesse* отъ *harnish* (*harnois*), латы; *spada* шпата; *strale* стрѣла; *astimazzare* отъ *mazza* (*massue*) булава; *alloggiamenti* квартиры войска; *schërma* (*schirni*); *scaramuccia* (*éscarmouche*) и проч. Такимъ же образомъ вошли имена: *Feudatario*, *Vassallo*, *Barone*, *Marschalco* (*maréchal*) и иныя, выразившія разныя званія военныхъ Саювниковъ. Съ другой стороны, всѣ имена,

относящихся къ Искусствамъ, къ Наукамъ, къ разнымъ удобствамъ жизни, которыхъ не могли быть извѣстны грубымъ варварамъ, переходили къ нимъ отъ народовъ Римскихъ или Романскихъ. Такимъ образомъ языкъ искажался взаимными усиліями обѣихъ споронъ — и побѣдителей и побѣжденныхъ. Сисмонди прекрасно объясняетъ измѣненіе или, лучше, смѣшеніе двухъ языковъ посредствомъ примѣра, который въ новое время совершался на островѣ Сень-Доминго, гдѣ Французскій языкъ игралъ роль Латинскаго, Африканскіе языки роль варварскихъ или Тевтонскихъ, а Креольскій, происшедшій изъ смѣшенія Французскаго и Африканскаго, роль того новаго языка, который въ вѣкахъ варварства рождался отъ Латинскаго съ Тевтонскимъ.

Это смѣшеніе языковъ продолжалось въ теченіе цѣлыхъ пяти столѣтій, начиная съ VI вѣка по XI, пока наконецъ не образовался изъ сего смѣшенія новый языкъ. Письменнымъ же языкомъ продолжалъ быть языкъ Латинскій. Искаженіе изустное содѣйствовало также и къ искаженію языка на письмѣ. Ренуаръ замѣчаетъ, что акты, принадлежащіе къ Духовному сословію и управленію Церкви, какъ напр. декреты Соборовъ, буллы и грамоты Папъ, сочиненія нѣкоторыхъ Епископовъ, относящіеся къ этимъ вѣкамъ варварства и невежества, отличаются еще, если не изяществомъ, то по крайней мѣрѣ нѣкоторою правильностію слога. Но напротивъ того, всѣ акты свѣтской власти, какъ-то: хартіи или дипломы Королей, Графовъ, феодалныхъ владѣтелей, равно и акты свѣтскихъ

Чиновниковъ VI, VII, VIII, IX и X вѣка, наполнены ошибками. Мурапори въ Архивахъ Италіи опыскаль контракты Лашинскіе, писанные Нотариусами въ VIII вѣкѣ, въ которыхъ особенно видно это искаженіе и замѣчательны уже новыя обороты. Такая Лашинь, необходимая для дѣлъ свѣпскихъ, болѣе приближалась, разумѣется, къ обыкновенному употребительному языку, чѣмъ языкъ особъ Духовныхъ, болѣе ученый. Высчитаемъ общія признаки искаженія Лашинскаго языка въ этихъ сполѣтняхъ. Всѣ гласныя перемѣнялись между собою и ставились одна вмѣсто другой, напр. *e* вм. *i* (*basileca* гм. *basilica*, *ragenam* вм. *raginam*), *i* вм. *e* (*plinius* вм. *plenius*, *recto* вм. *recto*, *quatinus* вм. *quatenus*), *o* вм. *u* (*volomus*, *locrari* вм. *volumus*, *lucrari*), *u* вм. *o* (*auctoretate*, вм. *auctoritate*, *nus* вм. *nos*, *tempige* вм. *tempore*). При этомъ не соблюдалось никакого условнаго правила, никакой аналогіи, а все это было произвольно. Правила Грамматики совершенно нарушались. Формула крещенія, какъ ее произносили при Папѣ Захаріи, можетъ служить образцемъ такого искаженія: *in nomine de Patria, et Filia, et Spiritua Sancta*. Но и въ памятникахъ письменности по же самое. Предлоги управляли падежами произвольно, какъ напр. *ab hodiernum die*, *ab eundem Salomonem*, *absque praedjudicium* и проч. Прилагательныя имена и мѣстоименія почти никогда не согласовались съ существительнымъ въ родѣ, числѣ и падежѣ, какъ напр. *cum domibus et vineis ad se pertinentes*; *casa qui appellatur* и проч. Подлежащее ставилось очень часто не въ именительномъ па-

дежъ: *Ipsas monachas vel eorum abbate debeant possidere; si aliquas causas adversus istud monasterium ortas fuerint.* Такой же произволь уничтожалъ управление глаголовъ, именъ, творительный мѣста и времени. Ренуаръ въ своемъ сочиненіи приводитъ безчисленные поему примѣры, взятые имъ изъ актовъ Государственныхъ. Въ нихъ же находятъ примѣры новыхъ оборотовъ, какіе начинали уже быть вводимы. Такъ напр. для означенія родительнаго падежа, который не умѣли означать окончаніемъ, употребляли предлогъ *de*, для означенія дательнаго падежа предлогъ *ad*, а самымъ именамъ существительнымъ давали окончаніе произвольное, какъ напр. *donatio de omnia bona, Episcopus de regna nostra, in praesentia de iudices; donabo ad conjux, praescriptio ad viro illustri data.* Вспрѣчаются также очень часто мѣстоименія: *ille* и *ipse*, въ видѣ члена. Въ этихъ примѣрахъ вы видите уже начало оборотовъ новыхъ языковъ, означеніе падежей посредствомъ предлоговъ. Такъ съ одной стороны, языкъ Латинскій теряетъ свою грамматическую правильность, разрушается, съ другой принимаетъ новые обороты.

Если Латинскій языкъ такъ искажается на письмѣ, то какъ же долженъ онъ былъ искажаться въ устахъ народа! Такъ, мало по малу, посредствомъ этого искаженія образовывался языкъ, такъ называемый, сельскій или проспонародный Романскій (*lingua Romana rustica seu Latina rustica*), или, какъ онъ еще называется, *lingua vulgaris*. Романскіямъ назывался этотъ языкъ потому, что всѣ народы, которые имъ говорили, были издревле

подданными Рима и приняли названіе Римлянъ , какъ и называются они во всѣхъ историческихъ свидѣтельстввахъ того времени. Даже по настоящему слѣдовало бы называть эпошъ языкъ Римскимъ , но въ опличіе опъ настоящаго Римскаго мы называемъ его Романскимъ, пакъ какъ и Французы называютъ его langue romaine, а не Romaine. Опъ имени сего-по языка, какъ извѣстно, ведетъ своё начало имя Романпической Поэзіи , какъ Поэзіи шѣхъ народовъ по преимуществу, копорые говорили языкомъ Романскимъ.

Сей-по языкъ , по мнѣнію Ренуара, былъ нѣсколько времени общимъ языкомъ всего Запада Европы. Черезъ него прошли всѣ шѣ языки, копорые ведутъ свое начало опъ языка Латинскаго. Ренуаръ изслѣдовалъ форхы сего Романскаго языка по памятникамъ, предшествовавшимъ 1000 году, подвелъ ихъ подъ общія грамматическія правила , и изложилъ Исторію эпого языка, извлеченную имъ изъ историческихъ свидѣтельствъ. Руководствуясь его ученымъ сочиненіемъ , я изложу вамъ вкратцѣ эту Исторію, и потомъ формы, въ какихъ явился самый языкъ. Въ эпоихъ формахъ мы окончательно увидимъ по искаженіе , какое принялъ языкъ Латинскій опъ варваровъ.

Начало эпого Романскаго языка Ренуаръ относитъ къ началу Монархіи Французской: ибо съ эпоихъ самыхъ временъ Писатели начинаютъ различать два языка: Романскій и Теопійскій, ш. е. Тевтонскій. Въ нѣкоторыхъ Лѣтописяхъ, къ концу VI вѣка, - находятся вѣрные признаки существованія сего языка въ словахъ солдатъ, приводимыхъ

Лѣтописцами, какъ напр.: *tonna, fratre, retorna*. — Указъ Албоасема, Короля Мавровъ, царствовавшего въ Испаніи, писанный по Латыни въ 734 году, заключаетъ въ себѣ много выраженій, относящихся явно къ языку Романскому. Луиппирандъ, писавшій около 950 года, говоря о происшествіяхъ 728 года, свидѣтельствуетъ намъ, что въ Испаніи существовали уже тогда языкъ Валенціи и языкъ Капаланскій, которые въ существѣ своемъ были не что иное, какъ толь же языкъ Романскій. Во многихъ памятникахъ Исторіи Италіи VIII и IX вѣка встрѣчаются слова: *corge, avent (auant), ora* (теперь), слова языка Романскаго. Въ жизнеописаніи Св. Адалгарда, Аббата Корбійскаго, который родился около 750 года, сказываютъ объ немъ, что онъ прекрасно говорилъ на языкѣ проспонародномъ. Въ 960 году, одинъ ученый Италіянецъ, Гонзонъ, пишетъ, что ежедневное употребленіе языка проспонароднаго, приближающагося къ Латинскому, не мѣшаетъ ему знать правила Грамматики Латинской: слѣдовательно, эполъ Романскій языкъ находился уже въ всенародномъ употребленіи. Одна Эпитафія Папы Григорія V, умершаго въ концѣ X вѣка, славитъ его за то, что онъ говорилъ и на языкѣ проспонародномъ (*Usus francisca, vulgari, et voce latina, Instituit populos eloquio triplui*).

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ, которыхъ привести можно бы было еще болѣе, мы видимъ, что сей языкъ давно существовалъ и скоро вошелъ во всеобщее употребленіе. Когда же онъ сдѣлался общимъ всему Западу Европы и признанъ за языкъ

всенародный? — Ренуаръ, основываясь на историческихъ свидѣтельствахъ, относитъ это событіе къ вѣку Карла Великаго и полагаетъ, что въ его время языкъ Романскій былъ уже общимъ простонароднымъ языкомъ всего Юга Франціи, части Испаніи и всей Италіи. Ренуаръ приводитъ одинъ любопытный анекдотъ, который разсказанъ въ жизни Св. Любы, въ актахъ Бенедиктинцевъ. Въ царствованіе Карла Великаго, одинъ больной Испанецъ путешествовалъ по Святымъ мѣстамъ Франціи, Италіи и Германіи, моля Бога о своемъ излеченіи. Наконецъ пріѣхалъ онъ въ Фульду, городъ Гессенскій, ко гробу Св. Любы, и былъ исцѣленъ. Священникъ Фульдскій разспрашивалъ его о любопытномъ исцѣленіи, и онъ все разсказалъ ему. Какъ же могли они понимать другъ друга? Историкъ, современный происшествію, объясняетъ это тѣмъ, что Священникъ былъ Италіянецъ и понималъ языкъ Испанца (*quoniam linguae ejus, eo quod esset Italus, notitiam habebat*). Этого анекдота естъ достаточное свидѣтельство того, что у Италіянцевъ и Испанцевъ былъ въ то время языкъ общій.

Простонародный языкъ такъ уже началъ господствовать во Франціи во время Карла Великаго, что сей Государь въ 787 году счелъ за нужное призвать изъ Рима Грамматику, чтобы возобновить во Франціи изученіе Латинскаго языка. Наконецъ, въ началѣ IX вѣка, а именно въ 813 году, на Соборахъ, собранныхъ въ Турѣ и Реймсѣ, для возстановленія Духовной дисциплины, закономъ постановлено, чтобы каждый Епископъ имѣлъ у

себя гомиліи или народныя поученія о вѣчной наградѣ добрымъ и о вѣчной казни ожидающей злыхъ, о воскресеніи мертвыхъ, о Спрашномъ Судѣ и проч., и чтобы эти поученія переводились или на простонародный языкъ Романскій или на Теописическій, для всеобщаго уразумѣнія (*ut eadem homilias quisque aperte transferre studeat in rusticam romanam linguam aut theotiscam, quo facilius cuncti possint intelligere quae dicuntur*). Такъ поставлено было на Соборѣ Турскомъ. XV статья актовъ Реймскаго Собора повелѣваетъ Епископамъ проповѣдывать на томъ языкѣ, какой понятенъ народу. Въ томъ же 813 году, Карлъ Великій подтвердилъ это повелѣніе особымъ капишуларіемъ. Такимъ образомъ, Романскій языкъ былъ уже законами и Духовными и свѣтскими признанъ за языкъ народнаго поученія, и изъ приведенныхъ статей Соборовъ мы можемъ заключить, что въ то время вся Имперія Карла Великаго говорила двумя языками: Романскимъ народнымъ и Нѣмецкимъ.

Наконецъ самый древнѣйшій памятникъ Романскаго языка, какой только дошелъ до насъ, относится къ 842 году. Это есть торжественная клятва, которая произнесена была Людовикомъ, Королемъ Германіи, и Карломъ Лысымъ, Королемъ Франціи, и народами ихъ, въ 842 году 13 Марта, въ Спразбургѣ, въ знакъ ихъ прочнаго мира между собою, коимъ намѣрены они были прекратить свои долговременныя несогласія. Каждый изъ нихъ долженъ былъ произнести клятву на языкѣ врага своего: по этому Людовикъ Германскій и народъ его дѣлались на языкѣ Романскомъ. Историки Нип-

гарь, рассказывающей сіе событіе, приводитъ и самую кляпіву. Языкъ сего памятника, по мнѣнію Ренуара и Графа Перпикари, занимаетъ совершенную средину между древнимъ Латинскимъ языкомъ и човыми языками Европы. Оспроумный Перпикари поставилъ эпошъ первый памятникъ Романскаго языка между Латинскимъ его переводомъ, такъ какъ бы написали его по Латыни въ пятомъ вѣкѣ, и между Италіянскимъ его переводомъ, въ прозѣ XIII столѣтія, и ученымъ образомъ доказалъ, что языкъ сей есть настоящій переходъ отъ Латинскаго языка къ Италіянскому, совершенная средина между пѣмъ и другимъ. Все, что входитъ въ текстъ Романскій, Перпикари напечаталъ въ обоихъ прехъ образцахъ крупными буквами, а всѣ измѣненія какъ Латинскаго, такъ и Италіянскаго образца, напечаталъ мелкими буквами такъ, что если вы прочтете въ обонхъ боковыхъ образцахъ, п. е. Латинскомъ и Италіянскомъ, полько то, что напечатано крупными буквами, то выйдешъ изъ нихъ одинъ и тотъ же средній текстъ Романскій. Очевидное, математическое доказательство, и верхъ филологическаго оспроумія! Другой еще важнѣйшій памятникъ языка Романскаго, который, по мнѣнію Ренуара, писанъ до 1000 года, п. е. въ X вѣкѣ, есть Поэма въ стихахъ на заключеніе Бозціа, изданная Ренуаромъ вмѣстѣ съ другими памятниками языка Романскаго.

Не смотря на то, что языкъ Романскій, судя по эпимъ очевиднымъ свидѣтельствамъ, былъ языкомъ народнымъ въ то время, — Латинскій языкъ

еще долго продолжалъ быть языкомъ письменнымъ; но что особенно важно, есть даже народные памятники на этомъ языкѣ, а именно двѣ солдатскія пѣсни, которыя Сисмонди приводитъ въ своей Исторіи Южныхъ Литерапуръ. Одна изъ этихъ пѣсень была сочинена въ Италіи въ 871 году солдатами Императора Людвига II, которыя этою пѣсню возбуждали другъ друга къ освобожденію своего Государя отъ плѣна, въ коемъ содержалъ его Аделгизъ, Герцогъ Беневентскій. Эта пѣсня писана длинными стихами въ 15 и 16 слоговъ, съ цезурою по срединѣ. Латинскій языкъ этой пѣсни исполненъ грамматическихъ ошибокъ всякаго рода. Другая пѣсня писана гораздо позднѣе, относится къ 924 году и сочинена была для солдатъ Моденскихъ, защищавшихъ стѣны своего города пропавъ Венгерцевъ. Латинскій языкъ этой пѣсни гораздо правильнѣе чѣмъ предыдущей: видно, что ея Авторъ нѣсколько зналъ древнихъ Писателей. Стихи состоятъ изъ 12 слоговъ и съ цезурою въ срединѣ: всѣ они римаются посредствомъ созвучій, по образцу стиховъ Испанскихъ. Эти народные Латинскіе памятники свидѣльствуютъ намъ, что Романскій языкъ былъ еще грубъ въ то время и безсиленъ для того, чтобы создать народную пѣснь. Не мудрено, что пѣсни Духовныя и Поэмы этого времени сочинялись на языкѣ Латинскомъ, потому что это былъ языкъ Церкви и Ученыхъ; но если пѣсня солдатская пѣлась по Латински,—это значитъ, что не было другаго языка, на которомъ можно бы было выразить народную пѣсню. Должно замѣтить однакожь, что эти двѣ

пѣсни суть уже послѣдніе памятники народной Лапинской Поэзіи; и къ концу X вѣка даже ученая Поэма о Бозціи написана по Романски: великій шагъ новаго языка, приутошовившій рожденіе юныхъ Словесноспей Юга!

Изложивъ Исторію Романскаго языка, слѣдуетъ теперь перейти къ формамъ его измѣненій, вошедшихъ въ составъ всѣхъ новыхъ языковъ Западной Европы, отъ него происходящихъ, по мнѣнію Ренуара. Здѣсь Ренуаръ предлагаетъ множество любопытныхъ филологическихъ фактовъ.

Во-первыхъ, весьма замѣчательно образованіе именъ существительныхъ. Почти всѣ они безъ исключенія составились отсѣченіемъ окончанія отъ нѣкоторыхъ падежей, преимущественно винительнаго. Какъ здѣсь живо видѣнъ слѣдъ эпихъ варваровъ, которые не могли произносить иначе словъ, какъ отсѣкая ихъ концы, и по свойству Сѣверныхъ языковъ, изобилующихъ согласными, давали словамъ такое же окончаніе на согласную букву. Такъ напр. множество существительныхъ именъ образовалось посредствомъ отсѣченія окончанія Винительнаго падежа на *em*, какъ-то: *abbat*, *accident*, *art*, *infant*, *mont*, *nativitat*, *virtut* и проч. Также всѣ слова въ Романскомъ и Французскомъ языкахъ, кончающіяся на *on*, по порядку Словаря, начиная отъ *abdication* до *vocation*, всѣ составились отсѣченіемъ винительнаго падежа. Я не знаю, почему Ренуаръ принимаетъ винительный падежъ, а не другой, но это все равно, потому что тогда падежи не существовали. Ренуаръ дѣлаетъ это вѣроятно съ цѣлю, чтобы всѣ измѣненія подвести

подъ нѣкоторыя общія формы Грамматики. Иныя имена существительныя образовались отсѣченіемъ окончанія именительнаго, какъ напр. *aur-um*, *ban-nus*, *chor-us*, *lup-us*, *mur-us*, *hom-o*, *sac-cus*, *riv-us*, *odorat-us*, *abus-us*, *ablativ-us*, *accent-us*, *sus-cus*, *fund-us* и проч. Иногда же прибавлялась гласная, когда слово, отъ усѣченія, оканчивалось двумя согласными, какъ напр. в. *arbitrum arbitr-e*, *simulacr-um*, *templ-um*. Когда же имя существительное Латинское своимъ окончаніемъ на согласную сообразовалось съ характеромъ Сѣвернаго языка, то оно такъ безъ измѣненія и оставалось, какъ напр. *animal*, *amor*, *valor*, *tingitur* и проч. Прилагательныя имена соспавились почно такимъ же образомъ посредствомъ усѣченія окончаній: *assidu-us*, *human-us*, *just-us*, *long-us* и проч.

Склоненія были потеряны въ новомъ языкѣ, потому что падежи уже не наблюдались. Надобно было однако возстановить оныя, ибо безъ нихъ не лзя же было выражать отношеній предметовъ между собою. Мы уже видѣли изъ примѣровъ попорченной Латыни VIII и IX вѣка, какъ прибѣгали въ этомъ случаѣ къ предлогу *de* для выраженія родительнаго падежа и къ предлогу *ad* для выраженія дательнаго. Но когда не было въ рѣчи эсихъ предлоговъ, существительныя имена, утратившія свои окончанія, были не узнаваемы. Для того, чтобы узнавать ихъ, прибѣгнули къ посредству мѣстоименій, изъ которыхъ образовался членъ. Нѣкоторые Ученые еще у древнихъ Писателей Римскихъ находятъ зародышъ такого члена. Вильменъ приводитъ одну фразу Цицерона, а именно: *Romani sales salsores*

sunt quam illi Atticorum, которую можно было бы, какъ онъ говоритъ, принявъ за галлицизмъ. Но, что мудренаго! Цицеронъ самъ же предостерегаетъ современниковъ противъ солецизмовъ, которые даже въ его время, начинали вкрадываться въ языкъ. Мудрено ли, что онъ какъ-нибудь пропустилъ такой солецизмъ въ своей прозѣ? Вильменъ видитъ въ этой фразѣ Цицерона стремленіе къ новымъ формамъ языка. Но Вильменъ часто на одной фразѣ строитъ цѣлую систему ученую. Члена у древнихъ Римлянъ въ языкъ рѣшиительно не было: Ренуаръ полагаетъ, что языкъ Готскій и Франскій, имѣвшіе членъ, содѣйствовали къ образованію члена въ языкъ Романскомъ, и для этого-то послужили мѣстоименія Лапидскія: *ille* и *ipse*. Во всѣхъ памятникахъ исторической Лапыни, начиная съ VI вѣка до X, вы безпрестанно встрѣчаете эти два мѣстоименія *ille* и *ipse*, употребляемыя вмѣсто члена для означенія существительныхъ, напр. *calices argenteos IV..... Ille medianus valet solidos xxx..... Et ille quartus valet solidos XIII (VI в.)*. *Illi Saxones..... Pergolvant de illos navigios (VII в.)*. *Ipsum monasterium..... vastatum est, et omnes res quas ipsi monachi habebant cum ipsis chartis deportata (VII в.)*. *Dono praeter illas vineas, quomodo ille rivulus currit.... totum illum clausum* и п. д. Примѣровъ безконечное множество. Изъ этого *ille*, *illa* произошла черезъ нѣкоторыя перемѣны членъ въ языкъ Романскомъ, а потомъ во всѣхъ языкахъ Югозападныхъ. Изъ мѣстоименія же *ipse*, *ipsa*, произошло мѣстоименіе указательное — и произ-

водство сдѣлалось посредствомъ опсѣченія *ip* отъ *se* и *sa*. Замѣчательно, что Сардинское взръчїе, сохранившее въ числѣхъ многія формы первобытнаго Романскаго языка, имѣетъ членомъ *so* и *sa*, явно происходящій отъ *ipse*, *ipsa*. Романскій членъ *il*, *lo*, *la*, происходящій отъ мѣстоименія *ille*, *illa*, сокращеннаго усшами варварскими, послужилъ для склоненія именъ существительныхъ съ придачею предлоговъ *de* и *a*. Мѣстоименія образовались также черезъ соращеніе: *Jo*, *jeu* отъ *ego*, *mi* отъ *mihi*, *me* изъ *me*, *ti* отъ *tibi*, *il* отъ *ille*, *el* отъ *illum*, которое вспрѣчается еще въ Комедїяхъ Плавта и Теренція вмѣсто *illum*; *lui* отъ *illui*, *lo* отъ *illo*, *ella* отъ *illa*, *ella* отъ *illos*, *loro* (*leurs*) отъ *illorum*; *este*, *esto*, (Испанское и Романское) отъ *iste*, *ista*; *qui* отъ *qui*; *que*, такъ часто вспрѣчающееся, отъ *quem*; *qual*, *quel* отъ *qualis* и ш. д. Я не могу вамъ въ подробности излагать всѣхъ измененныхъ формъ новаго языка, а указываю на нѣкоторыя главные.

Точно такъ какъ имена существительныя и прилагательныя образовались посредствомъ опсѣченія окончаній, — такъ и общая форма глаголовъ въ неокончательномъ наклоненіи составила посредствомъ опсѣченія окончательной гласной *e*, которою они кончаются по Лапьяни, какъ напр. изъ *amare*, *tenerere*, *subire* произошло *amar*, *tener*, *subir*. Здѣсь опять ясно видѣнъ обычай варварскій — опсѣкать гласныя. Но главная перемѣна послѣдовала въ общей системѣ спряженій, а именно введеніе глаголовъ вспомогабельныхъ. Откуда же явилась эта новая форма? Ренуаръ и за нимъ

Вильмень видяшь зародышъ этого вспомогательнаго глагола во многихъ изреченіяхъ древнихъ Латинскихъ Писателей, а именно: вопшь фразы Т. Ливія: *Urbem quam parte captam, parte dirutam habet*; еще: *praemisit omnem equitatum quem ex omni provincia coactum habebat. . . vectigalia parvo pretio redempta habet. . . De Caesare satis dictum habeo*, которое въ самомъ дѣлѣ соотвѣтствуетъ Французскому: *j'en ai dit assez sur Célar. . . .* Эти примѣры весьма замѣчательны; они встрѣчаются и въ позднѣйшихъ памятникахъ Латыни уже испорченной. Но все же сія фраза не показывають еще цѣлой системы спряженій, основанной на глаголахъ вспомогательныхъ. Глагола *habere*, какъ вспомогательнаго, мы въ Грамматикѣ Латинской не находимъ. Здѣсь явно видно вліяніе формъ варварскихъ, Готскихъ или Германскихъ, переведенныхъ на языкъ Латинскій. Но не лзя отвергнуть того, что Латинскій языкъ, заключаая въ себѣ нѣкоторыя подобныя формы, предложилъ ихъ для новой системы спряженій, и что прежде было въ немъ исключеніемъ, что сдѣлалось въ послѣдствіи общею формою. Для Германскаго *haben* послужило исковерканное изъ *habere* — *aver*, для *seyn* — *esse*, превращенное въ *ezzer*, и *stare*, превращенное въ *estar*, которое сохранилось въ Испанскомъ. Должно замѣтить, что Ремуаръ въ этомъ случаѣ слабо допускаешъ вліяніе языковъ Сѣверныхъ и хочешъ вывести новую систему спряженія глаголовъ изъ нѣкоторыхъ древнихъ оборотовъ языка Латинскаго. Онъ говорить, что Сѣверные языки имѣли сверхъ этихъ

глаголовъ вспомогапельныхъ еще другіе, какъ по видно въ Англійскомъ и Нѣмецкомъ: *werden, mögen, können, sollen, wollen* и такъ далѣе. *Plusieurs considérations permettent de douter que l'exemple de ces langues ait influé directement sur l'emploi des auxiliaires aver et esser dans l'idiome roman.* Однако онъ не отвергаетъ совершенно этого вліянія, а отрицаетъ только одно прямое и исключительное вліяніе. Что касается до частицы *que*, связывающей глаголы между собою и замѣняющей неопредѣленную Латинскую рѣчь,—онъ находитъ этотъ оборотъ у Готтовъ и Франковъ, но находитъ его также и въ нѣкоторыхъ оборотахъ Латинскихъ. Всѣ предлоги, нарѣчія и союзы Романскаго языка суть, въ корнѣ своемъ, предлоги, нарѣчія и союзы Латинскіе, искаженные варварами и иногда измѣнявшіе свое значеніе.

Изъ этого общаго обозрѣнія мы можемъ нѣсколько видѣть, какъ образовался языкъ Романскій или протонародный Римскій изъ Латинскаго смѣшаннаго съ варварскимъ, или лучше, искаженнаго варварами. Сей-то языкъ, по мнѣнію Ренуара и Перттиара, въ продолженіе нѣкотораго времени, а именно отъ Карла Великаго до XI вѣка, былъ общимъ языкомъ всего Запада Европы. Всѣ языки, пріеходящіе отъ Латинскаго, а именно Италійскій, Французскій, Испанскій, прошли такъ сказать черезъ этотъ языкъ, и потому-то гораздо болѣе имѣютъ сродства съ нимъ, чѣмъ между собою. Языкъ же, который всѣхъ болѣе къ нему приближается, есть языкъ Провансальскій, и остатки этого первоначальнаго Ново-Европей-

скаго Романскаго языка находяпся еще и теперь, по свидѣтельству Ренуара, на всемъ Югѣ Франціи, въ языкѣ простаго народа, на оспровахъ Балеарскихъ; а Першикари находятъ развалины онаго во всѣхъ провинціальныхъ нарѣчійхъ, копорыя и теперь еще слышны въ разныхъ частяхъ Италіи.

Вильмень опровергаетъ мнѣніе Ренуара, чптобы сей Романскій языкъ былъ когда-нибудь общимъ всему Западу и Югу Европы; гдѣ только распространился языкъ Латинскій, и чптобы всѣ языки Ново-Европейскіе, происходящіе отъ Латинскаго, прошли черезъ него. Онъ представляетъ шому нѣсколько опроверженій, копорыя мы высчитаемъ. Во-первыхъ, онъ говоритъ, чпто измѣненіе Латинскаго языка варварами не могло во всѣхъ странахъ совершаться однообразно, по однимъ и тѣмъ же правиламъ Грамматикъ, подъ копорыя Ренуаръ подвелъ формы языка Романскаго. Случай не можетъ быть вездѣ однообразенъ: однообразіе предполагаетъ Науку, условные законы. Напр. одно и то же слово Dominus въ разныхъ мѣстахъ измѣняется различно: будетъ и Domine, и Dom, и Don, и Dueno, какъ случится; но чптобы во всѣхъ мѣстахъ разные народы исковеркали его одинаково — это быть не можетъ. Отъ общаго опроверженія аргюгі Вильмень переходитъ къ самому частному доказательству. Онъ говоритъ: если всѣ существующіе языки Латинской Европы перешли черезъ Романскій, и Романскій языкъ есть поередствующій между сими языками и Латинскимъ языкамъ: то они должны бы во всѣхъ своихъ формахъ и словахъ быть ближе къ Роман-

скому, чѣмъ къ Лашинскому. Вильменъ приводитъ примѣръ прошивнаго, въ Ипаліанскомъ глаголь *tenege*. Прошедшее не совершенное по Ипаліански *teneva*, по Романски *tenia*: *teneva* не ближе ли къ Лашинскому *tenebat*, чѣмъ *tenia*? «Слѣдовательно какимъ же образомъ» — говоритъ Вильменъ — «можно предполагать, чтобы *teneva*, дабы произойти отъ *tenebant*, перешло черезъ *tenia*?» Доказательство оспроумно, но одно слово что же значить? Однимъ словомъ можно ли опровергать цѣлую систему? Да и какъ же въ такомъ буквальномъ смыслѣ принимаешь слова Ренуара, чтобы всѣ слова Испанскаго, Португальскаго, Французскаго и Ипаліанскаго языковъ, всѣ слова до малѣйшаго, перешли чрезъ слова языка Романскаго? Напр. это слово *tenia* по Испански будетъ точно такъ же какъ по Романски. Испанскій языкъ въ этомъ случаѣ оправдываетъ Ренуара, а Ипаліанскій нѣтъ. Изъ такого частнаго примѣра можно ли что-нибудь заключить? И что же значить одно слово противъ того философическаго сравненія, которое сдѣлалъ Перпикари, сличивъ первый памятникъ Романскаго языка съ Лашинью V вѣка и съ Ипаліанскимъ языкомъ XIII столѣтія и доказавъ переходъ?

И такъ, частное опроверженіе Вильмена, взятое отъ примѣра, ни къ чему не можетъ вести; но общее его опроверженіе, взятое имъ а priori, не лзя не принять въ уваженіе. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Лашинскій языкъ, входя въ уста разноплеменныхъ варваровъ, и еще до нихъ нашептывая едва ли не представлявшій уже нѣкоторыхъ

различій мѣстныхъ, въ разныхъ странахъ, какъ по въ Испаніи, на Югѣ Франціи, по всей Италіи, измѣнялся всюду одинаково, по однообразнымъ формамъ одной Всеобщей Грамматики, какъ будто бы всѣ варвары въ одно время на то согласились? Такое предположеніе было бы нелѣпо. И я недумаю, чтобы такъ разумѣлъ это неушомимый изслѣдователь Романскаго языка, Ренуаръ. Конечно, онъ, какъ Философъ, можетъ быть слишкомъ увлекся стремленіемъ своей Науки, и желая подвести подъ слишкомъ общія формы всѣ эти измѣненія, впалъ въ нѣкоторую крайность. Но такое стремленіе въ ученомъ Филологѣ весьма понятно и простиительно. Не будемъ же однако привязываться къ его словамъ и принимаемъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы привести ихъ *ad absurdum*.

Есть много доказательствъ, болѣе сильныхъ, чѣмъ то Италіянское слово *terere*, на коемъ утвердился Вильменъ, изъ которыхъ видно, что былъ уже въ то время такой языкъ, съ которымъ всѣ новые языки, отъ Латинскаго происходящіе, гораздо сходнѣе, чѣмъ между собою. Какимъ же образомъ, въ самомъ дѣдѣ, Испанецъ, вычленившійся у гробницы Св. Любы, могъ разговаривать съ Италіянскимъ Священникомъ и понимать его? Вильменъ говоритъ, что и теперь Италіянецъ пойметъ Испанца. Можетъ быть, въ нѣсколькихъ словахъ, но цѣлаго разговора они вести не могутъ. Конечно, мы не можемъ знать, долго ли разговаривали они между собою; но замѣчаніе Лэиописца, который прибавляетъ, что они могли понимать

другъ друга, потому что одинъ былъ Испанецъ, а другой Италіанецъ, имѣеть важную силу. Теперь не лзя бы было привести однако такого замѣчанія. При другихъ доказательстввахъ эпошь анекдотъ очень важенъ.

Возьмите первый памятникъ эпого Романскаго языка — клятву, говоренную Людовикомъ Германскимъ и его народомъ — разберите эпошь памятникъ по одному слову: какихъ словъ вы не найдете здѣсь? Вы найдете еще слова чисто Латинскіе: *nunquam, jurat, conservat, nulla, in damno sit*; вы найдете слова и ново- и древне-Италіанскія: *altresi, cosa, salvarai, fradre* почти *fratre, cadauna (cadauna)*; вы найдете слова Испанскія: самое слово *cadauna* есть Испанское, такъ какъ и древне-Италіанское; отъ *roblo* въ Испанскомъ происходятъ *robлар, robлазо, robлашо; savir, podir* близко къ Испанскому *saber и poder*; есть слова древне-Французскія: *salvament, zagrament, prindrai, plaid*; есть слова ново-Французскія: *en avant, son, nul*; Провансальскихъ словъ болѣе чѣмъ другихъ. И такъ въ эпошь небольшомъ опрывкѣ, не видите ли вы въ самомъ дѣлѣ смѣшенія всѣхъ новыхъ нарѣчій Латинской Европы, какого-то хаоса, гдѣ всѣ они являющся въ зародышѣ, — и съ нѣмъ вмѣстѣ никакихъ формъ, постоянно утвержденныхъ, никакого языка, уже образовавшагося? Однимъ словомъ, эпошь языкъ не даетъ ли намъ нѣкоторое понятіе о томъ языкѣ Вавилонскаго сполпошворенія, въ которомъ были смѣшаны языки всѣхъ народовъ, въ которомъ заключался зародышъ каждаго изъ нихъ, но ни

одного еще изъ нихъ не было въ настоящемъ видѣ?

Памятники всѣхъ языковъ Лапинской Европы, чѣмъ древнѣе, тѣмъ болѣе приближаются къ этому языку Романскому. Провансальское нарѣчіе, ранѣе всѣхъ образовавшееся, есть самое къ нему ближайшее. Замѣчательно, что Ренуаръ, подводя эпоху языка подъ формы грамматическія, держался болѣе формъ Провансальской Грамматики. Першикари, столь глубоко и окончательно изучивши древніе памятники Италіанской Поэзіи въ сравненіи съ памятниками Провансальской, замѣчаетъ, что произведенія сей послѣдней, чѣмъ древнѣе, тѣмъ ближе подходящъ къ Италіанскому языку, и напротивъ, чѣмъ позднѣе, тѣмъ болѣе отъ него удаляются. Еще Дантъ говорилъ, что Италіанскій, Провансальскій и Испанскій языки суть три нарѣчія одного и того же языка. Изъ Исторіи Италіанской Поэзіи намъ извѣстно, что всѣ первые Поэты Италіи, особливо Сѣверной, писали на Провансальскомъ языкѣ; что при дворѣ Эсповъ, при фамиліи Аццо, Поэзія Провансальская находила особенное покровительство. До самыхъ временъ Данта, Провансальская Поэзія процвѣтала въ Италіи, и Дантъ въ своей Поэмѣ влагаешь Провансальскіе стихи въ уста одному Поэту, котораго выводитъ онъ въ числилицѣ. Изъ всего этого не слѣдуетъ ли заключить, что было время, когда языкъ Италіанскій былъ весьма близокъ къ Романскому и соспавалъ съ нимъ почти одно? Першикари находятъ, что теперешнее Римское нарѣчіе есть древнее нарѣчіе Провансальское.

Италянский языкъ, какъ извѣстно, позднѣе образовалъ свои музыкальныя окончанія на гласныя. Извѣстно, что онъ въ эпоху случаѣ последовалъ вліянію Сицилійскаго нарѣчія: ибо въ Сициліи собственно началась Италиянская Поэзія, и окончанія на гласныя называются окончаніями Сицилійскими. Спало-бысть, древній Италиянскій языкъ не имѣлъ эпихъ окончаній музыкальныхъ, а въ немъ господствовали окончанія на согласныя. Таковъ именно характеръ Романскаго языка, какъ мы это видѣли: вопрь еще новое и сильное доказательство тому, что древне-Италянскій языкъ приближался къ Романскому. Замѣчательно, что до сихъ поръ на Сѣверѣ Италіи, въ нарѣчіяхъ Венеціанскомъ и Ломбардскомъ, слова кончаются на согласныя.

Изъ эпихъ доказательствъ ясно, что Италиянскій языкъ въ своемъ источникѣ былъ одно и то же, что языкъ Романскій. Это можно утвердительно сказать и объ Испанскомъ языкѣ, котораго Кастильское нарѣчіе, самое древнѣйшее, первоначально служившее Поэзіи Испанской, естъ почти совершенно то же, что и Провансальское.

Чѣмъ болѣе вы будете узнавать Французскій, Испанскій, Италиянскій языки, въ ихъ древнѣйшихъ памятникахъ и въ ихъ разнообразнѣйшихъ нарѣчіяхъ, тѣмъ доступнѣе будетъ для васъ языкъ Прованса и языкъ Романскій. Не мудрено, потому что въ немъ встрѣчаете вы по Италиянское слово, по Испанское. Если же вникнете во всѣ простонародныя нарѣчія, которыя и теперь еще живы въ разныхъ областяхъ Испаніи, Италіи, и

особенно Южной Франціи, но можете совершенно воскресить эпошу загадочный Романскій языкъ, копорымъ говорила Западноружная Европа Среднихъ вѣковъ, Европа Карла Великаго.

И шакъ, къ какому же заключенію мы должны прийти послѣ всѣхъ нашихъ изслѣдованій? Къ тому во 1-хъ, что всѣ языки, происходящіе отъ Лапинскаго, нѣкогда были гораздо ближе между собою, потому что они были ближе къ единому и общему ихъ источнику, т. е. къ языку Лапинскому; что, удаляясь отъ него болѣе и болѣе и образуясь самостоятельно, эти языки постепенно перели свое сходство между собою и сдѣлались другъ другу непонятны. Языки, какъ воды, говоришь извѣстный Испаліанскій Филологъ Ланца: чѣмъ болѣе отдаляются они отъ своего источника, тѣмъ болѣе измѣняются. Во 2-хъ, былъ въ древности, во времени Карла Великаго, шакъ называемый проспонародный Романскій языкъ, копорый представлялъ первоначальное искаженіе Лапинскаго языка варварами и былъ безобразнымъ смѣшеніемъ или хаосомъ всѣхъ языковъ Лапинской Европы, хаосомъ, въ коемъ всѣ нарѣчія имѣли свой зародышъ. Неправильность и произвольность этого искаженія въ разныхъ странахъ была причиною того, что народы понимали другъ друга, хотя всякій искажалъ языкъ по своему; но шакъ какъ они искажали одинъ и тотъ же коренной языкъ, слѣдовательно могло пониматься другъ друга. Въ послѣдствіи эти искаженія приняли уже формы болѣе правильныя и мѣстныя, и перестали быть непонятны. Представьте себѣ: если бы Французъ,

Нѣмецъ, Италіинецъ, Англичанинъ спали говорить по Русски: всякій искажалъ бы Русскій языкъ по своему; но всѣ они понимали бы другъ друга. Весьма замѣчательно, что пещеръ въ Италіи промышленники, а особливо извозчики, переезжающіе изъ Франціи въ Италію и Германію, составляютъ себѣ какой-то особенный языкъ, какую-то безобразную, неправильную смѣсь, посредствомъ коей однако они даютъ себя разумѣть народамъ тѣхъ странъ, черезъ которыя проѣзжаютъ. Языкъ Европы Среднихъ вѣковъ былъ не лучше этого. Хотя всѣ измѣненія Романскаго языка были неправильны, безобразны, и невозможно ихъ подвести подъ самыя положительныя формы Грамматики, какъ это хотѣлъ сдѣлать Ренуаръ; однако по какому-то инстинкту ума человеческого, который не можетъ дѣйствовать безъ единства, который утвержденъ самимъ Творцемъ на началѣ согласія, даже и въ этомъ хаоспическомъ языкѣ существовать нѣсколько общихъ правилъ, которыя послужили особенно къ образованію Провансальскаго языка, имѣющаго уже полную свою Грамматику. Вотъ почему сія послѣдняя, какъ ближайшая къ первоначальному, коренному языку Латинской Европы, необходима для совершеннаго изученія языковъ Югозападныхъ, и многое, что является намъ въ ихъ Грамматикахъ исключеніемъ, въ ней подведено подъ общее правило. Время, когда этою хаоспическій языкъ господствовалъ во всей Югозападной Латинской Европѣ, есть время Карла Великаго, когда всѣ эти народы были въ большомъ движеніи между собою, когда самый Государь под-

держивалъ безпрерывныя сообщенія между Италіею и Южною Франціею. Можно сказать, что какъ Имперія Карла Великаго подъ формою наружнаго единства предсавляла уже разрозненность феодальную, такъ и въ языкъ эпои Лапінской Европы, подъ формою наружнаго единства, уже начинали зарождапьясь безчисленно-разнообразныя нарѣчія, происходившія опъ одного и того же корня, изъ коихъ нныя уже заключали въ себѣ сѣмя новыхъ Европейскихъ языковъ.

Здѣсь встрѣчаемъ мы неволью явленіе замѣчательное и находимъ чудное согласіе между Исторіею словеснаго міра и Исторіею политическаго быта народовъ. Сей часъ упоминалъ я вамъ объ эпои дивномъ согласіи, копорое господствуетъ въ такой разнообразной и по видимому произвольной спихи, каковъ языкъ человѣческой, копорое поддерживаетъ условныя законы эпого языка на разныхъ концахъ міра, на льдиспомъ Сѣверѣ и на знойномъ Полуднѣ. Такова сила мысличеловѣческой, все приводящей въ гармонію! Такое же согласіе господствуетъ и во всей Исторіи челоѣка, во всѣхъ явленіяхъ его жизни безъ исключенія; въ ней одно опивѣчаетъ другому.

Характеръ древняго міра, копорого главнымъ и послѣднимъ предсавителемъ былъ для насъ Римъ, заключался въ спремленіи къ единству. Въ самомъ началѣ Рима, возьмите вы эпоихъ Римлянъ: всѣ они сливаются въ единый характеръ; идея опещства поглощаетъ, такъ сказать, въ себѣ всѣ частныя лица. Люди исчезаютъ въ гражданахъ Римскихъ. Далѣе, система завоеванія Римскаго вса

основана была на началѣ уподобленія себѣ другихъ народовъ. Римъ, завоевывая страны Европы, Азии и Африки, все усваивалъ себѣ, все приводилъ къ одному знаменателю. Вы видите единство управления, единство Религіи, единство обычаевъ и наконецъ единство въ языкѣ. Все, что подвластно было Риму, все должно было имѣть единый языкъ. Чѣмъ же кончилъ древній міръ? Единымъ всемірнымъ Римомъ и единымъ Римскимъ языкомъ. Вотъ, что видимъ мы въ заключеніе древней Исторіи.

Характеръ новаго міра совершенно противоположенъ древнему. Тамъ единство, — здѣсь безконечное разнообразіе. Тамъ всепоглощающая идея общественности, — здѣсь необузданная независимость Германская. Тамъ единая Римская Имперія, все совокупающая въ себѣ, — здѣсь Германскій феодализмъ, все раздѣляющій. Тамъ однообразныя муниципіи, города, по одной мѣркѣ устроенные, однимъ управленіемъ руководимые, — здѣсь неприступныя замки феодаловъ и ненависть къ городамъ. Тамъ одна Римская краска на всѣхъ племенахъ, даже варварскихъ, убивающая всякую пестроту, всякую частность, — здѣсь безчисленное разнообразіе племенъ, и всякое изъ нихъ самоспоятельно развивается. Наконецъ, тамъ одинъ Римскій языкъ, — здѣсь многіе языки одного и того же корня и пма разнообразныхъ нарѣчій.

Имперія Карла Великаго была послѣднимъ усиленіемъ великаго Генія — дасть единство всей западной Европѣ, которая приготовилась уже къ своему феодальному, разрозненному бытію. Своими войнами съ Саксонцами и съ племенами Славян-

скими, Карль Великій, первый, положилъ конецъ пипивѣковому попопу народовъ дикихъ и, ушвердивъ плошины, у Пиренеевъ пропивъ Мавровъ, на Воспокъ прошивъ Славянъ, уставилъ границы: какъ бытъ шеперешней Германской Европѣ. Великій спроишель первоначальнаго хаоса долженъ былъ своими мощными руками охватить всѣ предѣлы Европы, провеспи мечемъ волшебную чершу и сказапъ народамъ дикимъ, которые все приливали къ Западу: не далѣ! Оградивъ извнѣ, надобно было успроишь единство и внупри. Карль схвапился за корону древней Римской Имперіи, и она засіяла на головѣ его, въ послѣдній разъ, опшескду видимымъ свѣпомъ, все связующимъ магическою силою власпи. Мечемъ своимъ онъ смепалъ на живую нишку всю эту разноспихійную Европу Средняго вѣка, уже заклачавшую въ себѣ начала феодализма. Карла не спало, не спало и великой его Имперіи. Она расшилась на безконечное множество клочковъ, изъ которыхъ долго еще не могли образоваться Государства, единыя, сильныя, самобытныя.

Что видимъ въ полипической жизни народовъ Европы этого времени, по же самое находимъ въ мирѣ словесномъ. При Карлѣ Великомъ по всему Югозападу Лапинской Европы господствуетъ какой-то смѣшанный, искаженный Лапинскій языкъ, споль же безобразный, споль же неспройный, споль же чуждый всякой организаціи, какъ и Имперія Карла Великаго, — языкъ, заклачавшій въ себѣ уже начало безконечныхъ мѣспныхъ измѣненій, безчисленныхъ нарѣчій, равно какъ и Имперія

Карлова заключала въ себѣ зародышъ безчисленнаго множества феодальныхъ областей. По смерти Карла, какъ только Европа образовалась феодально, такъ и эпошъ языкъ, мнимо единый, спалъ распадается на самостоятельныя нарѣчія, которыя чѣмъ болѣе удалялись другъ отъ друга, тѣмъ болѣе спановились между собою непонятны. Не только въ обширныхъ областяхъ, даже въ городкахъ и мѣстечкахъ составлялись особенныя нарѣчія. Феодальная жизнь, разъединявшая народы, способствовала этому. До сихъ поръ Италия, носящая на себѣ живые признаки феодализма, изобилуетъ безчисленнымъ множествомъ нарѣчій по городамъ и мѣстечкамъ. Ни одна страна, кромѣ Германіи, не можетъ поспорить съ нею въ эпошъ отношеніи: ибо Италия въ особенности всегда была чужда единства и представляла крайнюю степень раздѣленія. Въ одномъ и томъ же городѣ возникали два разныхъ нарѣчія, потому что и города дѣлились на паршіи. Такое феодальное устройство жизни полипической народовъ, разрознивая ихъ между собою, вводило феодализмъ и въ словесный міръ, и долго служило препятствіемъ къ образованію единыхъ и самостоятельныхъ языковъ, которые поглотили бы въ себѣ нѣсколько эпошъ разнообразныя нарѣчія и дали бы имъ хотя насильственное единство.

Наконецъ изъ феодальныхъ, мелкихъ частей Европы начинаютъ сосредоточиваться отдѣльныя, самостоятельныя Государства и расширятъ власть свою: по мѣрѣ того, какъ эпошъ власть распространяется и смыкаетъ части въ одно цѣлое, —

нарѣчій городковъ и мѣстечекъ сливаются также въ одинъ общій языкъ. Такія счастливыя обстоятельства сосредоточенія государственнѣйшей власти и съ тѣмъ вмѣстѣ распространенія жизни общественной, способствовали раннѣйшему образованію Провансальскаго языка на Югѣ Франціи. Южная Франція, бывъ долгое время удѣломъ нѣкоторыхъ наслѣдниковъ Карла Великаго, въ 879 году была возвыщена на степень независимаго Королевства Бозономъ, который короновался въ городѣ Мампѣ подъ именемъ Короля Арльскаго или Прованскаго, и покорилъ своему владычеству Провансъ, Дофиней, Савою, Лионскую область и нѣсколько Бургонскихъ Графствъ. При Бозонѣ, какъ видимъ мы, сосредоточивается власть отъ 877 до 887 года; при немъ начинается образованіе и Провансальскаго языка, а при наслѣдникахъ его, въ X вѣкѣ, создается уже и процвѣтаетъ Поэзія, особенно въ то время, когда Провансальцы соединяются съ Капалонцами посредствомъ супружества дочери Жилиберта, послѣдняго изъ рода Бозоновъ, съ Раймондомъ Беранжеромъ, Графомъ Барцелоны.

Между тѣмъ на Сѣверѣ Франціи, за Луарой, образуется новое Государство, и съ тѣмъ вмѣстѣ новый языкъ Романо-Валлонскій, отъ имени Валлоновъ или Вельшей, которое Германскія племена давали жителямъ Сѣверной Франціи. Думаютъ, что это есть испорченное имя Галловъ (Galli); ибо буква Г переходитъ иногда въ В, какъ это мы видимъ въ имени Гильомъ и Вильгельмъ. Долго Сѣверъ Франціи не имѣлъ единства политическаго: наконецъ въ X вѣкѣ, одна изъ его

провинцій принимаетъ въ свои нѣдра новый народъ, Норманновъ, которые подъ предводительствомъ Ролло или Рауля Датскаго завоевываютъ ее и даютъ ей имя Нормандіи. Языкъ новыхъ пришельцевъ сливается съ прежнимъ языкомъ Романо-Валлонскимъ, и еще болѣе отдаляетъ его отъ Провансальскаго. Дѣятельный духъ Норманновъ скоро сосредоточиваетъ власть. Нормандія въ 912 году образуется Герцогствомъ при славномъ Ролло: новый языкъ болѣе и болѣе утверждается; черезъ полтора вѣка, при Вильгельмѣ Завоевателѣ, онъ занимаетъ не только Сѣверъ Франціи, но даже вводится и въ Англію, и тамъ вытѣсняетъ языкъ опечиственный. Скоро образуется онъ и свою Литературу, обильную произведеніями.

Такимъ образомъ во Франціи, на Югѣ и на Сѣверѣ, образуются два языка около двухъ сильныхъ Дворовъ — языкъ Романо-Прованскій, совершенно исчезнувшій изъ области Литературы и оставшійся въ устахъ черни тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ некогда процвѣталъ, и языкъ Романо-Валлонскій, родоначальникъ настоящаго языка Французскаго. Оба они извѣстны были въ Среднія времена подъ именемъ *Langue-d'oc* и *Langue d'oui* или *Langue d'oïl*, по звуку утвердительной частицы *да*. Здѣсь кстати замѣчу, что и языкъ Испанскій, по звуку той же частицы, въ Среднія времена назывался языкомъ *si* (*Langue de si*), почему Дантъ именуетъ Испанію: *il bel paese dove si suona*; а Нѣмецкій языкъ носилъ названіе *langue de ya*.

Испанскій языкъ образовался въ видѣ трехъ

главныхъ нарѣчій. Древнѣйшее изъ нихъ есть Капалонское или Лимузинское, которое есть почти одно и то же, что языкъ Провансальскій, и съ нимъ вмѣстѣ приближается къ языку Романскому. На Капалонскомъ или Провансальскомъ нарѣчїи писали всѣ первые Поэты Испанїи, такъ что Исторїя Поэзіи Испанской сливается съ Исторїею Поэзіи Прованса: почти то же явленіе, какое находимъ и въ Италїи. Капалонское нарѣчіе было языкомъ липерзпурнымъ при томъ же Раймондѣ Беранжерѣ, который соединилъ Капалонцевъ съ Провансальцами. Оно господствовало по всему Арагону, вдоль Средиземнаго моря, отъ Пиренеевъ до Королевства Мурціи.— Другое нарѣчіе Испанское, которое въ послѣдствїи, побѣдивъ Капалонское, образовалось настоящимъ языкомъ Липератури Испанской, было нарѣчіе Каспильское. Оно находилось въ центрѣ Испанїи и имъ говорили отъ Пиренеевъ до Королевства Гренады. Санчіо III, Король Наваррскій, умершій въ 1034 году, соединилъ всю Христіанскую Испанїю въ одно цѣлое. При немъ-то родился знаменитый Родриго Ланнесь, прозванный Сидомъ. По смерти Санчіо III, Королевство Каспильское досталось сыну его Фердинанду, при которомъ Сидъ прославился своими подвигами надъ Маврами. Ко времени сего-то Фердинанда, т. е. къ XI вѣку, должно отнести образованіе нарѣчїа Каспилланскаго, котораго первые памятники суть пѣсни о Сидѣ, Героѣ эпохи. Но не прежде конца XV вѣка это нарѣчіе спановится уже общимъ липерзпурнымъ языкомъ Испанїи.

Наконецъ прешье, образовавшееся въ Испаніи, было нарѣчіе Галлиціи, или Gallego, просширавшееся отъ Галлиціи до Королевства Алгавры: отъ него-то Португальскій языкъ принялъ свое начало. Образованіе сего языка должно опнесши къ началу XII вѣка, а именно къ тому времени, когда Генрихъ Бургонскій, женившись на дочери Короля Кастиліи, получилъ отъ него въ даръ Португальское Графство. Но еще болѣе утвердился эшошь языкъ при Альфонсѣ, который своими завоеваніями распространилъ Графство въ Королевство и наименовался первымъ Королемъ Португалліи. Въспѣсъ съ Монархіей, еще при Генрихѣ, возникла и Поэзія Португалліи.

Испаліанскій языкъ образовался позднѣе всѣхъ своихъ брашьевъ, происходящихъ вмѣстѣ съ нимъ отъ одного опща. Причина тому двоякая. Во-первыхъ, Испалія долго чужда была всякаго единства, а безъ жизни политической и общеспвенной не могъ изъ мелкихъ нарѣчій создаться единый имперашурный языкъ. Во-вторыхъ, Испалія, болѣе нежели какая-либо спрана Западной Европы, заключала въ себѣ множештво различныхъ нарѣчій: чему причиною были приливы народовъ варварскихъ, одинъ за другимъ вшоргавшихся въ Испалію. Въ Галліи было только три народа: Веспгошомъ, Бургундцы и Франки. Въ Испаліи, послѣ первыхъ вшорженій Готшоевъ, Гуиновъ, Геруловъ, Вандамовъ, послѣдовали Ломбарды, Франки, Венгерцы, Сарацины, Германцы. Языкъ Прованса усилъ уже дойши до своего совершенства; языкъ Валлонскій на Сѣверѣ Франціи имѣлъ также Словешность; Испалія

и Португаллія произвели уже нѣсколькихъ Поэзовъ, прежде чѣмъ Италіянскій языкъ явился языкомъ липературнымъ. Въ Сициліи, при двухъ Рогерахъ и двухъ Вильгельмахъ, сосредоточилась власть и вмѣстѣ съ тѣмъ образовался языкъ, въ первой половинѣ XII вѣка. При Дворѣ Палермскомъ раздались первые звуки Поэзовъ Италіи. Сицилійское нарѣчіе наследовало отъ древней Греціи особенную музыку языка: оно оканчивало всѣ слова на гласныя, шогда какъ въ другихъ обласпяхъ Италіи господствовали на концѣ согласныя; и такъ Сицилія придала гласныя грубымъ согласнымъ древняго Романскаго языка, господствовавшего до тѣхъ поръ въ Италіи. Перликарп приводинъ спихи нѣкоторыхъ древнѣйшихъ Поэзовъ Италіи и Провансальцевъ, и весьма искусно, посредствомъ придачи гласныхъ, превращаетъ ихъ въ наслоаціа Италіянскія. Напр. вопъ спихъ Иліи Баріоло, древняго Поэта: *Ahi! com' tragg' grev' repenteuz'*; прибавьте Сицилійскія гласныя и будетъ: *Ahi! come traggio greve penitenza*. *Per qual ragione che non avet cantat* (спихъ Бернарда да Венпадорно, одного изъ Провансальцевъ); прибавьте гласныя и будетъ прекрасное Тосканское нарѣчіе: *Per qual ragione che non avete cantato*. Такимъ образомъ, Муза Сициліи, по преданіямъ Музы Греческой, сохранившая любовь къ гласнымъ, сообщила Италіянскому языку преимущество музыкальности передъ всѣми языками новой Европы. Первымъ Поэтомъ Сицилійскимъ Ученые единогласно почипають Чулло изъ Алькамо, жившаго во второй половинѣ XII вѣка. При Фредерикѣ II, вступившемъ на престоль Сициліи въ

1197 году, еще болѣ процвѣла Поэзія. Фредерикъ, II и Секретарь его Пiere (delle Vigne) принадлежатъ къ числу первыхъ Поэтовъ Италіи.

На голось Музы Сицилійской скоро во всѣхъ концахъ Италіи откликнулась Поэзія; но нарѣчія долго мѣшали еще утвердиться единому языку. Только въ концѣ XIII вѣка Дантъ рѣшительно установилъ существованіе литературнаго языка Италіи.

Такъ изъ безобразнаго хаоспическаго смѣшенія языковъ, или изъ Латинскаго языка, искаженнаго варварами, мало по малу, вмѣстѣ съ полипическою жизнію народовъ, образовались и ново-Европейскіе языки, какъ то: Французскій въ видѣ двухъ главныхъ нарѣчій, изъ которыхъ Сѣверное превозмогло надъ Южнымъ; Испанскій въ прехъ нарѣчійхъ, изъ которыхъ Кастилланское превозмогло надъ Кашалонскимъ, а Галлійское образовало языкъ Португальскій; Италіянскій языкъ сначала въ видѣ множества нарѣчій, которыя могли бытъ приведены къ единству только великимъ подвигомъ генія Италіи, Данта. Нарѣчія продолжали существовать и даже теперь продолжаютъ бытіе свое; но литературная жизнь народовъ создаетъ единство языка и попомъ его поддерживаегиъ. Народъ, не имѣющій Литературы, всегда чуждается и единства въ языкѣ своемъ.

Экстраординарн. Профессоръ Московскаго Университета

С. Шевыревъ.

3.

О ЛИТОВСКОМЪ СТАТУТЪ.

Одинъ любитель археологическихъ изысканій, желая имѣть ближайшее свѣдѣніе о Литовскомъ Спашуптѣ, спарался собрать спарянные экземпляры онаго, и получилъ слѣдующіе:

Изъ Вильны: на Русскомъ языкѣ, печатанный въ Вильнѣ 1588 года, въ шипографіи Мамоничей, шрифтомъ, похожимъ на писанный, вообще хорошо сохраненный, и чепыре на Польскомъ, печатанные: 1-й 1614 г., 2-й 1619 г., оба въ Вильнѣ же, въ шипографіи Льва Мамонича: къ последнему приложенъ въ концѣ Трибуналь, выданный на Сеймѣ Варшавскомъ въ 1581 году; 3-й 1648 г. въ Варшавѣ, въ шипографіи Элерта, съ Трибуналомъ, и 4-й 1693 г. въ Вильнѣ, въ шипографіи Іезуитской Академіи, въ концѣ также съ Трибуналомъ: всѣ изданія Польскія, какъ сіи, такъ и изъ другихъ мѣстъ доставленные, печатаны Готическими буквами.

Въ отношеніи рѣдкости, преимущественно заслуживаетъ вниманіе Русскій экземпляръ, ибо, по удословренію Ректора бывшаго Варшавскаго Лицея, Доктора Самуила Линде (въ книгѣ его подъ заглавіемъ: «О Литовскомъ Спашуптѣ, на Русскомъ языкѣ и Русскими буквами печатанномъ,

Варшава, 1816 года»), извѣсны были только четыре экземпляра Статута на Русскомъ языкѣ: 1-й, доставшійся ему Лянде изъ библіотеки Графа Суходольскаго, 2-й при Ляповскихъ Мемпріахъ въ Правительствующемъ Сенатѣ, 3-й въ библіотекѣ Московскаго Общества любителей Исторіи и Древностей и 4-й въ библіотекѣ Гродненскаго (упраздненнаго въ 1833 году) Доминиканскаго монастыря: въ семь последнемъ мѣсцѣ, впрочемъ, означеннаго экземпляра не оказалось.

Изъ Гродно: два экземпляра на Польскомъ языкѣ, печатанные въ 1819 году, и одинъ шаковой же, перепечатанный въ 1623 году, съ приложеніемъ въ концѣ Трибунала.

Изъ Кіева: копію Статута 1566 года, на Русскомъ языкѣ, списанную съ современной рукописи, принадлежащей Профессору Даниловичу, и экземпляръ Статута на Польскомъ языкѣ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ.

Сверхъ того, Сводъ конспіиціи Статутовъ, или собраніе древнихъ Польской Республики Законовъ, изданныхъ съ 1347 по 1600 годъ, и напечатанныхъ въ семь последнемъ году въ Краковѣ. Сводъ Законовъ сихъ, составленный прудами частнаго Законовѣдца Янушевскаго, не объемлетъ Ляповскихъ Законоположеній, для коихъ тогда же составлялся отдѣльный Сводъ, и хотя въ немъ на стр. 741 помѣщены въкопорыя Ляповскія привилегіи, но онъ относится только къ Публичному или Государственному Праву, Законовъ же Гражданскихъ, Уголовныхъ и Судопроизводства Княжества Ляповскаго въ себѣ не содержащъ. Онъ былъ

представляемъ Сейму въ видѣ проекта, но силы дѣйствующаго закона и въ самой Польшѣ не имѣлъ.

Изъ Житомира: Польскій экземпляръ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ, Таможеннымъ Тарифомъ и разными другими приплетенными поспановленіями.

Изъ Бѣлостока: Спапушъ, на Польскомъ языкѣ, печатанный въ Вильнѣ 1693 года, съ Трибуналомъ и Воинскимъ Уставомъ; сверхъ шого доспавлена книга, въ коей переплещены: 1) Statuta Regni Poloniae, in ordinem alphabeti digesta, на Латинскомъ языкѣ, изданные въ Краковѣ 1563 г., и 2) Конспишуціи и привилегіи, на Коронныхъ Сеймахъ съ 1550 по 1569 годъ состоявшіяся, безъ года печатанія.

Изъ Витебска: свѣдѣніе о рукописи перваго для Липвы Спапуша и о предметахъ, заключающихся въ изданіи 1529 года, въ двухъ частяхъ, на Польскомъ языкѣ, соспавленное Оаддеемъ Чацкимъ, въ коемъ онъ за основаніе взялъ Латинскій переводъ онаго 1538 года, подаренный ему Королемъ Польскимъ Спаниславомъ Августомъ IV.

Примѣч. Экземпляръ Спапуша, принадлежавшій Чацкому, проданъ въ послѣдствіи, со всею библіошекою его, оспавшеюся по немъ вдовою, за 400,000 злотыхъ Князю Адаму Чарпорійскому, и поступилъ въ соспавъ Пулавской библіошеки, которая нынѣ перевезена въ С. Петербургъ и часть коей присоединена къ Императорской Публичной Библіошекѣ; но сказываютъ, что мать Князя Адама, покойная Фельдмаршальша Чарпо-

рійская, успѣла вывезши изъ оной драгоцѣннѣйшія книги въ Галицію, а въ помѣ числѣ вѣроятно и вышеозначенный Спашупъ.

Изъ свѣдѣній, доставленныхъ при сихъ экземплярахъ, разсмотрѣнія самыхъ Спашуповъ и разысканій, дѣлаемыхъ въ С. Пешербургѣ, открывается слѣдующее:

Липовскій Спашупъ первоначально былъ изданъ на Русскомъ языкѣ и Славянскими липерами. Извѣстный Чацкій и Линде, въ своихъ сочиненіяхъ, говоря о семъ подробно. Послѣдній изъ нихъ, сравнивая Польскіе переводы съ Русскимъ печатнымъ изданіемъ Спашуша, указываетъ въ нихъ даже самыя мелкія, умысленныя или неумысленныя ошибки, дающія другой смыслъ закону. И дѣйствительно извѣстно, что Спашупъ былъ съ умысломъ переведенъ превратно, такъ какъ Русскій подлинникъ онаго писанъ болѣе въ духѣ Монархическомъ (*), опъ чего и не могъ быть приноровленъ къ республиканскому правленію Польши: по сему-то на Коронѣ, какъ называли Поляки, Спашупъ и не дѣйствовалъ, а тамъ, гдѣ онъ имѣлъ законную силу, какъ-то въ Липвѣ, на Волини, въ Бѣлоруссіи и Малороссіи, Польскіе Законовѣдцы употребляли превратный переводъ, по собственнымъ видамъ.

Первое начертаніе Спашуша нѣкоторые полагають въ 1505 году при Королѣ Александрѣ, который хотѣлъ-было сдѣлать оный повсемѣстнымъ,

(*) Нѣкоторые изъ спашей его въ послѣдствіи вошли почти цѣлкомъ въ Уложение Царя Алексія Михайловича. Фед.

но послѣдовавшая вскорѣ смерть его уничтожила сіе намѣреніе; за всѣмъ тѣмъ Станушъ сей въ Малороссіи по Присужденнымъ Мѣстамъ употреблялся уже съ того времени, а чрезъ годъ послѣ того, въ началѣ царствованія Сигизмунда I, выданы для онаго же края, какъ пишеть Чацкій, права или привилегіи, копорыя также, бытъ можеть, были не что иное, какъ подтвержденіе сего же Стануша или дополненіе къ оному. Внимательное разсмотрѣніе обстоятельствъ сего ведетъ къ развитію мысли, что Станушъ, въ коемъ многія постановленія заимствованы изъ Русскаго быта, первоначально былъ составленъ для Малороссійскаго края, сохранившаго, нѣкопорымъ образомъ, и въ самомъ Законодательствѣ Опечесственнѣйшій духъ и Русскую самостоятельность. Онысканіе древнихъ манускриптовъ онаго въ нынѣшнихъ Губерніяхъ Полтавской и Черниговской, особенно въ Сѣверныхъ уѣздахъ первой и Южныхъ послѣдней, болѣе прочихъ участвовавшихъ въ переворотахъ соединенія съ Липвою, объясняютъ со временемъ справедливость сей догадки, и съ тѣмъ вмѣстѣ обозначаютъ эпоху самаго изданія Стануша.

Въ 1522 году Король Сигизмундъ I, вида потребность таковыхъ же письменныхъ узаконеній для Липвы, и желая въ то же время сдѣлаться Законодателемъ Польши, повелѣлъ исправитъ Станушъ въ Русскомъ подлинникѣ и Польскомъ переводѣ, копорый, по утверженіи въ 1529 году, и былъ принятъ Липовскими Чинами единогласно; но Король не имѣлъ удовольствія согласишь на то Польскихъ Вельможъ, въ то время уже прошивав-

шихся общему благоустройству и домогавшихся однихъ только частныхъ выгодъ, въ послѣдствіи Коллежницями безпрестанно умножаемыхъ. Спасушь сей многіе, относя къ принятію Липовскимъ народомъ, признающъ за первое изданіе; предшествовавшій же ему, какъ нигдѣ, кромѣ Малороссіи, не получившій дѣйствія, однимъ только приготовленіемъ къ оному: оба они, какъ пошъ, такъ и другой, напечатаны не были. Современные рукописи сего послѣдняго весьма рѣдки: ихъ, сколько извѣстно, сохранилось, на Русскомъ языкѣ, только три: одна, списанная, какъ полагають должно, около 1554 года, находившаяся въ библіотекѣ Виленской Римскокаполомической Духовной Академіи, въ числѣ книгъ, переданныхъ въ оную изъ бывшаго памонскаго Университета, съ заглавіемъ: «Правѣ писанные старого Спасушу и даные Великому Князю Липовскому, Рускому, Жомонскому и иныхъ, черезъ наяснейшаго Пана Жикгимонта зъ Божее милоспи Короля Полскаго, Великаго Князя Липовскаго, Рускаго, Прускаго, Жомонскаго, Мазовецкаго и иныхъ многыхъ.» Другая находилась въ библіотекѣ Варшавскаго Общества Любителей Словесности, нынѣ присоединенной къ Императорской Публичной Библіотекѣ, а шрешья у Графа Дзалинскаго въ Пруссіи. Сія послѣдняя рукопись важнѣе прочихъ: Профессоръ Лелевель имѣлъ намѣреніе издашь ее въ свѣтъ, и уже оппечаталъ 18 листовъ въ Познани. Польскій же переводъ сего Спасуша извѣстенъ только одинъ, 1533 года, у Помѣщика Сендомирскаго Воеводства Консшашина Свидзинскаго; а Лашинскій

переводъ онаго, принадлежавшій Чацкому, достался Князю Адаму Чарпорійскому и находился въ Пулавской Библіошекѣ, нынѣ также перевезенной въ С. Пешербургъ; но между книгами, присоединенными къ Императорской Публичной Библіошекѣ, означеннаго экземпляра, какъ выше сказано, не оказывается. Всѣ означенные при экземпляра, болшею частію, не были извѣстны Чацкому, который, при всѣхъ своихъ разысканіяхъ, неправильно полагалъ, что въ его время было только два списка съ изданія 1529 года Спапуна: одинъ въ Лашинскомъ переводѣ у него, которому дѣлалъ онъ и разборъ, а другой, теперь уже заперянный, въ Вильнѣ въ Земскихъ акшахъ.

Спапушъ Сигизмунда I, въ послѣдствіи, былъ дважды исправляемъ и дополняемъ; въ первый разъ на Липовскомъ Сеймѣ въ Бѣльскѣ въ 1564, и во второй на Сеймѣ Виленскомъ въ 1566 году; исправленная редакція въ семь послѣднемъ году утверждена Сигизмундомъ Августомъ для Волыни и Подоліи, и извѣстна подъ именемъ Волынскаго Спапуша, или Спапуша Сигизмунда Августа, а по времени принятія Липовцами вторымъ Спапушомъ. Рукописные экземпляры сего Спапуша, также не напечатаннаго, на Русскомъ языкѣ, хранятся: одинъ въ Музеумѣ Графа Румянцева, другой въ библіошекѣ Графа Ходкевича, въ имѣніи его Млыновѣ, Волынской Губерніи, 1564 и 1566 годовъ, а препій у Профессора Университета Св. Владимира Даниловича. Переводы онаго извѣстны: одинъ, на Польскомъ языкѣ, въ Императорской Публичной Библіошекѣ, въ числѣ книгъ, переданныхъ въ

оую 1794 года изъ Библиотеки Задускаго, другою, на Польскомъ и Лашинскомъ, у Графа Хрептовича, Гродненской Губерніи, въ имѣніи его Щорсахъ, а претій, Лашинскій, у Графа Сьраковскаго въ Варшавѣ; также находился одинъ экземпляръ, на Польскомъ языкѣ, въ Радзивилловскомъ архивѣ, но взятъ опшуда Княземъ Адамомъ Чарпорійскимъ. Кромѣ того были Польскіе переводы онаго, какъ видно изъ записокъ Радзивилловскаго архива, въ библиотекахъ Варшавскаго и Виленскаго Университетовъ, Варшавскаго Общества Любителей Словесности и Луцкаго Тринитарскаго Монастыря; но сохранены ли они и гдѣ теперь находятся, не извѣстно; въ Пулавской библиотекѣ, славившейся рѣдкими манускриптами, находился подлинникъ сего изданія и нѣсколько Польскихъ переводовъ; но всѣ они, какъ полагаютъ должно, увезены опшуда за границу, ибо въ числѣ книгъ, присоединенныхъ изъ оной къ Императорской Публичной Библиотекѣ, ни какихъ древнихъ экземпляровъ Спашупа не открываеся.

Волинскій Спашупъ былъ также дополняемъ и окончательнo уже въ 1588 году утверждень, также на Русскомъ языкѣ, Сигизмундомъ III, въ день коронаціи его въ Краквѣ, съ повелѣніемъ напечатать оный какъ на Русскомъ, такъ и на Польскомъ языкахъ. Сія-шо редація и естъ нынѣшній Липовскій Спашупъ, дѣйствующій доселѣ въ нѣкоторыхъ, присоединенныхъ опъ Польши, Губерніяхъ. Онъ составленъ или пополненъ Воеводою и Канцлеромъ Гашпольдомъ, при помощи Виленскихъ Городскихъ Законовѣдцевъ и Докторовъ

Законовъднія: Милезія Рошунда, Спанислава Галонзки и другихъ; переведенъ же на Польскій языкъ, какъ иные полагаютъ, Подканцлеромъ Львомъ Сапѣгою, прилагавшимъ особенное спараніе въ напечатаніи онаго по Русски: отъ чего Спашупъ сей, какъ въ подлинникъ, такъ и въ переводѣ, болѣе извѣстенъ подъ его именемъ.

Всѣ признаютъ за неоспоримую истину, что Липовскій Спашупъ былъ напечатанъ въ 1588 году только по Русски, въ Вильнѣ, въ типографіи Мамоничей. Значительная часть манускрипта сего Спашупа, писаннаго современнымъ Русскимъ почеркомъ, сохранилась у Профессора Даниловича; печатные же экземпляры онаго, на Русскомъ языкѣ, кромѣ показанныхъ въ сочиненіи Линде и присланнаго изъ Вильны, находятся еще: въ Музеумѣ Графа Румянцова (*), въ Императорской Публичной Библіотекѣ и въ Университетѣ Св. Владимира, но припуглы къ послѣднимъ двумъ не сохранились. На Польскомъ же языкѣ Спашупъ въ первый разъ напечатанъ въ 1614 году, тоже въ Вильнѣ, въ типографіи Мамонича, сына уже того, который напечаталъ Русское изданіе; экземпляры онаго, кромѣ доставленнаго также изъ Вильны, открываются во многихъ мѣстахъ, въ томъ числѣ одинъ въ Румянцевскомъ Музеумѣ (**), а также же находился въ Радзивиловскомъ архивѣ, но, вмѣстѣ съ прочими Спашупами, взявъ опшуда Княземъ Адамомъ Чарторійскимъ.

(*) Три экземпляра. Ред.

(**) Другой въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Ред.

Нигдѣ не видно, чтобы послѣ 1588 года Польскимъ Правительствомъ давалось дозволеніе на печатаніе Спашупа по Русски; но нѣкоторыя разноснн, какъ въ бумагахъ, такъ и въ самыхъ бумагахъ сохранившихся экземпляровъ, убѣждаютъ, что подь симъ годомъ онъ нѣсколько разъ перепечатывался; время же изданія каждаго изъ нихъ не выяснялось, вѣроятно, по трудности получить привилегію, или же и совершенно по недозволению на по Правительства, имѣвшаго цѣлю сдѣлать Польскій языкъ въ Судопроизводствѣ повсемѣстнымъ (*). На Польскомъ языкѣ Спашупъ печатанъ былъ впорично въ 1619 году и послѣ того, при Сигизмундѣ III же, въ 1623, а потомъ, при сынѣ его Владиславѣ IV, въ 1642 и 1648 годахъ. Всѣ сія изданія, какъ видно и изъ доставленныхъ экземпляровъ, суть явные подражанія напечатанному въ 1614 году; Польское Правительство, давая дозволеніе на печатаніе оныхъ, строго всегда обязывало Издашелей не допускать никакихъ исправленій или перемѣнъ, и это выполнялось съ такою точностію, что не только всѣ ошибки въ переводѣ, но даже и типографическія опечатки, вкравшіяся при первомъ Польскомъ изданіи, повторены и во всѣхъ прочихъ. Въ вышедшихъ же послѣ 1648 года изданіяхъ Липовскаго Спашупа, который нѣсколько разъ перепечаты-

(*) Изъ сличенія разныхъ экземпляровъ Русскаго Спашупа 1588 года открылось, что ихъ было всего три шншенія, безъ сомнѣнн разныхъ лѣтъ, хотя на всѣхъ замѣчательн одинъ 1588 и печатаніе произведено съ такою тщательностію, что не скоро можно открыть разность шншеній. Фед.

вался, начали вводить уже измѣненія Польскихъ Конспишущій: къ чему первый примѣръ показала Виленская Іезуитская Академія, напечатавъ въ 1693 году, по данной отъ Короля Іоанна III Собіесскаго грамотѣ, Спашупъ, съ подведеніемъ въ ономъ подъ аршикулы Сеймовыхъ Конспишущій, и измѣнивъ чрезъ то не только форму, но и самую сущность перваго начертанія.

А.

П Р И В А В Л Е Н І Е.

Къ симъ любопытнымъ свѣдѣніямъ о Литовскомъ Спашупѣ не лишнимъ почишаемъ прибавить еще нѣсколько замѣчаній:

Спашупъ Литовскій есть памятникъ не только Литовскаго Законодательства, но и древней Русской письменности въ Литвѣ и во всей Западной Руси. Онъ лучше всѣхъ другихъ свидѣтельствъ напоминаетъ жителямъ Западныхъ Губерній, что ихъ происхожденіе (за исключеніемъ прехъ Уздовъ Виленской Губерніи) есть коренное Русское, и что природный языкъ ихъ есть Русскій же, который по сосѣдству съ Польшею нѣсколько отличался отъ Сѣверовосточнаго или Велико-русскаго нарѣчія. За двѣсти лѣтъ предъ симъ всѣ законы, всѣ привилегіи Великихъ Князей Литовскихъ и наконецъ самый сей Спашупъ были писаны на языкъ Русскомъ; на немъ, какъ на самомъ общепопребительномъ, отправлялось и судопроизводство. Отъ погдашнихъ Судей и другихъ

Чиновниковъ пребовалось непремѣнное знаніе Русской грамоты. См. присягу на должность Писаря, въ Спашушѣ, Разр. IV, и другія мѣста. Но при переводѣ Спашуша на Польскій языкъ нѣкопоры изъ сихъ мѣстъ были уже выброшены изъ текста, и когда въ послѣдствіи времени Русское изданіе 1588 г. сдѣлалось рѣдкимъ, а напропивъ того Польскій переводъ издавался многократно, то наконецъ изгладилось изъ памяти жипелей Западной Руси и самое существованіе Спашуша первоначально на Русскомъ языкѣ, которое только въ недавнее время обратило на себя вниманіе Ученыхъ.

Почтенный Авторъ предлагаемой нами спашья весьма справедливо языкъ Спашуша именуешъ просто Русскимъ, а не Бѣлорусскимъ, какъ спали- было съ нѣкопорого времени ошибочно называшъ всѣ письменные памятники Западной Руси. Бѣлорусское нарѣчіе существуетъ и нынѣ: оно употребляется просдымъ народомъ въ Губерніяхъ Вилебской, Могилевской и Минской; оно отлично отъ Южнорусскаго, называемаго Малороссійскимъ; но языкъ Спашуша, какъ бывший дипломатическій языкъ Литвы и Западной Руси, отличенъ отъ сихъ обоихъ нарѣчій сполько же, сколько нынѣшній нашъ книжный Русскій отъ простонароднаго. Языкъ Спашуша гораздо ближе подходитъ къ Великорусскому нарѣчію, нежели Бѣлорусское и Малороссійское: п. е. въ немъ, какъ въ книжномъ, было болѣе общаго съ письменностию Сѣверо-восточной Руси.

На Польскій языкъ Спашушѣ былъ переведенъ

буквально: Переводчики боялись исказить истинный смысл закона и потому въ трудѣ своемъ предпочипали даже употреблять нѣкоторыя обороты, не свойственныя Польскому языку, лишь бы не опсшунились опъ подлинника: они сохранили почти все Русскія слова и въ помъ же самомъ порядкѣ, давая имъ польскѣ Польское окончаніе и вездѣ перемѣняя звуки Русскіе на Польскіе. Не смотря на все сіе, Польскій переводъ былъ приняпъ съ похвалою и слогомъ своимъ весьма дѣйствительнѣ на самую Польскую Словесность. Однакожь въ слѣдующихъ изданіяхъ спали заботиться о замѣнѣ нѣкоторыхъ Русскихъ оборотовъ и перминовъ настоящими Польскими: это было даже причиною опсшупленія въ разныхъ мѣстахъ опъ настоящаго смысла закона, и опъ того вообще Польскія изданія Спашупа пѣмъ погрѣшительнѣ, чѣмъ позднѣе.

Съ одного изъ новѣйшихъ Польскихъ изданій сдѣланъ былъ при Правительствующемъ Сенатѣ Русскій переводъ, который по Высочайшему повелѣнію напечатанъ вмѣстѣ съ Польскимъ текстомъ въ 1811 году въ Сенатской Типографіи въ 2 томахъ, въ 4-ю долю листа, и доннѣ еще принимается въ руководство въ Судебныхъ Мѣстахъ Западныхъ Губерній, хотя уже и сдѣлался весьма рѣдкимъ. Между пѣмъ изъ полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи (см. Собраніе въпорое, Томъ III, № 2437, Высочайше утвержденное Положеніе Комитета Гг. Министровъ, 17 Ноября 1828) видимъ, что по изданіи ученыхъ Линде его розысканій о Спашупѣ и опредѣленія

имъ, что самымъ вѣрнымъ текстомъ долженъ почитаться самый древній, именно же Русскій 1588 года, предположено исправить вкрадшіяся въ нынѣшній Русскій переводъ ошибки, сличивъ оный съ первоначальнымъ Русскимъ изданіемъ 1588 года и напечатать вмѣстѣ съ симъ древнимъ текстомъ.

Думаемъ, что Читатели наши съ удовольствіемъ примутъ подробное исчисленіе всѣхъ доселѣ извѣстныхъ экземпляровъ Русскаго изданія 1588 года. Вотъ они :

1. Долженствующій храниться при Липовской Метрикѣ въ Правительствующемъ Сенатѣ. Онъ былъ описанъ Г. Сопиковымъ.

2. Императорской Публичной Библіотеки.

3. }

4. } Румянцевскаго Музеума.

5. }

6. Московскаго Общества Любителей Исторіи и Древностей.

7. Бывшаго Виленскаго Университета, пожертвованный оному Іосифомъ Твардовскимъ (видѣнный Г. Даниловичемъ).

8. Того же Университета (видѣнный Г. Даниловичемъ).

9. Волынскаго Лицея, нынѣ Университета Св. Владиміра (видѣнный Г. Даниловичемъ).

10. } Виленскаго Грекоуниискаго монастыря

11. } (видѣнные Г. Даниловичемъ).

12. Жировицкаго Грекоуниискаго монастыря.

13. Гродненскаго Доминиканскаго монастыря.

14. Ковенскаго Училища (Dzień. Wil. 1823).

15. Парижской Арсенальной Библіотеки (видѣнный Грекоунипскимъ Священникомъ Бобровскимъ).
16. Пудавскій.
17. Графа, Суходольскаго (описанный Г. Линде).
18. Графа Хрептовича, доставленный ему Брестскимъ Каноникомъ Сосновскимъ, который описалъ оный въ Супрасльскомъ монастырѣ (Dzien. Wil. 1823).
19. Принадлежащій Г. Даниловичу, полученный имъ отъ Жмудскаго обывателя Мирскаго (много поперѣвшій отъ времени).
20. Принадлежащій упомянутому въ помѣщаемой нами статьѣ любителю древностей.

Ред.

Ш.

ИЗВѢСТІЯ

О

УЧЕНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЯХЪ ВЪ РОССИИ.

1.

О Т Ч Е Т Ъ

О ТРУДАХЪ И ДѢЙСТВІЯХЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ

САНКТПЕТЕРБУРГСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ЗА 1837 ГОДЪ,

ЧИТАННЫЙ ВЪ ПУБЛИЧНОМЪ ЕЯ ЗАСѢДАНІИ 29 ДЕ-
КАВРЯ 1837, Непремѣннымъ Секретаремъ ея,
П. Н. Фусомъ.

Празднованіе сто-одннадцатаго года учрежденія нашей Академіи снова привлекло въ сей храмъ Наукъ многочисленное и блестящее собраніе знашвейшихъ особъ здѣшней Столицы, друзей Наукъ и Словесности,

Часть XVII.

26

кошорые уже однимъ своимъ присушествіемъ и благо-склоннымъ вниманіемъ къ трудамъ сего ученаго сословія свидѣтельствуютъ, что это шоржество, хотя и возобновляемое каждый годъ, всегда возбуждаетъ новыя мысли и чувствованія, представляеть новую занимательность. И въ самомъ дѣлѣ, всякій согласится, что Исторія нашей Академіи, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, тѣсно соединена съ Исторіею умственнаго развитія сей обширной Имперіи, приближающейся исполнскими шопами къ высокой чредѣ образованнѣйшихъ Государствъ міра. И какъ, каждому Русскому, не радодудному въ славѣ Ошечества, должно быть занимательно слѣдить годъ за годомъ шруды сословія, кошорое составляетъ какъ бы средоточіе, ошкуда разливаются лучи свѣта, предназначенные озарить со временемъ всѣ классы общества, — сословія, храйнища самыхъ возвышенныхъ познаній, кошорыя рано или поздно должны обратиться въ собшвенность народа. Слѣдуя внимательно за ежегодными успѣхами Академіи, всякій мыслящій человекъ съ удовольствіемъ замѣнитъ изъ нихъ такіе, кошорые уже сдѣлались общимъ достояніемъ и результатами коихъ уже ошозвались и внѣ тѣснаго круга, собшвенно такъ называемаго, ученаго свѣта. Внимал чтенію Ошчеша, кошорый мы подвергаемъ суду вашему, вы безъ сомнѣнія остановитесь съ наибольшимъ участіемъ на тѣхъ шрудахъ нашихъ, кошорые или ведутъ къ ближайшему знакомству съ ошдаленнѣйшими частями любезнаго нашего Ошечества, въ ошношеніи физическихъ свойствъ ихъ и ешественныхъ произведеній, или ошносясь къ Исторіи Государства, нравамъ и обычаямъ, языкамъ и нарѣчіямъ, условіямъ внушренней жизни и благосостоянія нынѣшнихъ его жштелей, или же стремясь къ улучшенію какой-либо важной ошрасли промышленности и къ распространенію вообще полезныхъ свѣдѣній между соошечешвенниками. Слѣдемъ также на-

двѣясь, что просвѣщенные особы, удостоивающія наши ежегодныя засѣданія своимъ присутствіемъ, не пренебрегутъ и шѣми трудами, кошорые не поражаютъ взоровъ съ перваго взгляда непосредственнымъ примѣненіемъ къ практическимъ пользамъ Опечесства и къ вещественнымъ нуждамъ чловѣка, но шѣмъ не менѣ важны сами по себѣ: я разумью шѣ именно труды, кошорые хотя и не могутъ похвалиться многочисленностью чипашелей, но опредѣляютъ степень, какую Академія должна занимать внѣ страны, въ кошорой она существуетъ, и составляютъ, если позволено такъ выразиться, *всемирный* ея характеръ. По счастью, мы живемъ въ такое время, когда спрашиваютъ о какомъ-либо ученомъ открытіи: «къ чему оно служишь?» или «какая въ немъ польза?» значило бы изобличить свое глубокое невѣжество на счетъ Исторіи изобрѣшеній ума чловѣческаго, достоинства Науки и благороднаго значенія, кошорое наша Академія призвана выполнить въ опношеніи къ чужимъ краямъ, какъ органъ умшвенной жизни народа Русскаго.

Нынѣ уже двѣнадцатый разъ я выполняю обязанность, возлагаемую на меня Уставомъ Академіи — развить предъ взорами вашими картину двѣштельности моихъ сотоварищей; и если, съ одной стороны, безпрерывно возрастающее число и разнообразіе матеріаловъ содѣлываютъ трудъ изгововленія Опчешовъ изъ года въ годъ болѣе сложнымъ, шо съ другой, занимательность, кошорую они чрезъ шо пріобрѣтають, и убѣжденіе въ томъ, что я оказываю услугу Наукамъ и Академіи, придають сему труду въ моихъ глазахъ привлекательность, еще болѣе возвышаемую надеждою снискашь такое же одобреніе и шу же снисходительность, съ какими доселѣ каждый годъ принимаемъ былъ сей трудъ, кошорого все достоинство заключается

въ самой сущности его, а наружный видъ или изложеніе составляетъ только дѣло второстепенной важности.

Академія въ 1837 году испытала нѣсколько весьма ошущительныхъ потерь: спомни только напомни здѣсь имена нашихъ знаменитыхъ соотечественниковъ: Преосвященнѣйшаго *Евгенія*, Митрополита Кіевскаго и Галицкаго, который, пользуясь благопріятнымъ своимъ положеніемъ въ древней Столицѣ Россійской Іерархіи, спяжалъ себѣ заслуженную славу глубокими историческими изысканіями; Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Энгеля*, Члена Государственнаго Совѣща и одного изъ достойнѣйшихъ мужей Государственныхъ; Генерала отъ Инфантеріи *Эмануэля*, который въ 1829 году принималъ подъ свое непосредственное покровительство и подкрѣплялъ сильнымъ своимъ содѣйствіемъ нашихъ путешественниковъ на Кавказѣ; далье, знаменитаго Оріенталиста *Кольбрука*, въ Лондонѣ, и Членовъ-Корреспондентовъ: Барона *Шиллинга фонъ-Канштадта*, Профессора *Ницша*, въ Галле, и молодого ошличнаго Оріенталиста *Розена*, въ Лондонѣ.

Академія, исполненная признательностью къ услугамъ, оказаннымъ ей достойнымъ ея Вице-Президентомъ, Княземъ М. А. Дондуковымъ-Корсаковымъ, сполье благообразно и ошошришельно управлявшимъ хозяйственными ея дѣлами, рѣшила единогласно поднести Его Сіятельству дипломъ на званіе Почетнаго Члена. Къ величайшему ея удовольствію, эта усердная дань принята имъ съ шакою же искренностью, съ какою и была поднесима нами. — Это было дѣйствіе справедливости, невольное изліяніе благодарности, которое, происшекая изъ самаго чистаго источника, дѣлаеть сполько же чесши и ученому сословію, воздающему почести, сколько и лицу, которому она воздается. Его

Сіятельство избранъ былъ съ совершеннымъ единодушіемъ 1 члена нынѣшняго мѣсяца.

Открытый въ прошедшемъ году конкурсъ на упразднившіяся мѣста Адъюнктовъ доставилъ Академіи случай приобщить къ себѣ двухъ здѣшнихъ Ученыхъ: Экстраординарнаго Профессора С. Петербургскаго Университета, *Николая Герасимовича Устрялова*, извѣстнаго критическими своими изданіями «Сказаній современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ» и «Сказаній Князя Курбскаго», Автора «Русской Исторіи», первые шомы когорой снискали ему похвалу «нашомковъ»; и Коллежскаго Совѣтника *Петра Ивановича Копыкина*, Автора многихъ сочиненій по части Литературной Исторіи, Археологіи и Статистики Россіи. Эти два выбора восплѣдовали 13 и 27 Генваря и удостоились Высочайшаго утвержденія Государемъ Императоромъ.

Г. *Броссе*, о назначеніи когорого мы уже упомянули въ послѣднемъ нашемъ Опчещѣ, прибылъ въ С. Петербургъ 7 Юня; одно исчисленіе трудовъ его показываешь, съ какимъ усердіемъ сей Ученый принялся за исполненіе обязанностей новаго своего званія.

Вы найдете, по обыкновенію, разложенными на вшомъ сполѣ сочиненія, изданныя Академією въ испекающемъ году. Мы укажемъ вкратцѣ содержаніе ихъ, останавлываясь шолько на шѣхъ, о когорыхъ еще не было вовсе говорено, или о когорыхъ мы могли шолько предварительно упомянуть въ предыдущихъ нашихъ Опчещахъ.

«Записокъ» Академіи издано въ нынѣшнемъ году семь книжекъ, составляющихъ болѣе ста печашныхъ листовъ. Изъ вшихъ семи выпусковъ, одинъ принадлежишь опдѣленію Наукъ Математическихъ и Физиче-

скихъ, два Наукамъ Историческимъ, Филологическимъ и Полишическимъ и четыре собранію Записокъ постороннихъ Ученыхъ. Третьей помѣ сего послѣдняго собранія окончень и заключаешь въ себѣ, безъ малаго на 100 печатныхъ листахъ, Разсужденія, чрезвычайно важныя, каковы вычисленія наблюденій барометрическихъ и симпіесометрическихъ, также надъ пропитскою теплою и постояннымъ маяшникомъ, произведенныхъ знаменитымъ нашимъ мореплавателемъ, нынѣ Консръ-Адмираломъ *Ф. П. Липке*, въ путешествіе его около Свѣта, и вычисленныхъ имъ самимъ и *Г. Гельстремомъ* въ Гельсингфорсѣ; описанія путешествій *Г-на Геблера* на Алтай и *Г-на Рашке* въ Крымъ; микроскопическія наблюденія надъ плодотворною пылью растеній, сдѣланныя съ удивительнымъ тщаніемъ *Г. Фрицше* и общающія объяснишь намъ явленія новаго міра — таинства рожденія растеній. Сверхъ нѣкоторыхъ Разсужденій, менѣе обширныхъ и болѣе занимательныхъ въ частности, *Гг. Лёвенштерна, Траушфештера* и *Мейера*, прешій Томъ «Собранія разсужденій постороннихъ Ученыхъ» представляешь еще замѣчательный прудъ, въ кошоромъ *Г. Аргеландеръ*, въ бытность свою въ Россіи, первый вывелъ изъ собственныхъ наблюденій, что наша солнечная система имѣеть особое движеніе, направленное къ созвѣздію Геркулесъ, — истина, кошорая уже была подозрѣваема *Гершелемъ*, опцемъ, и утверждаема по теоріи *Геометрами*, занимавшимися высокими умозрѣніями *Небесной Механики*. Это Разсужденіе служишь дополненіемъ къ «Каталогу движеній неподвижныхъ звѣздъ» того же *Автора*, и спожало ему полную *Демидовскую* премію.

«Собраніе актовъ публичнаго засѣданія 1836 года», вмѣстѣ съ *Отчетомъ* за шомъ же годъ и прекрасною рѣчью *Г-на Грефе* о образованіи и сродствѣ языковъ, вышло въ Маѣ мѣсяцѣ и роздано всѣмъ Академіямъ и Ученымъ Обществамъ въ Имперіи и въ чужихъ краяхъ,

также были Почетнымъ Членамъ и Корреспондентамъ Академіи; а въ слѣдъ за тѣмъ и «Опчетъ о раздачѣ Демидовскихъ премій за 1856 годъ». Въ изданіи сего послѣдняго издачія нѣкоторыя измѣненія, а именно: къ Общему Опчету присоединены такіе разборы увѣнчанныхъ преміями сочиненій, которые по своей обширности не могли помѣститься въ самомъ Опчетѣ. Такимъ образомъ донесеніе о послѣдней раздачѣ составило книжку, заключающую въ себѣ около пятнадцати листовъ, Общій Опчетъ напечатанъ на Русскомъ, а каждый изъ разборовъ, на томъ языкѣ, на которомъ онъ представленъ Академіи.

Журналъ засѣданій Академіи, подъ заглавіемъ: «Bulletin scientifique», основанный въ прошедшемъ году набоде съ цѣлію своевременно знакомить Европейскихъ Ученыхъ съ трудами и предпріятіями Академіи, вскорѣ оказала значительное вліяніе на образъ дѣйствій Академіи и характеръ ея засѣданій. Открывъ возможность къ сообщенію мелкихъ справокъ и оцѣнокъ розысканій, которые прежде оставались безъ дальнѣйшаго употребленія въ поршфеляхъ, пока Авторамъ не представлялся случай воспользоваться ими для какого-либо подробнѣйшаго Разсужденія, журналъ ацпочтѣ вмѣстѣ удовлетворилъ и желаніямъ постороннихъ Ученыхъ и самымъ нуждамъ Академіи. Въ такое время, каково наше, когда уже не позволено Ученому, уединясь оцѣ свѣта, вовсе не зная о чужихъ трудахъ, и когда цѣльная связь Наукъ между собою и многостороннее ихъ развитіе доказали въ области знаний, не менше какъ и въ промышленности, всю важность и пользу раздѣленія труда, — въ такое время, говорю я, обратилось какъ бы въ необходимую потребность искать въ журналахъ самыхъ новыхъ свѣдѣній оццносительно къ Наукамъ, какъ и къ Педелингѣ; и извращенныя изданія дѣланы мѣсто обширныхъ кор-

респонденцій и письменныхъ сношеній прошлыхъ вѣковъ, когда Науки были удѣломъ только самаго малаго числа избранныхъ лицъ, передававшихъ одинъ другому свои открытія. И такъ, основаніе журнала, послуживъ существенно къ умноженію числа предметовъ, обсуживаемыхъ въ нашихъ засѣданіяхъ и введя больше разнообразія въ наши годовыя Отчеты, съ другой стороны дѣлаешь для насъ излишнимъ подробнѣе распространяться о трудахъ, которые уже доведены до свѣдѣнія публики, вмѣстѣ съ ихъ послѣдствіями, и уже извѣстныи тѣмъ, кто принимаетъ въ нихъ участіе. Два, по нынѣ вышедшіе тома сего журнала вмѣщаютъ въ себя 33 выписки изъ Разсужденій, читанныхъ въ засѣданіяхъ, и 67 Записокъ; всѣ при разрядѣ Академіи, соразмѣрно числу Наукъ и Членовъ въ каждомъ изъ нихъ, почти равно участвовали въ изданіи двухъ первыхъ томовъ: ибо если прибавишь къ сказаннымъ 100 страницамъ выписки изъ ученой корреспонденціи, то классъ Математическихкихъ и Физическихкихъ Наукъ, вмѣстѣ съ разрядомъ Наукъ Естественныхъ, доставили каждый по 38 страницъ, а разрядъ Наукъ Историческихкихъ и Филологическихкихъ — 29 страницъ, не считая донесенія о пѣши ученыхъ путешествій, о которыхъ равнымъ образомъ было говорено въ Bulletin scientifique. Печатаніе третьяго тома производится безостановочно.

Еще желаемъ мы обратишь вниманіе ваше на сочиненіе Г-на Спруве о микромешрическихкихъ измѣреніяхъ сложныхъ звѣздъ. Послѣ того, что уже было сказано о семъ важномъ трудѣ въ прежнихъ нашихъ Отчетахъ, намъ остается только, извѣщая о совершенномъ его окончаніи въ началѣ нынѣшняго года, привесть нѣкоторыя изъ разительнѣйшихъ выводовъ сего шворенія относительно къ прочнѣйшему познанію звѣздной шверди. Слишкомъ далеко завлекло бы насъ исчисленіе здѣсь даже и однихъ лишь самыхъ замѣчатель-

ныхъ звѣздныхъ системъ, движеніе коморыхъ впервые было изслѣдовано Г-мъ Струве. Дослѣдочно сказавъ, что нашъ Астрономъ въ печеніе не болѣе двѣнадцати лѣтъ замѣнилъ въ разныхъ системахъ столь разншельныя превращенія, что напр. звѣзды, прежде считавшіяся двойными, являлись ему одинаковыми, между тѣмъ какъ другія, знакомыя его предшественникамъ на томъ же поприщѣ, да и ему самому, какъ простымъ, распоргалась и предшавляли его взорамъ сложныя системы, и что онъ успѣлъ опредѣлить съ довольно большою точностію періоды обращенія эсихъ свѣтилъ около общаго ихъ центра тяжести, періоды несравненно крайшійше уже давно извѣстныхъ ξ Большой Медвѣдицы и ρ Змѣноса. Въ обширномъ введеніи, присоединенномъ къ тексту, Г. Струве излагаетъ Исторію своего труда, объясняетъ техническую часть наблюденій и выкладокъ и входитъ въ спрое розысканіе точности своихъ выводовъ и причинъ разногласія между прежними измѣреніями разстояній и его собственными. Наконецъ, въ послѣднихъ главахъ введенія, Г. Струве сосредоточилъ подъ нѣкоторыми общими шочками зрѣнія многочисленныя данныя обширнаго своего труда и разсматриваетъ видимую величину неподвижныхъ звѣздъ и въ особенности сложныхъ, измѣненія въ свѣтѣ сихъ небесныхъ тѣлъ, ихъ цвѣтъ, распределеніе по порядкамъ и классамъ, судя по видимымъ разстояніямъ отдѣльныхъ звѣздъ, собственныя и общія ихъ движенія, а равномѣрно и относительныя въ орбитахъ, и ихъ параллаксы. Тѣ, которые, не углубляясь въ выкладки нашего ученаго Астронома, желаютъ ближе ознакомиться съ результатами 23-лѣшняго труда его, найдутъ подробнѣйшія свѣдѣнія въ донесеніи его Г. Министру Народнаго Просвѣщенія и Президенту Академіи, отдѣльно напечатанномъ на Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ, и сверхъ того въ Русскомъ переводѣ

въ Журналъ Министерсва Народнаго Просвѣщенія (Т. XIII, Маршъ) (*).

Переходимъ шеперь къ исчисленію какъ рукописныхъ сочиненій, представленныхъ въ Академію, такъ и Разсужденій, чипанныхъ въ ея засѣданіяхъ.

I. Отдѣленіе *Наукъ Математическихъ и Физическихъ.*

Г. Коллинсъ чипаль диссертацію подъ заглавіемъ: *Разсужденія о нѣкоторыхъ статьяхъ изъ Теоріи алгебретскихъ уравненій.* Авторъ, опложивъ на время

(*) Въ то самое время, когда мы писали эту статью, получили мы Октябрскую книжку «Вѣстника Литературныхъ Видоискателей», гдѣ помѣщенъ разборъ сочиненія Г-на Симурве, писаннаго Г-мъ Бесселемъ, Зимнейднѣй Кенигсбергскій Астрономъ о нѣкъ слѣдующимъ словами: «Wir haben eine grossartige Leistung anzuzeigen, eine Leistung, welche sich in die Reihe der umfangreichsten stellt, die man in neuerer, die ältere in dieser Hinsicht weit übertreffenden Zeit, durch astronomische Beobachtungen erlangt hat; einen Leistung, welche einen wesentlichen und merkwürdigen Theil der Kenntniss des Fixsternhimmels betrifft. Der wissenschaftliche Werth und die äussere Ausstattung des vor uns liegenden Werkes sind einander entsprechend. Der erstere ehrt seinen Verfasser; die letztere ehrt die Petersburger Akademie der Wissenschaften, welche das Werk hat drucken lassen. Vielfältige und grosse Anerkennung, welche eine solche Arbeit ihrem Urheber eingebracht hat, ehret das Land, in welchem er lebt.» Т. е. «Доводимъ до свѣдѣнія публики о трудѣ величественномъ, трудѣ, который можетъ считаться на ряду съ самыми огромными, произведенными посредствомъ астрономическихъ наблюдений въ новейшее время, коему въ этомъ отношеніи далеко уступаешь древнее; трудѣ, который относится къ существенной и достопримѣчательной части познанія неба неподвижныхъ звѣздъ. Ученое достоинство и наружный видъ произведеннаго сочиненія соотношались одно другому. Данное дѣло чести Автору, послѣдній — Петербургской Академіи Наукъ, издавшей это шпореніе. Общія и гроткія одобренія, сказанныя виновникомъ столь важнаго труда, приписали честь чипанія, гдѣ онъ живеть.»

изданіе этого труда въ полномъ его видѣ, представилъ, для помѣщенія въ Bulletin, два отрывка изъ своей диссертации: одинъ заключающій въ себѣ доказательство двухъ теоремъ, относящихся къ цѣлымъ функциямъ о двухъ переменныхъ, а другой — приложеніе этихъ самыхъ теоремъ къ новому элементарному доказательству разложимости цѣлыхъ функций на вещественные множители первой и второй степени. Это доказательство, со стороны своей простоты, строгости и особенно удачныхъ приемовъ, можетъ считаться образцовымъ. Въ другомъ Разсужденіи, на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Исследования, относящіяся къ теоріи симметрическихъ функций*, Академикъ Коллинсъ имѣлъ въ виду выразить, посредствомъ явныхъ функций коэффициентовъ какого-ни-есть алгебраическаго уравненія съ однимъ неизвѣстнымъ, не только сумму степеней всѣхъ корней этого уравненія, но и различныя суммы, получаемыя чрезъ перемноженіе корней, совокупляемыхъ по два, по три и проч.: при чемъ еще въ произведеніи, получаемомъ такимъ образомъ, каждый множитель можетъ имѣть своего особеннаго показателя. Извлеченіе изъ этого Разсужденія было напечатано Г-мъ Коллинсомъ въ видѣ Записки, въ кошорой онъ, упоминая знаменитое Роша, выводилъ общую формулу, выражающую сумму степеней всѣхъ корней уравненій алгебраическихъ съ показателями цѣлыми, положительными или отрицательными. — Г. Остроградскій, кромѣ «Умозрительной Механики», lithографированной для преподаванія въ Институтѣ Корпуса Пешей Сообщенія, и о кошорой мы уже говорили въ нашемъ Описаніи за прошедшій годъ, представилъ въ Академію три Записки о разныхъ предметахъ математическаго анализа. Въ первой изъ нихъ, Авторъ занимается функциями показательными, во второй — особеннымъ рядомъ функций сферическихъ координатъ; предметъ

препшней Записки — *Variationное Исчисленіе*. Академикъ Оспроградскій въ нынѣшнюю зиму возобновилъ также публичныя чтенія о математическомъ Анализѣ, начатыя имъ въ прошломъ году въ Морскомъ Корпусѣ. Лекціи за прошедшій годъ были написаны двумя изъ его слушателей, Гг. Зеленымъ и Бурачкомъ, и изданы ими на Русскомъ языкѣ въ двухъ томахъ. — Г. Буяковскій продолжаетъ заниматься изданіемъ своего «Математическаго Лексикона»; первое отдѣленіе первой части вышло уже въ свѣтъ, и показываетъ, что Авторъ значительнымъ образомъ распространилъ первоначальный планъ своего сочиненія. Независимо отъ этого обширнаго труда, Г. Буяковскій представилъ въ Академію продолженіе своихъ изслѣдованій о приложеніи Анализа Вѣроятностей къ опредѣленію приближенныхъ величинъ трансцендентныхъ чиселъ. Первый изъ трехъ вопросовъ, рѣшенныхъ во второмъ его Разсужденіи, приводитъ къ выраженію вѣроятности, опредѣляющей дугу въ функции ея синуса, второй вводитъ въ рѣшеніе функции эллиптическія перваго и втораго рода, а третій, сверхъ поименованныхъ функций, доставляетъ еще количество логарифмическое. Известно, что дуги круга, равныя соотвѣстственнымъ своимъ тангенсамъ, составляютъ рядъ, котораго законъ еще не найденъ: для общаго члена этого ряда имѣютъ только приближенное выраженіе. Занимаясь симъ предметомъ въ краткіе досуги, которыми могъ располагать при многочисленности другихъ занятій, я нашелъ конечныя численныя выраженія для суммъ отрицательныхъ четныхъ степеней сихъ дугъ или тангенсовъ, а также и для суммъ тѣхъ же степеней тангенсовъ, когда сіи послѣдніе равны, не просто соотвѣствующимъ имъ дугамъ, но крайнимъ отъ сихъ самыхъ дугъ. Доказательство этихъ формулъ было предметомъ Записки, которую я имѣлъ честь читать

Академіи. Равнымъ образомъ чипана мною, въ одномъ изъ засѣданій, малаго объема Записка, сообщенная мнѣ Профессоромъ Ришельевскаго Лицея Бруномъ. Въ этой Запискѣ Г. Брунъ излагаетъ содержаніе и доказательство одной теоремы изъ Аналитической Геометріи, нигдѣ еще не предложенной въ такомъ общемъ видѣ, и которая показала мнѣ довольно важною для опредѣленія кривыхъ второго порядка по даннымъ точкамъ. Наконецъ, Г. Шульцъ, Профессоръ въ Гельсингфорсѣ, недавно прислалъ намъ дополнительную Записку о бесконечно тонкихъ кистяхъ свѣта; разсмотрѣніе этого труда поручено Академику Оспрогранскому.

По части Астрономіи остается намъ, сверхъ трудовъ Гг. Спруве и Аргеландера, уже приведенныхъ выше между сочиненіями, изданными Академіею, упомянуть еще о двухъ Разсужденіяхъ по инструментальной Астрономіи: о призматическомъ кругѣ, усовершенствованномъ Г. Шпейнгейлемъ, въ Минхенѣ, и о превосходномъ переносномъ пассажномъ инструментѣ, снабженномъ вертикальнымъ кругомъ и сдѣланномъ для Дерптской Обсерваторіи братьями Репсольдъ, отличными Художниками въ Гамбургѣ. Этотъ небольшой инструментъ усроенъ по указаніямъ Г-на Спруве и представляетъ результаты удивительной точности. Остальные труды нашихъ Астрономовъ имѣли предметомъ своимъ Географію, въ особенности Россійской Имперіи: Г. Вишневскій, въ двухъ Разсужденіяхъ, сообщилъ намъ астрономическое опредѣленіе придачи главныхъ мѣстъ Европейской Россіи, а Г. Спруве вычисленіе значительнаго числа географическихъ координатъ мѣстъ, лежащихъ частью въ Турціи и Малой Азіи, частью въ Россійскихъ Областяхъ по сю и по ту сторону Кавказа, на основаніи наблюденій, произведенныхъ въ послѣднія кампаніи съ 1828 по 1832 годъ Офицерами Главнаго Шшаба.

Г. Влице-Адмиралъ И. С. Крузенштернъ, который среди многочисленныхъ своихъ должностныхъ занятій, находить еще досугъ слѣдовать внимательнымъ окомъ за всеми новѣйшими открытіями, которыя могутъ служить къ пополненію нашихъ свѣдѣній о Гидрографіи Южнаго Океана, сообщилъ намъ въ одной Запискѣ критическія свои замѣчанія о нѣкоторыхъ островахъ, вновь открытыхъ въ этой части Океана Фаннингомъ, Мореллемъ, Виллингсомъ и Дюго-Силли. Другой критическій трудъ, относящійся къ новой Картѣ Европейской Россіи, изданной Военно-топографическомъ Депо Главнаго Штаба Его Императорскаго Величества, доставленъ намъ Г. Кешеномъ, нынѣ Адынкшомъ Академіи. Наконецъ Г. Беръ читалъ намъ весьма занимательное донесеніе о новѣйшихъ открытіяхъ, сдѣланныхъ Русскими мореплавателями на берегахъ Новой Земли. Нѣкоторыя изъ сихъ любопытныхъ свѣдѣній были ему доставлены молодымъ искуснымъ Офицеромъ Корпуса Штурмановъ, Г. Циволкою, который самъ, въ двухъ экспедиціяхъ, принималъ участіе въ съемкѣ береговъ этого острова. Два ряда метеорологическихъ наблюденій, произведенныхъ въ два послѣдніе плаванія на Новую Землю и объемяющіе каждый пространство дѣлаго года, были ввѣрены Г. Беру тѣмъ же самымъ ревностнымъ морякомъ и послужили предметомъ трехъ диссертацій, читанныхъ въ непродолжительныя промежутки одна послѣ другой, и разсуждающихъ о климатѣ Новой Земли, о дневномъ и годичномъ ходѣ температуры, и о средней температурѣ, которую Г. Беръ находить около. — 9° С. Мы будемъ еще имѣть случай возвратиться къ симъ трудамъ и важнымъ ихъ послѣдствіямъ. Тотъ же Академикъ занималъ насъ, въ разные засѣданія, нѣкоторыми весьма любопытными геологическими фактами, каковы напр. странствующія груды камней, коихъ еще не давно

замѣчено два доспопримѣчательные образца на Южномъ берегу Финляндіи, и феноменъ постепеннаго убыванія воды Балтійскаго моря, которое по мнѣнію Плейфера, Буха и Лейелля должно приписывать не пониженію уровня сего моря; а болѣе поднятію земли, происходящему отъ причины, еще не извѣданной. По предложенію Г. Бера и съ разрѣшенія Г. Морскаго Министра, Академія обратила на это предметъ вниманіе Г. Рейнеке, Капитана корабля, который, производя съемку береговъ Финляндіи, можетъ удобно изслѣдовать возвышеніе прежнихъ знаковъ поверхъ нынѣшняго уровня моря и прикажетъ вырубить въ скаль на данныхъ высотахъ новые знаки для будущихъ измѣреній. Третій геологическій вопросъ, на который обращено вниманіе Академіи Г. Беромъ, относился къ глубинѣ, до какой можетъ проникать въ землю холодъ въ Сѣверныхъ Широкахъ. Уже и въ прежнія путешествія, которые предпринимали наши Академики, было замѣчено, что почва Сибири, начиная отъ Ледовитаго моря до Байкала, заключаетъ въ себя вѣчные льды. Долгое время однако не обращали вниманія на это наблюденіе, можетъ быть потому, что почитали не вѣроятнымъ, чтобы обильное произрашеніе, находимое въ тѣхъ мѣстахъ, могло развиваться на оледенѣлой почвѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ новѣйшими и основательнѣйшими розысканіями относительно распространенія теплоты на нашей планетѣ, доказано, что температура отнюдь не соображается съ одною лишь географическою Широтою, а вообще уменьшается во внутренности обширныхъ материковъ Сѣвера, каждое новое свѣдѣніе о температурѣ земли въ Сибири пріобрѣло новую занимательность. А какъ дошолъ намъ вовсе не доставало точныхъ данныхъ на счетъ толщины ледяныхъ слоевъ, то Академія съ большимъ удовольствіемъ узнала, что одинъ Русскій купецъ, по имени

Шергинъ, Коммисіонеръ Россійско-Американской Компаніи въ Якутскѣ, единственно для удовлетворенія своего любопытства, велѣлъ вырыть на свой счетъ колодезь, въ кошоромъ на глубинѣ 11 сажень (77 Англійскихъ фуц.) нашлась еще температура въ 51° Р. ниже нуля, увеличивавшаяся поспешенно до глубины 54½ сажень, гдѣ почва уже найдена была до того размягченною, что не смѣли итти далѣе безъ особыхъ мѣръ предосторожности, кошорыя значительно увеличили бы издержки работы. Пропоколъ вырваній Г-на Шергина, сообщенный Г. Гельмерсену, подалъ сему послѣднему поводъ къ составленію Записки, кошорую онъ предославилъ Академіи для помѣщенія въ ученомъ ея журналѣ. По предложенію Г-на Бера, Академія нарядила комиссію изъ своихъ Физиковъ, Гг. Парроша, Купфера и Ленца, для изслѣдованія, можно ли еще продолжатъ вырванія и какой всего приличнѣе дасть ходъ дальнѣйшимъ розыскамъ. — Небольшой вулканической островъ, внезапно появившійся въ 1831 году между Юго-западнымъ берегомъ Сициліи и Африкою, послужилъ Г-ну Араго подшверженіемъ гипотезы о поднимающихся изъ земли крашерахъ. Г. Паррошъ, въ Запискѣ, читанной въ Декабрѣ сего года, ушверждаетъ прошивное, а именно, что островъ Юлія вовсе не есть поднявшійся крашеръ, а только взгроможденіе вулканическихъ веществъ, выброшенныхъ во время изверженія на дно моря, и что мнимое поднятіе, отъ кошораго будто бы произошелъ островъ, есть дѣло вовсе несбыточное по законамъ Физики. Записка Г-на Парроша напечатана въ Буллетенѣ. — Метеорологія, имѣющая въ нашей Академіи досшойнаго предсавишела въ Г. Купферъ, болѣе и болѣе распространяется въ Россіи; число мѣстъ, гдѣ правильно производятся метеорологическія наблюденія, снова увеличилось въ нынѣшнемъ году городами: Вологдою, Смоленскомъ, Клеванью,

Херсономъ, Якушскомъ и Симферополемъ, такъ что число всѣхъ метеорологическихъ станцій въ Россіи, о которыхъ Академія имѣетъ свѣдѣніе, простирается нынѣ до тридцати семи. Г. Купферъ самъ читалъ намъ свои замѣчанія о вліяніи луны на температуру воздуха на поверхности земли, основанныя на метеорологическихъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ С. Петербургѣ въ печеніе тринадцати лѣтъ. — Падающія звѣзды, коихъ по видимому правильное появленіе въ году возбудило въ наши времена любопытство Физиковъ, обратили на себя, въ историческомъ отношеніи, вниманіе нашего ученаго Ориенталиста Г-на Френа. Отыскавъ въ Воспитанныхъ Писателяхъ всѣ мѣсяца, въ которыхъ упоминается о появленіи сихъ метеоровъ, а особливо пакія, гдѣ приводится и самое число мѣсяца, онъ нашелъ, что, сходственно съ новѣйшими замѣчаніями, время, когда эти звѣзды падаютъ въ наибольшемъ числѣ и блескѣ, обыкновенно приходится въ послѣднихъ числахъ Октября и въ первой трети Ноября. Г. Френъ, въ подтвержденіе этого вывода, присоединилъ къ своей Запискѣ подлинныя тексты Арабскихъ Авторовъ, вмѣстѣ съ Нѣмецкимъ переводомъ.

Электричество и электромагнетизмъ въ нынѣшнемъ году много занимали нашихъ Физиковъ. Какъ химическая теорія электричества, въ слѣдствіе трудовъ Г-на Де ла Рива и опытовъ Гг. Бекереля и Фарадея, приобрѣла большое число приверженцевъ во Франціи и Англии, то Г. Парротъ, одинъ изъ самыхъ старшихъ Физиковъ въ Европѣ и виновникъ означенной теоріи, рѣшился произвести рядъ опытовъ, могущихъ, по его мнѣнію, доказать неопровержимымъ образомъ, что вовсе не существуетъ переходящаго по прикосновенію электричества и что электричество гальваническаго столба и всѣхъ приборовъ подобнаго рода происходитъ единственно отъ окисленія металла.

Сей-то трудъ составилъ предметъ Разсужденія его, подъ заглавіемъ: *Nouvelles recherches en faveur de la théorie chimique de l'électricité.* — Известно, что Г. Якоби изъ Кенигсберга, братъ знаменитаго Геометра того же имени, состоящій нынѣ Профессоромъ Гражданской Архитектуры въ Дерпштѣ, трудился съ большимъ успѣхомъ на новомъ поприщѣ, отверзномъ Физикъ безсмертнымъ открытіемъ Г-на Эрстеда, лѣтъ семнадцать тому назадъ. Онъ былъ однимъ изъ первыхъ, доказавшихъ въ Разсужденіи, напечатанномъ еще въ Германіи, посредствомъ остроумнаго прибора имъ самимъ устроенаго, что электромагнетическая сила можетъ быть приспособлена къ движенію машинъ. Въ началъ нынѣшняго года, Г. Якоби подвергнувъ суду Академіи рукописное Разсужденіе, которое можно почтешъ продолженіемъ выше приведеннаго, и которое представляешъ описаніе большаго числа опытовъ, относительно къ магнитной силѣ пустыхъ желѣзныхъ трубокъ, намагниченныхъ электрическимъ завиткомъ, — вопросъ чрезвычайно важный, коль скоро идетъ дѣло объ употребленіи электромагнетизма для приведенія въ движеніе машинъ. Въ слѣдъ за симъ, въ письмѣ къ Г. Ленцу, ученый Дерпшскій Профессоръ даетъ оцѣнку о употребленномъ имъ способѣ для полученія постоянныхъ электрическихъ теченій, который состоятъ въ погруженіи пластинокъ металла, изъ которыхъ состоятъ столбы, въ соотвѣтственные жидкости. Онъ именно выбралъ для мѣди пресыщенный растворъ сѣрнокислой мѣди, а для цинка растворъ нашатыря, и отдѣлялъ объ жидкости посредствомъ непроницаемой перепонки. По этому случаю онъ пригласилъ Г-на Ленца опредѣлять посредствомъ магнитно-электрическаго его прибора сопротивленіе, какое сѣрнокислая мѣдь въ прикосновеніи съ металломъ противопологаетъ теченію электрической жидкости, — трудъ, тщательно

выполненный Г. Ленцомъ и результатами котораго онъ сообщилъ Академіи въ особой Запискѣ, напечатанной въ Бюллетенѣ. Извѣстно, что въ послѣдствіи Г. Якоби, призванный въ С. Петербургъ, получилъ отъ щедрости Государя Императора потребныя средства для произведенія опытовъ въ большомъ видѣ, и между прочимъ для устройства электро-магнетическаго прибора, довольно сильнаго для приведенія въ движеніе судна. Коммиссія, въ коей участвуютъ четыре Академика: Гг. Купферъ, Оспроградскій, Ленцъ и я, призвана присущивовашъ при трудахъ Г-на Якоби и дасть отчетъ Правительству по совершенномъ ихъ окончаніи. Наконецъ ученый нашъ Членъ-Корреспондентъ Г. Норденскіольдъ, Чиновникъ Горнаго Ведомства въ Финляндіи, доставилъ намъ описаніе манометра, имъ усовершенствованнаго и весьма удобнаго къ измѣренію давленія воздуха въ машинахъ для дущія.

Нашъ Химикъ, Г. Гессъ, совершилъ въ нынѣшнемъ году путешествіе по Германіи, Швейцаріи и Франціи, для изустныхъ переговоровъ съ отличнѣйшими Европейскими Химиками на счетъ разныхъ предметовъ своей Науки; онъ посѣтилъ лабораторіи Гг. Мишчерлиха и Розе въ Берлинѣ, Г-на Вёлера въ Геттингенѣ, Г-на Либига въ Гисенѣ, Г-на Дюма въ Парижѣ, и равнымъ образомъ техническихъ заведенія, показавшіяся ему достоинными вниманія. Мы увѣрены, что это путешествіе, главною цѣлью котораго было удовлетвореніе достохвальнаго любопытства, не окончится безъ пользы для Отечества, потому что всякій Ученый, сколько бы онъ ни былъ искусенъ и дѣятеленъ, необходимо иногда чувствуетъ потребность изустнаго объясненія; особенно же въ области наблюдательныхъ Наукъ одно чтеніе сочиненій по своей частии недостаточно, замѣнишь выгоды личнаго свиданія и взаимнаго обмена идей. Отъ того-то имъ

и видимъ въ наше время, что эта потребность породила сначала въ Германіи, а потомъ во Франціи, Великобританіи и Бельгіи, нѣтъ ученыхъ съѣзды или конгрессы, единственная цѣль которыхъ есть сближеніе Ученыхъ между собою и польза коихъ не подлежитъ никакому сомнѣнію. Кабинетные труды Г-на Гесса ограничивающіяся въ нынѣшнемъ году двумя Разсужденіями, изъ которыхъ одно предсавляетъ опроверженіе мнѣнія, будто бы молочный сахаръ не способенъ къ броженію; а другое — изслѣдованіе состава сахарной кислоты. Важный выводъ изъ сего послѣдняго состоитъ въ томъ, что органическія вещества могутъ заключать въ себѣ атомъ воды въ водяномъ состояніи, но только соединенный съ ними еще непоспимымъ для насъ образомъ, и что для превращенія каменн. въ обыкновенный сахаръ стоить только приискать способъ извлеченія содержащагося въ ней атома воды. Г. Гессъ сверхъ того возобновилъ нынѣшнею зимою публичныя лекціи о Химіи, читанныя имъ уже нѣсколько лѣтъ сряду, по порученію Минералогическаго Общества. — Г. Докшоръ Фришцше, о трудѣ котораго по части Физиологии растений мы уже прежде имѣли случай говорить, сообщилъ намъ въ трехъ Запискахъ микроскопическія свои наблюденія надъ сѣрными цвѣтами и результаты нѣкоторыхъ химическихъ своихъ опытовъ, а именно новое соединеніе сѣрнокислой магнезіи съ водою, и два кристаллическія соединенія кремнекислой соды, также съ водою.

II. Разрядъ *Наукъ Вѣстественныхъ.*

Изъ Разсужденій по части Естественныхъ Наукъ приведемъ прежде всего двѣ Записки, доставленныя намъ Г-мъ Гельмерсецомъ, Маіоромъ Корпуса

Горныхъ Инженеровъ, уже снискавшимъ извѣстность геогностическими своими путешествіями по Россіи. Въ одной изъ этихъ Записокъ Авторъ бросаетъ физическій и геогностическій взглядъ на Уралъ и Алтай, а въ другой занимается изслѣдованіемъ отдѣльной горы перваго изъ сихъ хребтовъ, именно сѣверной его части — Благодани, горы, состоящей изъ магнитнаго пирита, и коей геогностическое изслѣдованіе составляетъ предметъ этой Записки. Г. Гельмерсенъ умѣлъ облечь свои описанія въ занимательную форму, которая, оппюдь не вредя ученому ихъ достоинству, придаетъ имъ подобіе привлекательныхъ картинъ, такъ что многіе пуземные и иностраные журналы посѣщали украсить ими свои листы: что и освобождаетъ насъ отъ дальнѣйшаго распространенія о ихъ содержаніи.

Г. Бонгаръ читалъ Разсужденіе о распительности острововъ Бонинъ-Симы, на основаніи образцовъ, собранныхъ Г-мъ Мершенсомъ въ экспедицію Сенявина; Г. Фишеръ сообщилъ намъ свои наблюденія о новомъ *Astragalus* изъ племени *Anthylloidea*, а Г. Мейеръ свои замѣчанія о нѣкоторыхъ видахъ рода *Hymenobrychis*, и описаніе новаго вида изъ рода *Catalpa*. Г. Нордманъ прислалъ намъ предварительное опредѣленіе признаковъ нѣсколькихъ новыхъ породъ растений, собранныхъ въ путешествіе, совершенное имъ въ минувшемъ году по западнымъ областямъ Закавказья. Число этихъ породъ простирается до двѣнадцати и опредѣленіе ихъ сдѣлано Г-мъ Ледебуромъ: Г. Генпертъ, Профессоръ въ Бреславлѣ, помѣстивъ въ нашемъ ученомъ журналѣ весьма любопытный отчетъ о новѣйшихъ своихъ розысканіяхъ на счетъ строенія ископаемыхъ растений. Г. Брандшъ, призванный въ посредники ученаго спора, завязавшагося между Гг. Зибольдомъ и Де-Фризе относительно расшенія, дающаго звѣздчатый анисъ и описаннаго

нашимъ Академикомъ въ его продолженіи Врачебной Ботаники Гайне, произнесъ въ особой Запискѣ свое сужденіе объ этомъ спорномъ вопросѣ. Наконецъ Г. Траушфешеръ, Адъюнктъ при Императорскомъ Ботаническомъ Саду, поднесъ Академіи очеркъ Исторіи Ботаники въ Россіи, или лучше сказать полное обзорніе Литературы по этой части, въ которомъ собраны и распределены систематически всѣ сочиненія, изданныя какъ Отечественными, такъ и иностранными Ботаниками, если сіи послѣдніе относятся къ Россійской Флорѣ. Это обзорніе есть только предвѣстникъ труда обширнѣйшаго, составленіемъ котораго теперь занимается Авшоръ Г. Траушфешеръ имѣеть цѣлю предвѣдомить о томъ здѣшнихъ Ботаниковъ и пригласить ихъ къ доставкѣ ему такихъ свидѣній, которыя могли ускользнуть отъ его вниманія. Академія, признавая пользу подобнаго предпріянія, охотно приняла на свой счетъ изданіе этого обзорнія въ числѣ 200 экземпляровъ, половина которыхъ предсоставляется въ распоряженіе трудолюбиваго Авшора.

Труды по части Зоологіи, которыми занималась Академія въ нынѣшнемъ году, ограничиваются почти одною только Естественною Исторіею пшницъ, насекомыхъ и моллюсковъ, пошому что Г. Брандтъ былъ преимущественно занятъ двумя довольно обширными работами а Г. Беръ, сначала приуготовленіями къ весьма важной ученой экспедиціи, а потомъ самымъ путешествіемъ, послѣ же своего возвращенія составленіемъ отчета о своихъ трудахъ, о которыхъ мы еще будемъ имѣть случай говорить послѣ. Занятія Г-на Брандта относятся во-первыхъ къ гребнымъ пшницамъ (*steganopodes*), къ ихъ оспеологіи и сродству съ плавающимъ (*plongeurs*) вообще и съ другими семействами пшницъ. Далѣе нашъ Академикъ окончилъ подробное свое описаніе щипоносныхъ или зоничковъ *акалефовъ*, ошкрышыхъ

Мерпенсомъ и уже опдалъ въ печать вмѣстѣ съ общими примѣчаніями и почти полною Естественною Исторіею сего рода медузъ. Систематическій обзоръ всѣхъ извѣстныхъ породъ, который предположено было присоединить къ этому сочиненію, до того распространился въ объемъ, что Авторъ предпочелъ напечатать его отдѣльно въ слѣдъ за самымъ описаніемъ, которое войдетъ въ составъ Записокъ Академіи. — Нѣсколько отрывковъ изъ этихъ двухъ сочиненій, особенно изъ перваго, и Записка о свѣпящихся акалефахъ, замѣченныхъ Мерпенсомъ, были сообщены ученой публикѣ въ *Bulletin scientifique*. Г. Брандтъ сверхъ того занимается монографіею семейства *Alcadeae*, — трудомъ, о которомъ онъ уже представилъ намъ предварительный отчетъ, и который, судя по собраннымъ Г-мъ Брандтомъ матеріаламъ, обѣщаетъ сдѣлаться весьма полнымъ. Мы можемъ привести еще четыре Записки того же самаго Ученого, изъ которыхъ одна опредѣляетъ съ большею ясностію описательные признаки трехъ породъ, составляющихъ родъ фаэтона; вторая основываетъ новую породу кашаракшовъ; третья излагаетъ наблюденія надъ нѣсколькими новыми видами рода бакланъ (*carbo phalacrocorax*), находящихся въ нашемъ Зоологическомъ Музеумѣ, а послѣдняя разсуждаетъ о четырехъ новыхъ породахъ змѣй, открытыхъ Г-мъ Карелинымъ на западномъ берегу Каспійскаго моря и въ Сѣверной Персіи. — Желая доставить нашему Музеуму нѣсколько видовъ птицъ, свойственныхъ Сѣверозападному берегу Америки, но затрудняясь въ указаніи Правителямъ разныхъ Конторъ Россійско-Американской Компаніи тѣхъ породъ, на которыя они должны преимущественно обратить свое вниманіе, Г. Брандтъ предложилъ Академіи разослать симъ Конторамъ литографированныя изображенія видовъ, менѣе извѣстныхъ. По одобреніи ашой мѣры и приведеніи ея въ исполненіе искуснымъ

нашимъ рисовщикомъ Г-мъ Папе, Г. Брандшъ вѣдущимъ умноживъ число литографическихъ оттисковъ и издашь ихъ съ приложеніемъ спектра на Русскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: *Замѣтательныя птицы Северо-западнаго берега Америки*. Первый выпускъ сего сочиненія скоро будетъ приведенъ къ окончанію. Г. Нордманнъ доказалъ намъ въ особой Запискѣ, что въ Европѣ существуетъ порода пшницъ, козбрую до сего времени встрѣчали только въ Сенегамбіи, Сиріи, Нубіи и Египтѣ, а именно порода ржанки, *charadrius spinosus* Линнея, которую Г. Нордманнъ поймалъ въ окрестностяхъ Одессы. Тотъ же самый Ученый открылъ и описалъ въ другой Запискѣ орудіе голоса бабочки мертвой головы (*grunx* или *acherontia atropos*), единственной, сколько донинѣ извѣстно, породы чешуекрылыхъ, которая бывъ встревожена, издаетъ пронзительный, унылый звукъ, источникъ коего оставался до сихъ поръ неопкрытымъ. Г. Менетрїе составилъ систематическую опись насѣкомыхъ, собранныхъ между Константинополемъ и Балканами, — трудъ, снискавшій одобреніе Академіи и назначаемый къ изданію въ ея Запискахъ. Наконецъ Гг. Брандшъ и Беръ, сверхъ трудовъ, выше приведенныхъ, доставили намъ еще обстоятельные разборы прехъ сочиненій, изданныхъ въ Германіи: «Польской Палеонтологіи» Г-на Профессора Пуша въ Варшавѣ, сочиненія, посвященнаго Академіи, «Льсной Энтомологіи» Г-на Рапцбургга, въ Нейшадтѣ-Эберсвальде, и «Описанія жесткокрылыхъ Бранденбургской Мархіи» Г-на Эрихсона, въ Берлипѣ. Что же касается до трудовъ Г-на Брандша въ званіи Директора Зоологическаго Музеума, то самое помѣщеніе, въ которомъ мы сегодня собраны, служило краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его дѣятельности: отличное состояніе предметовъ, которые вы видѣли, пробѣгая эти обширныя залы, порядокъ, въ нихъ повсюду господству-

ющій, и можно даже сказать, опчаспти нынѣшнее богатство нашего Зоологическаго Музеума должны быть приписаны Г-ну Брандпу: ибо сколь ни значительны суммы, издержанныя Академіею въ пять послѣднихъ годовъ на зпоть Музеумъ, но безъ усердія и дѣятельности Директора было бы совершенно невозможно въ такое короткое время достигнуть столь удовлетворительныхъ результатовъ. Съ будущей весны мы предполагаемъ назначить одинъ день въ недѣлю, въ который публика будетъ имѣть доступъ въ сіи залы для своего наставленія, и слѣдственно сегодняшнее наше засѣданіе можетъ быть сочтено какъ бы эпохою торжественнаго открытія новыхъ нашихъ Музеумовъ.

Исторія съ ея вспомогательными Науками, Нумизматикою и Археологіею; Восточные языки съ ихъ необходимыми пособіями, Словарями, Грамматиками и литературными сочиненіями; розысканія по части классической и сравнительной Филологіи, и наконецъ Науки Политическія, равнымъ образомъ, въ свою очередь доставляли многочисленныя предметы занятій нашей Академіи. Начиная съ Исторіи, мы приведемъ Разсужденіе Г-на Моргенштерна, Заслуженнаго Профессора Дерптскаго Унверситета «О изученіи Византійскихъ Историковъ», — историческія розысканія Г-на Успрялова «О постепенномъ развитіи внутренней жизни народа Русскаго» — предметъ, который онъ выбралъ также темою своей всшупительной рѣчи, — Записку Г-на Шмидта «О герояхъ до-историческаго времени», — роспись Афганскихъ поколѣній, сопоставленную Г. Дорномъ, и небольшую статью, въ которой Г. Френъ повѣрилъ нѣсколько неисправностей, вкравшихся въ Европѣ въ именахъ нынѣшнихъ владѣтелей Хивы и Бухаріи. — По части Археологіи, приводимъ прежде всего пространное сочиненіе, въ которомъ нашъ ученый Археологъ, Г. Келеръ, изложилъ результаты глу-

боких своих изслѣдованій о разныхъ камняхъ, и которое должно было выйти на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ «Руководства къ точному познанію древнихъ разныхъ камней, съ соображеніемъ геммъ, хранящихся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ С. Петербургѣ и достопримѣчательнѣйшихъ камней другихъ Европейскихъ коллекцій». Но по несчастію знаменитый Авшоръ слишкомъ долго замедлялъ изданіемъ сего важнаго труда, плода многолѣтнихъ неутомимыхъ розысканій, и въ то самое время, когда началось печатаніе оного, былъ постигнутъ шажкою болѣзнію, которая и въ сей день лишаетъ насъ его присутствія и которая, судя по его преспаръльмъ лѣшамъ, оставляетъ намъ мало надежды видѣть его трудъ скоро оконченнымъ. Другой трудъ, имѣющій предметомъ древности Тавриды, недавно изданъ на Русскомъ языкѣ новымъ нашимъ Адъюнктомъ, Г. Кеппеномъ. Г. Моргеншпернъ сообщилъ намъ въ особой Запискѣ нѣсколько литературныхъ замѣчаній о грифонахъ древнихъ Авшоровъ, написанные имъ въ опроверженіе слишкомъ смѣлой гипотезы Г-на Фишера фонъ-Вальдгейма въ Москвѣ. Г. Френъ описалъ въ одномъ Разсужденіи нѣсколько искусственныхъ издѣлій и монетъ, найденныхъ въ курганахъ Южной Сибири и снабженныхъ надписями опредѣленнаго времени: что встрѣчается только весьма рѣдко на снхъ издѣліяхъ шамислвеннаго происхожденія; сверхъ того онъ объяснилъ двѣ куфическія надписи, находящіяся въ Нахичеванѣ въ Арменіи, одну на воропахъ крѣпости, а другую надъ входомъ Ханскаго шерема, и съ которыхъ Г. Дюбуа де Монпере снялъ вѣрныя копии. — Упомянувъ о надписяхъ, привезенныхъ сямъ любознательнымъ путешественникомъ, мы скажемъ еще, что онъ ввѣрилъ довольно значительное число Грузинскихъ надписей Г-ну Броссе, и что сей Академикъ избралъ ихъ предметомъ перваго Разсужденія, читан-

наго имъ Академіи и номеръ печатающагося, а сверхъ того вручилъ ему кошію Тибетской легенды, вырѣзанной на колоколѣ Эчміадзинскаго монастыря и объясненной Г. Шмидтомъ. Наконецъ, Г. Броссе принялъ на себя трудъ исполковать нѣсколько Армянскихъ надписей въ развалинахъ Болгарь, конхъ снимокъ былъ ему сообщенъ Г. Френомъ. По часши Восточной Нумизматики, Г. Френь описалъ нѣсколько важныхъ пріобрѣтеній Кабинета медалей Его Сіятельства Графа Сергія Григорьевича Строганова въ Москвѣ; повѣрилъ нѣсколько ошибокъ, вкравшихся въ «Нумизматику Среднихъ вѣковъ» Г-на Лелевеля; объяснилъ монеты, вырѣзанныя въ 1830 году близъ Шпекборна въ Тургавѣ и ошшиски которыхъ были ему присланы знаменитымъ Германскимъ Естествоиспытателемъ Г. Океномъ; также изслѣдовалъ большое число монетъ, недознанныхъ или недоспашочно описанныхъ другими Нумизматами и указалъ имъ мѣста, которыя онѣ должны ошшитъ занимать въ каталогахъ Восточной Нумизматики. Просматривая монеты Али Ризы, онъ ошширъ годъ смерти этого Имама, и наконецъ въ двухъ Запискахъ доставилъ намъ дополненія къ Нумизматикѣ Чингизидовъ Ирана и свѣдѣнія о древнѣйшихъ монетахъ династїи Сефв. Г. Броссе читалъ Записку о нѣкоторыхъ Грузинскихъ монетахъ Азіатскаго Музеума и монографію Армянскихъ монетъ разныхъ коллекцій С. Пешербурга и Парижа, а Г. Дорнъ отчетъ о разныхъ Восточныхъ монетахъ, поступившихъ изъ бывшаго Виленскаго Университета въ Университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ. Относительно трудовъ, имѣющихъ цѣлю облегчить изученіе разныхъ языковъ и Литературы Востока, уже изъ прежняго Отчета извѣстно, что Г. Шмидтъ занимался Грамматикою и Словаремъ Тибетскаго языка. Первая печатается, и уже готовится матрица мелкаго Тибетскаго шрифта для

напечатанія въ слѣдъ за сямъ и Лексикона. Топъ же Академикъ чипаль намъ обширное Разсужденіе о нѣкоторыхъ особенностяхъ Тибешскаго языка и письменъ. — Г. Броссе издалъ въ нынѣшнемъ году въ Парижѣ свою Грамматику Грузинскаго языка, и первое препорученіе, возложенное на него по прибытіи сюда, состояло въ просмотрѣ рукописнаго и весьма полнаго Словаря сего языка, представленнаго Академіи однимъ молодымъ Грузинцемъ, Студентомъ здѣшняго Университета Г. Чубиновымъ, который Г. Броссе нашель совершенно достойнымъ одобренія. По предложенію нашего Академика, типографія должна бытъ снабжена полнымъ заводомъ Армянскихъ липеръ, и двумя разными корпусами Грузинскаго шрифша, изъ коихъ болѣе крупный въ пунсонахъ, которые будутъ вырѣзаны здѣсь по Парижскимъ образцамъ, а другой по мельче, вылитый по матрицамъ, которыя Его Свѣшлость Грузинскій Царевичъ Теймуразъ выписалъ на свой счетъ изъ Парижа и предославиль въ распоряженіе Академіи. Сверхъ того Г. Броссе сообщилъ публикѣ въ Bulletin scientifique занимательный разборъ одного Грузинскаго романа, подъ заглавіемъ: Амиранъ Дареджаніани, а молодой Оріенталистъ Г. Петровъ сдѣлалъ извѣстнымъ Академіи Русскимъ переводомъ Санскритскаго ошрыка, подъ заглавіемъ: Сипша-Гаранамъ, «Похищеніе Сипшы», извлеченнаго изъ Поэмы Адгіашна-Рамаяна, — переводомъ, кошорый онъ обогатилъ пояснительными замѣчаніями и грамматическимъ разборомъ. Можно надѣяться, что Г. Петровъ, пробывъ нѣсколько времени въ Берлинѣ, Боннѣ, Парижѣ и Лондонѣ, будетъ весьма способенъ къ замѣщенію среди насъ покойнаго Г-на Р. Ленца, о преждевременной кончинѣ кошораго мы съ прискорбіемъ извѣщали въ прошедшемъ году. — Какъ наиважнѣйшія произведенія Восточной Липературы существуютъ, по большей

части, только въ рукописи, но необходимо для тѣхъ, которые посвящаютъ себя сему роду занятій, знать по крайней мѣрѣ, гдѣ хранятся сіи драгоценныя, хранимы и въ чемъ именно состоятъ сокровища, шаящіяся въ разныхъ хранилищахъ Восточной письменности. Въ этомъ-то отношеніи мы обязаны благодарностью нашимъ Ориенталистамъ за то, что они по временамъ сообщаютъ намъ по крайней мѣрѣ каталоги сихъ многочисленныхъ мирныхъ документовъ, непрерывно похищаемыхъ съ Востока ненасытнымъ духомъ Европейской любознательности. Такимъ образомъ Г. Френъ далъ намъ отчетъ о первыхъ послѣдствіяхъ мѣрѣ, принятыхъ Г. Министромъ Финансовъ для пріобрѣтенія путемъ разнѣна важныхъ Восточныхъ рукописей. Г. Дорнъ описалъ намъ Эѳіопскія рукописи, хранящіяся отчасти въ Императорской Публичной Библиотекѣ, отчасти въ Библиотекѣ Азіатскаго Института при Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ. Г. Броссе наконецъ доставилъ свѣдѣніе объ Армянскихъ рукописяхъ, принадлежащихъ тому же самому заведенію и каталогъ рукописныхъ Грузинскихъ Картъ, составленныхъ Историкомъ Вахуштомъ для обширнаго географическо-историческаго его сочиненія. Подлинникъ сихъ Картъ находится въ Москвѣ, и Академія доставила себѣ копию, снятую съ нихъ для Имеретинской Царицы Анны. Карты сіи, по увѣренію Г-на Броссе, служатъ весьма много къ поясненію древняго состоянія Грузіи, а въ новѣйшее время даютъ обильныя историческія свѣдѣнія о раздѣленіи страны въ административномъ отношеніи подъ династією Багратидовъ, и равномерно для синонимики мѣстъ, перемѣнившихъ свои названія.

Нашъ Филологъ, Г. Грефе, предающійся съ отличнымъ постоянствомъ и успѣхомъ розысканіямъ по части Лингвистики и Сравнительной Грамматики, приготовилъ для очереднаго своего чтенія два Разсужденія,

одно о желательномъ и сослагательномъ наклоненіяхъ Греческаго языка, а другое о дигаммѣ, оплячишительномъ діалектическомъ признакѣ Индо-Германскихъ нарѣчій.— Въ заключеніе приведемъ еще Разсужденіе по части Нравственной Спашистики Г-на Германна, слѣдующее къ прежнимъ его розысканіямъ о томъ же предметѣ и двѣ спашы, присланныя къ намъ изъ Кляксы нашимъ Членомъ-Корреспондентомъ, Опцемъ Іакинѳомъ, одну о управленіи и народонаселеніи Кишая, а другую о состояніи народнаго просвѣщенія (*) въ сей достопримѣчательной странѣ, коей гражданственносшь, какъ полагають, современна Исторіи прочихъ образованныхъ народовъ.

Соединяя подъ одинъ общій итогъ всѣ ученыя спашы, чишанныя въ наши засѣданія и только бѣгло здѣсь обозначенныя, мы найдемъ, что разрядъ Наукъ Математическихъ и Физическихъ представилъ ихъ 46, разрядъ Естественныхъ 30, а Наукъ Историческихъ, Политическихъ и Филологическихъ 42, и что слѣдовательно всѣ вмѣстѣ составляютъ 118 спашей, ш. е. вдвое болѣе прошивъ прежнихъ годовъ. Перебирая сіи разные труды въ отношеніи къ ихъ объему, мы встрѣчаемъ 10 отдѣльно печатаемыхъ сочиненій, 40 проспранныхъ диссертацій, которыя войдушъ въ составъ Академическихъ Мемуаровъ и 68 Записокъ или отдѣльныхъ спашей, о которыхъ можно утвердительно сказать, что онѣ обязаны своимъ бытіемъ учрежденію нашего ученаго журнала. — Мы можемъ еще присовокупить, что изъ числа сихъ 118 спашей, 86 сочинены Академиками, а что изъ двадцати постороннихъ Ученыхъ, приславшихъ намъ свои труды, 11 состоятъ въ званіи нашихъ Почетныхъ Членовъ или Корреспондентовъ, а двое въ службѣ при Музеумахъ Академіи.

(*) Эта любопытная спаша будетъ помѣщена въ слѣдующей Части нашего Журнала. *Ред.*

Извѣстно, что въ прошедшемъ году Академія предложила Правительству снарядить Экспедицію для окончательнаго опредѣленія разности уровней Чернаго и Каспійскаго морей, потому что многія барометрическія нивелированія, произведенныя опчастіи наблюдателями, гонхъ одно иня должно было внушашь довѣріе къ полученнымъ ими результатамъ, представили данныя споль между собою разногласныя, что, можно сказаць, въ 1836 году вопросъ былъ споль же мало рѣшенъ, какъ и 25 лѣтъ назадъ, до первыхъ нивелированій. Между тѣмъ выводъ, полученный изъ сихъ нивелированій опноситељно къ пониженію уровня Каспійскаго моря, послужилъ основаніемъ для самыхъ важныхъ геологическихъ гипотезъ, и потому необходимостъ требовала снова приняться за разсмотрѣніе сего вопроса, но при томъ такимъ способомъ, который привелъ бы къ неопровержимому заключенію. Способъ сей не могъ быць иной, кромѣ тригонометрическаго нивелированія, которое, въ связи съ одновременнымъ барометрическимъ, повело бы вмѣстѣ и къ почному опредѣленію искомой разности и къ удовлетворительному объясненію неправильностей, замѣченныхъ дополъ въ геодезическихъ результатахъ, выведенныхъ изъ соотвѣстственныхъ наблюденій надъ давленіемъ атмосферы. Такова была задача, которую предположила себѣ Академія послѣ изданія въ свѣтъ послѣдняго путешествія Г-на Парроша и имѣя въ виду трехъ молодыхъ Ученыхъ, которые соединяють съ потребными свѣдѣніями пламенную ревностъ, неохлаждаемую трудностями предпріянія, Академія безъ дальнѣйшаго оплагательства представила планъ экспедиціи на усмотрѣніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія. Мы не имѣемъ нужды напоминать здѣсь, съ какимъ живымъ участіемъ проектъ нашъ былъ одобренъ двумя Министрами и съ какою щедростю Августѣйшій Монархъ сонзволилъ ас-

сигновать суммы на издержки сей важной экспедиціи. Обо всемъ этомъ уже было говорено въ послѣднемъ Отчетѣ, а равно и о томъ, что путешественники опшдравились опшкуда въ Іюль мѣсяцъ, приступили къ своимъ работамъ въ Октябрѣ, но по причинѣ неблагопріятнаго времени года прннуждены были прервать ихъ только въ семидесяти верстахъ опъ того мѣста, гдѣ онѣ были начаты. Мы признаемся, что въ то время едва смѣли ожидать шакого быстрого успѣха, о кошоромъ имѣемъ удовольствіе теперь увѣдомить: пошому что въ Октябрѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года наши Астрономы уже окончили свое важное порученіе, произвели пригономешрическое нивелированіе, кошорое, судя по обширности нивелированнаго пространства, должно безпрекословно занимать первое мѣсто въ числѣ самыхъ шрудныхъ предпріяшій этого рода; а при томъ превосходство употребленныхъ орудій, выборъ мѣсодъ и спеченіе разныхъ другихъ благопріятныхъ обстоятельствъ, все заставляешь надѣяться, что окончательный результатъ не оставишь ничего болѣе желать въ опношеніи къ точности. Таковъ былъ, по крайней мѣрѣ, опзывъ Г-на Спруве, по разсмотрѣніи журналовъ наблюдений. Но за всѣмъ тѣмъ, чтобы достигнуть этого результата, надлежитъ подвергнуть продолжительнымъ и шруднымъ вычисленіямъ многочисленныя данныя, собранныя въ продолженіе цѣлаго года, и наши Астрономы займутся ашою работою безъ замедленія времени. А покамѣсть, чтобы удовлетворить общему любопытству, они сообщили намъ предварительный выводъ изъ приближительнаго вычисленія только нѣкошорыхъ наблюдений. По этому результату, кошорый опъ дѣйствительнаго можетъ разнишья не болѣе какъ на пять фушовъ, уровень Каспійскаго моря ниже уровня Чернаго моря на 101,2 Англійскихъ фушовъ, или 14 $\frac{1}{2}$ сажень (около 16 шаозовъ). Барометрическія высоты, опмѣченныя по всей

операционной линіи, доставляя намъ вѣрный масштабъ для оцѣнки степени точности такъ называемыхъ нивелированныхъ по станціямъ, пошому что каждую разность высоты, найденную помощію барометра, можно будетъ сравнить съ высотой, опредѣленною на той же станціи барометрическимъ нивелированіемъ. Сообщившвенныя барометрическія наблюденія, произведенныя на двухъ крайнихъ пунктахъ, въ Аспрахани и Таганрогъ, въ теченіе цѣлаго года, посредствомъ инструментовъ, свѣренныхъ со всевозможнымъ стараніемъ, покажутъ намъ также, одинакова ли средняя барометрическая высота въ двухъ мѣстахъ, отстоящихъ одно отъ другаго на 9° длины и лежащихъ почти подъ одною параллелью, принимая, само собою разумѣется, въ соображеніе относительное возвышеніе этихъ мѣстъ надъ поверхностію Океана, возвышеніе, которое теперь можно будетъ опредѣлить во всей точности. И отсюда-то мы выведемъ другое заключеніе, не менѣе важное: а именно узнаемъ, до какой степени можно полагаться на барометръ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы вывести разность высоты двухъ пунктовъ, весьма отдаленныхъ одинъ отъ другаго, изъ сообщившвенныхъ барометрическихъ наблюденій, произведенныхъ на тѣхъ же самыхъ пунктахъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Но не одна только Геологія и Геодезія извлекутъ пользу изъ этой экспедиціи: она умножитъ также сумму нашихъ географическихъ и физическихъ познаній, пошому что во-первыхъ дѣйствія ея доставляютъ намъ уже довольно точную съемку относительнаго положенія всѣхъ пунктовъ, чрезъ которые проходила операционная линія, и тѣхъ, которые были съ нею соединены. Эта съемка будетъ щастливо повѣрена большимъ числомъ измѣренныхъ экспедиціею полярныхъ высотъ и азимутовъ, и абсолютныя положенія каждаго изъ сихъ мѣстъ будутъ

опредѣлены посредствомъ долгого крайнихъ пунктовъ, выведенныхъ изъ наблюденія закрытій звѣздъ. Въ числѣ пунктовъ, опредѣленныхъ въ отношеніи къ ихъ географическому положенію и высотѣ, всѣхъ занимательнѣе, безъ сомнѣнія, верхи Кавказскихъ горъ, потому что всѣ топографическія съемки шѣхъ странъ опнесены къ симъ вершинамъ и высоты ихъ на эполѣ разъ измѣрены съ основанія, коего возвышеніе надъ поверхностью Океана опредѣлено математически. Далѣе можно надѣяться, что эпи же самыя измѣренія поведутъ къ любопытнымъ заключеніямъ относительно дѣйствія земнаго преломленія лучей и послѣдовательнаго хода сего явленія въ посѣщенномъ краѣ, какъ по времени года, такъ и по разнымъ періодамъ дня и другимъ случайнымъ обстоятельствомъ, отъ копорыхъ зависить большая или меньшая его сила: ибо эшо явленіе должно было постоянно и въ высокой степени обращать на себя вниманіе путешественниковъ, уже для того, чтобы прискать средства къ опвращенію его вліянія на результаты наблюденій. Намъ остается привести еще два любопытныя замѣчанія, представившіяся нашимъ Астрономамъ. Предварительное вычисленіе показало имъ въ точности шѣ пункты, гдѣ, подаваясь впередъ по Восточному склону привеллированной земли, они должны были переступить чрезъ водяную линію Океана и спуститься ниже уровня моря. И въ самомъ дѣлѣ въ эшомъ мѣстѣ они увидѣли разительное и почти внезапное измѣненіе въ свойствахъ почвы, а потому опнюдь не сомнѣваются въ шомъ, что здѣсь именно начиналось прежнее ложе моря. Въ окрестностяхъ Чернаго Рынка, гдѣ поставленъ былъ послѣдній сигналъ на берегу Каспійскаго моря, жители утверждають, что лишь за шридцать морс еще омывало ихъ селеніе, но пошомъ, убывая мало по малу, опстунило на нынѣшнее разстояніе, то есть, на три или четыре версты.

Итакъ Астрономы приписываютъ постепенное пониженіе водъ этого моря дѣйствію испаренія, которое постоянно лишаетъ его большаго количества воды, въ сравненіи съ тѣмъ, которое оно получаетъ изъ своихъ припковокъ, и они убѣждены въ томъ, что это пониженіе прекратится не прежде, какъ когда чрезъ постепенное уменьшеніе поверхности озера, снова придуть въ равновѣсіе убыль водъ его отъ испаренія и вознагражденіе ихъ посредствомъ припковокъ.

Одинъ изъ путешественниковъ, Г. Фусъ младшій, возвратился въ С. Петербургъ 14 Декабря, тщательно свѣривъ свой барометръ съ тѣмъ, который служитъ для произведенія въ Асшрахани соопѣвшихъ наблюденій. Помощникомъ Апшекаремъ Г-мъ Оссе. Два другіе Астронома, Гг. Заблеръ и Савичъ, оправились изъ Севастополя въ Таганрогъ, равномерно для поправки барометровъ.

Другая экспедиція, которая со временемъ составитъ эпоху въ льдонскихъ путешествіяхъ по Россіи, есть первое посѣщеніе пустынныхъ береговъ Новой Земли ученымъ Естественнымъ Шведомъ. Извѣстно, что уже съ давняго времени животноя Гренландіи были изслѣдованы и описаны Опшономъ Фабриціусомъ съ такимъ радніемъ, что можно смѣло сказать, Фавна этой земли въ концѣ прошлаго столѣтія, была лучше извѣстна, нежели Фавна Франціи. Благодаря усиліямъ Маршенса, Филпса и Скоресби, наше знакомство съ произведеніями Природы въ Шницбергенѣ довольно коротко и полно. Лапландія и Исландія принадлежатъ къ числу странъ наилучше изслѣдованныхъ въ отношеніи естественныхъ произведеній. Распенія Лабрадора, собранныя Миссіонерами Общества Моравскихъ братьевъ, недавно были описаны Г-мъ Мейеномъ. Многочисленныя экспедиціи, предпринятыя Англичанами въ Сѣверныхъ странахъ Америки подъ начальствомъ Парри,

Ричардсона, Бака, всюду имѣя въ виду также животно-ныхъ и расшенія, свойственныя снмъ странамъ, и Флора ошрова Мельвила вѣроятно была намъ короче знакома, нежели Пешербургская до изданія послѣдняго Капалота Г-на Вейнманна. Однимъ словомъ, стоить только взглянуть на Карпу, чтобы съ огорченіемъ удословѣришься, что познаніе произведеній глубокаго Сѣвера прекращается у самаго рубежа Россійскихъ владѣній, и что только на Восточной оконечности обширнаго нашего Ошечества, близъ Берингова пролива и въ Охоцкомъ морѣ снова встрѣчаются нѣкоторыя слѣды пребыванія тамъ ошъ времени до времени Натуралистовъ. Въ нашемъ вѣкъ географическое распределеіе животноныхъ и расшеній, и Исторія переселенія первыхъ, составляетъ любимый предметъ изслѣдованія многихъ Ученыхъ. Но ища таковыхъ же свидѣній для Сѣвернаго Полярнаго Пояса, безрешанно встрѣчаешь совершенное невѣдѣіе ошпоси-шелою Новой Земли, коей дѣвственная почва никогда еще не была попираема стопами Натуралиста и которая однако составляетъ важное звѣно въ сей цѣпи странъ, омываемыхъ водами Ледовитаго моря: ибо здѣсь должны спалкиваться естественныя произведенія Шницбергена съ произведеніями Лапландіи, уже весьма различныя оди ошъ другихъ, пошому что это единственный ошровъ, который, образуя Сѣверную оконечность Европейскаго материка, предшавляетъ Сѣверный предѣлъ Фавны и Флоры этой часши Сѣва. По сей причинѣ каждое и самое незначительное расшеніе, привезенное съ Новой Земли, имѣешь право на наше вниманіе, и если бы даже мы знали напередъ, что не найдемъ тамъ ни одной новой породы, шо и тогда еще не слѣдовало бы заключать, что посѣщеніе сей страны не приведетъ насъ къ весьма важнымъ результатамъ. Можешь бышь, намъ скажешь, да и тамъ самизъ

не безызвѣстно, что Новая Земля была уже въ продолженіе шестнадцати лѣтъ предметомъ многочисленныхъ экспедицій, снаряженныхъ шуда нашимъ Морскимъ Министерствомъ. Но всѣ эти экспедиціи имѣли цѣль чисто-географическую, никогда не были сопровождаемы Натуралистомъ, ипкогда Академія не была призываема принимать въ нихъ участіе, и всѣ наши познанія о Природѣ сего острова въ началѣ нынѣшняго года ограничивались, сверхъ росписи употребительныхъ между туземцами именъ разнымъ пшпцамъ, собранныхъ шому уже за полвѣка Лепехинымъ, и даже еще не подведенныхъ подъ систематическія названія, только коллекціею растеній, привезенныхъ одною изъ послѣднихъ экспедицій и еще не доведенныхъ до свѣдѣнія публики.

На основаніи сихъ-шо доводовъ, Г. Беръ въ Мартѣ нынѣшняго года сдѣлалъ Академіи свое предложеніе. Пишая съ самой юности непреодолимое влеченіе къ Сѣверу, нашъ ученый Сочленъ немедленно по возвращеніи своемъ въ Россію, искалъ съ неперпнѣиѣмъ личнаго знакомства съ Русскими моряками и путешественниками, посѣщавшими разные пункты Арктическаго Пояса, коего, болѣе половины, простираясь на три части Свѣта, подвлашна Россійскому Скипетру. Уже извѣстно изъ прежнихъ нашихъ Опчешовъ, съ какимъ шщаніемъ Г. Беръ умѣлъ воспользоваться драгоценными свѣдѣніями, собранными изъ устъ сихъ неуштрашенныхъ путешественниковъ Сѣвера, и мы еще сегодня въ шпахъ о трудахъ Академіи, упомянули о превосходныхъ разсужденіяхъ Г-на Бера о Новой Землѣ. Г. Циволка, Офицеръ Корпуса Штурмановъ, сообщившій ему много показаній объ эшой шпанѣ, увѣдомилъ его, что въ нынѣшнемъ году готовишся экспедиція для окончанія съемки Сѣверовосточнаго берега острова, единственнаго, кошорый еще не опредѣленъ астрономическими наблюденіями. Г. Беръ немедленно возымѣлъ мысль

воспользоваться эшою экспедиціею для осуществленія давнѣшняго своего желанія, и узнавъ въ послѣдствіи, что она опложена, подалъ Академіи идею снаряженія экспедиціи на свой собственный счетъ единственно въ пользу Наукъ Естественныхъ. Академія съ удовольствіемъ одобрила эшою проекцію, который былъ принятъ съ неменьшею готовностію и посвященнымъ Начальникомъ Морскаго Штѣба Княземъ А. С. Меншиковымъ. Испросивъ Высочайшее разрѣшеніе, Его Свяшество предоставилъ въ распоряженіе Академіи не только Офицера выше поименованнаго, но и небольшое военное судно, стоявшее въ Архангельскомъ портѣ, съ потребнымъ экипажемъ. Г. Беръ, въ сопровожденіи одного ученика нашей Зоологической лабораторіи и Гг. Леманца, Геогноста, и Редера, рисовальщика, отправилъ С. Петербургъ около половины Юля.

Увѣредые въ то, что большая часть нашихъ слушателей съ участіемъ чинами историческое повѣствованіе о семъ путешествіи, мы не спанемъ здѣсь повсрять его въ подробности и даже воздерживаемся отъ сообщенія извлеченія изъ ученыхъ результатовъ экспедиціи, изложенныхъ нашимъ ученымъ путешественникомъ въ предварительномъ отчетѣ, гдѣ онъ мастерскою кистью начерпалъ картину геогностическаго образованія, растительности, климата и Фауны посвященнаго имъ края. Подобное извлеченіе, при удивительномъ изобиліи любопытныхъ фактовъ и новыхъ видовъ, заключающихся въ семъ отчетѣ, было бы на всякій случай весьма неудовлетворительно, а потому мы предпочтемъ для окончанія эшой статьи, замѣнить вообще, что наша экспедиція, благодаря Провиднію, принадлежишь къ числу самыхъ успѣшныхъ, которые были когда-либо предприняты въ томъ краѣ. Путешественники провели шесть недѣль на берегахъ Новой Земли и видѣли свои усилія увѣнчанными жада-

ншия уездкомъ, ибо вошли что Г. Беръ говорилъ единственно о материальной добычѣ своего путешествія: «Многимъ покажется изумительнымъ, что мы, въ спратъ, которая во всѣхъ отношеніяхъ представляемъ столько сходства съ Шпицбергенемъ, нашли около 90 различныхъ породъ явобратныхъ и около половины того же числа тайнобрачныхъ растений, между нѣмъ какъ въ Шпицбергенѣ; который былъ только разъ посѣщенъ Кануралиснаемъ, не извѣстно даже и 30 породъ первого изъ сѣихъ классовъ. Мы имѣемъ даже причину полагать, что поощренъ до нѣкоторой степени число явобратныхъ растений, чего конечно не можемъ сказать о тайнобрачныхъ. Что касается до Зоологій, то мы льстимъ себя убѣжденіемъ, что разрѣшили задачу довольно важную. Рыбная и звѣрная ловля, промыселъ значительнаго числа нашихъ соотечественниковъ, представляеть множество животныхъ, до сихъ поръ знакомыхъ единственно подъ названіями простонародными, но коихъ ученые имена оставались неизвѣстными, такъ что, къ стыду Наукъ Естественныхъ, ни одно сочиненіе по части Зоологій не упоминаеть о нихъ хотя съ нѣкоторою подробностію, и многія изъ нашихъ Русскихъ Руководствъ даже упоминають о разныхъ породахъ тюленей, вѣдущихся въ Гренландіи и Шпицбергенѣ, вовсе не подозревая, что ихъ ловящъ цѣлыми тысячами на Вломъ мѣрь; которое въ столь многіхъ отношеніяхъ несравненно для насъ занимательнѣе. Сверхъ того мы надеемся сообщить довольно полную Фауну Новой Земли, относительно къ высшимъ разрядамъ, какъ изъ собственныхъ нашихъ наблюдений, такъ и изъ свѣдѣній, собранныхъ на самомъ мѣстѣ. Хотя море конечно заключаеть въ себѣ еще несмѣтное число животныхъ низшихъ разрядовъ, которыхъ мы не имѣемъ случая видѣть, но любопытно будетъ узнать, что наши изысканія на Новой Землѣ

и берегахъ его доставили намъ болѣе 70 видовъ безпозвоночныхъ животнохъ, тогда какъ Скоресби упоминаетъ ихъ не болѣе 37 для Шницбергена. Вообще — присовокупляешь Г. Беръ — если всѣ матеріалы экспедиціи будутъ обработаны, то Фауна и Флора Новой Земли сдѣлаются болѣе извѣстными, нежели какой-либо другой страны, подъ такою Сѣвѣрною Широтою, исключая развѣ Западную Гренландію, которая пользуется благопріятнѣйшимъ климатомъ, естественною должна быть богаче произведеніями и притомъ была посѣщаемъ нѣсколько лѣтъ сряду отличными Натуралистами, и гдѣ обитающіе въ довольномъ числѣ Европейцы представляютъ болѣе средствъ къ изслѣдованію. Сложение горнокаменныхъ породъ составляло предметъ изслѣдованій Г-на Лемана вездѣ, гдѣ мы ни выходили на берегъ. Конечный результатъ состоитъ въ томъ, что глинистый и шальковый сланецъ въ разныхъ видоизмѣненіяхъ, образуетъ главное основаніе горъ, перерѣзанныхъ тамъ и сямъ посторонними слоями другихъ породъ, принадлежащихъ къ той же формаціи. На Югѣ отъ Коспина Шара виденъ авгитовый порфиръ, лежащій на ортоцерамической известни, почто шакъ, какъ то замѣчено и въ Норвегіи Гг. Бухомъ и Гаусманномъ. Наконецъ Г. Циволка измѣрилъ высоту значительнѣйшихъ горъ въ окрестностяхъ Машочкина Шара и дѣлалъ наблюденія до часта метеорологіи и магнетизма, а Г. Радеръ снялъ нѣсколько видовъ и срисовалъ разные предметы Естественной Исторіи.

Въ 1835 году мы увѣдомляли о любопытномъ путешествіи, предпринимаемомъ Г. Шегреномъ для точнѣйшаго изученія народовъ Кавказа, ихъ нравовъ и обычаевъ, преданій и вѣрованій, и преимущественно для основательнаго изслѣдованія строенія грамматическихъ формъ и особенностей ихъ нарѣчій. Сія послѣдняя уже неоднократно привлекала вниманіе Европейскихъ Учен-

ныхъ съ пѣть поръ, какъ Гильдебшведтъ собралъ первый Словарь свой. Въ новѣйшее время они сдѣлались предметомъ равносправныхъ изысканій Клапрота, и по тѣсному сродству, которое по видимому существовало между этими языками и пѣть, кончь изученіемъ занимался Г-н Шегренъ въ прежнія свои путешествія, они должны были возбудить въ высокой степени его любопытство и породить въ немъ желаніе познакомиться съ ними на самомъ мѣстѣ. — Въ послѣднемъ нашемъ Отчетѣ мы обязались сообщить объ этой акнедидии болѣе подробностей, коль скоро она будетъ окончена. Она еще недовершена; но за всѣмъ пѣть мы не можемъ не упомянуть сегодня, что, судя по всѣмъ собраннымъ свидѣніямъ, она обѣщаетъ весьма удовлетворительные результаты. Кромѣ Грузинскаго и Черкесскаго нарѣчій, найтъ ученый Сочинскъ въ особенности, занимается изученіемъ Осетинскаго языка — важнѣйшаго изъ всѣхъ Кавказскихъ по его рѣшительному сродству съ главными Европейскими языками и съ большимъ числомъ Азіатскихъ. — Онъ не ограничился богатѣйшимъ и образованнѣйшимъ нарѣчьемъ сего языка, Тагаурскимъ; но воспользовался также многочисленными, ошчаси печатными и ошчаси рукописными матеріалами, доставленными ему достойнымъ Экзархомъ Грузинъ, для того, чтобы ошчить съ Южнымъ Осетинскимъ нарѣчьемъ. И наконецъ, желая ошчить также съ Западнымъ Дигорскимъ нарѣчьемъ, а въ то же время наблюдать домашній бытъ Осетинцевъ въ ошдаленнѣйшей части ихъ земли и ошчить также свидѣнія, которыми мы обязаны покойному Клапроту, онъ предпринялъ трудное сшранствіе въ Дигорію, коего цѣль однакожь, за недостаткомъ шолмачей, не вполне была достигнута. Это-шо обстоятельство побудило Г-на Шегрена испросить въ Іюнь сего года, продолженіе срока своего путешествія. Онъ узналъ въ Дигоріи,

яко большая часть Одесского народонаселения из Мовдокъ воспоише изъ переселеншихся Дигорцевъ, и какъ эпоху города была долгое время пребывалию Миссіонеровъ, копорые даже кагда и тамъ Осешинскій Кашехизисъ, то Г. Шегреть могъ общати себѣ не только найши тамъ случай къ изученію Дигорскаго нарѣчія, но еще къ омысканію какихъ-либо древнихъ писемельныхъ документовъ, копорыя могли бы послужити къ истощенію Исторіи Осешинцевъ и другивъ смежныхъ поколеній. Сверхъ того онъ надумася найши тамъ средство къ усовершенствованію себя еще въ Червесскомъ языкѣ, а можетъ быти даже и къ оснаженію Грамматикки оного, копорая, вромѣ важности ея въ ученомъ отношеніи, была бы не безъ пользы и въ политическихъ нашихъ сношеніяхъ съ Кавкасскими герцами. Испрашиваемая оперетка была дана Г. Шегреть, и на полагаемъ увидѣти его снова средѣ насъ въ будущемъ Генварѣ мѣсяцѣ:

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ экспедиціи, предпринятой въ прошедшемъ году Г. Профессоромъ Нордманномъ изъ Одессы въ страны на Восточномъ берегу Чернаго моря. Экспедиція сія заявлятельна для насъ во первыхъ по уваженію, копорое она внушаетъ намъ къ дѣловитымъ и мужеству путешественника, и во вторыхъ потому, что Академія содѣйствовала ему денежнымъ вспоможеніемъ, и следовательно часть ученой шашвы, собранной въ это путешествіе, обратилася къ обогащенію нашихъ Музеумовъ. Въ этомъ-же послѣднемъ отношеніи мы и сочли справедливымъ упомянуть о немъ въ этомъ мѣстѣ. И пакъ, не останавливалася на исторической части экспедиціи и опасностями, съ копорыми путешественникъ долженъ былъ бороться въ странѣ, гдѣ враждебный духъ природныхъ жителей и пагубное вліяніе климата противоположнѣе вредившія всякому ученому размыслию, мы скажемъ

просшо, что жадва, собранная Г. Нордманномъ, состоитъ изъ 20 образцовъ сосцекарманныхъ, 232 дшадъ, 99 земноводныхъ, 492 рыби, 40 черепакожныхъ, 3600 насекомыхъ, 300 раковинъ, почши изъ 950 породъ расщепи въ 13,260 образникахъ, включая 30 видовъ шайнобрачныхъ, и изъ 155 породъ живыхъ расщепи и смиянъ. Предметы сии собраны въ окрестностяхъ Геленцика, Бамбора, Сухумъ-Кае и Дранде въ Абхазии, вдоль берега отъ Редушь-Кае до самой Турецкой границы, близъ рѣчки Челока въ Области Гуріель и на плоской возвышенности Сомли между Гуріеломъ и Ахалцыхомъ, въ окрестностяхъ Трапезунда и Ризи, въ долинахъ Имеретии, у подошвы Лечгумскихъ горъ въ Мингрелии и въ самыхъ предѣлахъ этой Области. Въ числѣ рыбъ, привезенныхъ Г. Нордманномъ, заключающа, съ многими шолько изысканіями, всѣ породы, волящіяся по словамъ Палласа въ Черномъ морѣ и сосѣдственныхъ рѣкахъ, и сверхъ того множество видовъ, которые можно почесать новыми въ Фавнѣ тамошняго края. Г. Нордманнъ, конечно, не замедлишь ближе ознакомишь публику съ послѣдствіями своихъ розысканій, и Академія, благопріятствоваръ этой экспедиции, можешъ поздравить себя не шолько съ тѣмъ, что обогатила свои Музеумы большимъ числомъ шуземныхъ породъ, но и съ тѣмъ, что содѣйствоввала успѣхамъ Науки.

Присужденіе Демидовскихъ премій по конкурсу 1836 года, происходило 17 Апрѣля, въ день Тезоименитства Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и Великаго Князя Наслѣдника Престола, и было провозглашено въ публичномъ засѣданіи 2 Мая сего года. Полныя преміи въ 5,000 рублей были присуждены Г. Вице-Адмиралу Крузенштерну за его Ашмась и Гидрографическія Записки Южнаго моря; Г. Аргеландеру, бывшему тогда Профессоромъ Астрономіи при Гельсингфорскомъ Универси-

Роздѣленіи

шесть, за его кашалогъ 562 неподвижныхъ звездъ, имѣющихъ собственное движеніе и за важныя результаты, выведенныя имъ изъ этого труда, и Г. Полковнику Ушакову, Автору Исторіи войнъ въ Персіи и Турціи въ 1828 и 1829 годахъ. Сверхъ того восемь другихъ сочиненій получили поощрительныя преміи, въ 2,500 рублей каждая. Г. Крузенштернъ предоставилъ въ распоряженіе Академіи премію, ему присужденную, съ просьбою, чтобы она выдала ее при одномъ изъ послѣдующихъ конкурсовъ.

Въ 1829 году Академія назначила премію за разрѣшеніе слѣдующей задачи по части Ботаники: произвести новыя, основанныя на наблюденіяхъ и опытахъ, изслѣдованія о возрастаніи ствола двудольныхъ растений, какъ въ плоски, такъ и въ отношеніи къ разнымъ частямъ, принадлежащимъ къ образованію ствола: при чемъ должны бытъ повторены и подвергнуши точному разсмотрѣнію опыты и наблюденія Дюгамеля и Обера дю Пети-Туара, и въ особенностн предположенія, сдѣланныя Мирбелемъ и Дюроше.

Академія въ то же время вызвала состязателей сообщить ей образчики ствола и нѣхъ частей растений, надъ которыми будутъ дѣланы опыты, если они будутъ способны къ сохраненію. Срокомъ конкурса опредѣленъ былъ 1833 годъ. Но какъ на эту задачу не было получено отвѣта, достойнаго вниманія, и въ то же время новыя догадки Г-на Вивіани въ Генуѣ на счетъ стихійныхъ орудій растений и ихъ назначеній, возбудили важныя сомнѣнія касательно основныхъ началъ прежней растительной Физіологіи: то Академія, желая видѣть сей важный вопросъ разсмотрѣннымъ съ новой стороны, отсрочила конкурсъ къ 1 Августа 1837 года.

На этотъ разъ Академія получила два Разсужденія, одно на Французскомъ языкѣ съ винграфомъ изъ Бон-

мета: *Quel est le sujet d'histoire naturelle qui ne nous offre pas des abîmes? Le sage choisit entre ceux qu'il juge les moins profonds, il les côtoie avec une modeste et respectueuse réserve; другое на Нѣмецкомъ съ девизомъ: *Opinionum commenta delet dies, naturae judicia confirmat.* Разсмотрѣніе сихъ диссертацій было поручено Г. Академику Бонгарду и Членамъ-Корреспондентамъ Академіи, Г. Статскому Совѣснику Фишеру и Г. Доктору Мейеру. Мы ограничимся приведеніемъ здѣсь въ немногихъ словахъ приговора, произнесеннаго Академіею, на основаніи подробныхъ и весьма отчетливыхъ разборовъ ея Коммиссаровъ.*

• Первое изъ сихъ двухъ Разсужденій есть безспорно трудъ весьма щепетельный и достойный вниманія Ботаниковъ; но оно не рѣшаетъ вопроса, предложеннаго Академіею, пошому что Авторъ представляетъ болѣе разсужденія, нежели факты, кришическій разборъ трудовъ своихъ предшественниковъ, а не собственныя наблюденія, и въ этомъ видѣ оно конечно не могло быть сопровождаемо препаратами, которыхъ требовала Академія, какъ бы въ подтвержденіе доводовъ.

• Авторъ втораго Разсужденія также не вполне разрѣшилъ предложенный вопросъ. Онъ ограничился пушемъ наблюденія, съ умысломъ устранивъ все опышны. Кришика, которой онъ подвергаетъ труды Французскихъ Ботаниковъ, не удовлетворительна; не подтверждая и не опровергая гинешевъ сихъ Ученыхъ, онъ вовсе умалчиваетъ о трудахъ Г. Вивіани. Наконецъ и это сочиненіе представлено безъ препаратовъ, какъ и первое. Однако съ другой стороны Авторъ даетъ намъ отчетъ о многихъ Фишомическихкихъ изысканіяхъ, имъ самимъ сдѣланныхъ и весьма любопытныхъ, по нашему мнѣнію, особенно въ отношеніи къ растеніямъ, коихъ внутреннее строеніе образуешь какъ бы пере-

ходъ еще однодольныхъ къ двудольнымъ. Сравнительныя наблюденія расшеній травяныхъ и древесныхъ, подбѣлкихъ подъ одинакиа вѣспешивныя семейства, бытъ сомнѣннѣ много содѣйснвають къ объясненію слодорба образованія снвода. Сверхъ того Авторъ приложилъ къ своему труду 65 анатомическіе рисунка, превосходно выполненныя и не оспалляющіе ничего желанш въ опншеніи къ шочности, сколько о шомъ могли судишь Коммиссары, повѣривъ нѣкоторыя изъ нихъ. Во всякомъ случаѣ это Разсужденіе, хотя и не вполне соотвѣтствуетъ условіямъ нашей программы, но содержишь въ себѣ много новыхъ идей и поучительныхъ изысканій, которыя, сдѣлавшись извѣстными, могутъ указать другимъ Ботаникамъ стезю къ полному разрѣшенію труднаго вопроса Физиологіи расшеній, составляющаго предметъ нашей Ботанической задачи 1829 года.

•Третій ученый, Г. Профессоръ Мейенъ въ Берлинѣ, прислалъ намъ свое сочиненіе, изданное на Нѣмецкомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Новая система Физиологіи расшеній, Берлинъ 1837», съ письмомъ, въ которомъ онъ просилъ Академію обратишь свое вниманіе на главу, разсуждающую о предложенномъ вопросѣ и представляющую, по мнѣнію Автора, довольно удолетворительное его разрѣшеніе. Г. Мейенъ присовокупляетъ впрочемъ, что онъ опнудъ не намѣренъ войти въ сошззаніе, потому что общошгельства не позволили ему сообразоваться съ обыкновениями, употребительными при доущеніи къ Академическимъ конкурсамъ. Опдложивъ это въ шпорону, Академія, по шщательномъ разсмошрѣнн сечиненія Г-на Мейена, нашла однако же, что предложенная задача не разсмошрѣна въ немъ со вѣхъ шпоронъ. Впрочемъ она признаетъ превосходство этого сочиненія передъ многими другими и благодаритъ Берлинскаго ученаго Ботаника за сообщеніе поучи-

шальныхъ образчиковъ разныхъ породъ деревъ, приложенныхъ имъ къ его книгѣ.»

Послѣ всего сказаннаго нами, Академія должна была ошлѣнить свою задачу. Но чтобы публично засвидѣтельствовать участіе, возбужденное въ ней изысканіями, содержащимися въ Разсужденіи подь № 2, она присудила Автору второстепенную награду во 100 Голландскихъ червонныхъ и сверхъ того принимаетъ на себя, если пожелаетъ Авторъ, издать трудъ его на свой счетъ; предоставитъ въ его распоряженіе 50 экземпляровъ (*).

(*) По распечатаніи записки, принадлежавшей къ упомянутому сочиненію, оказалось, что Авторъ оного есть Докторъ Ульгеръ, Профессоръ Зоологій и Ботаники въ Грецѣ, въ Австріи.

ВЫ П И С К А

ИЗЪ ПРОТОКОЛОВЪ ЗАСѢДАНІЙ
 АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

Засѣданіе 29 Ноября.

Читано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 18 Ноября, объ осмотрѣ, по распоряженію мѣстныхъ Начальствъ, архивовъ Присутственныхъ Мѣстъ въ Кавказской Области и Енисейской Губерніи, и о неопысканіи тамъ древнихъ рукописей.

Читано утвержденное Г. Министромъ Народнаго Просвѣщенія опредѣленіе, отъ 25 Ноября: «Состоящаго не у дѣла Коллежскаго Ассессора Онацевича занимающаго при Коммиссіи, по ея усмотрѣнію, приговореніемъ къ печатанію актовъ, относящихся до дѣла Западной Руси и Ливонскаго Ордена, на языкахъ Латинскомъ, Нѣмецкомъ, Польскомъ и Французскомъ, съ порученіемъ опыскивать для включенія въ это собраніе подобныя акты въ С. Петербургскихъ Библіотекахъ.»

Чиновникъ Коммиссіи Машвѣвъ, при донесеніи отъ 7 Ноября, представилъ списки старинныхъ актовъ, хранящихся въ архивѣ Астраханскаго Губернскаго Правленія подъ № 23, 24 и 36. Положено: передать списки актовъ, для разсмотрѣнія Главному Редактору Берединову.

Старшій Учитель Коспромской Гимназіи Оедотовъ, при письмѣ отъ 29 Октябрю, представилъ Коммиссіи принадлежащій ему рукописный Хронографъ. Положено: поручить разсмотрѣніе онаго Члену Успрялову, а Г. Оедотову изъявить благодарность отъ имени Коммиссіи.

Коллежскій Ассессоръ Князь Енгальчевъ пожертвовалъ въ пользу Коммиссіи двѣ рукописи, подъ заглавіемъ: а) О рожденіи Петра Великаго, и б) Алфавитъ (родъ Словаря). Положено: первую рукопись передать для разсмотрѣнія Члену Комовскому, а вторую, какъ относящуюся къ занятиямъ Императорской Россійской Академіи, препроводить въ оную; Князя же Енгальчева благодарить за доставленіе сихъ рукописей.

Засѣданіе 13 Декабря.

Читаны: а) отношеніе Г. Спашъ-Секретаря Тавтѣва къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 3 Декабря, съ возвращеніемъ всеподданнѣйшей докладной записки Государю Императору о дѣйствіяхъ Археографической Коммиссіи, и б) означенная докладная записка.

Корреспондентъ Коммиссіи, Коллежскій Ассессоръ П. Спроевъ, письмомъ отъ 27 Ноябрю, доноситъ Г. Предсѣдателю, что въ Государственномъ Старыхъ дѣлъ Архивѣ просмотрѣно имъ болѣе десяти тысячъ сполбцевъ и шестрадей, съ которыхъ списки онъ дѣятельно приготавливаетъ для Коммиссіи.

Г. Предсѣдатель объявилъ, что онъ опнесся къ Г. Библіотекарю Его Императорскаго Величества, Управляющему Эрмишажною Библіотекою Седжеру, о допущеніи Правителя дѣлъ Коммиссіи Коркунова къ

осмотру историческихъ рукописей, хранящихся въ означенной Библиотекѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ читаю отношеніе Г. Управляющаго Эрмитажною Библиотеккою къ Г. Предсѣдателю, отъ 30 Ноября, о распоряженіи, сдѣланномъ имъ по сему предмету. Положено: принять къ свѣдѣнію.

Читано отношеніе Г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 26 Ноября, съ препровожденіемъ опривка Разрядной книги, омысканной въ Оболенскомъ Городническомъ Правленіи. Положено: хранить въ Комиссіи, впредъ до особаго распоряженія

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніяхъ отъ 28 и 30 Ноября, препроводилъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія присланные изъ Верхотурскаго Уезднаго и Иркутскаго Губернскаго Архивовъ, старинные столбцы и девять счещенныхъ и другихъ шестрадей, относящихся къ управленію Сибирскаго края. Положено: столбцы передать для разсмотрѣнія Члену Березникову, а счещенные и другія шестради Члену Краевскому.

Г. Спашъ-Секретарь Балугянскій, при отношеніи отъ 30 Ноября, препроводилъ къ Г. Предсѣдателю составленный Директоромъ Типографіи II Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, примѣрный расчетъ, во что обойдется печатаніе «Юридическихъ актовъ» и «Указовъ къ чепыремъ томамъ Актовъ, собранныхъ Археографическою Экспедиціею.» Г. Предсѣдатель присемъ объявилъ, что онъ уже ошнесся къ Г. Спашъ-Секретарю Балугянскому, о сдѣланіи по сему предмету нужныхъ распоряженій.

Читано отношеніе Г. Управляющаго Азіатскимъ Департаментомъ Министрства Иностранныхъ Дѣлъ

къ Г. Предсѣдателю, отъ 30 Ноября, съ препровожденіемъ списка съ донесенія Драгомана Спашкаго Савиняка Ярцова, которому поручено было разсмотрѣть переводы съ Ташарскаго и Турецкаго языковъ Ханскаго ярлыка XVI, и Турецкаго Судебнаго дала XVII вѣка, при чемъ приложены и самыя копии съ означенныхъ переводовъ. Положено: донесеніе Г. Ярцова, вмѣстѣ съ переводами, препроводить въ Редакцію Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, для напечатанія по ея усмотрѣнію.

Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, при отношеніи отъ 30 Ноября, доставилъ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, шарпирные столбцы, хранившіеся въ архивахъ Тульскаго Губернскаго и Каширскаго Городническаго Правленій. По донесенію Г. Исправляющаго должность Тульскаго Гражданскаго Губернатора, Г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ извѣстилъ, что въ архивахъ прочихъ городовъ Тульской Губерніи не открыто никакихъ примѣчательныхъ рукописей. Положено: означенныя акты передать для разсмотрѣнія Члену Бередицкову.

Читано отношеніе Г. Управляющаго Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ къ Г. Министру Народнаго Просвѣщенія, отъ 5 Декабря, о сдѣланномъ имъ распоряженіи къ исходящейсшвованію у Любекскаго Правительсва дозволенія допустить Корреспондентовъ Комиссіи Коллежскихъ Секретарей Невѣрова и Спроева въ Любекскій Архивъ для осмотра хранящихся тамъ историческихъ актовъ, относящихся къ Россіи. Г. Предсѣдатель объявилъ, что онъ уже даль знать о семъ находящимся за границею Гг. Невѣрову и Спроеву, и просилъ ихъ войти между собою въ предварительное по сему предмету соглашеніе.

Читано отношеніе Г. Помощника Попечителя Харьковскаго Учебнаго Округа къ Г. Предсѣдателю,

ошъ 20 Ноябръ, о томъ, что къ осмошру архивовъ Молчанскаго монастыря, Софроніевой и Глинской пустынь и Пупивльскаго Уезднаго Суда онъ полагалъ бы назначить Штапнаго Смотрителя Училищъ Тетерина. Положено: испросить по сему предмету разрѣшеніе Г. Министра Народнаго Просвѣщенія.

Членъ Усрляовъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Разсмотрѣвъ двадцать актовъ, доставленныхъ въ Комиссію изъ архива Полшавскаго Уезднаго Суда и Переяславской Городовой Ратуши, имѣю честь донести, что изъ числа ихъ при акша на Польскомъ языкѣ сушь грамоты Короля Владислава, ошъ 7 Марша 1633 и 12 Марша 1637 года, о подтвержденіи таможенныхъ и цѣховыхъ правъ, данныхъ городу Переяславлю прежними Королями; въ прочихъ же семнадцати актахъ заключающахся одиннадцать манифесшовъ и грамотъ Петра Великаго къ Малороссійскому народу во время Шведской войны, большею частію печашные, объ измѣнѣ Мазепы, объ избраніи въ Гешманы Скоропадскаго и о земскихъ повинностяхъ, одинъ Указъ Императора къ Кексгольмскому Коменданту о посылкѣ солдатъ для работъ при Олонецкихъ марціальныхъ водахъ; при грамоты Императрицы Анны къ Малороссійскому народу о избраніи впредь до повелѣнія Гешмана и о уменьшеніи разныхъ сборовъ, и два Указа Императрицы Елисаветы о назначеніи Гешманомъ Графа Разумовскаго. Три первыя грамоты, по мнѣнію моему, могутъ войти въ «Собраніе актовъ о Западной Россіи» если только, по сличеніи съ другими подобными, не окажутся онъ одного содержанія; остальныя за швъ опчасты напечатаны въ «Полномъ Собраніи Законовъ», опчасты не имѣють исторической важности. Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Усрляова, напечатать при первыя грамоты въ «Собраніи Актовъ Западной Россіи».

Главный Редакторъ и Членъ Коммиссии Беренниковъ читалъ слѣдующее донесеніе: «Въ 41 статьѣ Высочайше утвержденныхъ Правилъ для руководства Археографической Коммиссии сказано: «приговорясь къ изданію Русскія Лѣтописи по спискамъ наиболее вѣрнымъ, съ присовокупленіемъ къ каждому вариантовъ изъ однородныхъ или побочныхъ списковъ». Прислушивъ къ приговору шекста «Опдѣльнаго Временника Неспора», я принялъ за основаніе Лавреншіевскій списокъ, какъ наиболее древній, который долженъ быть объясненъ множествомъ вариантовъ, заключающихся въ другихъ спискахъ Лѣтописей и Лѣтописныхъ Сборниковъ. Между тѣмъ честь имѣю предложить на разрѣшеніе Коммиссии слѣдующій вопросъ: Известно, что въ самомъ исправномъ спискѣ, принятомъ въ основаніе шекста какой-либо Лѣтописи, могутъ встрѣпиться погрѣшности, пропуски и цѣлыя мѣста, испорченныя переписчиками; въ такомъ случаѣ настоящаго чтенія должно уже ошсыкивать въ побочныхъ спискахъ. Приведу примѣръ. Въ Лавреншіевскомъ спискѣ сказано, что народы, принадлежащіе къ колыну Іафешову, населяющему Полночныя и Западная страны, *принаддѣтъ къ полунотью и ссдѣлтелъ съ племенемъ Хамовымъ*. Здѣсь слово къ *полунотью* явная описка; пошому что страны, входящія въ удѣль Хамовъ, лежатъ ошъ Іафешова колына къ Югу. Въ Ипашіевскомъ и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ вмѣсто къ *полунотью* спощтъ къ *полуденю*. Чтеніе вѣрное! — Какой же способъ употребить при изданіи Русскихъ Лѣтописей? Принявъ за основаніе шекста какой-либо исправный списокъ, должно ли передавать его безъ малѣйшей ошмѣны, со всеми его описками и погрѣшностями, какъ бы онѣ ни были явны, или испорченныя слова и выраженія основнаго списка замѣнять сошвѣщственными имъ изъ побочныхъ, если они окажутся болѣе правильными? Въ

первомъ случаѣ главный списокъ передается съ дипломатическою точностью, а всѣ разнословія, заключающіяся въ побочныхъ спискахъ, показуются въ подспрочныхъ выноскахъ; во второмъ случаѣ, на оборотъ, сообщительственныя искаженныя въ главномъ списокѣ слова и выраженія внесены въ текстъ изъ побочныхъ списковъ, а погрѣшности главнаго означены въ вариантахъ. — Если издашь «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей», при множествѣ списковъ, спашешь рабски придерживаясь одного изъ нихъ, ш. е. излагашь текстъ какой-либо Лѣтописи только по одному списку: но такое изданіе будешь ли по преимуществу правильно? Такъ ли ученые Нѣмцы издавали Гомера, Виргилія, Цидерона, Тацита? Такъ ли новѣйшіе Германскіе Археологи печатають свои *Monumenta historica*? . . . Будешь ли такое изданіе даже удобно для чтенія? Предположимъ, что всѣ разнословія главнаго и побочныхъ списковъ оппечтливо показуютъ въ подспрочныхъ выноскахъ: но не затруднишь ли на каждой строкѣ читатель опшккиваніемъ истиннаго чтенія во множествѣ вариантовъ? Всѣ эти неудобства, по моему мнѣнію, устраняются, если при изданіи Русскихъ Лѣтописей будешь принять способъ, которымъ руководствовались знаменитѣйшіе изъ Европейскихъ коментаторовъ, и которымъ Гг. Тимковскій и Спроевъ употребили при изданіи Лавреншіевскаго Нестора и Софійскаго Временника: ш. е. печаташь текстъ каждаго основнаго списка, гдѣ онъ окажется правильнымъ, безъ малѣйшей ошгки въ подлинникѣ, но испорченныя мѣста исправляшь по однороднымъ или побочнымъ спискамъ, съ показаніемъ ихъ въ вариантахъ. Изложишь мнѣніе мое, чешь имѣю испрашивать разрѣшенія Комиссіи: какой изъ сихъ способовъ долженъ быть употребленъ при изданіи «Полнаго Собранія Русскихъ Лѣтописей»? — Положено: согласно съ мнѣніемъ Г. Бе-

редникова, мѣста явно испорченныя въ каждомъ основ-
номъ спискѣ какой-либо Лѣтописи, исправляшь по
однороднымъ или побочнымъ спискамъ, съ показаніемъ
ошибокъ подлинника точными его словами въ вариан-
тахъ, т. е. настоящее членіе помѣщаешь въ текстѣ.

IV.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

1.

НОВЫЯ КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ.

1) *Письма о Богослуженіи Восточной Кавказской Церкви.* С. Петербургъ, въ шип. III Ошдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи 1838. 448 стр. in-8°.

Съ тѣхъ поръ, какъ Промыслъ Божій и заботливостію Русскихъ Самодержцевъ Отечество наше возшло на чреду знаменитѣйшихъ Державъ и какъ сознание внутренняго достоинства обратило насъ къ внимательному изслѣдованію собственныхъ нашихъ сокровищъ, не проходитъ и года, чтобы мы не разрабатывали ихъ болѣе и болѣе. Богатства, спавшіяся въ недрахъ нашей земли; живописныя свойства нашей обильной, благозвучной рѣчи; блестящія картины нашей Исторіи — возбуждаютъ общее всѣхъ вниманіе. То же должно было послѣдовать и съ высшею, духовною стороною жизни нашей — съ Вѣрою, которую мы наследовали отъ предковъ. Правительство неусыпно печется о семъ великомъ предметѣ. Между тѣмъ пріятно видѣть и частныя усилія, съ особеннымъ успѣхомъ обращенныя къ той же цѣли. Къ числу ихъ мы

обязаны опнесши книгу, нами разсмащриваемую, ко- шорой предметъ не можеть не бытъ близокъ къ сердцу и каждаго истиннаго Христіаница, а тѣмъ болѣе члена той Церкви, коей мы, Русскіе, одолжены и свѣ- шомъ Евангельскаго ученія и самою швердосшію нашей Государшвенной силы.

Кшо изъ насъ могъ бытъ равнодушнымъ зришелемъ священнодѣйствія въ храмъ Божіемъ? кшо не прибли- жался съ благоговѣйнымъ шрепешомъ къ престоу, на коемъ совершаешся сшрашная шайна нашего спасе- нія? не внималъ съ умиленіемъ сшройному хору, сла- вящему Царя Царей? Но кому шакже не случалось упрекашъ себя и въ развлеченіи во время церковной службы? Кромѣ врожденной человѣку слабоспи, причи- ною шому бываешъ не рѣдко и самое незнаніе настоя- щаго значенія Богослужебныхъ обрядовъ. Вошъ поводъ къ сочиненію шѣхъ Писемъ, за копорыя не лзя не благодаришъ Авшора опъ искреннаго сердца. Въ ка- комъ духѣ Христіанской любви и крошоспи и съ какою скромносшію они написаны, о шомъ Читашели могушъ получишъ понятіе изъ самаго вшпушенія, слу- жащаго сей книгѣ предисловіемъ. Припомнивъ другу своему, къ которому обращены письма, совокупное съ нимъ посѣщеніе нѣкопорыхъ священныхъ мѣстъ, Авшоръ говоритъ: «Не смотря на шоржештвенносшъ служенія, на согласіе хоровъ, я замѣчалъ въ тебѣ уша- лосшъ преждевременную, и она была болѣе правшвен- ная, нежели физическая. Наружное величіе обрядовъ, безъ ихъ внутрешняго, глубокаго смысла, не могло за- нимать тебѣ; чтеніе же маловняшное и совершенно тебѣ неизвѣстное, хошя и прерывалось иногда гармо- ническимъ пѣніемъ, но невольнo продолжало для тебѣ всенощную, ибо ты не зналъ ея настоящаго хода; а незнакомый пушъ во мракѣ кажешся намъ всегда беско- нечнымъ. Между шѣмъ я шакже замѣшалъ, что всякій

разъ, когда до своего слуха доходила знакомая молитва, ты съ благоговѣніемъ ей предавался, и эшо мнѣ подадо благую мысль объяснить тебѣ, по мѣрѣ слабыхъ силъ монахъ, шѣ мѣста краснорѣчиваго и проташельнаго служенія нашей Православной Церкви, съ кошорыми ты менѣ моего имѣлъ случай познакомиться. Не ожидай однако же многого ошъ собственной моеѣ неопытности въ дѣлѣ, шребующемъ духовныхъ познаній. Безполезно даже и предостерегать тебѣ, ибо ты довольно знаешь, сколько поверхностны мой свѣдѣнія; но сіе самое даетъ мнѣ смѣлость говорить съ тобою откровенно о предметѣ близкомъ моему сердцу. Бышь можешъ, если бы ты подозрѣвалъ во мнѣ болѣе духовнаго знанія, ты избѣжалъ бы меня, какъ скучнаго учителя; но ты не спанешъ уклоняшся друга, во всемъ тебѣ равнаго, кошораго уша говорить ошъ изышка сердца.»

Сочиненіе раздѣлено на чешыре главныя части или книги, слѣдующаго содержания: I, О Литургіи и Всенощной; II, О Великомъ Постѣ и Настѣ; III, О седми Тайнствахъ, и IV, О праздникахъ и погребеніи. Скажемъ нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ въ особенности.

I. *О Литургіи и Всенощной.* Учрежденіе Литургіи ведешъ свое начало ошъ первыхъ временъ Христіанства; ея обряды сохранились свяшо и донынѣ, имѣя видъ символическій. Удивительно ли, что человекъ, не углублявшійся никогда мыслию въ сокровенное значеніе ихъ, колеблешся при совершеніи оныхъ между суешнымъ любопытствомъ и недоумѣніемъ? Авторъ предвидѣлъ эшо шягосшное состояніе души, и признавая шому источникомъ недоспашокъ сравненія нынѣшней Литургіи съ первоначальнымъ ея устанавленіемъ и упущеніе изъ виду цѣли постепеннаго образованія ея подробностей въ шеченіе нѣсколькихъ вѣковъ, ошъ зна-

комить Чашателей съ порядкомъ Богослуженія первыхъ временъ Христіанскихъ, указываешь въ немъ шо же раздѣленіе на Проскомидію, Лишургію оглашенныхъ и Лишургію вѣрныхъ, которое донынѣ сохранилось; изясняешь наконецъ древнее учрежденіе просфоръ и разныхъ обрядовъ, также сокращенія Лишургіи Апостола Іакова (перваго Іерусалимскаго Епископа) Святыми Василиемъ Великимъ и Іоанномъ Златоустомъ — изъ снисхожденія къ немощи человѣческой, шога какъ она и донынѣ поется вся снолна въ день памяти Апост. Іакова въ Іерусалимѣ.

Вниманіе Чашателя обращается въ особенностіи къ Архіерейскому служенію. Онъ слѣдуешь мыслію за Священителемъ ко вратамъ алтара и потомъ къ возвышенному мѣсту среди церкви и народа, присушествуешь при облаченіи его въ священныя одежды, узнаешь значеніе существенныхъ частей облаченія и постигаешь мало по малу молитвы и обряды, болѣе открытыя вниманію всякаго предстоящаго. Поясненія, Авшоромъ при семъ случаѣ употребляемыя и направленныя къ назидательной цѣли, возбуждають неволью чувства благочестія и смиренія. Можно ли чашать равнодушно мысли его при заключеніи Лишургіи оглашенныхъ! • Ты скажешь •— говоришь онъ — «за чѣмъ шеперь обрядъ сей почти щещный, когда уже нѣтъ разряда оглашенныхъ, готовящихся къ Св. Крещенію, потому что всѣ окрещены съ младенчесшва, а разрядъ кающихся и оплученныхъ онъ Таинствъ большею частію не примѣненъ въ церкви? Подумай однако же, сколько есть между нами шакныхъ, которые шолько оглашены Вѣрою Христовою, но не вѣрують, призваны ко спасенію и не идутъ; щещно стараешься Церковь умягчить ихъ сердце молитвою, произкишь его словомъ Божиимъ, — они имѣють уши, чтобы не слышашь, и очи, чтобы не видѣть, и шпрямляшся къ погибели какъ бы на нѣкій шаръ, имъ уго-

шованный рукою вѣчной смерти, ошклоня осьь себя шу духовную шрапезу, какую предлагаешь имъ Искупитель, въ приобщеніи собствѣннаго шѣла и крови, зывающій: приидише ко Миѣ всѣ шруждающіися и обре- мѣненніи и Азь упокою вы. И что говорю я о другихъ? Взглянемъ на самихъ себя: не мы ли первые оглашен- ные?— Что скажешь? мы исповѣдуемъ Христа! шакъ, но не устами ли шолько? дѣла же наши лучше ли языческихъ? а по словамъ Писанія: вѣра безъ дѣлъ мершва. Нѣшъ, другъ мой, съ шрелешомъ преклоняю я голову при возгласеніи Діакона: «оглашенніи главы ваша Господеви приклонише!» послѣ котораго они должны изгоняшьясь изъ храма; молюсь въ сію минушу шолько же за самого себя, сколько и за нихъ, чтобы не бышь изгнаннымъ спрашными Ангелами изъ Цар- ствія Небеснаго, подобно какъ изъ церкви изгоняюшся Діакономъ оглашенные, и когда потомъ онъ призыва- ешь уже однихъ шолько вѣрныхъ къ молишѣ, знаешь ли, что я не всегда дерзаю молишьясь?»

Изложивъ и изъяснивъ обряды Лисургии, Авшоръ пристушаетъ къ описанію Всенощной въ шрехъ глав- ныхъ ея часпяхъ: вечерни, ушрени и перваго часа, и указываетъ въ шспешенномъ развѣшніи ея хода шрога- тельное предшавленіе важнѣйшхъ событій духовной судьбы человѣчешва. Опшверзаюшся царскія врата, какъ бы Царшвія Небеснаго; свѣшъ и оиміамъ проии- каюшъ во всѣ часпи храма и великолѣпный Псаломъ «Благослови душе моя Господа», изображаетъ дивную картину мірозданія. Вскорѣ закрышіе царскихъ вратъ даетъ чувшвовашъ изгнаніе чешовѣка изъ рая слад- сти, сердце шѣсняется печалію, но мало по малу пѣніе Псалмовъ оживляетъ въ немъ надежду; къ воззваніямъ «избеди изъ шемницы душу мою исповѣдашся имени Твоему», хоръ начинаетъ прибавлять другіе стихы новозавѣшные, изображающіе празшество дня, какъ бы

въ радостномъ ожиданіи Искушенія. Вечерня приближается къ концу среди громкихъ благословеній имени Господня. Начинается утренняя. Все утихло, и вдругъ раздается Ангельскій привѣтъ Виноемскимъ пастырямъ, возвѣщающій Рождество Спасителя.

Изяснивъ дальнѣйшій ходъ всеобщаго служенія, Авторъ оканчиваетъ первую часть своего сочиненія описаніемъ Литургіи преждеосвященныхъ, кошорая исключительно совершается во дни Великаго поста и оплчается ошъ обѣдни Свяшыхъ Василия и Злапоуспа. Она состоить собственно изъ вечерни, предшествующей часами, и нѣкоторой части обыкновенной Литургіи, кромѣ важнѣйшаго, то есть освященія даровъ; называется же преждеосвященною пошому, что предлагаемые въ ней дары освящаются прежде на Воскресной Литургіи.

II. *О Великомъ Постѣ и Пастѣ.* Человѣкъ, увлекаемый вихремъ свѣша, или углубленный въ однѣ мірскія обязанности, не всегда понимаетъ, или, лучше сказать, не всегда думаетъ объ ушѣшеніяхъ, предлагаемыхъ ему торжественнымъ временемъ Великаго Поста. Къ немушо можно обратишь слова Автора: «Не думай, чтошбы я привелъ тебя къ нѣкоей безводной пустынь, на отдаленномъ краю коей съ неперпнѣемъ будешь шш ожидать появленія Свѣшлаго Праздника. Нѣшъ, и сію миную для тебя пустыню оживили благодатными водами Свяшые Ошцы Церкви; и ее обрашили они въ землю воздланную, усьянную цвѣшами Иисуса Христа, ибо верпоградарями были Дамаскинъ и Косма, и Спудишы и Андрей Кришскій, свѣшильники своего вѣка и послѣдующихъ, возсіяшіе изъ глубины уединенныхъ келлій.»

Каждому Христіанину должны бышь извѣсны и цѣль учрежденія Великаго Поста, и обязанности, онымъ возлагаемы; но едва ли каждый знаетъ, сколько могутъ содѣйствовать исполненію ихъ самые обря-

ды, на это время Церковію установленны. Въ этомъ можешь убѣдись изъясненіе сихъ обрядовъ, кошорое Авторомъ написано съ сердечнымъ краснорѣчіемъ: «По истинѣ. — говорятъ онъ — «благая Церковь, заботясь о спасеніи дѣшей своихъ, семью недѣлями Великаго поста и шремя имъ предшественствующими, какъ будто написала (если шолько позволено шакъ выразишься) Пѣсню всего человечества, рѣзко обозначивъ шри его грани: паденіе, Испуленіе и Послѣдній Судъ! все же прослраншиво сей шрогашельной Поэмы наполнила она шю горькимъ плачемъ покаянія, шю несомненными восшоргами, шю Пророческимъ вдохновеніемъ о грядущемъ спасеніи, шю самымъ изображеніемъ шспраданій Испушителя, уже не шолько въ Пѣсняхъ духовныхъ, но и въ обрядахъ для большаго вначашлѣнія. Весь наружный человекъ долженъ содѣйствовать внушреннему въ дѣлѣ своего спасенія: и ухо его должно слышать и око видѣть, и молишься уста, и руки подымаются къ небу и припадаешь колѣна, и смиряешься къ землѣ гордое чело, и наконецъ постишься алчная штроба, влекущая долу высокіе помыслы духа.»

По сейу Авторъ говоритъ напередъ о шрехъ недѣляхъ, предшественствующихъ Великому Посту, въ коихъ шришчи о мышарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ и чшеніе страшнаго Евангелія о Послѣднемъ Судѣ, шривода насъ въ сокрушеніе, должны служить шриуготовленіемъ къ Чешырешестидесятицѣ, и выписываетъ лучшіе шпрывки изъ Духовныхъ Пѣсней, сему времени присвоенныхъ. Не лзя безъ сердечнаго удовольствія читать прекрасное и назидательное изъясненіе жалобной Пѣсни пѣлнннковъ Вавилонскихъ, кошорую Церковь возглашаетъ шрогашельнымъ напѣвомъ въ каждый изъ шрехъ Воскресныхъ дней, предшественствующихъ Великому Посту. «Сія Пѣснь *(На рѣкахъ Вавилонскихъ, тамо сѣдохомъ и плакахомъ, шнегда помянути намъ Сіона и*

пр.) сильная и поразительная, какъ воспоминаніе, представляется еще болѣе возвышенною, какъ иносказаніе: Вавилонъ, *сѣщеніе*, есть образъ смѣшаннаго множества спрасней и грѣховъ, которые господствуютъ въ мірѣ, берущъ въ плѣнъ невнимательную душу и работающъ ее; Иерусалимъ, *городъ мира*, значить соотвоящія души, собравшейся изъ разсыяніа и обратившейся къ Богу, миръ непорочной или покаяніемъ очищенной совѣсти. Ахъ, другъ мой, не забудемъ сего Иерусалима, постараясь не забывать его! Мысль о сокрушеніи младенцевъ Вавилонскихъ о камень, кошорая была бы слишкомъ жестока въ буквальномъ значеніи, есть напрошивъ самая чисная въ иносказаніи. Это значить: блаженъ, кто имѣеть довольно твердости сокрушашъ о камень Вѣры едва раждающіяся дурныя мысли и желанія, прежде нежели онѣ вырастунтъ въ зме дѣла и навьки.» — Въ какое сокрушеніе и смиреніе приводить сердце, мо вмѣстѣ какую оспраду доспавлдешь душѣ шотъ превосходный Канонъ покаяніа, который шакъ прекрасно изложенъ Авшоромъ — Канонъ Св. Андреа Кришскаго, гдѣ примѣняются къ духовной жизни Христіанина всѣ важнѣйшіа событіа Вешаго и Новаго Завѣша и представляется душѣ поучительная жизнь Праощцевъ, Папріарховъ, Судей, Царей и Пророковъ! Перехода къ объясненію обрядовъ самаго Поста, въ шести недѣляхъ онаго Церковію употребляемыхъ, и посвященныхъ большею часнію воспоманіамъ духовныхъ подвиговъ на поприщѣ Вѣры, Авшоръ пристунаешъ къ описанію Богослуженія Великой Седмицы. «Каждый день Спрасшной Седмицы» — говорить онъ — «есть какъ бы шагъ въ вѣчностъ, ибо ея днями шоспешенно обозначены послѣдніе дни земной жизни Христовой и съ ними идунтъ они роковой спою, — какой спрашный отголосокъ событій! Сколь же внимательны мы должны быть къ симъ искупишольнымъ

днямъ , ибо и мы призваны ипши въ пушь земной и небесный вмѣстѣ за Христомъ . »

Три первые дни , сходные между собою Богослуженіемъ , наполняются попеременно молишвами и чтеніями изъ Вешхаго Завѣша и Евангелій , но при послѣдующіе носятъ на себѣ разишельный опшечашокъ молишвъ и обрядовъ , исключительно присвоенныхъ каждому изъ нихъ , сообразно съ важностію воспоминаній , особенно же Великій Пяшокъ , кошорый изображеніемъ Спрасшей Господнихъ являешся , какъ нѣкій возвышенный Крестъ , приостняющій суббошній гробъ Хришовъ .

• Таинственнымъ ожиданіемъ наполнена вся чрезвычайная ушрения Великой Суббошы , достойная бышь преддверіемъ Пасхи . Хришовъ во гробъ посреди церкви , вокругъ , въ черныхъ ризахъ , споятъ Священнослужители , но опшверзшы врапа алшаря , какъ бы во срѣшеніе Божественному мѣршведу , и пѣніе погребальное безпрестанно прерываешся воскресными гимнами и возженныя въ рукахъ народа свѣчи проливають свѣтъ по всему храму , какъ зарю шого неведещественнаго свѣта , кошорый возсіяеш заушра изъ гроба . »

Приближаешся наконецъ радосшная , давно желанная ночь Свѣшлаго Воскресенія . Кто выразишь и шоржествениость совершаемой шогда службы и впечатлѣніе , производимое ею на умъ , а еще болѣе на сердце Хриштіанина , восхищаемаго горѣ зрѣлищемъ небеснымъ ? Прочтите слова Авшора : « У Западныхъ заключенныхъ врапъ ошанавливаешся пригошовишельное шествіе . Между шѣмъ пущѣешъ храмъ , за клиромъ слѣдуешъ народъ ; дѣши Адама спремашся къ новому Адаму , чшобы при радосшной вѣсти о его возшаніи , узкими врапами войши въ его новую жизнь , и здѣсь , какъ первое лепешаніе младенца , раздаешся въ ушахъ возрожденнаго человѣчешва : « Хришовъ воскресе изъ мершвыхъ , смершію смершь поправъ , и сущимъ во гро-

бѣхъ живость даровавъ. — Съ чѣмъ можно сравнить сію возвышенную упренность? Нѣкое духовное восхищеніе владѣешь всѣми; каждый въ порывѣ священной радости хотѣлъ бы выразишь свои чувства — и вмѣсто рѣчей шепчешь изъ устъ Пѣсни; каждый готовъ былъ бы выиграть предъ Господомъ, какъ Давидъ предъ знаменательнымъ Ковчегомъ, ибо люди Божиимъ видящъ нынѣ исполненіе древнихъ образовъ во Христвѣ. Когда узникамъ, долго помившимся во мракѣ темницы, вдругъ отверзаются двери и являешся освободитель — до испуга доходитъ воспоргъ ихъ: сбрасывая цѣпи, они бросающся къ ногамъ своего благодѣтеля, или въ объятія другъ другу, и скачущъ и плачущъ, и смѣющся и поющъ, и прощающся взаимно и молящся, и оная плачущъ и оная поющъ; — шакъ и на упренности Пасхи.

III. *О семи Таинствахъ.* — По словамъ Писанія:

«Премудрость созда себѣ домъ и утверди сполновъ семь»: эти сполны суть Таинства Христіанской Вѣры, недоступныя уму, но тѣсно соединенныя съ жизнію человѣческою, сопровождающія и подкрѣпляющія насъ отъ колыбели и до гроба; въ этой книгѣ они описывающся и изъясняющся подробно. Чисташели увидящъ, въ чемъ состояли въ древности обряды Крещенія и Муропомазанія, совершаемые нынѣ совокупно надъ младенцами и какъ достигли они нашего времени въ нынѣшней ихъ полностѣ; узнающъ, что муроупребляешся для того, чтобы Епископъ, освятившій оное, могъ заочно освящать имъ крещаемыхъ, и чтобы видимо изобразить невидимое помазаніе Св. Духа, наконецъ получащъ понятіе о важности званія воспріемниковъ. Не менѣе поучительны изъясненія Авшора о Таинствахъ причащенія и покаянія, которыя необходимо долженъ пройти каждый Христіанинъ, чтобы соединиться со Христомъ и бышь истиннымъ чадомъ Его Свяшой Церкви; послѣ чего переходя къ прочимъ

Таинствамъ — браку, елеосвященію и Священству, онъ объясняешь весь образъ ихъ совершенія. Это отдѣленіе заключается замѣчаніями о Иночествѣ, которое — говоришь Авторъ — не будучи въ числѣ Таинствъ, служишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ важнымъ дополненіемъ оныхъ, ибо принято, какъ приготовленіе къ высшимъ степенямъ іерархіи и образуешь духовное обрученіе со Христомъ, и даже по возвышенности своихъ обрядовъ называется у Св. Отцевъ вторымъ крещеніемъ.

Тѣсная связь, соединяющая Таинства съ жизнію человѣческою во всѣхъ важнѣйшихъ ея эпохахъ, прекрасно изображена Авторомъ въ слѣдующихъ словахъ: «Она лона матери уже воспринимаетъ насъ Церковь, и еще прежде, нежели младенческіе годы наши вѣрены опытнымъ пестунамъ, приближаются два Таинства къ самой колыбели, одно возраждающее, другое утверждающее — крещеніе и муропомазаніе. Они, съ любовью пріявъ младенца, возвѣщаютъ, что иные родители, иные пестуны, не по плоти, а по духу нужны новорожденному не только въ міръ, но и во Христа; а шрестіе Божественное Таинство — Причащеніе, тогда же сообщаетъ ему Христа, пробвѣщающаго всякаго чловѣка грядущаго въ міръ, научая вмѣстѣ и какую духовною пищею долженъ питаться во всю жизнь свою сей новый гражданинъ Небеснаго Царствія.

• Но младенецъ растетъ, вмѣстѣ съ годами развиваются спраски не она дурной его природы, проливъ поврежденія коей въ Адамъ даровано досташочное врачество Христомъ, но она дурнаго направленія свободной воли; оно извлекаетъ новыя опраски изъ корня первороднаго грѣха, вмѣсто того, чтобы окончательнo умерщвлять его развитіемъ жизни благодатной. Тогда Церковь призываетъ она чловѣка на путь добродѣтели, четвертымъ спасительнымъ Таинствомъ покаянія, которое подобно крещенію, омыше-

му отъ грѣха Адамова, очищаетъ предъ Богомъ отъ грѣховъ, содѣянныхъ въ жизни, если шолько мы искренно ихъ сознаемъ и оплачемъ.

• Какъ благословеніе, даль Богъ челоѣкѣ способность размножать родъ свой, но съ паденіемъ Адама грѣхъ и его проклятіе упали и на сію способность и сдѣлали разсадникъ рода челоѣческаго разсадникомъ первороднаго грѣха; по сему въ Христіанствѣ необходимо было дать новое благословеніе для рожденія подобныхъ себѣ во славу Творца, и Церковь благословляетъ юношу и дѣву на супружескій союзъ ихъ пятымъ Таинствомъ брака.

• Наконецъ, когда какъ перерѣвшій плодъ, или рано увядшій цѣшокъ, гоповишся челоѣкъ оставишъ землю своего спранствія и спрашная вѣчностъ ему предстоитъ, забошливая Церковь не оппускаетъ его въ пушь безъ духовнаго подкрѣпленія, и шестое Таинство елеосвященія, совершаемое надъ болящимъ, изцѣляетъ шѣло или располагаетъ душу къ ея опшешствію.

• Но чшобы въ сонмѣ людей были мужи, могуціе преподавать сіи спасительныя таинспва, Церковь избираетъ достойнѣйшихъ изъ среды ихъ и рукоположеніемъ, не прерывающимся отъ временъ Апостольскихъ, сообщаетъ имъ седьмое Таинство Священства, чрезъ кошорое и они въ свою чреду получаютъ силу сообщать брашнѣ Свяшаго Духа.

• Таковы сіи семь сполновъ дома премудрости, сіи семь вѣшвей знаменательнаго подсѣвчника, пророчески поставленнаго Моисеемъ въ Скиніи и Соломономъ во Храмъ; они свѣтятъ міру и предстоятъ Церкви, какъ семь высшихъ Духовъ, всегда блистающихъ на Небесахъ у Престола Славы.

Чешвершая и послѣдняя книга имѣетъ предметомъ описаніе праздниковъ, соблюдаемыхъ въ Воспочной Церкви, изъясненіе ихъ значенія и воспоминаній, коимъ

они въ особенности посвящены. Въ ней излагается также порядокъ Богослуженія, присвоенный особымъ торжественнымъ церковнымъ дѣйствіемъ, какъ-то : освященію Храма и освященію мура, изъ коихъ последнее совершается у насъ въ Россіи одинъ только разъ въ нѣсколько лѣтъ рукою Архіерейскою въ Успенскомъ Московскомъ Соборѣ. Наконецъ говорится о последнемъ милосердномъ дѣйствіи, которое надъ нами совершаетъ нѣжная мать наша Церковь, когда мы сами уже повержены, бездыханные предъ лицомъ ея и не въ силахъ болѣе радѣть о нищей душѣ своей— о дѣйствіи погребальномъ и о сопряженныхъ съ нимъ обрядахъ.

Желательно, чтобы всякій сынъ Восточной Церкви прочелъ со всѣмъ вниманіемъ это ошличное изображение. Тогда бы всякъ во время Божественной службы смотрѣлъ на всѣ обряды не безощечно: взоръ его ошкрывалъ бы во всякомъ дѣйствіи и движеніи, во всякой одеждѣ Священнослужителя, во всякой церковной утвари шайнственное изображение какого-нибудь духовнаго предмета или событія изъ Исторіи Церкви; тогда бы всякое слово служителя Алшаря, всякое пѣніе возбуждало въ немъ чувство благоговѣйное, приводило его къ сознанию своего ничтожества и располагало духъ его къ усердной молитвѣ.

Высокій предметъ сочиненія, глубокое чувство, съ коимъ оно написано, краснорѣчивый слогъ (коего здѣсь приведены образцы) составляютъ качества, способныя возбудить не только вниманіе Православнаго Христіанина, но даже любопытство иновѣрныхъ чинашелей. Духовная пища есть необходимая пошребность души; счастливъ, кто ее ищетъ и находитъ въ назидательномъ чтеніи; счастливѣе шощъ, кто способствуетъ своимъ трудомъ и талантомъ къ ошкрытію источника еердечнаго ушвшенія, къ пробужденію и оживленію въ другихъ усыпленнаго чувства благочестія.

2) *Федонъ, или о безсмертіи души, Моисея Мендельсона. Переводъ съ Нѣмецкаго Василья Мызникова. С. Петербургъ, 1837.*

Мендельзонъ — явленіе замѣчательное въ Испоріи Литературы прошедшаго вѣка. Онъ родился въ бѣдности и въ Еврейскомъ законѣ: но внутреннее влеченіе сдѣлало его Христіанскимъ Философомъ. Нашедши пріюстъ въ Берлинѣ, при одномъ значительномъ торговомъ домѣ, онъ получилъ здѣсь возможность заняться языками, Математикой и Философіей (особливо Маймонидовой), и образовать свой вкусъ. Наиболѣе имѣлъ на него вліянія Лессингъ, подъ руководствомъ котораго онъ выучился Греческому языку и читалъ творенія Платона. Психологія, Эстетика и Мораль — по духу ли времени или по врожденной склонности — преимущественно занимали Мендельсона. Въ умозрѣніи онъ былъ Электикъ. Онъ жилъ въ такое время, когда скептицизмъ и матеріализмъ, съ своими гибельными слѣдствіями для нравственности и Религіи, изъ Англіи и Франціи спали проникать въ Германію. Вѣра въ безсмертіе души должна была поколебаться изъ первыхъ, и Сократъ Іудейскій, какъ помнился кто-то назвалъ Мендельсона, вмѣстѣ съ другими благомыслящими умами, спѣшилъ проповѣствовать вліянію разрушительныхъ идей.

Не будемъ распространяться ни о разговорной формѣ изложенія, ни о мысли — вложишь свои доводы въ уста Сократа, готовящагося къ смерти: по и другое, вмѣстѣ съ характерами и именами разговаривающихъ лицъ, заимствовано у Платона. Благоразумно ли подобное заимствование, сообразно ли оно съ характеромъ нашего мышленія и образованія, выигрываетъ ли отъ него изложеніе со стороны ясности или занимательности, — это такіе вопросы, которыхъ за-

влекла бы насъ слишкомъ далеко. Посмотримъ лучше, какъ Авшоръ разсуждаетъ о своемъ предметѣ.

•Мудрецъ не можешь спрашиваться смерти.• Вотъ мысль, къ подтвержденію кошорой клонящаясь всѣ изслѣдованія объ участи души по смерти. Они изложены въ шрехъ отдѣльныхъ разговорахъ:

Разговоръ первый. Что такое смерть? Измѣненіе, человеческой природѣ свойственное; переходъ ея изъ одного состоянія въ другое, противоположнос. Но въ Природѣ все измѣняется постепенно; между двумя состояніями предмета, какъ бы они ни казались противоположными, всегда есть состоянія переходныя: превращеній мгновенныхъ нѣтъ и бытъ не можешь. Очевидно, что и въ Природѣ человеческой между состояніями жизни и смерти должны бытъ состоянія переходныя. Въ шѣлесной части ея шакъ и бываешь. Разрушеніе здѣсь приуговоряешь издалека, совершаешь постепенно и оканчиваешь не уничтоженіемъ составныхъ частей шѣла, а шолько переходомъ ихъ въ другія образованія, въ новые виды бытія. Что же въ эпоху смерти совершаешь съ другою частію человеческой природы — съ душою? Обращаешь ли она мгновенно въ ничто? Мы уже видѣли, что это невозможно, что это противосшественно. •Между бытіемъ и ничтожештвомъ зяешь неизмѣримая бездна, которую Природа не можешь перешагнуть.• Мгновенное уничтоженіе — шакое чудо, которое могло бы совершить одно Всемогущество Божіе. •Но восхошь ли Богъ, Творецъ и Ошецъ Вселенныя, являшь чудеса всемогущества въ уничтоженія? Такая мысль была бы богохульствомъ!

И шакъ не могушь ли силы души исчезать мало по малу вмѣстѣ съ разшройсшвомъ и разрушеніемъ шѣла? Положимъ. Чѣмъ же окончшсь это постепенное исчезновение? Ничтожештвомъ? Это шпять невозможно: мы уже видѣли, что ошъ бытія къ ничтожештву

ить перехода. А съ бытіемъ предмета всегда уже неразлучно свойственное ему дѣйствіе и оправданіе: слѣдовательно душа всегда останеца существомъ чувствующимъ, мыслящимъ и ш. д. Но можешь ли духъ нашъ безъ чувственныхъ впечатлѣній получать понятія?— Въ отвѣтъ на это возраженіе, Сократъ указываетъ на упробнаго младенца. «Если бы младенецъ могъ разсуждать въ упробѣ матерней, то можно ли бы его увѣрить, что и онъ будешь наслаждаться нѣкогда свободнымъ воздухомъ и восхищаться солнечнымъ свѣтомъ, и не вздумалъ ли бы онъ выводить также заключеній своихъ о невозможности этого изъ условій его настоящей упробной жизни?»

Досель Авторъ смотрѣлъ на душу, какъ на существо отличное отъ тѣла и простое. Во *второмъ* разговорѣ онъ обращается къ основной мысли материалистовъ: не есть ли душа только *свойство* или *дѣйствіе* тѣлеснаго состава, которое разумѣется исчезнуть само собою вмѣстѣ съ разрушеніемъ тѣла? «Предположимъ»— говоритъ онъ— «что душа есть *свойство* организма, подобно тому, какъ гармонія есть свойство извѣстнаго соединенія звуковъ, симметрія извѣстнаго расположенія величины. Но что такое гармонія, соразмѣрность, порядокъ и ш. п.? Это свойства описательныя, которыя оказываются въ сложныхъ предметахъ только по отношенію къ представительной и мыслящей силѣ. Изъ струнъ арфы рождаются только отдѣльные звуки въ извѣстной послѣдовательности, въ извѣстномъ сочетаніи. Душа, получая впечатлѣнія отъ звуковъ отдѣльныхъ, быстро сближаетъ ихъ и сравниваетъ, и въ ней возникаетъ ощущеніе гармоніи. Ясно, что независимо отъ мыслящей силы не льзя представить ни гармоніи, ни соразмѣрности. Какъ же послѣ этого самую мыслящую силу, ш. е. душу, производить, подобно гармоніи, изъ извѣстнаго соединенія

плесныхъ органовъ? Сравненія и сличенія— дѣйствія мыслящей силы: следовательно, представлять душу свойствомъ плеснаго состава, значить производить ее изъ ея собственныхъ дѣйствій! Предположимъ еще, что душа есть сосредоточенное *déistvie* плесныхъ органовъ, подобное дѣйствію сложной машины. Отъ какихъ же основныхъ, частныхъ силъ будетъ происходить эта сложная сила: отъ мыслящихъ или не мыслящихъ? Правда, иногда оказываются въ цѣломъ дѣйствія такого свойства, какого не замѣчалось въ дѣйствіяхъ частей; но это бываетъ, какъ мы уже видали, только относительно къ предшавительной и мыслящей силѣ: следовательно эту самую силу, причину подобныхъ обобщеній и превращеній, не лзя уже производить изъ силъ разнородныхъ и отъ нея отличныхъ. И такъ, чтобы мыслящая наша душа могла быть дѣйствіемъ частей плеснаго состава, самыя эти части должны быть способны къ дѣйствіямъ разумнымъ, и даже части самыхъ частей обладать свойствами разума. Но въ такомъ случаѣ въ насъ будетъ уже не одно, а множество существъ свойства разумнаго; а это опять не сообразно съ свойствами нашего мыслящаго лица (я). Въ самыхъ разнородныхъ его дѣйствіяхъ ощутительно единство и пожество дѣшателя, безъ чего въ самомъ дѣлѣ мы не могли бы ни сохранять воспомнаній, ни разсуждать, ни сравнивать, ни сознавать своей личности. Очевидно, что наша разумная жизнь развивается изъ одного начала простаго и пошому не пропѣженнаго. А это начало— чтожь оно, если не душа? .

Въ *третьемъ* разговорѣ, мудрецъ обращается къ идеѣ Божества и изъ Его свойства выводить заключенія какъ вообще о назначеніи всѣхъ мыслящихъ существъ, такъ и въ частности о будущемъ состояніи душъ человѣческихъ. Коренное отличіе существъ раз-

умныхъ отъ жившихъ, повинующихся инстинкту, сослѣдуетъ въ стремленіи къ совершенству. Стремленіе это безконечно, потому что и цѣль его вполнѣ никогда не достигнута, и силы души не истощимы и неразрушимы. Слѣдовательно души «какъ существа просныя, безсмертныя; какъ начала самосостоятельныя, онѣ обладаютъ самосовершенствованіемъ и должны имѣть безконечныя послѣдствія: какъ существа разумныя, должны стремиться къ непрерывному возрастанію и преуспѣванію въ совершенствѣ и пр.» (стр. 112). «И могла ли Всевысочайшая Премудрость сотворить для того Вселенную, дабы души, которыми она наполнила ее, созерцали ея чудеса, блаженствовали и вдругъ лишились на вѣки и способностей созерцанія и блаженства какъ? Совмѣстно ли было Всевысочайшей Премудрости сдѣлать одну стѣнь блаженства, которая по появляется, по исчезаетъ, конечной цѣлю чудес своихъ?» (тамъ же). Здѣсь Философъ одушевляется, и его спокойный діалогъ переходитъ въ краснорѣчивый монологъ. Изъ малаго предназначенія челоуѣка къ совершенству онъ выводитъ новыя и сильныя доказательства безсмертія. Онъ живо изображаетъ ужасное противорѣчіе между стремленіемъ къ совершенству и безнадежностію на жизнь будущую. При мысли о неизбежномъ уничтоженіи въ часъ смерти — всѣ нравственныя узы между людьми должны распастись, всѣ возвышенныя чувства исчезнуть, всѣ благороднѣйшія и высшія стремленія оцпенѣть. Наслажденіе жизнью, одною настоящею жизнью, должно сдѣлаться цѣлю всѣхъ челоуѣческихъ усилій, самосохраненіе — закономъ всѣхъ челоуѣческихъ дѣйствій. Послѣ этого заботливость о благѣ общемъ была бы странностію, самопожертвованіе — противоестественнымъ безуміемъ! Безспорно, послѣ вѣры въ Бога идея безсмертія самая живошворная, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самая немсчерпае-

мая для размышленія. Она принадлежитъ къ числу тѣхъ вѣчныхъ истинъ, которыя никогда не спаряются, никогда не спановяшся пошлыми, которыя подь перомъ чловѣка мыслящаго и съ шаланшомъ являюшся всякій разъ въ блескъ новой жизни. При всемъ убѣжденіи въ истинѣ шолько драгоцѣнной, пріятно время ошъ времени обновляшъ въ мысли основанія своего убѣжденія и ошселя почерпашъ для него новую силу и ясность. По сему-шо какъ ни много писали о безсмертіи души, а всегда найдешся довольно людей, которыя всякій новый опышъ объ эшомъ предметѣ Писатели замѣчательнаго прочшущъ съ новымъ вниманіемъ и, конечно, съ новою пользою. Правда, опышъ Мендельзона уже болѣе полустолѣтія пересталъ бышъ новосшью, но не для насъ: на Русскомъ онъ появляешся впервые. И вообще произведенія эшого пріятнаго и благомыслящаго Философа шакъ мало у насъ извѣсны, что мы должны бышъ благодарны Г. Переводчику не шолько за подарокъ полезной книги, но и за знакомство съ замѣчательнымъ Писателемъ; благодарны шѣмъ болѣе, что переводъ достоинъ подлинника.

3) *Опышъ обзорнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. Сог. А. Терещенко. Часть I, II и III. С. П. Б. 1837.*

Недосташокъ Біографій, которыя могли бы познакомишъ насъ съ мужами, спосшшествовавшими славъ и величію нашего Ошечества, подаль Г. Терещенкъ мысль—составишъ «Опышъ обзорнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи». Къ сожалѣнію, онъ сдѣлалъ въ началѣ своего сочиненія упрекъ, будшо «мы, пресышясь Ошечественною славою, не уважаемъ виновниковъ ея, и какъ бы дремлемъ въ безпечности.» Не холодности и не безпечности нашей должно приписывать подобный недосташокъ въ

сочиненіяхъ, требующихъ огромнаго шруда, тогда какъ Россія начала жизнь Европейски образованнаго Государства недалше, какъ въ прошломъ вѣкѣ, и по естественному ходу дѣль не могла еще раскрыть всѣ свои богатства вдругъ. Мы еще изслѣдуемъ псточники нашей Исторіи: анализъ и употребленіе ихъ должны быть послѣ.

Какъ бы шо ни было, Г. Терещенко взялся за шрудъ полезный и вызвалъ на сцену характеры, кошыре составляютъ славу имени Русскаго.

• Опытъ обозрѣнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи. раздѣленъ на шри части: въ первой обозрѣваюцца дѣянія Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами до учрежденія званія Канцлеровъ; во второй, собственно Канцлеровъ; а въ третьей Вице-Канцлеровъ.

Часть I. Сановники, управлявшіе иностранными дѣлами до учрежденія званія Канцлеровъ.

Первымъ дипломатомъ являецца у насъ при Димшріи Донскомъ, Коломенскаго Села Священникъ Димшрій Митяй, съ сильнымъ умомъ и ненасытнымъ честолюбіемъ, отпраившійся въ Царьградъ за Митрополитымъ клубукомъ и нашедшій себя на пути могилу. За нимъ слѣдуютъ:

Грекъ Юрій Траханіюшъ, при Великому Князѣ Іоаннѣ III.

Иванъ Михайловичъ Висковатовъ, при Іоаннѣ IV.
Романъ Васильевичъ Олферьевъ.

Андрей и Василій Щелкаловы, при Іоаннѣ IV и Борисѣ Годуновѣ; первый обнаруживаецца характеръ государственнаго челоука въ борьбѣ съ домогательствомъ Англичанъ на исключительное право торговли въ Россіи; послѣдній въ содѣйствіи видамъ Годунова.

Супуновъ и Аванасій Власевъ, прежде любимецъ Бориса, послѣ покорный слуга Димитрія Самозванца, но съ чувствомъ Русскаго, негодующій при видѣ Маринны, будущей Русской Царицы, падавшей предъ нимъ къ ногамъ Сигизмунда.

Василій Телепневъ, при Василии Шуйскомъ, въ сошваричесствѣ съ Феодоромъ Андросовымъ и Пепромъ Алексѣевичемъ Третьяковымъ, который скрѣпилъ грамоту о избраніи на Пресмоль перваго Вѣнценосца изъ дома Романовыхъ.

Иванъ Тарасевичъ Грамашинъ, при Царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ, посправавшій за смѣлые отвѣты на обвиненіе его въ чародѣйствѣ.

Евфимій Григорьевичъ Телепневъ, Максимъ Машюшкинъ, Федоръ Лихачевъ, Иванъ Кириловичъ Грязевъ, Михаилъ Даниловъ, Григорій Львовъ, Степанъ Кудряцевъ, Назаръ Ивановичъ Чистой и Алмазь Ивановъ.

Красными чертами обозначены жизнь и дѣянія большей части эшихъ Сановниковъ; но не лзя пребовать ошъ Автора сверхъ силъ его и способовъ. Можемъ только жалѣть, — если время испребило памятникъ былого.

Аванасій Лавреншевичъ *Ордыкъ-Нащокинъ* являешся съ новымъ пришлою *Оберегателю Царственнаго большаго пегатки и Государственныхъ Посольскихъ дѣлъ*. Родъ его Авторъ выводитъ изъ Ишаліи, а Рейшенфельсъ, писавшій ошчепливѣе всѣхъ иностранцевъ о Россіи, говоритъ: *Naszokin ex antiquissima in Curlandia nostra von Saken familia oriundus (De reb. Mosc. p. 155)*. Происходя самъ изъ Курляндіи, Рейшенфельсъ ^{оу}могъ очень хорошо знать роды своихъ соощичей; названія *Нащокинъ* и *Сакемъ* имѣють нѣкоторое сходство; мѣстопробыванія предковъ его во Псковѣ, имѣвшемъ торговыя сношенія съ Ливонією и Ганзою, также скорѣе ведеть къ шой мысли, что они переселились шуда изъ

Курляндіи, нежели изъ Италіи. Впрочемъ, это — замѣчаніе, не болѣе. Дипломатическая извѣстность Нащокина начинается со времени опшравленія его на Шведскій рубежъ въ 1642 году, для принятія по Столбовскому договору земель, захваченныхъ Шведами. Съ этой поры Авшоръ слѣдуетъ за нашимъ дипломатомъ во всѣхъ его дѣйствіяхъ, и съ подробностію изображаетъ наши сношенія при Алексіи Михайловичѣ съ иностранными Державами. Принимая участіе во всѣхъ переговорахъ, Нащокинъ показалъ себя, по сознанию иностранцевъ, однимъ изъ умѣйшихъ Министровъ Европы. Съ умомъ гениальнымъ, онъ перехитрялъ Шведовъ въ переговорахъ, умѣлъ выиграть время общаніемъ, и вмѣсто дипломатическаго отвѣща, двинулъ грозную дружину въ бишву. Его усердію и искусству мы обязаны славнымъ Андрусовскимъ миромъ.

Въ дипломатической вѣнокъ Нащокина влещается и лавръ, пожатый мечемъ въ браняхъ на поляхъ Ливонскихъ, и пальмовая вѣшь государственнаго человѣка, впервые обратившаго взоръ на торговлю съ Индіею и Кипсамъ. По его распоряженіямъ устроена первая корабельная верфь (прежде въ Нижнемъ Новгородѣ, а послѣ въ Дѣдновѣ), и выстроены первый корабль — прапращуръ Россійскаго побѣдоноснаго флота. Высокія доблести Нащокина были достойно оцѣнены Царемъ Алексіемъ Михайловичемъ, пожаловавшимъ ему новую шишла и богатая волости *за службу и радніе*. Казалось, ему оставалось только наслаждаться: осыпанный милостіями Царя, окруженный всеобщимъ уваженіемъ, богатый сладостными воспоминаніями о своихъ заслугахъ Ошечеству, чего могъ онъ желать? Того, чего желаютъ не многіе. Нащокинъ бросилъ пышность свѣща, полишическое свое величіе сокрылъ въ шихой монашырской кельѣ подъ убогою рясою Инока, и всѣ громкія названія замѣнилъ простымъ именемъ опшедь-

ника Антонія. Но сродняясь съ опечесшвомъ небеснымъ, онъ не забылъ земнаго : по зову Царя Θεодора Алексіевича, онъ еще разъ явился въ одеждѣ гражданина для переговоровъ съ Послами Короля Польскаго, и, по окончаніи ихъ, посольскій кафтанъ замѣнилъ вноческою рясою, и постѣпиль въ свою обипель, чшобы почить ошъ земныхъ грудовъ. Біографія довольно полная и написанная съ чувшвомъ участія въ дѣлахъ дипломаша, жившаго для славы нашего Опечества.

Достойнымъ преемникомъ Нащюкина и его шшла былъ *Ближній Боляркъ Артамонъ Сергѣевичъ Машвѣвъ*. Судьба дала ему насладиться величіемъ, всеобщимъ уваженіемъ, и наконецъ опягошѣла надъ нимъ. Опличавшись въ самой нѣжной юности необыкновенными дарованіями, онъ, имѣя шолько 17 лѣшъ ошъ роду, былъ Стряпчимъ при Царевичѣ Алексіи Михайловичѣ, а на 28 году уже со славою явился на поприщѣ дипломаша, принималъ большое участіе въ присоединеніи Малороссіи къ Державѣ Всероссійской, и попеременно дѣйшвовалъ шю въ переговорахъ, шю съ мечемъ въ рукахъ на полѣ брани, вездѣ съ успѣхимъ, со славою. Особенно сильно бѣется за Машвѣва сердце, когда онъ, еще юный, спасая пушки, по сняшій осады Львова, съ горстію людей, гибнувшихъ ошъ голода и спужи, самъ впрягается подъ пушки, для ободренія унывшихъ своихъ рашныхъ шоварищей, и когда, послѣ несчастной битвы подъ Коношопомъ, бросается въ шолпу мятежниковъ, для спасенія схваченнаго ими ихъ же Воеводы Князя Трубецкаго. Будучи Спрѣлецкимъ головою и управляя разными Приказами, Машвѣвъ являешся во всемъ блестя добродѣтельнаго мужа. Ничего не можешъ бышъ возвышеніе благородной борѣбы его съ признашельношю народа, принесшаго камня съ гробовъ ошцевъ и дѣдовъ своихъ для построенія его дома. Ничего подобнаго мы не находимъ нигдѣ. Въ сношеніяхъ съ

Послами Шведскими, Польскими, Цесарскими и Бранденбургскимъ, Машвѣвъ обнаружилъ сильный и гибкій умъ. Веденные имъ переговоры Авшоръ описалъ подробно; но въ изложеніи обстоятельствъ Цесарскаго Посольства нѣсколько уклонился отъ истины, а именно: 1) прїѣздъ Бошпонія и Терлингера въ Москву онъ полагаетъ въ 1674 году, вмѣсто 1675 года; 2) на страницѣ 90 сказано: «отъѣздъ Пословъ желали ускорить, тѣмъ болѣе, когда неожиданно прїѣхалъ другой Чрезвычайный Посоль Іоах. Скульшешъ, прибывшіе котораго Русскіе хотѣли скрыть.» Лизекъ, Секретарь Посольства, говоритъ, что Пословъ Цесарскихъ хотѣли поскорѣе выпроводить, чтобы очистить домъ, не для Шульшеша, а для Посла Голландскаго, бывшаго еще въ дорогѣ, о которомъ Г. Терещенко не упомянулъ; Бранденбургскій же Посоль Шульшешъ прибылъ въ Москву прежде Цесарскихъ Пословъ, и долженъ былъ выѣхать въ шестъ день, когда имъ дана была первая аудіенція, но отъѣздъ его отсроченъ по просьбѣ Бошпонія и Терлингера. Прїѣздъ Голландскаго Посла, котораго Авшоръ смѣшалъ съ Бранденбургскимъ, Русскіе не скрывали, а только распустили слухъ, будто предметъ его Посольства составляетъ дѣла собственно торговыя, для того, чтобы Послы Цесарскіе не замедлили отъѣздомъ, подъ предлогомъ необходимыхъ съ нимъ совѣщаній; 3) на страницѣ 91 сказано: «Машвѣвъ настаивалъ, чтобы впредь во всѣхъ Цесарскихъ грамотахъ, Царь нашъ называемъ былъ не *Пресвятѣйшимъ*, а *Царскимъ Величествомъ*.» Машвѣвъ объ этомъ настаивалъ, но настояшь не успѣлъ, а только Послы обязались ходатайствовать у Императора Леопольда, о чемъ и сдѣланъ актъ, напечатанный въ I-мъ томѣ Полнаго Собранія Законовъ Россійской Имперіи (ст. 610) подъ заглавіемъ: *Запись, утѣненная съ Москвитъ между Россійскимъ и Цесарскимъ Дворами. О зрученіи*

Посламъ грамотъ изъ рукъ самихъ Государей; о шкитуповаціи Россійскаго Государя Величество, и объ исходатайствованіи на все сіе имъ Посламъ отъ Цесаря рѣшительнаго положенія.

Рядъ полезныхъ дѣйствій Машвѣва заключается сношеніями съ Кипчаемъ. По смерти Царя Алексія Михайловича, враги успѣли заочинишь Машвѣва въ Пустоозерскъ. Шестъ лѣтъ провелъ добродѣтельный спрадалецъ въ изгнаніи, напоминая о себѣ спенаніями растерзанной души. Возвращенный изъ заоченія, Машвѣвъ не заспалъ уже въ живыхъ Царя Феодора Алексіевича, а враги приготовили ему смерть въ Спрѣлецкомъ буншѣ.

Ближній Бояринъ и Натальникъ Государственнаго Приказа Посольской петаги, Василій Семеновъ Волинскій не наследовалъ ни одного изъ высокихъ доспоществъ своихъ предшественниковъ. Жизнь его осмощрна бѣгло; впрочемъ не много пошеря, что не полна Біографія Сановника, который *управленіе политическихъ дѣлъ остро зналъ, сколько медвѣдь на органѣ играть* (I, 129).

Въ *Ближнемъ Бояринѣ, Царственнхъ Посольскихъ дѣлъ Оберегателѣ, Князѣ Василинъ Васильевичѣ Голицынѣ* описъ является человекъ съ большими шансами. Въ войнѣ Украинской (при возмущеніяхъ Дорошенки) слава озарила юное чело Голицына, и поданная имъ Царю Феодору Алексіевичу мысль объ уничтоженіи мѣстничества поставила его въ ряду немногихъ мужей съ благороднымъ самоощверженіемъ. Подробное изображеніе уничтоженія разрядовъ принадлежишь къ лучшимъ спраницамъ сочиненія Г-на Терещенки. Жизнь Голицына помрачаешся съ шой поры, когда онъ, сдѣлавшись временникомъ во время вліянія Царевны Софіи на политическія дѣла, усощремилъ къ Пресполу свои ществолюбивыя планы. Корыщощлюбіе въ сношеніяхъ со Шве-

цією кладеть новое пятно на его память. Въ надеждѣ на военные успѣхи, Голицынъ опять являешся на полѣ брани, но ко вреду Россіи и къ собшвенной погибели: въ двухъ походахъ прошивъ Татарь, губишь у Перекопи многочисленную рать, а ошь Царевны Софіи получаешъ милосшивое слово, за *славныя, никогда не слыханныя во всемъ свѣтѣ побѣды*; наконецъ, съ удаленіемъ Царевны, *сраженъ политическою смертію*, и судьба указала ему для долговременнаго спраданія пустынную Пинегу. Въ описаніи жизни Голицына, исполненной сильныхъ и живыхъ ощущеній, Авторъ удачно воспользовался источниками, особенно сказаніями иносстранцевъ, много писавшихъ объ эшой эпохѣ.

Посольской Канцеляріи Натальный Президентъ Федоръ Алексѣевичъ Головинъ началъ свои заслуги совѣшомъ Петру укрывшся въ Троицкомъ монастырѣ, во время перваго Спрѣлецкаго мятежа. Эшо рѣшило судьбу нашего Ошечества Приобщенный послѣ Петромъ къ исполнскому плану преобразования Россіи, Головинъ вполне оправдалъ выборъ, заслужилъ имя *друга Петра*, имѣлъ подъ своимъ начальствомъ величайшаго изъ Вѣнценосцевъ подъ именемъ Бомбардирнаго Кашипана Михайлова, и возложилъ на него орденъ Св. Андрея, за побѣду надъ Шведами. Выписки изъ дружескихъ писемъ Петра имѣюшь чрезвычайную занимательность.

Въ немногихъ спрочахъ объ успѣхахъ Карла XII подъ Нарвою ешь какая-то недомолвка. Авторъ говоритъ: «Государь *отозвалъ* Головина изъ лагеря (онъ хошѣлъ сказать: Государь ошиправился изъ лагеря вмѣстѣ съ Головиннымъ) . . . и главное начальство надъ войсками поручилъ Герцогу де-Кроа. . . Карль XII, не давъ новому предводителю войскъ *нашихъ* перемѣнить положеніе ихъ, началъ сраженіе; оно кончилось весьма несчастливо.» — И шакъ насъ разгромили ошь шого, что де-Кроа не распорядился по своему, что

Головинъ худо расположилъ войска? Совсѣмъ нѣтъ; до сихъ поръ мы знаемъ совершенно другія причины этого несчастнаго происшествія. Если Авторъ образовалъ себѣ новый взглядъ, то ему слѣдовало выразиться яснѣе.

Часть II. Канцлеры.

Въ Канцлерское достоинство первый возведенъ *Графъ Гавріиль Ивановичъ Головкинъ*, послѣ Полтавской победы. Въ его біографіи описаны любопытныя событія, но во многихъ изъ нихъ прямо къ Головкину отнесены одна только шпорока. Остатокъ этого характера его обрисованъ слабо и оспашається въ шѣни.

Князь *Алексій Михайловичъ Черкасскій*, имѣвшій большую нужду въ *мѣшкетѣ смѣлости*, но рожденный подъ вліяніемъ какой-то счастливой звѣзды, всегда былъ въ чести не по заслугамъ. Авторъ называетъ его честнымъ, скромнымъ и несмѣлымъ, а кажется, еще слѣдовало бы присмотрѣться въ немъ къ оспорожному честолюбцу, дѣйствующему только въ шакомъ случаѣ, когда за успѣхъ ручающа вѣрныя средства, и къ слабому угоднику временника. Онъ является шаковымъ, когда предаетъ люлости Бирона Дворянъ, объявившихъ ему свое желаніе сдѣлать Правительницею Анну Леопольдовну.

Жизнь *Графа Алексія Петровича Бестужева-Рюмина* показываешь въ немъ человека съ умомъ великимъ, но пожираемаго честолюбіемъ необыкновеннымъ. Въ послѣдніе годы царствованія Императрицы Елисаветы онъ до того увлекся своими планами, что думалъ распологать Пресшоломъ. Започенный въ свою деревню Горешово, онъ билъ шамъ медали для увѣковѣченія своей памяти. Тутъ есть высокій характеръ честолюбца, но не весь Бестужевъ. Учасіе его въ дѣлахъ Бирона

означено двумя, шремя легкими чертами; а это характеристическая эпоха въ жизни Беспужева, кошорый *догъ говоритъ о Биронѣ одно хорошее, и умѣлъ оправдаться послѣ его паденія.*

Графъ Михаилъ Иларіоновичъ Воронцовъ, добрый и осторожный человекъ, могъ бытъ изображенъ, какъ государственный мужъ, въ большемъ свѣтѣ, если бы Авторъ обратился къ обстоятельствамъ договоровъ, заключенныхъ имъ съ иностранными Державами.

На біографіи *Никиты Ивановича Пакина* отдыхаетъ читатель. Здѣсь Авторъ принимаетъ всѣ достоинства біографа, съ какими мы видѣли его въ жизнеописаніяхъ Нащокина, Машвѣва и другихъ. Особенно мы благодарны ему за слѣдующія спроки: «Гр. Панинъ умеръ на 65 году своего возраста. Въ минушу, въ кошорую оставилъ онъ свѣтъ, Наслѣдникъ Престола (Павель Петровичъ) упалъ предъ нимъ на колѣна, и дѣловалъ его руку, обливалъ ее слезами.» Подобныя черты не должны бытъ забываемы. По нимъ Исторія судитъ о сердечныхъ достоинствахъ Вѣнценосцевъ.

Въ *Графѣ Иванѣ Андреевичѣ Остерманѣ*, *Князѣ Александрѣ Андреевичѣ Вызбородкѣ* и *Графѣ Александрѣ Романовичѣ Воронцовѣ* изображены государственные мужи, способствовавшіе славі и благоденствію Россіи.

Въ біографіи *Графа Θεодора Васильевича Распопчина* мы дужали прочиташъ подробно о пожарѣ Москвы въ 1812 г. Разносъ мнѣній объ этомъ предметѣ доказываетъ, что вопросъ еще не рѣшенъ. Молва съ нѣкошораго времени говоритъ, что Распопчинъ зажегъ пламенникъ пожара для истребленія враговъ ошечества; а Распопчинъ въ *Правдѣ о пожарѣ Москвы* не признаетъ сего. Авторъ удовольствовался этимъ, и не разсматривалъ событія великаго, съ кошорымъ неразлучно перейдетъ къ потомству имя Распопчина. Впрочемъ Г. Терещенко оказалъ величайшую услугу Исторіи,

напечатавъ два письма Распопчина къ Багратиону, гдѣ пламенный патріотъ открываешь всю свою душу другу-воину, кошораго называли въ то время *богомъ рати*. Въ послѣднемъ изъ нихъ вопъ что сказано: «Я не могу себя представить, чтобы непріятель могъ прийти въ Москву. Когда бы случилось, что вы опшнулись къ Вязьмѣ, тогда я примусь за опшравленіе всѣхъ государственныхъ вещей и дамъ на волю каждаго убирашьяся; а народъ здѣшній, изъ любви къ Отечеству, рѣшишельно умреть у стѣнъ Московскихъ. И если Богъ ему поможетъ въ его благомъ предпріятіи, то, следуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, обратишь городъ въ пепель, и Наполеонъ получишь, вмѣсто добычи, мѣсто, гдѣ была Столица. О семъ недурно и ему дашь знать, чтобы онъ не считалъ на миллионы и магазинны хлѣба: ибо онъ найдетъ уголь и золу.» По этимъ строкамъ нужно оцѣнить нашего Распопчина. Онъ не беретъ на себя распоряжашьяся чужимъ достояніемъ, а только выражаетъ состояніе духа народа, который, по его словамъ, умреть подъ стѣнами Москвы, и если не општонъ города, то обратишь его въ пепель. Но умирашь у стѣнъ Москвы, по глубоко обдуманному плану, оказалось не нужнымъ: ее опдали Наполеону безъ бою, какъ покойнику даюшь могилу, не шребуя опъ него ничего; значишь — не было нужды и обращашь Москву въ пепелище. Кто же сжегъ ее? Обращимся къ обстоятельшвамъ событія.

Нужно ли было Наполеону щадить нашу Столицу? Безъ сомнѣнія. Приунывшимъ своимъ полчищамъ онъ общалъ золотыя горы въ Москвѣ; и, привыкши предписывашъ договоры въ побѣжденныхъ столицахъ, никакъ немогъ предполагашъ, что, сдѣлавшись обладателемъ Русской Столицы, попалъ только въ западню. Располагаясь ли зимовашъ въ нашей Бѣлокаменной, (что весьма вѣроятно, если бы Русскіе согласились на миръ),

ожидал ли перемены обстоятельствъ, или желая занять вниманіе Парижанъ, онъ выписывалъ изъ Парижа шруппу лучшихъ актеровъ. Изъ всего этого очевидно, что ему нужно было беречь Москву. Въ подтвержденіе припомнимъ, что приказаніе подорвать Кремль дано не прежде, какъ повѣдка Лористона въ Русскій лагерь объяснила, что въ Москвѣ будетъ и холодно и голодно (дурной успѣхъ эшой дикой операціи показывается, что она сдѣлана въ шоропяхъ). Однакожь, можно ли вѣрить, чтобы сто тридцать тысячъ разноплеменныхъ полчищъ свято хранили повелѣнія своего предводителя? Кто не знаетъ небрежности, съ какою распоряжающія побѣдители, особенно Французы, всегда любившіе расположиться à son aise, гдѣ только можно. Солдаты ходили ночью по домамъ со свѣчными огарками, и раскладывали огни по срединѣ дворовъ, чтобы грѣться. Само собою разумѣется, что шупъ не было большой ошорожности: а дневной приказъ, дававшій право каждому полку, расположенному на бивакахъ близъ города, посылать известное число солдатъ для разграбленія домовъ *уже сожженныхъ*, былъ, такъ сказать, приглашеніемъ умножить число ихъ. Каждый понималъ, что чѣмъ больше будетъ сожженныхъ домовъ, тѣмъ больше добычи (Правд. о пож. Моск. стр. 24). И такъ неоспоримо, что Москва пожаромъ своимъ обязана опшчасши Французамъ.

Жгли ль ее Русскіе? Безъ сомнѣнія. Слѣдуя Русскому правилу: *не доставайся злодѣю*, многіе зажигали свои дома (Распопчѣнъ видѣлся со многими изъ вшихъ благородныхъ самоотверженцевъ, во время пребыванія его въ лагерь Кущузова): когда Французскіе Генералы и Офицеры выбрали себѣ экипажи въ карешныхъ лавкахъ, составлявшихъ цѣлую улицу, шю хозяева, по общему согласію, зажгли всѣ лавки вдругъ; племянникъ одного купца, остававшійся для присмотра за домомъ, вселъ

17 Французовъ въ погребъ съ виномъ, и когда незнаемые гости подгуляли, онъ заперъ погребъ и зажегъ домъ. По возвращеніи Полиціи въ Москву, онъ объявилъ объ этомъ и указалъ мѣста.

Желалъ ли Расшопчинъ доубавить блеску въ Наполеоновой звѣздѣ, закомшивъ ее Русскимъ дымомъ? Ни малѣйшаго сомнѣнія. Но онъ не Москву жегъ, а по закону войны испреблялъ то, что могло бытъ полезно непріятелю. Онъ хотѣлъ, чтобы Наполеону не доспались «милліоны и магазейны хлѣба»; милліоны были вывезены, оставалось уничтожить магазейны съ хлѣбомъ и другіе запасы — много ли, мало ли ихъ было. Опровергая 21 бюллетень, Расшопчинъ самъ говоритъ о пороховомъ магазинѣ, что «онъ сожженъ не по какой неосперожности, по какой сожженъ слишкомъ рано мостъ въ Дейцингѣ» (Прав. стр. 55). Это нѣсколько шемно, однакожъ для Русскаго понятно. — Домомъ своимъ Расшопчинъ распорядился какъ патриотъ: онъ запылалъ въ 3 часу утра, а самъ Расшопчинъ оставилъ Москву не прежде, какъ авангардъ Французовъ вступилъ въ городъ, т. е. не ранѣе 5 часовъ по полудни. — Замокъ свой въ Вороновъ онъ также зажегъ своею рукою, и объявилъ о томъ Французамъ въ подписи, прибишшой къ церковнымъ дверямъ. Но наъ этого не слѣдуетъ, чтобы вся Москва вошла въ планъ его испребленія, пошому что, какъ говоритъ онъ весьма основательно, невозможно было предполагать, чтобы пожаръ могъ распространиться по всемъ частямъ города, и еслибъ не случилось жестокаго вѣтра (уже на шрешій день пожара), огонь самъ бы по себѣ остановился по причинѣ садовъ, цусныхъ мѣстъ и бульваровъ. (Правд. стр. 10).

И такъ, по самому безпристрастному соображенію, въ пожарѣ Москвы участвовали все: Французы, жидали и Расшопчинъ. И вошь почему послѣдній могъ

безъ зазрѣнія совѣсно говорить, что не онъ сжегъ Москву. Долгъ справедливости пребудетъ не опинимать у него славы патріота и благоразумнаго начальника; но несправедливо и приписывать ему одному то, въ чемъ участвовали и другіе.

Въ біографіи *Графа Николая Петровича Румянцева*, онъ изображенъ такимъ, какимъ мы привыкли его понимать: доблестный государственный мужъ и покровитель Наукъ. Опечественная Исторія никогда не забудетъ въ немъ своего Мецената. Исчисленіе изданныхъ имъ книгъ показываетъ и обширность его предпріяній, и важность пожертвованій; а указаніе сочиненій, которыя онъ хотѣлъ издать, есть драгоценный списокъ нашего историческаго сокровища. Эти списки могутъ служить указашелемъ историковъ для желающихъ изучать Опечествленную Исторію, и за нихъ многіе будутъ благодарны Г-ну Терещенкѣ.

Біографія *Князя Виктора Павловича Котубея* слишкомъ кратка.

Часть III. *Вице-Канцлеры.*

Званіе Вице-Канцлера первый получилъ *Баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ*. Дивныя судьбы совершились надъ этимъ необыкновеннымъ человекомъ. Изъ сидѣльца Панскаго ряду въ Москвѣ, Шафировъ скоро прошелъ нѣсколько неважныхъ должностей, и явился достойнымъ сотрудникомъ великаго Преобразователя Россіи. Назначенный главою Посольства къ Визирю Балшаджи, окружившему Русское войско при Прушѣ, онъ умѣлъ дать силу своимъ переговорамъ, когда Визирь могъ отвѣчать громомъ чешырехъ сошъ пушекъ, и Русскіе выступили изъ шанцевъ, гдѣ за нѣсколько часовъ *Петръ Великій* писалъ Сенату: «Извѣщаю вамъ, что

я... въ четырёхкратъ сильнѣйшею Турецкою силою шакъ окружень, что всѣ пуши къ полученію провіанша пресѣчены, и что я безъ особливаго Божія помощи ничего иного предвидѣть не могу, кромѣ совершеннаго пораженія, или что я впаду въ Турецкій плѣнъ. Оставленный заложникомъ, Шафировъ, въ борьбѣ съ Карломъ XII, въ продолженіе двухъ поминутельныхъ вѣщъ по пользовался благосклонностію Дивана, по спрдадалъ въ Семибашенномъ замкѣ. Наконецъ, побѣдивъ всѣ препятствія, заключилъ миръ. Но счастье не долго улыбалось Шафирову. Форшуна повернула свое роковое колесо, и онъ очутился на эшафотѣ; только милосердіе Петра переѣнила смерть на заповѣненіе. Въ царствованіе Екатерины I, онъ съ шоржешвомъ былъ призванъ на политическое поприще: препоясался золотою шагаю Петра Великаго, изъ рукъ самой Императрицы получилъ бокаль Венгерскаго вина, и отъ Великихъ Князей принималъ поздравленіе и желаніе новаго счастья. Какія разительныя крайности!

Графъ Андрей Ивановичъ Остерманъ прошелъ также чудный путь. Сшуденшъ, сынъ Бокумскаго Пастора, бѣжавшій послѣ дуэли въ Амстердамъ, мѣшалъ своимъ шумомъ занимать Петру Великому. Петръ захошѣлъ видѣть его, и узнавъ, полюбилъ въ немъ рѣшительный характеръ и тонкій умъ. Остерманъ былъ приглашенъ въ нашу службу, и скоро раскрылъ свои великія способности. При пяти Правительствахъ, онъ былъ всѣмъ нуженъ. Когда Остерманъ не хошѣлъ участвовашъ въ дѣлахъ, грозившихъ опасностію, по умѣ спрдадалъ желшухою, подагрою, хирагрою, коликою; кождажъ проходила опасность, здоровье возвращалось къ нему мгновенно. Во всю свою жизнь, онъ сдѣлалъ только одну политическую ошибку — удаливъ отъ Престола родъ Петра Великаго, въ лицѣ Елисаветы; Промысль призвалъ ее на Ошечскій Пре-

шоль, и Остерманъ палъ жертвою своей неблагодарности къ благодѣтелю-Монарху; но въ самомъ паденіи сохранилъ свой сплоческій характеръ.

Жизнеописанія *Графа Михаила Гавриловича Головкина*, *Князя Александра Михайловича Голицына*, *Графа Никиты Петровича Панина*, *Степана Александровича Колычева* и *Князя Александра Борисовича Куркина* очень крапки и бѣдны обстоятельствомъ, по которымъ можно бы оцѣнить ихъ характеры и ихъ дипломатическое значеніе.

Въ біографіи *Графа Карла Васильевича Нессельроде* пространно изложены наши договоры съ 1813 г., когда Александръ Благословенный начиналъ великое дѣло освобожденія Европы, по 1829 годъ, наполнившій Европу славою нашихъ побѣдъ надъ Османскою Порпою.

Теперь обратимся къ цѣлому. Г. Терещенко, принявъ написать «Опытъ обзорнія жизни Сановниковъ, управлявшихъ иностранными дѣлами въ Россіи», избралъ для себя поприще новое. Мы не имѣли біографій нашихъ дипломатовъ; знали ихъ дѣйствія въ общей связи событій, мало были знакомы съ частною ихъ жизнію, и если хотѣли представить себѣ полную картину ихъ дѣйствій, должны были перелистывать историческія книги, собирая въ нихъ чершу по черпѣ. Авторъ взялъ на себя эпоху тяжкій трудъ; воспользовавшись Отечественными источниками для нашей Истории и сказаніями иностранцевъ — книгами очень рѣдкими и не для всѣхъ доступными, онъ открылъ много новаго, любопытнаго; а добросовѣстно, указавъ источники, которыми пользовался, оказалъ тѣмъ важную услугу для будущихъ Біографовъ.

Въ Истории Государства Россійскаго Карамзина мы можемъ изучать событія, всматриваясь въ характеры, только до 1611 года. Обстоятельнаго изложенія происшествій дальнѣйшихъ мы не имѣемъ. Посему,

желающій знать нашу Исторію съ 1611 года должны рыться въ часныхъ и неполныхъ сказаніяхъ и искать объ опдѣльныхъ эпохахъ и лицахъ. Г. Терещенко ошчастн спарался пополнишь эшошь недоешашокъ.

Въ частности, Біографіи Г. Терещенки написаны не съ одинакимъ успѣхомъ. Есть характеры недорисованные, эпохи не вполне обозрѣныя.

Мы жалѣемъ, что Авторъ мало заботился о правильности слога, и что дозволилъ себѣ употреблять какое-шо особенное правописаніе. Выбрасывая, безъ всякой нужды, двойныя буквы, Авторъ нашу *Россію* сократилъ въ *Росію*; *Русскій* въ *Рускій*; вообще же онъ не шернитъ прописныхъ буквъ, шакъ что ошавляетъ ихъ шолько въ началѣ собшвенныхъ именъ лицъ и городовъ; напрошивъ шого всѣ существительныя имена народовъ, морей, рѣкъ и пр. начинается малыми буквами. Нѣтъ сомнѣнія, что можно и всѣ безъ изыатія слова начинать сими буквами; эшо всего короче и легче; но прописныя придуманы шакже не безъ причины. Служа къ опдѣченію предметовъ, пребывающихъ всегда особаго вниманія, они даже способшвуютъ къ пріискиванію на спраницахъ шого, что уже было чшано.

И. Т. Боршевскій.

ЖУРНАЛИСТИКА.

О ЖУРНАЛАХЪ И ГАЗЕТАХЪ, ИЗДАВАЕМЫХЪ ВЪ
РОССІИ НА 1838 ГОДЪ.

Сообразно съ требованіями современнаго просвѣщенія и вкуса, нѣкопорыя изъ прежнихъ періодическихъ изданій съ нынѣшнимъ годомъ явились въ болѣе усовершенствованномъ видѣ. Одни изъ нихъ перемѣнили наружную форму, другія пополнились и обновились въ содержаніи. Новыхъ изданій въ семь году появлялось въ Россіи два на Русскомъ языкѣ, и одно на Нѣмецкомъ.

1. *Перемѣнили наружную форму и обновились въ содержаніи.* а) Сѣверная Пчела, выходя по прежнему листами, ежедневно, кромѣ Воскресныхъ и Праздничныхъ дней, являлась въ форматѣ извѣстной Нѣмецкой газеты: Preussische Staats-Zeitung. б) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ, вмѣсто небольшихъ книжекъ, выходили большими, въ форматѣ Библіотеки для Чтенія, и каждая книжка заключаетъ въ себѣ до 20 и болѣе печатныхъ листовъ. Онъ дѣлится теперь на пять слѣдующихъ разрядовъ: 1) Изящную Словесность Русскую — Стихотворенія и Прозу; 2) Словесность иностранную; 3) Критику; 4) Науки и Искусства; 5) Политику. Какъ Сѣверная Пчела, такъ и Сынъ Отечества съ Сѣвернымъ Архивомъ, издаются нынѣ иждиве-

иенъ извѣстнаго книгопродавца Смирдина. с) Дѣтскій Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, книжками въ 150 — 200 страницъ, и украшается виньетками, пошамъ и рисунками; въ содержаніи же его спашей замѣтно также улучшеніе. d) Литературныя Прибавленія къ Русскому Инвалиду превратились изъ листа въ большую четвершку. вмѣсто прежнихъ 10 страницъ, каждый номеръ состоить изъ 20, напечатанныхъ некрупнымъ четкимъ шрифтомъ; приданъ большій объемъ спашьямъ по части Криптики и Русской Биографіи, введено отдѣленіе иностранной библиографіи и увеличилось число спашей о Театрѣ и Искусствахъ вообще.

II. *Обновились въ содержаніи безъ перемѣны формата.* а) Художественная газета украсилась большимъ числомъ гравюръ и пополнилась шѣми отраслями Художествъ, которыя являлись изрѣдка въ прежнемъ изданіи; вмѣсто 24 печатныхъ листовъ обѣщано въ продолженіе года 48; вмѣсто 5 или 6 очерковъ—100 рисунковъ, ошлично гравированныхъ во Франціи и Германіи. Къ сей газетѣ присоединяются еще Прибавленія, объемомъ въ листъ, которыя, не отдѣляясь отъ состава газеты, содержатъ въ себѣ пояснительныя тексты къ гравюрамъ. Эта Художественная галлерей должна заключать въ себѣ болѣе спа описаній, почерпнутыхъ изъ лучшихъ книгъ сего рода и пополненныхъ изъ всевозможныхъ источниковъ по части Исторіи Изящныхъ Искусствъ. Въ составъ Прибавленій войдутъ: 1) по Архитектурѣ — гравированныя изображенія и описаніе важнѣйшихъ произведеній Зодчества, ихъ Исторія, размѣры; 2) по Скульптурѣ — гравированныя изображенія и описанія спашуй, барельефовъ и вообще памятниконъ какъ древняго, такъ и новаго Вавніи, съ Исторіею еге; 3) по Живописи — гравированныя изображенія сей отрасли по всѣмъ школамъ, съ краткимъ

изложениемъ Исторіи каждой школы; 4) по Музыкѣ — крашкія извѣстія о появленіи въ музыкальномъ Европейскомъ мірѣ важнѣйшихъ произведеній, преимущественно Русскихъ; 5) декоративная и музыкально-театральная части, и 6) Біографія знаменитыхъ и вообще всякаго рода Художниковъ. в) Въ составѣ журнала: Другъ Здравія прежде входили по всемъ Медицинскимъ Наукамъ статьи Ошечественныхъ Врачей и предметы изъ современныхъ Медицинскихъ Ошечественныхъ и иностранныхъ изданій, и сверхъ того Медико-спасишическія свѣдѣнія; но съ наступившимъ годомъ Издашель ограничиваетъ журналъ свой швами только статьями, которыя относятся до Врачебныхъ Наукъ, а Медико-спасишическія свѣдѣнія будутъ издаваемы въ видѣ прибавленій въ большемъ объемѣ и систематическомъ порядкѣ. Въ нихъ будетъ сообщаемо: 1) о распоряженіяхъ по Медицинскому Управленію, 2) о распоряженіяхъ Медицинскаго Правительшва, 3) о Медицинской Герольдіи, 4) о Медицинскихъ Заведеніяхъ для образованія Врачей въ Россіи, 5) о Лечебныхъ и Фармацевшическихъ Заведеніяхъ, 6) о Медицинскихъ Обществыхъ, 7) о книгахъ, выходящихъ въ Россіи и нѣкоторыхъ иностранныхъ, и 8) разныя извѣстія по медицинской части.

III. Новыл изданія.

а) Россійское Общество Любителей Садоводшва издаеть съ нынѣшняго года Журналъ Садоводшва. Онъ состоишь изъ пяти отдѣленій. Первое заключаеть въ себя Фитологию и статьи, ошносящіяся къ Органографіи, Физиологій, Методологій, Фитографіи и Географіи растеній; второе — Теорію и Практику Садоводшва; шретье — Прикладныя Науки: свѣдѣнія изъ Зоологій, Минералогій, Геогнозій, Химіи и Технологій, касающіяся Садоводшва; четвертое — смѣсь, свѣдѣнія о новыхъ открьтіяхъ, наблюденіяхъ, опытахъ,

извѣстїя коммерческія и статистическія, библиографическія, критическія и другія; пятое — лѣтописи Общества. Годичное изданіе журнала будетъ въ шести книжкахъ, изъ коихъ каждая составишь 8 печатныхъ листовъ, съ двумя литографированными изображеніями растеній, орудій, садовыхъ строеній и проч., и будетъ выходить чрезъ два мѣсяца. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 20 рублей, а съ пересылкою въ другіе города 25 р. асс.

б) Издашеть Журнала *Общепольныхъ Свѣдѣній* Г. Башуцкій вмѣстѣ съ нимъ издаеть еще особые Листки Ремеслъ, промысловъ и фабрикъ. Въ теченіе года выйдуть 52 листа in-4°, по временамъ будутъ прилагаемы чершежи. Цѣна съ доставкою 20 руб асс.

в) Профессоръ Императорскаго Московскаго Университета и Директоръ Земледѣльческой Школы, учрежденной при Императорскомъ Московскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, Михаилъ Павловъ, для распространенія вѣрныхъ и сообразныхъ съ современнымъ состояніемъ Науки свѣдѣній, предпринялъ изданіе, подъ названіемъ: *Русскій Земледѣлецъ или Журналъ современнаго Сельскаго Хозяйства*. Въ составъ его, согласно съ предположенною цѣлю, входятъ слѣдующіе предметы: 1) *Агрономія*—современныя свѣдѣнія, основанныя на опытахъ и наблюденіяхъ извѣстнѣйшихъ Агрономовъ по всѣмъ отраслямъ Хозяйства; 2) агрономическіе вопросы или изслѣдованіе и рѣшеніе спорныхъ пунктовъ по части Агрономіи; 3) *Сельская Технологія* — свѣдѣнія по технологической части при настоящемъ развитіи сельской промышленности; 4) вспомогательныя свѣдѣнія изъ Естественныхъ Наукъ—физическія, химическія, физиологическія, зоологическія и метеорологическія, имѣющія ближайшее отношеніе къ Сельскому Хозяйству, Технологіи и вообще къ сельскому быту;

5) Библиографія и Критика; 6) агрономическая переписка, и 7) смѣсь—крашкія замѣчанія и извѣстія о новыхъ открытіяхъ, улучшеніяхъ и о всѣхъ современныхъ событіяхъ въ агрономическомъ мірѣ. Годовое изданіе сего журнала будетъ состоять изъ 12 книжекъ, по одной въ мѣсяць, каждая въ шесть печатныхъ листовъ. Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 22 рубли, а съ пересылкою въ другіе города 25 аес.

г) Въ Дерптѣ предположено къ изданію Ординарнымъ Профессоромъ Ульяномъ повременное сочиненіе подъ заглавіемъ: *Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.*

Не лзя вообще не порицаться быстрымъ успѣхамъ просвѣщенія въ нашемъ Отеествѣ. Было время, когда литературная дѣятельность сосредоточивалась въ однихъ Столицахъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, но съ благодѣтельнымъ учрежденіемъ Университетовъ, Академій и другихъ Учебныхъ Заведеній плоды усилховъ въ Наукахъ, Словесности и гражданскомъ образованіи являюся вдругъ въ разныхъ концахъ Россіи. Не говоримъ уже о книгахъ: одни журналы и газеты, сообразно съ потребностями многочисленныхъ классовъ народа, издаются, кромѣ Русскаго, на языкахъ Французскомъ, Немецкомъ, Польскомъ и Латышскомъ. Всякій любитель чтенія можетъ почерпнуть изъ нихъ свѣдѣнія о всѣхъ новыхъ замѣчательныхъ событіяхъ внутри и извѣ Отечества, о ходѣ Наукъ, Искусствъ и Литературы. Въ настоящее время періодическихъ изданій въ различныхъ областяхъ Имперіи и на разныхъ языкахъ болѣе снѣ. Они выходящъ въ свѣтъ въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ, Казани, Дерптѣ, Ярославлѣ, Одессѣ, Вильнѣ, Архангельскѣ, Вишебскѣ, Владимірѣ, Вологдѣ, Житомирѣ, Воронежѣ, Вязкѣ, Гроднѣ, Екатеринославлѣ, Калугѣ, Костромѣ, Минскѣ, Митавѣ, Новгородѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Орлѣ, Пешроаводскѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Псковѣ,

Ригъ, Ревель, Рязань, Сибирскъ, Смоленскъ, Туль,
Харьковъ, Тифлисъ, Либавъ, Перновъ, Кронштадтъ.

**Журналы и газеты, выходящие въ Россіи
въ 1838 году.**

НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

Въ С. Петербургѣ.

- 1) Сенатскія Вѣдомости съ Прибавленіями.
- 2) Сенатскія Объявленія.
- 3) Сенатскія Объявленія о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ.
- 4) С. Петербургскія Академическія Вѣдомости съ Прибавленіями.
- 5) Русскій Инвалидъ или Военныя Вѣдомости.
- 6) Христіанское Чтеніе.
- 7) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.
- 8) Журналъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.
- 9) Горный Журналъ.
- 10) Журналъ Мануфактуръ и Торговли.
- 11) Военный Журналъ.
- 12) Инженерныя Записки.
- 13) Военно-Медицинскій Журналъ.
- 14) Журналъ Пушей Сообщенія.
- 15) Коммерческая Газета.
- 16) Земледѣльческая Газета.
- 17) Современникъ.
- 18) Сынъ Отечества и Сѣверный Архивъ.
- 19) Библіотека для Чтенія.
- 20) Сѣверная Пчела съ Музыкальными Прибавленіями.

- 21) Литературныя Прибавленія къ Русскому Иваллиду.
- 22) Художественная Газета съ Прибавленіями.
- 23) Дѣтскій Журналь.
- 24) Другъ Зравія, съ Медико-спашисическими Прибавленіями.
- 25) Лѣсной Журналь.
- 26) Журналь Общеполезныхъ свѣдѣній, съ Прибавленіями.

Въ Москву.

- 27) Сенатскія Объявленія.
- 28) Сводъ разрѣшеній и запрещеній на имѣнія.
- 29) Московскія Вѣдомости.
- 30) Московскій Наблюдатель.
- 31) Терапевтическій Журналь.
- 32) Земледѣльческій Журналь.
- 33) Русскій земледѣлецъ или Журналь современнаго Сельскаго Хозяйства.
- 34) Журналь Садоводства.
- 35) Журналь для Овцеводовъ.

Въ Кіевъ.

- 36) Воскресное Чтеніе.
- 37) Кіевскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Казань.

- 38) Ученыя Записки Казанскаго Университета.
- 39) Казанскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Ярославль.

- 40) Ярославскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Одессу.

- 41) Одесскій Вѣстникъ.
- 42) Листки, издаваемые Обществомъ Сельскаго Хозяйства.

Въ Вильну.

- 43) Лишовскій Вѣстникъ.
- 44) Вилежскія Губернскія Вѣдомости.

Часть XVII.

Въ Архангельскѣ.

- 46) Архангельскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Витебскѣ.
- 46) Вишебскія Губернскія Вѣдомости.
Во Владиміръ.
- 47) Владимірскія Губернскія Вѣдомости
Въ Вологдѣ.
- 48) Вологодскія Губернскія Вѣдомости
Въ Житомирѣ.
- 49) Волынскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Вяткѣ.
- 50) Вятскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Воронежѣ.
- 51) Воронежскія Губернскія Вѣдомости
Въ Гроднѣ.
- 52) Гродненскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Екатеринославѣ.
- 53) Екатеринославскія Губернскія Вѣдомости
Въ Калугѣ.
- 54) Калужскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Костромѣ.
- 55) Костромскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Мѣцкѣ.
- 56) Мѣнскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Нижнемъ-городѣ.
- 57) Нижегородскія Губернскія Вѣдомости.
Въ Новгородѣ.
- 58) Новгородскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Петрозаводскъ.

59) Олопецкія Губернскія Вѣдомости:

Въ Оренбургъ.

60) Оренбургскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Орлъ.

61) Орловскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Каменугъ-Подольскомъ.

62) Подольскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Псковъ.

63) Псковскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Рязани.

64) Рязанскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Симбирскъ.

65) Симбирскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Смоленскъ.

66) Смоленскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Туль.

67) Тульскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Харьковъ.

68) Харьковскія Губернскія Вѣдомости.

Въ Тифлисъ.

69) Закавказскій Вѣспникъ.

НА ФРАНЦУЗСКОМЪ.

Въ С. Петербургъ.

70) Journal politique et littéraire de St.-Petersbourg.

71) Bulletin scientifique, publié par l'Académie des Sciences de St.-Petersbourg.

72) Journal des voies de communication.

- 73) Revue étrangère.
74) St. Petersburg Price-courant.

Въ Москвѣ.

- 75) Bulletin scientifique de la Société Impériale des Naturalistes de Moscou.

Въ Одессѣ.

- 76) Journal d'Odessa.
77) Bulletin de la Société d'économie rurale.

НА НѢМЕЦКОМЪ.

Въ С. Петербургѣ.

- 78) St. Petersburgischer Zeitung.
79) St. Petersburgische Handels-Zeitung.
80) Magazin belebrender und angenehmer Unterhaltung.
81) Verzeichniss der vorzüglichsten in St. Petersburg eingeführten Waaren.

Въ Дерптѣ.

- 82) Evangelische Blätter.
83) Dorptsche Zeitung.
84) Jahrbücher der Landwirthschaft.
85) Mittheilungen und Nachrichten für die Evangelische Geistlichkeit Russlands.

Въ Ригѣ.

- 86) Rigaische Zeitung.
87) Der Zuschauer.
88) Provincial-Blatt für Kur-Liv-und Ehst-land mit literarischen Begleiter.
89) Rigaische Stadt-Blätter.
90) Rigaische Anzeigen.

Въ Митавѣ.

- 91) Mitauische Zeitung.

- 92) Allgemeines Kurländisches Amts und Intelligenz-Blatt.

Въ Либавь.

- 93) Libausches Wochen-Blatt:

Въ Перновъ.

- 94) Pernausches Wochen-Blatt.

Въ Ревель.

- 95) Revalsche wöchentliche Nachrichten.

Въ Кронштадтъ.

- 96) Liste der importirten Waaren.

- 97) Schiff-Liste.

НА ПОЛЬСКОМЪ.

Въ С. Петербургъ.

- 98) Tygodnik Petersburski.

Въ Вильнъ.

Kuryer Litewski (по же, чшо и на Русскомъ).

НА ЛАТЫШСКОМЪ.

Въ Ригъ.

- 99) Sinnar par notikkumeom ceksch Deeva Walstibas.

- 100) Tas Latweeschu lausschu draugs.

- 101) Widsemmes Latweeschu Awises.

Въ Митавъ.

- 102) Latweeschu awises.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ИССЛЕДОВАНИЕ О ПАЛЬМИРѢ. — Мѣстоположеніе знаменитой столицы Зиновии не было извѣстно Европейцамъ до 1691 года, когда путешественники, услышавъ отъ Арабовъ о величественныхъ развалинахъ въ пустынѣ, захотѣли ихъ видѣть и удовлетворить свое любопытство. Разказы ихъ о Пальмирѣ болѣе полуѣка были почитаемы за басню, пока микомецъ Англичане Робертъ Вардъ и Капитанъ Деркисъ, обзрѣвъ развалины, издали свое путешествіе съ планомъ и описаніемъ великихъ памятниковъ, копорые они видѣли: «должно признаться» — говоритъ одинъ знаменитый путешественникъ послѣдняго столѣтія, — «древность ничего не оставила подобнаго ни въ Греціи, ни въ Италіи, чтобы могло равняться съ остатками Пальмиры.»

На Востоку отъ Ассирии-Ливана, въ Дамаскомъ Пашалыкѣ, перѣхавъ отъ города Спомэмъ дикія степи и узкій проходъ между двумя цѣпями горъ, — шамъ, на краю равнины внезапно предъстѣляются взорамъ развалины Пальмиры, брошенные подобно острову среди песчанаго Океана. Зрѣніе перелетъ между безчисленнымъ множествомъ рядовъ колоннъ, изъ коихъ нѣкошоры въ 70 фушовъ вышины; по срединѣ развалинъ нахоятся остатки удивительнаго храма; издали глазъ шолько замѣчаешь тѣсь колоннъ, разбиыныя гробницы, обломки капителей и другихъ украшеній, копорыя разбросаны по землѣ: храмъ вшошь былъ посвященъ соли-

цу, божеству Пальмиры, и весьма замѣчательно, что вѣходъ въ храмъ былъ съ западной, а не съ восточной стороны. Часть его фасада и перистилля еще швердо стояли, а весь храмъ былъ окруженъ двойнымъ рядомъ колоннъ, составляющимъ между собою обширное пространство; каждая сторона храма имѣла въ длину 680 фушовъ. Памятники, оставшіеся въ Пальмирѣ, относятся къ разнымъ эпохамъ; но большая часть ихъ носитъ на себѣ печать прехъ вѣковъ, предшествовавшихъ нашей эрѣ; и хоша ни одного изъ нихъ не лзя отнести ко временахъ болѣе отдаленнымъ, но всѣ согласны въ томъ, что Пальмира носитъ на себѣ печать глубокой древности. Въ окрестностяхъ ея еще и теперь встрѣчаются обломки циклопическихъ построеній, подобныхъ тѣмъ, какія находятся въ Балбекѣ, которыя народное преданіе приписываетъ волшебникамъ и духамъ. И въ самомъ дѣлѣ, кажется, пребывала сила свыше человеческой, чтобы пошрясти эти огромныя массы.

Не дѣлая никакого заключенія, намъ кажется вѣроятнымъ, что *Пальмира*, по своему названію, есть древняя *Тадмура*, повшроенная и укрѣпленная Саломономъ. Историкъ Іосифъ говоритъ: «Царь сей окружилъ эшотъ городъ стѣною, для надежнаго обладанія имъ, и назвалъ его *Тадмура*, что значить *мѣсто пальмъ*.»

Тадмура, предпочтимаемая всѣми своими сосѣдями, по причинѣ здоровой воды и важности въ шорговомъ отношеніи, много перпѣла отъ безчисленныхъ войнъ съ идолопоклонниками и Іудеями; во время похода Навуходоносора на Іерусалимъ, она была имъ взята и разрушена; въ послѣдствіи она опять возобновилась, возвелычилась въ могущество и великолѣпін съ паденіемъ великихъ столицъ Востока, Нинивіи и Вавилона, и въ свой чередъ сдѣлалась столицею. Послѣ сего она скрывалась съ поприща Исторіи въ продолженіи мно-

гихъ вѣковъ; наконецъ въ эпоху долгой борьбы между Римлянами и Парсами, она является подъ новымъ именемъ *Пальмиры*, подобно рѣкамъ пустынь, когорыя исчезая въ пескахъ, попомъ опять появляющся съ новымъ величьемъ, подъ другимъ именемъ. Пальмира умѣла долго сохранять свою независимость и неуспралишеть между двумя могущесшвенными Монархiями, и достигла своего высшаго развишiя въ шрешьемъ вѣкѣ по Р. Х., около шого времени, когда Императоръ Валентинiанъ былъ побждень и взашъ въ плѣнь Сапоромъ, Персидскимъ Царемъ. Въ эшо время ея могущества, вокругъ нее являешся и быстро расшетъ геройскiй народъ, копорому, спустя шри вѣка позже, религiозный фанатизмъ долженъ былъ уступитъ половину Земнаго Шара. Безчисленныя племена Арабовъ, кочевавшiе въ сосѣднихъ пустыняхъ Пальмиры, повиновались ея знаменишому Полководцу Оденашу, копорый по примѣру другихъ вождей и Государей Азии, послѣ побѣды Персовъ надъ Римлянами, послалъ побѣдителю льстивое письмо и дорогiе подарки. Но свирѣпый Сапоръ приказалъ броситъ ихъ въ Евфрашъ, сказавъ: «кто сей Оденашъ, осмѣлившiйся писашъ къ своему повелителю? Если онъ хочеть избѣжа:пъ гнѣва, шо пускай явится съ связанными руками и повергнется предъ моимъ престоломъ: если же онъ не рѣшается, шо я истреблю его, вмѣстѣ съ его племенемъ и со всѣмъ народомъ.» Оденашъ одушевляеть мужество своихъ Арабовъ, возбуждаеть къ мценiю житслей Пальмиры и ушремляешся на встрѣчу Сапору: разбиваеть его, заводитъ и уничтожаеть его во многихъ встрѣчахъ; отбиваеть у него сокровища, его женъ и принуждаеть удалиться по другую сторону Евфраша. Такимъ образомъ Оденашъ чрезъ свое мужество дѣлаеть супругомъ знаменишой Зиновiи, Царицы Пальмиры, и получаетъ ошъ Имперашора Галлиена шитულъ *Августа* и верховнаго

повелителя Востока. Оденать была умерщвлена во время пиршества; послѣ него Зиновія царствовала одна.

Зиновія, знаменитая и по уму и красотѣ, говорящая, происходила изъ рода Пшоломеса; она была знакома съ Липерашурами Греческою и Римскою, и избрала себя въ совѣтницы и наставники Философа Лонгина, творца о *Высокомъ*. Спрасивно любя Искусства, охоту и войну, она по украшала зданіями свою столицу, по сопровождала своего супруга на охотѣ, или преслѣдовала Полководцевъ Сапора и ихъ войска. Послѣ смерти Одената, она наказала его убійцу и приняла шипулу Царицы Востока, удержавъ также названіе *Августы*, не взирая на сопротивленіе Сената и Императора. Вскорѣ она освободилась отъ Римскаго попечительства, разбила ихъ легіоны, покорила Египеть и хотѣла сдѣлать Пальмиру столицей вселенной. По прошествіи пяти лѣтъ знаменитаго царствованія, въ продолженіе коней трудно опредѣлить, была ли она обязана славою онаго своему счастью или своимъ талантамъ, Зиновія увидѣла конецъ своего благоденствія. Аврелианъ, неустрашимый воинъ, наслѣдовалъ Имперію и лично выступилъ противъ нея. Зиновія ждала его и дала битву у стѣнъ Антіохіи. Искусные стрѣлки и сильная конница, закованная въ желѣзо, составляли большую часть ея силъ. Первые ряды Римской арміи были разбины; но когда ея стрѣлки исправили свои стрѣлы и Аврелианъ, увидѣвъ, что непріятельская конница орометчиво бросилась преслѣдовать, двинулъ своихъ ветерановъ, закаленныхъ въ продолжительныхъ войнахъ на берегахъ Дуная съ дикими народами, Сирійская пѣхота обратилась въ бѣгство; конница, истощенная, не могла дальѣ выдерживать стремленія легіоновъ; поражение и убійство было ужасное. Зиновія собрала другую армію, и въ другой разъ была разбила въ окрестностяхъ Эмера; попомъ удалившись

въ свою столицу, она заперлась, и понуждаемая Римлянами сдатьсь, оспивчала, что оставишь свое Государство только вмѣстѣ съ жизнію. Аврелианъ осадилъ Пальмиру, но встрѣчилъ сильное сопротивленіе, и его безпокойство, выраженное въ письмахъ Сенапу, свидѣтельствуетъ всю важность и трудность предпріятія.

Но Зиновія сдѣлала неизгладимую ошибку тѣмъ, что чуждалась своего народа, который былъ бы для нее крѣпчайшимъ оплотомъ противъ Римлянъ: ей спрасъ къ Искусствамъ и просвѣщенію Грековъ, — спрасъ, сославившая ея славу, также была и причиною ея гибели. Иноземцы, Греки пользовались полнымъ довѣріемъ и были предметомъ обиднаго предпочтенія туземному народу и сосѣднимъ племенамъ: и когда заключась въ стѣнахъ, пѣснямая Римскими легионами и голодомъ, она вспомнила о храбрыхъ Арабахъ, по уже было поздно, — они не оспивчали на ея воззваніе. Должно было уступитъ силѣ и бѣжать; но прежде, нежели отдала свою столицу Римлянамъ, Зиновія покинула Пальмиру и постыжно бѣжала черезъ степи: ей измѣнили; Аврелианъ ее преслѣдовалъ, и его конница нагнала ее на берегахъ Евфрата. Когда Зиновія была представлена предъ Аврелиана, онъ спросилъ ее: кто внушилъ тебѣ дерзость сопротивляться Римскимъ Императорамъ? — «Я не видѣла Императоровъ» — гордо оспивчала Зиновія — «ни въ Галліенъ, ни въ подобныхъ ему; но ты увидѣшь побѣждашь и я признаю тебя достойнымъ сего тѣпла.» Впрочемъ уваріюшь, будшо бы ея твердость нѣсколько позже поколебалась, и напуганная новыми вопросами, она назвала Философа Лонгина главнымъ виновникомъ ея сопротивленія; Аврелианъ приказалъ его казнить; Лонгинъ умеръ, какъ мудрецъ, утѣшая своихъ друзей и жалуюсь на Царицу, которая предала ихъ въ руки палачей.

Въ Римъ Зиновія была лучшимъ украшеніемъ Авре-

ліачова пріумфа: обремененная драгоценными украшеніями, на шеѣ съ золотою цѣпью, поддерживаемою рабами, она предшествовала колесницѣ побѣдителя. Галлъ Веприкъ также находился въ пріумфальномъ шествіи; но шопъ и другая, послѣ пріумфа, имѣли не шу участь, какую прежде Римъ предназначалъ пѣннымъ повелителямъ, лишеннымъ Престола. Веприкъ получилъ Дворецъ, въ которомъ далъ праздникъ Императору, а Зиновія кончила свою жизнь въ очаровательной виллѣ близъ Тибура. Это обстоятельство наиболѣе показываетъ смягченіе древнихъ нравовъ; безъ сомнѣнія, эта счастливая перемѣна была плодомъ высшаго просвѣщенія и болѣе происходила отъ чувства образованнаго, нежели отъ ослабленія народнаго характера. Презрѣніе и жестокость къ побѣжденнымъ Государямъ, составляли двѣ характеристическія черты духа древняго Рима, и онѣ не могли изгладиться, не обнаруживъ новаго признака разрушенія. И точно, Римская Монархія тогда уже клонилась къ паденію, и два вѣка спустя послѣ пріумфа Аврелиана, Пальмира была опомщена: она, едва переживъ свое завоеваніе, употребила усиліе низвергнуть его, но возмущеніе было знакомъ ея разрушенія. Съ тѣхъ поръ Исторія болѣе ни слова не упоминаетъ о Пальмирѣ: Алеппъ и Дамаскъ возвысились на ея развалинахъ, собравъ къ себѣ часть ея сокровищъ. Теперь единственная жилища, встрѣчаемая среди развалинъ Пальмиры, состоятъ изъ какихъ-нибудь тридцати хижинъ, въ которыхъ живутъ бѣдные Арабы, питаются обработываніемъ полей и молокомъ своихъ стадъ. Черты ихъ лица и нѣкоторыя другіе особенные признаки, заставляющъ думать, что они происходятъ отъ древнихъ обитателей Пальмиры; но не между ними должно искать какого-либо свѣдѣнія объ этомъ знаменитомъ городѣ, котораго Исторія, какъ и многихъ другихъ столицъ

древняго міра, извѣсна полько на помѣ самогъ мѣстѣ, гдѣ онѣ владычествовали.

ТРАЯНОВЪ ВАЛЪ ВЪ ЮЖНОЙ РУСИ. — Въ Галиціи и на Руси существують и цѣлыя слѣды древней насыпи, именуемой просхимъ народомъ *Траяновымъ валомъ*, о которомъ, основываясь на свидѣтельствѣ очевидцевъ, упоминають древніе и новѣйшіе Польскіе Историки. Бандшке въ Исторіи Королевства Польскаго (Т. I, стр. 11) говоритъ, что эшопъ валъ шянешся ошь Бѣлой Церкви слишкомъ на 10 миль до Днѣпра, мѣстами прерываясь и сравниваясь съ землею. Марчинскій, въ Описаніи Подоліи (Т. I, стр. 186), также свидѣтельствуетъ, что эша насыпь проспираешся чрезъ села: Кременное, Звѣрховець, и волости Сатанова, и что слѣды оной видны въ Уѣздахъ: Ушицкомъ, между Михайловкою и Вороблевкою, въ Каменецькомъ, на поляхъ д. Еленовки, Калиня, Безпословцевъ, между Паневцами и Кульчовцами; опшуда шянешся чрезъ лѣсъ Боршиловицкій, Карапчевскій; попомъ, миновавъ лѣса волости Городецкой ошь Яромилки, являешся въ окрестностяхъ г. Кременнаго, и опдѣляешъ его ошь с. Лысоводы. Далѣ проходитъ волость Верховцы и чрезъ самую деревню къ городку Сатанову въ Галиціи, гдѣ слѣды вала являюся подъ городкомъ Магеровымъ. Индѣ Траяновъ валъ совершенно незначителенъ; но ешь мѣста, гдѣ высота его доходитъ до 4 и 5 фушовъ; въ нѣкошорыхъ даже, на прим. въ Кременномъ, на немъ ешь уступы въ видѣ фортификаціонныхъ. Марчинскій полагаешъ, что эшопъ валъ былъ насыпанъ для означенія границъ Дакіи, завоеванной Траяномъ около 105 года; но границы Дакіи никогда не проспиралисъ такъ далеко, а завоеванія Траяна конечно были на Сѣверѣ еще далѣе. Въ сихъ мѣстахъ находятъ древнія Римскія монеты, но эшо

еще не можеть служишь историческимъ доказательствомъ. Древняя карта Авраама Оршелля, изображающая теченіе р. Дуная, показываешь и Траяновъ валь, который шпанеться опть Греческаго моря до Адрианополя, а попомъ къ границамъ Польши; въ этой чершѣ находятся прорывы, копорымъ даны наименованія *Траяновыя ворота* (porta Trajani). Географъ Герардъ Меркашоръ, въ своемъ Апласѣ, изданномъ Гондіусомъ, описывая Валахію, упоминаеть о существованіи на мѣстѣ, называемомъ Сѣверинъ, *Траянова моста*, основаннаго на 50 чудесныхъ каменныхъ столбахъ. Плиній Младшій, въ похвальномъ Словѣ Траяну говоритъ, что нѣтъ возможности исчислить всѣ мосты, дороги, площади и *земляныя насыпи*, копорыя онъ дѣлалъ для удобства и защиты жителей и для облегченія переходовъ войскамъ. Все это только историческіе намеки; но для чего проведенъ эшопъ валь и точно ли по повелѣнію Траяна, остаеться неизвѣстнымъ, не взирая на прилежное изслѣдованіе нѣкопорыхъ Отечественныхъ любителей древности. Въ одномъ только не лзя сомнѣваться, что эшопъ валь есть одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ въ землѣ Славянской.

АѢННСКІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ. — Въ теченіе зимняго полугодичнаго академическаго курса 1837 г., преподаваніе предметовъ въ АѢнскомъ Университетѣ расположено было слѣдующимъ порядкомъ: по Богословскому Факультету: Догматика по Теофану Прокоповичу, Догматическая Исторія, Церковная Исторія и изъясненіе Псалмовъ. По Юридическому: Французское Гражданское Право, 4 часа въ недѣлю, Гражданское Дѣлопроизводство, 4 часа; Коммерческое Право, 2 часа; Уголовное Право и Дѣлопроизводство, 2 часа; Право Государственное, 3 часа; Политическая Экономія, 2 часа; сверхъ шого учреждена вновь кафедра Римскаго Права

съ назначеніемъ для преподаванія онаго одного Экспра-
 ordinarily Профессора. По Медицинскому Факультету: Патологія и Терапія—9 часовъ, по части Ана-
 томіи и Хирургіи—15 часовъ, а Повивальнаго Искусства
 4 часа. Впрочемъ по этому Факультету, за неизмѣ-
 нимъ дослѣдочнаго числа слушателей, еще не всѣ курсы
 могли бытъ открыты. По Философическому Факультету: для преподаванія Философіи, или Теоріи чело-
 вѣческаго духа и Иѳики—3 часа, для Греческой Археоло-
 гіи—4 часа, для всеобщихъ началъ Естественной Исто-
 ріи 4 часа, для Греческой Литературы 4 часа, для
 Геометріи, Тригонометріи, Алгебры и ш. д. 3 часа.
 Для изясненія Книгъ Цицерона *de natura deorum* и для
 Истории Римской Литературы—6 часовъ, при чемъ на-
 значенъ особый Профессоръ для Хорографіи Ашшики,
 изясненія Гораціева *de arte poetica* и Овидіевыхъ
Metamorphoseos; для Физики 3 часа и для Логики 2
 часа въ недѣлю.

ДОПОЛНЕНИЕ КЪ УКАЗАТЕЛЮ

вышедшихъ въ Россіи въ 1837 году книгъ.

I. *Азбуки.*

986) Букварь или начальное ученіе, хопящимъ учи-
нися книгъ письмени Славенскими. Кіевъ, въ шип.
Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 52 стр.

987) Русская Азбука для малолѣпныхъ дѣпей, съ
присовоукленіемъ молишвъ, правоучительныхъ басенъ
и Ариемешики. Изданіе второе, Или Спупина. Москва,
въ шип. И. Смирнова, 1837, въ 12 д. л. 48 стр.

988) Драгоценный подарокъ дѣпямъ или Россійская
Азбука, со всеми нужнѣйшими поняшіями для дѣпей
обоого пола. Москва, въ шип. Кирилова, 1837, въ 12
д. л. 95 стр.

989) Новѣйшая полная Русская Азбука, содержащая
въ себя начальныя правила чпенія, нужнѣйшія молишвы,
Символь вѣры, десятиъ Заповѣдей, крашкующую Священную
Исторію Ветхаго и Новаго Заѣта, начертаніе Араб-
скихъ и Римскихъ цифръ, нѣкоторыя нужнѣйшія для
дѣпей поняшія и правила правоученія, съ присовоу-
кленіемъ басенъ и стихотвореній, дѣпскому возрасту
приличныхъ, съ карпинами. Изданіе второе. М. въ шип.
Кирилова, 1837, въ 8 д. л. 119 стр.

990) Азбука съ крашкимъ Катихизисомъ. Москва,
въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. (стр. не показ.)

II. *Грамматики.*

991) Грамматики Лапинская въ пользу юношества въ Духовн. Учил. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. IV и 239 стр.

992) Краткая Грамматики древняго Греческаго языка. М. въ Синод. шип. 1837, въ 8 д. л. IV и 92 стр.

993) Греческая Грамматики. М. въ Синодальной шип. 1837.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

994) Chrestomathia Latina. М. въ Сун. шип. 1837, въ 12 д. л. Ч. I, стр. IV и 183, Ч. II, стр. IV и 204.

995) Учебная книга древняго Греческаго языка, соч. Каченовскаго. М. въ Сун. шип. 1857, въ 12 д. л. стр. VIII и 357.

996) Грамматическій разборъ затруднительныхъ Греческихъ словъ изъ Четвероевангелія, сопоставленный въ пользу любителей Греческаго языка. М. въ Университетской шип. 1837, въ 12 д. л. 93 стр.

997) Греко-Россійскій Словарь къ Новому Завету, въ пользу юношества. Изданіе второе, исправленное и дополненное. М. въ Университетской шип. 1837, въ 8 д. л. 168 стр.

998) О первоначальномъ переводѣ Св Писанія на Славянскій языкъ. Сочиненіе Экстраординарнаго Профессора Кіевской Духовной Академіи Орестіа Новицкаго. Кіевъ, въ шип. Университета Св. Владиміра, 1837, въ 4 д. л. 81 стр.

IV. *Богословіе.*

999) Липургія ношная Придворнаго простаго пѣнія. М. въ Сун. шип. 1837, въ 4 д. л. 20 стр.

- 1000) Служба съ Акаѣиспомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и повѣстію о всечестномъ и безсмертномъ Успеніи ея. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 62 стр.
- 1001) Служба Преподобному Нилу Шолбенскому. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 4 д. л. 26 стр.
- 1002) Служба Преподобному Сергію Игумену Радонежскому Чудотворцу. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 4 д. л. 38 стр.
- 1003) Служба съ Акаѣиспомъ Успенію Пресвятыя Богородицы и повѣстію о всечестномъ и безсмертномъ Успеніи ея. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 122 стр.
- 1004) Акаѣистъ Св. Велико́мучениць Варваръ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 39 стр.
- 1005) Акаѣисты съ Каноны и прочая душеполезная моленія. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 377 стр.
- 1006) Акаѣисты съ Каноны и прочія душеполезная моленія. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 365 стр.
- 1007) Акаѣистъ Св. Велико́мучениць Варваръ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 4 д. л. 108 стр.
- 1008) Молишвы, чтомыя при Богослуженіи Лишургин. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 24 д. л. 64 стр.
- 1009) Книга Житій Святыхъ, въ 12 часпяхъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. XXIV—277, II—250, II—341, 443, 285, 223, 343, 260, 363, 405, 404, 298.
- 1010) Евангеліе. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 4 д. л. 180 стр.
- 1011) Начальное ученіе чело́вѣкомъ, хопящимъ учишися книгъ Божешвеннаго Писанія. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 16 д. л. 21 стр.

1012) Псалтырь слѣдованная. М. въ Синодальной шип. 1837, въ листъ, 473 л.

1013) Псалтырь безъ киновари. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 4 д. л.

1014) Псалтырь съ киноварью. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 178 стр.

1015) Псалтырь. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 16 д. л. 302 стр.

1016) Псалтырь учебный съ киноварью. М. въ Синодальной шип. 1837.

1017) Мѣсяцословъ, М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 158 стр.

1018) Служебникъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 251 стр.

1019) Часословъ съ киноварью. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 166 стр.

1020) Часословъ безъ киновари. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 166 стр.

1021) Минея Чешья. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л.

1022) Минея мѣсячная въ 12 книгахъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ листъ.

1023) Молишвословъ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 580 стр.

1024) Каноникъ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 214 стр.

1025) Каноникъ съ киноварью. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л.

1026) Требникъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 210 стр.

1027) Чинъ о приимѣ Иновѣрцевъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 4 д. л. 96 стр.

- 1028) Сокращенный пошный обиходъ. М. въ Синодальной шип. 1837.
- 1029) Окпоихъ въ двухъ часняхъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ листъ.
- 1030) Ручный мѣсцесловъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 158 стр.
- 1031) Свящцы, въ 12 д. л. М. въ Синодальной шип. 1837. 121 стр.
- 1032) Свящцы, съ киноварью. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 16 д. л. 30 стр.
- 1033) Богородичная Молишва, въ листъ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837.
- 1034) Алфавишъ духовный. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. IX и 145 стр.
- 1035) Поминашельная молишва о здравіи и спасеніи, о памяти и оспавленіи грѣховъ рабовъ Божіихъ. На Греческомъ и Славянскомъ языкъ. С. П. Б. въ Синодальной шип. 1837, въ бол. 8 д. л. 2 стр.
- 1036) Сборникъ, ш. е. нѣкошорыхъ моленій на всякъ день пошребныхъ собраніе. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 102 стр.
- 1037) Сборникъ, ш. е. нѣкошорыхъ моленій на всякъ день пошребныхъ собраніе. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 12 д. л. 202 стр.
- 1038) Пашерикъ Печерскій или Ошечникъ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ листъ, 248 стр.
- 1039) Проповѣди Епископа Кефалонішянина, Илиіи Мнишя, переведенныя съ Греческаго на Русскій языкъ. М. въ Синодальной шип. 2 части II — 146, II — 8 въ листъ церкви. печати, въ 8 д. л. гражданск. печати, 1837, VI—402, IV—244 стр.
- 1040) Православное Исповѣданіе Вѣры Пешра Могила. М. въ Синод. шип. 1837, въ 8 д. л. 233 стр.

1041) Нравственныя сочиненія Святаго Опца нашего Василія Великаго. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. XXVI—552 стр.

1042) Сочиненія Ефрема Сирина, въ чешырехъ частяхъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. IV—167, XXIII—154, XLVI—184, II—124 стр.

1043) Сокращенный Капихизисъ для Священно-и Церковно-служителей, какъ для всегдашняго ихъ знанія, шакъ особливо для изученія при вступленіи ихъ въ церковныя должности, съ прибавленіемъ мѣспъ изъ Слова Божія, правилъ Св. Апостоль и Св. Ошець, и изъ Духовнаго Регламенша, особливо до Священства принадлежащихъ. М. въ Синод. шип. 1837, въ 8 д. л. 84 стр.

1044) Сочиненія Тихона, Епископа Воронежскаго, въ 15 Томахъ. М. въ Синодальной шип. 1837, IV—192, IV—192, IV—258, IV—234, IV—164, IV—316, IV—532, IV—324, IV—166, IV—232, IV—205, IV—196, IV—136, IV—182, XIV—286 стр.

1045) Изъ сочиненій Тихона Воронежскаго, наставленіе всей паспвѣ, размышленіе и переводы, описаніе его жизни. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 68—104 стр.

1046) Письма келейныя Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. XII—307 стр.

1047) Наставленіе о собшвенныхъ каждаго Христіанина должностяхъ. Соч. Преосвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, въ 4 д. л. 616 стр.

1048) Злашое сочиненіе Самуила Раввина. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. VIII—96 стр.

1049) О покаяніи Святаго Опца нашего Амвросія Медіоланскаго, двѣ книги. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. III—154 стр.

1050) Крашкое Нравоученіе Преосвященнаго Митрополита Платона. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 8 стр.

1051) Святаго Аванасія, Архіепископа Александрийскаго, Слово о воплощеніи Бога Слова и о плѣснотнъ Его къ намъ пришествіи. Перев. съ Греческаго въ Сарашовской Семинаріи. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 135 стр.

1052) Толкованія на Воскресныя Евангелія на Греческомъ языкѣ, въ двухъ часпяхъ. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 4 д. л. XIV—272, II—376.

1053) Крашкое Поученіе, како подобаешъ спюаши въ церкви Божіей во время службы. Собранные изъ книгъ Учишелей Церковныхъ, въ 24 д. л. 58 стр.

1054) Два Поучительныя Слова именистаго Проповѣдника Іерузалема: 1) о шомъ, что Христіане обязаны преимущественно пецись въ сей жизни о вѣчностіи; 2) въ день Вознесенія Господня о небѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ Нѣмецкаго перевены Епископомъ Аарономъ. М. въ тип. Хавскаго, 1837, въ 8 д. л. 112 стр.

1055) Бесѣда двое. Г. В. Сковороды. Издано по распоряженію Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскаго Попечительнаго Комитета. М. въ тип. Рѣшешникова, 1837, въ 8 д. л. 50 стр.

1056) Рѣчь, говоренная, Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ, Государю Императору предъ всупленіемъ въ Успенскій Соборъ, Октябрю 27 дня, 1837 года. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 1 стр.

1057) Рѣчь, говоренная Филаретомъ, Митрополитомъ Московскимъ, предъ всупленіемъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Александра Николаевича въ Успенскій Соборъ, Іюля 24 дня 1837 года. М. въ Синодальной тип. 1837, въ 8 д. л. 8 стр.

1058) Речь, говоренная Филаретомъ, Митрополистомъ Московскимъ, предъ вступленіемъ Его же Императорскаго Высочества въ Свято-Троицкую Сергіеву Лавру, Августа 2 дня 1837 года, въ 8 д. л. 2 сгр.

1059) Речь, говоренная Филаретомъ Митрополистомъ Московскимъ предъ вступленіемъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны въ Успенскій Соборъ, Августа 4 дня 1837 года. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 2 сгр.

1060) Слово на освященіе Храма Святыя Равноапостольныя Маріи Магдалины въ градской больницѣ, Юля 22 дня 1833 года, говоренное Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополистомъ Московскимъ. С. П. Б. въ шип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 16 сгр.

1061) Слово въ Недѣлю Ваин, въ Чудовъ Монастырь, Марша 22 дня 1825 года, говоренное Синодальнымъ Членомъ Филаретомъ, Митрополистомъ Московскимъ. С. П. Б. въ шип. Министерства Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 14 сгр.

1062) Слово при вступленіи на пашву Кіевскую, произнесенное въ Кіево-Софійскомъ соборѣ, 27 Юня 1837 года, Синодальнымъ Членомъ Преосвященнымъ Филаретомъ, Митрополистомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Кіевъ, въ шип. Кіевонечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 14 сгр.

1063) Бесѣды на 5, 6 и 7 гл. Евангелиста Маттея. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 208 сгр.

1064) Слово при вступленіи на Кіевскую пашву, произнесенное Преосвященнымъ Филаретомъ, Митрополистомъ Кіевскимъ и Галицкимъ. Кіевъ, въ шип. Кіевонечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 16 сгр.

1065) Бесѣда, говоренная Синодальнымъ Членомъ

Филаретомъ, Архіепископомъ Ярославскимъ и Ростовскимъ. С. П. Б. въ шип. Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1066) Поучительныя Слова и Рѣчи, говоренныя Кирилломъ, Архіепископомъ Подольскимъ и Брѣзлавскимъ къ Подольской паствѣ. Изданіе второе. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 330 стр.

1067) Поучительныя Слова и Рѣчи къ Вятской паствѣ, говоренныя Кирилломъ, Епископомъ Вятскимъ и Слободскимъ. Изданіе четвертое, дополненное. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 412 стр.

1068) Слово въ день Сошествія Святаго Духа, говоренное Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣгородскимъ въ Знаменской Архіерейскаго дома церкви, 1834. С. П. Б. въ шип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 15 стр.

1069) Поученіе, произнесенное Иліодоромъ, Епископомъ Курскимъ и Бѣгородскимъ, по случаю обозрѣнія Епархіи въ городъ Рыльскъ. С. П. Б. въ шип. Мин. Внутр. Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 14 стр.

1070) Собраніе Словъ на дни торжественныя, говоренныхъ Кіевской Академіи Ректоромъ, Архимандритомъ Иннокентіемъ. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 247 стр.

1071) Собраніе словъ, Бесѣдъ и Рѣчей на разные дни и случаи, произнесенныхъ Кіевской Академіи Ректоромъ, Архимандритомъ Иннокентіемъ. Томъ II. К. въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 256 стр.

1072) Начальныя упражненія въ проповѣданіи Слова Божія подъ руководствомъ Наспавниковъ, посвящаемыя Кіевского Николаевского первокласнаго монастыря Архимандритомъ Авксентіемъ. С. П. Б. въ шип. Свѣгирева и К^о, 1837, въ 8 д. л. 53 стр.

1073) Слово въ день Архиспрашига Михаила и Тезоименишства Ихъ Имперапорскихъ Высочествъ Благовѣрныхъ Государей и Великихъ Князей Михаила Николаевича и Михаила Павловича и праздникъ всѣхъ Россійскихъ Орденоевъ, говоренное въ 1836 году въ С. Пешербургскомъ Казанскомъ Соборѣ, Кіевскаго Николаевскаго первокласнаго монастыря Архимандритомъ Авкоеншіемъ. С. П. Б. въ шип. Сибгирева и К°. 1837, въ 8 д. л. 23 стр.

1074) Слово, произнесенное въ Москвѣ въ Приходской Церкви Положенія Ризы Господней, Ноября 9 1835 года, при погребеніи Коммерціи Совѣтника и разныхъ орденоевъ Кавалера Михаила Ивановича Тилова, Архимандритомъ Донскаго монастыря Теофаномъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 15 стр.

1075) Рѣчь, говоренная воспитанникамъ Коммерческаго Училища, окончившимъ курсъ ученія, при открышомъ воспитаніи, Законоучителемъ Магистромъ Богословія, Сборнымъ Иеромонахомъ Платономъ, Декабря 19 дня, 1836 года. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 10 стр.

1076) Поучительныя слова и рѣчи Прѣшоеерея Вассилія Бажанова. Изданіе второе. С. П. Б. въ Военной шип. 1837, въ 8 д. л. 275 стр.

1077) Слово, говоренное въ Церкви Патріотическаго Инспишуша по случаю выпуска шамошнихъ Благородныхъ Воспитанницъ, Старшимъ Законоучителемъ при семъ Заведеніи, Казанскаго Собора Прѣшоеереемъ. Императорской Россійской Академіи Дѣйствительнымъ Членомъ и Кавалеромъ Пешромъ Мысловскимъ, Февраля 2 дня 1837 года. С. П. Б. въ шип. Военныхъ поселеній, 1837, въ 4 д. л. 17 стр.

1078) Поучительныя слова, говоренныя въ Коспромскомъ Успенскомъ Соборѣ и въ другихъ мѣстахъ, Ко-

спромскаго Успенскаго Собора Пропоеіеремъ и Кавалеромъ Іакобомъ Арсеньевымъ, бывшемъ въ Смоленскомъ Кадешкомъ Корпусѣ съ 1813 по 1 Іюля 1824 года Законоучителемъ, съ приложеніемъ нѣкопорукихъ Рѣчей. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 308 стр.

1079) Шестнадцать крашкихъ Рѣчей о главнѣйшихъ истинахъ Священнаго Писанія. С. П. Б. въ шип. Иверска, 1837, въ 12 д. л. 40 стр.

1080) Последняя Проповѣдь Пастора Адама Христіана Павла Кольрейфа, говоренная въ Великую Пяшницу 1836 года, приовокуменіемъ крашкаго извѣстія о его жизни. Переводъ съ Нѣмецкаго. М. въ шип. Университетской шип. 1837, въ 8 д. л. 28 стр.

1081) Сокращенныя правила монашескаго житія. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 41 стр.

1082) Разсужденіе, въ кошоромъ излагается ученіе Ощцевъ Церкви, первыхъ прехъ въковъ Христіанства о Божествѣ Сына Божія, сочиненное Спуденшомъ Московской Духовной Академіи Авонасіемъ Ефимовскимъ. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 90 стр.

1083) Историческое разсужденіе о постахъ Православной Воспочной Каѳолической Церкви. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 72 стр.

1084) Разговоръ Христіанина съ невѣрующимъ о воплощеніи Сына Божія Іисуса Христа и оправданіи челоѳковъ чрезъ Вѣру въ Него. Сочиненіе Архимандрита Паисія. М. въ шип. Н. Степанова, 1837, въ 12 д. л. 78 стр.

1085) Письма о Богослуженіи Воспочной Каѳолической Церкви. С. П. Б. въ шип. III Ошдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1837, въ 8 д. л. 448 стр.

1086) Дни Богослуженія Православной Грекоросійской Церкви. С. П. Б. въ шип. Внѣшней Торговли 1837, въ 8 д. л. 380 стр.

1087) Дружескій разговоръ о душевномъ мирѣ Г. В. Сквороды. Изданъ по распоряженію Императорскаго Человѣколюбиваго Общества Московскимъ Попечительнымъ Комитетомъ. М. въ шип. Рѣшеникова, въ 8 д. л. 94 стр.

1088) Краткое объясненіе Церковнаго Устава. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 25 стр.

1089) Пространный Кашикизисъ Митрополита Филарета. М. Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 158 стр.

1090) Начашки Христіанскаго чтенія. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 73 стр.

1091) Желаніе. Взято изъ книги: Сокровище духовное. Сочиненіе Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 12 стр.

1092) Поучительный разговоръ о суешномъ упованіи. Изданіе претіе, исправленное. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 30 стр.

1093) Урокъ нерадящимъ о своемъ спасеніи. Изданіе первое. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 27 стр.

1094) Пища для ума и сердца или собраніе Христіанскихъ размышленій, въ двухъ часняхъ. Переводъ съ иностраннаго. С. П. Б. въ шип. Конторы журнала общепользныхъ свѣдѣній, 1837, въ 6 д. л. 517 стр.

1095) Три разговора Священника съ прихожанами о истинномъ пути ко спасенію. Изданіе претіе. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 42 стр.

1096) Увѣщаніе уповающимъ на свою правду. Изданіе претіе. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 20 стр.

1097) Училище благочестія или примѣры Христіанскихъ добродѣтелей, выбранныя изъ житія Свяшыхъ.

Ч. I, II, III, IV, V и VI. Изданіе пятое. С. П. Б. въ шип. Глазунова, 1837, въ 8 д. л. 458 стр.

1098) Умирающій разбойникъ и умирающій Спаситель. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 20 стр.

1099) Билеты или маленькая Елена, образецъ для дѣтей. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 31 стр.

1100) Арабъ слуга или дѣйствіе благодати. Истинное происшествіе. Третье изданіе. С. П. Б. 1837, въ 12 д. л. 40 стр.

1101) Иосифъ вѣрный рабъ и добрый Христіанинъ. Истинная повѣсть. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 25 стр.

1102) Машенька, или благодать Божія видна въ каждой вещи. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1103) Путешественникъ и вдова. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1104) Бѣдная и больная Аниушка. Истинная повѣсть. Первое изданіе. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 17 стр.

1105) Утѣшеніе въ смерти кровныхъ и милыхъ сердцу. Разговоръ между брапомъ и сестрою. Переводъ съ Англійскаго. С. П. Б. въ шип. Воробьева, въ 8 д. л. 48 стр.

1106) Разговоры между двумя женщинами Петровою и Семеновою. Первое изданіе. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 22 стр.

1107) Жизнь Ивана Гармсена, бѣднаго сироты въ Голландіи. Истинная повѣсть. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 20 стр.

1108) Счастливый семейный кругъ. Истинное происшествіе. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 18 стр.

1109) Жизнь Вильгельма Келли. Назидашительная повѣсть. Изданіе пятое. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 33 стр.

1110) Повѣсть о Новозеландской дѣвухкѣ Елисаветѣ. Изданіе второе. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 12 стр.

1111) Все къ лучшему. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 24 стр.

1112) Польза опъ пльншва и правила, какъ оной достигашь можно. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 16 д. л. 19 стр.

1113) Нѣчто для безграмотныхъ. С. П. Б. въ тип. Иверсена, 1837, въ 12 д. л. 23 стр.

1114) Христіанское увѣщаніе помѣщицы къ своимъ поселянамъ. М. въ Университетской тип. 1837, въ 8 д. л. 4 стр.

1115) *Lettres sur les offices divins de l'Eglise d'Orient, 1-ère livraison.* С. П. Б. въ тип. Конторы журнала общепользныхъ свѣдѣній, 1837, въ 8 д. л. 77 стр.

V. *Исторія.*

а) С в я щ е н н а я .

1116) Священная Исторія для дѣтей, выбранная изъ Новаго и Вѣтхаго Завета Анною Зонпагъ. Ч. I и II, въ 8 д. л. 818 стр.

1117) Священная Исторія Вѣтхаго и Новаго Завета, составленная Иваномъ Гурьяновымъ. М. въ тип. Лазаревыхъ Института Воспочныхъ языковъ, 1837, въ 12 д. л. 72 стр.

1118) Начертаніе Церковной Исторіи Преосвященнаго Иннокенсія. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л.

1119) Сто двадцать четьре Священныхъ Исторіи изъ Вешаго и Новаго Завѣша, собранныя А. И. съ присовокупленіемъ къ каждой Исторіи крашкихъ поученій и размысленій, съ карпинами, въ 2 часяхъ въ одной книгѣ, иждивеніемъ брашьевъ Кузнецовыхъ. Изданіе шрешіе, исправленное. М. въ Университетской шип. 1837, въ 8 д. л. Въ 1 Ч. 208 стр. во 2 Ч. 182 стр.

1120) Крашкая Церковная Исторія съ крашкимъ Кашихизисомъ, Митрополиша Филареша, церковными и гражданскими литерями напечатанная. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 12 д. л. 73 стр.

1121) Житіе Преподобнаго Василя Новаго, списанное Григоріемъ, ученикомъ его. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 58 стр.

1122) Житіе Свяшаго Григорія, Архіепископа Омеритскаго. Кіевъ, въ шип. Кіевочерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 32 стр.

1123) Житіе Свяшаго Іоанна Милостиваго, Патриарха Александрійскаго. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1124) Житіе Св. Нифонша, Епископа Констаншинограда Кипрскаго. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1125) Житіе Св. Павлина Милостиваго, Епископа Ноланскаго. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ 8 д. л. 6 стр.

1126) Житія и чудшворенія Зосимы и Савваша, Соловецкихъ Чудшворцевъ, и сошрудника ихъ Инока Германа. М. въ Синодальной шип. въ 4 д. л. 104 стр.

1127) Житіе Преподобнаго Отца нашего Исаія, Епископа Росшовскаго, спраданіе Свяшыхъ мученикъ Θεодора и Іоанна, повѣсть о смерти Блаженнаго Констаншина Митрополиша Кіевскаго и убіеніе Блажен-

наго Игоря, Князя Черниговскаго и Кіевскаго. С. П. Б. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 24 стр. церк. печ.

1128) Житіе Преподобнаго Ошца нашего Нифонша, Епископа Новгородскаго и Преподобнаго Матери нашея Евфросиніи дѣвицы, Игуменіи Обишели Свяшаго Спаса въ Полоцкѣ. С. П. Б. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 25 стр.

1129) Убіеніе Свяшаго Благовѣрнаго Царевича Князя Димитрія Московскаго и всея Россіи Чудотворца. С. П. Б. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 40 стр. церков. печати.

1130) Житія иже во Свяшыхъ Ощецъ нашихъ Петра, Алексія и Іоны, Митрополишовъ Кіевскихъ и всея Россіи Чудотворцевъ. С. П. Б. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 30 стр.

1131) Житіе Преподобнаго Сергія, соч. Митрополиша Платона, церковными липерами. М. въ Синодальной шип. 1837. 38 стр.

1132) Житіе Преподобнаго Сергія, соч. Митрополиша Филарета, граждан. печати. М. въ Синодальной шип. 1837.

1133) Описаніе жизни и подвиговъ Пресвященнаго Тихона, Епископа Воронежскаго и Елецкаго. С. П. Б. въ шип. Глазунова, Смирдина и К^о, 1837, въ 8 д. л. 110 стр.

1134) Жизнеописаніе Амалія Гаяль. С. П. Б. въ шип. Иверссна, 1837, въ 12 д. л. 18 стр.

1135) *Catalogus Alphabeticus-Chronologicus S. S. Ecclesiae Patrum, scriptorum Ecclesiasticorum, Antistitum tum Orientalis, tum Occidentalis nec non Imperatorum Romanorum Haereticorum etc. et Christianismi incunabulis usque ad seculum decimum quartum. Accedit Chronotaxis Conciliorum, ab Ecclesia Orthodoxa rece-*

ptorum. In usum tyronum litteraturae Ecclesiasticae, edidit Archimandrita Athanasius, Riasanensis Seminarii Rector. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 21 стр.

б) В с е о б щ а я.

1136) Руководство къ первоначальному познанію Всемирной Исторіи. Сочиненіе Фольгера. Переводъ съ Нѣмецкаго. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 558 стр.

1137) Философская Исторія Иудеевъ, со времени упадка племени Маккавеевъ до нашихъ временъ. Сочиненіе Капефига, удостоенное преміи Французскаго Инстишута. Перевелъ съ Французскаго Констаншинъ Пуговинъ. Ч. I и II. С. П. Б. въ шип. Департаментша Внѣшней торговли, 1837, въ 8 д. л. 296 стр.

1138) Историческое описаніе Глинской Богородицкой Пустыни, состоящей въ Курской Епархіи и Губерніи, въ Пушильскомъ Уездѣ, составленное Николаемъ Самойловымъ, состоящаго подъ Высочайшимъ покровительствомъ Общества Исторіи и древностей Россійскихъ соревнователямъ, ч. I. С. П. Б. въ шип. Сидирева, 1837, въ 8 д. л. 27 стр.

1139) Историческія извѣстія о Коспромскомъ шорокласномъ Богоявленскомъ монастырѣ съ XV по XIX вѣкъ. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837, въ 8 д. л. 64 стр.

1140) Описаніе Коспромскаго Успенскаго собора, учрежденнаго по Высочайшему повелѣнію въ 1835 году Капедральнымъ. Составленное въ 1829 году Прошюереемъ онаго собора и Кавалеромъ Іаковомъ Арсеньевымъ, а нынѣ вновь исправленное. М. въ Синодальной шип. 1837, въ 8 д. л. 93 стр.

1141) Историческое и топографическое описание мужскаго общежительнаго монастыря Святаго, Чудотворца Николая, что на Псношь, съ присовокупленіемъ Устава его и чиноположенія. Составлено изъ записокъ покойнаго К. Θ. Калайдовича, иждивеніемъ благотворителей въ пользу монастыря, съ приложеніемъ вида и плана монастыря съ дачею. М. въ Университетской шип. 1837, въ 8 д. л. 149 стр.

1142) Описание града Божія Іерусалима и Святыхъ въ немъ и близь его находящихся, въ которыхъ совершались различныя событія для рода человѣческаго спасительныя. М. въ Университетской шип. 1837, въ 8 д. л. 38 стр.

VI. Путешествіа.

1143) Путешествіе по Святымъ мѣстамъ Русскимъ. Троицкая Лавра, Ростовъ, Новый Іерусалимъ, Валаамъ. Изданіе второе. С. П. Б. въ шип. III Отд. Собственной Е. И. В. Канцеляріи, 1837, въ 8 д. л. 148 стр.

1144) *Προσκυνητάριου ἢ περιγραφῆ τῆς ἁγίας πόλεως Ἱερουσαλήμ καὶ πάσης Παλαιστίνης, συντιθεῖσα μὲν τὸ πρῶτον παρὰ τοῦ πανοσιωλογιωτάτου ἁγίου καμαράση του παναγίου καὶ ζωοδυχοντάδου Κυρίου Χρυσάνθου τοῦ ἐκ προύσσει, ἤδη δὲ πάλιν δεύτερον, ἐπιμελῶς θεωρηθεῖσα καὶ πολλαῖς προσθήκαις ἐπαυζυνθεῖσα ἐκδίδεται εἰς φῶς, ἐπιστάσια μὲν τοῦ πανιερωτάτου Ἱεροθέου Αρχιεπισκόπου Θαβωρίου δαπάνη δὲ φιλοτίμῳ τοῦ εντιμοσυλαβεστάτου Κυρίου Γεωργίου χατιῆ κῶστα Ἐπιτρόπου τοῦ παναγίου Γάφου,* съ просовокупленіемъ поршреша Аѳонасія Паптріарха Іерусалимскаго, также видовъ и плановъ разныхъ священныхъ мѣстъ и

зданій Іерусалима. М. въ Университетской шип. въ 4 д. л. 156 стр.

VII. *Слѣсь.*

1145) Обзорніе предметовъ , назначенныхъ для открытія Сшуденшовъ С. Пешбургской Духовной Академіи по случаю окончанія двѣнадцатаго учебнаго курса. С. П. Б. въ шип. Минисперства Внутреннихъ Дѣлъ, 1837, въ 8 д. л. 16 стр.

1146) Программа публичнаго испытанія Сшуденшовъ Кіевской Духовной Академіи по случаю окончанія VIII учебнаго курса. Кіевъ, въ шип. Кіевопечерской Лавры, 1837, въ д. л. 5 стр.

1147) Объявленіе о книгахъ духовнонравственнаго содержанія, продающихся въ книжной лавкѣ К. Мейера. С. П. Б. въ шип. Иверсена, 1837 (стр. не показ.).

1911

1912

1913

1914

1915

1916

1917

1918

1919

1920

1921

1922

1923

1924

1925

1926

1927

1928

1929

1930

1931

1932

1933

1934

1935

1936

1937

1938

1939

1940

1941

1942

1943

1944

1945

1946

1947

1948

1949

1950

1951

1952

1953

1954

1955

1956

1957

1958

1959

1960

1961

1962

1963

1964

1965

1966

1967

1968

1969

1970

1971

1972

1973

1974

1975

1976

1977

1978

1979

1980

1981

1982

1983

1984

1985

1986

1987

1988

1989

1990

1991

1992

1993

1994

1995

1996

1997

1998

1999

2000

2001

2002

2003

2004

2005

2006

2007

2008

2009

2010

2011

2012

2013

2014

2015

2016

2017

2018

2019

2020

2021

2022

2023

2024

2025

УКАЗАТЕЛЬ

ВНОВЬ ВЫХОДЯЩИХЪ КНИГЪ.

=

Г Е Н В А Р Ъ 1858.

—

I. *Азбуки.*

1) Теорія Русскаго языка, составленная Григоріемъ Масодовымъ. Часть I, о буквахъ, соединеніи ихъ въ слово, чтеніи и письмѣ, или букварь. М. въ шип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1837. 64 стр. in-8°.

2) Объясненіе двухъ способовъ обучать чтенію посредствомъ машины, М. въ шип. Смирнова, 1837. 12 стр. in-16°.

II. *Грамматики.*

3) Россійская Грамматика, съ присовокупленіемъ Пишеческихъ Правилъ, изданная для обученія юношества, Яковомъ Пожарскимъ. С П. Б. въ шип. И. Глазунова и К°, 1837. 69 стр. in-8°.

4) Nouvelle grammaire française, sur un plan très-méthodique, avec de nombreux exercices d'orthographe, de syntaxe et de ponctuation, tirés de nos meilleurs auteurs et distribués dans l'ordre des règles; par M.

Noël, Inspecteur-général de l'Université, Chev. de la légion d'honneur, et M. Chapsal, professeur de grammaire général. Ouvrage mis au rang des livres classiques, adopté pour les Écoles Ministres, et dont l'usage est autorisé pour la Maison Royale de Saint-Denis. Grammaire. M. въ тип. Института Лазаревыхъ. 1858. 250 стр. in-12°.

5) Grammaire française préparatoire en quarante exercices accompagnée de tout ce qui peut faciliter aux commençans la conjugaison de toutes les espèces de verbes, en les employant toujours au temps convenable; suivi du vocabulaire de tous les verbes usuels avec la traduction du présent de leur infinitif en Russe, en Allemand et en Anglais, et du Dictionnaire des homonymes traduits en Russe dans leurs différentes acceptions par Ch. de St. Hilaire, auteur de la Grammaire en 36 leçons à l'usage des Russes; du Canevas Méthodique et Chronologique de littérature Ancienne et moderne, dédié à la jeunesse Russe, et de la Rhétorique des jeunes personnes dédiée à S. A. J. Madame la Grande Duchesse Alexandra Nicolaéwná. 2 édition, soigneusement corrigée à St. Petersbourg. Chez Fd. Bellizard et C. libraires-éditeurs. 1858. 99, 56, 48 стр. in-8°.

III. *Другія пособія къ изученію языковъ.*

6) The English translator, being a selection of pieces for translating from English into French or Russ. By T. Coard. M. въ тип. Семена, 1857. 94 стр. in-8°.

IV. *Книги для дѣтскаго чтенія.*

7) Первая пища для рождающагося ума добрыхъ дѣтей. Première nourriture pour l'esprit naissant de bons enfans. Erste Nahrung für den keimenden Ver-

stand guter Kinder. М. въ шип. Селивановскаго, 1838. 135 стр. in-16°.

8) Моей малюшкѣ, книга въ пользу воспитанія дѣшей, сочиненіе Александра Грена. Издаѣла Софья Грень. Издаѣніе второе, исправленное. С. П. Б. въ шип. Газенбергера, 1837. X, 156 стр. 12°.

9) Древняя Исторія для юношества. Сочиненіе Ламе-Флера. Переводъ съ Французскаго. С. П. Б. въ шип. И. Росс. Акад. 1838. 136 стр. in-8 min.

10) Парижскій повѣса, или пуши Провидѣнія неисповѣдимы, повѣсть въ двѣнадцати главахъ, съ 10 картинками. Переводъ съ Французскаго. М. въ шип. Степанова, 1838. 242 и II стр. in-16°.

11) Le petit Théâtre enfantin. Etrénnes à la Jeunesse. St. Petersburg. Impr. de C. Wienhöber, 1837. 58 стр. in-8°.

V. *Словесность.*

а) Собранія сочиненій:

12) Стихотворенія Владиміра Бенедикшова. Вторая книга. С. П. Б., 1838. въ шип. Неймана и К°, 107 стр. in-8.

13) Полное собраніе сочиненій Д. И. Фонъ-Визина. Издаѣніе второе. М. въ шип. Семена, 1838. 229 стр. in-4°.

б) Стихотворенія лирическаго рода:

14) Новѣйшій пѣсенникъ, или собраніе Русскихъ пѣсень и романсовъ. С. П. Б. въ шип. К. Вингебера, 1838. 145, V стр. in-12.

15) Das Weltgericht, Oratorium von August Apel, in Musik gesetzt von Friedrich Schneider. St. Petersburg. 1838, въ шип. III Ошд. Соб. Е. И. В. Канц. 23 стр. in-8°.

с) Стихошворенія повѣствовашельнаго рода:

16) Басни Ивана Хемницера, въ трехъ книгахъ, съ поршрешомъ Авшора и каршинами. Изданіе А. Кузнецова. М. въ шип. Смирнова, 1838. XV и 228 стр. in-24°.

17) Повѣсти въ стихахъ М. Павлова. С. П. Б. въ шип. Имп. Академіи Наукъ, 1838. 94 стр. in-12°.

18) Фантасмическое зеркало, въ шуточнo-сатирическихъ стихахъ. М. въ шип. Лазаревыхъ Института Восточныхъ языковъ, 1838. 24 стр. in-12°.

d) Драматическія сочиненія:

19) Новый Нѣмецкій Театръ. Часть первая. 1) Ложь и Правда, 2) Невѣста изъ Столицы. С. П. Б. 1838. 222 стр. in-8°.

20) Воскресенье въ Марьиной рошѣ; интермедія въ 1 дѣйствіи, съ принадлежащими къ ней хорами и шанцами. М. въ шип. Степанова. 1838. 32 стр. in-8°.

21) Маскерадь въ лѣтнемъ клубѣ, или ни шо, ни сѣ, для развѣзда каретъ, не водевилъ и не балетъ, съ куплецами и шанцами, съ Французскаго Дм. Ленскимъ. М. въ шип, Степанова, 1838. 56 стр. in-8°.

22) Два Эдмонда, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, передѣланный съ Французскаго И. А. Аничковымъ. М. въ шип. Кирилова, 1837. 74 стр. in-8°.

23) Невѣста подъ замкомъ, Комедія-водевилъ въ 1-мъ дѣйствіи. Н. Соколова. М. въ шип. Степанова, 1838 100 стр. in-12°.

24) Карль сильный. Большая Опера въ чешырехъ дѣйствіяхъ. Сюжетъ заимствованъ изъ романа Вальтеръ-Скотша съ сохраненіемъ всей музыки извѣстной Оперы: Вильгельмъ-Телль изъ Россіи, Р. Зотова. С. П. Б. въ шип. И. Глазунова. и К° 1837. 76 стр. in-8°.

25) *Miranda или кораблекрушеніе. Валетъ въ трехъ картинахъ.* С. П. Б. въ шп. И. Глазунова и К^о, 1838 16 стр. in-8°.

26) *Miranda, ou le Naufrage. Ballet en trois tableaux.* S. Petersbourg, въ шп. И. Глазунова, 1838. 16 стр. in-8°.

е) Разныя сочиненія:

27) Пятидесятильтіе Заслуженнаго Профессора, Академика, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника и Кавалера, Петра Андреевича Загорскаго. С. П. Б. въ шп. Имп. Рос. Акад. 1838. 55 стр. in-8°.

28) Живописное Обозрѣніе. Томъ III, листъ 21 — 24 съ 161 по 192 стр. in-4°.

29) *Almanach des Rigaischen Stadt-Theaters.* Herausgegeben von Leopold Salzmann. 1837, въ шп. Геккера. 64 стр. in-16.

30) *Sébile, recueil inédit de Nouvelles, contes, scènes diverses, tableaux de mœurs etc. etc. par une Société de littérateurs. Ouvrage publié au profit d'une nombreuse famille d'orphelins en bas-age. 1-re Partie.* St. Pétersbourg. 1838. 211 стр. in-8°.

ф) Повѣсти и Романы:

31) *Сердце и думка. Приключеніе.* Соч. А. Вельшмана, въ чешырехъ частяхъ. М. въ шп. Степанова, 1838. 192, 174, 177 и 178 стр. in-12°.

32) *Сядна въ бороду, а бѣсъ въ ребро, или каковъ женихъ?* романъ сочиненія Поль де Кока. Пер. съ Фран. М. въ шп. Евреинова, 1838. 270 стр. in-12°.

33) *Таинственный жишель близъ Покровскаго Собора, или вошь каковъ Коллежскій Регистраторъ!* была изъ время Императрицы Екатерины II, рассказанная мной дѣдушкой. Соч. И. Г-ва. М. въ шп. Кирилова, 1838. VIII и 31 стр. in-12°.

34) *Полѣтци и Пушешесствія въ Маймай-Чевъ*. А. Н. Спешанова. Авторъ романа: *Поспѣлѣмъ дворъ*. Часть I и II. С. П. Б. въ шип. Воейкова и К°, 1838. 224 и 171 стр. in-12°.

35) *Спенъка Разина*. Историческій романъ, сочиненіе Михаила Зарницына. Часть первая и вторая. С. П. Б. въ шип. И. Глазунова и К° 1837. 224, 180 стр. in-8

36) *Дядя Симонъ, торговецъ по арманкамъ, или умъ хорошо, а два лучше злого*. Переводъ съ четвертаго изданія книги, соч. Жюлье, увѣнчанной публичною наградою въ Парижѣ, назначенною за лучшую книгу для чтенія городскихъ и сельскихъ жителей. С. П. Б. въ шип. Имп. Росс. Акад. 1838. 319 стр. in-12°.

37) *Смыъ акшрисы, романъ въ шрехъ частяхъ*. С. П. Б. въ шип. Вингебера, 1838, 198, 198 и 206 стр. in-12°.

38) *Повѣсть и разсказъ*. Сочиненіе Николая Андреева. М. въ шип. Евреинова, 1838. 354 стр. in-12°.

39) *Связки Русскія, разсказываемыя Иваномъ Ващенко*. М. въ шип. Спешанова, 1838. 265 стр. in-12°.

40) *Библиотека избранныхъ романовъ, повѣстей и любопытнѣйшихъ пушешествій, издаваемая книгопродавцемъ Н. Глазуновымъ и К°*. Томъ XII и XIII. Герцогиня Шашору. Сочиненіе Софіи Ге. Переводъ съ Французскаго. Томъ первый и второй. М. въ шип. Спешанова, 1838, 260 и 228 стр. in-12°.

41) *Симонъ*. Сочиненіе Жоржъ-Занда, пер. съ Французскаго, А. В. Никжанкъ-Вофосолифъ. С. П. Б. въ шип. К. Вингебера, 1837. 344 стр. in-8°.

42) *Турлуру, романъ Поль де Кока въ 4-хъ частяхъ*. С. П. Б. въ шип. Глазунова и К°, 1838. 201, 228, 234, 233 стр. in-12°.

43) *Lydia. Dediée à ma soeur Gianna*. 1832, (1-г cahier des Oeuvres du Comte Jules Strutyński). Вильно, въ шип. Глюксберга, 1838. 151 стр. in-12°.

44) *Les destins. Inspirations spiritualistes servant de suite à Lydia.* 1857. (Juin) II-me cahier des oeuvres poétiques du Comte Jules de Hayd Berlitz Strutyński. Вильно, въ книж. Глауксберга, 1856. 104 стр. in-12°.

VI. *Теорія и Исторія Изобразителъ Искусствъ.*

45) Précis historique et raisonné sur l'origine, les progrès, la décadence et la renaissance de l'Architecture, par Léon Vendramini, Architecte, Chevalier de l'ordre de St. Grégoire le Grand, membre de plusieurs Academies d'Italie. Saint-Pétersbourg. Imprimerie de A. Pluchart, 1857. 48 стр. in-4°.

VII. *Богословіе.*

46) Juhhatamfinne köstrile ja koolmeistrile, Jummalorjuse kõrda, ristmist nink kooljide matmist kirrikorpe teja lubbaga tallitada. Дерпштъ, 1856, въ книж. Шюпманна. 8 стр. in-8°.

47) Kurze Uebersicht des Confirmations-Unterrichts, für die Confirmanden seiner Gemeinde; verfasst vom Prediger der St. Michaeliskirche zu Moskwa. М. въ книж. Института Лазаревыхъ, 1857. 37 стр. in-12°.

48) Indication des fêtes d'obligation, des jours de jeûne et des autres articles concernant le Service Divin à l'usage des Catholiques de St. Pétersbourg de la Paroisse de Ste-Catherine V. et M. pour l'année 1858 St. Pétersbourg. Imprimerie de A. Pluchart. 1857. 46 стр. in-12°.

X. *Исторія.*

а) *Ошечесшвенная:*

49) Анекдоты Россійскихъ Императоровъ, Императрицъ, великихъ мужей и замѣчательныхъ лицъ, просла-

жившихся во времена могущества и славы Россійской Имперіи, въ 4 частяхъ, съ портретами: Часть первая. М. въ тип. Смирнова, 1858. VIII и 82 стр. in-8°.

50) Полные и вновь избранные анекдоты о Балакиревѣ, знаменитомъ шутѣ и любимцѣ Петра Великаго, въ двухъ частяхъ. М. въ тип. Кирилова, 1857. 63 и 48 стр. in-12°.

51) Русскіе простонародные праздники и суевѣрные обряды. Выпускъ II. М. въ Университетской тип. 1838. 142 стр. in-8°.

52) Исторія нашествія Императора Наполеона на Россію въ 1812 году, съ официальныхъ документовъ и другихъ достоверныхъ бумагъ Россійскаго и Французскаго Генераль-Штабовъ сочиненная, Его Императорскаго Величества Флигель-Адъютантомъ, Полковникомъ Д. Бушурлинымъ; съ Французскаго же на Россійскій языкъ переведена Свиты Его Императорскаго Величества по Кварширмейстерской части Генераль-Мажоромъ А. Хатовымъ. Часть первая. Изданіе второе. С. П. Б. въ Военной тип. 1837. XV, 415, 9 стр. in-8°.

в) Другихъ Государствъ:

53) Крашкій очеркъ Европейскихъ Государствъ и Азіяской Россіи, составленный для преподаванія въ предугошительномъ классѣ Школы Земледѣія и Горнозаводскихъ Наукъ Графини Строгоновой Алексѣемъ Волюкинымъ. С. П. Б. въ тип. К. Крайя. 1837. 38 стр. in-8°.

54) Всеобщая Историческая Библіотека, изданіемъ Профессора Погодина. Книжка I. Исторія Пруссіи, сочиненіе Пелица, Профессора Исторіи въ Лейпцигскомъ Университетѣ. Переводъ съ Нѣмецкаго А. Ш. Часть I. М. въ тип. Степанова, 1838, 164 стр. in-8°.

56) *Historia wojny trzydziestoletniej przez Fryderika Schillera w języku niemieckim oryginalnie napisana. Tom drugi. Wильно, въ шип. Марциновскаго, 1838. 374 стр. in-12°.*

IX. *Путешествія.*

56) *Reise in die Steppen des südlichen Russlands, unternommen von Dr. Fr. Goebel, Professor der Chemie und Pharmacie zu Dorpat, Kaiserlich Russischem Collegienrathe, Correspondenten der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu St. Petersburg und Mitglieder gelehrter Gesellschaften des In- und Auslandes, in Begleitung der Herren Dr. C. Claus und A. Bergmann. Zweiter Theil. Mit sechs lithographirten Tafeln. Дерпшъ. 1838. VIII н 372 стр. in-4°.*

X. *Математика.*

57) *Теорія равновѣсія шѣлъ твердыхъ и жидкихъ, или Статика и Гидростатика, сочиненіе Орд. Пр. Н. Брашмана. М. въ Университетской шип. 1837. VI, 494 н XVI стр. in-8°.*

58) *Leichtfasslicher Unterricht im Rechnen, für Schulen und zur Selbstbelehrung, von Ferdinand Müller, Lehrer an der St. Iacobischule in Riga. Para. 1838. XII н 380 стр. in-8°*

59) *Antworten zu den im leichtfasslichen Unterricht im Rechnen enthaltenen Aufgaben, von Ferdinand Müller, Lehrer an der St. Iacobischule in Riga. Riga. 1838. 57 стр. in-8°.*

XI. *Военныя Науки.*

60) *Правила для обученія пѣхоты драгаться штыкомъ, для употребленія застрѣльщиковъ при одиначномъ боѣ*

во время войны, состоявшимся Учителем фехтованія на всѣхъ холодныхъ оружіяхъ, Капитаномъ Ренгау и ладанна съ разрѣшенія Высшаго Начальства. С. П. Б. въ шип. Крайя, 1857. 150 стр. in-8°.

XII. *Естественныя Науки.*

61) Аналитическая Химія Генриха Розе, переведенная съ Нѣмецкаго съ шредьяго изданія и частію переработанная въ таблицы, Корпуса Горныхъ Инженеровъ Капитаномъ Евреиновымъ. С. П. Б. въ шип. Имп. Ак. Наукъ, 1837. VI, 292 стр. in-8°.

62) Zweiter Beitrag zur Geognósie und Paläontologie Dorpats und seiner nächsten Umgebungen, von Dr. Stephan Kutorga, Professor P. O. an der Kaiserlichen Universität zu St. Petersburg, Mitglied der Kaiserlich Russischen Mineralogischen Gesellschaft ebendasselbat, und der Kaiserlichen Naturforschenden Gesellschaft zu Moscow. Mit X Steindrucktafeln. Herausgegeben von der Mineralogischen Gesellschaft zu St. Petersburg, въ шип. Н. Греча, 1857. 51 стр. in-8°.

63) Рисунки Санктпетербургской Флоры. Съ краткимъ описаніемъ ея растеній, заключающимъ въ себя свѣдѣнія о классахъ и отрядахъ ихъ, по Линнеевой системѣ, о мѣсторожденіи, времени цвѣтенія, продолженія жизни, о полезныхъ или вредныхъ свойствахъ и употребленіи въ общежитіи. Издаваемые К. Левинымъ, книжка шестая. С. П. Б. въ шип. И. Глазунова и К° 1837. 18 стр. рисунковъ, съ 126 по 150 in-8°.

XIII. *Сельское Хозяйство и Технологія.*

64) Мысли объ усовершенствованіи Сельскаго Хозяйства и улучшеніи быта крестьянъ-хлѣбопашцевъ. С.

П. В. въ шип. И. Глазунова и К°, 1857. 233 стр. in-8°.

65) Свѣчвой фабрикантъ или собраніе различныхъ способовъ извѣснѣйшихъ иностранныхъ Хьянковъ, по руководству коихъ всякой можетъ пригошовлять необыкновенно чистое, бѣлое и прозрачное сало и дѣлать изъ него для домашняго употребленія свѣчи, какъ съ просвыми, такъ и съ пустыми свѣчильными, совершенно подобныя восковымъ, безъ запаха и безъ дыма, распространяющія яркій свѣтъ и способныя къ продолжительному горѣнію. М. въ шип. Кирилова, 1838. 14 стр. in-8°.

66) Практическое руководство къ варенію мыла для домашняго употребленія, или собраніе способовъ, помощію которыхъ всякой можетъ пригошовлять какъ для собственнаго домашняго употребленія, такъ и для продажи разнаго рода бѣлое, туалетное и благовонное мыло въ просвыхъ и немногосложныхъ снарядахъ, кои можно имѣть во всякомъ домѣ, гдѣ шолько моютъ мыле. Филиппа Колбе. Переводъ съ прешьяго улучшеннаго изданія. М. въ шип. Кирилова, 1838. IV и 29 стр. in-8°.

XIV. *Медицина.*

67) О способахъ отвращать смертность младенцевъ на 1-мъ году ихъ жизни въ быту крестьянскома. Сочиненіе Шшабъ-Лехаря Нечаева. Казань, въ Университетской шип. 1837. (8) 38 стр. in-8°.

XV. *Смѣсь.*

68) Zwanzigste Jahres-Rechenschaft des Frauen-Vereins zu Riga. Am 13-ten Januar. 1838. Рига, въ шип. Геккера. 7 стр. in-4°.

69) Probeblätter der neuesten und geschmackvollsten Lettern, Titelschriften, Verzierungen, Vignetten etc. aus der Buchdruckerei unter der Firma von Lindfors Erben in Dorpat. 1838. 14 стр. in-4°.

70) Ankündigung einer unter dem Titel Mittheilungen und Nachrichten für die evangelische Geistlichkeit Russlands herauszugebenden Zeitschrift. Деряжъ, въ шип. Шюманна. 8 стр. in-8°.

71) Nouveautés en musique qui se vendent chez Paul Lehnhold au magasin de musique et d'instrumens, A l'illinka, maison Butschkoff ci-devant Plotnikoff. Новости музыкальныя, продающіяся у Павла Ленгольда въ Москвѣ, на Ильинкѣ, въ домъ Бычковой, прежде бывшій Плотниковой. М. въ шип. Спенанова, 1838. 65 стр. in-12°.

72) Новый и полнѣйшій гадашельный оракулъ, или чудесное шамство предсказаній, колдовства и чародѣйства, заключающее въ себя все, что изобрели доселѣ умы человѣческіе для открытія прошедшаго, объясненія настоящаго и предсказанія будущаго; служащія вѣрною опрадою въ сукѣ людямъ всякаго возраста и пола, невиннымъ увеселеніемъ дѣвицъ и юношей, забавнымъ упражненіемъ дамъ и старушекъ; словомъ, пріятнѣйшимъ препровожденіемъ празднаго времени, съ показаніемъ всѣхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ способовъ гаданій. Составлено изъ разныхъ астрономическихъ, Философическихъ, астрологическихъ, физическихъ и математическихъ книгъ, И. Данилевскимъ. Раздѣленная на 15 книгъ, въ шрехъ часяхъ. М. въ шип. Спенанова, 1838. 301, 207 и 107 стр. in-8°.

73) Ворожея, или новый способъ гадать на картахъ. М. въ Университетской шип. 1838. 46 стр. in-12°.

ОТЪ ПРАВЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

Господи́нь Министръ Нарóднаго Просвѣщенія, опть 12 Іюня 1829 года, за № 4028, возложилъ на Правленіе ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета обязанность, разсылать во всё Учебныя Заведенія Россійской Имперіи *Пространный Катихизисъ* и *Начатки Христіанскаго ученія съ краткимъ Катихизисомъ*, изданныя Правительствующимъ Синодомъ; книги эти Правленіе выписываетъ изъ Коншеры Московской Синодальной Типографіи за наличныя деньги; почему и проситъ Учебныя Заведенія, при отношеніяхъ своихъ о выпискѣ означенныхъ книгъ, доставлять и слѣдующія за нихъ по расчету деньги: за *Пространный Катихизисъ* по 48½ к., а за *Начатки Христіанскаго ученія съ краткимъ Катихизисомъ* по 26½ к. на ассигнаціи за каждый экземпляръ.

14 DAY USE
RETURN TO DESK FROM WHICH BORROWED
LOAN DEPT.

RENEWALS ONLY—TEL. NO. 642-3405

This book is due on the last date stamped below, or
on the date to which renewed.

Renewed books are subject to immediate recall.

<i>Stanford</i>	
INTER-LIBRARY LOAN	
MAY 19 1970	
Due end of WINTER Quarter subject to recall after —	FEB 15 '71 VL
	FEB 17 1
IN STACKS	
REC'D LD	MAR 18 71 9 PM 54

LD21A-60m-3,'70
(N5382s10)476-A-32

General Library
University of California
Berkeley

YC 69405

L.

842169

L451
A4
v. 17:1-2

THE UNIVERSITY OF CALIFORNIA LIBRARY

